

*Светлой памяти моих учителей
Нудельман Доры Израйлевны,
Шилова Валентина Павловича,
Смирнова Константина Федоровича
посвящается...*

MINISTRY OF EDUCATION AND SCIENCE
OF THE RUSSIAN FEDERATION
VOLGOGRAD STATE UNIVERSITY

A.S. Skripkin

THE SARMATIANS

MONOGRAPH

Volgograd 2017

МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
ВОЛГОГРАДСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

А.С. Скрипкин

САРМАТЫ

МОНОГРАФИЯ

Волгоград 2017

ББК 63.442
УДК 903'1
С45

Книга подготовлена и издана в рамках Государственного задания
Министерства образования и науки РФ, проект № 33.2830.2017/ 4.6
«Юг России в эпоху раннего железного века: диалог культур Восток – Запад»

Рецензенты:

доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой археологии
и истории древнего мира Воронежского государственного университета
А.П. Медведев;

доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой истории
древнего мира, руководитель института археологии и культурного наследия
Саратовского государственного университета им. Н.Г. Чернышевского
С.Ю. Монахов

Скрипкин, А. С. Сарматы [Текст] = The Sarmatians : монография
С45 / А. С. Скрипкин ; Волгогр. гос. ун-т. – Волгоград : Из-во ВолГУ, 2017. –
293 с. : ил. – Библиогр.: с. 263–292.

ISBN 978-5-9669-1711-1

Сарматы – ираноязычные кочевники, различные этноплеменные объединения которых в период с IV в. до н.э. по IV в. н.э. занимали степные пространства юга Восточной Европы. На раннем этапе своей истории они контролировали районы Южного Приуралья, Среднего и Нижнего Поволжья. В I в. н.э. отдельные их группировки выходят к границам Римской империи по Дунаю. Сарматы, начиная с последних двух веков до н.э., проявляют военно-политическую активность в отношениях с сопредельными государствами и народами. На заключительной стадии своей истории они принимают участие в Великом переселении народов, которое существенно изменило ход всемирной истории.

В предлагаемой книге на основании комплексного анализа источников рассматриваются вопросы формирования сарматских культур, проблемы их хронологии, этнокультурная история сарматов и их расселение.

ББК 63.442
УДК 903'1

ISBN 978-5-9669-1711-1

© Скрипкин А. С., 2017
© Волгоградский государственный университет, 2017
© Оформление. Издательство Волгоградского
государственного университета, 2017

СОДЕРЖАНИЕ

ПРЕДИСЛОВИЕ.....	7
Глава 1. ИСТОЧНИКИ ПО ИСТОРИИ САРМАТОВ.....	9
1.1. Письменные свидетельства.....	9
1.2. Археологические данные.....	13
1.3. Антропологические материалы.....	18
1.4. Этнографические источники.....	18
1.5. Данные палеопочвоведения.....	19
Глава 2. ПРЕДШЕСТВЕННИКИ САРМАТОВ.....	22
2.1. Савроматы.....	22
2.2. Исседоны.....	42
2.3. Даи (дахи).....	44
Глава 3. РАННЕСАРМАТСКИЙ ПЕРИОД.....	48
3.1. Письменные источники о происхождении сарматов.....	48
3.2. Южноуральский очаг этногенеза по археологическим и антропологическим источникам. Феномен прохоровской культуры.....	52
3.3. Территория ранней Сарматии. О принадлежности памятников прохоровской культуры Южного Приуралья сарматам.....	62
3.4. Периодизация раннесарматских памятников Южного Приуралья.....	65
3.5. Периодизация раннесарматских памятников Нижнего Поволжья.....	86
3.6. Хронология раннесарматских памятников Подонья.....	100
3.7. Появление и распространение раннесарматских памятников на Северном Кавказе.....	107
3.8. Проблема хронологии раннесарматских памятников в Северном Причерноморье.....	112
3.9. Культовые комплексы Устюрта.....	117
3.10. «Странные комплексы».....	120
3.11. Причины и начало передвижения южноуральских кочевников, носителей ранней прохоровской культуры, в Нижнее Поволжье, на Дон и Северный Кавказ.....	121
3.11.1. Археологическая версия.....	121
3.11.2. Антропологические данные.....	130
3.12. Этнополитическая ситуация на юге Восточной Европы в IV – начале III в. до н.э.....	131
3.13. Гибель Великой Скифии.....	139
3.14. Степи юга Восточной Европы во II–I вв. до н.э.....	151

Глава 4. СРЕДНЕСАРМАТСКИЙ ПЕРИОД.....	165
4.1. Выделение среднесарматской культуры.....	165
4.2. Формирование среднесарматской культуры. Культурные новации. Проблемы хронологии.....	166
4.3. Распространение памятников среднесарматской культуры.....	182
4.4. Проблема этнической принадлежности среднесарматской культуры.....	187
4.5. Внешнеполитическая активизация сарматов.....	204
Глава 5. ПОЗДНЕСАРМАТСКИЙ ПЕРИОД.....	210
5.1. История выделения позднесарматской культуры.....	210
5.2. Археологическая характеристика позднесарматской культуры.....	211
5.3. Проблема хронологии и периодизации.....	221
5.4. Территория распространения позднесарматской культуры.....	226
5.5. Проблемы происхождения позднесарматской культуры.....	228
5.5.1. Данные археологии.....	228
5.5.2. Антропологический аспект проблемы происхождения позднесарматского населения.....	233
5.6. Проблема этнической принадлежности позднесарматской культуры.....	239
Глава 6. О ПОЛИТИЧЕСКОЙ ОРГАНИЗАЦИИ САРМАТСКОГО ОБЩЕСТВА.....	245
ЗАКЛЮЧЕНИЕ.....	255
SUMMARY.....	257
СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ.....	263
ПРИНЯТЫЕ СОКРАЩЕНИЯ.....	292

ПРЕДИСЛОВИЕ

Сарматы – ираноязычные кочевники, с IV в. до н.э. по IV в. н.э. занимавшие в разное время в рамках общей даты огромную территорию от Южного Урала до Дуная, играли важную роль в политическом и экономическом отношениях на северо-восточной периферии античного мира. На заключительном этапе своей истории сарматы приняли участие в Великом переселении народов, которое в конечном счете привело к падению Римской империи и существенно изменило развитие истории не только Европы, но и всего мира.

Сарматы – это собирательный этноним, равный по своему значению таким этнонимам, как славяне или германцы. За этим названием скрывались многие народы разной степени родства, имеющие свои этноплеменные названия, политические организации, культурные традиции и в конечном счете свою судьбу. К сарматам античные авторы относили аорсов, сираков, роксоланов, зыггов, аланов.

Информация о сарматах долгое время ограничивалась фрагментарными сведениями, содержащимися в сочинениях античных авторов. Археологическое изучение сарматских памятников началось на рубеже XIX–XX веков. Первыми их исследователями были А.А. Спицын, проведший раскопки курганов в Нижнем Поволжье, Н.И. Веселовский, начавший активные раскопки на Кубани, и В.А. Городцов, исследовавший курганы в Харьковской губернии. К настоящему времени в результате работ многих экспедиций накоплен огромный археологический материал по сарматам, нашедший отражение во многих тысячах отчетов, хранящихся в архивах, в предметах их материальной культуры, которыми буквально завалены фонды музеев южнорусских городов. Разными исследователями написано неисчислимое количество статей и монографий по различным вопросам сарматской культуры и истории.

Естественно, что автору при написании книги, претендующей на роль обобщающего труда по истории сарматов, пришлось столкнуться с непосильной задачей – отразить все разнообразие мнений и идей, высказанных другими исследователями. Конечно, в данной монографии я не смог упомянуть многих авторов, писавших по сарматской тематике, и пусть они простят меня. Я старался изложить общие концепции развития сарматской культуры и истории – так, как я себе их представляю. Думаю, что мои более чем пятидесятилетние занятия сарматской археологией дают мне право на это.

За указанный срок мною было написано большое количество статей и несколько монографий, касающихся практически всех периодов савромато-сарматской истории. В предлагаемой книге я использовал большинство своих разработок, а также разработки своих коллег в прошлом и настоящем времени.

За последние годы значительно возросли возможности изучения сарматских древностей, что связано с расширением типов источников, помимо традиционных письменных и археологических данных все шире используются итоги антропологических и палеопочвенных исследований. Интересные результаты для понимания ряда сторон жизни древних кочевников дает изучение кочевых обществ нового времени. В совокупности данные всех этих дисциплин позволяют создавать наиболее объективные, но далеко не окончательные реконструкции древних обществ и, в частности, сарматов.

Структурно основная часть книги поделена на периоды: раннесарматский, среднесарматский и позднесарматский. В основе такого членения лежит традиционное в сарматской археологии выделение хронологически последовательных культур с аналогичными названиями.

По выходу в свет книга мне уже не будет принадлежать, я не смогу вносить в нее правки и какие-либо дополнения. Передаю ее на строгий, но справедливый суд коллег и читателей.

Хочу поблагодарить своих друзей и коллег М.А. Балабанову, М.В. Кривошеева, В.М. Клепикова, А.Н. Дьяченко, В. Моисеева, И.А. Будаева, Ю.И. Саламахина, с которыми провел многие годы в экспедициях, за оказанные техническую помощь и научные консультации в подготовке предлагаемой книги.

Глава 1. ИСТОЧНИКИ ПО ИСТОРИИ САРМАТОВ

Всякое историческое знание основывается на документальных данных, которые принято называть историческими источниками. В настоящее время в изучении истории сарматов, кроме традиционных источников, которыми являются письменные сочинения преимущественно античных историков и географов, а также археологические материалы, в более полной мере могут быть использованы данные таких наук, как антропология, этнография и палеоэкология. Характеристика каждого из названных типов источников может занять достаточно много места, в этом разделе я остановлюсь только на наиболее важных моментах в отношении информативных возможностей каждого из них.

1.1. Письменные свидетельства

Приоритет здесь принадлежит сочинениям греко-латинских авторов. Территория, занимаемая сарматами, особенно в ранний период своей истории, являлась далекой периферией античного мира, реальных сведений о сарматах у античных писателей долгое время не имелось. Так, например, первое упоминание о самой крупной европейской реке Волге, протекавшей через территорию обитания сарматов, появляется только в географическом сочинении Клавдия Птолемея (середина II в. н.э.). Интерес сначала греческих, а затем и римских авторов к народам, населявшим степи юга Восточной Европы, обычно был связан с какими-нибудь крупными событиями, к которым оказывались причастными эти народы и которые были значимы для самого античного мира. Эти события, как правило, находили своего автора или авторов, в сочинениях которых появлялась новая информация об аборигенном населении этих мест.

Первое обстоятельное описание Северного Причерноморья и сопредельных территорий принадлежит Геродоту, жившему в V в. до н.э., его еще в античное время назвали отцом истории. Труд Геродота, именуемый «История», был посвящен греко-персидским войнам, охватившим всю первую половину V в. до н.э. Описание народов Северного Причерноморья и соседних с ним территорий в его «Истории» дается в связи с походом персидского царя Дария I против скифов. Поскольку это событие вписывалось в общий контекст греко-персидского противостояния, оно не осталось без внимания Геродота. Благодаря этому появилось впервые относительно пространное описание жизни и быта скифов, а также некоторые сведения об их соседях, в том числе и о савроматах, имеющих отношение к нашей теме.

В последующее время интерес к народам Восточной Европы в греческой исторической литературе надолго падает. Это в первую очередь было вызвано тем, что после греко-персидской войны в самой Греции начались затяжные междоусобные конфликты. Борьба за гегемонию в греческом мире сначала между Спартой и Афинами привела к войне, получившей название Пелопонесской (431–404 гг. до н.э.). Включение в эту борьбу Беотийского союза дестабилизировало ситуацию в Греции вплоть до середины IV в. до н.э. Для греческой истории это были наиболее важные события. И не случайно, что два выдающихся труда в древнегреческой историографии – «История» Фу-

кидида и «Греческая история» Ксенофонта – были посвящены именно этим внутренним греческим событиям. Новая информация о восточноевропейских народах в послегеродотово время была весьма фрагментарной, довольно часто авторы повторяли сведения, восходящие к Геродоту.

Большое значение в информированности греческой исторической литературы о других народах имел восточный поход Александра Македонского, приведший к падению Персидской державы. Армия Александра дошла в 329 г. до н.э. до Яксарта (Сыр-Дарья). Историки Александра оставили много новых сведений о народах Средней Азии, которыми пользовались более поздние авторы. Эти сведения имеют определенное отношение и к нашей теме, поскольку сарматы не только непосредственно соседствовали со Средней Азией, но и находились в родственных отношениях с ее населением (Пьянков, 1997, с. 27–64).

Появление новой информации о народах Северного Причерноморья, Кавказа и сопредельных с ними территорий в сочинениях античных авторов связано с завоевательными акциями Рима в Малой Азии, апогей которых пришелся на так называемые Митридатовы войны, охватившие большую часть первой половины I в. до н.э. Рим столкнулся здесь с ожесточенным сопротивлением Понтийского царства, во главе которого стоял активный царь Митридат VI Евпатор. В планы Митридата входило использование в борьбе против Рима кочевников, живших к северу от Кавказа, он даже замыслил поход из Северного Причерноморья в Италию, – все это нашло отражение в сочинениях историков той эпохи. К сожалению, труды современников тех событий не дошли до нашего времени. Новые сведения о народах к северу от Кавказа и Северного Причерноморья, полученные в то время, во многом сохранились в «Географии» Страбона, написание которой было завершено в начале I в. н.э. (Ростовцев, 1914; Виноградов В.Б., 1975, с. 36–43).

На рубеже эр сарматы вышли к границам Римской империи по Дунаю. Превращение бассейна Черного моря в сферу интересов Рима заставляло его контролировать ситуацию в этом регионе и особенно внимательно следить за кочевым миром Восточно-Европейских степей, откуда исходила реальная угроза римским границам в Подунавье и Закавказье (Зубарь, 1998; Дзиговский, 2003). С этого времени периодически появляются новые сведения об этих народах и событиях, связанных с ними. Они нашли отражение в трудах Помпония Мелы, Плиния Старшего, Иосифа Флавия, Корнелия Тацита и др.

Появление новых сведений о степной территории Восточной Европы в определенной мере связано с функционированием Великого шелкового пути, в частности его северного ответвления, шедшего через Среднюю Азию на Волгу и Дон и далее к Черному морю. Появившаяся информация о пограничных районах Европы и Азии дала возможность Клавдию Птолемею, жившему в египетской Александрии, очертить границы Азиатской и Европейской Сарматий, перечислить многие народы, жившие там, указать место расположения многих населенных пунктов, рек. Судя по всему, в описании Сарматий, особенно Азиатской, Птолемей пользовался подорожными записями купцов (Ельницкий, 1961, с. 200–203).

Несмотря на постепенное увеличение информации о народах Восточной Европы в сочинениях античных авторов, она не отличалась систематичностью и являлась весьма фрагментарной. Только лишь отдельные труды сохранились практически полностью или в значительной своей части, имеющие непосредственное отношение к нашей теме. К одним из них, например, относятся сочинения Геродота, Страбона, Тацита, Аммиана Марцелина, другие – представлены весьма фрагментарно, о третьих известно из сочинений более поздних авторов. При использовании сведений античных авторов в исторических реконструкциях часто возникают трудности, например, с локализацией как

топонимических, так и этнонимических названий, в определении времени описываемых событий и пр. К сожалению, этот круг источников, имеющих большое значение в изучении истории народов юга России, и в частности сарматов, не превратился в объект постоянного исследования специалистами. В освещении этой темы трудно увидеть какую-либо преемственность, тем более школу, способствующую накоплению традиций и опыта работы с этим видом источников в приложении к истории народов той эпохи юга России. В большинстве своем специалисты, историки, археологи, не имеющие специальной лингвистической подготовки, пользуются переводами греко-латинских авторов, сделанными более века назад В.В. Латышевым, а также отдельными изданиями, предпринятыми со второй половины XX в., из которых к нашей теме относятся «География» Страбона (перевод Г.А. Стратановского, 1964 г.), «История» Геродота (перевод Г.А. Стратановского, 1972 г.), «Анналы» Тацита (перевод А.С. Бобовича, 1970 г.), а также его «История» (перевод Г.С. Кнабе, 1970 г.), «Римская история» Аммиана Марцеллина (перевод Ю. Кулаковского, опубликованный в 1906–1908 гг. и сверенный по немецким изданиям 1968–1971 гг.) и некоторые другие.

Использование сочинений античных авторов в исторических реконструкциях требует их профессиональной критики, сводящейся к установлению степени подлинности содержащейся в них информации. К образцу таких работ следует отнести первую главу книги «Скифия и Боспор», вышедшей в свет еще в 1925 г. и принадлежащей перу М.И. Ростовцева, блестящего специалиста в области античной истории и филологии, эпиграфики и археологии. В дальнейшем это начинание известного ученого не было активно поддержано в отечественной исторической науке. В последующее время публикации этого плана носили разрозненный характер, зачастую посвященные отдельным частным вопросам. Вышел ряд монографий об этнографии Северного Причерноморья (Скржинская, 1977; Даватур, Каллистов, Шишова, 1982; Куклина, 1985). Из более значимых работ, касающихся использования письменных источников в изучении истории кочевников раннего железного века южнорусских степей, можно назвать монографию Л.А. Ельницкого «Скифия евразийских степей» (1977 г.). Что же касается сарматской тематики, то уже долгое время такими остаются две обширные статьи Д.А. Мачинского, посвященные непосредственно проблемам истории сарматов (1971, с. 30–54; 1974, с. 122–132).

Хорошим примером издания письменных источников является работа Агусты Алеманя, посвященная истории аланов. Поскольку, особенно на ранних этапах, аланы рассматриваются в контексте сарматской истории, это источниковедческое исследование имеет важное значение для нашей темы. В книге указанного автора собраны не только многочисленные сведения об аланах на многих языках, но и дан их критический анализ, приведен обширный справочный материал (Алемань, 2003).

В меньшей степени по сарматской тематике используются сочинения древнекитайских авторов. В Китае независимо от античного мира сложилась историческая наука, основателем которой считается Сыма Цянь (145–86 гг. до н.э.). Сыма Цянь и последующие китайские историки уделяли внимание не только событиям, происходившим в самом Китае. На страницах их сочинений сохранились сведения, относящиеся к истории народов, живших по соседству с Китаем, а также и в значительном отдалении от него, но по тем или иным причинам интересовавших китайцев (Боровкова, 2001, с. 8–34)

Интерес к китайским письменным свидетельствам по сарматской и особенно сармато-аланской тематике объясняется тем, что в них содержатся сведения о различных группировках кочевников, обитавших первоначально на восточной периферии евразийского степного пояса и по ряду причин вынужденных продвигаться на запад, где они начинают фиксироваться античными авторами. Наложение

ние китайских и античных письменных свидетельств фиксируется для Средней Азии, где со II в. до н.э. в тех и других сочинениях появляются названия кочевых объединений, существенно изменивших этнополитическую карту этого региона. Как показывают предыдущие исследования, эти события имеют отношение и к истории сарматов. В интерпретации сведений китайских источников и сопоставлении их с данными античных авторов имеется много проблем, не находящихся в современной исторической науке адекватных решений.

Наиболее интересные сведения, имеющие отношение к нашей теме, содержатся в сочинениях Сыма Цяня «Ши цзы» (Исторические записки), Бань Гу «Ханьшу» (История династии Хань) и Фань Е «Хоу Ханьшу» (История Поздней династии Хань). Первые переводы на русский язык частей этих сочинений, касающихся народов Средней Азии, в российском источниковедении принадлежат Н.Я. Бичурину. Вышедшие в свет еще в 1851 г. и переизданные в середине прошлого века, они не утратили своего научного значения и в наше время (*Бичурин*, 1950). Некоторые сведения, имеющие опосредованное отношение к теме нашего исследования, содержатся в переводах китайских источников по истории сюнну, обитавших к северу от Китая (*Материалы по истории сюнну*, 1968; 1973).

Исследователями используются армянские и грузинские источники преимущественно в интерпретации событий первых веков н.э., связанных с Кавказом, когда значимую роль в отношениях с народами этого региона начинают играть аланы (Алемань, 2003, с. 364–392, 403–429; Ковалевская, 1984; 2005). Следует отметить, что эти источники достаточно сложно однозначно использовать в тех или иных реконструкциях, поскольку сведения в них зачастую носят полуполюгендарный характер, так как все они написаны гораздо позже самих событий. Например, «Картлис цховреба» (История Грузии) была составлена по поручению грузинского царя Вахтанга VI в начале XVIII в., куда вошли труды, написанные разными авторами в разное время. К нашей теме имеет отношение самый ранний ее раздел «История картлийских царей», написанная в XI в. Леонтием Мровели. В нем в событиях I в. н.э. упоминаются овсы, хазары, печенеги. Эти этнические наименования взяты явно из более поздней – средневековой эпохи.

В целом ряде случаев в изучении истории сарматов используются эпиграфические источники. В основном все они происходят из греческих поселений и городов Северного Причерноморья, это разного рода посвятительные, надгробные надписи, декреты. В некоторых из них имеется информация о соседнем варварском населении, об его участии в отдельных событиях. Этот вид письменных источников отличается тем, что он, как правило, одновременно отражаемым событиям и создан их свидетелями. Надписи на погребальных памятниках дают материал, позволяющий анализировать этнический состав того или иного населенного пункта, в отдельных случаях выявить в нем варварский компонент. Ряд эпиграфических памятников уже неоднократно использовался в реконструкции событий, в которых принимали или могли принять участие сарматы, к ним, например, относятся декрет в честь Протогена, происходящий из Ольвии, херсонесские декреты в честь Диафанта и «о несении Диониса», Мангупская надпись. Эпиграфический материал в отдельных случаях не только дает сведения о варварском окружении того или иного города, но даже отмечает изменения в его составе. Примером в данном случае является свод надписей Танаиса. Обширный ономастический материал этих надписей позволяет выделить отдельные хронологические пласты имен собственных сарматского происхождения, что связано с этническими изменениями в варварском окружении Танаиса (Шелов, 1972, с. 232–259). Впервые издание свода надписей из различных мест Северного Причерноморья было предпринято более века назад В.В. Латышевым – это «Свод античных надписей, найденных в Северном Причерноморье» (в 4 вып., 1885–1901).

В последующее время эпиграфические находки публиковались в различных изданиях.

1.2. Археологические данные

В письменных источниках сарматы характеризуются как кочевники, связанные с ними археологические памятники подтверждают это. От сарматов практически не сохранилось каких-либо памятников непосредственного обитания: поселений, городищ, тем более городов. Археологически сарматы представлены исключительно погребальными памятниками, которыми в большинстве своем являются погребения под курганными насыпями. Чаще всего курганы с сарматскими погребениями располагаются на высоких террасах больших и малых рек или в глубинной степи по водоразделам. Величина кургана обычно зависела от статуса погребенного. Большинство сарматских курганов имеет небольшие размеры, зачастую до 1 м высотой и полтора – два десятка метров в диаметре, что отражает естественное преобладание рядового населения в сарматском обществе. Отдельные курганы сарматского времени достигают нескольких метров в высоту. Так, например, раскопанный в Оренбургской области археологами курган у с. Филипповка, ставший широко известным своими уникальными находками, о которых речь пойдет ниже, имел ко времени раскопок высоту более 7 м и диаметр 120 м. Этот курган еще до исследования его археологами много раз подвергался раскопкам искателями кладов, что привело к значительным изменениям его исходной формы. Полагают, что его первоначальная высота была гораздо большей. В Уральской области, в Казахстане, располагается курганная группа Кырык-Оба, предположительно раннего железного века, включающая курганы диаметром от 90 до 150 м и высотой от 8 до 20 м (Мергалиев, Сингаулин, Юдин, 2010, с. 95–103).

Первые раскопки сарматских памятников и их интерпретация были осуществлены на рубеже XIX–XX веков. В 1895 г. в Нижнем Поволжье профессиональным археологом, профессором Санкт-Петербургского университета А.А. Спицыным были раскопаны курганы у с. Машевка на территории теперешней Саратовской области и у сел Новые Норки, Гусёлка и Лебяжье на реке Иловле в Волгоградской области. Несмотря на относительно небольшой полученный материал, А.А. Спицын впервые, по крайней мере для Нижнего Поволжья, выделил памятники сарматского времени и в основном правильно датировал их (Спицын, 1896, с. 141–154). В самом начале XX в. другой известный археолог В.А. Городцов выделил целый пласт сарматских погребальных комплексов по материалам своих раскопок в Харьковской губернии на Украине (Городцов, 1901; 1907). В то же время на Кубани масштабные раскопки сарматских курганов рубежа – начала нашей эры проводит Н.И. Веселовский. Им было раскопано более ста курганов. Особой известностью пользуются его раскопки курганов вдоль правого берега Кубани у станиц Усть-Лабинской, Тифлисской, Казанской. Несмотря на массовое их ограбление до раскопок, они дали ценный материал, впоследствии постоянно использовавшийся археологами в своих исследованиях. Частые находки в этих курганах вещей, изготовленных из золота, послужили поводом автору раскопок назвать эти курганы «Золотым кладбищем» (Веселовский, 1905; Гущина, Засецкая, 1994).

С начала 20-х гг. прошлого века постоянные археологические раскопки проводятся в Нижнем Поволжье, которое оказалось весьма насыщенным сарматскими курганами. Главную роль в их организации играют ученые Саратова, единственного в то время университетского города в Нижнем Поволжье. Значительный вклад в исследование археологических памятников в регионе внес профессор П.С. Рыков, основатель саратовской археологической школы. Активная деятельность П.С. Рыкова и его учеников вплоть до второй половины 30-х годов способствовала интенсивному накоплению археологического материала по разным периодам древней истории Поволжья, в том числе и по

сарматам. Важным событием для сарматской археологии было исследование П.С. Рыковым в 1924 и 1926 гг. Сусловского курганного могильника, включавшего 70 насыпей. Впервые в Нижнем Поволжье был раскопан компактный курганный могильник, содержащий преимущественно сарматские комплексы и давший возможность приступить к разработке типологии, хронологии и решению других проблем складывающейся сарматской археологии (Рыков, 1925). Важно было и то, что в 20–30-е гг. XX в. в результате деятельности саратовских археологов практически все районы Нижнего Поволжья были охвачены археологическими исследованиями: правый и левый берег Волги, междуречье Волги и Урала, Калмыкия.

Особое значение имели раскопки Б.Н. Гракова в районе с. Блюменфельд, в результате которых были открыты погребения савроматской и позднесарматской культур. Материалы кургана 12 из группы А были положены в основу выделения савроматской культуры, которую Б.Н. Граков называл блюменфельдской (Граков, 1999, с. 7–33).

Большой объем археологических исследований был выполнен учеником П.С. Рыкова П.Д. Рау, который за очень короткий срок, с 1925 по 1930 г., на территории бывшей Республики немцев Поволжья раскопал около двухсот курганов, содержащих преимущественно сарматские комплексы. Кроме того, за это же время он сумел издать несколько книг, внесших существенный вклад в разработку научной периодизации савромато-сарматских древностей (Рау, 1927а, б; 1929).

Накопленный ко второй половине 30-х гг. прошлого века археологический материал позволил П.С. Рыкову на основании только этого источника написать обобщающий труд по древней и средневековой истории Нижнего Поволжья (Рыков, 1936).

Дальнейшие археологические исследования в Нижнем Поволжье были прерваны усилившимися репрессиями в отношении саратовских археологов и арестом П.С. Рыкова, последовавшим в 1937 году. Через несколько лет Нижнее Поволжье стало ареной ожесточенных боев Великой Отечественной войны. Археологические исследования на берегах Волги возобновились только после ее окончания, причем в невиданных ранее масштабах.

В конце 40-х – первой половине 50-х гг. XX в. Нижнее Поволжье стало местом двух крупнейших строек: Волго-Донского судоходного канала и Волжской ГЭС. Кроме того, сооружалась Цимлянская ГЭС с одноименным водохранилищем на Дону. В зонах новостроек стали работать археологические экспедиции: Волго-Донская, возглавляемая известным ленинградским археологом и историком М.И. Артамоновым, и Сталинградская, которую сначала возглавлял Е.И. Крупнов, а затем К.Ф. Смирнов, являвшиеся научными сотрудниками Института истории материальной культуры АН СССР (ныне Институт археологии РАН). Особенно большой материал по сарматам был получен Сталинградской экспедицией, которая состояла из нескольких отрядов под руководством К.Ф. Смирнова, И.В. Сеницына и В.П. Шилова, которые занимались в основном раскопками курганных могильников. Ими было исследовано более 1 500 древних погребений, значительная часть которых относилась к сарматскому времени (Памятники Нижнего Поволжья, 1959; Древности Нижнего Поволжья, 1960).

По завершению работ в зоне вышеназванных строек исследования в Нижнем Поволжье были продолжены экспедициями Ленинградского отделения Института археологии АН СССР под руководством В.П. Шилова и Саратовского университета во главе с И.В. Сеницыным. Ленинградской экспедицией со второй половины 50-х вплоть до 70-х гг. было раскопано большое число крупных курганных могильников, в которых преобладали сарматские погребальные комплексы: у с. Старица, хут. Кузина в Астраханской области; у с. Сидоры, пос. Октябрьский, хут. Дорофеевский, г. Ленинска в Волгоградской

области. Следует отметить раскопки И.В. Синециным курганных могильников в Калмыкии в течение 60-х гг. прошлого века, давших значительный материал по сарматской культуре, особенно на Восточном Маныче (Синецын, 1966; 1978).

Начиная с 70-х гг. археологические раскопки в Нижнем Поволжье еще более активизируются в связи со строительством целого ряда крупных оросительных систем. Крупномасштабные раскопки проводит Поволжская археологическая экспедиция под руководством Г.А. Федорова-Давыдова. Только в урочище Кривая Лука Черноярского р-на Астраханской области было исследовано 35 курганных групп, в той же области у с. Никольского – 6 групп и с. Барановки – 1 группа. В результате этих раскопок был получен большой и достаточно ценный материал по различным периодам сарматской культуры (Древности Астраханского края, 1977; Дворниченко, Федоров-Давыдов, 1989, с. 14–132).

Выделение значительных средств в 70–80-е гг. прошлого века на раскопки в зонах строительства оросительных систем в Поволжье способствовало подъему местной археологии. В областных центрах – Самаре, Саратове, Волгограде, Астрахани – при высших учебных заведениях были созданы археологические лаборатории, сотрудники которых активно включились в исследование археологических памятников в зонах новостроек. В 80-е гг. крупномасштабные раскопки проводились в Калмыкии в связи со строительством канала Волга-Чограй, участие в которых принимали археологи из Элисты, Москвы, Самары, Волгограда. Аналогичные события происходили и в других регионах, на Нижнем Дону и Северном Кавказе. Строительство крупных оросительных систем на территории Ростовской области, Краснодарского и Ставропольского краев также привело здесь к созданию местных коллективов, выполнявших большой объем археологических исследований. Количество раскопанных сарматских памятников в этот период возрастает в несколько раз.

Особое значение для изучения сарматской культуры, ее становления и развития имели археологические исследования в Южном Приуралье. Начало систематического исследования памятников сарматского времени в этом регионе связано с именем Б.Н. Гракова. В конце 20-х гг. прошлого века в оренбургских степях им была исследована весьма представительная группа подкурганных погребений савромато-сарматского времени у пос. Неженского и Благословенского (курганные группы Алебастрова гора, Башкирское стойло, Красный яр, Маячная гора и др.). Было раскопано 39 курганов, в которых обнаружено 61 погребение преимущественно V–IV вв. до н.э. (Граков, 1928; Археологические экспедиции ..., 1962, с. 49).

В крупных масштабах, начиная с 1956 г. и в течение многих последующих лет, археологические раскопки в Южном Приуралье проводила Оренбургская экспедиция Института археологии АН СССР, возглавляемая учеником Б.Н. Гракова К.Ф. Смирновым. Этой экспедицией был исследован целый ряд курганных могильников, содержащих погребальные комплексы савроматского и преимущественно раннесарматского времени. Особую значимость имеют раскопки Оренбургской экспедиции в бассейне левого притока Урала Илека, где были раскопаны такие курганные могильники, как Увак, Мечет-Сай, Пятимары, Близнецы, давшие великолепные материалы для изучения кочевых обществ раннего железного века данного региона (Смирнов, 1975).

Значительный вклад в изучение археологических памятников сарматов Южного Приуралья внесли башкирские археологи, среди которых следует отметить М.Х. Садыкову, под руководством которой были раскопаны курганы у дер. Старые Кишки, содержавшие более сотни раннесарматских погребений (Садыкова, 1962а, с. 242–273; 1962б, с. 88–122), а также А.Х. Пшеничниюка, исследовавшего курганные могильники у дер. Бишунгарово, Альмухаметово, Переволочаны и ряде

других мест южных районов Башкирии (Пшеничнюк, 1983). Особую известность получили раскопки А.Х. Пшеничнюка в Оренбургской области у с. Филипповка на Илеке. Здесь в уже упоминавшемся крупном кургане было обнаружено большое количество высокохудожественных вещей, изготовленных из золота, значительно дополняющих наши представления о материальной культуре сарматов, их экономических и культурных связях, социальной стратификации их общества (Золотые олени Евразии, 2003).

Традиции, заложенные Институтом археологии РАН в исследовании сарматских древностей Южного Приуралья, продолжила Илекская археологическая экспедиция того же института под руководством Л.Т. Яблонского. Этой экспедицией проведены масштабные раскопки нескольких курганных групп в районе с. Покровка, давших значительный материал по разным периодам истории сарматов (Курганы левобережного Илека, 1993; 1994; 1995; 1996). Важным с позиции изучения раннесарматской культуры является исследование экспедицией курганов у с. Прохоровка Оренбургской области, самовольно раскопанных еще в начале XX в. местными крестьянами. Ранее материалы не полностью раскопанных четырех прохоровских курганов были положены в основу выделения раннесарматской культуры, именованной по названию села прохоровской. Эти исследования позволили завершить разгоревшуюся было дискуссию о хронологической позиции и разной культурной принадлежности прохоровских курганов на основе неполных данных о них (Яблонский, Мещеряков, 2005, с. 64–77; Яблонский, 2010). Экспедицией, возглавляемой Л.Т. Яблонским, были продолжены исследования одного из наиболее ярких памятников сарматского времени Южного Приуралья – Филипповского курганного могильника. Раскопки ряда курганов этого могильника, также подвергшихся ограблению, дали серию уникальных находок, подтверждающих высокий статус погребенных в них людей (Сокровища сарматских вождей, 2008; Яблонский, 2013).

Доно-волго-уральские степи являются древнейшей территорией обитания савроматских и сарматских племен. Несколько позже сарматы начинают осваивать степи Северного Причерноморья, и к рубежу эр они выходят к Дунаю, непосредственно вступая в контакт с пограничными районами Римской империи. На всей этой территории также проводились археологические исследования сарматских памятников. Назовем более значимые из них. Первые сарматские погребения в Северном Причерноморье были открыты еще в XIX веке. Как уже отмечалось выше, в начале XX в. серия сарматских погребальных комплексов была исследована В.А. Городцовым в Изюмском уезде Харьковской губернии и в Бахмутском уезде Екатеринославской губернии (Городцов, 1901; 1907). Компактные сарматские могильники в середине XX в. были открыты и исследованы в Запорожской области в районе с. Ново-Филипповка и совхоза «Аккермень» Молочанской экспедицией Института археологии Украинской АН под руководством А.И. Тереножкина. Всего здесь было раскопано 42 сарматских погребения преимущественно первых веков н.э. (Вязьмитина, 1954, с. 220–244).

В 70-е гг. прошлого века экспедицией Днепропетровского университета был раскопан целый ряд курганных могильников в междуречье Самары и Орели, левых притоков Нижнего Днепра, в которых в общей сложности было открыто более 80 сарматских погребений (Костенко, 1979, с. 124–130). На правобережье Днепра в районе с. Усть-Каменка экспедиции Института археологии Украинской АН были начаты в 1951 г., а Днепропетровским университетом закончены в 1983 г. исследования крупного курганного могильника, содержавшего более 60 сарматских погребений (Костенко, 1993).

Кроме того, в разных местах Северного Причерноморья периодически исследовались отдельные сарматские погребальные комплексы, среди которых встре-

чались довольно богатые погребения, принадлежащие знати. Это погребение в кургане Соколова Могила на Южном Буге, раскопанном в 1974 г. (Ковпаненко, 1986); погребения из кургана 2 у с. Пороги на Днестре, открытого в 1984 г. (Симоненко, Лобай, 1991); погребение в Ногайчинском кургане 4 в Крыму (Зайцев, Мордвинцева, 2003а, с. 61–98).

Таким образом, количество открытых сарматских погребальных памятников на территории Северного Причерноморья постоянно росло. Если в середине прошлого века количество их между Доном и Южным Бугом было равно примерно двумстам (Смирнов, 1954, с. 211), то к началу 80-х гг. того же века их было известно уже более четырех сотен (Костенко, 1983, с. 2), а по более поздним данным их между Доном и Прутом вместе со случайными находками уже насчитывалось более тысячи двухсот (Симоненко, 1999а, с. 2).

В разное время археологические памятники, принадлежащие различным сарматским группировкам, были открыты и в более западных районах, в Нижнем Подунавье и на территории Молдавии (Рикман, 1975; Субботин, Дзиговский, 1990; Гудкова, Фокеев, 1984; Гросу, 1990), известны они в Румынии и Венгрии (Bicher, 1977; Parducz, 1941; Иштванович, Кульчар, 1998, с. 3–27; Istvánovits, Kulcsár, 2017). Сарматы оставили археологический след в Центральной и Западной Европе. Известно, что аланы, выходцы из исконных сарматских земель, прошли через всю Европу, с ними исследователи отождествляют ряд памятников и находок на территории Германии, Британии, Франции, Испании (Кузнецов, 1992, с. 62–82). Кроме того, сарматы оказали влияние на культуру народов Европы, что проявляется и в археологических материалах.

Таким образом, за более чем вековой период исследования сарматских древностей накопился гигантский по своему объему материал, счет которого идет на тысячи комплексов, обработка которого, и тем более интерпретация, еще далеки от своего завершения. Исследователю необходимо учитывать специфику этого материала. Он представлен погребальными памятниками, возведенными в соответствии с ритуалом, непосредственно связанным с религиозными представлениями сарматов, ведших кочевой образ жизни. Этот тип археологического памятника отражает только часть, и весьма специфическую, их культуры и истории. Вместе с тем погребальные комплексы дают хорошую основу для разработки хронологии и периодизации сарматской археологической культуры. Вещи, обнаруженные в погребениях, могут дать сведения о технологии их изготовления, об экономических и культурных связях, в ряде случаев могут быть использованы в определении социального статуса погребенного. Кроме того, археологические раскопки дают материал для таких наук, как антропология, археозоология, палеоклиматология, в свою очередь дополняющих информацию для исторических реконструкций.

В процессе исследования сарматских древностей предпринимались попытки их систематизации. Были изданы два свода археологических источников по савроматский и раннесарматской культурам, охватывающих Волго-Донской и Южно-Уральский регионы (Смирнов, Петренко, 1963; Мошкова, 1963). С конца прошлого века Волгоградским госуниверситетом и Институтом археологии РАН выполняется работа по статистической обработке погребальных памятников Азиатской Сарматии, в свет вышло четыре выпуска (Статистическая обработка ..., 1994; 1997; 2002; 2009).

Основная сложность, которую испытывают специалисты в своей кабинетной работе, заключается в том, что значительная часть раскопанных сарматских памятников, зачастую уже достаточно давно, остается не опубликованной. Одной из важных задач следует считать необходимость публикации в первую очередь материалов крупных курганных могильников, содержащих массовый сарматский материал (Старица, Кривая Лука, Жutowo и др.).

1.3. Антропологические материалы

Изучение сарматского антропологического материала началось гораздо позже первых раскопок их памятников. Начало этому направлению в отечественной науке было положено работами известного ученого Г.Ф. Дебеца (1936; 1948). Со стартом крупномасштабных раскопок в Нижнем Поволжье с середины XX в. появляется ряд работ по антропологии сарматов с использованием нового материала (Гинзбург, 1959; Глазкова, Чтецов, 1960; Фирштейн, 1961). Существенным вкладом в антропологическое изучение сарматов являлась обобщающая работа Б.В. Фирштейн (1970), в которой она, опираясь на материалы предыдущих раскопок на территории Саратовской и Волгоградской областей, сделала ряд достаточно интересных выводов по схожести и различию в антропологическом отношении сарматского населения разных периодов.

Антропологические исследования осуществлялись как в отношении отдельных регионов, так и отдельных памятников сарматской культуры. Проблемам антропологии сарматов Южного Урала были посвящены работы М.С. Акимовой (1968), Т.С. Кондукторовой (1962, с. 43–57), Р.М. Юсупова (1991, с. 23–34), Л.Т. Яблонского (2006, с. 341–365; 2008а, с. 72–81; 2010, с. 83–102).

В значительной мере изучение сарматского антропологического материала активизировалось в последнее время в связи с появлением специалистов по палеоантропологии в провинции. При Волгоградском госуниверситете была открыта лаборатория «Палеоантропологических реконструкций», возглавляемая М.А. Балабановой, известной в научном мире благодаря серии ее работ, в том числе и монографического исследования, по антропологии сарматов (Балабанова, 2000а). После выхода монографии М.А. Балабановой была опубликована еще представительная серия работ по антропологии сарматов, которые используются в данной работе.

В Ростовском госуниверситете успешно проводит исследования, имеющие непосредственное отношение к сарматам Нижнего Дона, антрополог Е.Ф. Батиева (Батиева, 2007, с. 123–130; 2011).

Научные результаты исследований антропологов имеют приоритетное значение для реконструкции этногенетических процессов. Решение этой проблемы на основе археологических данных, преемственности или отсутствия таковой в погребальном обряде и материальной культуре зачастую затруднено неоднозначностью интерпретации данных показателей. В этом отношении антропологический материал более объективен, он позволяет выявить основные компоненты в формировании того или иного этноса. Решающее значение он имеет в выявлении и направленности миграций, ассимиляций и некоторых демографических процессов в истории древних этносов.

Весьма перспективным является использование палеопатологических методик в изучении костных останков человека. Такие исследования проводятся на антропологическом материале скифо-сарматского времени (Козловская, 2000, с. 45–50; Медникова, 2000, с. 51–58; Перерва, 2006, с. 50–73). Возможности получения информации, зачастую оригинальной, на основе этого метода исследования практически не ограничены. Можно получить данные об особенностях быта конкретного индивида или популяции в целом, роде занятий населения изучаемого времени, социальном статусе его членов, болезнях, особенностях адаптации к экологическим условиям прошлого. На основе изучения краниологического материала и данных палеопатологии можно выделить субстратный или пришлый компоненты, таким образом выходя на проблему формирования изучаемого этноса.

1.4. Этнографические источники

Несмотря на то что сарматы сошли с исторической арены более полутора тысяч лет назад, есть возможность при реконструкции некоторых сторон их бы-

та, характера хозяйства, общественных отношений использовать более поздние этнографические материалы.

Правомерность такого подхода может объясняться тем, что экономический уклад, основанный на кочевом скотоводстве, по мнению многих исследователей, не претерпел существенных изменений вплоть до нового времени. Привлечение более поздних этнографических аналогий в изучении истории ранних кочевников неоднократно и успешно использовалось многими учеными (Хазанов, 1975; Марков, 1976). Этот метод общепризнан, в его корректности нет оснований сомневаться.

Различного рода этнографические материалы сохранились из кочевой истории казахов, ногайцев, калмыков. В своей работе мне придется больше обращаться к этнографическому материалу калмыков по следующим причинам. Во-первых, калмыки, являясь кочевниками, появившимися в 30–40-е гг. XVII в. в Нижнем Поволжье, заняли ту же экологическую нишу, какую гораздо раньше занимали сарматы, что должно определять схожесть форм ведения хозяйства, быта, некоторых сторон социальной и политической организации общества. Понятно, что калмыцкие этнографические параллели не могут прямо проецироваться на сарматское общество, но они помогают глубже понять общие тенденции развития кочевых сообществ. Во-вторых, в последнее время, наряду с имевшимися ранее исследованиями, появился ряд новых интересных работ по истории калмыков, в которых на солидной источниковой базе рассматриваются вопросы развития хозяйства, социально-политического строя, политической истории калмыков (Батмаев, 1993; 2002; Митиров, 2002; Колесник, 2003). В-третьих, можно говорить о зарождении традиции привлечения данных калмыцкой этнографии к исследованию сарматской проблематики (Хазанов, 1974, с. 213–219).

1.5. Данные палеопочвоведения

Сотрудничество археологов с представителями естественных наук в совместном исследовании археологических памятников Нижнего Поволжья насчитывает уже не один десяток лет. Особенно активно археологи работают с почвоведом, их плодотворная работа способствовала формированию нового научного направления – археологического почвоведения (Демкин, 1997; Дергачева, 1997; 2001, с. 69, 70; Демкин и др., 2012). Археологическое почвоведение дает возможность в процессе раскопок извлечь ту информацию, которую археолог, основываясь только на методах своей дисциплины, получить не может. Археологические объекты, в том числе и сарматские курганы, являются не только памятниками истории, но и природы. В них содержится информация как по истории общества, так и по истории природы. Поскольку история общества во многом детерминирована природными условиями, для исследователя прошлого важно иметь наиболее полную информацию об этих условиях. М.И. Дергачева определяла предмет археологического почвоведения как расшифровку информации о природной среде обитания и деятельности человека, закодированной в «памяти» почв (Дергачева, 1997, с. 69). Однако почвенно-археологические исследования не ограничиваются только изучением экологических условий, в которых жил человек изучаемой эпохи, они зачастую дают важные сведения для интерпретации исследуемого археологического памятника в отношении его стратиграфии, технологии сооружения, хронологии. В свете палеопочвенных данных могут существенно уточняться вопросы, связанные с особенностями развития хозяйства или, например, миграций. В.А. Демкин – один из крупнейших специалистов в области археологического

почвоведения, оценивая возможности этого научного направления, писал: «... можно считать, что современный методологический и методический уровень почвенно-археологических исследований позволяет ставить и успешно решать задачи в области историко-социологических реконструкций» (Демкин, 1997, с. 162).

В последнее время все чаще данные палеопочвенных исследований и восстанавливаемые на их основе экологические условия того или иного периода используются в исторических реконструкциях, в том числе и в отношении кочевников скифо-сарматского времени (Таиров, 2003; Демкин и др., 2012).

В своей работе мне в разной степени придется обращаться ко всем типам охарактеризованных выше источников. Безусловно, основное внимание будет уделено археологическим материалам, поскольку это определяется специализацией самого автора. Тем не менее любая историческая реконструкция требует привлечения всего круга источников, содержащих информацию по исследуемой проблеме.

х х х

В последнее время обсуждается вопрос, насколько профессионально археологи используют письменные источники в своих этноисторических реконструкциях. Сейчас проблематика каждой из смежных дисциплин, имеющих отношение к скифо-сарматской тематике, настолько широка, что практически исключает одинаково высокий уровень подготовки исследователя по нескольким из них. Тем не менее работы, построенные на обобщении данных смежных дисциплин, необходимы. Так же как каждая из них должна постоянно совершенствовать свои методы исследования, должна развиваться и методика междисциплинарных исследований. Бессмысленно ждать, пока, например, специалисты по исторической лингвистике разберутся со всеми письменными источниками, а археологи разработают совершеннейшие методы исторической интерпретации археологических материалов, — такой момент не наступит никогда.

Одним из главных положений, которое должен учитывать современный исследователь, приступающий к работе по обобщению разнодисциплинарных материалов, является то, что данные практически всех смежных дисциплин не имеют зачастую однозначного толкования. Археология самостоятельно однозначно не может ответить на многие вопросы, возникающие при исторической реконструкции; письменные источники часто дают противоречивую информацию; выводы, основанные на антропологическом материале, могут быть искажены нерепрезентативностью выборки. Учитывая эти факторы, исследователь должен быть предельно осторожным в своих выводах, допускать многовариантность в их толковании. Немаловажными являются консультации со специалистами привлекаемых смежных наук, что позволит избежать неточностей и явных ошибок в работе.

Хотелось бы обратить внимание еще на один момент. Иногда в статьях, вышедших в разное время и в различных изданиях, употребляется термин «мифотворчество» по отношению к некоторым работам своих коллег, которые, по их мнению, некорректно используют письменные источники в своих этноисторических реконструкциях (Перевалов, 1998; Яблонский, 1999а; 2001). Критика — вещь полезная, в данном случае она необходима для более адекватного понимания возможностей привлекаемых источников, но сам термин неудачен. Суть в том, что элементы «мифотворчества» содержатся в любом, даже прекрасно выполненном с методической точки зрения, исследовании. Это обусловлено как самой природой познания, так и спецификой исторического источника, его неполным отражением реальной исторической действительности, зачастую с несколькими ступенями передачи субъективного восприятия в

процессе формирования источника, да и сам финальный акт, создание научного труда, субъективен по своей сути. Так что у нас у всех, и в том числе у авторов вышеназванного термина, присутствуют элементы «мифотворчества».

Задача исследователя, занимающегося этноисторическими реконструкциями, базирующимися на синтезе разного типа источников, создать гармоничную картину прошлого, не противоречащую на данный период времени состоянию изученности источников. В историографии можно найти примеры выработки некоторых общих правил, которых необходимо придерживаться при синтезе разнотипных источников. Весьма важными из них являются следующие: отслеживание в различных типах источников, имеющих разную систему кодификации, содержащейся в них информации об одних и тех же событиях и явлениях; сопоставлению должны подлежать конечные результаты независимого анализа каждого типа источников в отдельности; предложенная новая версия должна объединять наибольшее количество фактов, полученных при независимом анализе каждого из типов источников, результатом такого синтеза является не только появление новой концепции, но и нового знания, которое невозможно получить при анализе каждого из источников в отдельности (Медведев, 1999, с. 129).

В заключение этого раздела хочу отметить, что археология является наукой гипотез и многие выводы, сделанные в этом исследовании, являются гипотетическими и не исключают дальнейшего их изучения.

Глава 2. ПРЕДШЕСТВЕННИКИ САРМАТОВ

В освещении различных проблем истории сарматов мне придется касаться вопросов, которые имеют отношение к их предшественникам, обитавшим на тех же территориях. Из них в первую очередь следует назвать савроматов, исседонов и дахов. Более подробно остановимся на савроматах – непосредственных предшественниках сарматов на территории к востоку от Дона, поскольку завершающий период их истории связан с начальной историей сарматов.

2.1. Савроматы

Изучение истории савроматов, как и сарматов, в значительной мере облегчается появлением письменных свидетельств о них, сначала греческих, а затем и римских авторов. Однако они весьма неполные, в связи с тем что зачастую сочинения тех или иных авторов дошли до нашего времени в отдельных фрагментах или по причине слабой осведомленности писавших о довольно отдаленных местностях. Однако даже явно ущербные в данном случае письменные источники дают исследователю определенные преимущества перед коллегами, занимающимися изучением бесписьменных эпох, поскольку содержат названия народов, имена отдельных людей, дают описания тех или иных событий.

Первые письменные сведения по интересующей нас теме мы находим у древнегреческого историка Геродота, жившего в V в до н.э. Сочинение Геродота, как известно, было посвящено одному из важнейших событий, отчасти современником которого он был сам, – греко-персидской войне, длившейся в течение всей первой половины V в. до н.э. В эту войну, так или иначе, было втянуто большинство известных тогда грекам государств и народов. С одной стороны, это греческие полисы Балканской Греции, островов Эгейского моря и западной части Малоазийского побережья, с другой – десятки народов, входивших в состав Персидской державы, охватывавшей огромную территорию, от Средней Азии и Индии до Египта и Фракии. К предыстории этих событий имеет отношение и борьба народов Северного Причерноморья против персов. В основе повествования четвертой книги «Истории» Геродота лежит поход персидского царя Дария I против скифов, который состоялся между 515 и 512 гг. до н.э.

Следует напомнить, что Геродот стоял у истоков формирования исторической науки. В то время греческая письменная традиция только зарождалась. Естественно, что какого-либо представления о научном источниковедении тогда еще не существовало, оно сложится гораздо позже. Геродот в своем труде использовал сведения различного рода информаторов, свои собственные наблюдения и впечатления. Чтобы придать большую объективность описываемым событиям, он достаточно много путешествовал, посещая те места, о которых шла речь в его сочинении. Он много ездил по Греции и Персии, был в Египте, посетил Северном Причерноморье.

В Северном Причерноморье Геродота в первую очередь интересовали скифы, оказавшие достойное сопротивление персам, сумев отстоять свою независимость. Есть основания полагать, что Геродот на несколько месяцев останавливался в Ольвии – греческой колонии, основанной выходцами из малоазийского города

Милета и располагавшейся на правом берегу Днепро-Бугского лимана (Рыбаков, 1979, с. 63–75). Ольвия являлась крупным торговым центром, отсюда шли пути вглубь скифских земель и за их пределы. В округе Ольвии существовали поселения со смешанным греко-варварским населением. Именно здесь от местных жителей Геродот и рассчитывал получить более полную информацию о скифах и других народах, живших по соседству с ними. Основываясь на сведениях, полученных им в первую очередь от обитателей Ольвии, среди которых были и купцы, а также используя данные немногочисленных своих предшественников, прежде всего Гекатея Милетского и Аристия из Проконесса, Геродот создал свой «скифский логос» – рассказ о скифах, занявший большую часть четвертой книги его «Истории». Кроме скифов, в четвертой книге «Истории» содержатся сведения и о других народах, ряд из которых упоминается впервые, к ним, в частности, относятся и савроматы.

Геродот достаточно подробно описал Скифию, ее географические, исторические и этнографические достопримечательности, поскольку она больше его интересовала в соответствии с основной темой труда. Его сведения о соседних со скифами народах более лаконичны, но и они представляют большой интерес, поскольку являются одними из первых фактов о целом ряде народов Восточной Европы. Несмотря на то что отдельные сведения о них у Геродота зачастую носят фантастический характер, их анализ позволяет вычлениить те реалии, которые представляют интерес для истории.

В «скифском логосе» приведены краткие данные о савроматах, объемом чуть больше двух страниц обыкновенной современной книги. Геродот определяет территорию, занимаемую савроматами, приводит версию об их происхождении и характеризует некоторые детали их быта. По Геродоту, савроматы были восточными соседями скифов, граница между ними проходила по Дону, который в древнегреческой литературе именовался Танаисом. «За рекой Танаисом – уже не скифские края, но первые земельные владения там принадлежат савроматам. Савроматы занимают полосу земли к северу, начиная от впадины Меотийского озера, на пятнадцать дней пути, где нет ни диких, ни саженьных деревьев. Выше их обитают, владея вторым наделом, будины» (*История*, IV, 21).

Впадина Меотийского озера – это Таганрогский залив, в который впадает Дон (Танаис). Пятнадцать дней пути – расстояние, примерно равное 540–550 км, которое, по Геродоту, следует откладывать на север, поскольку упоминание о живущих выше будинах следует воспринимать как о располагавшихся северней савроматов. Однако при таких расчетах сразу становятся очевидными противоречия в этом эпизоде Геродота, поскольку если указанное расстояние строго откладывать на север от «угла Меотийского озера», то мы сразу попадаем на территорию, расположенную к западу от Танаиса, а не к востоку от него, где должны были обитать савроматы, так как Дон в нижней своей части течет с северо-востока на юго-запад. Геродот же воспринимал Танаис текущим с севера на юг. Это следует из его представлений о территории Скифии, как о квадрате со сторонами в 20 дней пути. Восточная сторона этого квадрата должна была совпадать с Танаисом, за которым находилась уже не скифская земля. Если откладывать расстояние земли савроматов, указанное Геродотом, по направлению современного течения Дона, то северная ее граница должна была проходить где-то посередине территории современной Волгоградской области. Следует иметь в виду, что все эти расчеты приблизительны, так как Геродот не знал реальных размеров территории, занимаемой савроматами. Кроме того, он ничего не говорит о том, насколько далеко простиралась полоса земли, занимаемая савроматами к востоку от Дона. Вероятно, основной территорией савроматов было междуречье нижних течений Дона и Волги. Следует все же помнить, что савроматы являлись кочевниками и их кочевья могли выходить за пределы этой территории. К тому же необходимо отметить,

что Скифия воспринималась Геродотом как огромная страна, заключенная между Истром (Дунаем) и Танаисом (Доном). Территория, принадлежащая савроматам и измеряемая 15 днями пути, лишь на немного уступала протяженности Скифии.

По Геродоту, савроматы повели свой род от брака молодых скифов с амазонками, легендарными женщинами-воительницами. В древнегреческой мифологии очень популярны были легенды об амазонках. В изобразительном искусстве довольно распространенным был сюжет борьбы греков с амазонками. Такие сцены часто изображались на дорогих вазах, украшали храмы: Парфенон, храм Аполлона в Басах, знаменитую гробницу царя Мавсола в Галикарнасе. Плиний Старший упоминает, что за изготовление статуй амазонок для храма Артемиды в Эфесе соревновались такие известные скульпторы, как Фидий, Поликлет, Кресилай (*Естественная история*, 53, 75).

Вероятно, легенды об амазонках возникли у древних греков в связи с сохранением у ряда народов пережитков раннеродовых отношений: счета родства и наследования по материнской линии, форм группового брака, ярко выраженного культа женского божества плодородия и специфических ритуалов, связанных с ним. В частности, подобные черты часто отмечались античными авторами у малоазийских народов: ликийцев, лидийцев, карийцев (*История*, I, 146), с которыми греки познакомились достаточно рано. По этой причине, видимо, у них и сложилось представление о том, что страна амазонок располагалась на территории Малой Азии в области Каппадокии.

В дальнейшем в связи со знакомством греков с другими народами, обитавшими вокруг Черного моря, у которых в общественных отношениях просматривались черты, сходные с малоазийскими народами, амазонки стали помещаться ими на Кавказе и Северном Причерноморье. Грекам, активно начавшим колонизовать Северное Причерноморье в VI в. до н.э., были известны мифы об амазонках. Знакомство их с жизнью и бытом местных племен, непохожих на греческий уклад, давало новый материал для оживления амазонских легенд (Богаченко, 1998, с. 13–19). Так, например, Диодор Сицилийский, живший в I в. до н.э., говоря о Скифии, отмечал: «У этих народов женщины подобно мужчинам приучаются к войне и нисколько не уступают им в храбрости; поэтому много великих подвигов было совершено славными женщинами не только в Скифии, но и в соседних с ней землях» (*Библиотека*, II, 44).

В античной литературе амазонки часто в одних и тех же мероприятиях участвуют вместе с киммерийцами, в VIII в. до н.э. переселившимися в Малую Азию из Северного Причерноморья. После захвата Каппадокии Лидией часть киммерийцев, видимо, возвращается назад, что повлекло за собой и перемещение родины амазонок из малоазийской Каппадокии в Скифию (Мирошина, 1995, с. 4–10).

Источник Геродота о происхождении савроматов установить сложно. Начало своего повествования о савроматах он начинает с фразы: «О савроматах рассказывают следующее...» (*История*, IV, 110). Кто рассказывает, он не сообщает. Скорее всего, это легенда, которая имела хождение среди греческого населения Северного Причерноморья.

Кроме Геродота и другие античные авторы обращали внимание на амазонские черты в образе жизни савроматов. Некоторые подробности по этому вопросу содержатся в одном из трактатов, приписываемом знаменитому древнегреческому врачу и естествоиспытателю, младшему современнику Геродота – Гиппократу (460–377 гг. до н.э.). Во фрагменте, касающемся савроматов, говорится следующее: «В Европе есть скифский народ, живущий вокруг озера Меотиды и отличающийся от других народов. Название его – савроматы. Их женщины ездят верхом, стреляют из луков и мечут дротики, сидя на конях, и сражаются с врагами, пока они в девушках; а замуж они не выходят, пока не убьют трех неприятелей, и поселяются на жительство с мужьями не прежде, чем совершат обычные жертвоприношения.

Та, которая выйдет замуж, перестает ездить верхом, пока не явится необходимость поголовно выступать в поход. У них нет правой груди, ибо еще в раннем детстве матери их, раскалив приготовленный именно с этой целью медный инструмент, прикладывают его к правой груди и выжигают, так что она теряет способность расти, и вся сила и изобилие соков переходят в правое плечо и руку» (*Гиттократ. О воздухе, водах и местностях*, 24).

Далее в трактате дается описание быта скифов, но поскольку его автор причисляет савроматов к скифским народам, то характеристика образа жизни скифов в определенной мере должна распространяться и на савроматов. Скифы, так же как и савроматы, были кочевниками. У них не было ни городов, ни домов, жили они в кибитках, которые имели по четыре или шесть колес. Кибитки были покрыты войлоком и имели два или три отделения, они были непроницаемы ни для дождя, ни для света. В повозки запрягались две или три пары безрогих волов, автор был уверен, что рога у них не растут в связи с сильными холодами. Во время перекочевок в кибитках обычно ехали женщины, мужчины же передвигались верхом на лошадях, следя за стадами овец и коров и табунами лошадей. На одном месте они оставались до тех пор, пока хватало кормов для животных, а затем передвигались в другую местность. В пищу они употребляли вареное мясо, кобылье молоко и «иппаку», вероятно, сыр из кобыльего молока.

В одном из периплов Черного моря, авторство которого приписывается Скилаку (Псевдо-Скилак) из карийского города Карианд в Малой Азии, известному путешественнику и писателю, жившему в VI в. до н.э.¹, отмечается: «А за рекой Танаисом начинается Азия, и первое племя ее в Понте – савроматы. Племя же савроматов женоуправляемое» (*Описание моря ...*, 70). Однако это упоминание о савроматах не является одним из наиболее ранних. Установлено, что указанный перипл был написан неизвестным автором во второй половине IV в. до н.э., который присвоил своему произведению авторство знаменитого путешественника².

«Женоуправляемыми» савроматы названы у Псевдо-Скимна, «женовладельцы» – у Плиния Старшего, у Николая Дамасского савроматы «женам своим во всем повинуются, как господам». Эти и некоторые другие античные авторы такую специфику общественных отношений у савроматов объясняют их происхождением от амазонок.

В античной литературе имелась и другая версия о происхождении савроматов, автором которой является Диодор Сицилийский, живший в I в. до н.э. Диодор, используя источники, видимо не зависящие от Геродота, изложил раннюю историю скифов, в которой речь идет о постепенном овладении ими огромными территориями от Кавказа до Фракии и в другом направлении до Египта и Восточного океана (предположительно Индийский океан) и порабощении многих «значительных племен», живших между этими пределами. Повествуя о могуществе скифских царей, Диодор отметил: «Этими царями были переселены и многие другие покоренные племена, а самых важных переселения было два: одно – из Ассирии в землю между Пафлагонией и Понтом, другое – из Мидии, основавшееся у реки Танаис; эти переселенцы назывались савроматами» (*Библиотека*, II, 43). В данном случае речь идет об известных походах скифов в VII в. до н.э. через Кавказ на Передний Восток и активном их участии в бурных событиях, охвативших этот район. В это время некогда могущественная Ассирия доживала последние свои годы, уступая лидерство Мидии и Нововавилонскому царству. Мидия в союзе с Вавилонией и скифами в конце VII в. до н.э. окончательно разгромила Ассирию. В 612 г. до н.э.

¹ Считается, что разные части этого перипла были написаны в IV в. до н.э. (Ростовцев, 1925, с. 24–26).

² Латышев В. В. Известия древних писателей о Скифии и Кавказе // ВДИ. 1947. № 3. С. 240.

штурмом была взята столица Ассирии Ниневия. После падения Ассирии началась борьба за раздел ее наследства, в которой, кроме Мидии и Вавилонии, принял участие Египет. Кроме того, политическую ситуацию в этом районе дестабилизировало еще и присутствие скифов, которые занимались разбоем и грабежами. Геродот говорил, что за 28 лет своего господства в Азии они «своей наглостью и бесчинством привели все там в полное расстройство» (*История*, I, 106). Мидийский царь Киаксар решил избавиться от постоянной скифской угрозы. Он пригласил многих скифов на пир, на котором они были перебиты. Это событие получило название «пир Киаксара». Если есть какая-то достоверность в этом рассказе Геродота, то, вероятно, перебита была значительная часть скифской аристократии, в первую очередь приглашенная на царский пир. Лишившись большинства своих предводителей, скифы вынуждены были уйти из Азии назад домой. С этими событиями, нашедшими большой резонанс в древнем мире, и связывает начальную историю савроматов Диодор. В весьма краткой фразе Диодора о выселении савроматов из Мидии много непонятного. Наверяд ли савроматы принадлежали к коренному населению Мидии. Это сомнение основывается на том, что к тому времени мидийцы были оседлым населением, а савроматы – кочевниками. Резко изменить в очень короткий срок оседлый образ жизни на кочевой практически невозможно. Это не только другой характер хозяйствования, но и совершенно другое мировоззрение. Реальней, видимо, предположить, что в походах скифов через Кавказ в пределы Переднего Востока принимали участие и другие группировки кочевников, из числа ранее подчиненных скифам, среди которых были и предки будущих савроматов. Возвратившись обратно, они отделяются от скифов и поселяются в Подонье, скифы же занимают Северное Причерноморье. Доказательством такого предположения является тот факт, что савроматы, несмотря на то что находились в глубоком тылу начавшихся военных действий, связанных с вторжением персидского царя Дария I на территорию Скифии, вынуждены были поддержать скифов, в отличие от других их соседей, чувствуя свою сопричастность к обиде, нанесенной персам ранее (Виноградов В.Б., 1972, с. 18, 19).

Рассматривая вопрос о появлении савроматов на исторической арене, исследователи обратили внимание на то, что в ранних сочинениях, предшествующих Геродоту, или у более поздних авторов, но использовавших ранние источники, в описании народов Причерноморья и Кавказа савроматы не упоминаются. Так, наиболее раннее упоминание о евразийском населении содержится в поэме «Аримаспея», сочиненной Аристеом из Проконесса, не позже VII в. до н.э. В поэме речь идет о перемещении ряда племен с востока на запад: аримаспы теснят исседонов, исседоны – скифов, скифы – киммерийцев. По более поздней локализации савроматы были восточными соседями скифов, и если бы они в то время занимали свою территорию, то исседоны должны были потеснить сначала их. Но в «Аримаспии» исседоны теснят скифов, а савроматы как отдельный народ со своей территорией в то время, видимо, еще не существовали.

Аналогичную картину рисуют Дамаст и Павсаний, придерживавшиеся древней ионийской традиции в описании народов, населявших территорию к северо-востоку от Черного моря. Дамаст, живший на рубеже V–IV вв. до н.э. и известный в передаче более позднего автора Стефана Византийского, также считал соседями скифов с востока исседонов: «Выше скифов живут исседоны, еще выше этих – аримаспы, за аримаспами находятся Ринейские горы, а за этими горами живут гипербореи». Павсаний передает следующее: «В Праспиях есть храм Аполлона; сюда приносят, говорят, начатки от гипербореев; гипербореи передают их аримаспам, аримаспы – исседонам, от них скифы перевозят их в Синопу, отсюда они несутся эллинами в Праспии» (Мачинский, 1971, с. 34).

Гекатей Милетский – один из первых греческих историков (550–490 гг. до н.э.), живший до Геродота, автор исторического и географического труда под

названием «Землеописание», в котором был обобщен опыт научного познания мира на то время, в перечне народов, обитавших в Причерноморье, на Кавказе и у Каспийского моря, также не упоминает савроматов.

Как уже упоминалось, самую полную информацию о савроматах содержит рассказ Геродота, но в нем нет сведений о том, когда они появились у Танаиса. Заключение брака между молодыми скифами и амазонками привязать к шкале времени невозможно. Из сообщения Геродота о савроматах можно сделать следующие выводы: скифы, как народ, старше савроматов. До восточного похода скифов и во время него савроматы не упоминаются. О савроматах, зависимых от скифов на момент завершения их походов, сообщает Диодор, а ко времени похода Дария I на скифов (конец VI в. до н.э.) савроматы уже представляли значительную политическую силу, что и побудило скифов обратиться к ним за помощью.

Некоторые данные по интересующему нас вопросу можно извлечь из упомянутого сообщения Диодора о переселении скифами савроматов на Танаис. Анализ исследователями ассирийских источников и свидетельств античных авторов позволяет говорить если не о нескольких походах скифов в Азию, то по крайней мере о достаточно длительном пребывании их там с двумя периодами проявления активности в событиях названного региона. Последний из них как раз и отождествляется по Геродоту с 28-летним владычеством скифов в Азии. Именно события данного периода больше были известны античным авторам, и, вероятно, их имел в виду Диодор, говоря о переселении савроматов. Среди исследователей пока нет единого мнения относительно даты этого периода, окончание его колеблется в пределах последних десятилетий VII – начала VI в. (Хазанов, 1975, с. 221; Алексеев, 2003, с. 111–129). Мы можем предположить, что савроматы появляются на Дону вместе с возвращающимися из похода скифами в самом начале VI в. до н.э., поскольку, по мнению исследователей, в древневосточных источниках после начала VI в. до н.э. скифы не упоминаются. Таким образом, по весьма скудным данным письменных источников можно предположительно говорить о том, что савроматы как самостоятельное племенное объединение оформляется, видимо, в течение какой-то части VI в. до н.э. с завершением этого процесса приблизительно к середине указанного века.

Среди исследователей нет единого мнения и о территории, занимаемой савроматами. Геродот помещал савроматов к востоку от Дона. Правда, некоторые исследователи считают, что савроматы могли обитать и к западу от современного Дона. С одной стороны, для доказательства такой версии используются данные некоторых древнегреческих авторов, в том числе и самого Геродота, с другой – предположение, что древние авторы за Дон (Танаис) принимали его нижнее течение и Северский Донец.

О возможности обитания савроматов к западу от Дона писал Д.А. Мачинский, опираясь на данные письменных источников. Обращение его к мифологическим амазонским сюжетам из сочинений Геродота и Еврипида в подтверждение данной идеи не дает, к сожалению, убедительного ответа на этот вопрос. Д.А. Мачинским привлекается еще и свидетельство Псевдо-Гиппократа о проживании савроматов вокруг Меотийского озера в Европе, то есть западнее Дона. Он привел данные о том, что содержащиеся сведения у Геродота и Псевдо-Гиппократа, касающиеся определения территории савроматов, относятся практически к одному времени (Мачинский, 1971, с. 38, 39). В этом случае резонно задать вопрос: если два автора в одно и то же время поселяют один и тот же народ на разных территориях, то кто из них прав? Если оценивать сочинения Геродота и Псевдо-Гиппократа с позиции исторического источниковедения и той его части, которая именуется критикой источников, то предпочтение следует отдать Геродоту ввиду следующих причин: что он являлся современником савроматов; посетил Северное Причерноморье, где собрал информацию по Скифии и сопредельным территориям; его сочинение все же

относится к историческому жанру, практически полностью сохранившемуся, поэтому его в большей степени интересовали вопросы истории описываемых народов, их происхождение, территория обитания. К тому же сведения Геродота о савроматах, хотя и краткие, но все же самые обширные из имеющихся на сей день. Интересы же анонимного автора сочинения «О воздухе, водах и местностях» – иные. На мой взгляд, историческая информативность этого документа гораздо ниже по сравнению с трудом Геродота. Во-первых, авторство указанного трактата точно не установлено, нет единого мнения и о времени его написания. Дата создания данного сочинения колеблется между VI и IV вв. до н.э. Попытка Д.А. Мачинского отнести его к времени создания труда Геродота, со ссылками на работы М.И. Ростовцева, не убеждает в правомочности такой трактовки, поскольку сам М.И. Ростовцев в тех работах, на которые ссылается Д.А. Мачинский, не приводит убедительных фактов относительно именно такой датировки рассматриваемого документа. М.И. Ростовцев, говоря об информативности трактата Псевдо-Гиппократа, отмечал: «К сожалению, вопрос о трактате *περί αἰθρῶν* и т. д. с этой точки зрения совсем не обследован, и самая манера работы автора поэтому совершенно не выяснена» (1925, с. 22). Во-вторых, основной темой трактата Псевдо-Гиппократа являлись не вопросы истории, а медицины и общего естествознания, точность расселения народов его особенно не интересовала.

Тема возможного обитания савроматов на правом берегу Дона разрабатывалась В.Е. Максименко. Так, например, он обратил внимание на следующее: Геродот, определяя владения царских скифов, отмечает, что местами они доходят до Танаиса. Из этого следовал вывод, что поскольку Геродот в этом фрагменте своего труда четко не очерчивает восточную границу царских скифов по Танаису, то отдельные районы по правому его берегу могли принадлежать савроматам (Максименко, 1998, с. 68–69). Но такое предположение дезавуируется буквально следующим утверждением Геродота, что «за рекой Танаисом уже не скифская земля; первый из тамошних участков принадлежит савроматам, которые, начиная от угла Меотийского озера, занимают пространство на 15 дней пути к северу» (*История*, IV, 21), следовательно до Танаиса земля была скифской. Геродот несколько раз повторяет, что территория, занимаемая савроматами, располагалась за Танаисом по отношению к скифам. Эта информация содержится в основном фрагменте, процитированном выше, в котором Геродот определяет территорию обитания савроматов. Далее, рассказывая о переселении скифских юношей и амазонок от Кремн за Танаис, Геродот отмечает, что, переправившись «через Танаис, они шли к востоку три дня спустя от Танаиса и три же от озера Меотиды к северу. Пришедши таким образом в местность, которую занимают и теперь, они поселились там» (*История*, IV, 116). Та же информация содержится в рассказе Геродота о бегстве скифов, преследуемых персами, в котором земли, принадлежащие савроматам, также располагаются к востоку от Танаиса. «Когда скифы перешли реку Танаис, персы тоже перешли ее вслед за ними и продолжали преследование, пока не достигли владений будинов, пройдя землю савроматов» (*История*, IV, 122). В данном случае скифы двигались с запада на восток. Перейдя Дон, они должны были попасть в междуречье Дона и Волги, где и находились владения савроматов.

В связи со сказанным мне было абсолютно непонятно утверждение В.Е. Максименко о том, что у Геродота нигде не говорится о Доне (Танаисе) как о границе между скифами и савроматами. Его ссылка на Б.А. Рыбакова, что путь Дария в погоне за скифами проходил только по европейской территории, занимаемой кочевниками (Максименко, 2004, с. 138), не может быть принята, поскольку Борис Александрович хотя и весьма уважаемый ученый, но его сочинение источником в этом вопросе быть не может, таковым является

«История» Геродота. А Геродот прямо говорит, что персы в погоне за скифами перешли Танаис, который по наиболее распространенному представлению античной географии разделял Европу и Азию, и вторглись в земли савроматов. В этом случае для нас не имеет значения, случилось это в реальности или нет, поскольку речь идет о границе между двумя народами и она прекрасно осознавалась Геродотом.

Есть и такая версия, что появление амазонок на побережье Азовского моря в районе Кремн следует относить к ранней истории савроматов и их присутствию к западу от Танаиса. Но это довольно произвольная трактовка источника, причем мифологической его части. Если буквально придерживаться содержания мифа о происхождении савроматов, переданного Геродотом, то собственно савроматы отсчет своей истории начали на землях по левую сторону Танаиса. Ряд авторов не без основания считает, что этот легендарный сюжет носит этиологический характер. Он не отражает исторические реалии, а пытается таким образом объяснить родство скифов и савроматов (Богаченко, 2005, с. 17; Лукьяшко, 2006, с. 176).

Как уже отмечалось, навряд ли достаточно убедительным доказательством проживания савроматов по правую сторону Танаиса следует считать сообщение о них у Псевдо-Гипократа как о живущих в Европе «вокруг озера Меотиды», на которое ссылался В.Е. Максименко. Поскольку в античной географии Танаис являлся границей между Европой и Азией, то по данному источнику выходит, что савроматы занимали побережье Меотиды и территорию к западу от него (Максименко, 2004, с. 136, 138). Об информативной ценности упоминаемого источника уже была речь, к этому следует добавить еще и об имеющемся в нем противоречии. Если савроматы жили вокруг Меотийского озера, то их земли должны были располагаться не только в Европе, но и в Азии.

Существующая точка зрения об отождествлении Танаиса с Северским Донцом, впервые развернуто изложенная академиком Б.А. Рыбаковым, не может быть принятой за безусловную реальность того времени (Рыбаков, 1979, с. 50–54). Она противоречит данным известного географа Клавдия Птолемея, основанным на античной традиции. В своем труде он указывает достаточно точное расстояние наибольшего сближения Танаиса (Дона) с рекой Ра (Волгой). У Птолемея это расстояние дано в градусах, если их перевести в меры длины, то в зависимости от того, какая мера им использовалась (эратосфеновский, обычный или царский стадий), это расстояние будет колебаться от 64,5 до 87 км. Оно соответствует действительному расстоянию от Дона до Волги на широте Волгограда (Медведев, 1989, с. 149–155). Очевидно, что Северский Донец не соответствует такому расположению. Таким образом, в античной географии Танаисом считали ту реку, которую сейчас мы называем Доном.

На основании письменных источников савроматские владения с определенной долей вероятности можно ограничить с севера и юга. По Геродоту, с севера она ограничивается землями, принадлежащими будинам. По проблеме определения территории, занимаемой будинами, существует обширная литература, в которой нашли отражения самые различные точки зрения. Наиболее убедительной версией на сегодняшний день следует признать ту, которая предполагает включение лесостепного Среднего Подонья в территорию обитания будинов (Медведев, 1999, с. 137–139). Что касается южной границы савроматских владений, то данные об этом содержатся в сочинении Скилака Кариандского, который, так же как и Геродот, помещал савроматов, управляемых женщинами, за Танаисом, в Азии, и отмечал, что «за женоуправляемыми живут меоты» (*Описание моря ...*, 70, 71). Меотов обычно помещают в Прикубанье. Геродот вел отсчет территории, занимаемой савроматами, с юга от угла Меотийского озера. Следовательно, территория савроматов по данным письменных источников простира-

лась от земли меотов (Восточное Приазовье) до будинов. Античные авторы не дают каких-либо ориентиров для определения восточных рубежей территории, занимаемой савроматами. Более определенно можно говорить о землях между Доном и Волгой. Здесь, судя по Геродоту, должен был находиться и их эпонимный центр. Из территории, контролируемой савроматами, не следует, видимо, исключать и Нижнее Поволжье, учитывая кочевой образ жизни населения и возможные дальние перекочевки.

Именно на этой территории в первую очередь должны находиться археологические памятники, оставленные савроматами. Археологические исследования в Волго-Донском регионе проводятся уже в течение более ста лет. Впервые погребения в степных курганах Поволжья, датируемые с VI по IV в. до н.э., с савроматами отождествил П.Д. Рау, талантливый археолог, выходец из немцев Поволжья. Это произошло в конце 20-х гг. прошлого века, раньше эти погребальные памятники отождествляли со скифами. П.Д. Рау, опираясь на датировку указанных памятников, сопоставил их со сведениями Геродота и пришел к выводу, что территориально они совпадают с местом обитания савроматов (Рау, 1929).

Известный российский археолог Б.Н. Граков нижеволжские и южноуральские памятники VI–IV вв. до н.э. включил в блюменфельдскую культуру, названную так по одному из курганов этого времени, раскопанному им на левобережье Нижней Волги. Б.Н. Граков принял версию П.Д. Рау и блюменфельдскую культуру отождествил с савроматами (Граков, 1947, с. 106–112).

С середины XX в. начинаются интенсивные раскопки в Нижнем Поволжье. Экспедициями, руководимыми И.В. Синециным, К.Ф. Смирновым и В.П. Шиловым, было раскопано несколько сотен курганов, в которых были обнаружены новые погребальные комплексы савроматского времени. С конца 50-х гг. постоянные раскопки проводятся в Южном Приуралье Оренбургской экспедицией Института археологии АН СССР под руководством К.Ф. Смирнова, в результате которых была открыта целая серия раннекочевнических погребений того же времени. Примерно с 60-х годов все более активно в полевые исследования начинают включаться археологические коллективы, формирующиеся в областных центрах Волго-Донского и Уральского регионов. Все это привело к значительному увеличению источниковой базы по памятникам савроматского времени. В вышедшей в 1964 г. монографии К.Ф. Смирнова, посвященной савроматской культуре, был обобщен весь имеющийся на то время материал, включавший более 450 погребальных комплексов (Смирнов, 1964).

С накоплением археологического материала исследователи обратили внимание на сходство материальной культуры, деталей обряда раннекочевнических погребений VI–IV вв. до н.э. на обширной территории, практически от Дона до Южного Урала включительно. Кроме волго-донских памятников, в савроматскую археологическую культуру стали включаться и южноуральские памятники того же времени. Возникло явное противоречие между интерпретацией письменных и археологических источников, поскольку по данным античных авторов основные земли савроматов должны были располагаться между Доном и Волгой, а савроматская археологическая культура охватывала гораздо большую территорию.

В данном случае мы сталкиваемся с проблемой, которая неоднократно обсуждалась на страницах специальных изданий: насколько правомерно отождествлять археологическую культуру с определенным этносом. Археологическая культура – это реконструкция, создаваемая в процессе кабинетной работы исследователей, в основе которой, хотя и лежит определенная сумма взаимосвязанных признаков, но она в значительной мере субъективна. Ранее степень сходства между различными памятниками и отнесение их к одной культуре определялись сугубо визуально, обычно по небольшому набору признаков. Впоследствии стало уделяться большое внимание работе с признаками, характеризующими археологические

объекты, устанавливалась их иерархия, использовались различные коэффициенты сходства, определяющие степень близости между различными памятниками. Все это способствовало уменьшению элемента субъективизма в научных построениях археологов и сделало проверяемым сам процесс исследования и его результаты.

История нашей степной археологии позволяет выявить определенную закономерность в выделении археологических культур. На начальной стадии на основании относительно небольшого круга раскопанных памятников выделялись узколокальные археологические культуры. С накоплением новых материалов территория этих культур постепенно расширялась, охватывая зачастую огромные пространства. Затем оказывалось, что в разных районах эти культуры имеют свои специфические черты. В дальнейшем это приводило ученых к мысли о необходимости деления первоначальной археологической культуры на ряд самостоятельных культур. Наглядным примером тому являются первоначально выделенные на основе раскопок в начале прошлого века в пределах Харьковской губернии степные культуры бронзового века: ямная, катакомбная и срубная. Потом оказалось, что в разное время они охватывали территорию от Урала до Днестра и даже Дуная и что эти культуры имеют локальные различия на столь обширной территории. В настоящее время выделено, например, более десятка культур так называемого катакомбного круга.

Нечто подобное происходило и с савроматской археологической культурой. Погребальные памятники Нижнего Поволжья VI–IV вв. до н.э., отождествленные П.Д. Рау с савроматами, обнаруживали сходство с одновременными памятниками Южного Приуралья. Впоследствии нижеволжские и южноуральские памятники были уверенно объединены в одну культуру Б.Н. Граковым, названную «савроматской», или «блюменфельдской» (Граков, 1947, с. 106–112). Вот как в свое время очерчивал границу этой культуры один из известных специалистов в области савромато-сарматской археологии К.Ф. Смирнов: на юго-западе и западе территория ее ограничивается рекой Манычем, междуречьем Кумы и Терека, Нижним Доном, по Волге ее граница доходила до Самарской луки, далее на севере захватывала южные районы Башкирии, затем граница идет на Магнитогорск и Челябинск. Вопрос о восточной и юго-восточной границах он считал открытым, поскольку здесь савроматские племена соседствовали с близкородственными племенами сако-массагетского круга (Смирнов, 1964, с. 191, 192). Ранее предполагалось, что эту огромную территорию, собственно все степное пространство от Дона до Зауралья, занимали родственные племена, называемые общим именем – савроматы. В дальнейшем стало осознаваться, что археологические реалии существенно расходятся с данными письменных источников, поскольку прочтение Геродота, единственного автора, давшего некоторые сведения о владении савроматов, не дает основания расселять их столь далеко к востоку от Дона. Более того, можно утверждать, что территория, занимаемая савроматами, была более протяженной с севера на юг, нежели с запада на восток. Это подтверждается спецификой хозяйства савроматов, связанного с сезонными кочевками преимущественно в меридиональном направлении, о чем свидетельствуют как данные письменных источников несколько более позднего времени (*Страбон*, VII, 2, 17), так и этнографические данные по калмыкам (Батмаев, 1993, с. 113–117).

Уже первые исследователи савроматской культуры П.Д. Рау и Б.Н. Граков обратили внимание на то, что при общем сходстве погребальных памятников этой культуры Поволжья и Южного Приуралья между ними имеются и различия. Эта проблема основательно была решена в трудах К.Ф. Смирнова. Он определил границы двух основных локальных вариантов савроматской культуры: волгодонского и самаро-уральского. Памятники первого варианта занимали степное пространство междуречья Дона и Волги, Заволжье, в пределах Астраханской, Волгоградской и Саратовской областей, и территорию Западного Казахстана

практически до реки Урал. Второй вариант включал памятники бассейна реки Самары, левого притока Волги, южные районы Башкирии, среднее и верхнее течение реки Урала и на юг вплоть до Эмбы. На северо-востоке эта территория доходила до Челябинска (Смирнов, 1964, с. 191–197, рис. 84; 1971, с. 69–71, рис. 1). Различия в погребальном обряде этих двух районов в основном выражаются в разной степени проявления тех или иных признаков. Например, следы кострищ под курганными насыпями чаще встречаются в Южном Приуралье, чем в Поволжье. В том же Южном Приуралье широко распространены камерные конструкции погребальных ям. В то же время только в Южном Приуралье известны погребения в квадратных ямах с диагональным положением погребенных. Существуют некоторые различия между двумя выделенными локальными районами и в материальной культуре, например в приемах орнаментации и формах керамики, типах наконечников стрел в колчаных наборах. Только в Южном Приуралье отмечены женские погребения с каменными алтариками. Существовала своя специфика каждого из районов в изобразительном искусстве. Явно различалась и направленность культурных связей каждого из районов. В Волго-Донском районе в большей мере ощущалось влияние скифского мира Северного Причерноморья и населения Северного Кавказа, в Южно-Уральском – сако-массагетского мира Средней Азии.

Памятники волго-донского варианта савроматской археологической культуры, которые отличались большим единообразием, К.Ф. Смирнов отнес к савроматам Геродота. Синхронные же памятники савроматской культуры Южного Приуралья, по его мнению, могли принадлежать другому племенному объединению, близкородственному савроматам Геродота. При такой трактовке возникало неудобство в употреблении терминов: «археологические памятники савроматской культуры», принадлежащим собственно савроматам только для Волго-Донского региона, и «археологические памятники савроматской культуры» – для обоих регионов.

Исходя из анализа археологических источников, К.Ф. Смирнов определил территорию обитания савроматов, о которых писал Геродот. Это степи с запада на восток от Дона до реки Урала и с юга на север от Каспия до границ современной Самарской области. Археологические памятники Южного Приуралья, как он полагал, принадлежали родственным савроматам племенам, имевшим другие наименования (Смирнов, 1977а, с. 134–136).

Несколько позже проблема соотношения памятников савроматского времени Нижнего Поволжья и Южного Поволжья была рассмотрена М.А. Очир-Горяевой, которая еще раз указала на имеющиеся различия в погребальном обряде, материальной культуре, разной направленности связей и специфики развития культурных традиций двух районов. Она пришла к выводу, что «памятники Нижнего Поволжья следует рассматривать как своеобразное и самостоятельное явление скифской эпохи» (Очир-Горяева, 1988, с. 20), то есть как отдельную археологическую культуру. Кроме того, М.А. Очир-Горяева считала, что нижневолжские памятники не следует отождествлять с савроматами, поскольку в античных источниках они не характеризуются как союз или конфедерация племен, контролировавшие обширные территории к востоку от Дона. Она полагала, что территория обитания савроматов должна была располагаться ближе к Понту (Черному морю), Меотиде (Азовскому морю) и Танаису (Дону), где их и фиксируют античные авторы, в том числе и Геродот.

Мнение М.А. Очир-Горяевой о территории обитания савроматов достаточно спорно. Дело в том, что античные авторы, упоминавшие савроматов, не имели никакого представления о землях, располагавшихся восточнее Танаиса. Тот же Геродот не знал о существовании Волги. Античная география, вплоть до Птолемея (середина II в. н.э.), не знала о существовании этой крупнейшей реки Европы. Страбон, живший на несколько веков позже Геродота, считал, что Каспийское

море соединяется с Северным океаном. Информация о самих савроматах весьма скудная в письменных источниках. В VI–V вв. до н.э. реального представления в античной литературе о землях и народах к востоку и северо-востоку от Меотиды и Танаиса практически не существовало. По этой причине территории, прилежащие к Танаису и Меотиде, не следует воспринимать как основное место обитания савроматов, это были западные рубежи их владений, где их и фиксировали античные вторы. Насколько же дальше на восток простирались земли савроматов, то было грекам неведомо. Там, где-то за пределами савроматской земли, обитали некие исседоны, одноглазые люди, стерегущие золото грифы и гипербореи. Эти сведения черпались из такого сомнительного источника, как поэма «Эпос об аримаспах» легендарного Аристея из Проконнеса (*История*, IV, 13–15). По этой причине утверждение М.А. Очир-Горяевой о том, что античные авторы нигде не говорят, что савроматы являлись крупным объединением кочевников и поэтому не могли занимать обширную территории, например Нижнее Поволжье, не может являться веским аргументом (Очир-Горяева, 1993, с. 134). Кстати, Помпоний Мела, поселяя савроматов на берегах Танаиса, отмечал, что они представляют собой «одно племя, но разделенное на несколько народов» (*Описательная география*, 1, 19, 116).

Из прочтения отца истории следует, что предки савроматов – скифы и амазонки, перейдя через Танаис, сначала прошли три дня пути на восток, это примерно расстояние в 100 км, и столько же на север. Учитывая тот факт, что, по Геродоту, территория, занимаемая скифами, представляла собой квадрат, а восточным пределом скифской земли был Танаис, то он, по его представлению, должен был течь с севера на юг, «сверху, беря начало с большого озера» и впадая в Меотиду (*История*, IV, 57, 101). Таким образом, скифы с амазонками, преодолевая еще три дня пути на север, должны были двигаться параллельно Танаису, и та местность, в которую они пришли и где появилось первое поколение савроматов, должна была располагаться, как минимум, на 100 км восточнее Дона. Кому, например, могли принадлежать подкурганые погребения VI–IV вв. между Доном и Волгой в месте их наибольшего сближения на параллели Волгограда, где они располагаются как в непосредственной близости к Дону, так и к Волге. Кроме того, надо учитывать, что савроматы были кочевниками, необходимость сезонных кочевок привела к установлению ими контроля над достаточно обширной территорией.

Есть весьма интересные примеры этнографического характера. Калмыки, с XVII в. освоив ту же территорию, на которой обитали в свое время кочевники раннего железного века, зачастую совершали довольно далекие кочевки. Большинство калмыцких улусов зиму проводило на Куме, Тереке, Маньче и прибрежной части Северо-Западного Прикаспия, где зимы были относительно малоснежны и имелся запас кормов. С конца февраля – в начале марта улусы начинали продвигаться к Волге по Ергенинской возвышенности. Затем переходили через Волгу на левый берег (луговая сторона) по льду или вплавь, если лед сходил рано, в этом случае использовались различные средства переправы. Перебравшись через Волгу, улусы продвигались на север, достигая параллели Самары. В октябре – ноябре они вновь начинали двигаться в обратном направлении, переправлялись через Волгу и возвращались на зимние пастбища (Батмаев, 1993, с. 113–115). Таким образом, даже такая большая река, как Волга, не являлась препятствием для кочевников. Учитывая тот факт, что технические возможности калмыков XVII–XVIII вв. навряд ли существенно отличались от более ранних времен, то аналогичные передвижения могли совершать и кочевники раннего железного века. Тем же сарматам в своем движении на запад приходилось форсировать крупные реки Восточной Европы вместе с домочадцами и скотом.

В одной из статей М.А. Очир-Горяевой достаточно убедительно доказывается культурное единство памятников правобережья и левобережья Волги VI – на-

чала IV в. до н.э., оставленных, по ее мнению, одной общностью кочевников. Используя калмыцкий этнографический материал, она приходит к выводу о сходстве кочевого образа жизни калмыков XVII–XVIII вв. и населения скифского времени в Нижнем Поволжье. Характер территориального распределения археологических памятников последних, как она полагает, может свидетельствовать о том, что междуречье Волги и Дона использовалось ими как зимники, а левобережье – как летние кочевья (Очир-Горяева, 2005, с. 15–33). Правда, М.А. Очир-Горяева продолжала считать, что археологические памятники VI–IV вв. до н.э. не принадлежали савроматам античных источников.

Полагаю, что нет пока серьезных оснований исключать Нижнее Поволжье из сферы обитания савроматов. Археологические памятники левобережья Дона и Нижней Волги, относимые к савроматской культуре, также не имеют каких-то достаточно выраженных различий. Было, правда, высказано предположение, основанное на статистических подсчетах, о специфике волго-донских памятников савроматского времени. Вывод этот был сделан на материалах всего двух могильников – Аксеновского и Никольского, расположенных в разных концах указанного региона. Первый располагался у Дона, а второй – на левом берегу Волги. Причем по тем же подсчетам совокупно левобережные и правобережные памятники савроматской культуры Нижнего Поволжья обнаруживают близкое сходство (Железчиков, 1994, с. 151, табл. 6). Кстати, М.А. Очир-Горяева курганный могильник Аксеновский I считает принадлежащим нижневолжским кочевникам скифской эпохи, не отождествляя его с савроматами. Хотя географически он, скорее всего, донской, поскольку расположен на берегу Есауловского Аксяя, левого притока Дона, в непосредственной близости от него. По Геродоту, этот памятник должен находиться на землях, принадлежавших савроматам, поскольку располагался за Танаисом по отношению к скифской территории и явно входил в ту полосу земли в 15 дней к северу от впадины Меотийского озера, которая отводилась савроматам.

Археологическое сходство памятников савроматского времени междуречья Волги и Дона и Заволжья, характер их распределения в указанных районах, находящийся объяснения в этнографическом материале, позволяют утверждать, что в VI–IV вв. до н.э. в указанных местах обитал один и тот же народ, который может быть отождествлен с савроматами Геродота. По этой причине представляется более убедительным мнение К.Ф. Смирнова о принадлежности волго-донского варианта савроматской культуры савроматам Геродота, которое было поддержано и другими исследователями (Мошкова, 1994, с. 9).

Определенным подтверждением западных границ владений савроматов является карта памятников савроматской культуры, подготовленная К.Ф. Смирновым. На ней только одно погребение в кургане у хут. Карнаухов располагалось на правой стороне Дона, да еще одна случайная находка каменного жертвенника в районе хут. Краснодарский, сотни же погребений савроматской культуры занимали обширную территорию к востоку от Дона (Смирнов, 1964, рис. 1).

Идеи распространения савроматских археологических памятников на правобережье современного Дона придерживался В.Е. Максименко. К ним он относил разнохарактерные памятники: степные курганы, погребальные памятники, расположенные в дельте Дона, погребения Беглицкого некрополя и некоторые другие (Максименко, 1983, с. 25–34). На трудность этнического определения погребальных памятников указанного региона неоднократно обращали внимание многие авторы, в том числе и сам В.Е. Максименко, поскольку он был контактной зоной для ряда народов: скифов, савроматов, позже сарматов, а также меотов. Судя по всему, именно правобережье и выполняло роль контактной территории между скифами и савроматами, а собственно савроматские земли находились по другую сторону Дона. Я в большей мере

согласен с мнением М.Г. Мошковой, что «до IV в. до н.э. на правом берегу Дона пока не известно ни одного достоверного савроматского комплекса» (Мошкова, 1989а, с. 153).

Что касается восточной границы распространения памятников волго-донского варианта, то она, вероятно, достигала Узеней и навряд ли простиралась до реки Урал, как об этом в свое время писал К.Ф. Смирнов (Смирнов, 1964, с. 195), так как между Узенями и р. Урал памятники савроматской культуры практически отсутствуют (Смирнов, 1964, с. 293, рис. 1; Статистическая обработка ..., 1994, карта). Те же черты, которые отличают южноуральские памятники этого времени от волго-донских, начинают фиксироваться к востоку от реки Урал, так что между двумя локальными вариантами выделенной ранее савроматской культуры существовала разъединяющая их зона.

Что же собой представлял волго-донской вариант савроматской культуры, отождествляемый с савроматами Геродота, в археологическом выражении. Назовем более существенные признаки. Савроматская культура Волго-Донского региона, как уже отмечалось, в основном представлена подкурганными погребениями. Преобладают курганы небольшой высоты, немногим менее или более одного метра, известны курганы высотой и в несколько метров и диаметром пятьдесят и более метров. В подавляющем большинстве курганные насыпи земляные, в отдельных случаях в сооружении насыпей использовался камень. Это, например, большие курганы, сооруженные из камня, так называемые «Царские могильницы», находившиеся на правом берегу Волги у с. Горная Пролейка Волгоградской области, или небольшие курганы из камня Аксеновского могильника, располагавшегося на правом берегу р. Есауловский Аксай, левого притока Дона, в Волгоградской области. В настоящее время известно более трехсот погребальных комплексов савроматского времени на территории междуречья Дона и Волги и Нижнего Поволжья (Очир-Горяева, 2005, с. 15). Преобладают основные погребения в курганах (около 60 %), остальные впускные в одновременные курганы или эпохи бронзы. Наиболее распространенным типом могильных ям являются прямоугольные ямы, варьирующиеся от узких до широких, иногда достаточно больших размеров. Так, у с. Соленое Займище Астраханской области в одном из курганов, высотой 1,1 м, находилась прямоугольная яма с размерами 4,2 × 4,2 м. Положение погребенных в подавляющем большинстве вытянуто на спине, чаще головой на запад, реже в противоположную сторону – на восток, другие ориентировки случайны. Ярко выражен культ огня в погребальном ритуале савроматов данного региона. Он заключался в следующем: разводился костер у края могильной ямы или над ямой на перекрытии, производилась засыпка углей в яму. В качестве напутственной пищи в могилу клали различные части или обезглавленную тушу овцы, части туши коня, реже крупного рогатого скота. Среди сопровождающего инвентаря первое место занимает лепная посуда в виде грубых горшков простых форм со слабо профилированным туловом. Значительный процент составляет скифоидного облика вооружение, в первую очередь бронзовые наконечники стрел, иногда представляющие колчаные наборы. Часто встречаются железные мечи с сердцевидным или почковидным перекрестием, с овальным или волutoобразным навершием. Гораздо реже встречаются железные наконечники копий. Оружие чаще находят в мужских погребениях. Исследователи отмечают наличие вооружения и в женских погребениях, но это преимущественно наконечники стрел. Довольно часто в женских савроматских погребениях находятся большие плоские зеркала с плоскими же ручками. Иногда встречаются художественные вещи из кости или бронзы, выполненные в так называемом зверином стиле. Чаще всего это детали конской упряжи, костяные ложечки, разного рода бляхи или амулеты (рис. 1).

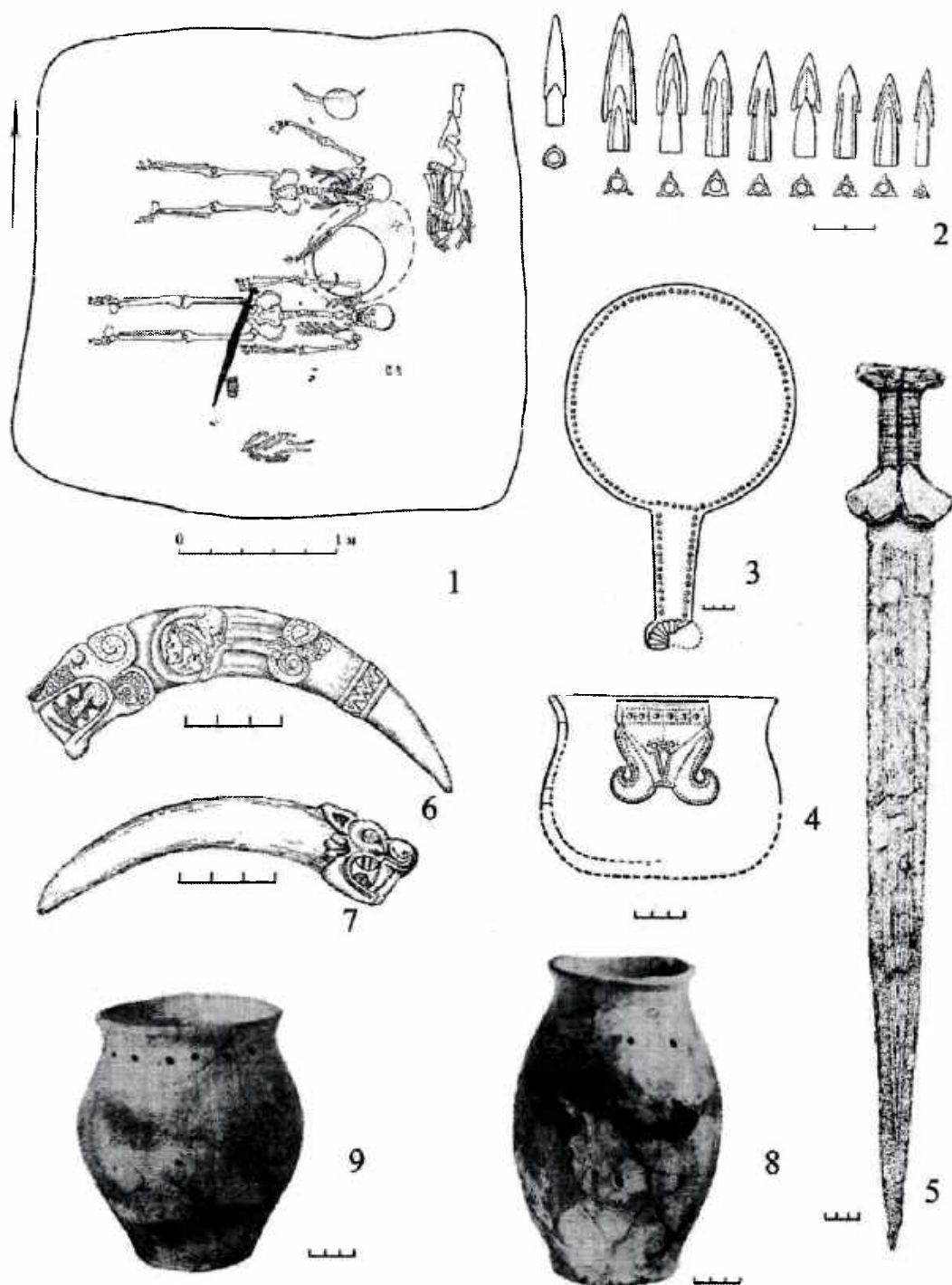

Рис. 1. Нижнее Поволжье. Погребение и вещи савроматской культуры:

1-5 - Соленое Займище, к. 2; 6 - Блюменфельд, к. А 12; 7 - Бережновка II, к. 97;
8 - хут. Степана Разина, к. 4, п. 5; 9 - Политотдельское, к. 4, п. 30

Теперь рассмотрим вопрос о времени появления погребальных комплексов, которые могут быть отождествлены с савроматами. К.Ф. Смирнов считал, что савроматская культура складывается к концу VII в. до н.э., но отдельные ее черты появляются еще в погребальных памятниках, датирующихся VIII–VII вв. до н.э. Последние он предлагал называть протосавроматскими, поскольку в их инвентаре и обряде присутствуют детали, характерные как для памятников эпохи бронзы, так и для комплексов уже сложившейся савроматской культуры, что определяет их переходный характер. В погребениях Волго-Донского региона этого времени он усматривал сохранение традиций срубной культуры, выразившееся преимущественно в формах лепной керамики и скорченности костяков. К.Ф. Смирнов не исключал возможности участия племен, оставивших эти памятники, в походах скифов в Переднюю Азию, а часть из них, по его мнению, могла войти в собственно скифское объединение, обосновавшееся в Северном Причерноморье (Смирнов, 1964, с. 26–31).

Утверждение К.Ф. Смирнова об окончательном оформлении савроматской культуры к концу VII в. до н.э. все же вызывает сомнение. Он выделил группу погребений из Поволжья и Приуралья, состоящую из 90 комплексов и датируемую концом VII – VI в. до н.э., часть из которых, по его мнению, может датироваться и собственно концом VII в. до н.э. Для погребений Нижнего Поволжья уловить эту узкую дату весьма сложно в связи с отсутствием точно датирующихся этим временем вещей. Используемая в определении дат преимущественно лепная керамика, сохранявшая ранние элементы в форме или характере орнаментации, все же не может дать достаточно узких дат в пределах очерченного для всех групп времени – конца VII – VI в. до н.э.

Рассматривавший вопросы хронологии савроматских памятников Нижнего Дона В.Е. Максименко датировал их не ранее VI в. до н.э. (Максименко, 1983, с. 25–43). Разрабатывая хронологию памятников савроматского времени Нижнего Поволжья, М.А. Очир-Горяева выделила среди них две хронологические группы: раннюю, датированную концом VI – первой половиной V в. до н.э., и позднюю, относящуюся ко второй половине V – первой четверти IV в. до н.э. (Очир-Горяева, 1988, с. 14). Существует мнение, что и археологическая культура ранних кочевников Южного Приуралья, которую ранее, а зачастую и сейчас, именуют савроматской, появляется там не ранее второй половины VI в. до н.э. (Железчиков, Пшеничнюк, 1994, с. 5, 6). Существенное увеличение кочевого населения со второй половины VI в. до н.э. в этом районе было связано с рядом миграций кочевников, в том числе и из Средней Азии в связи с присоединением отдельных ее районов к Персидскому царству в последней трети VI в. до н.э. (Таиров, 2005, с. 19, 20; Таиров, Гуцалов, 2006, с. 312–340).

Волго-донская савроматская культура оформляется также, скорее всего, не ранее середины VI в. до н.э. Для сложившейся савроматской культуры, например, характерно наличие воинских погребений, сопровождаемых колчаном со стрелами и железным мечом, а иногда и копьём, а также находки предметов, выполненных в зверином стиле, остатки кострищ под курганными насыпями. Все эти существенные детали погребального обряда практически неизвестны в памятниках, датируемых ранее середины VI в. до н.э.

Следует упомянуть еще об одном наблюдении, имеющем отношение к становлению савроматской культуры в Нижнем Поволжье. В этом районе известны находки 10 мечей и кинжалов, по аналогиям относящиеся к скифской архаике (VII – первая половина VI в. до н.э.) Их особенностью является то, что все они были найдены случайно, вне погребальных комплексов, до появления здесь погребений савроматской археологической культуры. Подавляющая их часть найдена в северных районах рассматриваемого региона, в пределах Саратовской области (8 экз.), на территории Волгоградской области (2 экз.). Эти мечи и кинжалы (сю-

да следует добавить и случайные находки архаических бронзовых наконечников стрел), синхронные скифской архаике, были брошены какой-то кочевнической группировкой, не оставившей сколько-нибудь заметного следа в погребальной практике региона (Скрипкин, 2007а, с. 49, 50).

В Подонье существует несколько ранних погребальных комплексов савроматской культуры с достаточно точными датами благодаря находкам в них античных амфор. Это погребение 8 из кургана 7, расположенного у хут. Новоалександровка Азовского района Ростовской области. В вытянутой овальной яме погребенный был ориентирован головой на запад. С ним находился колчан с бронзовыми втульчатыми наконечниками стрел, среди которых выделяется ряд наконечников архаических форм; колчаный крючок; поделки из кости, в том числе выполненные в зверином стиле. В головах погребенного была обнаружена амфора (Максименко, 1983, с. 39) (рис. 2), которая и определяет относительно точную дату данного погребального комплекса. Как отмечают специалисты, амфора из Новоалександровки милетского производства, она относится к одному из вариантов архаического типа и может быть датирована серединой VI в. до н.э. (Монахов, 2003, с. 32), и ранее этого времени она не могла попасть в погребение.

Другое раннее савроматское погребение, также с амфорой, было обнаружено в 1997 г. в погр. 3 кург. 3 у с. Аксай на левобережье Дона в Волгоградской области, оно являлось основным в кургане. В прямоугольной вытянутой яме, нарушенной более поздним погребением, находился костяк подростка 12–13 лет, головой ориентированный на запад. С погребенным находились: колчан со стрелами, из которых 14 бронзовых и 5 железных, среди бронзовых стрел были двухлопастные с шипами, шипы имели и трехлопастные стрелы; железный кинжал с почковидным перекрестием и брусковидным навершием длиной 24,4 см; бронзовая крестовидная бляха, концы которой оформлены в виде стилизованных голов грифона, по центру в кольцевом рельефном обрамлении изображен свернувшийся хищник; амулет из клыка крупного хищника с отверстием для подвешивания; глиняный лепной горшок, некоторые другие поделки, а также амфора, которая, как и в Новоалександровском погребении, располагалась в головах погребенного (рис. 3). Аксайская амфора, имевшая поверхность желтого цвета, по плечикам была украшена орнаментом в виде двух симметрично расположенных цветков лотоса, нанесенным красной краской, такой же краской по тулову было нанесено несколько круговых полос, а по горлу – меандровый орнамент. Аналогии этой амфоре из ряда памятников Северного Причерноморья позволяют датировать ее серединой – второй половиной VI в. до н.э. (Дьяченко и др., 1999, с. 108).

На основании археологического материала происхождения савроматской культуры большинство исследователей связывало с предшествующими местными культурами бронзового века. Особенно подробно эта проблема была рассмотрена в трудах К.Ф. Смирнова. Он считал, что большая роль в этом процессе принадлежит срубной и андроновской культурам, на позднем этапе развития которых в степном Волго-Уральском регионе происходит их взаимопроникновение, приведшее к нивелировке их культур. Именно потомки этих культур «составляли основную линию савроматского этногенеза». В юго-западных районах распространения савроматской культуры он не исключал и влияния на ее формирование катакомбной культуры. По К.Ф. Смирнову, для волго-донского варианта савроматской культуры более существенным было влияние традиций срубной культуры, для южноуральского варианта большую роль играли элементы восточного происхождения, связанные с андроновской культурой. В памятниках переходного периода он отмечал черты, которые сохранялись от культур бронзового века, и появление новых элементов, которые станут характерными для савроматской культуры.

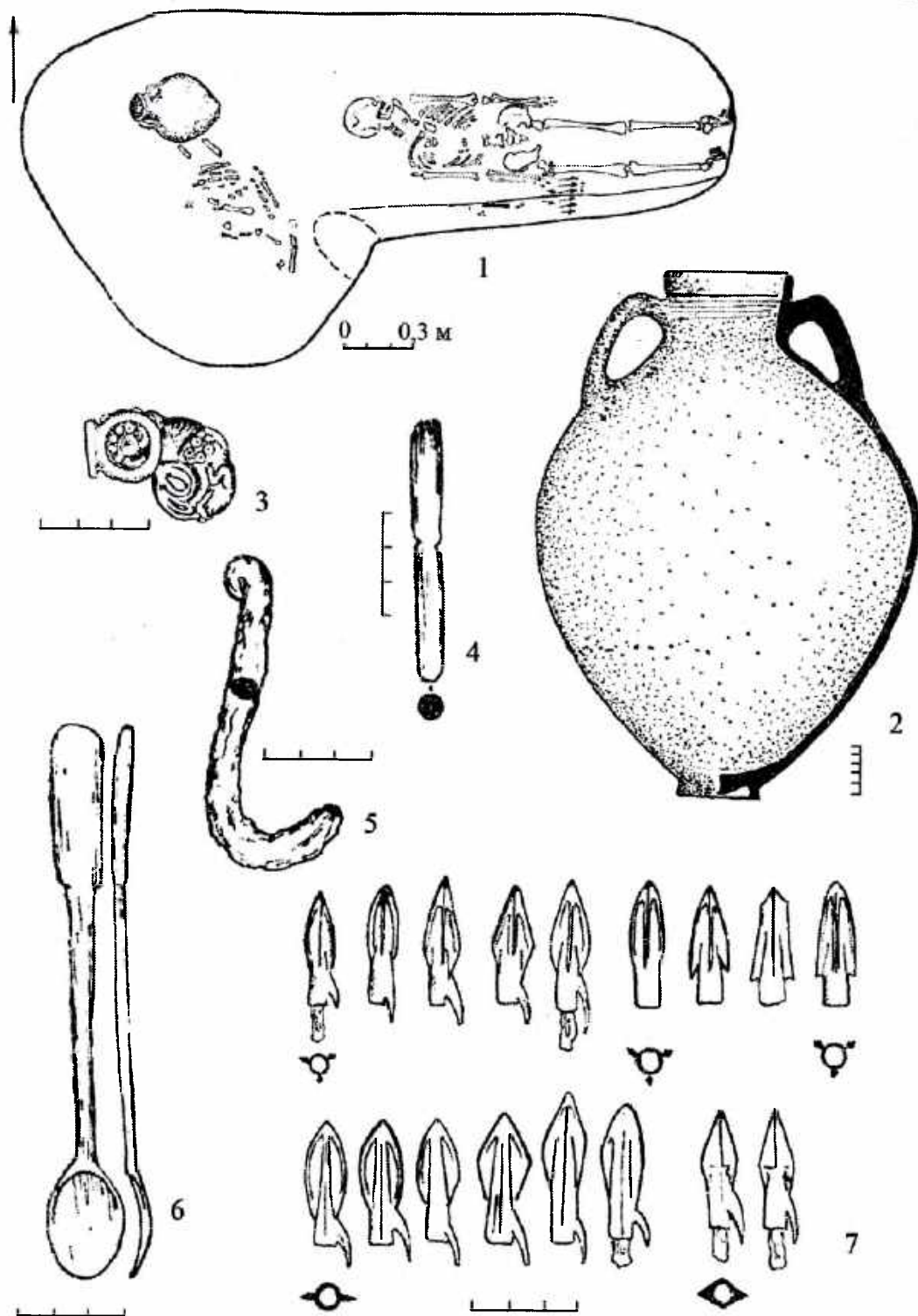

Рис. 2. Нижний Дон. Погребение и вещи из кург. 7 у хут. Новоалександровка

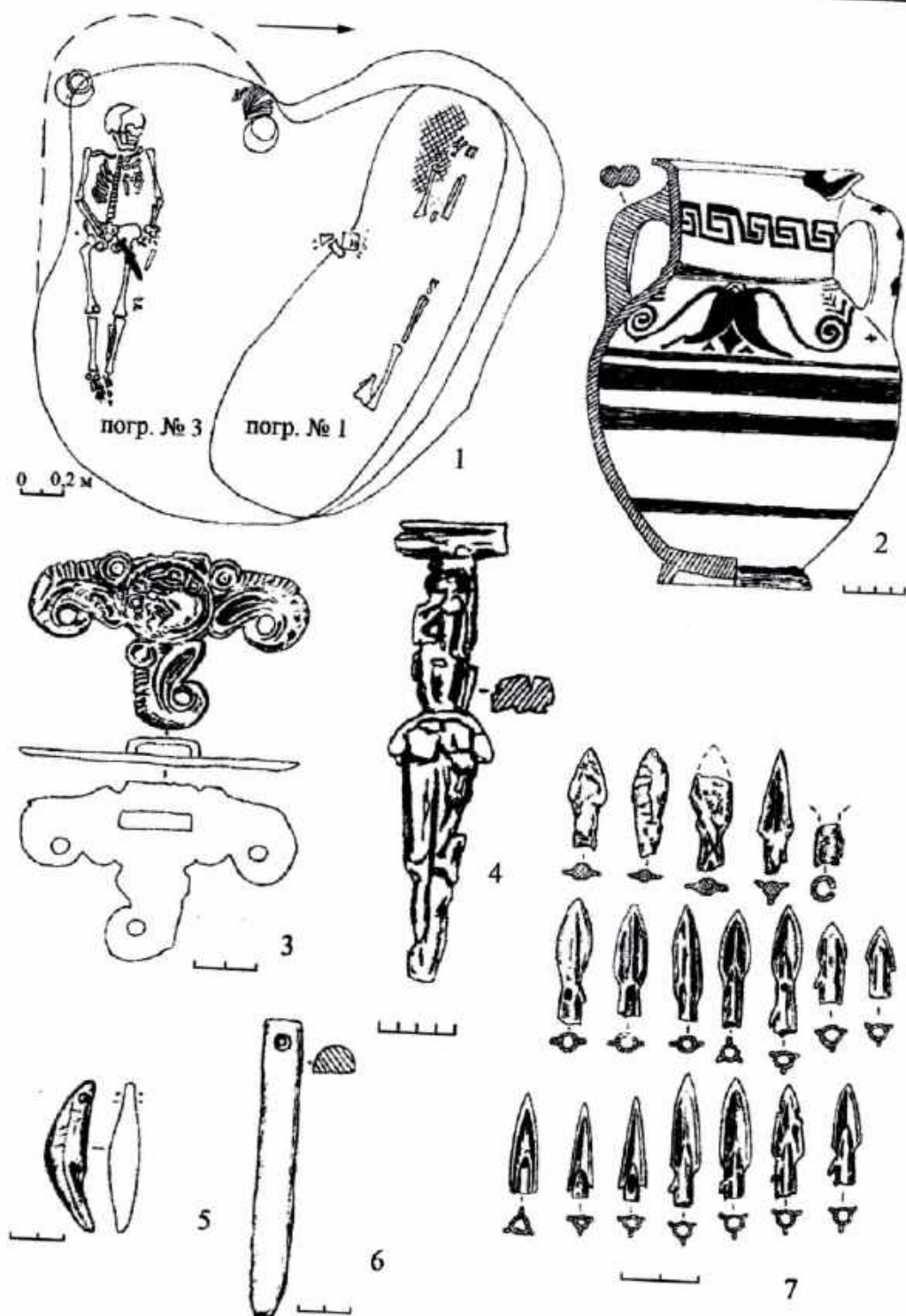

Рис. 3. Междуречье Волги и Дона. Погребение и вещи из кург. 3 у с. Аксай

В это время происходит постепенный переход от скорченного положения костяков, характерного для эпохи бронзы, к вытянутому положению с преобладанием западной ориентировки – черте, типичной для савроматской культуры. Широкое распространение западной ориентировки у савроматов К.Ф. Смирнов связывал с влиянием андроновской культуры. Роль срубного компонента в этногенезе савроматов Геродота, по его мнению, в определенной мере объясняло их родство со скифами, зафиксированное письменными источниками, поскольку срубная культура являлась основой формирования скифов Северного Причерноморья (Смирнов, 1964, с. 182–188).

Роль срубной культуры в формировании предскифской культуры Нижнего Дона, в том числе и его левобережья, занимаемого в последующее время савроматами, отмечали и другие исследователи. В переходный период формирование новой идеологии и обрядности приводит здесь к изживанию традиций позднесрубной культуры и появлению новой погребальной обрядности, основными элементами которой были вытянутое положение погребенных и западная их ориентировка, наиболее типичные для всего кочевого мира степной Евразии в скифское время (Лукьяшко, 1999, с. 194).

Подводя итог исследованию археологических источников, мы можем отметить следующее: к востоку от Дона, включая Нижнее Поволжье, была распространена одна археологическая культура; ее окончательное сложение следует относить к середине VI в. до н.э.; в ее формировании предпочтение отдавалось населению бронзового века в лице срубного и андроновского компонентов.

Обратимся к антропологическим источникам. Первые работы, в которых анализировался савроматский антропологический материал, появляются в середине прошлого века. Это публикации В.В. Гинзбурга, Б.В. Фирштейн, Н.М. Глазковой и В.П. Чтецова, в них в основном использовался незначительный краниологический материал из раскопок Сталинградской археологической экспедиции в зоне затопления строящейся Волжской ГЭС. Выводы, сделанные названными авторами, сводились к утверждению преимущественного сходства савроматов с населением срубной культуры бронзового века (Балабанова, 2000а, с. 11, 12).

Намного позднее значительная работа по изучению антропологического материала савроматского времени была проделана М.А. Балабановой. Ею были собраны краниологические данные в большей мере из памятников Нижнего Поволжья, а также Южного Приуралья. М.А. Балабанова провела тщательную выверку краниологических выборок, использовавшихся исследователями раньше, на предмет принадлежности включенных в них черепов савроматской культуре. В результате ей удалось составить более представительную краниологическую выборку, состоящую из 64 черепов савроматского времени, большая часть из которых впервые вводилась в научный оборот. В результате анализа этой выборки был выявлен набор признаков, чаще встречающийся у населения восточных районов евразийских степей, вплоть до Минусинской котловины. В Нижнем Поволжье, как полагает М.А. Балабанова, этот антропологический тип появляется в предскифское время (Балабанова, 2000а, с. 35; 2005, с. 156–168). Она предполагает участие выявленного восточного антропологического элемента в формировании населения савроматской культуры в Нижнем Поволжье. Интересен предположительный вывод М.А. Балабановой о том, что в антропологическом отношении между савроматами и их родственниками по письменным источникам имеются очевидные различия, восходящие, вероятно, к их различным генетическим корням. Скифы Северного Причерноморья по антропологическим данным близки населению срубной культуры той же территории, савроматская же антропологическая выборка такой близости не выявляет. Сопоставительный анализ савроматской кранио-

логической выборки с другими выборками эпохи бронзы и скифского времени позволил М.А. Балабановой утверждать, что савроматское население «тяготеет к востоку и является неотъемлемой частью скифо-сибирского мира», что «с карасукским населением Минусинской котловины, с некоторыми выборками тагарской, саргатской и еловской культур, с саками Казахстана и другими группами древнего населения его сближает не только культурные тенденции, но и общность генетических корней» (Балабанова, 2000а, с. 43).

Близкая нижневолжской картина формирования культур сакского типа, которые складывались не напрямую на андроновской основе, а в результате миграций генетически гетерогенного населения Западной и Южной Сибири, с вероятным включением мигрантов Центральной Азии и Волго-Уралья (Яблонский, 2006, с. 160).

Переходный период от бронзового века к раннему железному веку ознаменовался значительными изменениями в хозяйстве населения степного евразийского пояса, переходом к кочевому скотоводству. Возросшая подвижность населения привела к изменениям прежней этнической картины на обширной территории. Борьба за жизненное пространство вынуждала часть населения уходить со своих мест и занимать новые земли.

Подведение итогов изучения письменных, археологических и антропологических источников позволяет воссоздать хотя и далеко не полную картину истории савроматов, но, тем не менее, дает возможность обозначить отдельные ее сюжеты. Начало формирования кочевого объединения, именуемого савроматами, скорее всего относится к первой половине VI в. до н.э. и завершается примерно к его середине. Именно начиная со второй половины VI в. до н.э. появляются хорошо датированные погребальные комплексы с типичными чертами савроматской культуры. К концу VI в. до н.э., судя по Геродоту, савроматы являются уже значительной самостоятельной этнополитической группировкой. Основная территория, занимаемая ими, простиралась к востоку от Дона, включая Нижнее Поволжье. Данные антропологии не подтверждают свидетельства письменных источников о прямом родстве савроматов со скифами, а также прямой связи со срубной и андроновской культурами позднего бронзового века. Они в большей мере являлись частью скифо-сибирского мира.

2.2. Исседоны

По мнению некоторых современных авторов, исседоны могли иметь отношение к сарматской предыстории, по этой причине мне придется коснуться ряда вопросов о сведениях, содержащихся об этом народе в источниках, и вариантах их интерпретации в научной литературе. Исседоны начинают упоминаться у ранних античных авторов, которые дают о них весьма краткую и в значительной мере мифологизированную информацию. Первыми о них написали, видимо, Алкман и Аристей из Проконнеса, последний из которых по преданию совершил путешествие в северные страны, достигнув территории обитания исседонов. По данным этого автора исседоны жили далеко на севере по соседству с Бореем, они были очень многочисленными и доблестными воинами. Исседоны владели большими стадами овец, быков и коней. В то же время у Аристея отмечается, что исседоны носили косматые длинные волосы и имели один глаз (*Аримаспея*, фр. 2–4). По этой информации следует, что исседоны были скотоводами. Локализовать же исседонов так же сложно, как и определить место обитания бога северного ветра Борея. Достоверность информации об исседонах у Аристея во многом сомнительна, как и личность самого автора с невероятными событиями в его биографии.

Лаконичные сведения об исседонах содержатся у Гекатея Милетского, жившего в VI – начале V в. до н.э.; в том месте, где речь идет о Скифии и Кавказе, сказано следующее: «Исседоны, народ скифский» (*Землеописание*, фр. 168). Из этой фразы следует, что исседоны были кочевниками-скотоводами, поскольку так воспринимался скифский образ жизни в античной литературе.

Несколько большая, но тоже достаточно ограниченная информация об исседонах содержится в сочинении Геродота. У этого автора есть некоторые данные относительно определения территории обитания исседонов. В четвертой книге своей «Истории» Геродот описывает торговый путь, шедший из Северного Причерноморья и достигавший земли исседонов. По данным, полученным Геродотом от своих информаторов, перед исседонами жили «лысые от рождения, плосконосые и с широкими подбородками» люди, говорившие на особом языке и одевавшиеся по-скифски. Обитали эти люди у подножья высоких гор. К востоку от этих лысых жили исседоны, выше них размещались аримаспы, одноглазые люди. Геродот не отождествляет исседонов с аримаспами (*История*, IV, 23–25). Высокие горы, у которых жили лысые, обычно отождествляются современными исследователями с Уральскими горами. Поскольку Геродот также склонен относить исседонов к скифским народам, следует предположить, что они должны были занимать степные районы, соседствующие с Уральскими горами.

Есть у Геродота и другая привязка территории исседонов. Определяя место обитания массагетов, он отмечал: «Живут они на востоке по направлению к восходу солнца, за рекой Араксом, напротив исседонов» (*Геродот*, I, 201). Река Аракс – это Аму-Дарья. Надо полагать, что геродотово «напротив» следует воспринимать как северней, то есть исседоны обитали северней массагетов. Если это так, то тогда исседоны должны были занимать земли к югу или юго-востоку от Уральских гор.

У современных исследователей, на предлагаемых ими различных этнокартах, исседоны поселялись в разных местах – от Урала до Алтая (Томсон, 1953; Руденко, 1960, с. 175, 176). Д.А. Мачинский, подробно рассмотревший вышеупомянутый путь, описанный Геродотом, пришел к выводу, что в середине V в. до н.э. «исседонов следует помещать к югу и юго-западу от Уральского хребта, в бассейне реки Урала» (Мачинский, 1971, с. 36). Аналогичная точка зрения была высказана В.П. Шиловым (Шилов, 1975, с. 134). К.Ф. Смирнов, отреагировав на исследование Д.А. Мачинского и опираясь на археологический материал, полагал, что с исседонами могут быть связаны только северо-восточные районы самаро-уральского варианта савроматской культуры, где памятники имеют некоторые особенности в погребальном обряде и материальной культуре. Это территория в основном верховий реки Урала (Смирнов, 1977а, с. 131, 134). После он не исключал возможности включения и центральноказахстанской тасмолинской культуры в зону обитания исседонов (Смирнов, 1984, с. 14, 15).

Если принять версию Д.А. Мачинского об обитании исседонов в Южном Приуралье, то тогда археологические памятники, относимые К.Ф. Смирновым к самаро-уральскому варианту савроматской культуры, должны принадлежать им. По наблюдению Д.А. Мачинского с появлением в источниках первых упоминаний о сарматах исчезают оригинальные сведения об исседонах. Исследователь считал, что сарматы появляются к западу от Дона в конце IV в. до н.э. Это время, конец IV – начало III в. до н.э., по мнению Д.А. Мачинского, было переломным в истории европейской степи и лесостепи (Мачинский, 1971, с. 54). Исчезновение одних и появление других этнонимов на разных территориях как раз могло быть связано с передвижением отдельных группировок кочевников, образованием новых племенных объединений. Эта идея, казалось, согласуется с разработками К.Ф. Смирнова, основанными на археологическом материале, о происхождении раннесарматской культуры на южноуральской

основе и продвижении ее носителей на запад в Поволжье и на Дон. Правда, сам К.Ф. Смирнов этот процесс связывал не с исседонами, а с протоаорсами.

Следует отметить, что достаточно объективной локализации исседонов письменные источники не дают. Интерпретация данных, восходящих к периегесе Аристия и переданных Геродотом, достаточно сложна, что нашло отражение во множестве мнений относительно определения территории исседонов. Сведение Геродота о том, что исседоны живут выше массагетов, не обязательно должно трактоваться как северней, в этом случае могут быть разные отклонения, учитывая слабую осведомленность греков о столь отдаленных местах. Так, например, можно допустить принадлежность исседонам тасмолинской культуры Центрального Казахстана (Маргулан и др., 1966, с. 403–409).

В вопросе отождествления южноуральских памятников савроматского времени с исседонами есть определенное несоответствие между письменными и археологическими источниками. Первые упоминания об исседонах относятся к VII в. до н.э. (Алкман – вторая половина VII в. до н.э.; Аристей – конец VII – начало VI, а возможно, и начало VII в. до н.э.). Те же археологические памятники Южного Урала, которые традиционно относили к савроматской культуре, появляются во второй половине VI в. до н.э. (Железчиков, 1994; Железчиков, Пшеничнюк, 1994) или даже к его концу (Таиров, 2005, с. 20). Это не позволяет убедительно отождествлять южноуральскую археологическую культуру савроматского времени с исседонами.

2.3. Даи (дахи)

Наиболее подробные сведения о месте обитания этого народа приводятся в «Географии» Страбона, написанной на рубеже эр, но в которой используются сведения и более ранних авторов. Страбон разделял северную Азию на две части. Первая из них помещается между Танаисом (Доном) и Каспийским (Гирканским) морем, которое он представлял заливом Северного океана. По этому поводу Страбон пишет следующее: «Каспийское море представляет собой залив, простирающийся от океана к югу; вначале море довольно узкое, но, расширяясь по мере удаления вглубь и в особенности в области самой отдаленной части, ширина его достигает около 5000 стадий» (*География*, XI, VI, 1). При такой интерпретации Каспийского моря за его узкую часть можно принять Волгу, впадающую в него с севера. Далее Страбон говорит, что при входе в Каспийское море справа между ним и Танаисом, то есть в первой части северной Азии, живут «скифы или сарматы», а с левой стороны, во второй части Азии, «живут кочевники, которых наши современники называют даями с прозвищем апарнов» (*География*, XI, VI, 2, VII, 1). Таким образом, даи должны были занимать территорию по другую сторону, видимо, узкой части моря перед его расширением, напротив неких скифов и сарматов. Предположительно это северо-восточные районы Прикаспия. Далее Страбон отмечает, что между даями и Гирканией располагается пустыня. Гиркания – это область, примыкающая к юго-восточной части Каспийского моря. Одно из подразделений даев апарны, совершая набеги на Гирканию и Парфию, должны были преодолевать пустыню длинными переходами. Действительно, восточные прибрежные районы Каспийского моря довольно пустынные – это плато Устюрт и Мангышлак, пустыня Каракумы.

Даев Страбон относил к числу восточных скифов. Они отличались, видимо, своей большой численностью, поскольку Страбон отмечал, что «большинство скифов, начиная от Каспийского моря, называются даями. ...Из даев одни назывались апарнами, другие – ксанфиями и третьи – писсурами». Восточнее даев обитали массагеты и саки (*География*, XI, VIII, 2).

По предположению Страбона из среды даев-апарнов вышел Арсак, основатель правящей династии в Парфии. Даев-апарнов, захвативших Парфию, Страбон называет «переселенцами из области даев, живущих над Меотидой, которых называют ксанфиями или париями», однако это мнение, как он отмечал, не являлось общепринятым.

С эпохи Александра Македонского начинается путаница у античных авторов с локализацией Танаиса и Меотийского озера. Это было отмечено и Страбоном, который говорил о том, что в угоду тщеславию Александра некоторые авторы Танаисом стали именовать Иаксарт (Сыр-Дарью), а Меотидой – Каспийское море, в которое якобы впадал Танаис-Иаксарт (*География*, XI, VII, 4). Но в этом случае определение первоначального обитания даев-апарнов выше Меотиды могло исходить от историков Александра, тогда под Меотидой следует подразумевать Каспийское или Аральское море, в которое действительно впадает Сыр-Дарья (Танаис-Иаксарт). В этом случае даи-апарны должны были занимать степные пространства севернее этих морей. Такую версию не исключал К.Ф. Смирнов. Он обратил внимание на то, что в научной литературе давно утвердилось мнение об отождествлении реки Урал, прежнее название Яик, с рекой Даиком античных источников. Совпадение названий может свидетельствовать о том, что даи в прошлом проживали на берегах нынешнего Урала (Смирнов, 1977а, с. 136). Достаточно уверенно о размещении даев (дахов) на основании античных источников в заволжских и оренбургских степях писал Ю.М. Десятчиков. По его мнению, даи могли быть носителями прохоровской археологической культуры, которые в IV в. до н.э. начали продвигаться из Приуралья на запад и юг. В Северном Причерноморье они становятся известными под именем сарматов-сирматов, которое является видоизмененным названием старого населения междуречья Волги и Дона – савроматов (Десятчиков, 1974, с. 9, 10). Аналогичная точка зрения была высказана известным специалистом в области изучения письменных источников по этнической истории Средней Азии И.В. Пьянковым. За Меотиду, выше которой источниками помещались даи (дахи), он принимает Аральское море. За ним, где-то в глубине материка, и обитал вышеназванный народ. Из этих мест начинается продвижение одной группировки дахов на юг, завершившееся образованием в середине III в. до н.э. парфянского государства во главе с династией Аршакидов, другой – на запад по степному поясу, приведшего к овладению ими территории к середине II в. до н.э. от Каспийского моря до Нижнего Танаиса (Дона). Последняя группировка отождествлялась И.В. Пьянковым с аорсами. Археологическим подтверждением изложенной ситуации является, по его мнению, распространение подбойных и катакомбных погребений с южной ориентировкой костяков, характерных для прохоровской и сусловской культур, по тем же направлениям. Опираясь на источники Птолемея и данные китайских авторов, он считал, что в III–II вв. до н.э. аорсы должны были занимать пространство от Западного Приуралья до реки Урал. И.В. Пьянков предполагает, что аорсы и дахи – одни и те же племена, вышедшие из одного центра, но освоившие впоследствии разные территории. Возражая В.И. Вайнберг о том, что нельзя одновременно отождествлять прохоровскую культуру с аорсами и дахами, он ссылается на многие случаи, когда один и тот же народ в разных источниках и у разных народов имеет различные названия. В качестве примера он приводит кипчаков, которые в русских летописях именуются половцами (Пьянков, 2002, с. 223, 224; 2004, с. 214–217).

Одно из первых известий о даях у античных авторов имеется у Геродота, в том месте его сочинения, где речь идет о подготовке Киром II восстания против мидян. Однако это сообщение не дает представления об их локализации,

упоминается лишь, что они были кочевниками (*История*, I, 125). Существует версия, основанная на данных вавилонского историка Бероса и несколько отличная от сведений Геродота, о том, что Кир погиб в битве не с массагетами, а с даями на берегах Окса (современная река Аму-Дарья)³. Даи (дахи) упоминаются в Авесте (Ельницкий, 1977, с. 81; Смирнов, 1977а, с. 135). Во времена завоевания Александром Македонским Персии даи выступали на стороне персов. Они участвовали в битве при Гавгамелах, поддерживали Беса, когда он пытался оказать сопротивление Александру в Средней Азии, сражались на стороне Спитамена. После завоевания Персии Александром даи уже в составе македонской армии принимают участие в его индийском походе. Активное участие даев в военных событиях, особенно во время нахождения Александра в Средней Азии, свидетельствует об их определенных политических интересах в этом районе и проживании в непосредственной близости от театра военных действий. В этот период времени по данным источников они занимали земли за Сыр-Дарьей, а также, вероятно, к северу от Хорезма (Гаибов, Кошеленко, 2005, с. 119–123).

Таким образом, предположение о месте обитания даев к северу от Аральского моря во время с V по IV в. до н.э. и принадлежности им археологических памятников Южного Приуралья или их какой-то части выглядит наиболее убедительным, чем обоснование их связи с исседонами.

А.С. Балахванцев предпринял попытку выделить по письменным источникам в Среднеазиатском регионе места обитания дахов со времен Александра Македонского и связать с ними археологические памятники. Такими местами оказались Бухарский Согд; Хорезм, вероятно его левобережные окраины; а также среднее течение Атрека. По мнению автора, все эти районы в археологическом отношении объединяются наличием в них подкурганых погребений в катакомбах. На территории Согда и в Южном Приаралье наряду с катакомбами присутствуют погребения в простых и подбойных ямах, ориентировка погребенных – головой на юг. Наиболее ранние памятники этого типа в отдельных среднеазиатских районах появляются с IV в. до н.э. А.С. Балахванцев высказал мнение, что погребальный обряд и категории материальной культуры среднеазиатских дахов находят близкие аналогии в памятниках прохоровской культуры Южного Приуралья. Причем степень этой близости настолько велика, что позволяет говорить о переселении кочевого населения, входившего в состав южноуральских прохоровцев, на юг, в районы Средней Азии. Эта миграция, по его мнению, имела место в IV в. до н.э. (Балахванцев, 2005, с. 64–67).

Таким образом, в скифскую эпоху степные пространства Восточной Европы занимали три крупные группировки номадов: скифы, савроматы и даи (рис. 4).

³ См.: Геродот. *История* в девяти книгах. Л., 1972 (примеч. 92 к кн. I).

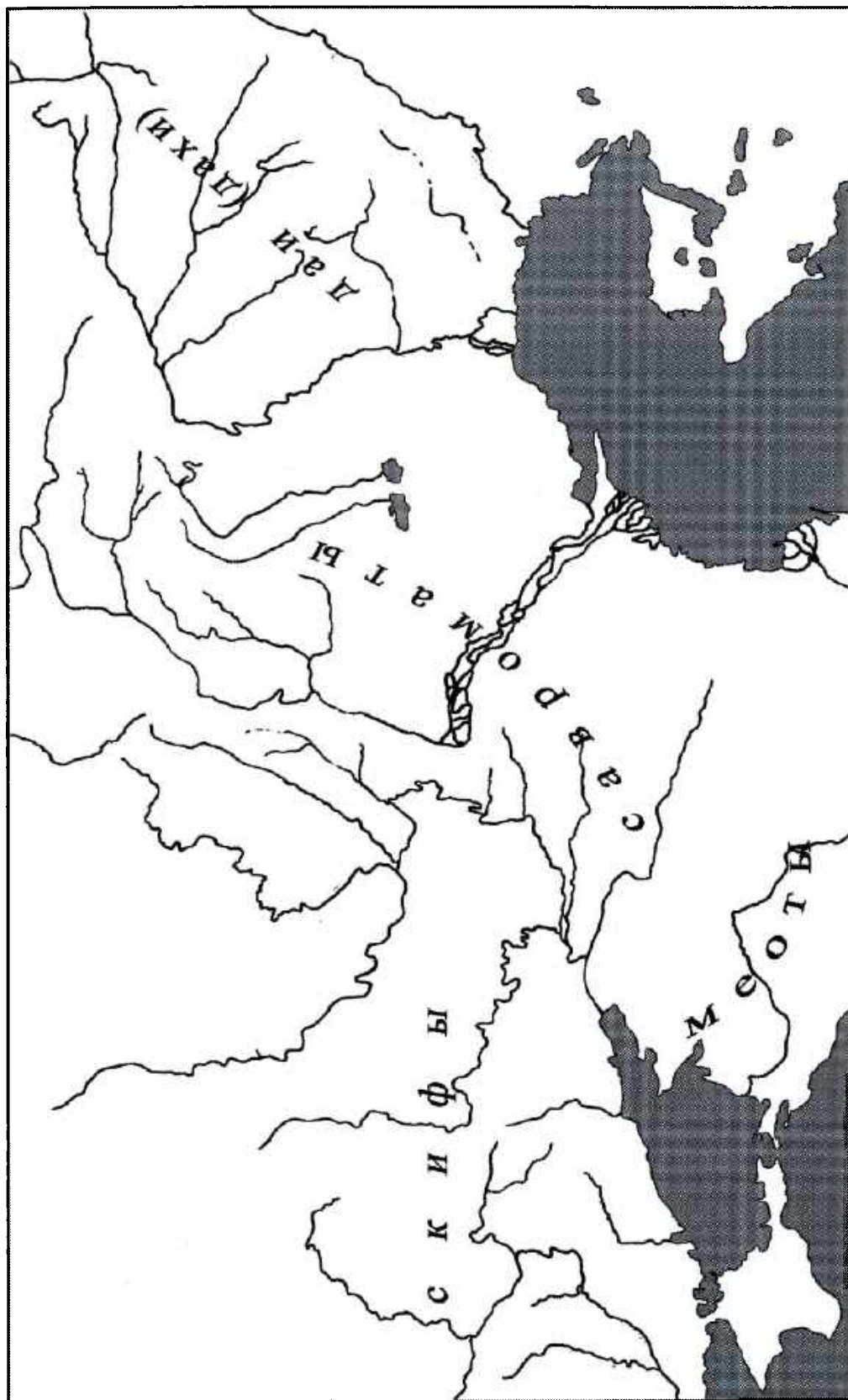

Рис. 4. Юг Восточной Европы. Карта расселения основных племенных объединений (вторая половина VI – первая половина IV в. до н.э.)

Глава 3. РАННЕСАРМАТСКИЙ ПЕРИОД

3.1. Письменные источники о происхождении сарматов

Существует мнение, что с IV в. до н.э. письменные источники начинают фиксировать сведения о сарматах. Так, Д.А. Мачинский полагал, что впервые географическое название «Сарматия» появилось в сочинениях Гераклида Понтийского (390–310 гг. до н.э.). Правда, подлинный текст Гераклида не сохранился. Об этом, ссылаясь на Каллимаха (310–235 гг. до н.э.), говорит Антигон Каристский, живший в III в. до н.э., что якобы в Сарматии есть озеро с дурным запахом, которое не может перелететь ни одна птица. Это озеро Д.А. Мачинский отождествлял с Сивашом (Мачинский, 1971, с. 45, 46).

Кроме того, Д.А. Мачинский предполагал, что сарматов на Танаисе знал и Эфор, что якобы может следовать из «Землеописания» Скимна Хиосского⁴, написанного около 90 г. до н.э. Поскольку этот автор при описании Северного Причерноморья и Приазовья использовал преимущественно труд Эфора, то его сообщение о том, что «на Танаисе... первыми живут сарматы» (*Землеописание*, 874–885), могло быть заимствованным у своего знаменитого предшественника.

Более определенно топоним «Сарматия» фиксируется у Теофраста (372–287 гг. до н.э.). Рассказывая о животном таранде, способном менять цвет, он отметил, что этот таранд, «как говорят, водится в Скифии или Сарматии...» (*О водах*, фр. 172). Однако конкретной локализации Сарматии Теофраст не дает. Из контекста следует, что эта область должна располагаться рядом со Скифией, надо полагать, к востоку от нее.

Обычно к III в. до н.э. относят события, нашедшие отражение в легенде о сарматской царице Амаге, переданной Полиеном (II в. н.э.) в его сочинении «Военные хитрости» (Ростовцев, 1925, с. 137, 138; Мачинский, 1971, с. 46). Амага вступилась за жителей Херсонеса, обижаемых царем соседних с ними скифов. Из описания военного сарматского набега во главе с Амагой на крымских скифов следует, что земли, располагаемые севернее Крыма, должны были в это время контролироваться сарматами.

Со II в. до н.э. сарматы выступают уже как значительная политическая сила в Северо-Причерноморском регионе. К 179 г. до н.э. относится упоминание о них в договоре причерноморских государств, инициатором которого был понтийский царь Фарнак I. Сведения об этом договоре содержатся в сочинении Полибия (ок. 205–123 гг. до н.э.). Перечисляя всех, вошедших в союз, он отметил: «...из числа европейских – Гатал, царь сарматский» (*История*, XXV, 2, 2), причем сарматы упоминаются в перечне наиболее значимых союзников.

Приведенные выше данные письменных источников с наиболее ранним упоминанием в них о сарматах хорошо известны специалистам и не однажды ими анализировались. Весьма спорно, как мне представляется, мнение об упоминании о сарматах в сочинениях античных авторов IV в. до н.э. Впервые оно

⁴ Подлинное имя автора «Землеописания» не сохранилось, приписывается Скимну Хиосскому, по этой причине в ссылках автор именуется как Псевдо-Скимн.

было высказано М.И. Ростовцевым. Основано это мнение на анализе источников перипла Псевдо-Скимна, автора II–I вв. до н.э. М.И. Ростовцев не без основания считал Эфора одним из основных информаторов Псевдо-Скимна в описании Северного Причерноморья и поэтому предположительно считал, что сведения о сарматах, содержащиеся у Псевдо-Скимна, могли быть заимствованы им у Эфора. Однако в самих рассуждениях М.И. Ростовцева о наследии Эфора приводятся данные, которые позволяют усомниться в наличии в его «Истории» новых оригинальных этнографических сведений о восточных районах Северного Причерноморья. М.И. Ростовцев отмечал сильную зависимость Эфора от Геродота. Приведу несколько его высказываний на этот счет: «...там, где мы имеем несомненно Эфоровскую традицию, мы сейчас же замечаем тесную связь с Геродотом»; «Тесная связь Эфора с Геродотом позволяет, может быть, думать, что для северного побережья Черного моря Эфор вообще удовлетворился Геродотом...» (Ростовцев, 1925, с. 28, 29). При такой зависимости Эфора от Геродота навряд ли информация о сарматах могла быть получена им от Геродота, поскольку последний таковой не располагал. Мнение о том, что сведения о сарматах Псевдо-Скимном заимствованы у Эфора, как уже отмечалось, поддерживал и Д.А. Мачинский, ссылаясь на то, что рассматриваемый фрагмент его перипла пересказан по Эфору, поскольку там же упоминается и его имя. Приведем дословно то место перипла Псевдо-Скимна, где речь идет о сарматах, в переводе В.В. Латышева: «На Танаисе, который служит границей Азии, разделяя материк на две части, – первыми живут сарматы, занимая пространство в 2 000 стадий. За ними, по словам (писателя) Деметрия, следует меотийское племя, называемое язаматами, а по Эфору оно называется племенем савроматов. С этими савроматами соединились, говорят, амазонки, пришедшие некогда после битвы при Термодонте; по ним-то они получили название женоуправляемых» (*Землеописание*, 874–885). Из прочтения приведенного текста следует, что информация о сарматах Псевдо-Скимном взята, скорее всего, из Деметрия, а не Эфора. За ними, то есть сарматами, по словам Деметрия, следует меотийское племя язаматы, мнение же Эфора имеет отношение только к последним, которых он называет савроматами. Первая половина приведенного выше фрагмента содержит новую информацию, упоминающую сарматов и язаматов, она явно принадлежит Деметрию. Заключительная же его часть, в которой дается характеристика савроматов, принадлежит Эфору, без сомнения восходящая к Геродоту. Деметрий Каллатийский, писавший на рубеже III–II вв. до н.э., по мнению М.И. Ростовцева, прекрасно был осведомлен о Крыме, Меотиде, Тамани, а сам автор перипла говорит о ближайшей своей зависимости от Деметрия в описании Понта (Ростовцев, 1925, с. 32, 34). Все это не позволяет мне присоединиться к мнению о том, что данные о сарматах в перипле Псевдо-Скимна заимствованы у Эфора.

Другие попытки обосновать по данным письменных источников появление сарматов в IV в. до н.э., на мой взгляд, могут существовать на уровне гипотез, но не как постулаты. Это относится к утверждению о том, что в сочинении Гераклида Понтийского (390–310 гг. до н.э.) зафиксировано упоминание о Сарматии. Как уже отмечалось, это стало известно из более поздних источников, но многоступенчатая передача информации в античной литературной традиции зачастую чревата поздними вставками. Мы не можем абсолютно исключать возможность того, что географическое название Сарматия, приписываемое Гераклиду, на самом деле принадлежит последнему информатору Антигону Каристскому. Тем более что два автора I в. до н.э. – Исигон Никейский и Сотион, пересказывая тот же фрагмент из сочинения Гераклида, говорят не о Сарматии, а о «земле савроматов», где это озеро находится. Д.А. Мачинский отмечал, что ко времени жизни двух последних авторов наименования «савроматы» и «сарматы» часто отождест-

влялись, и это так (Мачинский, 1971, с. 45), но мы не имеем в данном случае стопроцентной гарантии, что эти авторы не пользовались первоисточником или другими версиями, восходящими к нему.

Более определенно, исходя из весьма ограниченного круга письменных источников, одним из наиболее ранних следует все же считать географическое название Сарматия, зафиксированное у Теофраста в его сочинении «О водах», написанном на рубеже IV–III вв. до н.э. или, скорее всего, в самом начале III в. до н.э.

Как уже отмечалось, к одному из ранних упоминаний о сарматах, датируемое обычно III в. или рубежом III–II вв. до н.э., со ссылкой на мнение М.И. Ростовцева относят деятельность царицы Амаги, изложенную Полиеном (Смирнов, 1984, с. 72; Мачинский, 1971, с. 46). М.И. Ростовцев полагал, что рассказ об Амаге вписывается в контекст исторических событий III в. до н.э. и, в частности, отношений Херсонеса с внешним миром, нашедших отражение в труде историка Филарха и собственно херсонесского историка III в. до н.э. Сириска. В то же время М.И. Ростовцев отмечал, что рассказ об Амаге относится к кругу морализующей, новеллистической литературы, в которой «сообщаемые факты вряд ли могут претендовать на историческую достоверность», они могут быть использованы только для общей оценки состояния Боспора и Херсонеса того времени (Ростовцев, 1925, с. 138). Вполне можно согласиться с С.В. Полинным и А.В. Симоненко, что дату деятельности Амаги с уверенностью установить невозможно (Полин, Симоненко, 1997, с. 91).

Из ранних упоминаний о сарматах следует считать информацию, которая относится к рубежу III–II вв. до н.э., содержащуюся в перипле Псевдо-Скимна и переданную по Деметрию Каллатийскому, а также сообщение Полибия о сарматах Гатала, датируемое первой половиной II в. до н.э.

Таким образом, исходя из фрагментарных данных вышеназванных античных авторов, более уверенно можно говорить о том, что впервые наименование Сарматия появляется в сочинении Теофраста, надо полагать, как область обитания сарматов. Локализация этой области затруднена неопределенностью в самом тексте автора. Фраза Теофраста о том, что экзотическое животное таранд водится в Скифии или Сарматии, предполагает нахождение последней по соседству со Скифией. Учитывая, что сарматы, как и савроматы, обитали к востоку от Скифии и привязка их территории по античным источникам обычно осуществлялась к Танаису, Сарматия Теофраста следует помещать там же. К тому же примерно век спустя Деметрий в передаче Псевдо-Скимна по Танаису помещает сарматов, причем на его левом (азиатском) берегу, указывая, что они занимали пространство в 2 000 стадий, но не сообщая направления. Из вышеприведенных рассуждений следует, что у античных авторов географическое наименование Сарматия появляется раньше этнонима «сарматы».

Весьма интересные сведения по рассматриваемому вопросу дает эпиграфический материал. В конце прошлого века Ю.Г. Виноградовым была предпринята попытка нового прочтения эллинистического декрета «о несении Диониса», обнаруженного в 1906 г. в Херсонесе и датированного В.В. Латышевым III в. до н.э. В варианте перевода декрета, принадлежащего Ю.Г. Виноградову, упоминаются сарматы, готовые вторгнуться на территорию Крыма. Не вдаваясь сейчас в рассмотрение контекста событий, связанных с названным эпиграфическим памятником, отметим только то, что Ю.Г. Виноградов уточнил время его создания. Он называет широкую дату декрета – в пределах первой четверти III в. до н.э. и более узкую – 280 г. до н.э. (Виноградов Ю.Г., 1997, с. 104–124). Если вариант прочтения данного херсонесского декрета Ю.Г. Виноградовым верен, то тогда следует, что сарматы уже в начале III в. до н.э. были известны населению античных городов, по крайней мере северо-восточного Причерноморья, и Крым был в зоне их досягаемости.

К IV в. до н.э. относятся лаконичные упоминания в источниках сирматов, которые обитали у Танаиса (*Эвдокс. Землеописание*, кн. 1; *Скилак. Описание моря ...*, 68) (Мачинский, 1971, с. 44, 45).

В письменных источниках мы практически не находим никаких версий относительно происхождения сарматов. Соотношение этнонимов «сирматы» и «сарматы» не ясно. Очевидно, что первый этноним появляется раньше второго. Этноним «сирматы» фиксируется с IV в. до н.э., возможно с его первой половины, а «сарматы» более или менее убедительно с начала III в. до н.э., если учитывать появление этнонимического названия области Сарматия и декрета «О несении Диониса». В тех сочинениях, где уточняется место обитания тех и других, сирматы в IV в. до н.э. помещаются у Танаиса или даже к западу от него, а сарматы на рубеже III–II вв. – к востоку от него. Те и другие отличаются от савроматов, имея свои этнические названия. Причем отличие сарматов от савроматов, что весьма важно, осознается в ранних источниках. Так, Псевдо-Скимн, упомянув по данным Деметрия сарматов, счел возможным указать на отличие их от савроматов, назвав последних женоуправляемыми, сославшись на причастность их к амазонкам.

В более поздних письменных источниках сарматы начинают отождествляться с савроматами. В сочинениях многих авторов римского времени этнонимами «савроматы» и «сарматы», как правило, обозначается один и тот же народ. Так, Диодор Сицилийский (90–21 гг. до н.э.), изложив версию о переселении савроматов из Мидии к Танаису, отметил, что «эти последние [савроматы] много лет спустя, сделавшись сильнее, опустошили значительную часть Скифии и, поголовно истребляя побежденных, превратили большую часть страны в пустыню» (*Библиотека*, II, 43, 7). В этом фрагменте явно усматривается отождествление савроматов с сарматами. Однако ко времени гибели Скифии савроматы уже не играли какой-либо значимой роли. На восточных границах Скифии этническая ситуация кардинально начинает меняться с IV в. до н.э. Сначала здесь появляются сирматы, а впоследствии начинают фигурировать сарматы.

Родство сарматов с савроматами обосновывается Плинием Старшим (23/24 – 79 гг.). Упомянув, что сарматы живут у Танаиса, далее он говорит о происхождении их от мидян и разделении на многие племена, первыми из которых являются савроматы-гинекократумы, произошедшие от брака с амазонками (*Естественная история*, VI, 19). В данном пассаже только часть сарматов, видимо наиболее престижная, соотнесена с савроматами. В другом месте «Естественной истории», где речь идет о племенах, обитавших от Истра и далее вдоль северо-западного побережья Черного моря, упоминаются сарматы, которые, как отмечает Плиний, по-гречески называются савроматами. Из них он выделяет гамаксобиев, именуемых аорсами. Таким образом, Плиний сарматов и савроматов считал одним и тем же народом, только в греческой письменной традиции они именовались савроматами, а в римской – сарматами (*Естественная история*, IV, 80).

Можно привести еще пример. Так, Аппиан сообщает, что когда Митридат VI Евпатор, гонимый римлянами, появляется на Боспоре, то к нему в качестве союзников «присоединились из савроматов так называемые царские языги» (*Митридатовы войны*, 72). Известно, что языги на исторической арене появляются в то время, когда савроматы уже давно сошли с нее. В I в. до н.э., именно этим временем датируется событие, описанное Аппианом, господство в Восточно-Европейских степях принадлежало сарматам.

Подводя итог краткому анализу письменных источников, следует отметить, что в сочинениях античных авторов практически отсутствует информация о происхождении сарматов, в большинстве своем в них сарматы отождествляются с савроматами, часто этноним «савроматы» как явный анахронизм используется в отношении сарматов.

3.2. Южноуральский очаг этногенеза по археологическим и антропологическим источникам. Феномен прохоровской культуры

Рассмотрим теперь, как решается вопрос о происхождении сарматов по данным археологических источников. Начало выделения сарматских археологических памятников, разработка их датировок, а затем и периодизации были связаны в первую очередь с полевой и научной деятельностью А.А. Спицына, В.А. Городцова, М.И. Ростовцева, П.С. Рыкова, П.Д. Рау. Обобщение накопившегося археологического материала к середине прошлого века нашло свое завершение в известной статье Б.Н. Гракова (Граков, 1947, с. 100–121), которая на долгое время стала одним из основных исследований в сарматской археологии. В ней впервые достаточно четко были определены основные черты и хронологическая позиция раннесарматской культуры, получившей название прохоровской по четырем курганам, раскопанным крестьянами в Оренбургской губернии в 1911 г. у с. Прохоровка, материалы которых несколько позже были опубликованы М.И. Ростовцевым.

В указанной статье Б.Н. Граков, используя в основном археологический материал, в общих чертах излагает версию о родстве сарматов с савроматами. Выделенные им четыре культуры: савроматская (блюменфельдская), прохоровская (савромато-сарматская), сарматская (суловская) и аланская (шиповская) – рассматривались как генетически родственные между собой. По этому поводу он говорил следующее: «С VI в. до н.э. до конца IV в. н.э., т. е. в течение целой тысячи лет, на этом громадном пространстве [Волго-Уральские степи] бытовала и развивалась одна культура. Мало того, за два века до н.э. она стала развиваться по степям Украины и повлияла на развитие культур Северного Кавказа. Единство савроматов и сарматов всем этим окончательно доказывается» (Граков, 1947, с. 103).

Преемственность савроматской и прохоровской культур была обозначена в еще одном названии последней – савромато-сарматская культура. Генетическая связь сарматов с савроматами подтверждалась, по мнению Б.Н. Гракова, сохранением высокого статуса их женщин, что находило отражение в погребальном обряде и являлось продолжением савроматских традиций. В доказательство он приводит ряд раннесарматских женских погребений, происходящих в основном из районов Южного Приуралья, с оружием, представленным наконечниками стрел, что может свидетельствовать о причастности женщин к военным акциям. Другие атрибуты погребального обряда и некоторые категории вещевого материала, по мнению Б.Н. Гракова, говорят о том, что женщины являлись главами больших семей или выполняли функции жриц (Граков, 1947, с. 112–119). Необходимо отметить, что в этой работе Б.Н. Гракова прохоровская культура признавалась сарматской. После выхода названной работы термин «прохоровская культура» широко стал использоваться в археологическом лексиконе.

В дальнейшем проблемой происхождения сарматов по археологическим данным занимался К.Ф. Смирнов, посвятивший этой теме серию работ (Смирнов, 1964; 1971б; 1975; 1977а; 1984; и др.). Длительные археологические раскопки, проводимые им в Южном Приуралье, в значительной мере увеличили количество исследованных памятников савроматского и сарматского времени. Прекрасно владея всем археологическим материалам, известным на то время, он разработал концепцию, суть которой сводилась к приоритету Южного Приуралья в становлении первой сарматской культуры – прохоровской.

По мнению К.Ф. Смирнова, к началу IV в. до н.э. нарушается стабильность двух конфедераций племен единой савроматской культуры, занимавших Волго-Донские и Южно-Уральские степи. Происходит формирование новых могущественных племенных союзов. Эти события совпадают со становлением в Южном Приуралье прохоровской культуры и началом распространения ее на запад в сторону Волги и Дона.

Наиболее существенными чертами прохоровской культуры являлись: широкое распространение подбойно-катакомбных могильных ям и ям с заплечиками; южная ориентировка погребенных; подкурганые каменные сооружения в виде колец и выкладок; вложение в могилу передней ноги барана; круглодонная керамика; мечи со сломанным под углом или прямым перекрестием и серповидным навершием; бронзовые зеркала с плоским диском и ручкой или с валиком по краю диска.

В степях Южного Приуралья, по К.Ф. Смирнову, прохоровская культура складывается в начале IV в. до н.э. на многокомпонентной основе. С одной стороны, она генетически была связана со старым населением самаро-уральского варианта савроматской культуры, с другой – на ее формирование оказало влияние население Зауралья, Казахстана и, возможно, Приаралья (Смирнов, 1964, с. 268). Появление в прохоровских погребениях круглодонной керамики с примесью талька в тесте К.Ф. Смирнов объяснял возможным проникновением населения из Южного Зауралья и Казахстана, где аналогичная керамика была известна в V–IV вв. до н.э. Распространение подбойно-катакомбных погребальных ям он связывал с влиянием населения северных районов Казахстана, где такие конструкции были известны с V в. до н.э. Основываясь на археологическом и антропологическом материале, он предполагал связь южноуральского населения с населением Приаралья.

Ведущую роль в становлении прохоровской культуры, по мнению К.Ф. Смирнова, сыграли могущественные роды кочевников, обитавших в бассейне реки Илека, левого притока Урала, где уже в V в. до н.э. появляются подбойно-катакомбные ямы с южной ориентировкой погребенных. Население этого района в савроматское время он предположительно называл протоаорским, а прохоровского времени, со ссылкой на Страбона, – верхними аорсами.

В Поволжье в IV в. до н.э. еще в значительной мере сохраняются традиции савроматской культуры. Вторжение в среду савроматского населения носителей раннесарматской культуры из Южного Приуралья привело к разрушению старого союза савроматов в этом районе. В результате давления южноуральских кочевников во главе с аорсами во второй половине IV в. до н.э. из среды поволжских савроматов выделяются сирматы, которые занимают территорию к западу от Дона. Из западносавроматской среды, как предполагал К.Ф. Смирнов, вышли и сираки, отступившие в Предкавказье. Астраханскую область, юг Волгоградской области и Нижний Дон занимает аорский союз племен. В бассейне Еруслана, в Заволжье, скорее всего, располагаются роксоланы, которые во II–I вв. до н.э. займут территорию между Днепром и Доном. Со второй половины IV – III в. до н.э. прохоровская культура становится общей для кочевого мира Волго-Уральского региона. Вновь появившиеся сарматские группировки были неоднородными в антропологическом отношении, они были связаны с савроматским населением Поволжья, кочевниками Южного Приуралья и Казахстана (Смирнов, 1964, с. 288–290).

В дальнейшем К.Ф. Смирнов вносил отдельные коррективы в свою вышеизложенную концепцию происхождения сарматов. Так, он несколько изменил свою точку зрения на этническую принадлежность кочевников савроматского времени Южного Приуралья. Прямое отношение к ним, по его мнению, могли иметь древние дахи (daha Авесты), отождествляемые с даями античных источников. К.Ф. Смирнов полагал, что по данным Страбона территорию даев можно разместить северней Каспийского и Аральского морей. Теперь он вместо протоаорской и аорской принадлежности памятников савроматского и раннесарматского времени бассейна Илека высказывался в пользу их дахского происхождения. Им была сформулирована идея о дахо-массагето-сакском происхождении большинства сарматских объединений, продвинувшихся на запад и подчинивших Северное Причерноморье. Подчинение ими савроматов Геродота и включение их в состав завоевателей привело к оформлению новых племенных объединений в лице аорсов, роксоланов, языгов и сираков. Савроматские элементы в культуре

были ведущими у сирматов, отступивших за Дон, и у сираков, вытесненных в Предкавказье (Смирнов, 1977а, с. 135–137).

Специально вопрос о происхождении раннесарматской (прохоровской) культуры рассматривался М.Г. Мошковой в отдельной монографической работе (Мошкова, 1974). В ней она излагает идеи, близкие концепции К.Ф. Смирнова, только с большей их конкретизацией. Так же как и К.Ф. Смирнов, первоначальным районом формирования раннесарматской культуры она считает Южное Приуралье. Именно здесь впервые начинают появляться основные признаки этой культуры. Наиболее характерными из них она считает следующие: распространение южной ориентировки; значительное увеличение таких форм могильных ям, как узкие прямоугольные, подбойные, ямы с заплечиками, наличие мела и белой глины в погребениях. Вместо боков лошади и обезглавленных туш баранов в савроматское время, в качестве напутственной пищи в раннесарматских погребениях обычно находятся различные части туши барана, чаще нога с лопаткой. Существенные изменения происходят в вещевом материале. В значительной мере меняется керамический комплекс. Возрастает многообразие типов керамики, часто украшенных орнаментом, с примесью талька в тесте. Появляются круглодонные сосуды. Новыми формами представлено и оружие. Ранние мечи имеют сломанное под углом перекрестие, затем распространяются мечи и кинжалы с серповидным навершием и прямым перекрестием. Появляются бронзовые зеркала с валиком по краю диска и штырем для оформления ручки (Мошкова, 1974, с. 10–13).

О том, что раннесарматская культура начинает формироваться в Южном Приуралье, свидетельствует, по мнению М.Г. Мошковой, подсчет наиболее ранних памятников этой культуры, датирующихся IV в. до н.э. Так, в Южном Приуралье, по ее данным на это время, приходилось 43 погребальных комплекса с чертами раннесарматской культуры, а в Нижнем Поволжье, например, только пять (Новоникольское, кург. 3, погр. 3; Сайхин, кург. 1, погр. 1; Заплавное, кург. 6, погр. 2; Суслы, кург. 26; Верхнее Погромное, кург. 3, погр. 9).

В формировании раннесарматской культуры, по М.Г. Мошковой, существенное значение имели внешние влияния на кочевое население Южного Приуралья, существовавшее здесь с савроматского времени. Так, появление круглодонной керамики с тальком в сарматских памятниках IV в. до н.э. было связано с влиянием традиций лесостепного населения Зауралья, оставившего памятники воробьевской, иткульской и гороховской культур. Поскольку новые типы керамики в Южном Приуралье распространяются с новой технологией ее изготовления, она допускала частичное переселение в этот район из Зауралья, преимущественно представителей гороховской культуры. В распространении подбойных могил в раннесарматское время в Южном Приуралье М.Г. Мошкова не исключала влияния отдельных районов Казахстана. Дромосные ямы, известные ранее в Южном Приуралье и сохранившиеся в раннесарматское время, могли появиться здесь под влиянием приаральских саков. Отметив целый ряд параллелей в культурах Южного Приуралья, Казахстана и Приаралья, М.Г. Мошкова в осторожной форме допускала возможность «участия отдельных групп кочевого населения казахстано-приаральских степей в процессе формирования прохоровской культуры» (Мошкова, 1974, с. 46).

Попытку рассмотреть происхождение ранних сарматов на археологическом материале предпринял в середине 70-х гг. XX в. В.П. Шилов, длительное время проводивший раскопки в Нижнем Поволжье. Его точка зрения на данную проблему существенно отличалась от концепции К.Ф. Смирнова и М.Г. Мошковой. В.П. Шилов попытался обосновать значительное различие в погребальном обряде, материальной культуре и антропологическом типе в раннесарматское время двух районов – Южного Приуралья и Нижнего Поволжья. Особенно он подчеркивал различия в керамическом комплексе, являвшемся важным этнографическим признаком. Все это, по мнению В.П. Шилова, противоречило концепции вышеназван-

ных авторов о становлении раннесарматской культуры первоначально в Южном Приуралье и дальнейшем ее продвижении в Нижнее Поволжье. Основной его вывод сводился к следующему утверждению: в обоих районах в одно и то же время на базе предшествующих культур самостоятельно формировались две новые культуры – прохоровская в Южном Приуралье и раннесарматская в Нижнем Поволжье и на Дону (Шилов, 1975, с. 124–133).

Опираясь на письменные источники, В.П. Шилов считал, что в Волго-Донских степях в раннесарматское время обитали потомки геродотовых савроматов: верхние аорсы, аорсы и сираки; а в южноуральских степях, видимо, потомки исседонов. Выявляемое сходство по ряду черт погребального обряда и инвентарю между двумя районами объясняется В.П. Шиловым возможной инфильтрацией небольших исседонских групп в Волго-Донские степи, где они были ассимилированы ранними сарматами (Шилов, 1975, с. 134).

На книгу, в которой была изложена версия В.П. Шилова, М.Г. Мошкова и К.Ф. Смирнов откликнулись рецензией, в которой отстаивали свои прежние позиции. Они еще раз изложили собственное видение проблемы происхождения раннесарматской (прохоровской) культуры, суть которого сводилась к следующим моментам. Раннесарматская культура складывается на основе савроматской культуры. Савроматскую культуру они рассматривали единой с двумя локальными вариантами: самаро-уральским и волго-донским. В этническом отношении население двух этих районов было близкородственным. Раннесарматская культура первоначально складывается на основе самаро-уральского локального варианта с участием пришлых племен из Зауралья, Казахстана и, вероятно, Приаралья. Окончательно раннесарматская культура оформляется к концу IV в. до н.э. С рубежа IV–III вв. до н.э. или немного раньше она начинает распространяться в Нижнем Поволжье путем миграции носителей новой культуры в среду савроматов Геродота. К началу III в. до н.э. складывается единая археологическая культура для Южного Приуралья и Нижнего Поволжья (Мошкова, Смирнов, 1977, с. 266, 267).

В первой половине 80-х гг. прошлого века выходит монографическое исследование, посвященное памятникам савроматского и сарматского времени на территории Башкирии (Пшеничнюк, 1983). В книге был опубликован ряд новых памятников указанного времени, раскопанных автором. Анализ их погребального обряда и вещевого материала позволил ему сделать ряд интересных наблюдений. Он обратил внимание на то, что погребальные комплексы, датируемые в пределах VI–III вв. до н.э., западных районов Башкирии и Зауралья различаются между собой. Если для первого района памятники двух культур, савроматской и раннесарматской, относительно четко разграничиваются, то для второго района, Зауралья, такую процедуру проделать гораздо сложнее. Этот район, по мнению А.Х. Пшеничнюка, отличался смешением черт двух культур. Здесь признаки раннесарматской культуры (южная ориентировка погребенных, подбойные ямы, круглодонная керамика с тальком) появляются уже с конца VI – в V в. до н.э. Такая ситуация в Зауралье, считает А.Х. Пшеничнюк, сложилась в результате продвижения савроматских племен на территорию лесостепных районов, занятых оседлым населением, а не наоборот, как предполагали К.Ф. Смирнов и М.Г. Мошкова. А.Х. Пшеничнюк эти события считал решающими в становлении раннесарматской культуры (Пшеничнюк, 1983, с. 76–86, 128).

Постепенно все очевиднее складывалось представление, что в рамках выделенной одной савроматской культуры на разных территориях ее распространения, с одной стороны в Поволжье, а с другой – в Южном Приуралье, развитие культуроопределяющих элементов существенно различалось. Такая ситуация приводила исследователей к мысли об отказе от объединения памятников VI–IV вв. до н.э. на территории от Дона до Южного Урала исключительно в рамках одной культуры.

Б.Ф. Железчиков на основании статистической обработки южноуральских памятников приходит к выводу о том, что в этом районе со второй половины VI по

III в. до н.э. существует и развивается одна археологическая культура, а не две, как это традиционно считалось ранее, савроматская и раннесарматская. В процессе развития этой единой культуры идет становление тех черт, которые характеризуют археологический раннесарматский комплекс. Какого-либо специального названия этой единой культуре Б.Ф. Железчиков не давал, именуя ее культурой ранних кочевников Южного Приуралья (Железчиков, 1995, с. 30–32; 1997, с. 127).

В 80-е гг. прошлого века было высказано мнение о начале формирования раннесарматской (прохоровской культуры) со второй половины VI в. до н.э. Причем некоторые ее характерные черты раньше всего проявляются в Южном Зауралье. Такие ее элементы, как южная ориентировка погребенных, наличие дромосных, подбойных и катакомбных ям, по мнению исследователей, являлись своеобразными маркерами, определяющими элитарный статус военно-жреческой знати нового общества. В V – начале IV в. до н.э. на территорию Зауральской степи из лесостепи проникают племена гороховской культуры, принесшие с собой так называемую тальковую керамику. В дальнейшем престижные черты погребального обряда начинают восприниматься рядовым населением, что и знаменует собой завершение формирования новой культуры (Таиров, Гаврилюк, 1988, с. 141–152).

В последующее время тема происхождения прохоровской культуры активно исследовалась А.Д. Таириным. Им была разработана ее внутренняя периодизация для зауральских памятников, включающая древнепрохоровский (вторая половина VI – середина V в. до н.э.), раннепрохоровский (вторая половина V – IV в. до н.э.) и прохоровский (III–II вв. или середина II в. до н.э.) этапы (Таиров, 2004, с. 3–22). Становление прохоровской культуры в Южном Зауралье, по мнению А.Д. Таирова, происходило в результате взаимодействия нескольких компонентов, из которых он выделял четыре основных: местный, представленный бобровско-тасмолинской культурой, и пришлые: скифское население восточноевропейской степи и лесостепи и, возможно, Северного Кавказа; саки Юго-Восточного Приаралья; кочевники Северного и Северо-Западного Китая (Таиров, 2005, с. 17). Продвижение приднепровских скифов в район Южного Приуралья, которое прослеживается с рубежа VII–VI вв. до н.э. и массовым становится с конца VI в. до н.э., обосновывается появлением здесь деталей конской узда, вооружения, антропоморфных изваяний, близкие параллели которым обнаруживаются в Поднепровье. Проникновение скифов в Южно-Уральский регион объяснялось изменением этнополитической ситуации в Причерноморье и Волго-Камье, создавшей благоприятные условия для установления их контроля над металлургическими и металлообрабатывающими центрами Южного Зауралья (Таиров, 2008, с. 30–34). Точка зрения о существенной роли западнскифского элемента в формировании ядра прохоровской культуры обосновывалось и С.Ю. Гуцаловым. Кроме упомянутых, к «скифским этническим маркерам» он относит погребения в дромосных могилах с деревянными шатровыми конструкциями и южной ориентировкой погребенных, фиксируемые в Южном Приуралье. «Прямые аналогии» этим элементам в вещевом материале и погребальном обряде памятников Южного Приуралья С.Ю. Гуцалов усматривает в курганах скифов VII – начала VI в. лесостепной Украины, преимущественно Днепровского левобережья, в Посулье. Если А.Д. Таиров в большей мере в вероятностной форме говорит о скифском компоненте и в весьма осторожной форме реконструирует продвижение западных скифов на Южный Урал и их роль в дальнейшем здесь этногенезе, то С.Ю. Гуцалов придает этому фактору решающее значение в становлении прохоровской культуры. Он пишет, что «именно скифы стали этническим ядром мощного кочевого союза, зародившегося во 2-й половине VI в. до н.э. и получившего у археологов название “прохоровская культура”» (Гуцалов, 2004б, с. 216).

Вслед за скифами, по А.Д. Таирову, в Южное Зауралье и Приуралье приходят саки Юго-Восточного Приаралья. Их появление здесь объясняется политическими событиями в Средней Азии, связанными с завоевательной политикой персов.

Походы сначала Кира II, а затем и Дария I завершились включением ряда территорий Средней Азии в состав Персидского государства, что привело к миграции части кочевников из Приаралья в Южное Приуралье. Сюда был перенесен их политический центр и родовые могильники. Эти события объясняют появление во второй половине VI в. до н.э. новой, не имеющей местных южноуральских корней, культуры и значительное увеличение здесь кочевнических памятников (Таиров, 2005, с. 18, 19).

Важную роль А.Д. Таиров отводил миграции кочевников с востока, предположительно с районов Северного и Северо-Западного Китая, более уверенно он говорит о Восточном Туркестане как исходной территории этой миграции. Миграций, исходивших из указанных районов и достигавших Южного Урала, было несколько, охватывающих в общем период с рубежа VIII–VII вв. до н.э. до середины II в. до н.э. Эти передвижения кочевников из Восточного Туркестана на запад А.Д. Таировым объясняются экологическими и политическими причинами (Таиров, 2003, с. 45–55; 2006б, с. 138, 139). Так, в результате благоприятных климатических условий в Северном, Северо-Западном Китае и Южной Монголии в VII – первой половине V в. до н.э. значительно увеличивается численность кочевого населения центральноазиатских районов, что заставляет отдельные их группировки переселиться в другие места. Этот процесс охватил значительные районы, включающие Туву, возможно Минусинскую котловину, Восточный Туркестан и Юго-Восточный Казахстан. Отдельные группировки кочевников, постепенно продвигаясь через Семиречье, Среднюю и Нижнюю Сырдарью, осваивают территорию Южного Урала (Таиров, 2005, с. 22–24; 2016, с. 275–279).

Значительные изменения в погребальной обрядности и материальной культуре связаны с появлением здесь кочевого населения в третьей четверти V в. до н.э., пришедшего на Южный Урал из Восточного Туркестана через Семиречье. По периодизации А.Д. Таирова это переселение приходится на время перехода от древнепрохоровского (конец VI – V в. до н.э.) к раннепрохоровскому (вторая половина V – IV в. до н.э.) этапу. С этого времени на Южном Урале начинают интенсивно распространяться элементы, характеризующие прохоровскую культуру. Появляются новые формы оружия, в первую очередь мечи и кинжалы со сломанным под углом или дуговидным перекрестием и различными вариантами наверший, в том числе и серповидными. Исходные формы такого типа клинкового оружия, по мнению А.Д. Таирова, происходят из районов Северного, Северо-Западного Китая и Западной Монголии, где они датируются преимущественно в пределах VII–V вв. до н.э. С конца V – начала IV в. до н.э. появляется новый тип зеркал с большим диском, длинной ручкой и широким валиком по краю, с выпуклостью в центре. В это же время появляются и некоторые новые образцы звериного стиля. Инновации в погребальном обряде характеризуются следующими основными чертами: распространением погребений в подбойных ямах и ямах с заплечиками; преобладанием ориентировок погребенных в южный сектор; помещением в яму передней ноги с лопаткой или части грудной клетки барана. С этим событием связано и зарождение в Южном Зауралье круговой планировки погребений под курганной насыпью. Пришельцы, как считает А.Д. Таиров, достаточно быстро слились с местным населением. Однако в отличие от С.Ю. Гуцалова он полагает, что именно восточные пришельцы занимают ведущие позиции в обществе южноуральцев (Таиров, 2006а, с. 71, 72; 2006б, с. 132, 133).

Собственно отдельные элементы прохоровской культуры в Южном Зауралье, по А.Д. Таирову, фиксируются еще на древнепрохоровском ее этапе (конец VI – V в. до н.э.). В ряде случаев отмечены катакомбные конструкции ям, ям с заплечиками, шатровые или каркасные конструкции над дромосными ямами, ориентировка погребенных к югу. Появление новых групп кочевников с конца V в. до н.э. из тех же мест, что и в предыдущее время, приводит к усилению тех элементов, которые характеризуют прохоровскую культуру.

А.Д. Таиров в целом ряде работ развивает и ранее высказывавшееся мнение об участии еще одного этнического компонента в становлении прохоровской культуры. Речь в данном случае идет о лесостепном населении Зауралья, представленном гороховской, иткульской и гафурийской культурами. Для кочевого населения важным было развитие черной металлургии на территории иткульской культуры, откуда к ним поступали не только готовые изделия, но и слитки металла. О связях кочевников с лесостепным населением свидетельствует и распространение керамики, находящей ближайшие аналогии в памятниках названных лесостепных культур (Таиров, Гуцалов, 2006, с. 312–340; Таиров, 2016, с. 275–279). Эти идеи, как уже отмечалось, и раньше высказывались исследователями, но в работах А.Д. Таирова они получили достаточно подробное обоснование. Благоприятные климатические условия в северной лесостепной части Зауралья привели к подъему скотоводческой экономики, росту населения, расширению их жизненного пространства и, как следствие, к обострению политической ситуации в этом районе. В результате гороховское племенное объединение, ранее подвергнутое влиянию степных кочевников, было разгромлено племенами саргатской культуры. Часть гороховского населения смещается к югу, на территории, контролируемые кочевниками Южного Зауралья, и включается в их состав. Наступившая аридизация в Южном Зауралье в конце V – начале IV в. до н.э. и переселение гороховцев значительно осложнили демографическую ситуацию в этом районе. Это событие предопределило освоение с IV в. до н.э. южнозауральскими кочевниками и вошедшим в их состав лесостепным населением степных районов Южного Приуралья (Таиров, 2003, с. 49, 50; 2006а, с. 72; Таиров, Гуцалов, 2006, с. 320, 321).

В настоящее время наиболее приемлемой версией происхождения прохоровской (раннесарматской) культуры в Южно-Уральском регионе следует признать ту, которая обосновывает миграционное происхождение кочевого населения, оставившего курганные могильники, относящиеся ко времени еще до окончательного сложения рассматриваемой культуры. К ним, в частности, относятся Филипповские курганные могильники и некоторые другие памятники V–IV вв. до н.э., представленные рядом элитных захоронений. В совершении этих погребений, в погребальном обряде и материальной культуре присутствуют те элементы, которые станут ведущими в прохоровской культуре. Таким образом, признаки прохоровской культуры первоначально начинают формироваться в погребальной практике элиты кочевого общества, которые затем распространяются на остальную часть населения данного кочевого общества (Яблонский, 2011, с. 234–240).

Установлено, что археологические данные свидетельствуют о многокомпонентной основе формирования прохоровской культуры. Чтобы получить более объективную картину этого процесса, следует обратиться к другому типу источников.

Практически всеми исследователями признавалась многокомпонентная основа формирования раннесарматской культуры. По некоторым из них существует общепризнанное мнение, например, влияние местного и лесостепного зауральского компонентов, другие, роль скифов из северных районов Причерноморья и передвижение кочевников от северо-западных границ Китая к Южно-Уральскому региону, требуют дальнейшего исследования и обоснования, они могут пока существовать на уровне научных гипотез.

В последних своих работах Л.Т. Яблонский более полно обосновал идею, которая исследователями высказывалась и ранее, о непрерывном развитии культуры ранних кочевников Южного Приуралья в течение VI–III вв. до н.э., выделив в рамках этого времени три фазы: «А», «В», «С». С фазой «А» (вторая половина VI – середина V в. до н.э.) связана первая миграционная волна ранних кочевников, во главе которых стояли элитарные группы номадов. Более правдоподобной он считал версию о миграции кочевого населения из Южного Зауралья в Южное Приуралье. Роль в этом миграционном процессе населения из приуральских регионов, если

она и имела место, была незначительной. Во время фазы «В» (вторая половина V – третья четверть IV в. до н.э.), которая именуется еще и как переходный период, происходит формирование погребального обряда, не связанного с внешними миграциями, а как результат внутренних этноэволюционных процессов и контактов с другими группировками. Типологически к этой фазе относятся погребальные комплексы из могильников Филипповка I и II, Переволочаны, которые «можно относить уже к раннесарматской археологической культуре, то есть ко времени формирования этнического сознания предполагаемых археологических ранних сарматов». Наряду с элитарными в это время распространяются и рядовые могильники. Фаза «С» (третья четверть IV – III в. до н.э.), раннесарматский период, окончательное оформление всех составляющих раннесарматского погребального обряда (Яблонский, 2015, с. 17–24; 2016, с. 304–311).

Антропологические исследования по сарматской тематике ранее значительно отставали от археологического ее изучения. По этой причине различные этногенетические реконструкции, касающиеся сарматов, создавались в основном археологами. К настоящему времени антропологическое изучение сарматских материалов значительно продвинулось вперед. Появилась серия работ, в том числе и монографического плана, в которых анализируются представительные антропологические выборки, дающие возможность воссоздать более объективную картину этногенеза в разные периоды сарматской истории.

Для того чтобы понять, на какой этнической основе сформировалась прохоровская культура, необходимо обратиться к несколько более раннему времени. В разделе, посвященном савроматам, мы отчасти касались этой темы, здесь рассмотрим ее несколько подробнее. В последнее время все отчетливее вырисовывается картина существенных этнических изменений, произошедших в период перехода от бронзового к началу раннего железного века на значительной территории евразийского степного пространства. Если раньше, несмотря на существенные различия между памятниками поздней бронзы и раннего железного века, все же считалось, что основную роль в формировании этносов раннего железного века Волго-Донского, Южно-Уральского регионов, территории Казахстана и Средней Азии играло население срубной культуры и культур андроновского круга, то на сей день реконструкция этого процесса выглядит более сложной, в ней существенное место отводится миграциям.

Так, Л.Т. Яблонский, полемизируя с Е.Е. Кузьминой, отмечал, что «палеоантропологические материалы при анализе их на популяционном уровне отнюдь не свидетельствуют о всеобщей “андроноидности” физического типа сакского населения Средней Азии и Казахстана». Морфологический тип населения поздних этапов андроновской, а также другой культуры позднего бронзового века – тазабагыбской, отличен от физического облика носителей сакских культур Приаралья, Центрального и Восточного Казахстана, причем это отличие квалифицируется на уровне отсутствия между ними генетической связи (Яблонский, 2006, с. 348, 351). Гетерогенность отдельных популяций ранних кочевников отмеченных районов свидетельствует, по мнению Л.Т. Яблонского, о разнонаправленном миграционном их происхождении. Причем определенную роль в формировании населения культур сакского типа играл восточный импульс, что подтверждается наличием монголоидной примеси на краниологическом материале (Яблонский, 1998, с. 44; 2006, с. 348, 349).

Наиболее предпочтительной, с точки зрения Л.Т. Яблонского, является гипотеза, в соответствии с которой культуры сакского типа сложились не на прямую на андроновской основе, а в результате миграций генетически гетерогенного населения лесостепных районов Зауралья, Западной и Южной Сибири с вероятным включением мигрантов из Волго-Уралья и Центральной Азии (Яблонский, 2006, с. 352).

Л.Т. Яблонский, отмечая роль восточного импульса и, в частности, появление людей с монголоидной примесью в формировании раннесакского населения, считал, что он имел клинальный характер и не затронул ряд районов, в том числе и Волго-Уральский регион (2003, с. 223; 2006, с. 249, 264). Однако, видимо, миграционные процессы, предшествующие становлению ранних кочевнических культур на стыке европейской и азиатской степей, носили более обширный характер. Если в отношении Южного Приуралья можно согласиться с Л.Т. Яблонским, где комплексов, датируемых в промежутке между VIII и VI вв. до н.э., незначительное число и они не могут дать какой-либо определенной картины об их происхождении по антропологическим данным, то в Нижнем Поволжье эта ситуация выглядит иначе. Она, в принципе, близка той, которая была обоснована Л.Т. Яблонским для ареала формирования культур сакского круга.

М.А. Балабанова на основании, хотя и небольшой, краниологической серии из погребений предскифского (IX–VII вв. до н.э.) времени пришла к достаточно определенному выводу о том, что на территории между Доном и Уралом это население сильно отличалось от своих предшественников – населения срубной культуры. Появление нового морфологического типа в Поволжье она связывает с миграцией с востока. Для него была характерна брахикrania, низкосводчатая мозговая коробка, сочетающаяся с ослабленной горизонтальной профилировкой лица и резким углом выступания носовых костей (Балабанова, 2000в, с. 105). Вслед за В.П. Алексеевым и И.И. Гохманом этот тип она называет восточными европеоидами, который к концу эпохи бронзы сформировался в степях Западной Сибири из европеоидного по облику населения карасукской, андроновской, еловской и других культур. Отдельные черты монголоидности были усвоены восточными европеоидами вследствие их контактов с лесостепным населением Западной Сибири, Тувы, Забайкалья и Монголии (Балабанова, 2000а, с. 36).

По данным М.А. Балабановой тип восточных европеоидов, появившийся в Поволжье в предскифское время, сохраняется и в сарматское время, а к рубежу эр он распространяется вплоть до Дуная (Балабанова, 2000в, с. 105).

Антропологические исследования населения савроматского времени Нижнего Поволжья и Южного Приуралья свидетельствуют об их тесной связи с восточными регионами. Так, в результате межгруппового анализа «выборки из Волго-Донского междуречья и Лебедевки объединились в один кластер с сакскими группами (Восточный Казахстан, Усть-Буконь, Чирик-Рабат, Тагискен), с сериями саргатской культуры, скифское время предгорный Алтай и др.». Видимо, такая ситуация в некоторой мере определялась предскифской подосновой населения савроматского времени. Как отмечала М.А. Балабанова, краниологическая «сборная серия киммерийского времени» обнаруживает сходство с сериями заволжской и астраханской групп савроматского времени. По обоснованному мнению М.А. Балабановой, население Волго-Уральского региона в савроматское время «тяготеет к востоку и является неотъемлемой частью скифо-сибирского мира», их сближают не только культурные традиции, но и общность генетических корней (Балабанова, 2000а, с. 41–43).

Вопреки письменным источникам антропологические данные пока не подтверждают родства савроматов (население Волго-Донского региона VI–IV вв. до н.э.) и скифов Северного Причерноморья. Правда, в связи с отсутствием опубликованного раннескифского антропологического материала, для сравнительного анализа использовались выборки преимущественно IV в. до н.э. Все они по своим характеристикам оказались морфологически достаточно близки предшественникам скифов – населению срубной культуры на территории Украины. Их отличительной чертой являлась долихокрания, совокупно с другими краниологическими признаками скифов Северного Причерноморья можно отнести к западным европеоидам, в отличие от савроматов – восточных европеоидов (Балабанова, 2000а, с. 42; 2000в, с. 105). О разных генетических линиях развития, с одной стороны –

скифов Северного Причерноморья, а с другой – «савроматских», раннесарматских и приаральских популяций, писал Л.Т. Яблонский (1999б, с. 141–143; 2000, с. 38).

Палеоантропологические данные свидетельствуют об определенном сходстве кочевого населения савроматского и раннесарматского времени как Волго-Донского региона (Балабанова, 2003, с. 242), так и Южного Урала (Яблонский, 2003, с. 229), которое, с одной стороны, может объясняться общими их генетическими корнями, с другой – миграционными процессами из районов Зауралья в Южное Приуралье и Поволжье.

Исследования Л.Т. Яблонского выявили сходство в антропологическом отношении в савроматское и раннесарматское время населения Зауральской лесостепи, Приуральской степи и Южного Приаралья. Это сходство объясняется «как общей генетической основой формирования этих популяций, так и непосредственным участием зауральского населения в освоении пространств к западу и к югу от Уральских гор» (2003, с. 229, 230). На основании исследований М.А. Балабановой к этому ареалу следует добавить и территорию между Доном и Южным Уралом.

В настоящее время наиболее обоснованной версией является та, по которой приоритет формирования прохоровской культуры отводится Южному Зауралью и Южному Приуралью. Краниологические материалы позволяют предположить наличие в прошлом двух миграционных волн из Зауралья, одна из них относится к раннесакскому времени, начало второй приходится на вторую половину VI в. до н.э. Последняя из них имеет непосредственное отношение к становлению раннесарматской культуры. В отличие от первой миграции, она была направлена и в сторону Южного Приуралья. Причем эта миграция не являлась, вероятно, одновременным актом, а представляла собой ряд передвижений кочевников, в процессе которых происходило освоение Южного Приуралья. Присутствие лесостепного зауральского населения в Южном Приуралье и Западном Казахстане фиксируется погребальными памятниками IV–III вв. до н.э., в которых черепа умерших имели монголоидный облик (Китов, Мамедов, 2014, с. 233). В этих событиях могли принять участие и выходцы из «среднеазиатско-казахстанского региона». Для населения прохоровской культуры Южного Приуралья характерна достаточно выраженная гетерогенность. Об этом, в частности, свидетельствуют палеоантропологические материалы Покровских могильников, часть из которых тяготеет к населению зауральской лесостепи, другая обнаруживает сходство с предшествующим населением савроматского времени Поволжья и Приуралья. Не исключается участие в этом процессе выходцев из районов Нижней Сырдарьи. Вышесказанное позволило Л.Т. Яблонскому сделать следующий вывод: «В прохоровское время на территории Южного Приуралья образовался своеобразный очаг этно- и культурогенеза сарматов. Уже к III в. до н.э. степной уральский регион стал своеобразным плацдармом для дальнейших волнообразных и разнонаправленных миграций кочевников...» (2006, с. 363).

Таким образом, становление раннесарматской культуры происходило на территории Южного Приуралья в результате миграционных и внутренних процессов, протекавших в этом регионе в период с середины VI по III в. до н.э. Феномен прохоровской культуры заключается в распространении ее элементов на обширном пространстве и преобладании их в течение длительного времени с IV по I в. до н.э. С IV в. до н.э. памятники этой культуры охватывают территорию от Южного Приуралья и Западного Казахстана до Волги, Дона и Кубани, элементы этой культуры фиксируются в Средней Азии. Со II в. до н.э. ее признаки появляются на территории ряда современных республик Северного Кавказа, в Северном Причерноморье. Для кочевых племен юга Восточной Европы и сопредельных территорий эта культура по своей сути носила международный характер, поскольку ее элементы фиксируются на тех территориях, на которых, судя по письменным источникам, обитали различные племенные объединения: аорсы, верхние аорсы, сираки, роксоланы.

3.3. Территория ранней Сарматии. О принадлежности памятников прохоровской культуры Южного Приуралья сарматам

Идея отождествления южноуральских памятников раннего железного века с сарматами восходит к трудам М.И. Ростовцева (1918а, с. 81). На мой взгляд, вопрос о сарматской принадлежности южноуральской прохоровской культуры требует специального рассмотрения. Представление о прохоровской культуре как о культуре ранних сарматов вне зависимости от территории ее распространения значительно укрепилось под влиянием мнения о единой савроматской культуре, на основе которой при некоторых внешних влияниях происходило становление и развитие прохоровской культуры. Античная традиция также зачастую отождествляла савроматов и сарматов.

Сейчас очевидно, что савроматы со значительной долей вероятности могут отождествляться только с культурой ранних кочевников IV–IV вв. до н.э. Волго-Донского региона. Формирование прохоровской культуры происходило на базе кочевых группировок Зауралья и Южного Приуралья, начиная со второй половины VI в. до н.э. вплоть до IV в. до н.э., не затрагивая Нижнее Поволжье, что свидетельствует об обособленности двух районов в плане их культурного развития. Линии развития культур этих регионов до IV в. до н.э. были различными. Распространение прохоровской культуры в Нижнем Поволжье носило, скорее всего, военный характер, что исключает возможность непосредственной преемственности между носителями нижневолжской савроматской культуры и южноуральской прохоровской. Можно говорить только о включении какой-то части прежнего нижневолжского населения в состав нового кочевого объединения (Лукашов, 1986, с. 66–82; Скрипкин, 1988, с. 23–31).

Античная историческая и географическая литература никогда не включала районы Южного Приуралья в зону обитания сарматских племен. «Сарматия» Теофраста, судя по контексту, располагалась рядом с северопричерноморской Скифией. Псевдо-Скимн, сведения которого восходят к Деметрию Каллатийскому (III–II вв. до н.э.), поселяет сарматов у Танаиса с азиатской стороны, определяя их территорию в 2 000 стадиев. Это расстояние, в зависимости от того, какая система измерения использовалась в данном случае, равнялось 350–380 км. Страбон, принимавший Каспийское море за залив Северного океана, между Танаисом и этим морем упоминает сарматов, а к востоку от него все население именуется «восточными скифами», среди которых выделяет даев по прозвищу апарны.

Впервые достаточно подробное описание границ Азиатской Сарматии содержится в труде Клавдия Птолемея (*География*, V, 8). С запада она ограничивается рекой Танаисом и восточным побережьем Меотийского озера и Эвксинского Понта до Колхиды. С юга ее граница проходит вдоль Колхиды, Иберии и Албании до Каспийского моря. С востока территория Азиатской Сарматии ограничивается западным побережьем Каспийского моря и рекой Ра (Волга) до ее поворота в нижнем течении. Отсюда граница проходила вдоль меридиана, идущего до неизвестной земли. Упомянутый поворот, по Птолемею, располагался несколько юго-восточнее другого поворота Волги, где она ближе всего подходит к Танаису (параллель Волгограда). В.В. Латышев предположительно считал, что это изгиб Волги у Енотаевки Астраханской области⁵. Все описание восточной границы Азиатской Сарматии Птолемею свидетельствует о том, что она проходила вдоль Волги, сначала в нижнем ее течении непосредственно по самой реке, а затем на каком-то расстоянии от

⁵ Великая степь в античных и византийских источниках : сб. материалов. Алматы, 2005. С. 343 (см. примеч. В.В. Латышева, № 191).

Волги вдоль меридиана к северу до неизвестной земли. По Птоlemeю, Азиатская Сарматия была вытянута в меридиональном направлении. По его данным, параллель, проходящая через середину Азиатской Сарматии, относилась к меридиану как 7 к 12. Река Урал (Даик), известная Птоlemeю, как и Южное Приуралье в целом, находилась за пределами Азиатской Сарматии. По Птоlemeю, с востока Азиатская Сарматия граничила со Скифией. Если ранние авторы, сведения которых восходят к V–III вв. до н.э., скифов размещали к западу от савроматов и сарматов, то теперь земли последних граничат со скифами с востока. Это и понятно, поскольку ко времени жизни Птоlemeя северопричерноморской Скифии давно уже не существовало и эта территория входила в состав Европейской Сарматии. У авторов первых веков н.э. сложилось уверенное представление о существовании Скифии в Азии, племена, населявшие ее, занимали территорию от Каспийского моря до Индии.

Написание географического сочинения Птоlemeем относится к середине II в. н.э. Ряд данных позволяет утверждать, что сведения Птоlemeя об Азиатской Сарматии опираются на предшествующую традицию, и, видимо, достаточно древнюю. Известно, что информация Птоlemeя в данном случае заимствована из географического трактата Марина Тирского второй половины I – начала II в. н.э. (Медведев, 2008, с. 60). Далее, не трудно заметить, что территория Азиатской Сарматии, очерченная Птоlemeем, практически полностью совпадает с территорией первой части Азии, располагавшейся, по Страбону, к северу от Тавра, в которой он помещал сарматов (*География*, XI, I, 5). Разница лишь в том, что Страбон не знал о Волге, а отождествлял ее, вероятно, с узким проливом, соединяющим Каспийское море с Северным океаном. Это свидетельствует, видимо, о том, что представления о восточной границе обитания сарматов сложились гораздо раньше написания сочинения Птоlemeем, поскольку известно, что Страбон в своем труде использовал сведения авторов III–I вв. до н.э. (Ростовцев, 1914, с. 336; Стратановский, 1964, с. 775–790; Виноградов В.Б., 1975, с. 36–43).

Этническая номенклатура территорий первой и второй частей Азии у Страбона резко различается. Между Танаисом и Каспийским морем он поселяет скифов-кочевников, сарматов, аорсов, сираков, набианов, панксанов. Аорсы, относимые к кругу сарматских народов, по Страбону занимали обширную территорию, «владеа почти что большей частью побережья Каспийского моря» (*География*, XI, V, 8). С противоположной стороны, среди восточных скифов, Страбон называет даев, саков, массагетов и тех, которые отличились при захвате Бактрии: асии, тохары, сакаравлы.

Обратимся к еще более раннему источнику – «Истории» Геродота. Как известно, Геродот поселял савроматов к востоку от Танаиса. Размеры их территории он определяет только в меридиональном направлении (15 дней пути, более 500 км), ограниченной углом Меотийского озера и землями, принадлежащими будинам. По данным Геродота невозможно определить территорию савроматов в восточном направлении от Дона. Известно только то, что эпонимный их центр находился в трех днях пути (примерно 100 км) к востоку от Танаиса.

Учитывая существенные размеры савроматских земель в меридиональном направлении, приведенные Геродотом, следует, видимо, допустить и их значительные размеры к востоку от Танаиса. Навряд ли правильным будет считать, что савроматы занимали узкую полосу земли исключительно вдоль левого берега Дона до пределов будинов. К тому же следует учитывать, что савроматы вели кочевой образ жизни и территория их кочевий могла быть значительной.

К востоку от Дона располагаются памятники археологической культуры, представленные исключительно погребальными комплексами VI–IV вв. до н.э. и отождествляемые с савроматами. Памятники этой культуры, занимающие районы междуречья Волги и Дона и Заволжья, отличаются значительным единством как в погребальном обряде, так и в материальной культуре (Смирнов, 1964, с. 196; Очир-Горяева, 2005, с. 15, 16), что позволяет предположить их принадлежность к одной кочевнической общности.

Выше, в разделе, посвященном савроматам, я уже отмечал, что с учетом распространения археологических памятников кочевников VI–IV вв. до н.э. и по данным этнографии территория савроматов должна ограничиваться к востоку от Дона (Танаиса) включительно до районов Заволжья, практически не выходя за восточные границы Азиатской Сарматии, по Птолемею.

Ретроспективное рассмотрение сведений о Сарматии, сарматах и савроматах от Клавдия Птолемея до Геродота позволяет утверждать, что территория междуречья Волги и Дона и, вероятно, Заволжье являлись адекватными ранней Сарматии античных источников. Южное Приуралье не входило в состав Сарматии. Следует ли на этом основании прохоровскую культуру, сформировавшуюся в этом районе, считать не имеющей отношения к сарматам?

Выше, со ссылкой на ряд авторов, уже обосновывалось продвижение южноуральских кочевников в IV в. до н.э., в погребальном обряде которых отмечены явные элементы прохоровской культуры, в Поволжье и на Нижний Дон. Начало этого события, скорее всего, относится к тому времени, когда еще не оформился топоним «Сарматия». Продвижение южноуральского этнического компонента далеко на запад прервало дальнейшее развитие савроматской культуры в Волго-Донском регионе, привело к большому сближению в этническом и культурном отношении кочевого мира на доно-волго-уральском пространстве. Мы не можем с большой уверенностью сказать, возникло ли на всей этой территории единое этнополитическое образование, но в археологическом отношении памятники, начиная с III в. до н.э., представляют единую культуру от Южного Приуралья до Волги. Погребальные комплексы, например, южноуральских курганных могильников Старые Кишки (Садыкова, 1962а, с. 242–273; Садыкова, Васильев, 2001, с. 55–80), Бишунгарово (Пшеничнюк, 1983, с. 18–33), Увак (Смирнов, 1975, с. 55–73), Шумаево (Моргунова и др., 2003) и других, датируемых III в. до н.э., мало чем отличаются от одновременных погребений в Поволжье.

Распространение прохоровской культуры и дальнейшее ее развитие в Поволжье и в междуречье Волги и Дона, а также появление топонима «Сарматия» – явления, бесспорно связанные между собой. В Южном Зауралье и Приуралье прохоровская культура зарождалась и развивалась в гетерогенной кочевой среде. Этнополитические объединения этого региона могли включать различные группировки кочевников, имеющих свои этнические названия. В период консолидации отдельные подразделения кочевников могли скрываться под одним общим именем, например, племя, занимающее лидирующие позиции в объединении и на внешнеполитической арене выступающее от своего имени. Предположительно в Южном Приуралье в рассматриваемое время таковыми могли быть даи Страбона. При распаде такого объединения и выходе из него отдельных группировок кочевников они могли выступать уже под собственными именами. Этнография знает тому многочисленные примеры. Из истории уже упоминавшихся калмыков известно, что до прибытия на Волгу их предки именовались ойратами, которые обосновались в Нижнем Поволжье. В русских документах, исторических сочинениях они обычно упоминаются уже под общим именем «калмыки». А когда в 1771 г. значительная часть калмыков вернулась на свою историческую родину, то это событие получило название «торгоутского побега», поскольку его организаторами были торгоуты – одно из подразделений калмыков (Колесник, 2003). Став подданными Китая, они уже не назывались общим именем «калмыки», в китайских источниках фигурируют в основном их родовые названия: «торгуты», «чоросы», «хошоуты» и др. (Беспрозванных, 2008, с. 261–354).

Завоевательная политика, а впоследствии начавшийся распад могущественного объединения кочевников Южного Приуралья, видимо, в конце IV в. до н.э. привели к освоению отдельными кочевническими группировками Волго-Донского региона и появлению здесь впоследствии области «Сарматия». Другая группа кочевников, собственно даи или дахи, продвинулась на юг, в Среднеазиатский

регион. Во времена Александра Македонского они известны на Сырдарье (Гаибов, Кошеленко, 2005, с. 119–123). Впоследствии дахи, по одной из версий Страбона даи-апарны, переселенцы из области даев, живущих над Меотидой (то есть северной Аральского моря), явились основателями Парфянского государства, образовав правящую Аршакидскую династию (*География* XI, IX, 3). И.В. Пьянков, как уже отмечалось выше, например, считал, что дахи, продвинувшиеся из Южного Приуралья в Среднюю Азию, и кочевники, в то же самое время осваивающие западные территории относительно Южного Приуралья (последних он отождествлял с аорсами), были одним и тем же народом (Пьянков, 2004, с. 213–224).

Таким образом, южноуральская прохоровская культура, распространенная кочевниками на территорию, которая стала именоваться Сарматией, безусловно может считаться сарматской. Мы не можем сказать, как именовали себя кочевники Южного Приуралья в III–II вв. до н.э., но в археологическом отношении они представлены одной культурой с Волго-Донским регионом, являющимся территорией ранней Сарматии античных источников.

3.4. Периодизация раннесарматских памятников Южного Приуралья

Общая периодизация сарматских древностей, нашедшая свое завершение ко второй половине 40-х гг. прошлого века в трудах Б.Н. Гракова и К.Ф. Смирнова, выглядела довольно уравненной в определении хронологических рамок выделенных культур – по два-три века на каждую из них. Раннесарматская культура датировалась IV–II вв. до н.э. В течение длительного времени эта дата не подвергалась сомнению. Однако начиная с 80-х гг. прошедшего века появились работы, в которых были сформулированы выводы о необходимости изменения как начальной, так и заключительной даты раннесарматской культуры.

Как уже отмечалось выше, появление черт, характеризующих раннесарматскую культуру в Южном Зауралье (южная ориентировка погребенных, подбойные ямы, круглодонная керамика с тальком), А.Х. Пшеничнюк относил к концу VI – V в. до н.э. (Пшеничнюк, 1983, с. 76–86, 128). Концепцию раннего начала формирования раннесарматской культуры более основательно разрабатывал А.Д. Таиров. В одной из первых работ, написанной им на эту тему совместно с А.Г. Гаврилюком, обращалось внимание на формирование в Южном Зауралье со второй половины VI – начала V в. до н.э. новой кочевнической культуры, отдельные элементы которой получили дальнейшее распространение в прохоровской культуре (южная ориентировка, подбой, катакомбы, белые посыпки и пр.) (Таиров, Гаврилюк, 1988, с. 141–159). В последующее время А.Д. Таиров предложил новую периодизацию памятников ранних кочевников Южного Зауралья. В рамках VII–II вв. до н.э. им было выделено четыре последовательные стадии: А, В, С, D. К стадии А он относил памятники так называемой бобровско-тасмолинской культуры, датируемой VII – серединой VI в. до н.э. Это сакский период в истории кочевников раннего железного века данного региона. Следующие три стадии имеют отношение уже к прохоровской культуре. Первая из них (стадия В), датируемая второй половиной VI – серединой V в. до н.э. и названная древнепрохоровской, является первым этапом южнозауральского варианта прохоровской культуры. Стадия С, датируемая второй половиной V – IV в. до н.э., является вторым, раннепрохоровским этапом зауральского варианта прохоровской культуры. Стадия D, датируемая III–II или III – серединой II в. до н.э., крайне слабо представлена археологически (11 памятниками и рядом случайных находок), что, по мнению автора, связано

с оттоком кочевого населения за пределы региона. Предложенную периодизацию памятников раннего железного века Южного Зауралья А.Д. Таиров рассматривал не как окончательно завершённую, а как рабочую схему, в которую могут быть внесены коррективы (Таиров, 2004, с. 3–21).

Выделение древнепрохоровского периода не нашло поддержки у исследователей (Мошкова, 2006, с. 212; Скрипкин, 2007б, с. 124; Сергацков, 2007, с. 117). М.Г. Мошкова отмечала, что выделяемый А.Д. Таировым древнепрохоровский этап по всем своим основным характеристикам в погребальном обряде и материальной культуре практически не отличается от «савроматской» культуры Южного Приуралья и может рассматриваться как зауральский локальный вариант этой культуры, он наиболее близок «скифо-савроматским» древностям.

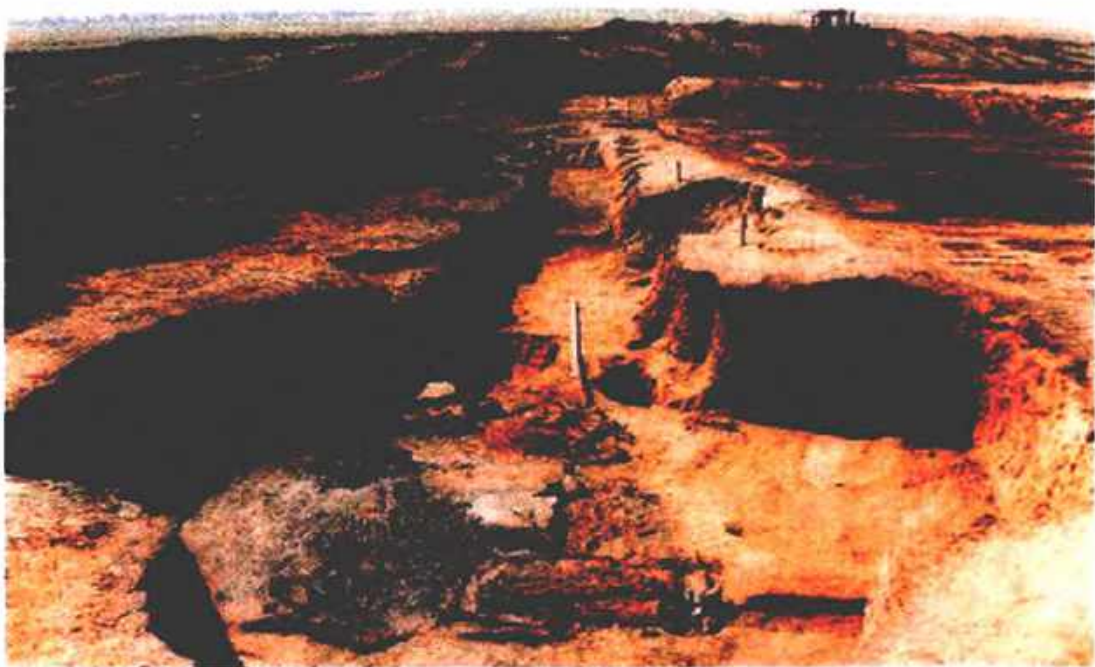
Решающее значение для уточнения периодизации раннесарматских памятников указанного региона сыграли два фактора. Первый из них – раскопки Филипповских курганов (рис. 5), второй – исследование курганов у с. Прохоровка.

В 2006 г. в Волгограде в рамках работы Центра изучения истории и культуры сарматов был проведен семинар, посвященный региональным особенностям развития раннесарматской культуры. Одним из основных на семинаре был доклад Л.Т. Яблонского, в опубликованных материалах семинара им выделен «филипповский культурно-хронологический горизонт» в пределах второй половины V – первой половины IV в. до н.э. Он отмечал, что в материалах Филипповки содержатся те признаки, которые станут характерными для сложившейся раннесарматской культуры. В целом же инвентарь захоронений курганов Филипповского могильника синкретичный, в типологическом отношении в нем присутствуют вещи, характерные как для савроматской эпохи (например, изделия, выполненные в скифо-сибирском зверином стиле), так и предметы вооружения, зеркала, детали конской упряжи, которые получают распространение в раннесарматское время. На этом основании Л.Т. Яблонский пришел к выводу о переходном характере филипповских погребальных комплексов от памятников савроматского времени к раннесарматским, а могильники типа Прохоровки являются прямым продолжением традиций, начавших формироваться в комплексах Филипповки. Этот вывод, по его мнению, подтверждается и данными палеоантропологии, свидетельствующими о генетической преемственности между этими двумя относительно одновременными популяциями южноуральского населения (Яблонский, 2007, с. 25, 26).

В последующих публикациях Л.Т. Яблонского изложенные им выше идеи получили дальнейшее развитие. В результате раскопок Филипповских курганов А.Х. Пшеничнюком и Л.Т. Яблонским были выявлены многие элементы в погребальной обрядности и материальной культуре, которые получают дальнейшее развитие в прохоровской (раннесарматской) культуре. Было достаточно убедительно подтверждено мнение, что эти памятники по своей хронологической позиции являются переходными от савроматского к раннесарматскому времени. Краткий обзор проблемы, связанной с датировкой могильника Филипповка I, был изложен Л.Т. Яблонским (2008а, с. 10, 11). А.Х. Пшеничнюк датировал курганный могильник Филипповка I IV в. до н.э. Несколько позже Л.Т. Яблонский определил дату этого памятника в пределах второй половины V – IV в. до н.э. Он полагал, что материалы Филипповских курганов отражают первый этап формирования прохоровской культуры, отличительной особенностью которого является проявление черт новой культуры в погребальной практике кочевой знати (Яблонский, 2011, с. 235–239). Впоследствии дата курганного могильника Филипповский I была уточнена на основании анализа импортных изделий, она была определена в пределах рубежа V–IV вв. – третьей четверти IV в. до н.э. Могильник, как полагают, функционировал на протяжении примерно 50–70 лет (Трейстер, Яблонский, 2012, с. 283–285; Яблонский, 2013, с. 53, 54).

1

2

Рис. 5. Филипповка I, к. 4:

1 – вид кургана до раскопок; 2 – вид кургана после раскопок

В связи с публикацией материалов раскопок этого уникального памятника (Пшеничнюк, 2012; Яблонский, 2013) становится вполне очевидным, что, несмотря на явные черты субэлитарной культуры ряда погребений Филипповских курганов, принадлежащих высшей кочевнической знати (дромосные больших размеров могильные ямы; многие вещи, являющиеся уникальными памятниками древнего искусства; экипировка погребенных), в них присутствуют признаки, сыгравшие важную роль в формировании прохоровской культуры (распространение южной ориентировки погребенных; появление глиняных сосудов с тальком в тесте, с раструбообразным горлом и орнаментальным фризом в верхней части тулова; наличие мечей переходного типа).

В литературе уже высказывалось мнение о выделении филипповской культуры для памятников Южного Приуралья скифо-сарматского времени. В.Ю. Зуев предложил миграционную периодизацию в противовес эволюционной периодизации, основателем которой являлся Б.Н. Граков, выделив филипповскую культуру, датированную им V–IV вв. до н.э. Из Филипповских курганов он мог использовать только те, которые были раскопаны А.Х. Пшеничнюком, среди них был и царский курган № 1. В филипповскую культуру им были включены погребальные комплексы из курганных могильников Пятимары, Новый Кумак, Мечет-Сай, Переволочаны, кург. 3 и 4 Прохоровки. В.Ю. Зуев полагал, что по ряду признаков филипповская культура существенно отличается от предыдущей блюменфельдской культуры (по Б.Н. Гракову, она именовалась еще и савроматской) и последующей прохоровской культуры, датируемой им последней третью II – I в. до н.э. Наиболее характерными признаками материальной культуры филипповского периода он считал наличие мечей и кинжалов переходного типа, специфические вещи, выполненные в зверином стиле, своеобразный конский убор, наличие ахеменидского импорта (Зуев, 1998, с. 45–50).

Действительно, в погребениях Филипповских курганов обнаружено большое количество предметов, относящихся к памятникам искусства, выполненных в зверином стиле, что следует рассматривать как наследие традиций скифо-савроматского времени (рис. 6; 7). Форма отдельных мечей (рис. 8, 5, 7, 8), наличие большего количества бронзовых наконечников стрел (рис. 8, 9–11), а также «умбонообразные» детали горитов (рис. 7, 2) сохраняют те же традиции (Яблонский, 2014, с. 27–38). Видимо, и дромосные могильные ямы в ряде Филипповских курганов (рис. 5, 2; рис. 9, 4) следует рассматривать как определенное наследие скифской эпохи, поскольку ямы такой конструкции известны в целом ряде памятников скифского времени Восточной Европы (Ильинская, Тереножкин, 1983, с. 244; Петренко, 1967, с. 14, 15; Либеров, 1965, с. 11). В связи с тем что сохраняемые традиции предшествующего времени сочетаются в одних погребальных комплексах Филипповки с упомянутыми выше деталями погребального обряда и типами вещей, получивших распространение в сложившейся раннесарматской (прохоровской) культуре, следует согласиться с теми исследователями, которые выделяют филипповские и близкие им южноуральские погребальные комплексы как начальный этап становления прохоровской культуры.

Новые элементы в погребальной обрядности и материальной культуре, отмеченные в Филипповских курганах, распространяются в южноуральских погребальных памятниках и с более низким социальным статусом. Иногда они располагаются более или менее компактно в могильниках: Новый Кумак (Мошкова, 1962, с. 204–241; 1972, с. 27–48; Смирнов, 1977, с. 3–51); Переволочаны (Пшеничнюк, 1983, с. 63–65; 1995, с. 62–96), Бишунгарово (Пшеничнюк, 1983, с. 18–33), Мечет-Сай (Смирнов, 1975, с. 73–148), Лебедевка (Железчиков, Клепиков, Сергацков, 2006). Кроме того, во многих случаях они представлены небольшими группами или отдельными погребениями в курганных могильниках: Леканды, Альмухаметово (Пшеничнюк, 1983, с. 14–17, 40–52), Сибай (Пшеничнюк, 1983, с. 52–60; Мажитов, Пшеничнюк, 1977, с. 52–66), Ново-Мурапталовский могильник VII (Агеев, Рутто, 1984, с. 41–45), Яковлевка (Федоров, Васильев, 1998, с. 62–96) и др.

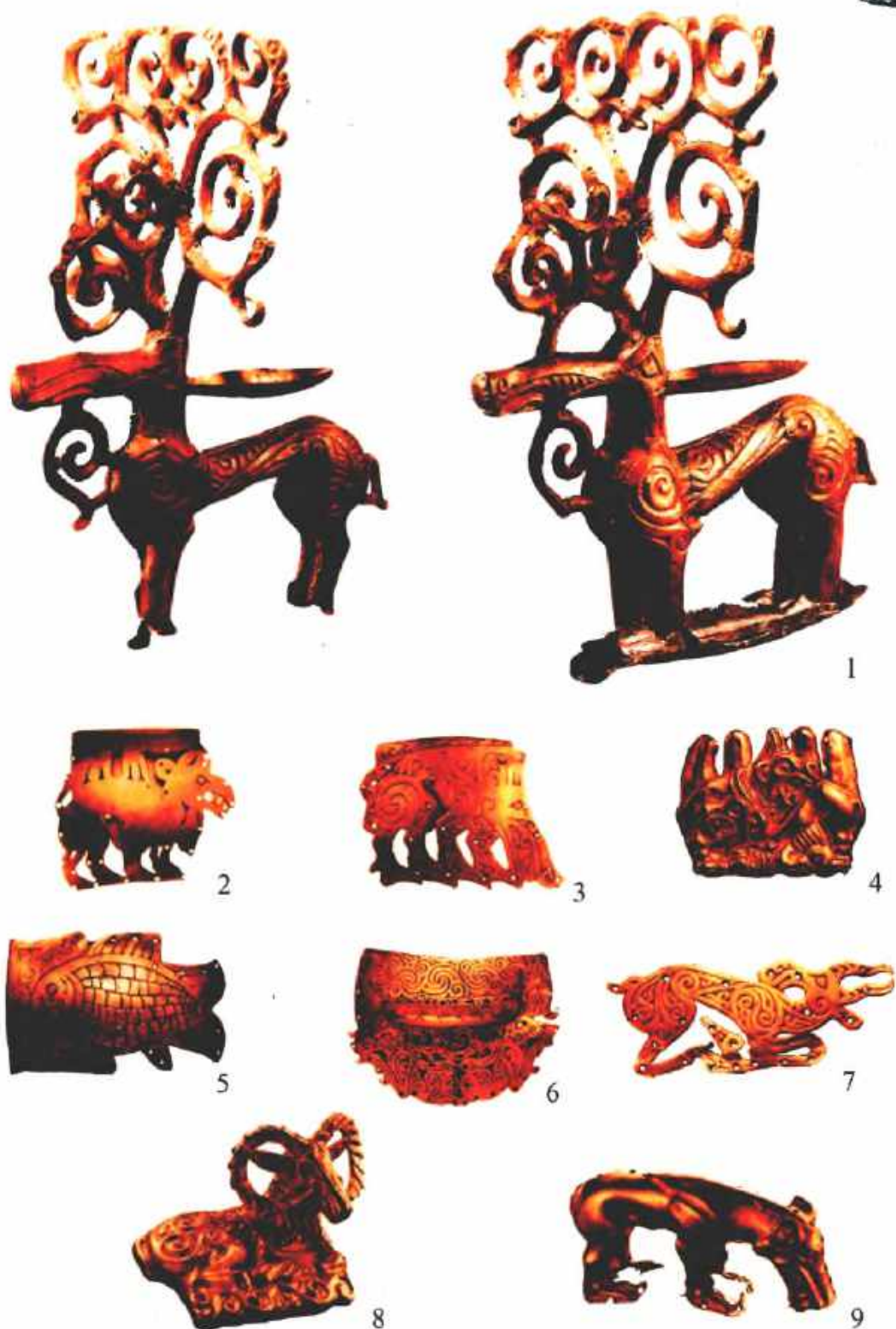

Рис. 6. Филипповка I, к. 1. Вещи, выполненные в скифском зверином стиле:

1 – фигуры оленей; 2, 3, 5–7 – золотые обкладки деревянных сосудов; 4 – стилизованная фигурка верблюда; 8 – фигурка горного козла; 9 – ручка к сосуду в виде фигурки медведя

Рис. 7. Вещи из элитных филипповских курганов:

1, 3 – гривны; 2 – умбон, деталь горита; 4 – рукоять меча; 5 – украшение щита или колчана; 6 – браслет; 7 – сосуд с ручками в виде стилизованных фигур животных (1–4, 6 – к. 4; 5, 7 – к. 1)

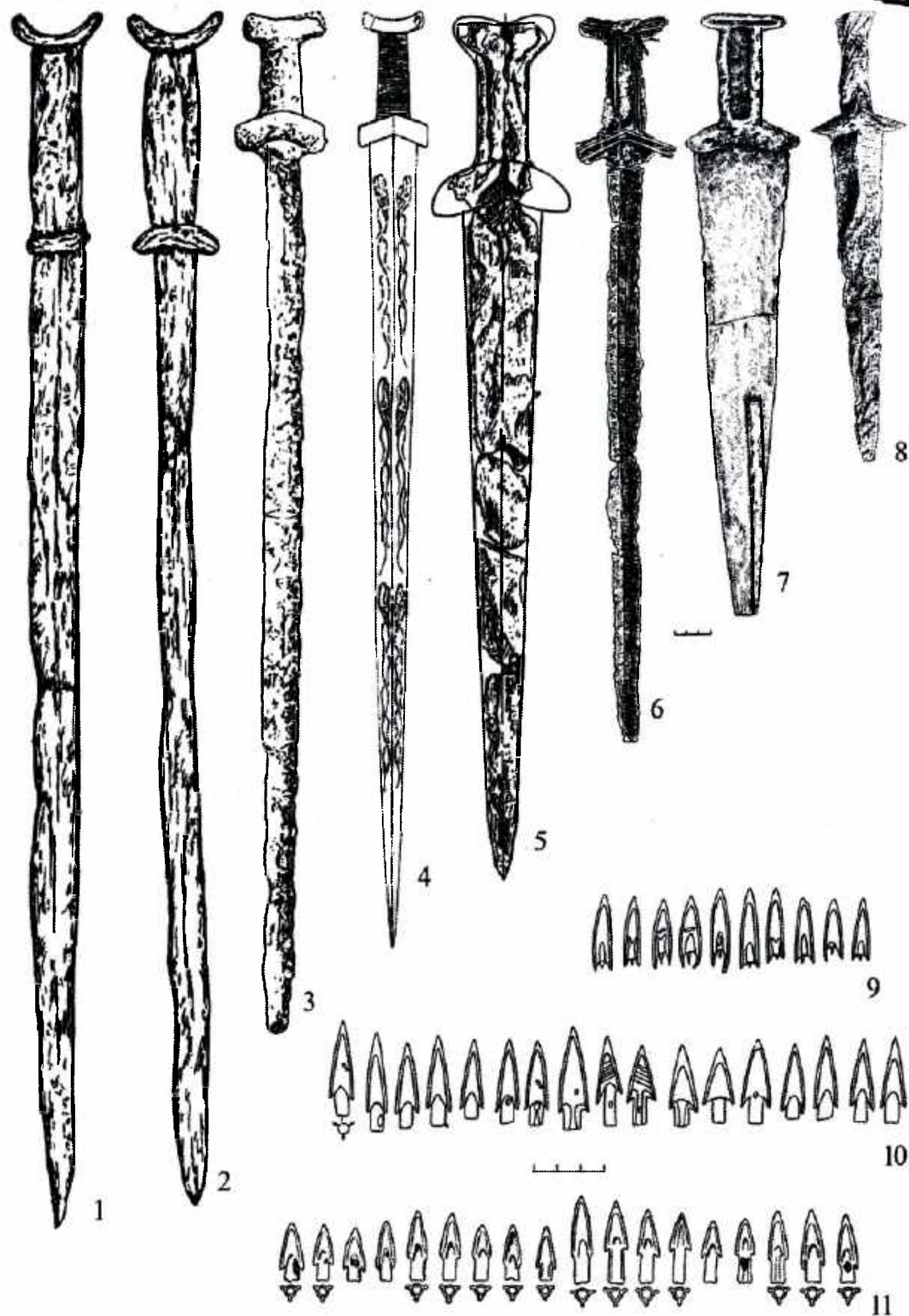

Рис. 8. Южное Приуралье. Предметы вооружения из погребений IV в. до н.э.:

1-8 - железные мечи; 9-11 - бронзовые наконечники стрел (1, 2, 9, 10 - Лебедевка V, к. 9, п. 2; 3, 11 - Ново-Кумакский мог., к. 13, п. 1; к. 18, п. 1; 4 - Филиповка I, к. 1; 5 - Филиповка I, к. 23, п. 3; 6 - Филиповка I, к. 3, п. 1; 7 - Филиповка I, к. 10; 8 - Филиповка I, к. 6)

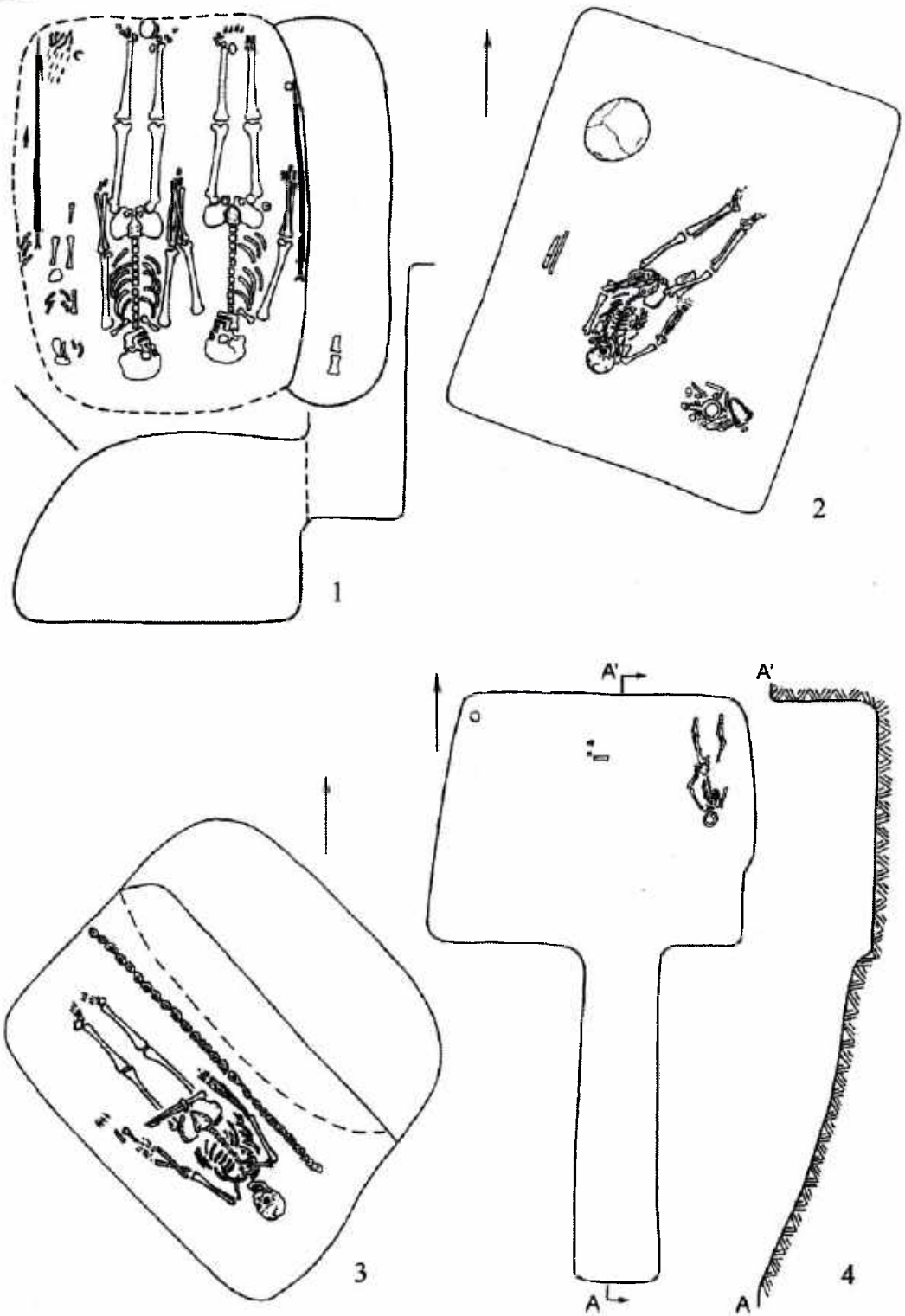

Рис. 9. Южное Приуралье. Типы могильных ям IV в. до н.э.:

- 1 - Лебедевка V, к. 9, п. 2; 2 - Филипповка I, к. 24, п. 3; 3 - Филипповка I, к. 24, п. 2;
4 - Филипповка I, к. 23, п. 1

Филипповский этап бесспорно характеризуется сочетанием черт предшествующего времени и новых элементов, получивших дальнейшее развитие в погребальных памятниках прохоровской культуры. Об этом же в прошлом неоднократно писали К.Ф. Смирнов, М.Г. Мошкова, А.Х. Пшеничнюк, когда речь шла о преимуществах между памятниками савроматского и раннесарматского времени, что подтверждается и новейшими исследованиями. К новым элементам культуры этого периода относятся: преобладание южной ориентировки с вариантами отклонений, увеличение количества подбойных ям, появление мечей так называемого переходного типа (рис. 8, 2–4, 6), на основе которых сформировались мечи прохоровского типа (Скрипкин, 2016, с. 264–274); распространение круглодонной или плоскодонной керамики с раструбообразным или прямым невысоким горлом, с примесью талька в тесте, украшенной по плечикам орнаментальным фризом (рис. 10, 4–6, 8–11). К сохранению традиций скифо-савроматского времени следует относить наличие дромосных конструкций ям с деревянным шатровым перекрытием, а также широких подквадратных ям с диагональным положением погребенных (рис. 9, 2), нахождение в воинских погребениях большого количества бронзовых наконечников стрел (рис. 8, 9–11). Так, в погребении 2 из кургана могильника Лебедевка V, датируемого IV в. до н.э., было обнаружено 276 бронзовых наконечников стрел (Железчиков, Клепиков, Сергацков, 2006, с. 13, рис. 17–22). С клинковым оружием продолжают встречаться ворворки. Сохраняются большие плоские бронзовые зеркала (рис. 10, 2). Ну и конечно, памятники искусства, сохраняющие многие традиции скифского времени (рис. 6, 7).

Для разработки хронологии памятников раннесарматской культуры Южного Приуралья большое значение имеет уточнение датировки эпонимного памятника – курганов Прохоровского могильника, располагающегося в Оренбургской области, в связи с вновь открывшимися обстоятельствами, связанными с их исследованием. История раскопок этих курганов общеизвестна, они подверглись ограблениям со стороны местного населения в 1911 году. Было раскопано четыре кургана. В 1916 г. по поручению известного ученого, специалиста в области античной и скифской археологии М.И. Ростовцева курганы были исследованы С.И. Руденко, который составил об этом отчет. Данный отчет, а также проведенный обстоятельный культурно-исторический и хронологический анализ материалов этого могильника были опубликованы М.И. Ростовцевым. Он датировал погребения в прохоровских курганах III–II вв. до н.э., не исключая конца IV в. до н.э. (Ростовцев, 1918а).

На рубеже 80–90 гг. прошлого века С.В. Полин, занявшись уточнением общей даты прохоровской культуры, предложил удревить дату прохоровских курганов 2, 3 и 4, правда не указав какой-либо точной даты для них. Из контекста его работы следует, что верхняя дата указанных курганов не должна выходить за пределы IV в. до н.э., поскольку для прохоровской культуры не характерен «налет архаичности», который присутствует в материалах этих трех курганов (Полин, 1992, с. 77).

Кардинальные изменения в датировку раннесарматской культуры и эпонимного памятника с конца прошлого века пытался внести В.Ю. Зуев. Он вслед за С.В. Полиным подразделяет прохоровские курганы на две группы: южную (кург. 1 и 2) и северную (кург. 3 и 4). Но в отличие от С.В. Полина он датирует V–IV вв. до н.э. только курганы 3 и 4 и относит их к филипповской культуре, а курганы 1 и 2, датированные концом II – I в. до н.э., отнесены им к раннесарматскому времени. Последние, по его мнению, как раз и являются эпонимными для прохоровской культуры. На период III – первой половины II в. до н.э., по В.Ю. Зуеву, приходится темный период (хиатус), характеризующийся затяжной дестабилизацией и практическим отсутствием археологических памятников на обширной территории Евразийской степи (Зуев, 1998, с. 45–50; 2000, с. 304–330; и ряд других его работ).

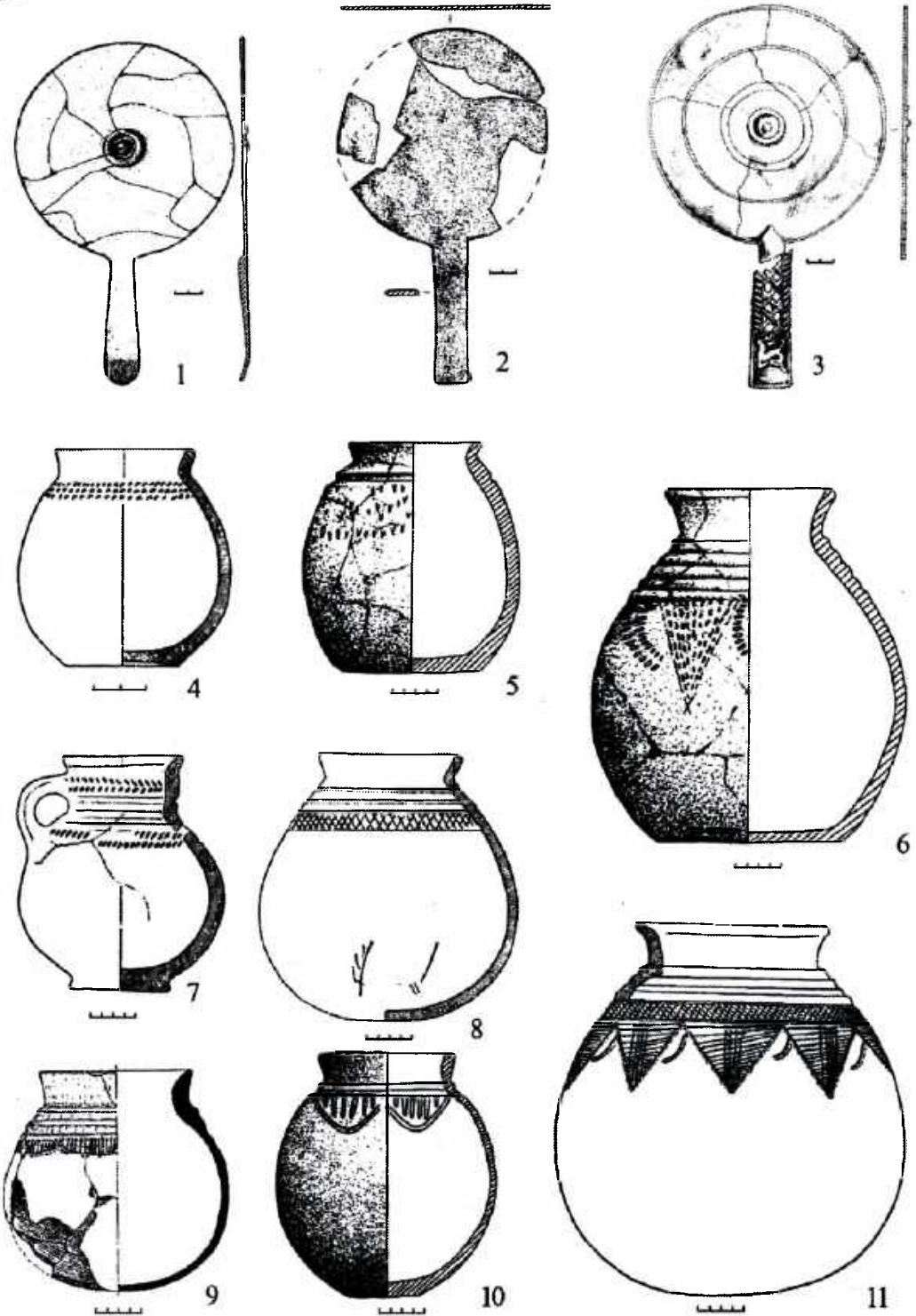

Рис. 10. Южное Приуралье. Вещи из погребений конца V – IV в. до н.э.:

1-3 – бронзовые зеркала; 4-11 – глиняные сосуды (1 – Лебедевка V, к. 9, п. 5; 2 – Лебедевка V, к. 27, п. 5; 3, 9 – Филипповка I, к. 14, п. 2; 4 – Ново-Кумакский мог., к. 13, п. 1; 5, 6 – Лебедевка V, к. 48, п. 3; 7 – Ново-Кумакский мог., к. 12, п. 1; 8 – Ново-Кумакский мог., к. 16, п. 1; 10 – Лебедевка VI, к. 25, п. 2; 11 – Ново-Кумакский мог., к. 18, п. 1)

В течение достаточно длительного времени никто не пытался провести основательные исследования прохоровских курганов, занимавших столь видное место в сарматской археологии. Все рассуждения о них строились на материалах четырех разрушенных крестьянами погребений, в каждом кургане по одному. Сложность вызывало распределение по этим погребениям вещей, изъятых у крестьян.

Доследование этих курганов экспедицией под руководством Л.Т. Яблонского в 2003 г. дало возможность получить достаточно полное представление о Прохоровском курганном могильнике, поскольку в результате была получена представительная серия ранее не выявленных закрытых погребальных комплексов. Кроме четырех курганов, раскопанных крестьянами в начале XX в., дополнительно были раскопаны еще три земляные насыпи, являвшиеся курганами, обозначенные как «Б», «в» и «б». В результате число погребальных комплексов с 4, ранее использовавшихся исследователями при анализе данного памятника, возросло до 36.

Надо отдать должное Л.Т. Яблонскому, так как результаты своих раскопок он всегда оперативно публиковал. Им была проведена большая работа по обобщению как старого материала, происходящего из раскопок прохоровских курганов начала XX в., так и нового из собственных раскопок (Яблонский, 2010). Основные выводы, к которым пришел автор последних раскопок прохоровских курганов, следующие: 1) курганы у Прохоровки представляют однородную в культурно-хронологическом отношении группу, общая их дата IV–II вв. до н.э.; 2) какой-либо хронологический hiatus внутри этой даты отсутствует; 3) в целом прохоровские курганы моложе курганов Филипповки I, в типологическом и хронологическом отношении материалы Прохоровки свидетельствуют о продолжении традиций, заложенных филипповскими комплексами (Яблонский, 2010, с. 81, 82).

Странной была реакция В.Ю. Зуева на выводы Л.Т. Яблонского, сделанные в его монографическом исследовании. Он обвинил Л.Т. Яблонского в том, что тот не разобрался в хронологической позиции этого памятника, заявив, что «докопать памятник это еще не значит понять его» (Зуев, 2013, с. 514)⁶. Правда, сам В.Ю. Зуев так и не показал, как следует понимать доследованный Прохоровский курганый могильник, включающий теперь не 4 погребальных комплекса, а более 30.

С позиции В.Ю. Зуева, видимо, и В.К. Федоров тоже не разобрался с существенно изменившимся содержанием Прохоровского курганного могильника. В.К. Федоров предпринял попытку более дробного хронологического распределения погребальных комплексов прохоровских курганов и в результате пришел к выводам, опровергающим прежнюю концепцию В.Ю. Зуева. По его мнению, IV в. до н.э. датируются все погребения кургана 3, центральное погребение кургана 4, погребение 2б из кургана «б». Рубежом IV–III вв. до н.э., а скорее всего III в. до н.э., датируются погребения курганов 1 и 2, «Б» и «в». Хронологически значительно отстает от основной массы погребальных комплексов погребение 9 из кургана «б», предположительно датируемое II в. до н.э. (Федоров, 2011, с. 155–159).

В прохоровских курганах в погребальном обряде и материальной культуре частично сохраняются традиции, присутствующие в материалах Филипповского курганного могильника. Это дромосная яма в кургане 3; железный кинжал с бабочковидным перекрестием из того же кургана (погр. 2); глиняный сосуд из кургана «б» (погр. 2б) с округлым туловом, раструбообразным горлом, с примесью талька в тесте, украшенный по тулову орнаментальным фризом; бронзовые зеркала с плоской ручкой и широким уплощенным валиком на одной из сторон диска (кург. 3, погр. 1; кург. 4, погр. 1).

⁶ См. ссылку 110 в этой статье В.Ю. Зуева.

В то же время в прохоровских курганах присутствует множество тех элементов, которые характеризуют сложившуюся раннесарматскую культуру. В погребальной обрядности это существенное увеличение ям подбойной конструкции (кург. «Б», погр. 3; кург. 4, погр. 2, 3; кург. «в», погр. 1, 3; кург. 1, погр. 4 и ряд других), преобладание положения погребенных головой в южный сектор, сооружение погребений по периферии кургана, вокруг его центра (кург. 1, 2), или несколько погребений, расположенных в ряд (кург. «б»). В материальной культуре характерно присутствие лепных глиняных горшков, украшенных по тулову пучками вертикальных полос (кург. 1, погр. 6; кург. «Б», погр. 1; кург. «б», погр. 5); наличие представительной коллекции мечей и кинжалов с прямым перекрестием, серповидным навершием и клинообразным лезвием, за которыми закрепилось определение «прохоровский тип» (кург. 1, погр. 1, 4, 6; кург. 2, погр. 2; кург. «б», погр. 2в, 4); появление бронзовых зеркал с клинообразной ручкой и рельефным валиком по краю диска (кург. «Б», погр. 3). Таким образом, погребальные комплексы прохоровских курганов в хронологическом отношении частично связаны с переходным (филипповским) этапом, но в большинстве своем характеризуют уже новый этап сложившейся раннесарматской (прохоровской) культуры (рис. 11, 12, 13).

В.К. Федоров полагал, что происходящие на рубеже IV–III вв. или в III в. до н.э. изменения в элементах культуры, фиксируемых в сарматских памятниках Южного Приуралья, связаны с приходом нового населения. Постепенно исчезает из употребления тальковая керамика. Более ранние тальковые сосуды перерабатывались в шамот для изготовления новых форм сосудов (Федоров, 2011, с. 158).

Одним из ярких памятников сложившейся раннесарматской культуры в Южном Приуралье является курганный могильник Старые Кишки. Именно в курганах этого могильника сосредоточена значительная компактная группа погребений, содержащих представительный материал, который позволяет определить их хронологическую позицию в сарматских южноуральских древностях. Данный памятник начали исследовать еще в 30-е гг. прошлого века, но более масштабные его раскопки были произведены в 1957–1958 и 1960 гг. М.Х. Садыковой (Садыкова, 1962а, с. 242–273; 1962б, с. 88–122; Садыкова, Васильев, 2001, с. 55–80), благодаря чему в семи курганах могильника было открыто 124 сарматских погребения.

Хронологическая позиция старокишкинских комплексов определяется, с одной стороны, их существенным отличием в погребальном обряде и вещевом материале от предыдущего этапа, яркими памятниками которого являются комплексы Филипповки, а также синхронные им погребения других могильников, в том числе и самые ранние комплексы Прохоровки, с другой стороны – они со всей очевидностью ограничиваются сарматскими памятниками заключительного этапа раннесарматской культуры, датируемого II–I или серединой II – I в. до н.э.

Характерной чертой погребального обряда старокишкинских курганов является нахождение в них большого количества захоронений, расположенных вокруг центра кургана. Так, в кургане 18 было обнаружено 35 погребений (рис. 14). Преобладающей является простая удлиненной формы могильная яма с округлыми углами. Ориентировка погребенных преобладает южная. Однако зависимость от кругового расположения ям под курганной насыпью влияла на основную ориентировку, которая осуществлялась часто со значительными отклонениями.

Ведущим типом клинкового оружия в старокишкинских погребениях являются мечи и кинжалы прохоровского типа, с прямым перекрестием и серповидным навершием. Для колчаных наборов характерно сочетание бронзовых и железных наконечников стрел. Ведущей формой бронзовых зеркал являются зеркала с валиком по краю диска и штырем для насадки ручки. Преобладает лепная посуда горшковидных форм с округлым или уплощенным дном (рис. 15) (Садыкова, 1962б, с. 251, рис. 6, 2).

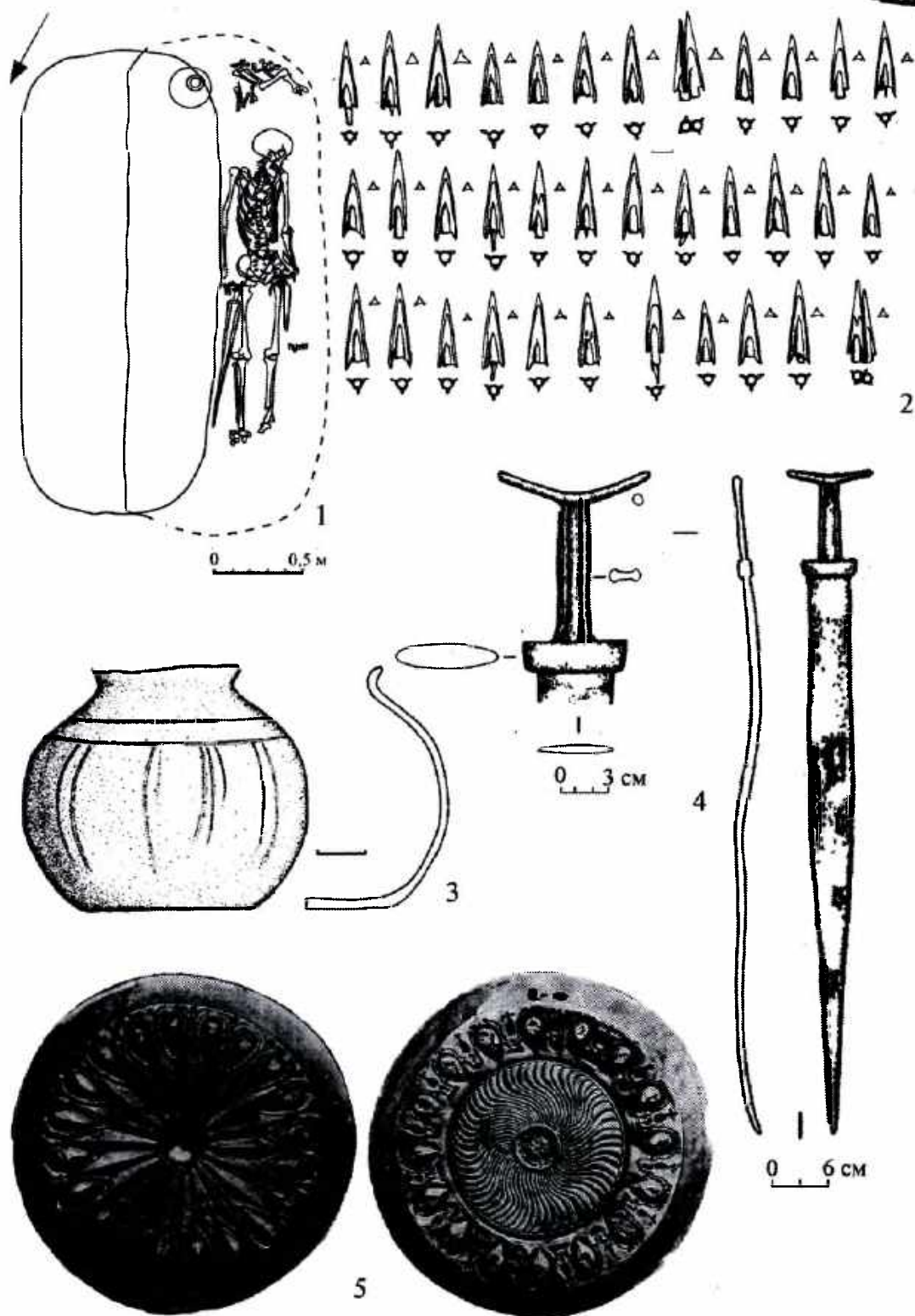

Рис. 11. Южное Приуралье. План погребения и вещи из курганов у с. Прохоровка:

1, 2 - к. 1, п. 4; 3 - к. 1, п. 6; 4 - к. 2, п. 2; 5 - к. 1, п. 1

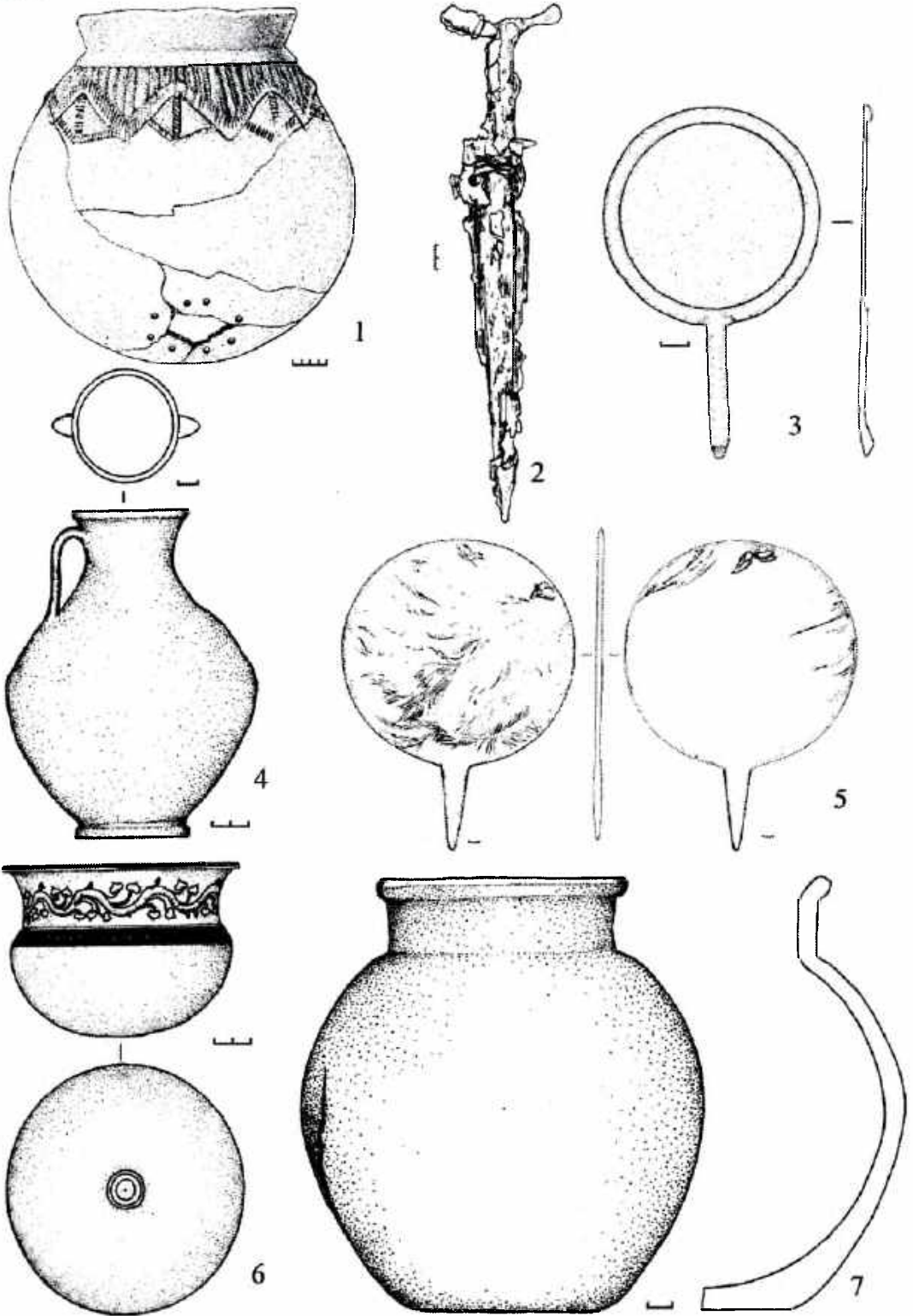

Рис. 12. Южное Приуралье. Вещи из прохоровских курганов:

1-3 - к. «б», п. 2а, 2в, 3; 4-6 - к. «Б», п. 3; 7 - к. «в», п. 3

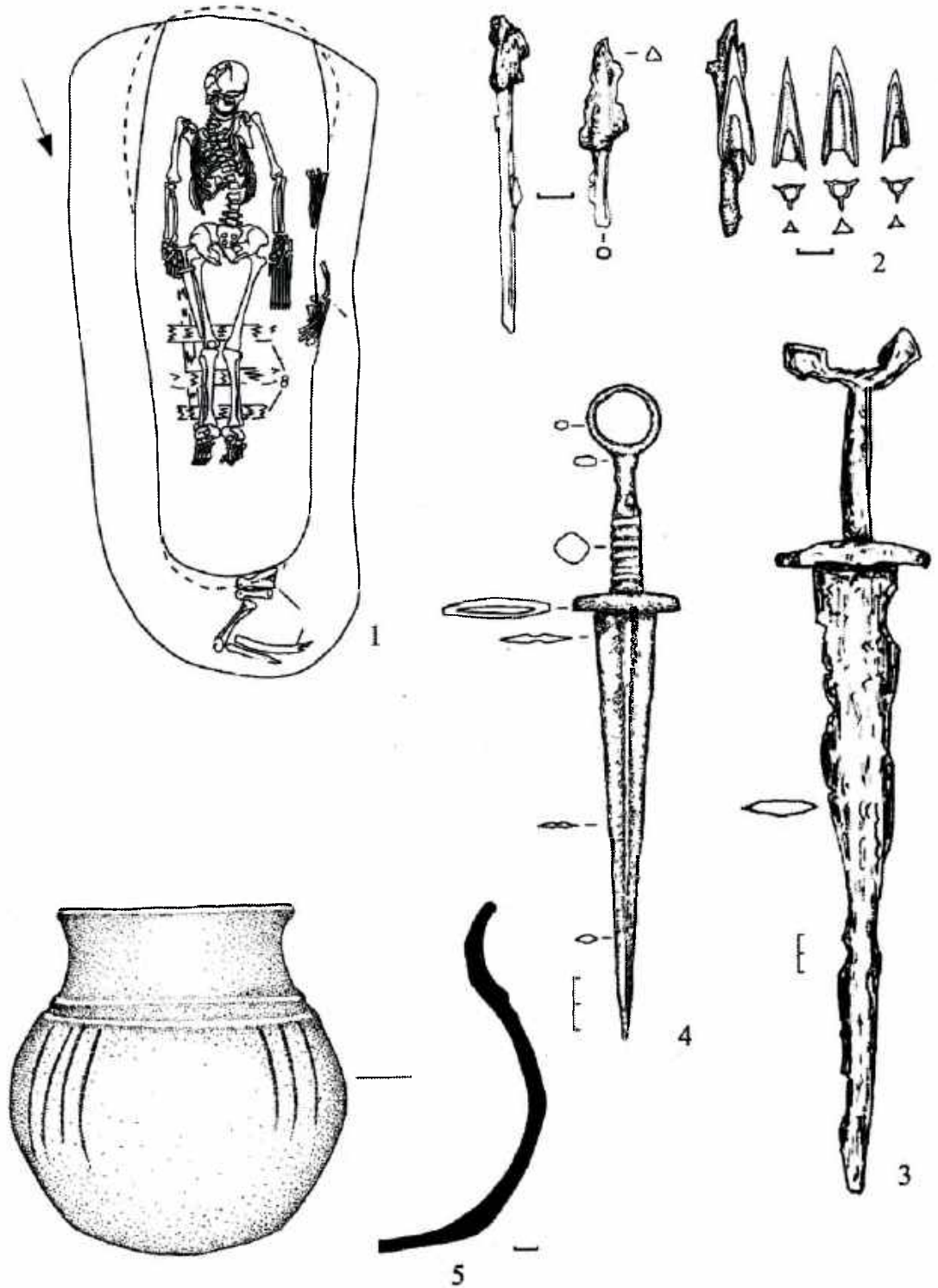

Рис. 13. Южное Приуралье. План погребения и вещи из прохоровских погребений:

1-3 - к. «б», п. 4; 4 - к. «б», п. 9; 5 - к. «б», п. 5

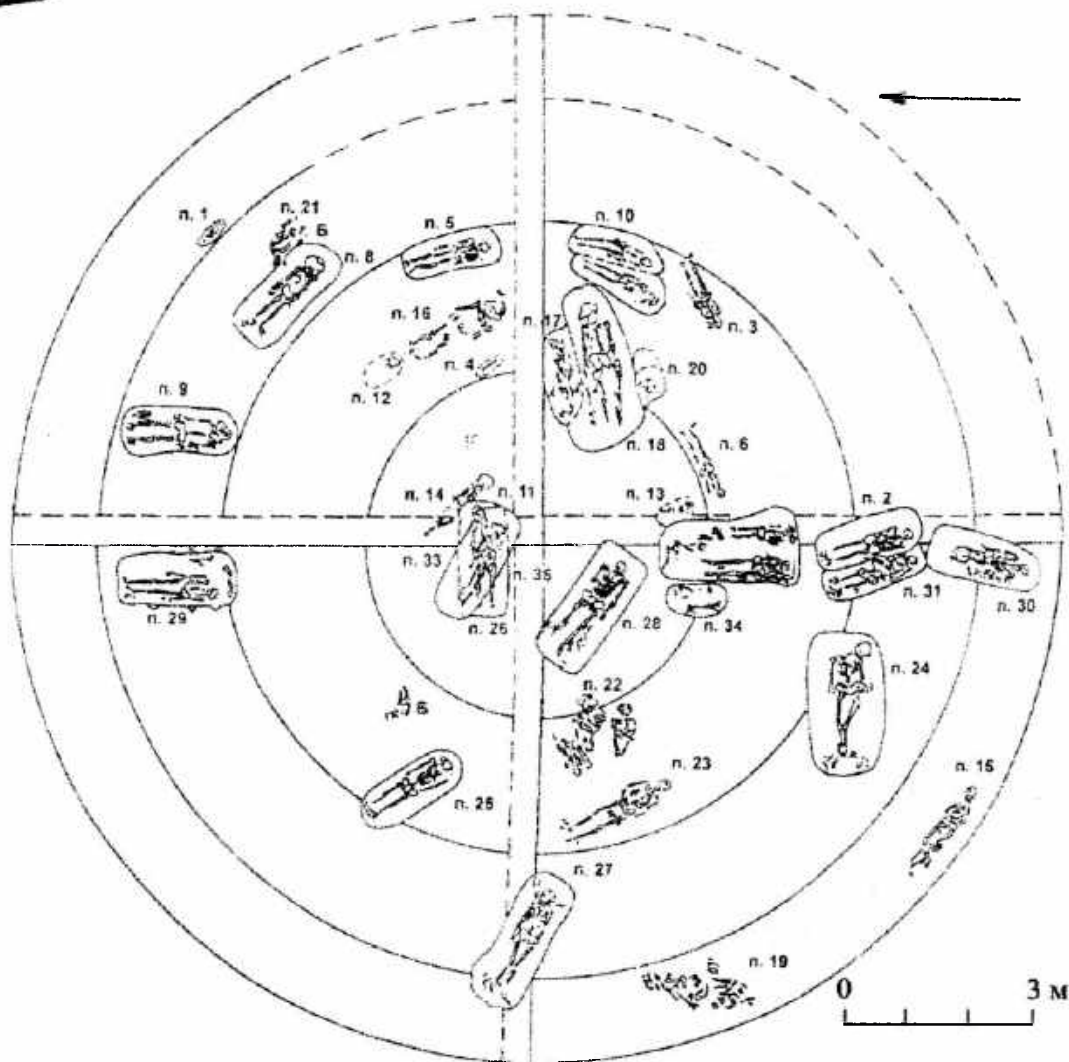

Рис. 14. Южное Приуралье. Курганный могильник Старые Кишки. План кургана 18

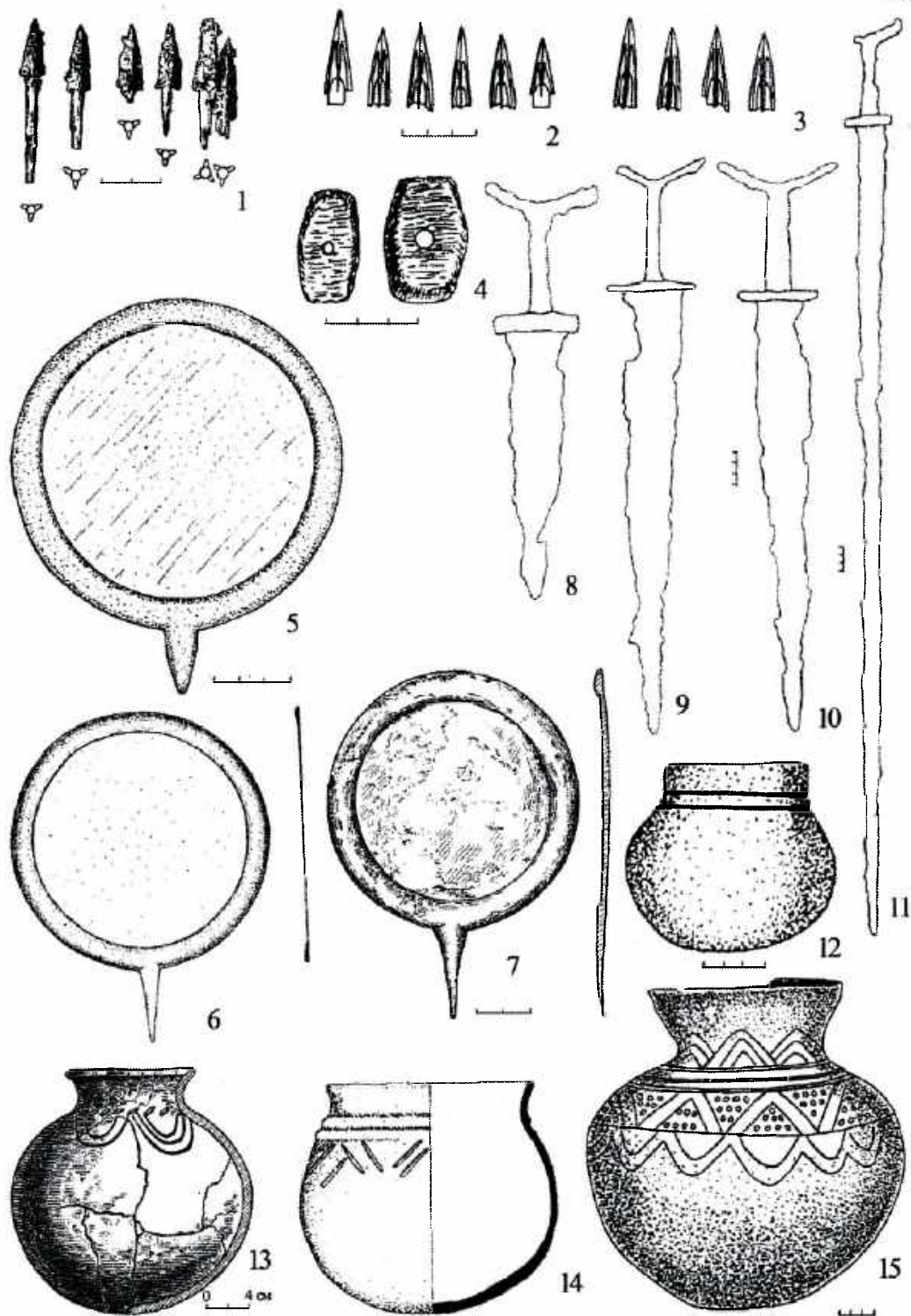

Рис. 15. Южное Приуралье. Вещи из погребений курганного могильника Старые Киишки:

- 1 – железные наконечники стрел; 2, 3 – бронзовые наконечники стрел;
 4 – молоточковидные предметы; 5–7 – бронзовые зеркала; 8–11 – железные кинжалы и мечи;
 12–15 – глиняные сосуды (1, 7, 12 – к. XIII, п. 8; 6 – к. 10, п. 11; 3, 5, 10, 11, 15 – к. 15, п. 1;
 2, 4, 8, 9, 13, 14 – к. 18, п. 30, 33, 35, 30, 34, 17)

Относящиеся к этому времени и характеризующиеся теми же чертами, что старокиишкинские, погребения обнаружены во многих курганных могильниках Южного Приуралья: в курганах у дер. Бишунгарово (кург. 2, 3, 19) (Пшеничнюк, 1983, с. 21–27, 31–33); в Шумаевском II курганном могильнике (кург. 9, погр. 6, 8, 12, 14, 18) (Моргунова и др., 2003, с. 135–173); в могильнике Покровка (мог. 2, кург. 7, погр. 8; мог. 7, кург. 9, погр. 2) (Курганы левобережного Илека, 1995, с. 29; 1996, с. 30–33); в Привольном (кург. 2, погр. 7) (Мещеряков, 1996, с. 46). Здесь названы только отдельные погребальные комплексы, которые с наибольшим основанием могут быть отнесены к данному хронологическому этапу. Однако в указанных могильниках имеется достаточно много погребений, которые с разной степенью обоснования могут быть отнесены к рассматриваемому времени. Хронологические границы этого пласта комплексов должны определяться в рамках III в. до н.э., возможно, с заходом в первую половину II в. до н.э.

Для данной хронологической группы сарматских памятников Южного Урала характерно довольно частое нахождение в одном погребении однотипных предметов клинкового оружия, обычно меча и кинжала с прямым перекрестием и серповидным навершием, сопровождаемых колчанными наборами стрел с бронзовыми и железными наконечниками. Это весьма показательно для сарматских погребальных комплексов данной хронологической группы, поскольку во II–I вв. до н.э. в сарматских погребениях парные находки мечей и кинжалов включают, как правило, меч с кольцевым, а кинжал с серповидным навершиями или наоборот. Наконечники стрел в колчанных наборах II–I вв. до н.э. – обычно железные трехлопастные черешковые (Скрипкин, 2015а, с. 191–197). К этому же времени относятся новые типы поясных пряжек, мечей, которые отсутствуют в памятниках III в. до н.э.

Л.Т. Яблонский, предложивший рассматривать культуру ранних кочевников Южного Урала с конца VI по III в. до н.э. с позиции единого культурно-хронологического горизонта, развивая свои идеи, выделял в его рамках несколько фаз (Яблонский, 2015, с. 17–24; 2016, с. 304–311). Две из них «Б» и «С» имеют отношение к нашей теме. Стадия «Б», датируемая им второй половиной V – третьей четвертью IV в. до н.э., характеризует переходный период, связанный с формированием раннесарматской культуры. Эта стадия сопоставима с филипповским этапом. Стадия «С», третья четверть IV – III в. до н.э., характеризуется окончательным оформлением раннесарматской культуры, она сопоставима со следующим этапом развития раннесарматской культуры, который я бы назвал «прохоровско-старокиишкинским» и несколько расширил бы ее нижнюю границу, не исключая первой половины II в. до н.э.

Я полагаю, что в настоящее время на южноуральском материале можно выделить и третий, заключительный этап раннесарматской культуры. Он, в частности, представлен такими погребальными комплексами, как Мечет-Сай (кург. 3, погр. 11) (Смирнов, 1975, с. 100); Ново-Калкашево (кург. 2, погр. 5) (Акбулатов, 1998, с. 122); Чкаловская группа (кург. 3, погр. 7) (Порохова, 1983, с. 9–10); Илекшар I (кург. 8, погр. 3) (Гуцалов, 2002, с. 93–107); Покровка 1 (кург. 12, погр. 1), Покровка 2 (кург. 16, погр. 1) (Курганы левобережного Илека, 1994, с. 35–37; 1995, с. 18–20), Донгулюк II (кург. 8, погр. 4); Володарка I (кург. 4) (Гуцалов, Марыксин, 2011, с. 192–206). Для материальной культуры этого этапа характерно наличие серии категорий вещей, явно связанных с традициями центральноазиатского происхождения. В сарматских погребальных комплексах появляются новые типы клинкового оружия, длинных мечей с узким лезвием и перекрестием обычно ромбовидной формы, в ряде случаев изготовленных из бронзы (Мечет-Сай, кург. 3, погр. 11; Чкаловская гр., кург. 3, погр. 7); мечи или кинжалы с кольцевым навершием, которые иногда встречаются в одном погребении с кинжалами или

мечами с серповидным навершием (рис. 16) (Скрипкин, 2015а, с. 195). Отмечены находки бронзовых рамчатых пряжек, в одном случае в рамку пряжки заключена фигурка лежащего верблюда (Ново-Калкашево, кург. 2, погр. 5), в другом – фигурка конного всадника (Мечет-Сай, кург. 3, погр. 11). Особый интерес представляют две ажурные поясные пряжки из Донгулюкского могильника II (кург. 8, погр. 4) с изображением крылатых драконов – образа, весьма характерного для изобразительного искусства Китая. К этой группе следует отнести так называемые ложковидные застёжки (Покровка 1, кург. 3; кург. 12, погр. 1; Донгулюк II, кург. 8, погр. 4) (рис. 17). В погребениях этого времени, за редким исключением, практически не находят бронзовых наконечников стрел.

В этих комплексах продолжают встречаться вещи, имевшие распространение в предыдущее время: бронзовые зеркала с валиком по краю, чаще во фрагментарном состоянии; лепные горшки, украшенные по тулову пучками вертикальных полос; как уже отмечалось, мечи и кинжалы с серповидным навершием. Сохраняется расположение погребений по кругу под курганной насыпью. Формы могильных ям преимущественно прямоугольно-удлиненные или подбойные.

Определить время южноуральских погребальных комплексов с вышеперечисленными предметами материальной культуры позволяют материалы Нижнего Поволжья, где появление погребений с названными новыми категориями вещей датируются на основании находимых в них фибул в рамках II–I вв. до н.э. (Скрипкин, 2000а, с. 137–149).

Подводя итог вышесказанному, памятники раннесарматской культуры Южного Приуралья в процессе ее развития можно разделить на три этапа: 1) переходный, вторая половина или конец V в. до н.э. – третья четверть IV в. до н.э., представленный комплексами Филипповки, Переволочан и других им синхронных памятников⁷; 2) классический, характеризующий сложившуюся раннесарматскую культуру, датирующийся концом IV – III, возможно, первой половиной II в. до н.э., наиболее яркими памятниками этого времени являются: большинство погребений Прохоровки, погребальные комплексы могильника Старые Кишки, а также одновременные им погребения в Шумаевских, Покровских и других курганных группах; 3) поздний завершающий этап, дата которого II в. до н.э., возможно его вторая половина, – I в. до н.э., представлен наиболее типичными погребениями из курганных могильников Мечет-Сай, Ново-Калкашево, Покровка, Володарка и других, указанных выше.

Погребальные комплексы Прохоровки частично захватывают начальный и завершающий этапы раннесарматской культуры. В большинстве своем они относятся к периоду расцвета этой культуры, поэтому по праву данный памятник может считаться эпонимным для этой культуры не только Южного Приуралья, но и, учитывая обширный ее ареал, для других территорий.

Здесь я хотел бы пояснить, что когда мы говорим о периодизации сарматских памятников, в частности Южного Приуралья, и приводим даты, выраженные в веках, то в этом есть определенная доля условности. Эта периодизация не может быть выражена в абсолютно точных датах, поскольку в нашем распоряжении нет хроноиндикаторов, имеющих точные даты. Импортные изделия, обнаруженные в южноуральских кочевнических погребениях, помогают, конечно, в определении общей даты, но они, как правило, имеют определенный датирующий диапазон, поскольку сложно установить время их попадания в погребения.

⁷ Для Филипповского кургана 1 имеется радиоуглеродная дата, укладывающаяся в рамки V – начала IV в. до н.э., но которая имеет отношение только к одному кургану (Евразия в скифскую эпоху ..., 2005, с. 216). Для объективного определения времени филипповского этапа на основании этого метода необходима серия радиоуглеродных дат аналогичных южноуральских памятников.

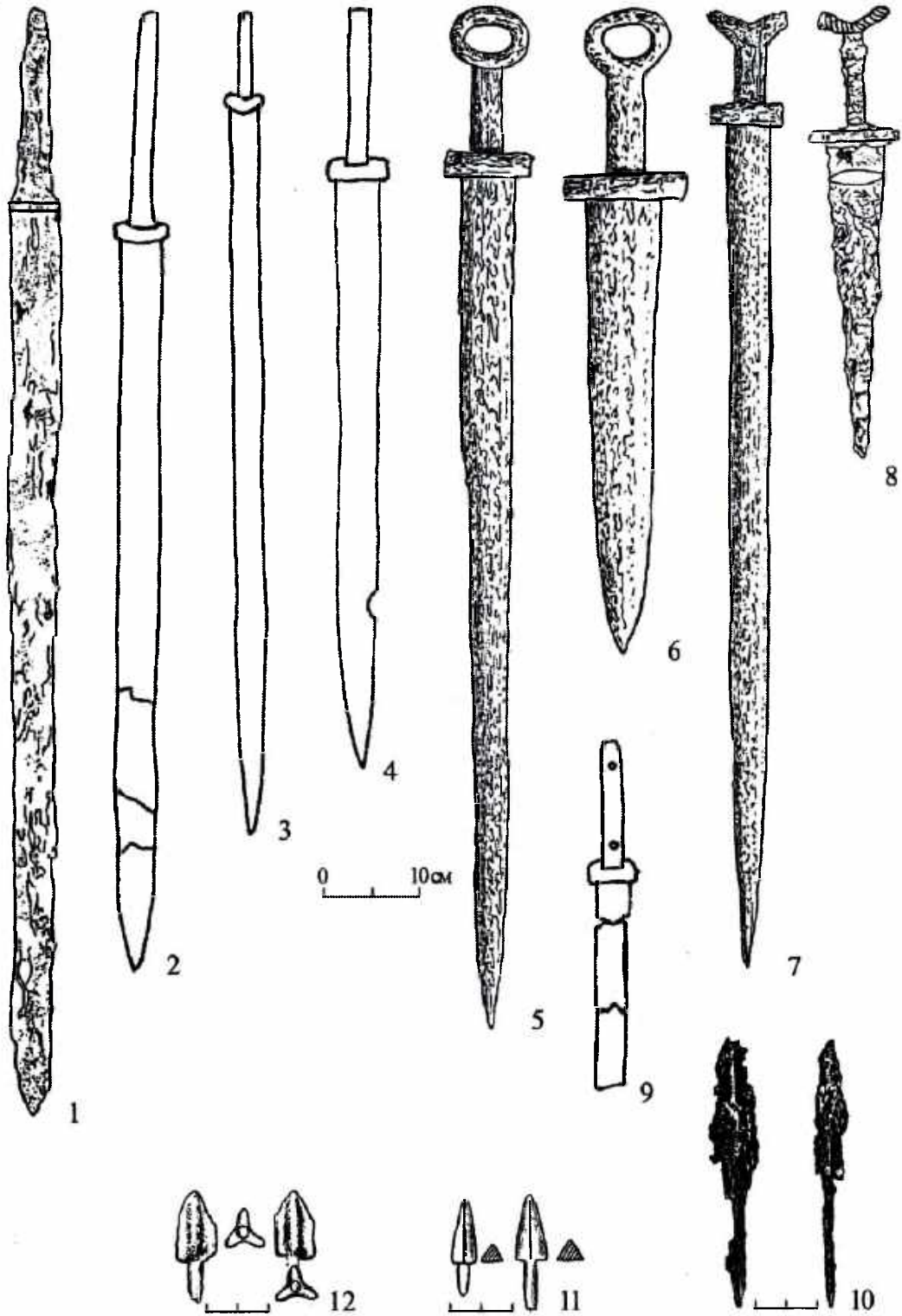

Рис. 16. Южное Приуралье. Предметы вооружения из погребений II-I вв. до н.э.:

- 1, 8 - Донгулок II, к. 8, п. 4; 2 - Мечет-Сай, к. 3, п. 11; 3 - Кардаиловский, к. 11, п. 1;
 4 - Чкаловская гр., к. 3, п. 7; 5 - Покровка I, к. 6, п. 2; 6, 7 - Покровка I, к. 12, п. 1;
 9 - Калмыково, к. 2; 10 - Ново-Калкашево, к. 2, п. 5; 11, 12 - Мечет-Сай, к. 2, п. 5; к. 3, п. 11

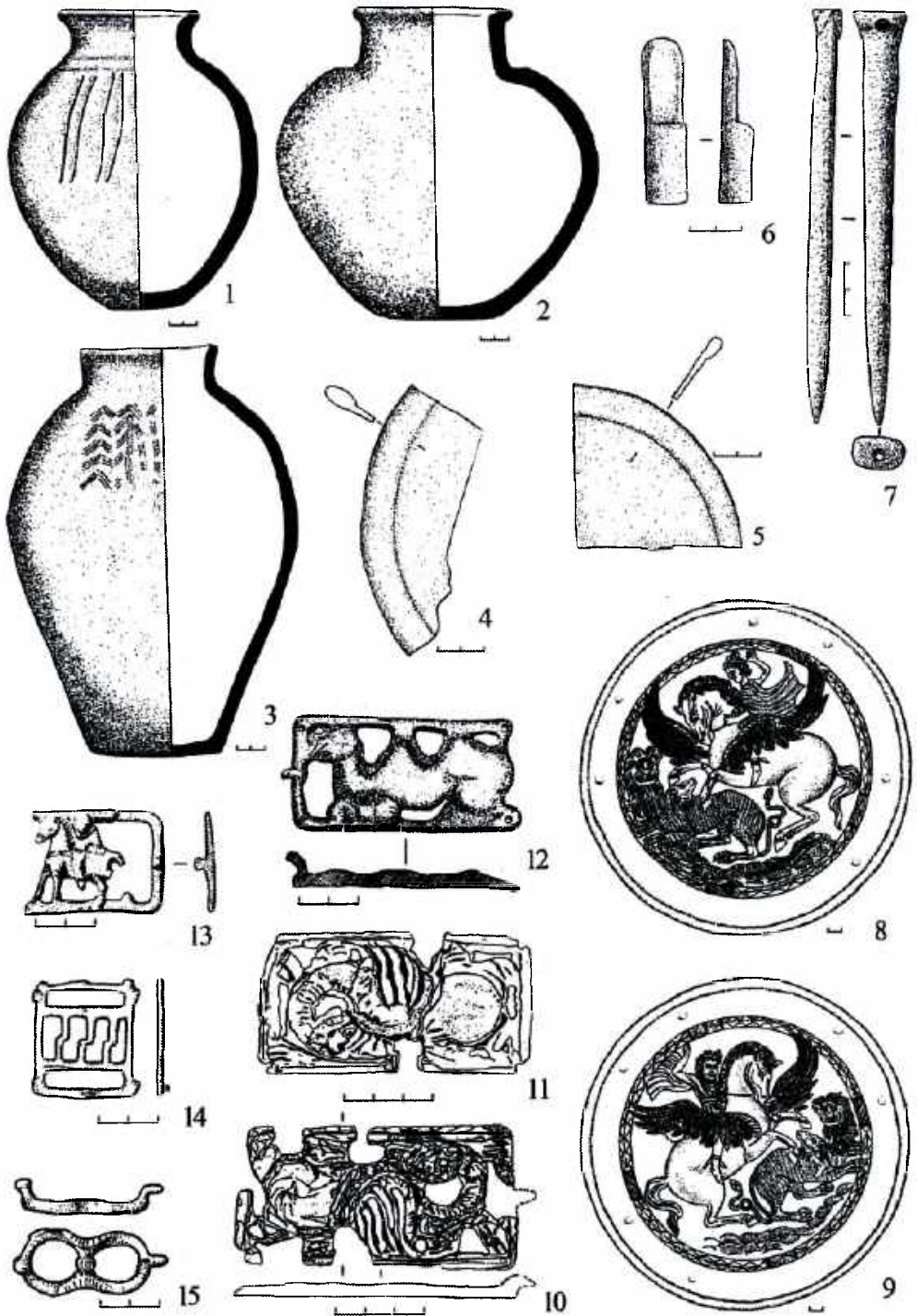

Рис. 17. Южное Приуралье. Вещи из погребений II-I вв. до н.э.:

- 1-3 - глиняные сосуды; 4, 5 - фрагменты бронзовых зеркал; 6 - ложковидная застёжка; 7 - костяная проколка; 8, 9 - фалары; 10-15 - поясные пряжки (1, 5, 6 - Покровка I, к. 12, п. 1; 2-4, 7 - Покровка, к. 6, п. 2, 3; 8, 9 - Володарка, к. 4; 10 - Ново-Калкашево, к. 2, п. 5; 11, 12 - Донгулюк II, к. 8, п. 4; 13 - Мечет-Сай, к. 3, п. 11; 14, 15 - Мечет-Сай, к. 2, п. 5)

В теории продолжительность бытования типов вещей в жизни и деятельности людей различна, замещение устаревших типов новыми происходит не одновременно, по этой причине на каком-то промежутке времени старые типы могут сосуществовать с новыми, что также затрудняет установление достаточно точных дат между отдельными этапами одной культуры. Из сказанного следует, что предложенная мной, как и другими авторами, периодизация памятников раннесарматской культуры Южного Приуралья не является абсолютной, она в значительной мере относительна. Это имеет отношение в разной мере и к другим районам распространения сарматской культуры.

3.5. Периодизация раннесарматских памятников Нижнего Поволжья

Проблемой периодизации раннесарматской культуры Нижнего Поволжья в конце прошлого и начале этого века активно занимались В.М. Клепиков, автор этой книги, а также И.В. Сергацков. Ранее работами К.Ф. Смирнова, М.Г. Мошковой доказывалось, что в рассматриваемом регионе раннесарматская культура формируется под влиянием Южно-Уральского региона, в Нижнем Поволжье она распространяется практически в уже сформировавшемся виде, начиная с рубежа IV–III вв. до н.э. или конца IV в. до н.э. (Смирнов, 1974, с. 33, 34; Мошкова, 1974, с. 47; Мошкова, Смирнов, 1977, с. 267).

В основе своей эта верная концепция может быть несколько скорректирована в связи с открытием и вводом в научный оборот новых памятников, в первую очередь в отношении начальной даты формирования раннесарматской культуры в Нижнем Поволжье. Речь идет о погребальных комплексах в курганных могильниках у с. Лятошинка (Железчиков, Фалалеев, 1995, с. 23–61), ст. Новоузенск (Скрипкин, Ким, 2013, с. 271–280), у ст. Эльтон, с. Новая Квасниковка, хут. Вертячий и ряде других (Клепиков, 2002, с. 100, 101). В этих курганных могильниках выявлены погребения с весьма показательным набором вещей: целая серия железных мечей «переходного» типа; глиняная посуда с примесью талька в тесте, украшенная по верхней части тулова орнаментальными фризами; абсолютное преобладание бронзовых наконечников стрел в колчаных наборах, в ряде случаев превышающих сто экземпляров (Новоузенск, кург. 1, погр. 19 и 22; 167 и 150 экз. наконечников соответственно); наличие преимущественно бронзовых ворворок; определенного типа костяных ложечек; бронзовых зеркал с плоским диском и ручкой, иногда по диску украшенных концентрическими кругами. По набору вещей эти комплексы ничем не отличаются от южноуральских, датируемых IV в. до н.э. (рис. 18), а упомянутые мечи «переходного» типа и тальковая керамика явно указывают на их южноуральское происхождение. Был выявлен еще один хроноиндикатор южноуральского происхождения для погребальных памятников Нижнего Поволжья IV в. до н.э. – это железные стержневые браслеты (Клепиков, 1998, с. 29–32).

Южноуральские традиции просматриваются и в погребальном обряде. В Нижнем Поволжье в IV в. до н.э. появляются новые типы конструкций могильных ям, которые в это и более раннее время были известны на территории Южного Урала. Это диагональные погребения в широких подквадратных ямах (Новоузенск, кург. 1, погр. 13, 14; Эльтон, кург. 10, погр. 9; Барановка, кург. 27, погр. 1; Кривая Лука XIV, кург. 33; XXXV, кург. 1, погр. 7; Бугор Долгий; Цаган-Ташу-Толга I, кург. 1, погр. 2), к новому типу в Нижнем Поволжье относятся и дромосные ямы (Новоузенск, кург. 1; Новая Квасниковка; Авиловский, кург. 18). Оба типа могильных ям не были известны в Нижнем Поволжье в савроматское время, они появляются здесь не ранее IV в. до н.э. (рис. 19).

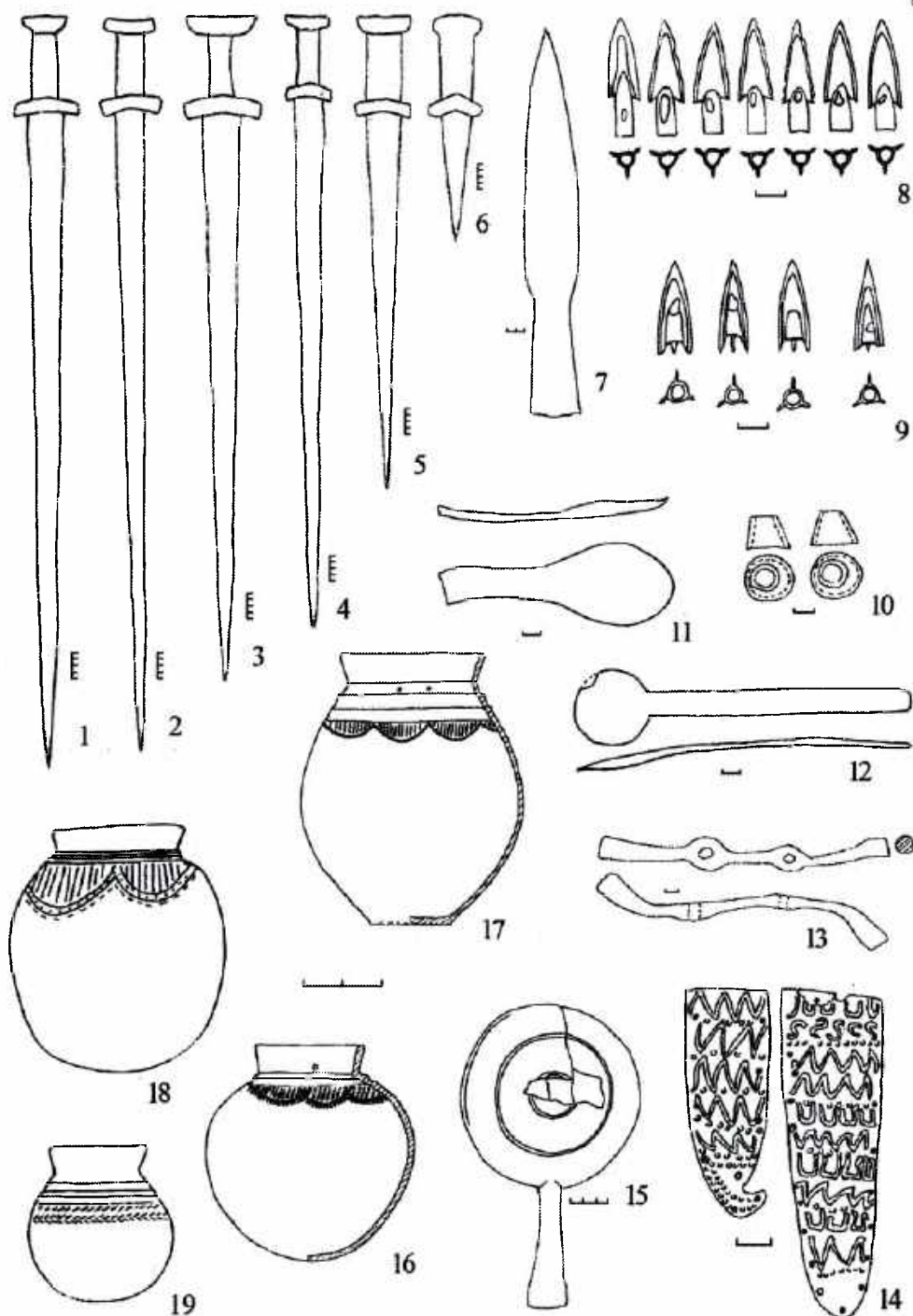

Рис. 18. Нижнее Поволжье. Вещи из погребений IV в. до н.э.:

- 1-5 - железные мечи переходного типа; 6 - железный кинжал; 7 - железный наконечник копья;
 8, 9 - бронзовые наконечники стрел; 10 - бронзовые ворворки; 11, 12 - костяные ложечки;
 13 - железный псалий; 14 - золотые обкладки деревянного сосуда; 15 - бронзовое зеркало;
 16-19 - глиняные сосуды (1, 7, 10, 17 - Новоузенск, к. 1, п. 17; 2, 3, 11, 13 - Новоузенск, к. 1, п. 19;
 5, 8 - Новоузенск, к. 1, п. 20; 4 - Новоузенск, к. 1, п. 22; 6, 9 - Новоузенск, к. 2, п. 8;
 12 - Новоузенск, к. 2, п. 17; 14 - Жутово, к. 34, п. 4; 15 - Новоузенск, к. 1, п. 18;
 16 - Новоузенск, к. 1, п. 13; 18 - Эльтон, к. 10, п. 2; 19 - Новая Квасниковка, к. 1, п. 11)

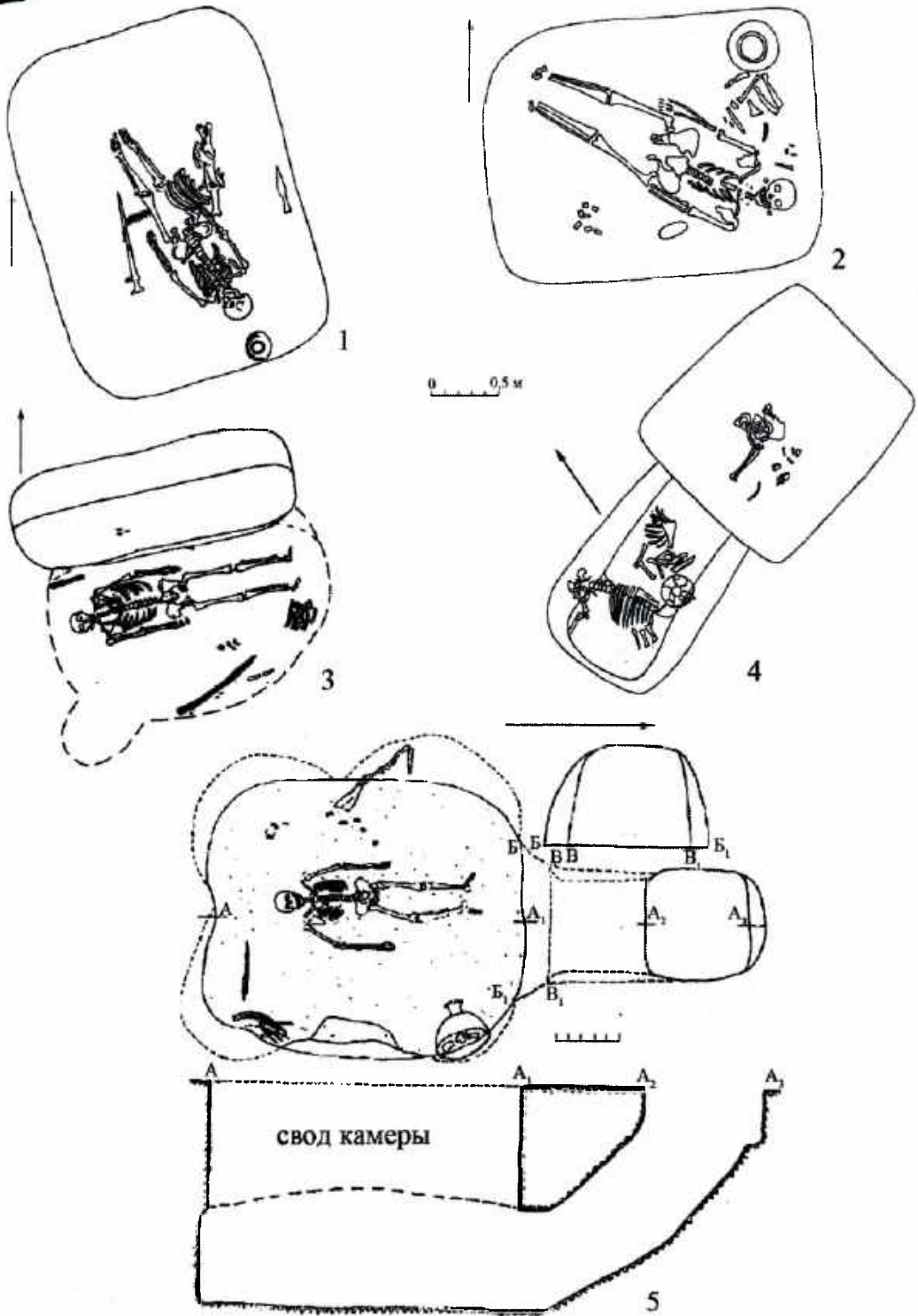

Рис. 19. Нижнее Поволжье. Планы погребений IV в. до н.э.:

1, 2 – диагональные погребения; 3 – погребение в подбойной яме; 4 – погребение в дромосной яме;
 5 – погребение в катакомбе (1 – Новоузенск, к. 1, п. 13; 2 – Эльтон, к. 10, п. 9;
 3 – Могула, к. 8, п. 4; 4 – Авиловский II, к. 18, п. 2; 5 – Вертячий, к. 6, п. 3)

В одном кургане (Новоузенск, кург. 1) были обнаружены обе эти конструкции могильных ям. Наряду с названными типами могильных ям в Нижнем Поволжье в то же время распространяются ямы подбойной и катакомбной конструкций. Начинает доминировать южная ориентировка погребенных. Для савроматского времени здесь наиболее типичной была западная, реже восточная ориентировка погребенных.

В свое время для Нижнего Поволжья В.М. Клепиковым было выделено 60 сарматских комплексов, датируемых IV в. до н.э. (рис. 20)⁸. Им отмечалось, что начиная с IV в. до н.э. южноуральские культурные элементы достаточно очевидно фиксируются в заволжских районах Нижнего Поволжья, замещая традиции савроматского времени. В междуречье Волги и Дона механизм смены культур был более сложным. Здесь в течение IV – начале III в. до н.э. сохраняются традиции предшествующей культуры, это придавало памятникам синкретичный облик, что может объясняться взаимодействием субстратных и суперстратных этнических групп (Клепиков, 2002, с. 112–124; 2007, с. 41).

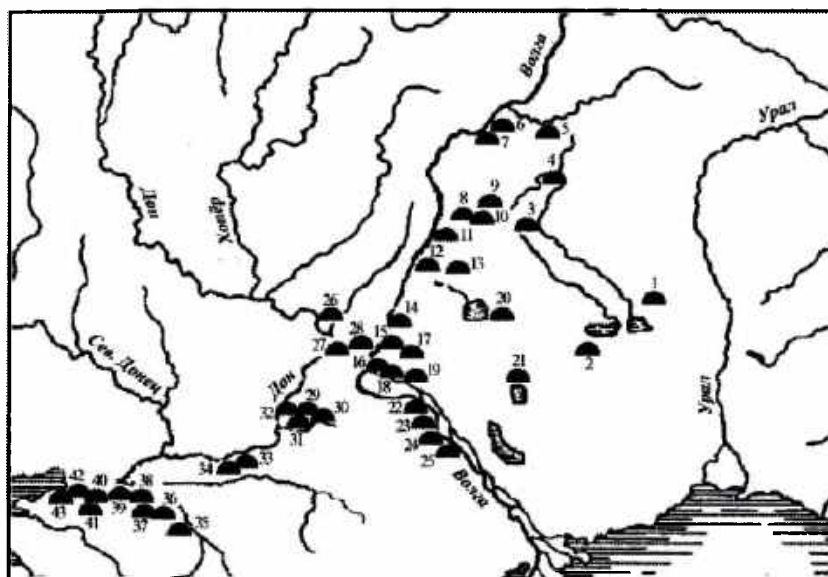
Изложенное выше позволяет утверждать, что распространение южноуральских традиций в материальной культуре и погребальном обряде в Нижнем Поволжье происходит не в конце IV в. или на рубеже IV–III вв. до н.э., а гораздо раньше, не исключено, что в начале или по крайней мере в первой половине IV в. до н.э. Это подтверждается тем, что отмеченные новации в материальной культуре и погребальном обряде в сарматских памятниках Нижнего Поволжья находят прямые аналогии в южноуральских памятниках, датируемых преимущественно IV в. до н.э. и относимых к филипповскому этапу, который характеризуется формированием раннесарматских традиций.

Проблематичным являлось выделение в Нижнем Поволжье сарматских памятников III в. до н.э. Я разделяю мнение В.М. Клепикова о том, что сформировавшаяся здесь раннесарматская культура отличается высоким уровнем унификации материальной культуры и погребального обряда и существует на протяжении длительного времени без существенных изменений, что в значительной мере затрудняет разработку ее дробной периодизации. Античные вещи, которые могли бы помочь в определении дат сарматских памятников, в силу кризисных явлений, охвативших в этот период города Северного Причерноморья, крайне редко поступали в степи (Клепиков, 2000, с. 116, 117). Из находок этого круга следует отметить только находку гераклёйской амфоры, датируемой 70-ми гг. III в. до н.э., и чернолаковой чашечки из Кривой Луки VI, кург. 1, погр. 14 (Клепиков, 2007, с. 41, рис. 15).

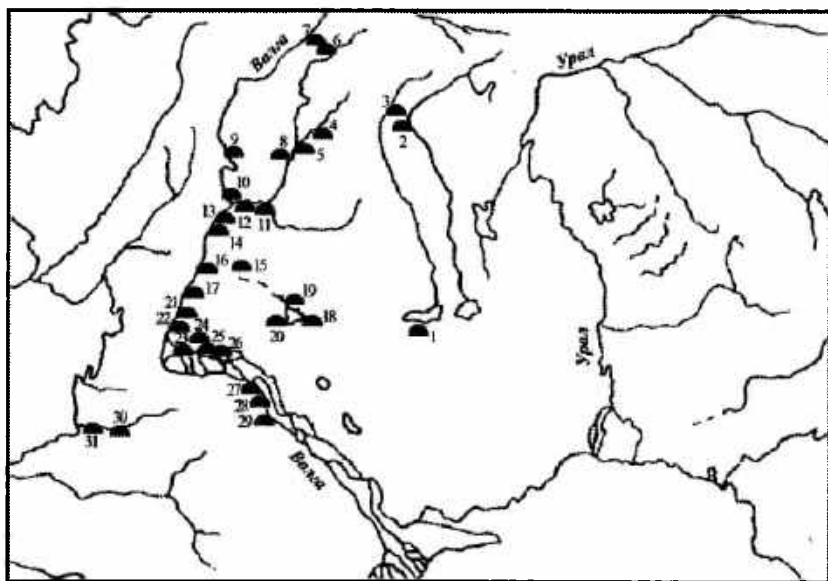
В этом случае В.М. Клепиковым был предложен и апробирован метод «зажатых датировок». Этот метод, как и термин, не был изобретен В.М. Клепиковым, его использовал в своих выступлениях М.Б. Щукин. Суть его заключалась в следующем: в Нижнем Поволжье достаточно убедительно выделялись две группы комплексов, датируемых IV в. до н.э. и II–I вв. до н.э. На этом основании были составлены два списка вещей для Нижнего Поволжья, первый из них включал вещи, которые хорошо представлены в погребениях IV в. до н.э., но не были известны в погребениях II–I вв. до н.э.; во второй список, наоборот, вошли вещи, обычно встречаемые в погребениях II–I вв. до н.э., но неизвестные в погребениях IV в. до н.э.

Так, в первый список были включены следующие вещи: мечи «переходного» типа, с бабочковидным перекрестием, синдо-меотского типа; железные дротики; железные втоки копий; бронзовые и отдельные типы железных и костяных наконечников стрел; глиняные сосуды с тальком в тесте и лепные круглодонные сосуды; отдельные типы гончарных сосудов античного производства; деревянные чаши с золотыми обкладками; детали конской узды с определенными типами псалий; бронзовые и костяные ворворки; ряд типов бронзовых зеркал (с плоским диском и ручкой или с уплощенным утолщением по краю диска; с валиком вокруг центра диска); железные браслеты; а также отдельные типы колчанных крючков, пряжек, украшений.

⁸ В книге В.М. Клепикова указаны 72 комплекса с учетом левобережья Нижнего Дона, из которых 12 относятся к Нижнедонскому региону (Клепиков, 2002, табл. 1).

А

Б

Рис. 20. Нижнее Поволжье и левобережье Нижнего Дона (по: Клепиков, 2002, рис. 36):

- А. Карта погребальных памятников IV в. до н.э.: 1 – Кос-Оба; 2 – Джангала (Сарайдин); 3 – Новоузенск; 4 – Мошков; 5 – Яблоня; 6 – Бородаевка; 7 – Березовка; 8 – Фриденберг; 9 – Лятошинка; 10 – Новая Квасниковка; 11 – Молчановка; 12 – Быково; 13 – Могута; 14 – Новоникольское; 15 – Калиновка; 16 – Верхнепогромное; 17 – 15-й поселок; 18 – Заплавное; 19 – Бахтияровка; 20 – Эльтон; 21 – Сайхин; 22 – Кашиганский; 23 – Старица; 24 – Кривая Лука; 25 – Барановка; 26 – Авиллов; 27 – Вертячий; 28 – Усть-Погожье; 29 – Аксеновский II, 30 – Жутово; 31 – Аксеновский I; 32 – Попов; 33 – Ясырев; 34 – Холодный; 35 – Северный; 36 – Житков; 37 – Туздуки; 38 – Крешинский; 39 – Арчагин; 40 – Радутка; 41 – Высочино; 42 – Койсут; 43 – Азов.
- Б. Карта погребальных памятников III в. до н.э.: 1 – Джангала (Сарайдин); 2 – Новоузенск; 3 – Питерка; 4 – Верхний Еруслан; 5 – Лятошинка; 6 – Усатово; 7 – Александровка; 8 – Визенмиллер; 9 – Ровное; 10 – Белокаменка; 11 – Торгунское; 12 – Бережновка; 13 – Политотдельское; 14 – Рыбный; 15 – Могута; 16 – Быково; 17 – Верхний Балыклей; 18 – Эльтон; 19 – Всигловка; 20 – Красная Деревня; 21 – Калиновка; 22 – Верхнепогромное; 23 – Кияковка; 24 – 15-й поселок; 25 – Ленинск; 26 – Журов кург.; 27 – Соленое Займище; 28 – Старица; 29 – Кривая Лука; 30 – Жутово; 31 – Терновский

Во второй список вошли: мечи и кинжалы с серповидным навершием и прямым перекрестием; железные черешковые наконечники стрел; лепные сосуды, орнаментированные по тулову пучками вертикальных полос; костяные полированные проколки с отверстием в верхней части; так называемые молоточки, изготовленные из камня, глины или талька; бронзовые и железные восьмерковидные пряжки и некоторые типы бус (Клепиков, 2002, с. 97, 98).

Погребения, в которых обнаружены вещи из первого и второго списков, со значительной долей вероятности могут быть датированы III в. до н.э. Кроме того, данный метод позволяет отследить отдельные типы вещей, которые не выходят за пределы IV в. до н.э. По понятной причине во второй список не был включен ряд вещей, которые датируются исключительно II–I вв. до н.э. и являются хроноиндикаторами для сарматских комплексов этого времени. Тщательный анализ взаимовстречаемости вещей из двух разновременных списков позволил выделить в рассматриваемом регионе 38 погребений, которые должны были занимать хронологическую позицию между ранними (IV в. до н.э.) и более поздними (II–I вв. до н.э.) сарматскими погребальными комплексами и датироваться преимущественно III в. до н.э. (рис. 20, Б). Судя по стратиграфическим наблюдениям, погребений, относящихся к этому промежуточному времени, должно быть гораздо больше, поскольку под курганными насыпями часто вместе с датированными по описанной методике комплексами находились другие, не нарушающие друг друга раннесарматские погребения, скорее всего близкие по времени датированным (Клепиков, Скрипкин, 2002, с. 66–68).

Для выделенной хронологической группы сарматских памятников, датируемых III в. до н.э. (не исключена и какая-то часть первой половины II в. до н.э.), наиболее характерными чертами погребального обряда являются: преобладание нешироких прямоугольных и подбойных могильных ям; наличие катакомбных конструкций с катакомбой в торцевой стене; наличие ям с заплечиками. Так, например, выделенные и наиболее убедительно датируемые указанным временем 38 погребений по типам могильных ям распределяются следующим образом: неширокие прямоугольные – 16; подбойные – 14; катакомбные – 5; с заплечиками – 3 (Клепиков, Скрипкин, 2002, с. 67). Эта пропорция типов ям сохраняется и в наиболее представительной выборке погребальных комплексов того же времени (Клепиков, 2002, с. 106). Полностью отсутствуют захоронения в дромосных ямах и в подквадратных ямах с диагональным положением погребенных, имевших место в предшествующее время. Значительно возрастает количество погребений под одной насыпью, впускные погребения составляют 93,5 %. Возрастает доля ориентировок погребенных в южный сектор, составляя 51,6 %. Значительная вариабельность ориентировок в этот период объясняется расположением погребений по кругу под курганной насыпью. По сравнению с предыдущим временем резко сокращается нахождение с погребенными костей крупного домашнего скота, и значительно возрастают находки костей овцы, составляя 91,1 % (Клепиков, 2002, с. 107, 108).

Из предметов материальной культуры для данной хронологической группы наиболее типичным является присутствие в колчанных наборах бронзовых и железных наконечников стрел, из клинкового оружия – подавляющее преобладание мечей и кинжалов так называемого прохоровского типа, широко представлены бронзовые зеркала с валиком по краю диска и клинообразным стержнем для ручки, часто используется орнаментация глиняной лепной посуды пучками вертикальных линий (рис. 21).

Традиционно завершение раннесарматской (прохоровской) культуры, начиная с выхода в свет известной статьи Б.Н. Гракова, датировалось II в. до н.э. (Граков, 1947, с. 104, 105). Во второй половине 70-х гг. прошлого века во время наших раскопок в Волгоградском Заволжье в сарматских погребениях, в курганных могильниках Рыбный, Быково, были обнаружены фибулы среднелатенской схемы, которые не исключали датировку этих погребений и II–I вв. до н.э., причем по погребальному обряду и набору вещей их следовало относить к раннесарматской культуре.

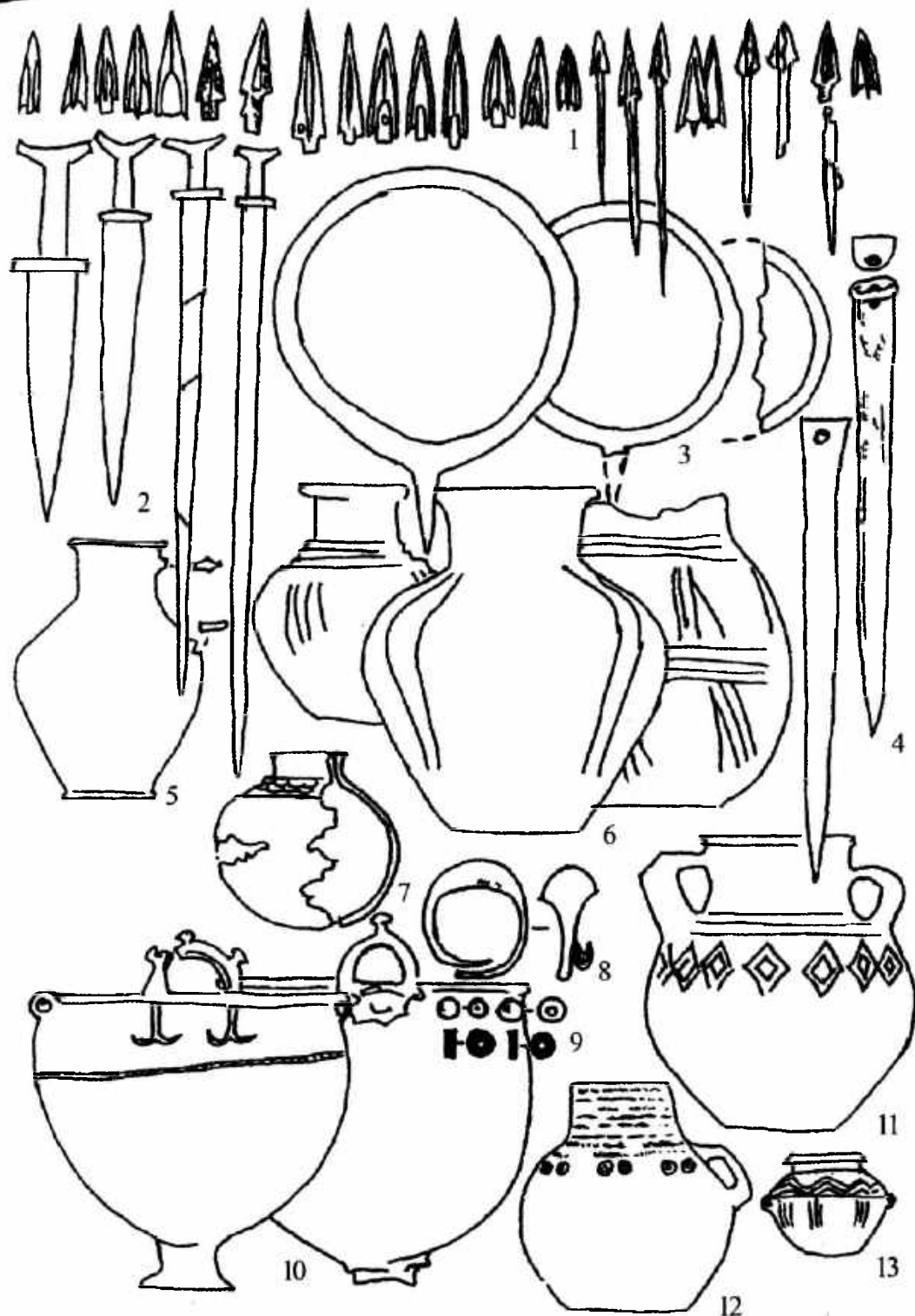

Рис. 21. Нижнее Поволжье. Вещи из погребений III – первой половины II в. до н.э.
(по: Скрипкин, Клепиков, 2004, с. 103, рис. 2):

1 – бронзовые и железные наконечники стрел; 2 – железные кинжалы и мечи;
3 – бронзовые зеркала; 4 – костяные проколки; 5–7, 11–13 – глиняные сосуды; 8 – перстень;
9 – стеклянные и гагатые бусы; 10 – бронзовые котлы

Более того, на Иловле Волгоградской области в сарматских погребениях, по всем данным относимых к раннесарматской культуре, были обнаружены лучковые подвязыные фибулы (Сергацков, 2000, с. 161–163), распространение которых обычно датировали первыми веками н.э.

В первой половине 80-х гг. прошлого века мной была проделана следующая работа. Я отобрал в пределах Волго-Донского региона все известные мне на то время погребения с фибулами до позднесарматского времени. По датировкам фибул эти комплексы были разделены мной на три хронологические группы: 1) вторая половина II – I в. до н.э.; 2) I в. н.э.; 3) вторая половина I – первая половина II в. н.э.⁹

Корреляция находок фибул в комплексах с остальными вещами и некоторыми деталями погребального обряда дала следующую картину. Более ранняя группа фибул сопровождалась находками вещей в погребениях, типичных для раннесарматской культуры. Все они оказались впускными в более древние курганы, отсутствовали диагональные захоронения. Совершенно другую картину продемонстрировали комплексы, в которых были обнаружены фибулы, датируемые I в. н.э. Большая их часть оказалась основной в курганах, из них более 30 % приходилось на диагональные погребения, существенно изменился набор типов в керамике, вооружении, зеркалах, комплектах украшений. В данном случае по погребальному набору и вещевому материалу все эти комплексы с фибулами I в. н.э. соответствовали характеристикам среднесарматской культуры.

Таким образом, комплексы, датируемые по фибулам второй половиной II – I в. до н.э., характеризовались теми чертами, которые являлись наиболее типичными для раннесарматской культуры. Этот анализ, основанный на относительно небольшой выборке, позволил мне поставить вопрос об отнесении хронологической границы между ранне- и среднесарматской культурами к рубежу эр (Скрипкин, 1989, с. 155–156)¹⁰.

Иного мнения в отношении датировки завершения раннесарматской культуры придерживалась М.Г. Мошкова, причем она в большей мере отслеживала не ее окончание, а становление среднесарматской культуры, что должно было определять и завершающую дату раннесарматской культуры. Она считала, что практически весь набор инвентаря среднесарматской культуры оформляется не позднее конца II – возможно, начала I в. до н.э., о чем свидетельствуют совместные находки мечей с серповидным и кольцевидным навершием; некоторые типы зеркал, встречающихся в погребениях обеих культур; типично среднесарматская керамика. Обобщая свои разработки, она пришла к выводу, что «I в. до н.э., во всяком случае, его вторую половину, нельзя исключать из периода существования среднесарматской культуры», из чего следовало, что это время является завершением существования раннесарматской культуры (Мошкова, 1989в, с. 36–41).

Тема определения конечной даты раннесарматской культуры разрабатывалась мной в течение ряда лет, что нашло отражение в серии статей, завершившихся изданием монографии, а затем и в подготовленном докладе к защите докторской диссертации (Скрипкин, 1990б; 1992). Анализ массового волго-уральского материала, собранного мной ко второй половине 80-х гг. прошлого века, с учетом основ-

⁹ Здесь я только в общих чертах касаюсь этого сюжета, поскольку более подробно о корреляции фибул с остальными категориями материала и отдельными деталями погребального обряда мне придется говорить в разделе, посвященном становлению среднесарматской культуры.

¹⁰ Доклад с вышеизложенными положениями был сделан мной в 1984 г. в Саратове на конференции, посвященной 100-летию со дня рождения П.С. Рыкова. Сборник же с материалами конференции вышел гораздо позже, в 1989 году.

ных категорий находок позволил мне прийти к более обоснованному выводу, чем в первых моих статьях, о двух хронологических группах вещей, принадлежащих различным периодам в развитии сарматской культуры. Их корреляция с деталями погребального обряда свидетельствовала, что первая из них, датирующаяся III–I вв. до н.э., характеризует раннесарматскую культуру, вторая, датирующаяся I – началом или первой половиной II в. н.э., – среднесарматскую культуру. В то время еще остро не обсуждался вопрос о выделении сарматских памятников собственно III в. до н.э. Памятники II–I вв. рассматривались мной как наиболее поздняя часть общего массива погребальных комплексов III–I вв. до н.э.

К этому времени появились новые хронологические разработки археологических памятников по сопредельным с Волго-Уральским регионом районам. Раннесарматская культура как феноменальное явление оказывала влияние на различные районы Евразии, которые входили в зону контакта с ней, или сама впитывала достижения других культур. Это дало мне возможность проверить объективность собственных выводов о завершающей дате раннесарматской культуры по некоторым синхронным явлениям в развитии материальной культуры населения Кубани, Северного Кавказа, Северного Причерноморья, Средней Азии и Сибири (Скрипкин, 1990б, с. 175, 176; 1992, с. 8–10).

Археологические исследования на Кубани в связи с развернувшимся масштабным строительством оросительных систем в 70–80-е гг. выявили большое количество памятников сарматского времени. И.И. Марченко, опубликовавший обширную сводку впускных погребений правобережья Кубани II–I вв. до н.э., отмечал влияние на их сопровождающий инвентарь прохоровской культуры (Марченко И.И., 1984, с. 67).

К тому времени стало уже традиционным памятники сарматского времени Северного Кавказа хронологически разделять по рубежу эр. Я использовал работы В.Б. Виноградова, М.П. Абрамовой, Б.М. Керефова. В погребениях II–I вв. до н.э. таких памятников, как Нижнедзулатский могильник, Чегемский курган и некоторые другие, встречаются вещи, типичные для раннесарматской культуры: мечи с серповидным навершием, бронзовые зеркала с валиком по краю диска, фибулы среднелатенской схемы, отдельные типы керамики, курильницы, пряжки (Скрипкин, 1992, с. 9).

Мной было обращено внимание на достаточно позднюю датировку кинжалов прохоровского типа в могильниках Северной Бактрии – Тохаристана, что заставило исследователей говорить о несоответствии линий эволюционного развития близких типов оружия на территории обитания сарматов и у среднеазиатского населения (Литвинский, Седов, 1984, с. 132). Однако с учетом коррекции завершающей даты раннесарматской культуры расхождение в датах однотипного оружия рассматриваемых выше территорий не обнаруживается.

Одним из примеров параллелизма в материальной культуре сарматов на завершающем этапе раннесарматской культуры, по моему мнению, являлось наличие однотипных вещей в памятниках тесинского этапа (II–I вв. до н.э.) тагарской культуры Сибири. Это миниатюрные копии бронзовых котлов, костяные игольники и проколки, отдельные типы пряжек, ложковидные застёжки, берестяные короба и некоторые другие вещи (Скрипкин, 1992, с. 9).

С рубежа 80–90-х гг. прошлого века и в последующее время стали появляться работы других авторов, которые ставили вопрос об омоложении завершающей даты раннесарматской культуры. К тому времени стала обосновываться версия о начале распространения сарматских памятников в Северном Причерноморье со II в. до н.э. Выделенные здесь памятники, с элементами раннесарматской культуры в вещевом материале, достаточно убедительно датировались II–I вв. до н.э. (Симоненко, 1989, с. 117–120; 1993, с. 7–29; Полин, Симоненко, 1997, с. 87–98). Следует отметить, что независимо от меня к более поздней дате завершения раннесарматской культуры

пришел и С.В. Полин, отметивший, что надежно датированные концом II – I в. до н.э. комплексы Северного Причерноморья, Кавказа, Южного Приуралья, Средней Азии включают вещи, характерные для прохоровской культуры (Полин, 1987, с. 132).

Отдельными авторами высказалось и более радикальное мнение о завершении раннесарматской культуры, приходящемся на начало I в. н.э. Так, обнаружение лучковых фибул в погребениях раннесарматской культуры на Иловле (Петрунино II, кург. 1, погр. 9; кург. 4, погр. 3) привело автора раскопок к убеждению, что петрунинские раннесарматские погребения могут датироваться началом н.э. (Сергацков, 1995, с. 148–157; 2000, с. 165). Данное убеждение основывалось на датировке этого типа фибул А.К. Амброзом не ранее I в. н.э. В последующее время дата появления подвязных лучковых фибул была пересмотрена в сторону удревнения. В связи с новым накопившимся материалом стало очевидно, что эти фибулы существовали и ранее рубежа эр (Зайцев, Мордвинцева, 2003б, с. 135–152; Скрипкин, 2003, с. 128–133; Кропотов, 2010, с. 67). В настоящее время мне не известны погребальные комплексы раннесарматской культуры, которые бы убедительно датировались I в. н.э.

Впоследствии для более обоснованного выделения сарматских памятников II–I вв. до н.э. мной были расширены территориальные границы поисков комплексов данного времени, охватывающие Волго-Донской регион и частично Южно-Уральский. В качестве датирующего материала использовались уже упоминающиеся фибулы, определенного типа клинковое оружие, некоторые типы поясных пряжек, глиняной и импортной металлической посуды (Скрипкин, 2000а, с. 137–149).

Все фибулы (19 экз.) происходили из Волго-Донского региона, они были представлены среднелатенской схемой «неапольского» варианта (Валовый, кург. 40, погр. 3; Арпачин, кург. 40, погр. 10; Попов, кург. 50/18, погр. 11) и со скрепленной ножкой (Рыбный, кург. 3, погр. 12; Ровное, кург. 14, погр. 5; Калиновка, кург. 27, погр. 3; кург. «Матохин бугор», погр. 1), две фибулы среднелатенской схемы сохранились во фрагментированном состоянии (Быково, кург. 2, погр. 3; Волжский, кург. 8, погр. 6), а также ряд фибул лучковой конструкции (Ливенцовка VII, кург. 31, погр. 1; Северо-Западный I, кург. 1, погр. 3; Петрунино II, кург. 1, погр. 9; кург. 4, погр. 3; Быково, кург. 7, погр. 1; Черебаево, кург. 3, погр. 1; Солодовка I, кург. 5, погр. 6; Писаревка II, кург. 6, погр. 1, 2). В сарматских погребениях Нижнего Поволжья были обнаружены две фибулы так называемой лебязинской серии (Лебязье, кург. 1; Сарепта, кург. 1, погр. 5). В группу ранних была включена железная фибула с круглым щитком (Петропавловка I, кург. 2, погр. 9) (Скрипкин, 2000а, с. 137, 138).

Что касается фибул среднелатенской схемы указанных вариантов, обнаруженных в Волго-Донском регионе, то большинство исследователей датировали их второй половиной или концом II – I в. до н.э. Эта дата подтверждается и новыми исследованиями (Кропотов, 2010, с. 44, 50). Традиционно лучковые фибулы из сарматских погребений датировались, в зависимости от вариантных признаков, с I по III в. (Амброз, 1966, с. 47–51). В конце прошлого века лучковые фибулы были обнаружены в указанных выше погребениях, которые по своим основным признакам относились к раннесарматскому времени. Весьма показательны в этом отношении уже упоминавшиеся погребения из могильника Петрунино II, кург. 1, погр. 9 и 14, а также кург. 4, погр. 3, исследованные на Иловле и оказавшиеся впускными в более древние курганы. Так, в погр. 9 из кург. 1 вместе с фибулой были найдены: кинжал с серповидным навершием; бронзовое зеркало с валиком по краю диска и клинообразным штырем для рукояти; лепной горшок, украшенный по тулову вертикальными пучками, полированная проколка с отверстием в верхней части. В погр. 14 того же кургана находились кинжал с серповидным навершием и меч с кольцевым навершием, фрагмент бронзового зеркала с валиком по краю и бронзовая ажурная пряжка со сценой борьбы животных. Погр. 3 из

кург. 4, кроме фибулы, сопровождалось бронзовым зеркалом больших размеров с валиком по краю диска и ручкой-штырем (рис. 22) (Сергацков, 2000, с. 38, 39, 42, 43). Лучковая фибула из Северо-Западного могильника была найдена вместе с «мегарской» чашей. Такие чаши исследователи датируют II – первой половиной I в. до н.э. (Шелов, 1969, с. 220–247; Внуков, Коваленко, 1998, с. 61). В погребении из писаревского кургана 6 лучковая фибула была найдена вместе с ажурной пряжкой с изображением нападения пантеры на верблюда. Близкие пряжки по сюжету и оформлению известны на Енисее и Забайкалье, датируются они II–I вв. до н.э. (Дэвлет, 1980, с. 16).

Мной было обращено внимание на то, что многие из указанных ранних находок лучковых фибул обнаруживают сходство по внешнему виду с фибулами среднелатенской схемы, что еще раз подтверждало зависимое происхождение первых от последних. Лучковые фибулы, обнаруженные в комплексах, убедительно датируемых I в. н.э., находятся в совершенно ином контексте, как в отношении погребального обряда, так и материальной культуры. Я считаю, что определение времени появления фибул рассматриваемой конструкции еще ждет своего уточнения, сегодня ясно одно, что они появляются еще до рубежа эр.

Одним из хроноиндикаторов сарматских памятников II–I вв. до н.э. являются мечи без металлического навершия с часто ромбическим перекрестием, в ряде случаев изготовленным из бронзы (рис. 23, 1, 5). В своем оформлении они близки китайскому клинковому оружию ханьского времени. Мечи этого типа известны из находок в погребальных памятниках Средней Азии, в изобразительном искусстве этот тип мечей зафиксирован от Китая до Средней Азии. Есть основания предполагать, что распространение таких мечей связано с разгромом хунну кочевнических группировок на северо-западных границах Китая и отступлением последних в Среднюю Азию. Эти события привели к падению Греко-Бактрийского царства, относимого к 140–130 гг. до н.э. Вслед за этими событиями, видимо, и происходит распространение у кочевников в степи мечей данного типа (Скрипкин, 2000а, с. 141).

Вероятно, с теми же событиями связано появление в сарматских погребениях и поясных ажурных пряжек с изображением верблюдов или сцен терзания хищником копытного животного (рис. 23, 10–14). По форме и характеру изображения они близки ажурным пряжкам, датируемым преимущественно II–I вв. до н.э. и известным на большой территории, включая Ордос, Внутреннюю Монголию, Забайкалье, Средний Енисей (Дэвлет, 1980, с. 18; Bunker et al., 1997, р. 82, 261, 339). Восточного происхождения и пряжки, обнаруженные в ряде сарматских погребений региона, с геометрическим орнаментом, а также пластинчатые пряжки, изготовленные из гагата и относящиеся к тому же времени, что и ажурные пряжки (рис. 23, 15–18). Самые восточные находки гагатых поясных пластин происходят из Иволгинского городища в Забайкалье и из погребений хунну Северного Китая (Скрипкин, 2000а, с. 138, 142; 2000б, с. 24, 25; 2014а, с. 219). Об этих категориях вещей восточного происхождения более подробно речь пойдет в разделе, посвященном характеристике периода, датируемого II–I вв. до н.э.

В общий список сарматских погребений II–I вв. до н.э. были включены два комплекса со сковородками типа «Айлесфорд» (Алитуб, кург. 3, погр. 20; Косика, погр. 2) (рис. 23, 27, 28) и пять комплексов с глиняными кувшинами, имеющими горизонтально расположенную ручку (Бережновка I, кург. 35, погр. 17; Балабинский I, кург. 27, погр. 20; Черебаево, кург. 2, погр. 1; Первомайский VII, кург. 34, погр. 6; Перегрузный, кург. 18, погр. 2) (рис. 23, 33). Сковородки типа «Айлесфорд» в сарматских комплексах являются импортом провинциальной римской металлической посуды. В европейских памятниках они датируются временем с 100-го по 10-й г. до н.э. с наибольшим их распространением с 80-го по 30-й гг. до н.э. (Petrovsky, 1993, S. 138). Кувшины с горизонтальными ручками – кубанского происхождения, где они известны в комплексах II в. до н.э. (Марченко И.И., 1996, с. 87).

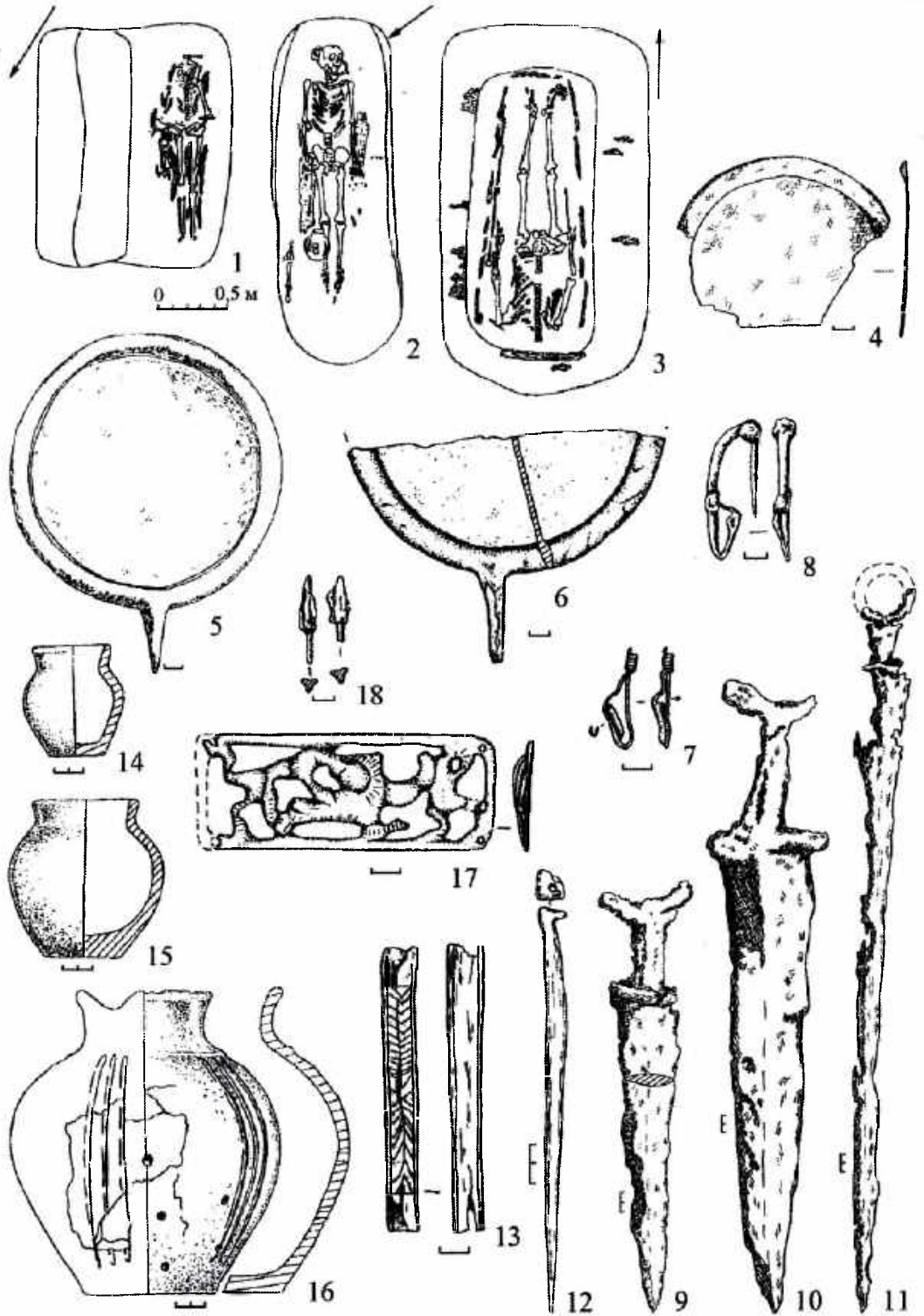

Рис. 22. Нижнее Поволжье. Погребения и вещи из курганного могильника Петруино II:

1-3 - планы погребений; 4-6 - бронзовые зеркала; 7-8 - фибулы; 9-11 - железные мечи и кинжалы; 12 - костяная проколка; 13 - костяной игольник; 14-16 - глиняные сосуды; 17 - бронзовая пряжка; 18 - железные наконечники стрел (1, 6, 7, 13 - к. 4, п. 3; 2, 5, 8, 9, 12, 14, 16, 18 - к. 1, п. 9; 3, 4, 10, 11, 15, 17 - к. 1, п. 14)

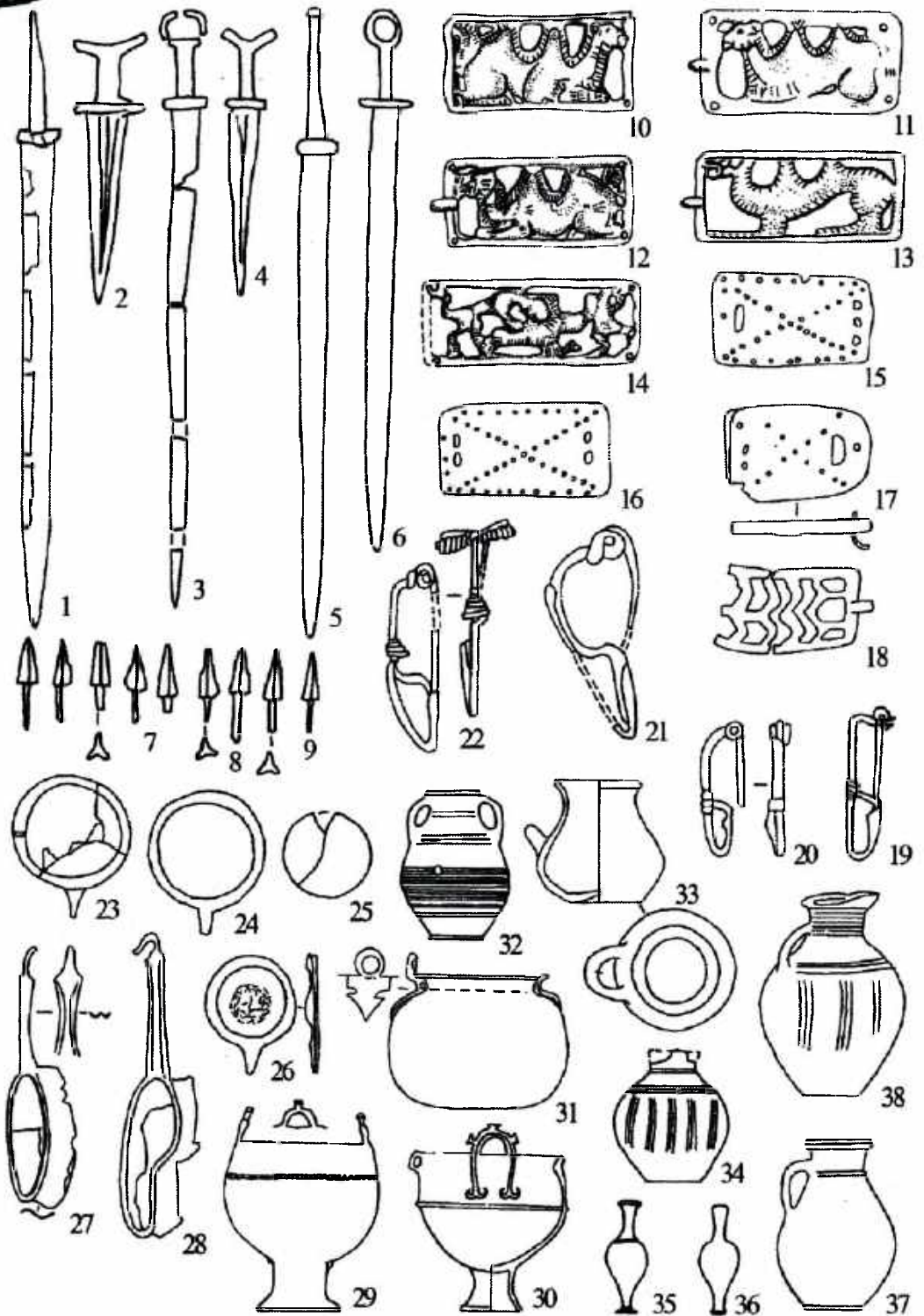

Рис. 23. Нижнее Поволжье. Вещи из погребений II-I вв. до н.э.:

1-6 - железные мечи и кинжалы; 7-9 - железные наконечники стрел; 10-14 - бронзовые поясные пряжки; 15-17 - гагатовые поясные пряжки; 18 - бронзовая решетчатая пряжка; 19-22 - фибулы; 23-26 - бронзовые зеркала; 27, 28 - сковородки типа «Айлесфорд»; 29-31 - бронзовые котлы; 32-34, 37, 38 - глиняные сосуды; 35, 36 - ургентарии

Со II–I вв. до н.э. в сарматских памятниках начинают распространяться мечи с кольцевым навершием, которые станут ведущим типом клинкового оружия в среднесарматское время (рис. 23, 3, 6). Их встречаемость в одних комплексах с мечами или кинжалами с серповидным навершием является датирующим элементом для сарматских памятников рассматриваемого времени (Скрипкин, 2015а, с. 191–197). Появление мечей с кольцевым навершием у сарматов в степях Восточной Европы, так же как и мечей без металлического навершия, обычно с ромбовидным перекрестием, ажурных и решетчатых пряжек, гагатовых пластин, как уже отмечалось, по моему мнению, связано с одними и теми же событиями. Мечи с кольцевым навершием являются результатом эволюционного развития клинкового оружия Центральноазиатского региона (Скрипкин, 2005, с. 171–185). С подвижками населения с этого времени происходит и распространение далеко на запад отдельных категорий материальной культуры, типичных для восточных ареалов кочевого населения.

Проблемным является установление более точной даты начала выделенного периода. Уровень разработанности собственно сарматской хронологии не позволяет довольно точно датировать это событие в степях, можно только утверждать, что оно произошло не ранее II в. до н.э. С одной стороны, как представляется, эту дату можно уточнить по событиям, имевшим место в среднеазиатской истории, которые получили освещение в письменных источниках и имеют более точные хронологические привязки. Я имею в виду вторжение кочевников в центральные и южные районы Средней Азии, которое привело к падению Греко-Бактрийского царства. Обычно это событие относят к 140–130 гг. до н.э. (Ставиский, 1977, с. 96–101). Некоторые исследователи его начало датируют 145 г. до н.э., с момента нападения кочевников на восточные рубежи этого государства (Бернар, Абдуллаев, 1997, с. 68). Таким образом, давление кочевников на Греко-Бактрию начинается приблизительно с середины II в. до н.э. Эту дату можно было бы принять и за освоение новыми группировками кочевников восточноевропейских степей. Однако не исключено, что какая-то часть кочевых племен, потесненных хунну, могла продвинуться по степному коридору на запад, минуя Среднюю Азию. Известно, что агрессивная политика хунну в отношении своих западных соседей начала проводиться уже при правлении Модэ. В период с самого конца III в. до н.э., с начала образования хуннского объединения, до падения Греко-Бактрии могло произойти ряд миграций кочевников с востока, достигших Сарматии (Шаров, 2012, с. 399). Поэтому, датируя заключительный период раннесарматской культуры в общем II–I вв. до н.э., я не исключаю, что его начало могло относиться и к середине II в. до н.э.

Следует рассмотреть и вопрос о культурно-типологическом статусе сарматских памятников II–I вв. до н.э., поскольку ранее высказывались разные соображения на этот счет: следует ли их относить к раннесарматской (прохоровской) культуре или считать их самостоятельной культурой, или же отождествлять их с началом формирования среднесарматской культуры. Действительно, в сарматских памятниках рассматриваемого времени появляется целый пласт инноваций как восточного, так и западного происхождения.

Восточные инновации достаточно хорошо представлены в сарматских памятниках Нижнего Поволжья. Это уже упоминавшиеся выше отдельные типы клинкового оружия, поясных пряжек, бронзовых зеркал. К инновациям западного круга следует относить распространение у сарматов моды на фибулы, появление первых образцов римской провинциальной металлической посуды. Северокавказское влияние просматривается в распространении некоторых типов глиняной посуды.

Отдельные типы вещей, появившись во II–I вв. до н.э., продолжают существовать и в первые века новой эры, являясь даже определяющими категориями находок для среднесарматской культуры.

Следует ли эти инновации в материальной культуре сарматов II–I вв. до н.э. Нижнего Поволжья считать началом зарождения среднесарматской культуры? На мой взгляд, нет. Это следует из анализа погребального обряда сарматских памятников данного времени, в котором тоже появляются новые детали, но которые не обнаруживают своего дальнейшего развития в среднесарматское время. Это увеличение северной ориентировки погребенных, которая в отдельных районах Нижнего Поволжья составляла существенный процент, наличие захоронений в деревянных колодах (Скрипкин, 2014а, с. 218–222). Однако преобладающими продолжают оставаться основные признаки погребального обряда, характерные для сложившейся раннесарматской культуры предшествующего времени. В свое время в пределах Азиатской Сарматии мной было выделено 43 погребальных комплекса, достаточно убедительно датированных II–I вв. до н.э., из которых 40 оказались впускными в более ранние курганы. Типы могильных ям распределились следующим образом: прямоугольные удлиненные – 23, подбойные – 9, ямы с заплечиками – 3, катакомбы – 2, в насыпи курганов – 6. Ориентировка погребенных преобладает в южный сектор – 33, с достаточно выраженной ориентировкой в северный сектор – 8 (Скрипкин, 2000а, с. 143). Значительное преобладание впускных погребений над основными весьма отчетливо фиксируется в раннесарматских памятниках III в. до н.э., для них характерно примерно то же соотношение типов погребальных ям. В сарматских комплексах III в. до н.э. также преобладающей является ориентировка погребенных в южный сектор. Следует отметить, что в III в. до н.э. уже не встречаются дромосные ямы и широкие прямоугольные с положением погребенных по диагонали, которые имели распространение в IV в. н.э., не известны они и во II–I вв. до н.э. (Клепиков, Скрипкин, 2002, с. 67). Во II–I вв. до н.э. сохраняется более ранняя традиция сооружать в одном кургане несколько погребений, располагающихся вокруг его центра. Распространение новых категорий вещевого материала в сарматских памятниках II–I вв. до н.э., с одной стороны, связано с появлением нового этнического компонента восточного происхождения, который фиксируется и по данным антропологии (Балабанова, 2010б, с. 75), с другой – установление сарматами более тесных контактов с районами Северного Причерноморья и Кавказа. М.А. Балабанова отмечала, что миграционная волна, пришедшая на это время, была связана с этнополитическими процессами в центральноазиатских районах, не была значительной. Сохранению и преобладанию раннесарматских черт в памятниках II–I вв. до н.э. Нижнего Поволжья способствовало значительное смещение сюда раннесарматского населения из Южного Приуралья. В соответствии с изложенным полагаю, что сарматские памятники Нижнего Поволжья II–I вв. до н.э., как Подонья и Южного Приуралья, следует относить к заключительному периоду раннесарматской культуры.

3.6. Хронология раннесарматских памятников Подонья

Разработка хронологии сарматских памятников, особенно Нижнего Дона, затруднена тем, что в раннем железном веке этот регион являлся пограничным между скифами, сарматами и меотами. В историко-культурном отношении в рассматриваемый период Нижний и Средний Дон существенно различались между собой.

Что касается Нижнего Дона, то у истоков разработки хронологии и периодизации сарматских памятников названного региона стоял В.Е. Максименко,

который в течение длительного времени разрабатывал эту тематику. Основные его выводы сводились к следующим положениям. Собственно сарматская история на Нижнем Дону, по В.Е. Максименко, начинается с IV в. до н.э., когда здесь, в том числе и на правом берегу, появляются сирматы, фиксируемые письменными источниками (Псевдо-Скилак, Эвдокс). Он считал, что сирматы являлись первой волной сарматов, но которые были носителями савроматской культуры, продвинувшиеся из Поволжья и Южного Приуралья. К ним он относил известные погребения в курганах междуречья Дона и Северского Донца у пос. Шолоховский, хут. Кашеевка, Сладковского могильника, Карнауховского кургана, а также погребение под Новочеркасском (исследованное в 1973 г.). В их число он включал и ряд комплексов на левобережье Дона в Ясыревской и Койсугской курганных группах, Азовский курган (раскопки 1980 г.).

С конца III – II в. до н.э., по его мнению, начинается прохоровский период, который был обусловлен появлением новой волны кочевников на Нижнем Дону, носителей прохоровской культуры из районов Поволжья и Южного Урала (Максименко, 1983, с. 128, 129).

В последующее время В.Е. Максименко уточнял свою позицию по данному вопросу. Так, начало утверждения сарматов на Нижнем Дону, носителей прохоровской культуры, он отнес к началу II в. до н.э. (Максименко, 1988, с. 115), а время с III по начало II в. до н.э. он считал переходным от савроматского периода к сарматскому (прохоровскому). Причем формирование новой культуры на Нижнем Дону проходило не одновременно, на левобережье этот процесс завершился к началу II в. до н.э., а на противоположной береговой территории позже, где были сильны традиции предшествующей савромато-сирматской культуры (Максименко, 1990, с. 30).

Проблемой хронологии раннесарматских памятников Нижнего Дона активно занимался В.П. Глебов. Отмечая разноэтничный состав кочевого населения Нижнего Дона, он обращал внимание на незначительное количество здесь погребальных памятников восточного облика, датируемых IV – началом III в. до н.э., которые можно было отождествлять с сарматским миром. Таковых, по его мнению, насчитывается не более двух десятков, для которых характерно преобладание южной ориентировки погребенных, наличие в ряде случаев диагональных погребений, вещей восточного облика. Проблематичным он считал отнесение к этой группе подкурганых захоронений в дромосных ямах (Шолоховский, Кашеевский, Сладковский курганы).

В.П. Глебов отмечал, что наряду с погребальными комплексами восточного облика на Нижнем Дону достаточно убедительно выделяются погребальные памятники кочевых скифов, которые появляются здесь в середине IV в. до н.э. и существуют до начала III в. до н.э. Дата этих комплексов основана на значительном количестве амфорного материала. Их характеризуют катакомбные и подбойные конструкции погребальных ям, сооружение ровиков и богатые тризны под индивидуальными насыпями. Памятники этого типа сосредоточены главным образом в низовьях Дона с обеих его сторон. Далее следовал вывод, что Нижнедонской регион в IV – начале III в. контролировался не сарматами, доминирующей силой в военно-политическом отношении здесь были скифы. Восточные кочевники, скрывающиеся под именем сирматов, составляли на Нижнем Дону небольшие группы кочевников, проникших сюда.

Проанализировав дальнейшую ситуацию с хронологией сарматских памятников Нижнего Дона, В.П. Глебов обосновал их отсутствие в III в. до н.э. Этот вывод вписывался в концепцию, выдвигавшуюся некоторыми исследователями, о запустении в это время значительной территории степного евразийского пространства. Правда, В.П. Глебов говорил о запустении степных территорий к западу от Волги. Погребальные памятники восточных кочевников, как и скифских, исчезают на Нижнем Дону в начале III в. до н.э.

Распространение кочевнических памятников во II–I вв. до н.э. в рассматриваемом регионе В.П. Глебов связывал с новым миграционным импульсом с востока. Появление погребальных комплексов этого хронологического пласта он относил к началу II в. до н.э., причем наиболее ранние памятники этого периода сосредоточивались на левобережье Дона. Значительно возрастает количество погребений этого времени, их было учтено им около 500. Наиболее характерными чертами погребального обряда являлись: подавляющее преобладание впускных погребений в курганы более ранних эпох (93,3 %); наиболее распространенным типом могильных ям являлись узкие прямоугольные (52 %), из других форм наиболее часто встречаемые – подбойные (27 %) и ямы с заплечиками (9 %); ориентировка погребенных преобладала в южный сектор (65,5 %), в северный (7,8 %).

Из наиболее распространенных категорий находок отмечалась разнообразная глиняная посуда кубанского, предкавказского, боспорского производства. Особо следует упомянуть находки амфор, лаковых канфаров, «мегарских» чаш, утвари, которые, кроме прочего, позволяют установить более точную дату комплексов. Вооружение представлено преимущественно трехгранными железными черешковыми наконечниками стрел. В наиболее ранних комплексах в рамках общей даты II–I вв. до н.э. чаще находились мечи с серповидным навершием, другие формы представлены мечами с кольцевым навершием, без навершия, иногда с архаичным волютообразным навершием. Среди бронзовых зеркал преобладали формы с валиком по краю диска и клиновидной ручкой-штырем, небольшие зеркала в виде плоского диска. Фибулы были представлены среднелатенской схемой (8 экз.), лучковыми подвязными (3 экз.) и «воинскими» (2 экз.).

Анализ взаимовстречаемости типов вещей, предпринятый В.П. Глебовым, позволил ему выделить две их хронологические группы. Первая, наиболее ранняя, датирована им преимущественно II в. до н.э.; вторая, более поздняя, – в основном I в. до н.э., не исключая поздней части II в. до н.э. Отмечалось и некоторое территориальное распространение памятников II–I вв. до н.э., наиболее ранние памятники в рамках этой даты сосредоточены на левобережье Дона, более поздние – на правобережье (Глебов, 2007, с. 61–63; 2010, с. 15–25).

В.П. Глебов отмечал, что с началом формирования среднесарматской культуры со второй половины I в. до н.э. раннесарматские традиции на Нижнем Дону продолжают сохраняться вплоть до середины I в. н.э. (Глебов, 2004б, с. 130, 131).

Таким образом, исследования ростовских специалистов по хронологии раннесарматских памятников Нижнего Дона выявили следующую картину. Здесь стали появляться погребальные памятники восточного облика, отождествляемые с сирматами. Это Шолоховский курган, курган у хут. Кащеевка, курган № 4 у хут. Сладковский с дромосными конструкциями ям, которые убедительно датируются IV в. до н.э. по наличию в них хорошо датирующихся вещей, в том числе и амфорной тары. К этому времени относятся и диагональные захоронения на левобережье Нижнего Дона в курганных могильниках: Житков II, кург. 3, погр. 2; Крепинский II, кург. 3, погр. 11; Высочино VII, кург. 17, погр. 3 (рис. 24, 25, 26). Обосновано как отсутствие сарматских памятников в III в. до н.э., так и широкое их распространение, относящихся к прохоровской культуре, во II–I вв. до н.э. (рис. 27).

Здесь следует отметить, что последний весьма представительный заключительный пласт сарматских памятников на Нижнем Дону не следует напрямую соотносить с классической прохоровской культурой. Эпонимный памятник, оренбургские прохоровские курганы, датируется концом IV – началом II в. до н.э.

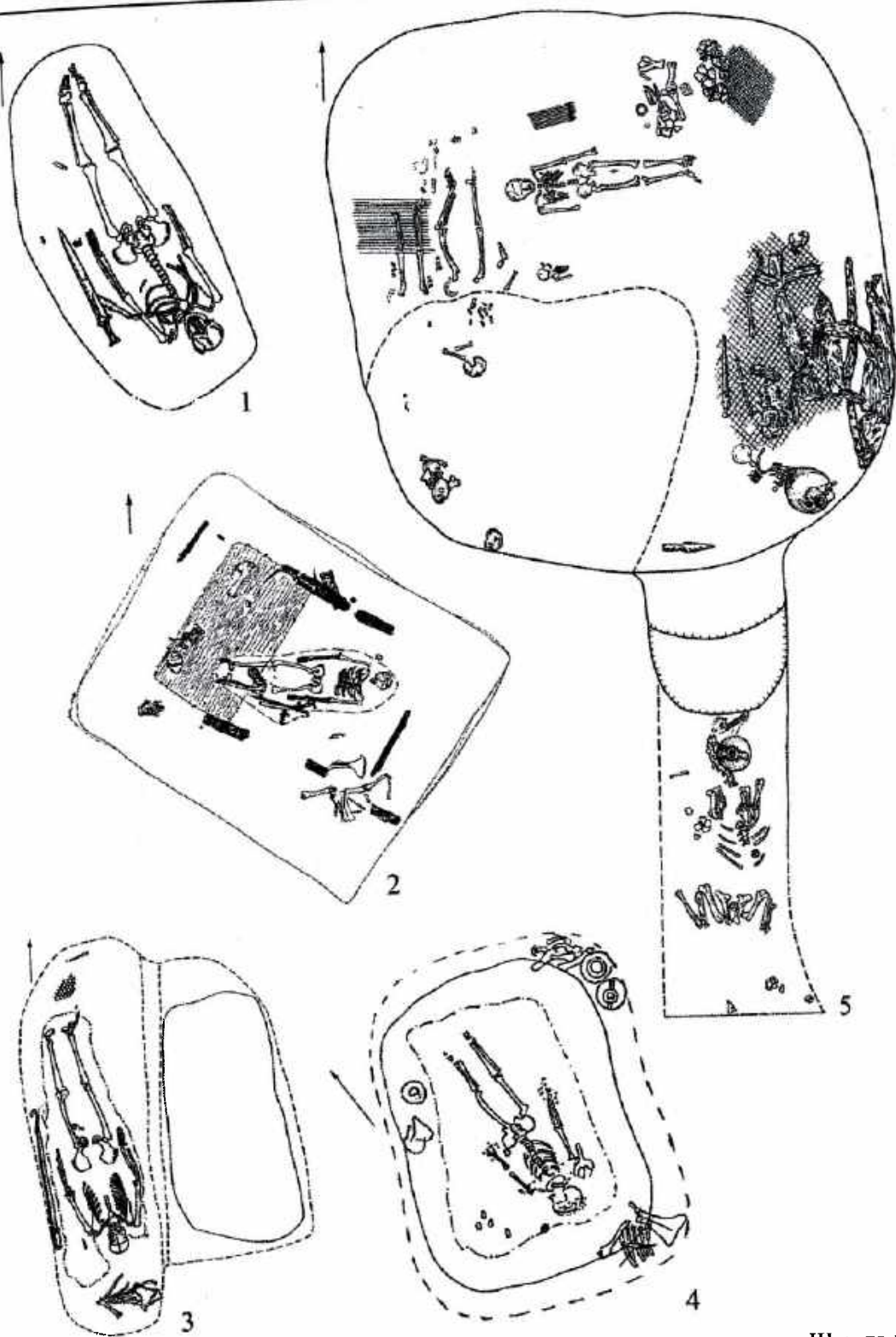

Рис. 24. Нижний Дон. Типы погребений восточных кочевников IV – начала III в. до н.э.

1 – Костыревский VIII, к. 14, п. 11; 2 – Житков II, к. 3, п. 2; 3 – Целинский III, к. 2, п. 1;
4 – Высочино, к. 13, п. 3; 5 – Сладковский, к. 4

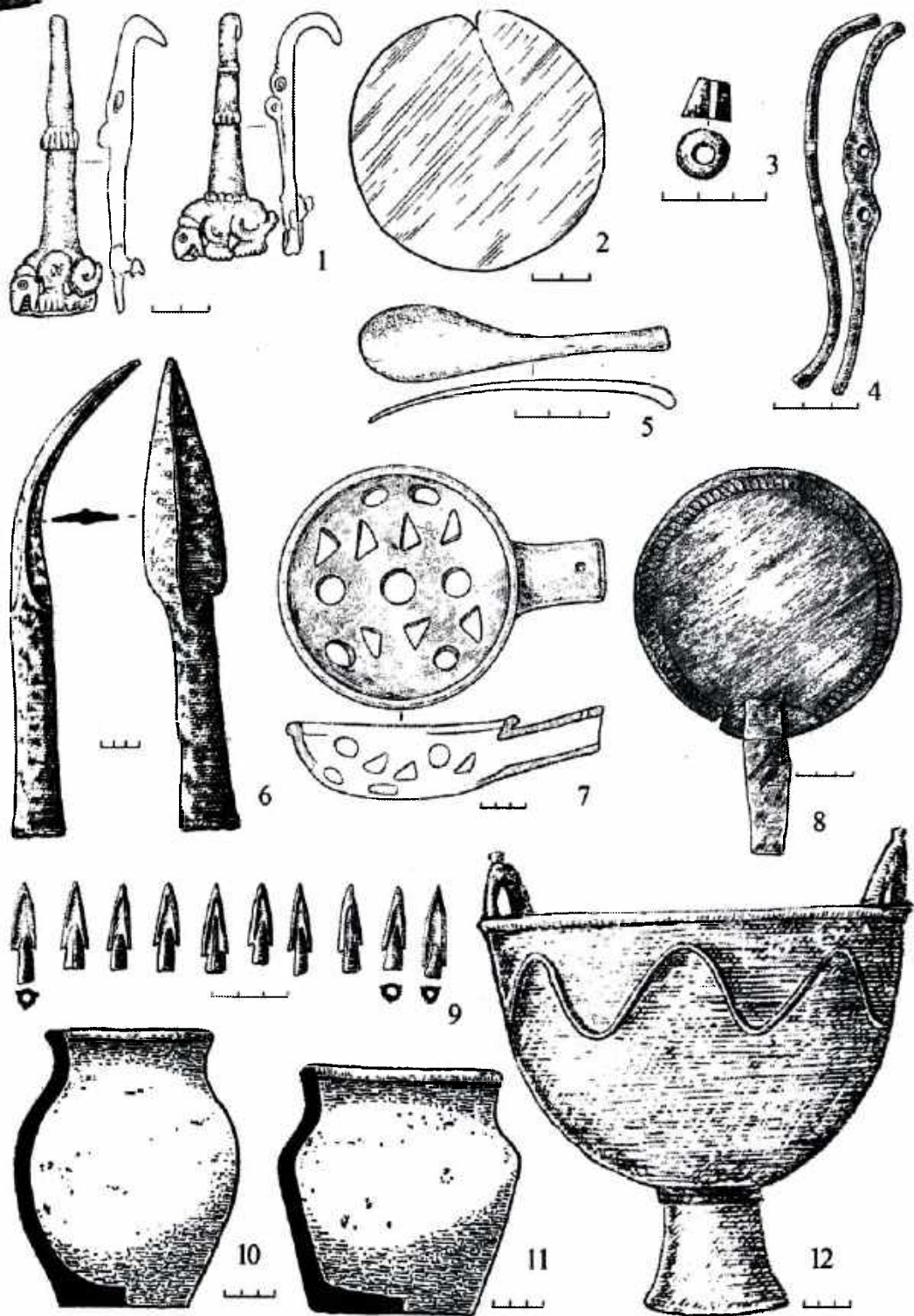

Рис. 25. Нижний Дон. Вещи из погребений восточных кочевников IV в. до н.э.:

- 1 – колчанные крючки; 2, 8 – бронзовые зеркала; 3 – бронзовая воровка; 4 – псалий; 5 – костяная ложечка; 6 – железный наконечник копьа; 7 – бронзовая «цеделка»; 9 – бронзовые наконечники стрел; 10, 11 – глиняные сосуды; 12 – бронзовый котел (1, 2, 5, 7 – хут. Кашеевка, к. 1; 3, 4, 6, 8–12 – пос. Шолоховский)

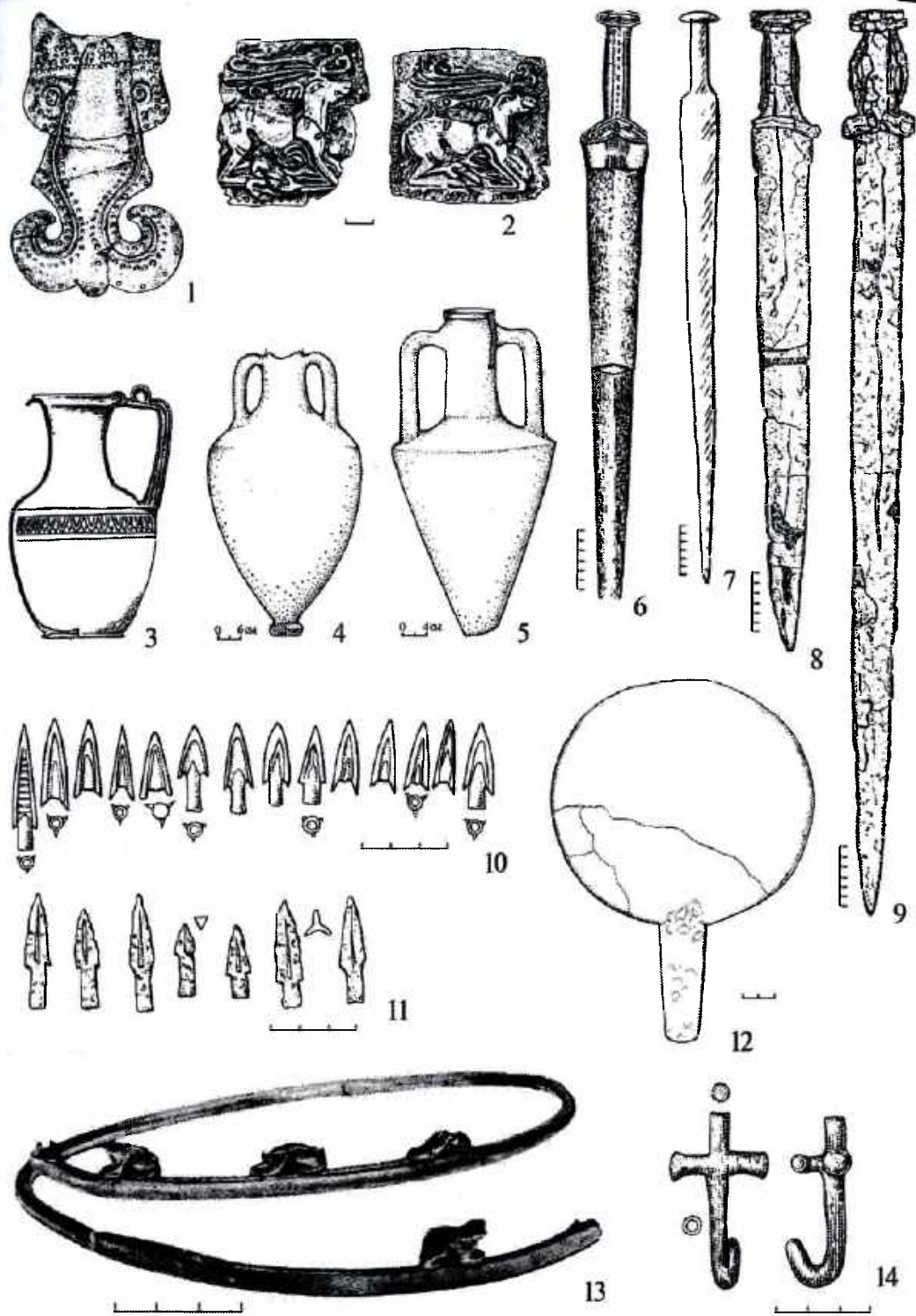

Рис. 26. Нижний Дон. Вещи из погребений восточных кочевников IV в. до н.э.:

1, 2 – золотые обкладки; 3 – глиняный кушин с росписью; 4, 5 – амфоры; 6–9 – железные мечи; 10 – бронзовые наконечники стрел; 11 – железные наконечники стрел; 12 – бронзовое зеркало; 13 – серебряная гривна; 14 – колчаный крюк (1–3, 6 – Житков II, к. 3, п. 2; 4, 5, 7, 10–14 – хут. Сладковский, к. 4; 8 – Целинский III, к. 2, п. 1; 9 – Кастырский VIII, к. 14 п. 11)

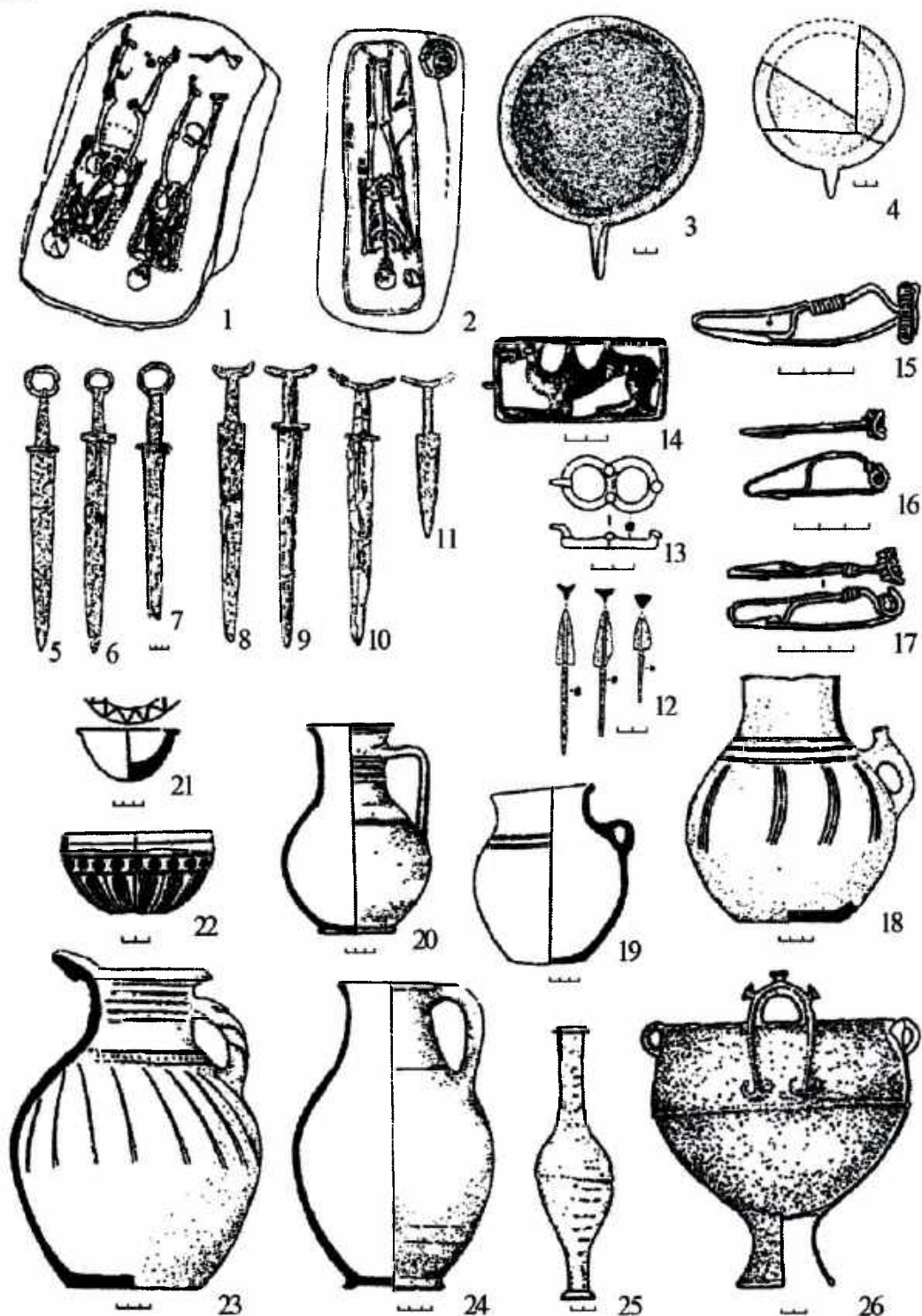

Рис. 27. Нижний Дон. Планы погребений и вещи из погребений II-I вв. до н.э.:

- 1, 2 – планы погребений; 3, 4 – бронзовые зеркала; 5–11 – железные мечи и кинжалы;
- 12 – железные наконечники стрел; 13, 14 – бронзовые поясные пряжки; 15–17 – фибулы;
- 18–20, 23, 24 – глиняные кувшины; 21 – глиняная курильница; 22 – «мегарская» чаша;
- 25 – угвентарий; 26 – бронзовый котел

В нижнедонских комплексах II–I вв. до н.э. нет ряда тех элементов, которые характеризуют памятники времени прохоровских курганов Южного Приуралья и Нижнего Поволжья, и наоборот, присутствуют те признаки, которых нет в более ранних раннесарматских комплексах. Сарматские памятники II–I вв. до н.э. идентичны одновременным памятникам Нижнего Поволжья и Южного Приуралья, которые я отношу к заключительному этапу раннесарматской культуры. Формировались они под существенным влиянием миграционных процессов, исходной территорией которых были районы Центральной Азии.

На Среднем Дону сарматские памятники появляются только со II в. до н.э. Раннесарматских памятников II–I вв. до н.э., в отличие от Нижнего Дона, здесь выявлено не много. Они насчитывают всего пять погребений, три клада и несколько случайных находок (Медведев, 2004в, с. 86; 2008, с. 18). Археологические памятники IV и III вв. до н.э., которые возможно было отождествить с сарматами, здесь отсутствуют. Если только восточные кочевники и обозначили свое присутствие в лесостепном Подонье в ранний период, то оно выразилось в гибели ряда городищ скифоидной среднедонской культуры (Семилукское, Коломакское и др.). Эти события отождествляются с вторжением кочевников савромато-сирматского круга, приведшим к довольно быстрому изживанию на Среднем Дону традиций скифской эпохи (Медведев, 1999, с. 145–152).

3.7. Появление и распространение раннесарматских памятников на Северном Кавказе

Речь идет о северных склонах Большого Кавказского хребта и Предкавказье с включением Краснодарского и Ставропольского краев. Одной из первых обобщающих работ по кубанским древностям сарматского круга было монографическое исследование, выполненное краснодарским археологом И.И. Марченко. В нем были подвергнуты анализу погребальные памятники раннего железного века степного правобережья Кубани, в количественном отношении существенно пополнившиеся в результате проводившихся здесь активных археологических раскопок в 70–80-е гг. прошлого века (Марченко, 1996). Классификация и хронология вещевого материала позволила автору выделить семь хронологических групп погребальных комплексов. В данном разделе нас будут интересовать те из них, которые соответствуют раннесарматскому времени. Более ранняя группа, включающая 17 комплексов, была датирована И.И. Марченко преимущественно серединой IV – первой четвертью III в. до н.э. (Марченко, 1996, с. 84, 85). Эта дата была определена на основе принятого датирования ряда отдельных категорий вещевого материала: мечей; наконечников стрел; бронзовых зеркал; глиняной посуды, имеющей аналогии в меотских погребениях и античных некрополях IV – начала III в. до н.э.

По погребальному обряду эта группа значительно отличалась от меотских захоронений. Проведенный И.И. Марченко анализ погребального обряда и предметов материальной культуры позволил ему отнести эти памятники к кругу сарматских древностей (Марченко, 1996, с. 95–100).

Н.Ф. Шевченко, не отрицая присутствия в кубанских степях памятников IV–III вв. до н.э. раннесарматского круга, отмечал, что к их выделению и интерпретации следует относиться осторожно, дабы не упрощать реалии племенных отношений в этом регионе (Шевченко, 2011, с. 50, 51).

Н.Е. Берлизов, основываясь на несколько более обширной выборке погребальных памятников из Предкавказья, значительную часть которой со-

ставляли кубанские комплексы, в том числе и из Закубанья, выделил их в стадию С1 своей периодизации, отождествив их с ранними сарматами и датировав второй половиной IV – началом III в. до н.э. (Берлизов, 2011, с. 189, 190). Практически эта дата совпадала с датой, предложенной И.И. Марченко для погребальных комплексов данного типа.

Н.Е. Берлизов предпринял попытку соотнести с савроматами или с ранними сарматами ранее раскопанные погребальные памятники на Кубани, датируемые IV в. до н.э., которые традиционно считались меотскими. Это Марьянский курган, несколько курганов у ст-цы Воронежской и Курджипиский курган. Н.Е. Берлизов отмечал сходство этих памятников по ряду признаков с синхронными погребальными памятниками Нижнего Дона, Поволжья и Южного Урала (Берлизов, 2002, с. 28–32).

Конечно, для выделения ранних сарматских памятников (IV – начала III в. до н.э.) в Предкавказье и на Кубани существуют определенные трудности, однако присутствие здесь восточного кочевого компонента вполне ощутимо. Оно выражается в распространении мечей так называемого переходного типа (Марченко И.И., 1996, с. 48–50, рис. 12, тип I, 1; II, 1; Шевченко, 2011, рис. 2, 9, 24; Прокопенко, 2014, рис. 91, 42, 43) (рис. 28, 1–6), которые получают широкое распространение в Южно-Уральском регионе. В отдельных случаях это присутствие выражалось в конструкциях могильных ям, например в сооружении квадратной ямы с дромосом (Марченко И.И., 1996, с. 95) или подквадратной ямы с диагональным положением костяка (ст-ца Темижбекская, кург. 4, погр. 2) (Скрипкин, 2009, с. 175). Погребения в таких формах ям датируются здесь в пределах рассматриваемой даты. Эти конструкции могильных ям, так же как и мечи переходного типа, широко представлены в Южном Приуралье в V–IV вв. до н.э. В последующее время количество погребальных памятников на Кубани значительно увеличивается. С конца III или со II в. степная часть Прикубанья, междуречье Кубани и Лабы были заселены сарматами (Ждановский, Лимберис, Марченко, 1988, с. 103–115; Игнатов, Скрипкин, 1988, с. 175–197).

В свое время В.Б. Виноградов полагал, что начало продвижения сарматов в предкавказские районы Северо-Восточного Кавказа относится к рубежу IV–III вв. до н.э., а в III–I вв. до н.э. они уже основательно осваивают эту территорию, вступая в тесные контакты с местным аборигенным населением. На основании анализа вещественного материала он выделил в указанном регионе 33 погребальных комплекса сарматской культуры, связанных преимущественно с курганным обрядом и датируемых III–I вв. до н.э. (Виноградов, 1963, с. 41–70).

С конца III в. до н.э. обосновывалось проникновение сарматов в Центральное Предкавказье, в подтверждение приводились курганные могильники Чегем I, Кишпек, Мекенская, Червленая. Активное продвижение сарматов в центральные районы Кавказа объяснялось их стремлением овладеть важными путями, ведущими в богатые районы Закавказья (История народов Северного Кавказа ..., 1988, с. 79, 80).

Несколько иначе эта проблема рассматривалась М.П. Абрамовой в отношении начала распространения сарматских памятников в Центральном Предкавказье (Абрамова, 1993, с. 15–106). Период с III по I в. до н.э. для этого региона исследовательница относилась к новой эпохе, обозначив ее как «сарматское время», но она отрицала идею прямолинейного освоения Центрального Предкавказья сарматами. Этот процесс, по ее мнению, осложнялся сохранением здесь достаточно очевидных местных традиций. Для этого региона было характерным распространение как курганных захоронений, так и грунтовых могильников.

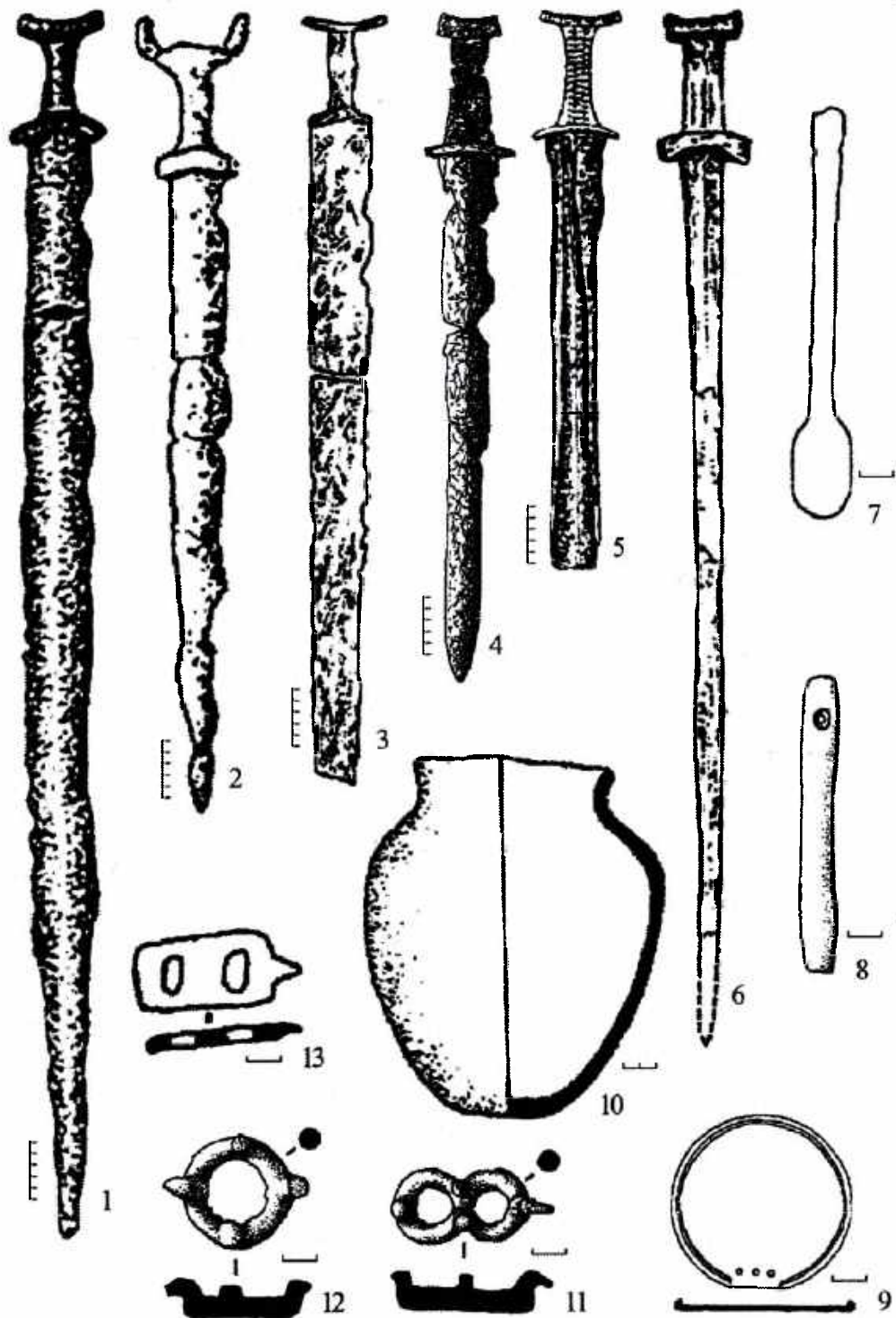

Рис. 28. Северный Кавказ. Вещи из кочевнических погребений IV – начала III в. до н.э.:

1-6 – железные мечи; 7 – костяная ложечка; 8 – каменный оселок; 9 – бронзовое зеркало;
 10 – глиняный сосуд; 11, 12 – бронзовые пряжки; 13 – пряжка из кости
 (1, 5 – Ставрополь; 2, 13 – Понуро-Калининская оросительная сисема, к. 1, п. 4;
 3 – Роздольная, к. 10, п. 4; 4, 8, 11, 12 – Должанская, к. 1, п. 6; 6 – Кореновск;
 7 – Брюховецкая, к. 5, п. 6; 9, 10 – Анапский, к. 10, п. 9)

М.П. Абрамова полагала, что в III–I вв. до н.э. большей сарматизации подверглись западные районы Центрального Предкавказья. О проникновении сарматов в это же время в восточные районы этого региона могут свидетельствовать впускные подкурганые погребения, однако местное население здесь подверглось меньшей сарматизации, чем в западных районах (Абрамова, 1989, с. 272–276).

И.И. Марченко отмечал увеличение сарматских (сиракских) комплексов на правобережье Кубани в III в. до н.э., датировав второй – третьей четвертью этого века 32 комплекса (Марченко, 1996, с. 85, 86). Сомнения по поводу выделения памятников этого времени на Кубани высказал Н.Е. Берлизов, оспорив правильность датировок И.И. Марченко отдельных типов керамики, которые тот привлекал для выделения комплексов III в. до н.э. (Берлизов, 2011, с. 159, 160). Ранее Н.Е. Берлизов писал, что в конце IV в. до н.э. «смешанные савромато-сарматские погребения на Кубани исчезают, а с начала II в. до н.э. фиксируется новый пласт кочевнических погребений позднепрохоровского облика» и что здесь исследованы уже сотни таких комплексов, впущенных в насыпи более ранних курганов, в ямах разных конструкций: прямоугольных, подбойных, катакомбах (Берлизов, 1999, с. 13). Кроме того, Н.Е. Берлизов отмечал, что рассматриваемые памятники Кубани IV – начала III в. до н.э. и II–I вв. до н.э. не обнаруживают между собой преемственности, последние в большей мере тяготеют к одновременным памятникам Заволжья и Приуралья (Берлизов, 2005, с. 19). В этом же ключе высказывался и Н.Ф. Шевченко, отметивший резкое сокращение кочевнических погребений, датируемых III в. до н.э., в степных районах Северо-Западного Кавказа (Шевченко, 2011, с. 50, 51).

Н.Ю. Лимберис и И.И. Марченко, придерживаясь версии о непрерывности присутствия на Кубани кочевнических погребальных памятников сарматского круга с конца IV в. до н.э., отождествляемых ими с сираками, все же отмечали существенное их увеличение здесь с конца III – II в. до н.э. и укрепление сиракского союза к середине II в. до н.э. за счет притока сарматов из Волго-Донских степей (Лимберис, Марченко, 2010, с. 261, 269).

Таким образом, в степных районах Северного Кавказа присутствуют памятники кочевников, датируемые IV – началом III в. до н.э. и находящие аналогии в синхронных древностях Волго-Уральского региона. Они выявлены на Кубани и в Ставропольском крае (Мирошина, 1986 с. 173, 174). В настоящее время требуют уточнения даты погребальных комплексов, отождествляемых с сарматами, из разных районов Северного Кавказа, которые ранее суммарно датировались III–I вв. до н.э. Наблюдения показывают, что большая их часть датируется II–I вв. до н.э. В этот период достаточно сильно сказывается влияние степного сарматского компонента на более глубинные районы Северного Кавказа. Так, на территории Кабардино-Балкарии со II в. до н.э. происходит увеличение погребальных комплексов с выраженными сарматскими элементами материальной культуры: мечами с серповидным навершием, бронзовыми зеркалами с валиком по краю и клиновидным штырем для оформления ручки; фибулами среднелатенской схемы; миниатюрными бронзовыми копиями котлов (Абрамова, 1983, с. 34–39; Керевф, 1985, с. 219–226; 1988, с. 54–58; Скрипкин, 1991, с. 288–292). Все эти типы вещей хорошо представлены в сарматских волго-донских древностях заключительного этапа раннесарматской культуры (рис. 29). Собственно хронология сарматских памятников Северного Кавказа близка ситуации на Нижнем Дону: присутствие небольшого количества погребальных памятников IV – начала III в. до н.э. и существенное их увеличение во II–I вв. до н.э.

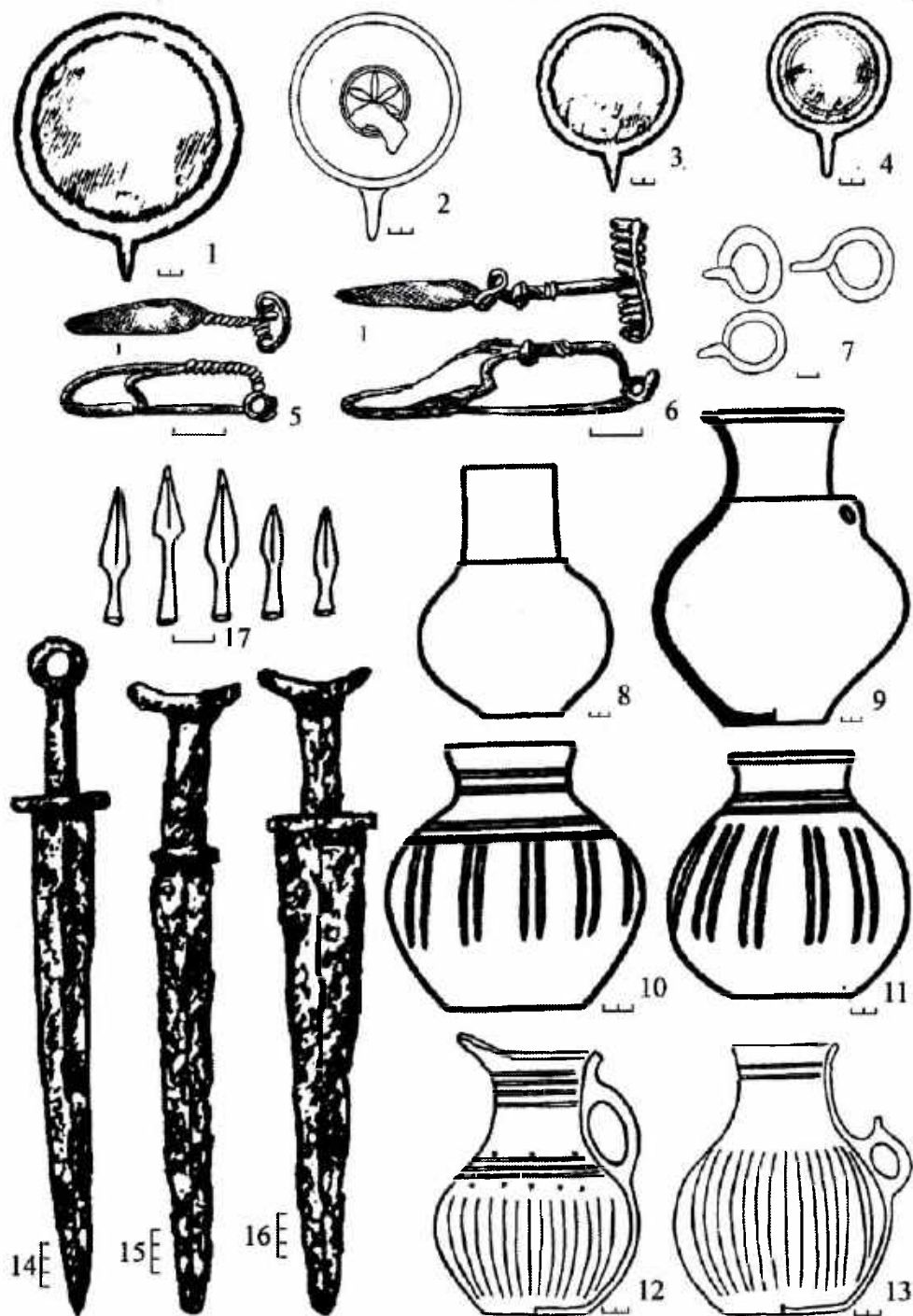

Рис. 29. Северный Кавказ. Вещи из погребений II-I вв. до н.э., обнаруживающих аналогии в сарматских памятниках Волго-Донского региона:

- 1-4 - бронзовые зеркала; 5, 6 - фибулы; 7 - металлические пряжки; 8-13 - глиняные сосуды;
 14-16 - железные мечи; 17 - железные наконечники стрел (1 - Павлодольская, к. 2, п. 10;
 2, 17 - Нижний Джулат, п. 58; 3 - Китаевка, к. 7, п. 2; 4 - Херсонк; 5 - Нижний Джулат, п. 114;
 6 - Заюкова; 7 - Нижний Джулат, п. 41; 8 - Ханкала, п. 22; 9 - Грозный, 1956;
 10 - Новоселицкое, к. 1 п. 6; 11 - Кабан-гора; 12 - Нижний Джулат, п. 46; 13 - Нижний Джулат, п. 31;
 14 - Чегем, п. 4; 15 - Нижний Джулат, п. 73; 16 - Чегем, п. 73)

3.8. Проблема хронологии раннесарматских памятников в Северном Причерноморье

В одной из наиболее ранних своих работ К.Ф. Смирнов писал, что первое передвижение сарматов, которых он отождествлял с сирматами Псевдо-Скимна, на запад от Дона происходит во второй половине IV в. до н.э. В дальнейшем, с постепенным продвижением сарматов, во II в. до н.э. происходит полное завоевание ими всей скифской территории. Эта версия, по мнению К.Ф. Смирнова, находила подтверждение и в археологическом материале. К III–II вв. до н.э. в Северном Причерноморье он выделил несколько погребений из районов Северского Донца, у дер. Вороная на Днепре, у с. Верхние Серогозы. Небольшое количество ранних сарматских комплексов в Северном Причерноморье он объяснял слабой его изученностью в археологическом отношении (Смирнов, 1954, с. 210).

В одной из первых работ, специально посвященных освоению сарматами Северного Причерноморья, была статья М.П. Абрамовой, в которой она, основываясь на анализе письменных источников и имеющегося в ее распоряжении археологического материала, пришла к выводу о том, что массовое переселение сарматов из Поволжья в междуречье Дона и Днепра относится ко II в. до н.э. Она полагала, что к этому времени имеет отношение и сообщение Диодора Сицилийского об опустошении Скифии сарматами. Из археологического материала она привлекала ряд погребальных комплексов из раскопок конца XIX – начала XX в., одним из наиболее новых тогда памятников было погребение, открытое в 1953 г. у с. Ушкалка Херсонесской области, которое она датировала III в. до н.э. Кроме того, в число раннесарматских М.П. Абрамова включила ряд кладов (Таганрогский, Старобельский, Янчокрак). Причем она пришла к заключению, что сарматские памятники II–I вв. до н.э. были распространены только между Доном и Днепром, западнее Днепра сарматские памятники этого времени ей были не известны, они там появляются в более позднее время (Абрамова, 1961, с. 92–99, 109).

В вышедшей в 1971 г. статье К.Ф. Смирнова, также специально посвященной проникновению сарматов на территорию Северного Причерноморья, выделялось две их волны, первая из них датировалась концом V – IV в. до н.э., которую он отождествлял с савромато-сирматами; вторая, датируемая III–II вв. до н.э., сопоставлялась с сарматами, носителями прохоровской и раннесусловской культур. Если первое переселение восточных кочевников носило мирный характер и привело к освоению ими некоторых районов Приазовья, то второе было связано с завоеванием значительной территории Скифии (Смирнов, 1971а, с. 196).

Затем, уже в монографическом исследовании, вышедшем посмертно, эта проблема К.Ф. Смирновым была освещена наиболее полно. Начало проникновения сарматов на территорию Скифии он объяснял ее общим ослаблением в конце IV в. до н.э., вызванным внешнеполитическими причинами, в частности рядом военных поражений от Македонии, давлением на скифов, оказываемым с запада фракийцами и кельтами. Сарматы в это время дестабилизировали ситуацию в Северном Причерноморье с востока и, хотя основная территория обитания сарматов в конце IV – III в. до н.э. располагалась за Танаисом, «отдельные их отряды и даже племенные группы... прорывались уже далеко вглубь Скифии» (Смирнов, 1984, с. 66, 67). Эти восточные кочевники, по версии К.Ф. Смирнова, представляли собой объединение пришлых племен с Южного Приуралья, носителей прохоровской культуры, и савроматского населения Волго-Донских степей. К наиболее ранним, собственно сарматским памятникам, обнаруженным в Нижнем Поднепровье, К.Ф. Смирнов относил

погребения у Грушевки, Вороной, Михайловки, Днепростроя, Большой Белозерки, Ушкалки, Верхних Серогоз, которые он датировал не позже конца III в. до н.э. Основная же масса памятников, отождествляемых с сарматами и датируемых III–I вв. до н.э., располагалась между Днепром и Доном (Смирнов, 1984, с. 71–73).

Практически той же версии о появлении сарматов в Северном Причерноморье придерживался днепропетровский археолог В.И. Костенко. Наиболее ранние их памятники здесь он относил к III в. до н.э. (Костенко, 1983; 1986).

Д.А. Мачинский, опираясь в основном на письменные источники, полагал, что сарматы появляются в самом центре Скифии (у Сиваша и Перекопа) уже в последние десятилетия IV в. до н.э. Сокрушительный удар по скифам, упомянутый Диодором, они наносят в конце IV – начале III в. до н.э. (Мачинский, 1971, с. 42–54).

Существенно датировка памятников Северного Причерноморья, относимых к раннесарматскому времени, была пересмотрена С.В. Полиным и А.В. Симоненко как в ряде совместных статей, так и в персональных монографических исследованиях (Полин, Симоненко, 1990, с. 76–95; 1997, с. 87–98; Полин, 1992; Симоненко, 1993). Проанализировав все те погребальные комплексы, которые использовались К.Ф. Смирновым и В.И. Костенко в обосновании своих выводов, они пришли к заключению о том, что часть из них датируется ранее III в. до н.э., другая – II–I вв. до н.э., ряд комплексов принадлежит другим культурам. Ими специально было обращено внимание на отсутствие в значительной части Северного Причерноморья в III в. до н.э. не только сарматских, но и скифских погребальных памятников. Сооружение здесь скифских царских курганов прекращается в последней трети IV в. до н.э., рядовых скифских курганов – не позже начала III в. до н.э. Раннесарматский период датируется серединой II – I в. до н.э. В данном случае речь шла о раннесарматских памятниках преимущественно междуречья Днепра и Дона, где и была сосредоточена основная их масса, за редким исключением они были известны на правобережье Днепра. Таким образом, признавалось запустение обширной степной территории Северного Причерноморья более чем на век, по той причине, что сарматские памятники III – первой половины II в. до н.э. здесь отсутствуют, а скифское население обосновалось в разрозненных Малых Скифиях на Нижнем Днепре, Нижнем Дунае и в Крыму (Полин, Симоненко, 1997, с. 94–96). Единственным ранним сарматским или савроматским памятником на рассматриваемой территории авторами признавалось погребение у с. Ушкалка, датируемое в пределах IV в. до н.э. (Полин, Симоненко, 1990, с. 82, 83).

Несколько позже А.В. Симоненко, проанализировав пополнившийся материал, высказал мнение о том, что в Северном Причерноморье со II в. до н.э. по середину II в. н.э. бытовала единая сарматская культура, характеризующаяся наличием в основном впускных погребений в прямоугольных ямах с преобладанием ориентировки погребенных в северный сектор. С I по середину II в. н.э. в данном регионе появляются памятники с иными культурными признаками, характерными для среднесарматской культуры Азиатской Сарматии (Симоненко, 2004, с. 134–173). Следует отметить, что среднесарматский пласт памятников в Северном Причерноморье представлен со всей очевидностью. Это подтверждают погребальные комплексы одного из крупнейших сарматских могильников Северного Причерноморья Усть-Каменка, а также Ново-Филипповки и некоторых других. Наличие в некоторых комплексах, в частности в Усть-Каменском могильнике, фибул типа «Авцисса» позволяет датировать отдельные из них первой половиной I в. н.э. (Костенко, 1993, рис. 23, 20; 24, 22; 26, 22; Кропотов, 2010, с. 265).

Таким образом, на определенной части территории между Доном и Днепром с I по середину II в. н.э. сосуществовали две традиции погребальной обрядности: продолжающаяся традиция сооружения впускных погребений с ведущей северной ориентировкой погребенных и возведение курганов с индивидуальными за-

хоронениями с преобладанием ориентировок в южный сектор. Во II–I вв. до н.э. ориентировка в южный сектор хотя и не являлась здесь ведущей, но судя по данным, приведенным А.В. Симоненко, являлась значительной, составляя 18,9 % ¹¹. Если говорить о материальной культуре, то вещи, типичные для раннесарматских памятников других районов (мечи с серповидным навершием; бронзовые зеркала с валиком по краю диска; фибулы среднелатенской схемы), встречаются исключительно в комплексах II–I вв. до н.э. (рис. 30). В погребениях, датированных I – первой половиной II в. н.э., вне зависимости от использования того или другого обряда захоронения вещевой материал представлен в равной мере одинаково, с типами вещей, являющимися ведущими для среднесарматского времени: мечи с кольцевым навершием; бронзовые зеркала с валиком по краю диска и выпуклостью в его центре; увеличивается набор италийской металлической посуды.

Основная масса раннесарматских погребений на территории Северного Причерноморья сосредоточена между Доном и Днепром. А.В. Симоненко полагал, что сарматские погребения этого времени отсутствовали в Крыму, причиной чему могли быть поздние скифы, препятствующие их проникновению сюда (Симоненко, 1993, с. 112). Однако в последнее время в северных районах Крыма была выделена группа погребений II–I вв. до н.э., ничем не отличающихся от северопричерноморских сарматских погребений этого времени, расположенных за пределами полуострова, та же северная ориентировка погребенных и тот же впускной характер погребений (Кропотов, 2016, с. 22–39).

Были также приведены данные, в которых отмечалось увеличение в междуречье Дона и Днепра погребальных комплексов IV – начала III в. до н.э., отождествляемых с восточными кочевниками (сирматами). На карте, опубликованной в статье Д.С. Гречко и Е.Г. Карнаух, их указано 12 (Гречко, Карнаух, 2011, рис. 1). Сюда вошел ряд памятников в низовьях Северского Донца (хут. Сладковский, Кашеевка, Шолоховский курган), которые я уже рассматривал относительно хронологии сарматских памятников Нижнего Дона. Наиболее западным памятником, из числа приведенных на карте названных авторов, является погребение у с. Ушкалка, располагавшееся на левобережье Днепра, которое общепризнанно считается сарматским или савроматским и датируется IV в. до н.э. Я бы абсолютно не стал сбрасывать со счетов уже упоминавшееся диагональное погребение у дер. Вороной, открытое Н.Е. Макаренко в 1907 г., в котором были обнаружены «медные» наконечники стрел. Исследователей смущал тот факт, что Н.Е. Макаренко указал на нахождение этих стрел у кисти левой руки, хотя сама кисть, как и кости предплечья этой руки, не сохранилась, что следует из приведенного схематического чертежа погребения. В связи с этим высказывалось мнение, что автор раскопок что-то перепутал (Полин, Симоненко, 1990, с. 81). Но сохранилась плечевая кость левой руки и местонахождение ее кисти определить не сложно, к тому же полностью сохранились кости правой руки, вытянутой вдоль туловища. И если Н.Е. Макаренко ничего не перепутал, тогда данное погребение следует относить к типу ранних диагональных погребений. Этот тип погребений по своему происхождению явно южноуральский. В свое время я учел два десятка диагональных погребений в Южном Приуралье, датированных V–IV вв. до н.э. (Скрипкин, 2009, рис. 7), но эта выборка была явно не полной, причем число погребений этого типа в Южном Приуралье постоянно возрастает (Моргунова, Краева, 2012, с. 166–178). Ссылка С.В. Полина на обнаружение скифского захоронения в широкой прямоугольной яме с положением погребенного по ее диагонали у с. Больше-Михайловка Днепропетровской области не является безупречной (Полин, 1992, с. 133). Диагональный обряд не характерен для погребальной традиции скифов Северного Причерноморья.

¹¹ Из 53 погребений II–I вв. до н.э. с зафиксированной ориентировкой 10 погребенных было ориентировано в южный сектор (Симоненко, 2004, с. 135).

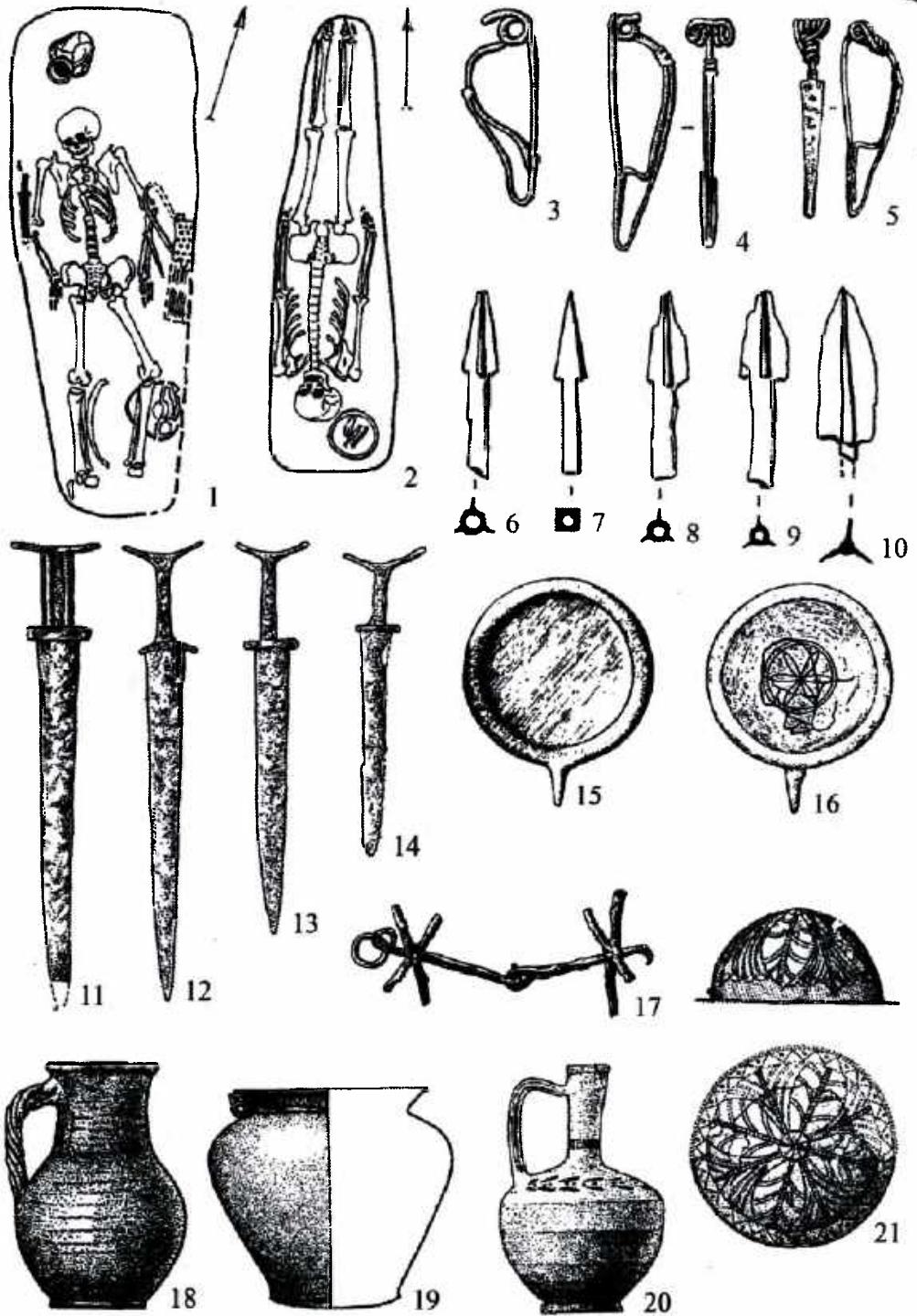

Рис. 30. Северное Причерноморье. Планы погребений и отдельные категории вещей из кочевнических погребений II-I вв. до н.э.:

1, 2 - планы погребений; 3-5 - фибулы; 6-10 железные наконечники стрел;
 11-14 - железные мечи; 15, 16 - бронзовые зеркала; 17 - железные удила;
 18, 20 - глиняные сосуды; 19 - ситула; 21 - фалар

Одним из аргументов в интерпретации этого погребения как скифского является обнаружение в засыпи его ямы антропоморфного изваяния (Мухопад, 1984, с. 115–127). Но этот признак не является сугубо скифским, употребление каменных изваяний широко практиковалось в погребальном обряде населения раннего железного века Южного Приуралья. Исследователи отмечают сходство южноуральских изваяний с антропоморфными изваяниями Северного Кавказа и Северного Причерноморья (Таиров, Гуцалов, 2001, с. 161–168). Если информация о диагональном погребении у дер. Вороной верна, то с учетом погребения у с. Больше-Михайловка я все же склоняюсь к идее появления этого обряда в Северном Причерноморье с востока. Шлейф ранних диагональных погребений V–IV вв. с явной очевидностью прослеживается от Южного Приуралья до Дона (Скрипкин, 2009, с. 171–182, рис. 7).

Подводя итог рассмотрению хронологии раннесарматских памятников, следует отметить, что ситуация в Северном Причерноморье в этом отношении во многом совпадает с особенностями хронологического распределения раннесарматских памятников Нижнего Дона и отчасти Кубани по наличию в этих регионах небольшого числа памятников IV – начала III в. до н.э., отсутствию или небольшому количеству памятников, убедительно датируемых III в. до н.э., и очевидному присутствию памятников II–I вв. до н.э. На территории Южного Приуралья и Нижнего Поволжья памятники раннесарматской культуры представлены в течение всего времени ее существования – от формирования в IV в. до н.э. до завершения, практически до рубежа эр.

Теперь о терминологии, вправе ли мы именовать кочевнические памятники II–I вв. до н.э. Северного Причерноморья раннесарматскими или тем более относить их к прохоровской культуре? В погребальном обряде они не обнаруживают сходства с памятниками прохоровской культуры, за исключением одного признака, подавляющее их количество было впускными (94,1 %). Ориентировка погребенных в них доминировала северная, противоположная ориентировке погребенных этого времени в Нижнем Поволжье и в Южном Приуралье. Отсутствует такая деталь погребального обряда, характерная для раннесарматских комплексов II–I вв. восточных районов, как нахождение нескольких одновременных погребений, расположенных по кругу под насыпью кургана. Из предметов материальной культуры только небольшая серия мечей с серповидным навершием и зеркал с валиком по краю диска, которые могут отождествляться с атрибутами раннесарматской культуры. Но этого, видимо, недостаточно, чтобы относить данные северопричерноморские памятники к единому пласту раннесарматских памятников II–I вв. до н.э., до Южного Приуралья включительно (Мордвинцева, 2013б, с. 31–34). Тем не менее письменные источники в это время между Днепром и Доном помещают кочевников сарматского круга (*Страбон. География*, VII, III, 17), что подтверждает и карта Агриппы, определяющая западную границу Сарматии в то время по Борисфену (Днепру).

Рассматриваемые памятники Северного Причерноморья являются раннесарматскими исключительно для этой территории, поскольку именно они положили начало раннесарматскому периоду в истории данного региона. Их следует именовать «раннесарматскими памятниками Северного Причерноморья», помня о том, что в археологическом отношении они существенно отличаются от одновременных памятников восточных районов.

Мне представляется, что такая ситуация с памятниками II–I вв. до н.э. в Северном Причерноморье сложилась в связи с тем, что здесь отсутствовала серьезная более ранняя подоснова раннесарматских памятников, в отличие от Волго-Уральского региона, которая оказала существенное влияние и на Нижний Дон. Поэтому миграционные элементы, по крайней мере в погребальном обряде, здесь не испытали существенного влияния предшествующей раннесарматской культуры. Эта проблема ставит и еще один вопрос – об исходной территории кочевого населения, которое со II в. до н.э. начинает осваивать Северное Причерноморье. Навряд ли это было кочевое население II–I вв. до н.э. Волго-Уральского региона или Нижнего Дона, сохранившее существенные элементы раннесарматской культуры.

3.9. Культурные комплексы Устюрта

Первые культурные комплексы на Устюрте были открыты в первой половине 80-х гг. прошлого века, на рубеже XX–XXI вв. их на Устюрте и Мангышлаке насчитывалось 20. Большая их часть (15 комплексов) располагалась на Устюрте. Комплексы включали каменные жертвенники; круглые выкладки из камня; ящики из плит, установленных на ребро; очаги; сложные архитектурные сооружения из известковых плит и блоков с рядом камер; искусственные курганные насыпи. Особой достопримечательностью этих культурных комплексов являлось наличие антропоморфных изваяний, значительная часть которых представляла воинов в стоящей позе. Так, на двух культурных устюртских комплексах Байте I и Байте III было обнаружено около 60 таких изваяний разной степени сохранности, значительное их число было найдено на святилище Карамунке (Дженито и др., 2000, с. 11, 12).

Все изваяния изготовлены из местного известняка. Наиболее выразительны изваяния так называемого байтинского типа, изображающие исключительно мужчин. Так, исследователям по специальной методике подсчета удалось установить, что в период активного функционирования святилища Байте I было установлено не менее 32–35, а на святилище Байте III 45–46 изваяний. Воинский статус изваяний подтверждается наличием изображений оружия и соответствующей амуницией. Мечи обычно изображались спереди скульптур ниже пояса, кинжалы сбоку на правом бедре, переданы детали крепления мечей к поясу и кинжалов к бедру. В типологическом отношении мечи и кинжалы идентичны (рис. 31). Они имели прямое перекрестие и серповидное или антенновидное навершие, изредка навершия изображались прямыми, кольцевидными или когтевидными. Довольно часто изображались гориты с луком, обычно с левой стороны изваяний. Знаками высокого социального статуса являлись изображения гривн и браслетов. Гривны чаще многовитковые, браслеты также состояли из нескольких витков. На головах скульптур, как полагают, были изображены шлемы, плотно прилегающие к голове, возможно, изготовленные из кожи (Ольховский, 2005, с. 138–145).

Дата изготовления изваяний и установки их на святилищах с небольшими колебаниями определялась в основном в пределах существования раннесарматской культуры: IV–II вв. до н.э. (Ольховский, 2005, с. 135) или III–I вв. до н.э. (Ольховский, Яценко, 2000, с. 297). Такое заключение делалось преимущественно на основании анализа изображений на статуях клинкового оружия. На святилище Байте III было обнаружено около полутора сотен тамгообразных знаков, нанесенных на стенах культового сооружения и на самих изваяниях. Использовать тамги в датировке культурного комплекса вряд ли правомочно. В раннесарматское время практика использования тамг не была популярной, достаточно широко они начинают применяться только в первые века н.э. Тамги, выявленные на святилище Байте III, это вторичное явление, они были нанесены другим населением во время, когда святилище уже не функционировало (Ольховский, Яценко, 2000, с. 307–310).

Об этнокультурной принадлежности святилищ Устюрта и Мангышлака основной их исследователь В.С. Ольховский высказывался достаточно осторожно, относя их к кочевому скифо-сарматскому или сако-массагетскому населению (Ольховский, Галкин, 1990, с. 206). В более поздней работе он склонялся к сарматской принадлежности памятников монументальной скульптуры исследуемого региона, заявив, что «часть их, скорее всего, действительно оставлена сарматскими или сарматоидными племенами» (Ольховский, 2005, с. 131).

Есть веские основания считать, что Южное Приуралье и Устюрт составляли единую территорию кочевий населения, хорошо известных по южноуральским памятникам савромато-сарматского времени. Устюрт использовался в качестве зимовий.

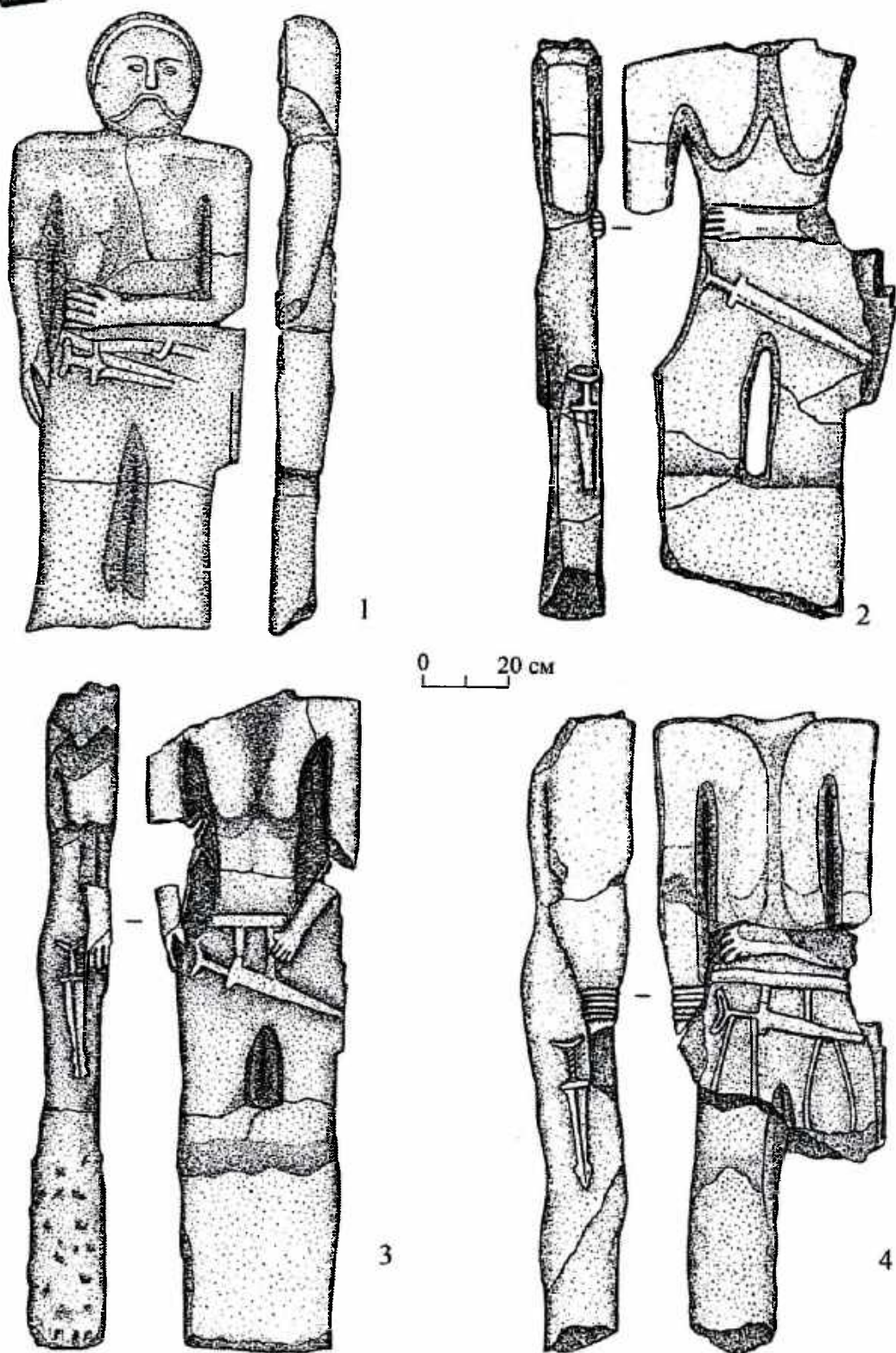

Рис. 31. Устюрт. Святилища. Каменные изваяния воинов:

1 - Байте III; 2-4 - Карамунке

Полагаю, что А.Д. Таиров абсолютно прав, утверждая, со ссылкой на В.Н. Ягодина, «что кочевая степь и Хорезм представляли собой единую экономическую систему, а в основе тесных взаимосвязей кочевников Южного Приуралья и Хорезма лежит “сарматский кочевой цикл” или шире – пастбищно-кочевая система Урало-Аральского региона» (Таиров, 2006а, с. 73).

Этнокультурная ситуация в Урало-Аральском регионе восстанавливается следующим образом. В конце V – начале IV в. до н.э. в Южном Зауралье в связи с резким усилением аридизации и, как следствие, обозначившимся экологическим кризисом происходит значительное увеличение в IV в. до н.э. кочевого населения степного Южного Приуралья. Сложившаяся ситуация привела к усилению миграции кочевников Южного Приуралья в Заволжье, лесостепную Башкирию и на юг, в Среднюю Азию (Таиров, 2006а, с. 72). На Устюрте появляются погребальные комплексы, близкие южноуральским: погребения в подбоях с южной ориентировкой погребенных, в ямах с заплечиками (Ягодин, 1982, с. 77, 78); коллективные захоронения в широких ямах с дромосом (Вайнберг, 1999, с. 151).

Не противоречат наблюдениям, сделанным на основе археологических исследований, и данные антропологии. Краниологический материал свидетельствует об общем происхождении сарматских и приаральских популяций. «При этом географическая прародина общего краниологического комплекса лежит за пределами Южного Приаралья и располагается, вероятно, в степях Приуралья и Зауралья савроматского времени» (Яблонский, 1999б, с. 102, 103).

С усилением роли южноуральских кочевников в Арало-Каспийском регионе, скорее всего, и связано появление на Устюрте святилищ типа Байте. Существует мнение, что истоки традиции изготовления и установки каменных изваяний на святилищах Устюрта восходят к южноуральским кочевникам. В Южном Приуралье обычай устанавливать каменные скульптуры на курганных могильниках относится к середине VI – концу IV в. до н.э. Отмечается и сходство наиболее ранних устюртских изваяний с южноуральскими по морфологическим и иконографическим особенностям, а также предметному репертуару (Таиров, 2006а, с. 75).

Одним из подтверждений связей изваяний Устюрта байтинского типа с южноуральскими кочевниками является их военная экипировка. На ряде статуй святилищ Байте имеется изображение одновременно мечей и кинжалов с серповидным навершием, причем кинжал всегда крепился к правому бедру. В южноуральских сарматских погребениях известна довольно большая серия находок аналогичных мечей и кинжалов в одном погребении. В этом случае кинжал всегда располагался справа от погребенного, чаще у бедра. Длинные мечи находились как слева, так и справа. Это, видимо, объясняется тем, что мечи носились спереди, как это изображено на изваяниях Байте, но после погребения по истечении какого-то времени они могли смещаться в ту или иную сторону от погребенного (Скрипкин, 2015а, с. 191–197).

В отдельных случаях на горитах байтинских изваяний изображались рельефные умбоны в виде усеченного конуса (Ольховский, 2005, с. 145). Такие предметы, изготовленные из золота, были обнаружены в погребениях знати Филипповского курганного могильника на Илеке (Яблонский, 2013, с. 31, Кат. 120, 350; 2015, с. 217). В погр. 1 кург. 11 того же могильника был обнаружен железный кованый шлем, который должен был плотно облегать голову воина, что ассоциируется с изображениями шлемов на байтинских изваяниях (Яблонский, 2015, с. 221, рис. 3, 1). Эти наблюдения имеют отношение к датировке изготовления устюртских изваяний. Умбоны в виде усеченных конусов и железный шлем были обнаружены в погребениях Филипповского курганного могильника, датируемых IV в. до н.э. (Яблонский, 2015, с. 221, 222). Что касается изваяний с парными изображениями мечей и кинжалов с серповидным навершием на скульптурах воинов, то многочисленные аналогии из сарматских погребальных комплексов позволяют датировать такую экипировку воинов III в. до н.э., возможно какой-то частью II в.

до н.э. В IV в. до н.э. такое сочетание клинкового оружия с одним погребенным в сарматских памятниках не известно. Да и тип мечей в IV в. до н.э. использовался другой, в основном в употреблении были мечи так называемого переходного типа, со сломанным под тупым углом перекрестием. Во II в. до н.э. у сарматов, при сопровождении погребяемого воина одновременно мечом и кинжалом, в практику входит использование разных их типов – одного с кольцевым навершием, другого с серповидным (Скрипкин, 2015а, с. 191–197). Отмеченные в редких случаях изображения на изваяниях мечей с кольцевым навершием, видимо, свидетельствуют о том, что эти изваяния продолжали изготавливаться и в заключительный период раннесарматской культуры. Большая же часть изваяний изображена с типичными прохоровскими мечами и кинжалами, причем в парном сочетании на одной скульптуре, что наиболее характерно для классического периода прохоровской культуры.

3.10. «Странные комплексы»

Это одно из названий, закрепившееся за целой серией находок вещей, не связанных непосредственно с погребениями. Их называют еще «ритуальные клады» или «жертвенно-поминальные комплексы». Первые их находки относятся к концу XIX – началу XX в. (Старобельский клад, 1892 г.; Федуловский клад, 1904 г.; Янчокракский клад, 1906 г.). Одна из наиболее поздних находок относится к 2007 г. (ст-ца Качалинская, Волгоградская обл.) (Сергацков, 2009, с. 149–159). По последним данным находок таких кладов в пределах от Волги до Дуная известно около 50, но полная или частичная информация об условиях их находок и составе сохранилась только по 40 комплексам (Глебов, 2016, с. 146). В состав этих комплексов, как правило, входят предметы конской упряжи: удила, псалии, фалары, налобники; кроме того, предметы вооружения: мечи, наконечники стрел и копий, колчаные крючки, элементы защитного доспеха; серебряные чаши; пряжки; оселки; иногда зеркала; бусы. Встречаются находки шлемов и бронзовых котлов, в ряде случаев в них были положены вещи из числа перечисленных выше. Иногда эти клады сопровождалась амфорным боем. Исследование «странных кладов» в отношении особенностей их захоронения позволяет выделить три их вида: 1) клады, найденные в насыпях курганов; 2) клады, сопровождавшиеся небольшими насыпями или впущенные в естественные возвышенности; 3) клады, найденные в балках (Глебов, 2016, с. 145–161).

В многочисленных публикациях, посвященных интерпретации этих «странных кладов», ставился вопрос: кому они принадлежали? Выдвигались разные версии на этот счет: эти клады могли быть оставлены поздними скифами, сарматами (саями Сайтафарна или сираками Кубани), сатархами, кельтами (Щукин, 1994, с. 97, 98; Симоненко, Лобай, 2001, с. 92–98; Зайцев, 2012, с. 55–66). На мой взгляд, важным в решении этого вопроса является определение времени, в течение которого осуществлялось сокрытие этих кладов, и территории, в пределах которой они были распространены. Что касается времени их бытования, то, не вдаваясь в историю этого вопроса, отмечу, что на сегодняшний день наиболее приемлемая дата существования «странных кладов» – III–I вв. до н.э. (Зайцев, 2012, с. 55–66; Глебов, 2016, с. 156). Нахождение рассматриваемых кладов охватывает степную территорию от Заволжья до Днестра и Дуная. Известны их находки в междуречье Волги и Дона, на Среднем и Нижнем Дону. Значительная их часть сосредоточена между Доном и Днепром, а также на Кубани (Глебов, 2016, с. 157, рис. 1). Для II–I вв. до н.э. совокупно это территория распространения раннесарматских памятников, в соответствии с письменными источниками занятая сарматскими объединениями аорсов, сираков, роксоланов. Таким образом, как мне представляется, на этой территории от Волги до Днепра большая их часть должна быть связана

с сарматами. Кроме сказанного, это следует еще и из того, что часть этих кладов была сооружена в курганах, в которых находились близкие по времени сарматские погребения (Глебов, 2016, с. 152, 153). Яркий пример тому – обнаружение фаларов в насыпи Жutowского кургана 27, в котором находилось богатое погребение сарматского воина II–I вв. до н.э. (Скрипкин, Шинкарь, 2010, с. 125–137).

Я не исключаю, что клады вотивного характера могли быть оставлены и другими народами – меотами Кубани или отдельными группировками поздних скифов в Северном Причерноморье. Если учесть, что такие клады были известны и на территории распространения латенской культуры (Мордвинцева, 2013а, с. 154), за которой скрывались кельтские, фракийские, иллирийские и другие народы, то это явление, видимо, следует признать эпохальным, практиковавшимся многими народами юго-востока Европы. Нет смысла выяснять по набору вещей того или иного клада этническую принадлежность тех, кто был причастен к его сооружению, поскольку состав вещей кладов определялся в соответствии с некими общими ритуальными представлениями людей того времени, информацией о которых мы не располагаем. Единственно, что можно сказать об этих ритуальных комплексах, это то, что они связаны с культом конного воина, широко распространенного у народов, обитавших в III–I вв. до н.э. от Волги до Балкан.

3.11. Причины и начало передвижения южноуральских кочевников, носителей ранней прохоровской культуры, в Нижнее Поволжье, на Дон и Северный Кавказ

3.11.1. Археологическая версия. Смещение носителей прохоровской культуры из Южного Приуралья в Поволжье, на Дон и Северный Кавказ обосновывалось многими исследователями и не вызывает сегодня какого-либо возражения. На мой взгляд, требуют уточнения только причины этого процесса и время его начала. Существует мнение, что одной из причин подвижки племен Северо-Восточного Прикаспия и Южного Приуралья в западном направлении были события политического характера, в частности вторжение Александра Македонского в Среднюю Азию, что привело к дестабилизации ситуации в этом регионе, приведшей к вышеуказанным последствиям (Мошкова, 1989а, с. 154; Шукин, 1994, с. 84). Александр появляется в Средней Азии в 329 г. до н.э. (Гафуров, Цибукидис, 1980, с. 235). Вслед за этим событием и должно было произойти передвижение кочевников с востока в Волго-Донской регион.

В последнее время этой проблемы касался А.Д. Таиров. Он полагал, что причины, приведшие к миграции кочевников в рассматриваемом регионе, определялись многими факторами: экологическими, социально-экономическими, демографическими и политическими. Благоприятные климатические условия в V–IV вв. в зауральско-западносибирской лесостепи способствовали росту экономики и быстрому увеличению населения этой территории, что привело к его переселению в более южные районы и в конечном счете включению в состав кочевников Южного Зауралья. Обострение демографической ситуации и начавшаяся аридизация в конце V – начале IV в. до н.э. в Южном Зауралье привели к переселению с начала IV в. до н.э. части зауральских кочевников в степные районы Южного Приуралья, которое продолжалось в течение всего IV в. до н.э., постепенно затухая. Новый всплеск миграции кочевников из Южного Зауралья в Южное Приуралье произошел в последней трети IV в. до н.э., вызванный, по мнению А.Д. Таирова, нестабильной ситуацией на южных границах их расселения в связи со среднеазиатским походом Александра Македонского. На рубеже IV–III вв. до н.э. южнозауральские и южноприуральские кочевники, носители сформировавшейся прохоровской культуры, осваивают степи Заволжья, степную и лесостепную Башкирию. А.Д. Таиров также отмечал, что необходимость охраны

своих территорий кочевниками и освоение ими новых территорий были основными причинами милитаризации всех сфер их жизнедеятельности. Археологическим отражением этого явления было широкое распространение оружия среди погребального инвентаря. Мечи и кинжалы встречаются не только в погребениях знати, но и рядового населения (Таиров, 2000, с. 173–205; 2003, с. 48–50; 2005, с. 36–38).

В свое время К.Ф. Смирнов отмечал, что с рубежа VI–V вв. до н.э. в бассейне Илека, левого притока Урала, концентрируются наиболее богатые погребения кочевников, которые начинают играть ведущую роль в южноуральском регионе (Смирнов, 1975, с. 151). Это мнение К.Ф. Смирнова было убедительно подтверждено последующими раскопками. Именно здесь, в низовьях Илека, был раскопан один из богатейших курганов не только Южного Урала, но и всего евразийского степного пространства. Речь идет о Филипповском кургане № 1, раскопанном во второй половине 80-х гг. прошлого века экспедицией под руководством А.Х. Пшеничнюка. Несмотря на многократные ограбления, в двух сохранившихся тайниках и во входе в погребальную камеру было обнаружено большое количество разнообразных уникальных вещей: золотой и серебряные сосуды; множество деревянных сосудов, украшенных золотыми обкладками и ручками, оформленными в зверином стиле; дорогое оружие; большое количество различных украшений, изготовленных из золота. Особо следует отметить 26 скульптур оленей, найденных в этом кургане, которые были изготовлены из дерева и обиты золотыми и серебряными листами. Ничего подобного археологи не находили в курганах скифского времени (The Golden Deer of Eurasia ..., 2001; Золотые олени Евразии, 2003).

Несколько позже в этом же могильнике ряд крупных курганов с аналогичным обрядом погребения был исследован экспедицией под руководством Л.Т. Яблонского. Несмотря на многократные ограбления, материалы раскопок свидетельствуют о том, что в этих курганах была погребена кочевническая знать. Монументальность погребальных сооружений, дорогие вещи, обнаруженные в них, говорят о том, что погребенные в них люди стояли во главе крупного и достаточно сильного кочевнического объединения (Яблонский, 2008а, с. 253–268).

Вероятно, именно эта группировка сыграла решающую роль в продвижении южноуральских кочевников на запад, в Поволжье и Подонье. Это продвижение со значительной долей очевидности просматривается на археологическом материале.

На правобережье Нижнего Дона, в междуречье Дона и Северского Донца, появляется группа подкурганых погребений с дромосными ямами, датируемыми IV в. до н.э. Это Шолоховский курган, курган у хут. Кашеевка, курган 4 у хут. Сладковский, которые уже неоднократно находились в поле зрения исследователей. Погребение из Шолоховского кургана исследовавшие его ростовские археологи датировали началом IV в. до н.э. (Максименко и др., 1984, с. 140). Погребение из кургана у хут. Кашеевка авторы раскопок датируют временем «не позже второй половины IV в. до н.э.» (Максименко, Смирнов, Косьяненко, 1984, с. 156). Материалы Сладковского кургана 4 убедительно датируют его IV в. до н.э. (Смирнов, 1982, с. 120–130). Наличие в дромосной яме этого кургана синопской и предположительно херсонесской амфор позволяет сузить время его сооружения до 40–20-х гг. IV в. до н.э. (рис. 24, 5; 26, 4, 5) (Монахов, 1999, с. 409–411). Во всех курганах были совершены коллективные захоронения, от двух человек в Шолоховском кургане до восьми – в Сладковском.

Дромосные ямы с коллективными захоронениями – новое явление для Нижнего Дона IV в. до н.э. Кроме того, несмотря на ограбление в прошлом, во всех них выявлена ориентировка погребенных головой в южный сектор, что не характерно для памятников данного региона в предшествующее время.

В это же время на Нижнем Дону появляется и еще один тип захоронений – в широких прямоугольных ямах с положением погребенных по диагонали ямы, не известный здесь ранее (рис. 23, 2, 4). Есть основания полагать, что диагональные

погребения и погребения в дромосных ямах появляются здесь одновременно и в результате одних и тех же событий. Если дромосная конструкция погребальных ям имела достаточно широкое распространение в эпоху раннего железного века, то диагональные погребения весьма специфичны, их связь преимущественно с сарматскими этническими группами не вызывает сомнения, ареал их в скифское время более ограничен. В этом случае диагональные погребения могут являться тем маркером, который позволяет определить исходный район, из которого вышли носители нового для Нижнего Дона обряда погребения. Районом, где к настоящему времени известны наиболее ранние диагональные погребения, является Южное Приуралье, причем Орско-Уральское междуречье, включающее бассейн Илека. Здесь же были открыты одновременные погребения и в дромосных ямах. Таким образом, Южное Приуралье являлось тем районом, где для скифо-савроматского времени было характерно сочетание двух рассматриваемых типов погребений: в квадратных ямах с положением умершего по диагонали и в ямах с дромосом, обычно с несколькими погребенными.

Диагональные погребения Орско-Уральского междуречья в большинстве своем тяготеют к Илеку. Они здесь известны в могильниках Мечет-Сай, Тара-Бутак, Близнецы, Увак, Пятимары, Кардаиловский, Филипповка, Покровка. Ранние диагональные погребения были открыты в нескольких группах курганных могильников в районе Лебедевки, на территории Уральской области в Казахстане. К.Ф. Смирнов считал, что первые диагональные погребения на Илеке появляются не позже V в. до н.э. (Смирнов, 1975, с. 160). М.Г. Мошкова в специально посвященной диагональным погребениям Южного Приуралья статье отметила, что наиболее ранние из них появляются здесь на рубеже VI–V вв. до н.э. «и существуют на протяжении всей савроматской культуры, т. е. VI–V вв. до н.э.» (Мошкова, 2004а, с. 150).

В Южном Приуралье диагональные погребения появляются раньше, чем, например, в Подонье и Поволжье. Приведу несколько примеров. Погребение 3 из кургана 2 могильника Тара-Бутак по набору вещей: каменному жертвеннику на четырех ножках, глиняному сосуду, уздечному набору, подвеске из клыка кабана – может быть отнесено к савроматскому времени. К.Ф. Смирнов, тщательно рассмотрев этот комплекс, датировал его рубежом VI–V вв. до н.э. (Смирнов, 1964, с. 47, 48). В другом диагональном погребении 2 из кургана 4 могильника Три Мара были найдены акинак с сердцевидным перекрестием и волютообразным навершием; бронзовые наконечники стрел, среди которых преобладали варианты со сводчатой головкой и выступающей втулкой; костяная ложечка с элементами звериного стиля в оформлении. Эти находки позволяют датировать названный комплекс не позже V в. до н.э. (Смирнов, 1981, с. 81–84). Упомяну еще одно погребение под номером 9 из кургана 5 Покровского могильника 10. В нем был обнаружен разнообразный сопровождающий инвентарь: предмет, изготовленный из рога лося; костяная ложечка; подвеска из клыка кабана; лепной сосуд; бронзовые наконечники стрел и другие вещи. Этот комплекс по времени близок двум предыдущим и может быть датирован началом V в. до н.э. (Малашев, Яблонский, 2004, с. 118, 119). Следует отметить, что во всех случаях погребенные были ориентированы головами в западный сектор, что весьма характерно для погребальных памятников савроматского времени. Всего, по неполным данным, на территории Южного Приуралья мне известно около двадцати ранних диагональных погребений, большая часть которых может датироваться в пределах V–IV вв. до н.э.

Диагональные погребения Южного Приуралья начиная с IV в. до н.э. приобретают ряд новых черт в погребальном обряде и материальной культуре. В качестве примера можно привести следующие комплексы: Лебедевка V, кург. 48; Жарсуат I, кург. 3, погр. 3; Кардаиловский, кург. 16, погр. 3; Филипповка, кург. 24, погр. 3. В них фиксируется южная ориентировка погребенных, которая появляется здесь в более раннее время и с IV в. до н.э. начинает занимать ведущее положение. Распространяются новые типы керамики, отличающиеся от предыдущей большей

профилировкой тулова и закрытостью, зачастую украшенные по верхней части орнаментальными поясами. Среди бронзовых наконечников стрел чаще встречаются типы с внутренней втулкой, их форма приобретает узкие треугольные очертания.

Таким образом, можно утверждать, что в скифо-савроматское время Южное Приуралье было тем районом, в котором зародился обычай погребать умерших по диагонали широких прямоугольных ям и именно отсюда он начинает распространяться в другие места. Одним из основных направлений распространения диагональных погребений из Южного Приуралья было западное, в сторону Волги и Нижнего Дона. О том, что оно не являлось результатом культурной диффузии, а было связано с передвижением носителей этого обряда погребения, говорит ряд фактов, о которых речь пойдет ниже.

В междуречье Урала и Волги диагональные погребения появляются не ранее IV в. до н.э. Мне известно здесь четыре таких погребения. Это Кос-Оба, кург. 11; Новоузенск, кург. 1, погр. 13 и 14, и Эльтон, кург. 10, погр. 9 (рис. 19, 1, 2). Об их тесной связи с Южным Приуральем свидетельствует вещевой материал, обнаруженный в них. Это в первую очередь круглодонные глиняные сосуды, украшенные по плечикам орнаментальными поясами, обнаруживающие прямые аналогии в южноуральской керамике IV в. до н.э. (Смирнов, Петренко, 1963, табл. 9, 8, 20, 21, 23, 24); а также железные мечи со сломанными под тупым углом перекрестиями так называемой переходной формы. Наиболее широко такие мечи были распространены также в Южном Приуралье. В.Н. Васильев упоминает здесь о 23 известных ему экземплярах этих мечей, выделив их в тип I. К ним близки мечи с дуговидным изгибом, тип II по его классификации, которых известно 12 экземпляров. Такие мечи там бытовали преимущественно в пределах IV в. до н.э., причем есть основания говорить об их местном, южноуральском, генезисе (Васильев, 2001, с. 39–44).

Характер материала ряда курганов Заволжья, в которых обнаружены ранние диагональные погребения, свидетельствует о смещении на запад не только рассматриваемого типа погребений, но и целого культурного пласта, сформировавшегося в Южном Приуралье. Об этом, например, красноречиво говорят находки кургана 1 у Новоузенска, расположенного в Саратовской области. В этом кургане, сооруженном в эпоху бронзы, обнаружено 16 впускных сарматских погребений преимущественно IV в. до н.э. Наряду с двумя диагональными погребениями здесь находились погребения в подбоях, прямоугольных удлиненных и катакомбных ямах. В располагавшемся рядом кургане 2 основным было коллективное погребение в дромосной яме, синхронное по времени впускным погребениям кургана 1. Этот тип могильных ям также достаточно хорошо представлен в Орско-Уральском междуречье. Вполне очевидно, что эти погребения в обоих курганах оставлены одним и тем же кочевым сообществом IV в. до н.э. Во всех погребениях названных курганов обнаружен большой вещественный материал, явно указывающий на южноуральское происхождение отдельных его типов. Это в первую очередь глиняные лепные сосуды, мечи переходных форм, бронзовое зеркало, детали конской узды (рис. 18, 1–6, 13, 15, 16, 17). Такая же картина прослеживается и на материалах впускных погребений кургана 10, располагавшегося у пос. Эльтон Волгоградской области. Здесь в диагональном погребении 9 находился меч переходной формы, имевший дуговидное перекрестие, а в другом погребении 2 – глиняный лепной круглодонный горшок, украшенный орнаментальным поясом по плечикам (рис. 18, 18). Этот орнамент также определенно указывает на южноуральские связи.

К западу от Волги и на Нижнем Дону ранние диагональные погребения появляются в том же IV в. до н.э. На правом берегу Волги к ним я отношу погребения в курганных могильниках у с. Барановка, кург. 27, погр. 1; Кривая Лука XIV, кург. 33; XXXV, кург. 1, погр. 7; в Калмыкии – в могильнике Цаган-Ташу-Толга-1, кург. 1, погр. 2; в Астраханской области на бугре Долгий; на левобережье Нижнего Дона в курганных могильниках Житков II, кург. 3, погр. 2 (рис. 24, 2); Крепин-

ский II, кург. 3, погр. 11; Высочино VII, кург. 17, погр. 3 (рис. 24, 4) (Скрипкин, 2009, с. 175); вероятно, и на правобережье в могильнике Керчик (Парусимов, 213, с. 220–226). Близко к диагональному по своей конфигурации погребение 3 из кургана 2 у Азова (Максименко, 1983, с. 37–38). Одно раннее диагональное погребение известно на Кубани в курганном могильнике у ст-цы Темижбекской, кург. 4, погр. 2¹².

Датирующими материалами для этой группы погребений в первую очередь являются предметы вооружения. Так, в погребении у с. Барановки находился меч с брусковидным навершием и сломанным под углом перекрестием, такая форма рукояти наиболее характерна для мечей IV в. до н.э. (Васильев, 2001, с. 40). В двух погребениях из могильников Цаган-Ташу-Толга и у ст-цы Темижбекской были обнаружены мечи так называемого синдо-меотского типа с брусковидным навершием и без металлического перекрестия, которые исследователями в большинстве своем датируются концом V – началом III в. до н.э. (Смирнов, 1980, с. 38–44; Абрамова, 2004, с. 17–22). Кстати, для погребения из Калмыкии имеется радиоуглеродная дата, которая согласуется с определением его времени по археологическому материалу – 2350 ± 30 лет назад (раскопки Н.И. Шишлиной и К.Б. Фирсова, 1999). Обнаруженный парадный меч в житковском погребении находит ближайшие аналогии среди скифского клинкового оружия IV в., IV–III вв. до н.э. (Мелюкова, 1964, с. 51; Савченко, 2004, с. 160; Пузикова, 1984, с. 210–217). Погребение из Азовского кургана датируется концом IV – началом III в. до н.э. – при помощи книдской и гераклейской амфор, обнаруженных в нем (Монахов, 1999, с. 442, 443).

Весьма интересным является наблюдение, касающееся характера сопровождающего инвентаря ранних диагональных погребений Поволжья и Нижнего Дона. Бросается в глаза ярко выраженный их дружинный характер, в отличие от аналогичных погребений Южного Приуралья. В погребениях из могильников у с. Эльтон, Барановки, Цаган-Ташу-Толга, Житков представлен полный комплекс вооружения конного воина: мечи, наконечники стрел, копьа. По неполным данным в одиннадцати волго-донских диагональных погребениях найдено девять мечей, в восьми из них находились наконечники стрел, в пяти – наконечники копий и в одном – наконечник дротика.

Для сравнения, в Южном Приуралье мне не известно ни одного раннего диагонального погребения с полным набором вооружения (меч, наконечники стрел, копьа). Примерно на двадцать диагональных погребений здесь приходится только один случай нахождения меча вместе с наконечниками стрел (Три Мара, кург. 4, погр. 2), в половине из них встречаются только наконечники стрел.

По наблюдениям, основанным сугубо на археологическом материале, создается впечатление, что в Южном Приуралье среди рассматриваемого типа погребений значительный процент составляют женские захоронения, а в Волго-Донском регионе – захоронения воинов. Однако в связи с отсутствием во всех случаях антропологических определений это соображение остается на уровне предположения.

Распространение ранних диагональных погребений и характер обнаруженных в них материалов позволяют реконструировать картину передвижения кочевнической группировки, хорошо организованной в военном отношении, из Южного Приуралья в Нижнее Поволжье и на Нижний Дон в IV в. до н.э. Причем это было переселение не только тех, кто практиковал исключительно диагональный обряд погребения, а, видимо, значительной части южноуральского населения, использовавшего и другие типы погребальных конструкций. Об этом красноречиво говорят материалы курганов у Новоузенска, Эльтона и Лятошинки, диагональные погребения лишь маркируют направленность событий (рис. 32, А).

¹² Материалы не опубликованы. Раскопки Г.А. Николаева в 1980 году.

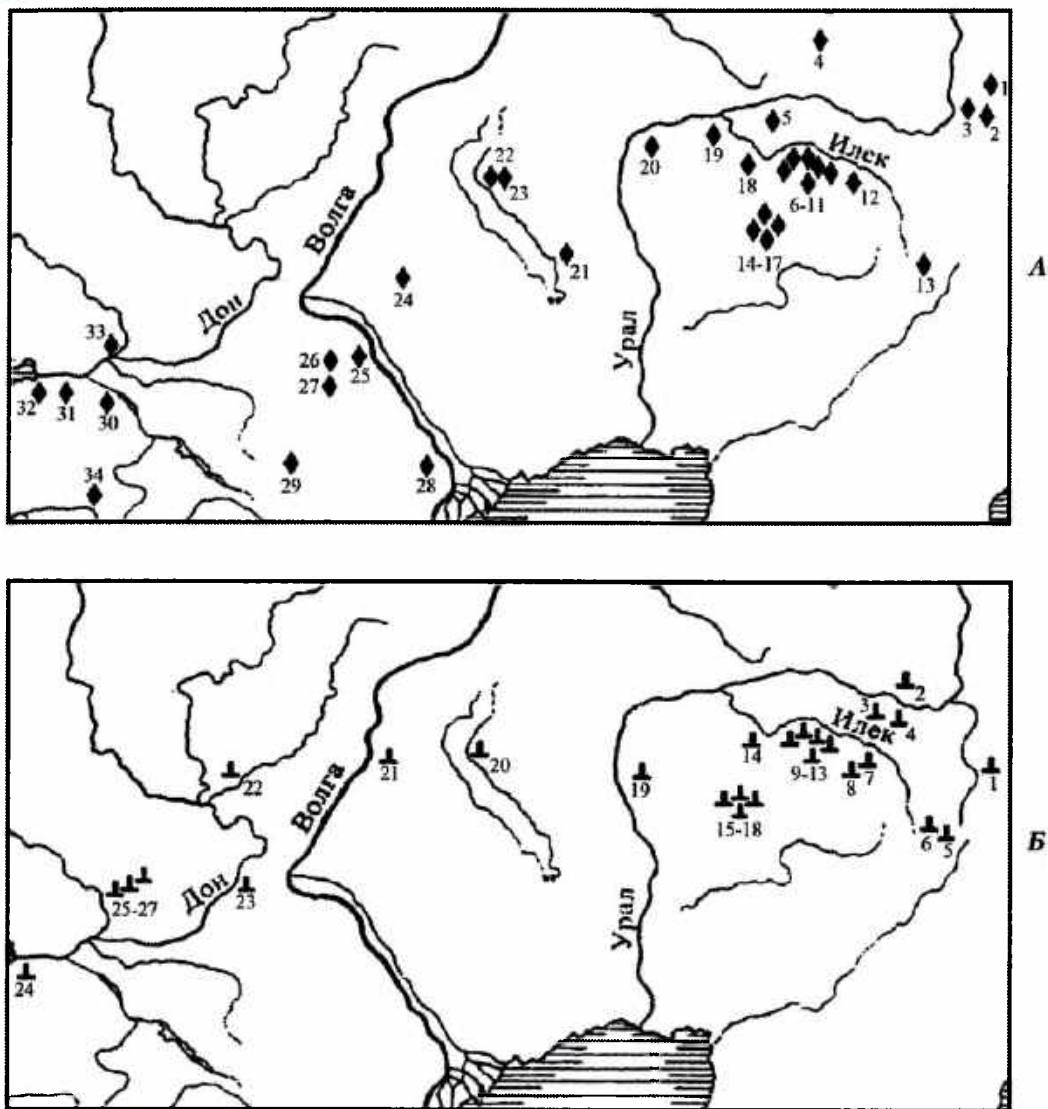

Рис. 32. Распространение ранних диагональных и дромосных погребений в Доно-Волго-Уральском регионе:

А – Диагональные погребения: 1 – Аландская гр., к. 3, п. 4; 2 – Новоорский, к. 3; 3 – Три Мара, к. 4, п. 2; 4 – Мурапталово; 5 – Кардаилловский, к. 16, п. 3; 6–11 – Филипповка; Мечет-Сай, к. 10, п. 2; Тара-Бутак, к. 2, п. 3; Близнецы, к. 2, п. 1; Увак, к. 12, п. 3; Пятимары I, к. 6, п. 1; 12 – Целинный I, к. 34; 13 – Уркач, к. 22; 14–17 – Лебедевка V, к. 46, 48; Лебедевка VI, к. 26, п. 2; Лебедевка VII, к. 14; 18 – Покровка X, к. 5, п. 9; 19 – Жарсуат I, к. 3, п. 3; 20 – Алебастрово II, к. 2; 21 – Кос-Оба, к. 11; 22, 23 – Новоузенский, к. 1, п. 14; 24 – Эльтон, к. 10, п. 9; 25 – Барановка, к. 27, п. 1; 26, 27 – Кривая Лука XIV, к. 33; Кривая Лука XXXV, к. 1, п. 7; 28 – Бугор Долгий; 29 – Цаган-Тошу-Толга I, к. 1, п. 2; 30 – Житков II, к. 3, п. 2; 31 – Крепинский II, к. 3, п. 11; 32 – Высочино VII, к. 17, п. 3; 33 – Керчик; 34 – Темижбекская, к. 4, п. 2.

Б – Погребения в дромосных ямах: 1 – Шиликтысай II, к. 1, п. 2; 2 – Переволочаны; 3, 4 – Бесоба, к. 1; к. 2; 5, 6 – Уркач, к. 1, п. 3, 22; 7, 8 – Бесоба, к. 9, п. 2, 3; 9, 10 – Мечет-Сай, к. 2, п. 2; к. 8, п. 5; 11–13 – Близнецы, к. 1, п. 4, 5; к. 2, п. 1; 14 – Покровка II, к. 23, п. 10; 15–18 – Лебедевка V, к. 9, п. 5; к. 21; Лебедевка VI, к. 25, п. 2; Лебедевка VII, к. 16, п. 7; 19 – Челкар III, к. 15; 20 – Новоузенский, к. 1; 21 – Новая Квасниковка; 22 – Авиловский, к. 18; 23 – хут. Вертячий; 24 – Новоалександровка; 25–27 – Сладковский, к. 4; Кашеевка, к. 1; Шолоховский курган

Кроме того, в Южном Приуралье известны и одновременные диагональным дромосные могилы с коллективными захоронениями, которые, так же как и диагональные, хотя и не являются здесь одной из ведущих погребальных конструкций, но представлены с достаточной очевидностью. Причем в последнее время здесь открыт ряд погребений с такой конструкцией ям в курганах, принадлежащих высшей знати. Наибольшее распространение погребений в дромосных ямах приходится на тот же район – Орско-Уральское междуречье, где в основном сосредоточены и ранние диагональные погребения.

Распространение южноуральских дромосных могил на запад, так же как и диагональных, приходится на IV в. до н.э. (рис. 32, Б). В междуречье Урала и Волги в погребениях рассматриваемой конструкции явно прослеживаются южноуральские черты. Так, в частично разрушенной дромосной могиле с коллективным захоронением из кург. 2 у Новоузенска была обнаружена лепная глиняная посуда, кинжал с дуговидным перекрестием (рис. 18, б), детали конской упряжи, обнаруживающие аналогии в первую очередь в одновременных памятниках Южного Приуралья. В ограбленном погребении в дромосной яме из кург. 1 у с. Новая Квасниковка найден лепной круглодонный горшок, украшенный по плечикам орнаментальным фризом. Керамика такого типа явно южноуральского происхождения (рис. 18, 19).

О времени появления дромосных могил на правобережье Нижнего Дона уже шла речь, они появляются и существуют там в основном в пределах IV в. до н.э. В них также просматривается влияние южноуральских культурных традиций. На это, на примере материалов из погребения кург. 4 у хут. Сладковского, в свое время указал К.Ф. Смирнов (Смирнов, 1982, с. 129). Спектральный анализ большинства металлических изделий из этого погребения выявил их рецептуру, характерную для восточных производственных центров. Это подтверждает и их типологическая близость аналогичным вещам из Поволжья и Южного Приуралья (Барцева, 1984, с. 141–148).

На основании археологического материала может быть предложена следующая реконструкция исторических событий, произошедших в IV в. до н.э., вероятно, с первой его половины. В V–IV вв. до н.э. в Южном Приуралье сложилось достаточно мощное кочевое объединение, центром которого, скорее всего, являлись территории, прилегающие к Илеку, левому притоку Урала. Именно здесь сосредоточены крупные курганные могильники рассматриваемого времени: Мечет-Сай, Тара-Бутак, Близнецы, Увак, Пятимары, Филипповка и некоторые другие. Нелишне будет напомнить, что кург. 1 из Филипповского могильника, несмотря на неоднократные ограбления, дал самые богатые находки среди сарматских древностей, известных на сегодняшний день. Все это свидетельствует о былом могуществе кочевников данного региона, которые, возможно какая-то их часть, с IV в. до н.э. начинают осваивать степные пространства Поволжья и Дона. Археологические материалы свидетельствуют о появлении и широком распространении у них длинных мечей нового типа, более частом использовании, по сравнению с предыдущим временем, копий, защитного снаряжения, состоящего из панцирей с железными и костяными пластинами. Изобильный ассортимент вооружения в кочевнических погребениях Южного Приуралья позволяет говорить о совершенствовании их военной тактики, способности совершать сложные военные действия (Васильев, 2001, с. 82–86).

Продвижение южноуральских кочевников в районы Поволжья и Подонья носило военный характер. Местное население Волго-Донского региона, вероятно, частично было инкорпорировано в состав нового объединения, в котором ведущие позиции стали занимать южноуральские кочевники. Об этом, в частности, свидетельствует влияние новых традиций южноуральского происхождения на местное население. В качестве примера можно привести материалы двух курганов 31 и 34 из Жутовского могильника, располагавшегося в Октябрьском районе

Волгоградской области, раскопанных в 1965 г. и датирующихся IV в. до н.э. Под насыпью обоих курганов находились частично разрушенные основные коллективные воинские погребения в широких овальных ямах. В том и другом кургане обнаружено однотипное вооружение: мечи, имевшие сердцевидные перекрестия; тяжелые наконечники копий; бронзовые наконечники стрел. По материалу это практически одновременные захоронения (Клепиков, 1999, с. 67–70; Белицкий, 2004, с. 208–213). К тому же оба кургана расположены рядом. Захоронение в кургане 31 полностью соответствует традициям савроматской культуры данного региона. К вышеназванной форме ямы и типам оружия следует добавить, что сохранившийся в кургане костяк был ориентирован головой на восток. В кургане же 34 один из костяков был положен головой на юг, другой – головой на восток. Наличие южной ориентировки у погребенного из кургана 34 следует, видимо, рассматривать как начало влияния новых традиций, привнесенных мигрантами с востока. В погребениях кочевников Южного Урала, начиная с IV в. до н.э., южная ориентировка становится господствующей, которая здесь начинает фиксироваться в более раннее время (Железчиков, 1997, с. 77). В это же время в Южном Приуралье также известны коллективные захоронения, где южная ориентировка погребенных сочетается с широтной, характерной для савроматского времени (Железчиков, Клепиков, Сергацков, 2006, с. 37, 38, рис. 26). Особый интерес представляет коллективное погребение из кургана 7 из могильника у хут. Капитанский Черноярского района Астраханской области. В большой прямоугольной яме находилось три человеческих костяка. По некоторым деталям обряда это погребение можно отнести к савроматской культуре: широкая прямоугольная яма, наличие больших частей грудины лошади; зеркало с плоским диском и ручкой. Однако ориентировка всех трех костяков была южная, что уже характерно для прохоровской культуры (Шилов, 1964, с. 18–22).

Другой пример, в 1966 и 1976 гг. экспедицией под руководством В.П. Шилова в Октябрьском районе Волгоградской области были раскопаны два курганные могильника, Аксеновский I и II, оказавшиеся крупнейшими в Волго-Донском междуречье по сосредоточению в них погребений савроматской культуры. По мнению исследователей, курганный могильник Аксеновский I, как наиболее представительный по числу погребений, начал функционировать с середины V в. до н.э. и использовался предположительно не менее 70 лет, то есть захватывая первые десятилетия IV в. до н.э. (Шилов, Очир-Горяева, 1997, с. 127–152). В ряде погребений, сооруженных в широких ямах, этих могильников, просматривается стремление укладывать погребенных по диагонали (кург. 6 и 11 – Аксеновский I; кург. 14 и 26 – Аксеновский II), что, видимо, также может свидетельствовать о принятии местным населением новых обрядовых традиций. Все это не исключает возможности использования этого могильника в течение большей части первой половины IV в. до н.э.

Жутовские и Аксеновские курганные могильники располагались на левом берегу Дона в непосредственной близости от него. Влияние новых обрядовых традиций прослеживается и на правобережье Дона. Так, например, в упоминавшихся уже погребениях IV в. до н.э. в дромосных могилах из курганов у пос. Шолоховский, хут. Кащевка, хут. Сладковский отмечена южная ориентировка погребенных. Наличие дромосных ям с южной ориентировкой погребенных в то же самое время известно в Южном Приуралье.

На Нижнем Дону известны и другие конструкции погребальных сооружений, датируемые IV – началом III в. до н.э., с явными южноуральскими чертами. В двух погребениях из Целинского и Константиновского районов Ростовской области, сооруженных в подбойной и простой удлиненной ямах, обнаружены мечи южноуральского типа («переходной формы»). В обоих случаях костяки были ориентированы в южный сектор (рис. 24, 1, 3) (Глебов, Житников, 2008, с. 104–111). Известны здесь погребения этого времени в грунтовых простых и подбойных

ямах. У ст-цы Старочеркасской Ростовской области было обнаружено несколько погребений в естественной песчаной возвышенности, по деталям обряда и вещам находящим параллели в памятниках Южного Приуралья, их можно отождествить с кочевниками восточного происхождения. Вероятная их дата, определяемая по находке в поминальном комплексе гераклейской амфоры, – вторая половина или конец IV в. до н.э. (Глебов, Гудименко, 2016, с. 90–96)

Определенную роль в миграционных процессах кочевников рассматриваемого времени в Волго-Уральском регионе сыграл экологический фактор. Процессы аридизации на значительной части Центральной и Передней Азии, начавшиеся во II тыс. до н.э. и локально продолжавшиеся в I тыс. до н.э., привели к тому, что к середине этого тысячелетия на значительных территориях указанных регионов «сложились пустынные или полупустынные почвенно-ландшафтные условия». В это время в пределах Южного Урала экологическая обстановка отличалась более благоприятными условиями (Рыськов, Демкин, 1997, с. 144). Резкое ухудшение экологической обстановки в степном Зауралье с V в. до н.э., связанное с аридизацией этого района, вынудило его кочевое население сместиться в Южное Приуралье (Таиров, 2003, с. 31, 50; Демкин и др., 2012, с. 171). Выше уже говорилось о том, что здесь в это время могли появиться отдельные подразделения кочевников и из других районов. Все это привело к значительному перенаселению степного Южного Приуралья. Во многих курганных могильниках здесь преобладают погребения раннепрохоровского времени по сравнению с другими периодами и по сравнению с другими территориями, например с Нижним Поволжьем (Железчиков, 1997, с. 51–74).

Начавшееся затем постепенное ухудшение экологической ситуации и в Южном Приуралье в раннесарматское время (Демкин и др., 2012, с. 173) способствовало оттоку кочевого населения в другие районы. Одним из основных направлений этого передвижения были районы Поволжья и Подонья с более стабильными водными ресурсами. Об этом, в частности, свидетельствует резкое увеличение памятников раннесарматского времени с III в. до н.э. в Нижнем Поволжье и со II в. до н.э. на Нижнем Дону, их здесь становится гораздо больше, чем в Южном Приуралье (Скрипкин, 1997а, с. 137–178). Эта диспропорция существенно возрастает в среднесарматское время. Так, в базе данных, составленной И.В. Сергацковым, из 973 погребальных комплексов Ставрополя, Кубани, Нижнего Поволжья и Дона, а также Южного Приуралья на последний регион приходится всего 56 комплексов (Сергацков, 2002, с. 23).

В литературе неоднократно высказывались различные мнения о том, что начало продвижения южноуральских кочевников прохоровской культуры в Нижнее Поволжье приходится на конец IV в. до н.э., рубеж IV–III вв. до н.э. или начало III в. до н.э. В последнее время с опорой на весь нижеволжский материал было высказано достаточно аргументированное мнение о том, что этот процесс протекал в течение IV в. до н.э. (Клепиков, 2002, с. 125–145). Открытие памятников с чертами формирующейся прохоровской культуры в Нижнем Поволжье и на Дону, убедительно датированных в рамках IV в. до н.э., позволяет утверждать, что данный процесс начался еще в первой половине этого века. Окончательное же формирование прохоровской культуры, вероятно, завершается к III в. до н.э., когда одновременно исчезают дромосные и диагональные погребения в Южном Приуралье и Нижнем Поволжье.

Таким образом, продвижение южноуральских кочевников в западном и юго-западном направлении было вызвано несколькими факторами: экологическим, демографическим и политическим. Суть последнего фактора заключалась в том, что освоение Волго-Донского ареала в IV в. до н.э., осуществлялось в рамках политики дахского племенного союза, центр которого находился на территории Южного Приуралья. Насыщенность погребальных комплексов Поволжья

и Нижнего Дона IV в. до н.э., явно связанных с южноуральскими культурными традициями, предметами вооружения свидетельствует о военном характере этих миграционных процессов.

3.11.2. Антропологические данные. Археологическая реконструкция миграции южноуральских кочевников в Нижнее Поволжье и Волго-Донское междуречье подтверждается и палеоантропологическими материалами. Антропологическая близость населения Южного Приуралья и Нижнего Поволжья оформилась еще в савроматское время (Балабанова, 2003, с. 22; 2007, с. 148). По своему антропологическому составу население Нижнего Поволжья, оставившее памятники ранней прохоровской культуры, характеризуется наличием компонентов, типичных для «савроматских» и прохоровских групп Южного Приуралья. В обоих регионах оно характеризуется гетерогенным составом.

Один из антропологических вариантов, массивный метисный европеоидно-монголоидный, находит аналогии как среди волго-донских савроматских материалов, так и среди одновременных памятников Южного Приуралья, прохоровцев Мечет-Сая, саков Тагискена, а также серий черкаскульской культуры поздней бронзы. Другой – грацильный, близкий типу южных европеоидов, обнаруживает сходство с ранними сарматами Нового Кумака и саками Асара. Выделяется еще и третий вариант, близкий первому, но с меньшим нарушением европеоидного расового комплекса. Аналогии ему обнаруживаются среди населения савроматского времени Нижнего Поволжья, савроматского и прохоровского времени Южного Приуралья. В Волго-Донском междуречье ощущается краниологическое сходство ранних сарматов со скифами Северного Причерноморья, что может объясняться соседством этих районов и взаимными контактами или для части населения междуречья общей предковой основой, восходящей к позднесрубной культуре (Балабанова, 2000а, с. 55–60; 2000в, с. 105–110).

Часть местного населения савроматской культуры вошла в состав нового кочевого объединения, возглавляемого уже, вероятно, южноуральскими пришельцами. С III в. до н.э. происходит формирование антропологического сарматского типа, который обладал сходством краниологического материала на значительной территории распространения прохоровской культуры. Эпицентром этого процесса являлись заволжские районы (Балабанова, 2003, с. 243; 2007, с. 151).

Подводя итог вышеизложенному, следует выделить основные этапы формирования этнической основы раннесарматской (прохоровской культуры) – так, как они представляются на основе антропологических данных. Дестабилизация обществ поздней бронзы, вызванная изменением климатической и экологической обстановки, подрыв комплексного хозяйства привели к массовым перемещениям населения, формированию кочевого скотоводства, отличавшимся значительной мобильностью (Яблонский, 2006, с. 344–352). С этими событиями связано появление новых популяций населения, являвшихся основой становления различных этнических общностей обширного мира, который принято называть скифо-сибирским. Письменная традиция сохранила отдельные их названия: саки, массагеты, исседоны, даи, савроматы, сарматы (ранние). Центром этногенеза ранних сарматов являлось Южное Приуралье, на который существенное влияние оказали кочевнические группировки Южного Зауралья и, видимо, в некоторой мере отдельных районов Средней Азии (Устюрта, Восточного Приуралья) (Юсупов, 1991, с. 33). В IV в. до н.э. начинается передвижение части кочевников, носителей формирующейся раннесарматской культуры, на территорию Нижнего Поволжья и Подонья. Здесь часть местного савроматского населения входит в состав нового этнополитического объединения. В междуречье Волги и Дона в состав сарматов вошла какая-то часть населения, по своим антропологическим показателям близкая скифам Северного Причерноморья.

Из трех пришлых этнических компонентов, причастных к формированию прохоровской культуры, которые привел А.Д. Таиров, наиболее убедительным

выглядит переселение кочевого населения Приаралья на территорию Южного Урала. Это находит подтверждение в сложившейся политической ситуации в Средней Азии, связанной с завоевательной политикой Ахеменидов в этом районе, в некоторых археологических параллелях между памятниками двух регионов, в антропологическом сходстве их населения.

Версия прихода на Южный Урал из Поднепровья скифов, основанная исключительно на сходстве некоторых деталей погребального обряда и отдельных категорий археологического материала, выглядит пока менее убедительной. Она не находит подтверждения в антропологическом материале (Яблонский, 2003, с. 230). Как гипотеза должна восприниматься и реконструкция А.Д. Таирова о многоэтапном продвижении кочевнических группировок от Китая до Южного Урала, начиная со второй четверти – середины VI в. до н.э.

В настоящее время очевидным является факт формирования прохоровской культуры в Южном Приуралье, причем этот процесс охватывал значительный промежуток времени. Если отдельные элементы этой культуры начинают фиксироваться во второй половине VI в. до н.э., то завершение ее становления происходит в IV в. до н.э. Следует признать справедливым мнение исследователей о многокомпонентной этнической основе формирования прохоровской культуры.

3.12. Этнополитическая ситуация на юге Восточной Европы в IV – начале III в. до н.э.

По состоянию источников на сегодняшний день наибольшую информацию, хотя и весьма фрагментарную, мы имеем по Нижнему Дону. Дон по представлениям античных авторов являлся не только географической границей между двумя континентами – Европой и Азией, но и пограничной зоной между разными народами: скифами, савроматами и меотами. И всегда, когда заходит речь об этнических проблемах этого региона в скифское время, на его пограничную сложность обращается внимание.

О появлении в IV в. до н.э. в степном районе Нижнего Дона новых кочевников, по археологическим данным связанных по своему происхождению с Южным Приуральем, выше уже велась речь. По моему мнению, на правобережье Дона это фиксируется подкурганскими коллективными погребениями в дромосных ямах и ранними диагональными захоронениями, сосредоточенными на левом берегу Дона.

Ряд исследователей отмечал близкое сходство правобережных нижнедонских погребений с дромосной конструкцией могильных ям со среднедонскими подкурганскими погребениями с аналогичной конструкцией ям. О значительном сходстве, если не идентичности, нижнедонских и среднедонских памятников V–IV вв. до н.э. писал В.И. Гуляев в целом ряде статей, причем это сходство он склонен объяснять возможной принадлежностью тех и других скифам. Из числа правобережных нижнедонских степных памятников он в первую очередь называет Шолоховский курган, 4-й и 25-й Сладковские курганы, курган у хут. Кашеевка. По мнению В.И. Гуляева, Среднее и Нижнее Подонье входили в состав единого государственного образования – Европейскую Скифию, являясь ее восточными форпостами (Гуляев, 1999, с. 148; 2001, с. 25–26; 2002, с. 11; 2004а, с. 7–23; 2004б, с. 3–5).

Идею вхождения правобережья Нижнего Дона в единое скифское государственное пространство поддерживал В.Е. Максименко, по крайней мере до финала державы Атея. Однако он отмечал, что политическое единство не предполагало единства этнического. Кочевнические комплексы междуречья Дона и Северского Донца обладали своими специфическими чертами, отличными от собственно скифских традиций, как в погребальном обряде, так и в материальной культуре (Максименко, 2000, с. 182, 183).

В развернувшейся дискуссии об этнокультурной принадлежности памятников скифского времени Среднего Дона и их отношении к памятникам Нижнего Дона один из ее участников А.П. Медведев специально провел сравнительное исследование на предмет сходства и различия между ними как в отношении погребального обряда, так и материальной культуры. В результате он пришел к выводу о том, что между рассматриваемыми памятниками по ряду культурообразующих признаков существует больше различий, чем сходства. Сходство же между ними касается тех элементов культуры, которые являются общими для всего скифо-савроматского мира. Находки же отдельных типов вещей, обнаруженных в погребальных комплексах на той и другой территории, могут объясняться разнообразными связями, существовавшими между ними. А.П. Медведев в отношении памятников междуречья Дона и Северского Донца, чаще всего привлекаемых для сравнения со среднедонскими, придерживался наиболее распространенного среди исследователей мнения о связи их с восточным савроматским миром, к которому относились сирматы Псевдо-Скилака и Эвдокса, обосновавшиеся здесь в IV в. до н.э. (Медведев, 2002, с. 165, 166; 2004а, с. 159–193; 2004б, с. 52–58). К аналогичным выводам пришел и В.Д. Березуцкий, подробно рассмотревший памятники Нижнего Дона, наиболее часто привлекаемые для сравнения со среднедонскими комплексами (Березуцкий, 2004, с. 193–200).

Концепция М.И. Ростовцева о единой Скифии, поддерживаемая В.И. Гуляевым, по крайней мере в отношении степной ее части от Дона до Дуная (Гуляев, 1999, с. 148, 149), верна для времени примерно до середины IV в. до н.э. Именно во время, близкое к указанному, на восточных рубежах Скифии происходят события, которые впоследствии окончательно решают ее судьбу, о чем свидетельствует ряд фактов.

Во второй половине IV в. до н.э. происходит смещение скифских владений к западу. А.Ю. Алексеев, например, отметил, что многие скифские «царские» и богатые курганы последней трети IV – начала III в. до н.э. локализуются на Правобережье Нижнего Днестра, что создает впечатление вытеснения их в этот район. Причину он видит в активном продвижении сарматов на запад, видимо, инспирированном вторжением Александра Македонского в Среднюю Азию, приведшим в движение степной кочевой мир (Алексеев, 2003, с. 250, 251). Активная деятельность скифов с этого времени связана с Северо-Западным Причерноморьем и Подунавьем. Существует мнение, что скифы во главе с царем Атеем с середины IV в. до н.э. закрепляют за собой земли к югу от Дуная (Шелов, 1971, с. 54–63; Мелюкова, 1979, с. 241).

Некоторые исследователи полагают, что Атей являлся главой мощной державы и контролировал огромную территорию от Азовского моря до Добруджи (Шелов, 1971, с. 56). Однако такое мнение не согласуется с военными акциями Атея, которые не были столь впечатляющими. Скифы безуспешно вели войну с некими истриянами, и Атей вынужден был обратиться за помощью к македонскому царю Филиппу II. В противостоянии с Македонией скифы потерпели сокрушительное поражение, в решающем сражении погиб и их предводитель царь Атей.

Мнение Д.А. Мачинского о том, что скифы в целом войну с Македонией не проиграли, основывается на ряде источников, в которых речь идет о том, что они не знали поражений вплоть до столкновения с ними Диофанта, полководца Митридата VI Евпатора, навряд ли следует считать состоятельным (Мачинский, 1971, с. 51). К этому времени скифы были основательно биты сарматами, уступив им значительную часть основной своей территории. Скорее всего, здесь сказалась идеализация скифов, нашедшая отражение у ряда античных авторов, о чем в свое время писал еще М.И. Ростовцев (1925, с. 27).

На мой взгляд, более убедительной является версия, по которой территория, контролируемая Атеем, ограничивалась Северо-Западным Причерноморьем (Алексеев, 1992, с. 130). Военные действия скифов здесь носили вынужденный характер. Теснимые новыми кочевниками с востока, в IV в. до н.э. появившимися

к западу от Дона, они вынуждены были отступать и утверждаться на территории, ранее ими не контролируемой (Виноградов, Марченко, Рогов, 1997, с. 11, 12).

Об изменении этнополитической ситуации на Нижнем Дону в середине IV в. до н.э. свидетельствуют данные изучения Елизаветовского городища, расположенного в дельте Дона. Исследователи этого памятника считают, что его обитателями было скифское население (Брашинский, Марченко, 1984, с. 24–28; Марченко, Житников, Яковенко, 1988, с. 65; Янгулов, 2003, с. 20, 21). Существует мнение, что это скифское население – выходцы из лесостепного Приднепровья, установившее в конце первой четверти V в. до н.э. контроль над устьем Танаиса (Копылов, Янгулов, 1992, с. 10–12; Копылов, 2000, с. 157–165).

В IV в. до н.э. городище играло важную роль в экономической и политической жизни Нижнего Дона и Северо-Восточного Приазовья. Вплоть до середины этого века Елизаветовское поселение не имело оборонительных сооружений, что объясняется стабильностью обстановки в этом регионе, уверенностью в своих силах его населения и предводителей. В середине IV в. до н.э. Елизаветовское поселение ограждается двумя мощными линиями обороны, что может объясняться появлением для него серьезной внешней угрозы.

Наиболее распространенным является мнение, что эта угроза исходила от активизировавших свою деятельность сарматов (Марченко К.К., 1983, с. 62; Марченко, Житников, Яковенко, 1988, с. 71; Виноградов, Марченко, Рогов, 1997, с. 10, 11). Я полагаю, что ситуацию на Нижнем Дону в это время могли дестабилизировать сирматы, упоминаемые Эвдоксом и Псевдо-Скилаком. Их появление здесь, как уже отмечалось, маркируют погребения в дромосных ямах и широких прямоугольных ямах с диагональным положением умерших. Эта группировка, во главе которой стояли кочевники южноуральского происхождения, занимает лидирующее положение в Нижнедонском регионе. Об этом, в частности, свидетельствует уничтожение только что воздвигнутых укреплений вокруг Елизаветовского городища. Этот факт, скорее всего, указывает на «временную потерю жителями дельты Дона своей политической независимости» (Виноградов, Марченко, Рогов, 1997, с. 10).

Иную версию этих событий предложил В.П. Глебов, ссылаясь на работы А.А. Масленникова и В.Н. Зинько. Он полагает, что возведение и разрушение оборонительных сооружений на Елизаветовском городище – это результат войны боспорского царя Перисада I со скифами в конце третьей четверти IV в. до н.э., которая носила крупномасштабный характер и ознаменовалась разрушением большинства поселений Боспора (Глебов, 2012, с. 30, 31). По этому поводу есть и другое мнение. Е.А. Молев, проанализировав единственный источник – речь Демосфена¹³, в которой имеется упоминание об этой войне, пришел к следующим выводам: столкновение Боспора со скифами было неожиданным, учитывая традиционно дружественные отношения между ними, и достаточно кратковременным, возможно, произошедшим по инициативе незначительной группировки скифов или даже неэтнических скифов вообще; следы разрушений на Боспоре, которые по времени можно связать с этой войной, вопреки утверждению В.П. Глебова были немногочисленными, они отмечены примерно на десяти поселениях из почти трехсот (Молев, 2009, с. 162). Е.А. Молев не исключает возможность конфликта Боспора с нижнедонскими скифами. Однако его неожиданность и кратковременность не предполагали возведения на Елизаветовском городище в середине IV в. до н.э. мощной двойной линии оборонительных сооружений, требующих значительных затрат и времени (Марченко, Житников, Яковенко, 1988, с. 71; Марченко, Житников, Копылов, 2000, с. 77–78). К таким действиям жителей городища могла побудить только надвигающаяся долговременная опасность. Да и сами оборони-

¹³ Автор этой речи точно не установлен, она приписывается Демосфену (Молев, 2009, с. 161).

тельные сооружения были возведены несколько раньше упомянутой В.П. Глебовым боспоро-скифской войны. Исследователи, которые непосредственно занимались изучением Елизаветовского городища, полагают, что сооружение на них укреплений в середине IV в. до н.э. было вызвано общей реально обозначившейся угрозой в лице новых кочевников (Марченко, Житников, Яковенко, 1988, с. 71).

О нестабильности политической ситуации свидетельствует создание в конце IV в. до н.э. на Елизаветовском городище новых, еще более мощных оборонительных сооружений. Но неожиданно по каким-то причинам на рубеже IV–III вв. до н.э. варварское население городища вынуждено было покинуть его. Мнение исследователей расходится в определении точной даты этого события, называются самый конец IV или начало III в. до н.э. (Федосеев, 1996, с. 97–101). Сразу же после исхода прежнего населения на городище Боспор основывает колонию, просуществовавшую до 70–60-х гг. III в. до н.э., которая, как полагали некоторые исследователи, была разгромлена сарматами (Марченко, Житников, Яковенко, 1988, с. 71–75; Марченко К.К., 1990, с. 137).

Недавно была изложена и другая версия указанных событий, авторами которой являются В.П. Копылов и А.Н. Коваленко. По этой версии колония, выведенная Боспором на месте Елизаветовского городища, была им же и ликвидирована. Причиной такому повороту событий были сепаратистские устремления властных структур колонии, за что она и поплатилась (Копылов, Коноваленко, 2016, с. 33–44). Доказательства приводятся убедительные. Наличие, например, находок ядер для баллист в пределах акрополя городища, которые могла использовать боспорская армия, но никак не кочевники. Такая ситуация вполне могла иметь место. Если учитывать установившиеся союзные отношения новых кочевников с Боспором со времени правления Эвмела, то они, скорее всего, предпочитали не вмешиваться во внутренние разборки Боспорского царства, учитывая его традиционный интерес к району дельты Дона. Аналогичное событие произошло и позже, когда в конце I в. до н.э. боспорский правитель Полемон разрушил Танаис за неповиновение. В это время сарматы уже бесспорно являлись одной из ведущих политических сил на Нижнем Дону, но это не помешало Боспору разобратся со своей колонией. Многие примеры свидетельствуют о том, что обычно кочевники не заинтересованы в уничтожении приграничных торговых пунктов. Тот же Танаис – яркое тому подтверждение, Страбон называл его торговым центром азиатских и европейских кочевников (*География*, XI, II, 3), который в течение многих веков выполнял эту роль. Разборки Боспора со своими колониями в дельте Дона не снимают вопрос о политическом контроле нового кочевого объединения степной территории Нижнего Дона начиная со второй половины IV в. до н.э.

Рядом авторов причины ухода варварского населения с Елизаветовского городища до основания там греческого эмпория связываются с событиями в Боспорском царстве конца IV в. до н.э. Разгоревшаяся там борьба за престол между сыновьями Пересада I Сатиром и Эвмелом вовлекла и соседнее варварское население. Описавший этот конфликт Диодор Сицилийский указал, какими силами располагали противоборствующие стороны. Основную часть войска Сатира составляли «союзники-скифы», на стороне Эвмела был царь фракийцев Арифарн с конницей и пехотой. Победителем в этой борьбе стал Эвмел (*Библиотека*, XX, 22–26). Запустение Елизаветовского городища в самом конце IV до н.э. объясняется поражением Сатира и его союзников-скифов и проводимой политикой победителем Эвмелом (Федосеев, 1996, с. 99, 100; Лукьяшко, 2000, с. 179).

Возникает вопрос: о каких скифах, оказавшихся союзниками Сатира, идет речь? При рассмотрении боспорского конфликта исследователи большее внимание уделяли установлению этнического состава войска, выступившего на стороне Эвмела. По наиболее распространенной версии его союзниками были сираки, объяснялось это ошибкой, допущенной переписчиками сочинения Диодора. Еще в XIX в. было

предложено два варианта наименования союзников Эвмела взамен фракийцев: фатеи (А. Бек) и сираки (К. Мюллер), наиболее приемлемой стала считаться конъектура К. Мюллера (Десятчиков, 1977, с. 45–48; Виноградов В.Б., 1965, с. 112; Марченко И.И., 1996, с. 113–118). Однако на сегодняшний день наиболее убедительный выглядит версия о формировании сиракского объединения не ранее II в. до н.э., о чем речь пойдет несколько ниже. Но эта версия не снимает вопроса о раннесарматской принадлежности армии Арифарна, выступившей на стороне Эвмела.

На мой взгляд, актуальным в этом плане является и вопрос о скифах, поддержавших Сатира. Навряд ли это было только население дельты Дона. Диодор отмечал, что скифское войско состояло из более чем двадцати тысяч пехоты и не менее десяти тысяч всадников. Возможно, эти цифры завышены, но речь идет о достаточно большом контингенте войск, составлявшем основу армии Сатира. Такой относительно небольшой район, как дельта Дона, навряд ли мог поставить такое количество воинов.

В свое время В.Е. Максименко предположил, что в период правления Атея скифы осуществляли политическое господство над донской дельтой и прилегающими к ней районами. Археологическим подтверждением данного мнения является распространение в этих местах скифских катакомб IV в. до н.э., в том числе и на левобережье Дона (Максименко, 1983, с. 128). С этим мнением трудно согласиться. Навряд ли в это время, особенно во второй половине указанного века, скифы могли проводить активную политику на Нижнем Дону. Сам В.Е. Максименко там же пишет, что в IV в. до н.э. сильное влияние на степную зону левобережья Дона оказывали сирматы. Однако, судя по источникам, о чем мне уже приходилось говорить выше, сирматы, по крайней мере с середины IV в. до н.э., контролировали и правобережье Дона. В этих условиях навряд ли можно говорить о существенной политической роли скифов в данном регионе. В это время Атей по изложенным выше причинам проявляет активность исключительно на западных рубежах своих владений.

Ростовские исследователи со скифами отождествляют погребальные комплексы конца IV – начала III в. до н.э. на небольшой степной территории, ограниченной Доном, Манычем и Еей (курганские могильники Новоалександровка, Красногоровка, Высочино). С.И. Лукьяшко считает, что появление в этих местах скифских захоронений связано с активизацией политической деятельности скифов в конце IV в. до н.э., их участием в династическом конфликте на Боспоре (Лукьяшко, 2000, с. 179). Общая дата погребальных комплексов указанных могильников приходится, в том числе, и на время после поражения коалиции Сатира, в которую входили скифы. Навряд ли на рубеже IV–III вв. до н.э. скифы в Северо-Восточном Приазовье могли играть значимую политическую роль, учитывая, что ситуация здесь существенно изменилась не в их пользу. Кроме того, их положение усугублялась значительной оторванностью от центра самой Скифии, сместившегося далеко на запад. Победа Эвмела привела скифов к потере такого важного союзника в этом регионе, как Боспорское царство. Степные районы Нижнего Дона, по крайней мере с середины IV в. до н.э., уже находились под контролем кочевников, пришедших сюда с востока.

Мне представляется более убедительным мнение Д.А. Мачинского о том, что скифы, выступившие союзниками Сатира, занимали к тому времени Крым, продвинувшись сюда под давлением сарматов. Одним из доводов он считает эпизод бегства Перисада, сына Сатира, от преследований Эвмела к скифскому царю Агару. Перисад бежал верхом на коне из Пантикапея, что предполагает расположение ставки Агара на относительно небольшом расстоянии от столицы Боспора в Крыму, и до нее можно было добраться на коне (Мачинский, 1971, с. 52).

О масштабности продвижения новых кочевников к восточным рубежам Скифии свидетельствует и дестабилизация политической обстановки в IV в. до н.э. в Прикубанье и Центральном Предкавказье (Марченко И.И., 1988, с. 13, 14; 1996,

с. 113–119; Ждановский, Марченко, 1988, с. 47–48; Березин, Виноградов, 1988, с. 33; Виноградов, Марченко, Рогов, 1997, с. 11). В первой половине IV в. до н.э. в Прикубанье на правобережных меотских поселениях начинают возводиться оборонительные укрепления. Этот акт исследователями рассматривается как появление реальной угрозы со стороны кочевников. И.И. Марченко выделил раннюю группу прикубанских кочевнических памятников, датированную им IV – началом III в. до н.э., в которую на середину 90-х гг. прошлого века вошло 17 впускных в насыпи более ранних курганов погребальных комплексов. Анализ погребального обряда и некоторых элементов материальной культуры привел его к выводу о принадлежности этих комплексов к древностям сарматского круга, причем в этих памятниках сочетаются черты как савроматской, так и сарматской (прохоровской) культуры (Марченко И.И., 1996, с. 84, 98–100). Использование многомерного анализа увеличившейся выборки погребальных памятников Прикубанья позволило установить, что впускные кочевнические погребения правобережья IV–III вв. до н.э. находят аналогии в Заволжье, Приуралье и на Дону (Берлизов, 2005, с. 18).

Исследование оборонительных сооружений меотских городищ Старокорсунского № 2 и у хут. им. Ленина № 2 свидетельствует о том, что их оборонительные валы были срыты во время, близкое к победе коалиции Эвмела над Сатиром, то есть непосредственно после 310/309 гг. до н.э. Факт разрушения оборонительных сооружений меотских городищ И.И. Марченко рассматривал как свидетельство установления господства сираков в степях кубанского правобережья. Отношения между победителями-кочевниками и побежденным меотским населением, видимо, приобрели форму данничества (Марченко И.И., 1996, с. 117, 118).

Следует отметить синхронность таких событий, как возведение и разрушение оборонительных сооружений на кубанских городищах и на Елизаветовском городище в дельте Дона, что свидетельствует об их взаимосвязи. Наличие элементов ранней прохоровской культуры в кочевнических памятниках Нижнего Дона и Кубани уже в IV в. до н.э. является подтверждением причастности к этим событиям кочевнических группировок Южного Приуралья, поскольку элементы этой культуры начинают складываться первоначально в данном регионе, а в IV в. до н.э. происходит окончательное ее оформление. В IV в. до н.э. распространение черт прохоровской культуры в Нижнем Поволжье носило характер военной миграции, эта тенденция просматривается и на памятниках Нижнего Дона и Кубани.

В литературе была высказана справедливая мысль о том, что конфликт претендентов за власть на Боспоре не следует рассматривать как простую междоусобицу. Определяющим в этой борьбе было участие двух основных к тому времени противостоящих варварских группировок в восточноевропейских степях – скифов и сарматов. Боспорские события конца IV в. до н.э. в значительной мере изменили политическую ситуацию в Северном Причерноморье. Происходит переориентация внешней политики Боспорского царства, традиционные союзнические отношения со скифами замещаются более тесными связями с сарматами. Значительно были подорваны позиции скифов в регионе, и наоборот, усилилось влияние сарматов. Боспорский конфликт явился своеобразным прологом, обусловившим окончательное падение Великой Скифии (Виноградов Ю.А., 2003, с. 88, 89).

Некоторые исследователи недооценивают роль новых кочевников восточного происхождения в событиях рассматриваемого времени на Нижнем Дону и Предкавказье, ссылаясь на небольшое количество их памятников IV – начала III в. до н.э. в пределах этих районов. Но их здесь и не должно быть много. Ведь речь идет о самом начальном этапе освоения новыми кочевниками степного Нижнего Дона и Прикубанья. Это не было их переселением в названный район, это не было обретением ими новой родины, как полагал Н.Ф. Шевченко для Прикубанья (2011, с. 154), или излетом их миграционного импульса на Нижнем Дону (Глебов, 2012, с. 30). Прикубанье и Нижний Дон были периферийными районами огром-

ного степного пространства, включающего Поволжье и Южный Урал, освоенного в IV в. до н.э. кочевниками, скорее всего одного этнополитического объединения. Этот период для районов Нижнего Дона и Прикубанья, связанный с утверждением здесь новых кочевников, по всей вероятности может быть сопоставлен с первой стадией кочевания, которая характеризуется активными завоеваниями и отсутствием стабильных археологических памятников (Плетнева, 1982, с. 145). М.Б. Шукин по этому поводу высказывался еще более категорично, что время дестабилизаций, вызванных вторжением кочевников, отличается «археологической пустотой» (Шукин, 1994, с. 86).

О формирующейся серьезной угрозе Скифии свидетельствует освоение новыми кочевниками огромной территории к востоку от основных скифских владений, что фиксируется распространением памятников раннепрохоровской культуры или с элементами этой культуры. Нижний Дон и районы Предкавказья являлись только юго-западным флангом этого расселения. Раннепрохоровские памятники IV в. до н.э., как уже отмечалось, известны в междуречье Волги и Дона, в Волгоградском и Саратовском Заволжье. В Поволжье на левобережье такие памятники известны в Самарской области. Раннепрохоровские погребальные комплексы здесь появляются на рубеже V–IV вв. до н.э. или в самом начале IV в. до н.э. и имеют ярко выраженный приуральский облик (Мышкин, Скарбовенко, 1996, с. 196–222). Таким образом, в меридиональном направлении территория, занятая кочевниками раннепрохоровской культуры, измеряется расстоянием в более чем 1 000 км. Насыщенность погребений этого времени предметами вооружения, мечами, наконечникам стрел и копий подтверждает идею силового освоения южноуральскими кочевниками новых территорий.

Вопрос о том, было ли это одно объединение кочевников или несколько, достаточно сложен. Я все же полагаю, что в данном случае речь должна идти об одном этнополитическом объединении кочевников. С одной стороны, можно предположить, что большой территориальный разброс памятников связан с сезонными меридиональными кочеваниями одной группировки кочевников. Этот тезис, как уже отмечалось выше, находит подтверждение в этнографическом материале. С другой стороны, одновременность военных акций на Нижнем Дону и Кубани в середине IV в. до н.э. предполагает действия одного объединения кочевников, в этом случае есть возможность отождествить события дестабилизации в обоих районах с сирматами.

Основным противником восточных кочевников были скифы, которые, находясь в союзнических отношениях с Боспорским царством, осуществляли контроль над районами Приазовья. Завершением этого противостояния были боспорские события конца IV в. до н.э., ознаменовавшиеся поражением коалиции, в которой скифы являлись основной силой. С этого времени ведущую роль здесь начинают играть новые кочевники восточного происхождения.

Реконструкции такой ситуации, казалось бы, противоречит имеющееся в источниках свидетельство об общении при посредстве посольств Александра Македонского, находящегося на берегах Яксарта (Сырдарья), с европейскими скифами. Ведь в этом случае скифским послам надо было преодолевать значительное расстояние, проходить через территорию, занятую явно недружественными кочевниками. Однако такие контакты, по мнению исследователей, могли совершаться, из чего следует, что вышеназванные сложности могли успешно преодолеваются (Мачинский, 1971, с. 52; Алексеев, 2003, с. 243, 244). Основными информаторами об этих дипломатических контактах являются Арриан и Курций Руф. Однако прочтение соответствующих фрагментов трудов указанных авторов не убеждает, что речь в них идет о прибытии к Александру непосредственно северопричерноморских скифов.

Еще Страбон отмечал, что «в угоду тщеславию Александра» Яксарт (Сырдарья) был отождествлен с Танаисом (Доном), соответственно и граница между

Европой и Азией была перенесена на берега Яксарта (*География*, XI, VII, 4). Определенно об этом сообщает Квинт Курций Руф. Он говорит о скифской державе, которая простиралась по ту сторону Танаиса. В данном случае речь идет о правобережье Сырдарьи. И далее он заявляет: «Танаис отделяет бактрийцев от скифов, называемых европейскими. Кроме того, он является рубежом Азии и Европы» (*История Александра Македонского ...*, VII, 7, 1–2). По представлениям Курция Руфа европейские скифы занимали территорию от Истра до Бактрии, причем сарматы, видимо, являлись составной их частью (*История Александра Македонского ...*, VII, 7, 3–4).

У Курция Руфа есть упоминание о некоем Берде, который был послан Александром к скифам, живущим за Боспором. Берда вернулся в Мараканду, где в то время находился македонский царь, с послами этих скифов. Скифские послы выразили покорность Александру.

Несколько подробнее близкий эпизод описан у Арриана. Из его сочинения следует, что скифские посольства довольно часто навещали Александра. Арриан упоминает о нескольких таких посольствах, причем он говорит об этом как об обычном явлении, заявляя, что к Александру опять пришло посольство от европейских скифов. Обращает внимание то подобострастие, которое выявляли ему скифские посланники. Они были готовы выполнять все, что им скажет Александр. Царь скифов готов был выдать за Александра свою дочь, а если тот откажется, то царь предлагал выдать замуж за ближайших сподвижников Александра дочерей знатных скифов. Скифский царь сам готов был прибыть по приказу Александра и выслушать от него его распоряжения (*Арриан. Поход Александра*, IV, 15, 1–3). С чего бы это понтийские скифы так заискивали перед Александром, за тысячи километров от них застрявшего в Средней Азии, к тому же примерно годом раньше разгромившие 30-тысячную армию Зопириона, наместника Александра во Фракии. Вести гурыбу невест с берегов Днепра на берега Сырдарьи – затея, конечно, интересная, но вряд ли такая мысль могла прийти в голову царю причерноморских скифов, у которого в своем регионе в это время хватало проблем. Прочтение Арриана позволяет утверждать, что речь в его сочинении идет о контактах Александра со скифами, которые обитали по ту сторону Танаиса, то есть Сырдарьи, в Европе, в связи со сложившимися представлениями того времени. Очевидно, что активность дипломатических отношений между македонянами и скифами, живущими за Яксартом, была вызвана военным конфликтом между ними. В то время именно эта проблема в первую очередь должна была волновать Александра. У Арриана есть упоминание о том, что Александр отправлял со скифскими послами «кое-кого из “друзей” под предлогом заключения дружбы; настоящая же цель этого посольства была в том, чтобы познакомиться с природой скифской земли и узнать, велико ли народонаселение, каковы его обычаи и с каким вооружением выходит оно на войну» (*Поход Александра*, IV, 1, 1). Возможно, что «кто-то из друзей» – это Берда, упомянутый Курцием Руфом. Но из Арриана не следует, что Александр хотел установить связь непременно с северопричерноморскими скифами, скорее всего его интересовали скифские владения, располагавшиеся к северо-востоку от Сырдарьи (Шахермайр, 1984, с. 239).

Не исключено, что Курций Руф в угоду отмеченного выше тщеславия Александра упомянул о прибытии к нему в Среднюю Азию скифского посольства от берегов далекого Понта. Александра ведь навещали даже амазонки. Есть и другое объяснение этому эпизоду. Александр и его спутники действительно верили, что достигли берегов Танаиса и с азиатской стороны подошли к границам Европы (Пьянков, 1997, с. 47; Щеглов, 2003, с. 196), а коли так, то до Боспора и обитающих по соседству скифов рукой подать.

Совершить поход с целью покорения племен, живущих у Эвксинского моря, Александра уговаривал Фарасман, царь хорасмиев. Александр благоразумно отказался от этого предложения, заявив, что когда он покорит Индию и овладеет

всей Азией, то, возвратясь в Элладу, через Гелиспонт и Пропонтиду двинется на Понт (*Арриан. Поход Александра, IV, 15, 4–5*). Это заявление Александра заставляет сильно сомневаться в наличии дипломатических связей его ставки в Средней Азии с северопричерноморскими скифами.

Я, как уже отмечал, не разделяю сложившегося ранее мнения, что вторжение Александра Македонского в Среднюю Азию спровоцировало движение кочевников от границ этого региона на запад в Поволжье и на Дон, к границам Причерноморской Скифии. Во-первых, это движение началось раньше вторжения македонской армии в Среднюю Азию. Появление кочевников с востока обозначилось на Нижнем Дону и в Предкавказье, как уже отмечалось, в середине IV в. до н.э. Исходным районом этого движения, обусловленного комплексом причин политического, демографического и экологического характера, было Южное Приуралье. Я полагаю, что начало этого движения приходится еще на первую половину IV в. до н.э., это мнение разделяется и другими исследователями (Гуцалов, 2003, с. 184). Во-вторых, нахождение македонской армии в Средней Азии не создавало непосредственной угрозы для кочевников, обитавших за Сыр-Дарьей, тем более находящихся в более отдаленных районах. Источники свидетельствуют, что Александр постоянно был занят подавлением сопротивления в Согдиане и Бактрии. Столкновение Александра с заяксартскими скифами произошло только однажды, да и то по инициативе последних. Скифы решили помешать строительству города (Александрия-Эсхага) македонянами на левом берегу Яксарта, усмотрев в этом угрозу своей независимости. Македонское войско, переправившись на противоположный берег, обратило скифов в бегство и преследовало их на расстоянии 80–100 стадий (15–18 км) (Гафуров, Цибукидис, 1980, с. 252, 253). Скифы, обитающие по другую сторону Яксарта, суда по данным источников, не покинули свои владения, они продолжали активно поддерживать сопротивление, оказываемое македонянам населением Средней Азии (Таиров, 2002, с. 143).

3.13. Гибель Великой Скифии

Теперь обратимся к событиям, связанным с падением причерноморской Скифии. Еще со времен В.Н. Татищева и Н.М. Карамзина считалось, что одной из основных причин падения Великой Скифии было сарматское вторжение в ее пределы. Так, Н.М. Карамзин писал: «Наконец Сарматы, обитавшие в Азии близ Дона, вступили в Скифию и, по известию Диодора Сицилийского, истребили ее жителей или присоединили к своему народу, так что особенное бытие Скифии исчезло для Истории» (Карамзин, 1988, с. 6). С привлечением археологического материала эта версия была подкреплена М.И. Ростовцевым (1918а, 1918б, 1925). Одной из работ, специально посвященных этой теме, является монографическое исследование К.Ф. Смирнова (1984). Естественно, что вопрос о сарматах как основных виновниках падения Скифии рассматривался и другими авторами, более полная историография об этом приведена к книге С.В. Полина (1992), я же только отметил, что эта проблема обозначилась и исследовалась в течение достаточно длительного времени.

Поскольку концепция сарматского завоевания Скифии наиболее полно была обоснована К.Ф. Смирновым, подробнее остановимся на основных постулатах этого автора. Данная тема освещалась им в разных работах начиная с 50-х гг. XX в. (Смирнов, 1954, с. 209–213) и обобщенно была изложена в упомянутой выше монографии.

Проникновение кочевников с востока в Скифию К.Ф. Смирнов относил еще к савроматскому времени, когда отношения между скифами и савроматами оставались дружественными. Не позже IV в. до н.э. отдельные группы савроматов могли достигать нижнего Днепра. Он считал, что о присутствии савроматов к западу от Дона в «Европе», свидетельствуют данные Псевдо-Гиппократя, а новые археологические данные подтверждают факт нахождения савроматов на правобережье Миуса.

Последующее освоение скифской территории к западу от Дона К.Ф. Смирнов связывает с сирматами, под которыми он понимал западных савроматов на последней ступени их развития с влившимися в их состав кочевниками из задонских, поволжских и, возможно, южноуральских степей. С ними он отождествлял погребения в курганах у хуторов Сладковский, Кашеевка, Карнауховский, сел Ушкалка, Грушевка и некоторые другие. К.Ф. Смирнов полагал, что проникновение в Скифию савроматов и сирматов до конца IV в. до н.э. носило мирный характер, пришельцы жили среди скифов, заключали браки, служили в скифских военных дружинах. Активное проникновение савроматов и ранних сарматов, носителей прохоровской культуры, привело с конца IV в. до н.э. к враждебным отношениям со скифами (Смирнов, 1984, с. 37–65, 117).

Завоевание Скифии сарматами, по К.Ф. Смирнову, было вызвано двумя основными факторами. Одним из них являлось ослабление Скифии в связи с поражениями, нанесенными скифам Филиппом Македонским в 339 г. до н.э. и диадохом Лисимахом в 313 г. до н.э. Несколько позже на западе скифов начинают теснить фракийцы и галаты. Сложившаяся политическая ситуация была удобной для сарматов, чтобы начать завоевание скифской территории с востока. Другим фактором являлось образование в раннесарматское время у сарматов сильных союзов племен, в среде которых шли процессы имущественной, социальной дифференциации и классового образования, сочетающиеся с сильными пережитками традиций родоплеменного строя. Вожди и племенная знать, движимые жаждой обогащения, стремились со своими дружинами к богатым земледельческим районам Средней Азии, Прикубанья, к городским центрам Северного Причерноморья.

Второй этап сарматской миграции, более крупный по своим масштабам, по К.Ф. Смирнову, приходится на конец III – I в. до н.э. Он связан с активностью сарматских племенных объединений во главе с языгами, роксоланами и аорсами. Он полагал, что сообщение Диодора Сицилийского об опустошении Скифии «савроматами» как раз относится к началу этого этапа. Сарматы занимают междуречье Дона и Днепра, отдельные их группы прорываются на правобережье Днепра (Смирнов, 1984, с. 114, 118).

Археологическим подтверждением такой ситуации, по К.Ф. Смирнову, является около 50 пунктов, расположенных между Доном и Южным Бугом, где были обнаружены целые или разрушенные раннесарматские погребения. Относительно небольшое количество раннесарматских памятников на столь обширной территории, по мнению К.Ф. Смирнова, не противоречит идее установления господства сарматов над рассматриваемой частью Скифии, поскольку, например, погребальных комплексов архаической Скифии также насчитывается немного (более 80), хотя хорошо известно, что скифы в тот период являлись основным населением большей части Северного Причерноморья (Смирнов, 1984, с. 114).

Письменная традиция, как полагал К.Ф. Смирнов, также подтверждает завоевание Скифии сарматами. Кроме свидетельств Диодора Сицилийского, Лукиана Самосатского и Аполлония Родосского, такая информация содержится в известном ольвийском декрете в честь Протогена. Наиболее обоснованной датой декрета он считал последние десятилетия III – первые десятилетия II в. до н.э. Упоминаемых в декрете саев во главе с царем Сайтафарном К.Ф. Смирнов, вслед за Я. Харматой, К. Мюлленхофом и В.И. Абаевым, отождествляет с сарматами. Не исключал он сарматской принадлежности савдаратов и фисаматов, также упоминаемых в декрете. Со ссылкой на М.И. Ростовцева, ко времени конца III – II в. до н.э. К.Ф. Смирнов относит и эпизод о сарматской царице Амаге, переданный Полиеном, из которого следует, что сарматы к этому времени начинают играть лидирующую роль в Северном Причерноморье (Смирнов, 1984, с. 67–72).

История взаимоотношений скифов и сарматов в свое время рассматривалась Д.А. Мачинским исключительно на основе письменных источников. Он полагал, что ряд сведений древнегреческих авторов позволяет говорить об утверждении сарматов между Доном и Днестром в IV в. до н.э. В первую очередь это появление топонима «Сарматия» в сочинениях Гераклида Понтийского и Теофраста. Упоминание «Сарматии» Гераклидом, по его предположению, следует относить к последним десятилетиям жизни этого автора (330–310 гг. до н.э.), ко времени после гибели Атея и разгрома скифами Зошириона. Причем Сарматия Гераклида должна была располагаться практически в центре Скифии у Сиваша и Перекопа, вплоть до Днестра. Близкое по времени упоминание Сарматии у Теофраста в его сочинение «О водах». Д.А. Мачинский полагал, что оно было написано в период между 310–285 гг. до н.э. Поскольку оба вышеназванных автора являются учениками Аристотеля, то он не исключал, что сведения о Сарматии они могли получить из одного источника (Мачинский, 1971, с. 46).

Д.А. Мачинский вслед за М.И. Ростовцевым допускал, что «сирматы» и «сарматы» – это названия одной и той же группировки кочевников. Наиболее раннее упоминание о сирматах содержится у Эвдокса Книдского, писавшего около 370–365 гг. до н.э. Если у Эвдокса локализация сирматов приблизительно, он помещает их вблизи Танаиса, то у Псевдо-Скилака – к западу от Танаиса, то есть уже на территории, ранее принадлежавшей скифам. «Сирматы. (После скифов) племя (сирматы) и река Танаис (которая) разграничивает Азию и Европу» (*Описание моря ...*, 68).

Основываясь на анализе «Землеописания» Псевдо-Скимна, написанного в начале I в. до н.э., Д.А. Мачинский высказал предположение, что собственно сарматы были известны уже Эфору и что фрагмент «Землеописания», в котором упоминаются сарматы, соответствует реалиям IV в. до н.э. (Мачинский, 1971, с. 44).

Дальнейшие свидетельства, по Д.А. Мачинскому, с определенной последовательностью упоминают сарматов на территории Скифии. Это легенда, переданная Полиеном, о сарматской царице Амаге. В данном случае Д.А. Мачинский ссылается на мнение М.И. Ростовцева, что эта легенда восходит к труду историка Филарха, описавшего события с 273 по 220 г. до н.э., а также к херсонесским историкам III в. до н.э. Из этого следует, что сарматы в III в. до н.э. контролировали территорию к северу от Крыма. В первой половине II в. до н.э. присутствие сарматов в Северном Причерноморье подтверждает мирный договор припонтийских государств 179 г. до н.э., упомянутый Полибием, в котором фигурирует Гатал – царь европейских сарматов. В известном ольвийском декрете, датированном рубежом III–II вв. до н.э., упоминаемые саи и фиссаматы, по мнению Д.А. Мачинского, – это кочевники сарматского или савромат-сарматского круга. Первые из них контролировали междуречье Южного Буга и Днестра и территорию к востоку от Днестра, вторые – продвинулись далее к западу за Южный Буг (Мачинский, 1971, с. 46–48).

Д.А. Мачинский пришел к выводу о том, что период с конца IV по начало III в. до н.э. был переломным в отношениях скифов и сарматов. Борьба скифов на два фронта – на западе с Македонией и на востоке с сарматами – подорвала их силы. К этому времени, по его мнению, относится и сообщение Диодора Сицилийского о «поголовном истреблении» скифов савроматами, в которых следует видеть сарматов, поскольку во времена Диодора эти народы отождествлялись. Причину сарматской агрессии Д.А. Мачинский связывал с большими изменениями в начале IV в. до н.э. в среде кочевого населения между Доном и Зауральем (Мачинский, 1971, с. 50).

Более определенно участников давления на Скифию Д.А. Мачинский называет в работе, вышедшей позже. По его мнению, под общим названием «сарматы» скрывались различные кочевые орды. На северном фланге этого движения выступали исседоны, на южном – даи-сираки, в авангарде этого движения шли сарматы царские (предположительно саи декрета в честь Протогена) и языги (Мачинский, 1993, с. 17–20).

В 80-е – начале 90-х гг. была разработана иная концепция упадка Скифии, которая обосновывала непричастность сарматов к этому событию. Автором ее был С.В. Полин, опубликовавший по этой проблеме серию статей, положения которых были обобщены в монографии (Полин, 1992). Основным аргументом данной концепции был выявленный в Северном Причерноморье хронологический разрыв между наиболее поздними скифскими курганами и появлением здесь наиболее ранних сарматских погребальных комплексов. Разрыв этот составлял более века. Скифские курганы прекращают сооружаться в начале III в. до н.э., а сарматские начинают возводиться не ранее середины II в. до н.э. Такая ситуация, по мнению С.В. Полины, не соответствует представлениям о разгроме скифов сарматами и освоении ими их территории.

Проанализировав те комплексы, которые ранее датировались III–II вв. до н.э. и использовались для обоснования идеи сарматской экспансии в Северное Причерноморье, С.В. Полин пришел к выводу, что ни один из них не может быть убедительно датирован этим временем. Он отмечал, что не только в Северном Причерноморье, но и к востоку от него, в «сарматском регионе», нет надежных оснований для выделения памятников этого хронологического периода, что серьезно противоречит версии сарматского завоевания Скифии (Полин, 1992, с. 80, 81). Нет опоры для датировки указанным временем и погребений эпонимного памятника – прохоровских курганов, раскопанных крестьянами в начале XX века. По крайней мере, три кургана (№ 2, 3, 4) из четырех С.В. Полин предложил датировать не позже IV в. до н.э. (Полин, 1992, с. 74–77).

Отсутствие сарматских памятников III – первой половины II в. до н.э. в Северном Причерноморье явилось основанием для С.В. Полины пересмотреть практически все ранее предпринимавшиеся реконструкции с опорой на письменные источники о присутствии сарматов здесь в указанное время. Это легенда Полиена о сарматской царице Амаге, упоминание Полибия о Гатале – царе европейских сарматов в связи с договором малоазийских государств 179 г. до н.э., информация ольвийского декрета в честь Протогена, в котором упоминается ряд народов, отождествлявшихся рядом авторов с сарматами.

Что касается легенды об Амаге, то, по мнению С.В. Полины, исследователи пользовались датировкой М.И. Ростовцева, который этот сюжет связывал с переселением сарматов во второй половине III в. до н.э. в Северное Причерноморье. Поскольку в свое время М.И. Ростовцев в обосновании этой даты опирался на археологические данные, которые на данный момент не подтверждаются, то его аргументация утратила свою силу. Если есть какая-то реальность в легенде Полиена, то ее следует относить к более позднему времени (Полин, 1992, с. 90, 91).

С.В. Полин считал, что однозначно размещать сарматов Гатала в Северном Причерноморье, относимых Полибием к европейским народам, проблематично. В античной географии, кроме Танаиса, имелись и другие представления о границе между Европой и Азией. В частности, он ссылался на работу И.В. Куклиной, которая установила, что меридиональная граница (по Танаису) между Европой и Азией была определена сравнительно поздно, несколько раньше времени Страбона. Раньше, в представлении ионийских авторов, разделение между двумя континентами проходило по линии Фасис – Каспий – Арал – Сырдарья. Упоминание сарматов Гатала, как стабильного и достаточно сильного объединения, в случае их размещения в Северном Причерноморье предполагало их проживание здесь еще до даты договора, что должно было привести к появлению стационарных могильников, но таковые здесь возникают не ранее I в. до н.э. Все это, по мнению С.В. Полины, свидетельствует о локализации сарматов Гатала за пределами Северного Причерноморья. Он не исключал возможности их расселения в Прикубанье (Полин, 1992, с. 91–94).

Ольвийский декрет в честь Протогена, многими исследователями датированный концом III – началом II в. до н.э., С.В. Полин датировал, со ссылкой на работу В.П. Яйленко, 180–170 гг. до н.э. Упомянутые в декрете саи, фиссаматы, савдараты, ранее рядом исследователей отождествляемые с сарматами, С.В. Полин определил как местные племена, давно связанные с Ольвией традиционными связями. Не может, по его мнению, иметь исключительно сарматскую принадлежность и имя предводителя саев Сайтафарн с составной частью «фарн», поскольку имена такого рода имеют общеиранскую принадлежность (Полин, 1992, с. 88, 89).

Первым достоверным сведением о нахождении сарматов в Северном Причерноморье С.В. Полин считает декрет в честь Диофанта, в котором упоминаются ревксиналы, которые являлись союзниками скифов в войне против Херсонеса. Событие датируется 110/109 гг. до н.э. Страбон, рассказывая о той же акции, называет их роксоланами, возглавляемыми Тасием. К ним С.В. Полин относил еще сатархов, упоминаемых в крымской эпиграфике и там же помещаемых их Помпонием Мелой. Он предполагает, что роксоланы и сатархи – это первые сарматские племена, появившиеся в Северном Причерноморье около середины II в. до н.э. В I в. до н.э. они уже занимали степное пространство между Доном и Днепром. В это время западной границей расселения сарматов являлся Днепр, что дало основание М. Агриппе проводить западную границу Сарматии по Днепру (Полин, 1992, с. 94, 95).

Исследователи, которые считали, что гибель Великой Скифии связана с сарматским вторжением, большое значение придавали сообщению Диодора Сицилийского об опустошении Скифии и поголовном истреблении ее жителей савроматами, переселенными скифами из Мидии на Танаис, которые, много лет спустя сделавшись сильнее, совершили эту военную акцию. С.В. Полин полагал, что информация Диодора о разгроме савроматами Скифии не имеет отношения к III в. до н.э., поскольку в ней речь идет о ранней истории скифов. В этом фрагменте сочинения Диодора, по его мнению, следует видеть «один из эпизодов истории архаической Скифии, подлинное содержание которого скрыто от нас оболочкой мифа» (Полин, 1992, с. 97).

С.В. Полин подверг критике реконструкции Д.А. Мачинского о нахождении Сарматии в IV в. до н.э. на территории, ранее входившей в состав Скифии. По его мнению, область с названием «Сарматия» в это время могла появиться на Нижнем Дону, где впервые в античной литературе появляются такие этнонимы, как «сирматы» и «сарматы». Он не исключал вхождения в состав Сарматии и более восточных районов, поскольку не позднее V и середины IV в. до н.э. районы Предкавказья и Нижнего Прикубанья включаются в сферу кочеваний нового населения, своим происхождением связанного с Нижним Поволжьем и Южным Приуральем (Полин, 1992, с. 86). К моменту переселения сарматов в Северное Причерноморье, по С.В. Полину, около середины II в. до н.э. скифы давно покинули его степные территории и сосредоточились в Малых Скифиях, Крыму, на Нижнем Днепре и Нижнем Дунае, превратившись из кочевников-скотоводов в оседлых земледельцев (Полин, 1992, с. 97, 98).

Причину исчезновения скифских курганов в начале III в. до н.э. С.В. Полин видел в изменении природно-климатических условий. Засушливый период, пришедшийся на III – начало II в. до н.э., дестабилизировал ситуацию в Северном Причерноморье, привел к кризису экономики, основанной на кочевом скотоводстве. Скифское общество, достигшее в IV в. до н.э. расцвета, практически исчерпало свои возможности дальнейшего социально-экономического развития. В сочетании с ухудшением климатических условий – все это привело к кризису скифского общества, к переориентации его экономики. Причем сложившаяся ситуация не была характерной только для скифов Северного Причерноморья, близкие по своей направленности процессы охватили значительные пространства Евразийских степей, вплоть до Тувы и Енисея. Период археологической лакуны для III – на-

чала II в. до н.э., выявленный для Северного Причерноморья, был характерен и для большей части евразийской степной зоны (Полин, 1992, с. 104, 105, 122, 123).

Одним из первых откликов на концепцию С.В. Полина была рецензия на его книгу И.В. Бруяко, опубликованная в журнале «Российская археология». В рецензии дан анализ хронологических разработок С.В. Полина, в результате которого был сделан вывод о том, что в них просматривается зависимость от изначально заданной идеи археологического вакуума в степной части Северного Причерноморья в III в. до н.э. И.В. Бруяко высказал несогласие с автором рецензируемой книги о практически полном отсутствии в степной части Северного Причерноморья полноценных археологических памятников III – начала II в. до н.э. В целом ряде случаев отдельные погребальные комплексы не исключают датировки их в пределах III в. до н.э. Это касается погребений из Петуховки на Нижнем Днестре, Тираспольской группы и у с. Николаевка на Нижнем Днестре.

И.В. Бруяко поддержал мнение С.В. Полина о том, что не следует считать сарматов основными виновниками «обвальной военно-миграционной катастрофы», произошедшей в Северном Причерноморье в первой половине III – начале II в. до н.э., что они не были «универсальным дестабилизирующим фактором» здесь. Однако позиция И.В. Бруяко в этом вопросе несколько иная, чем у С.В. Полина. Он предлагал рассматривать причастность сарматов к событиям III в. до н.э. в Северном Причерноморье с учетом территориально-хронологического аспекта. В III в. до н.э. сарматским набегам могла подвергаться скифская территория между Доном и Днепром с последующим их расселением здесь во II в. до н.э. Таким образом, сарматы деструктивным фактором являлись только для левобережной Скифии, оказывать влияние на территории между Днепром и Дунаем в этот период времени они не могли (Бруяко, 1995, с. 230–237).

В рецензии И.В. Бруяко рассматривал и другие концепции кризиса в Северном Причерноморье в III в. до н.э., которые нашли отражение в книге С.В. Полина. Это причастность кельтов к деструктивным событиям в этом районе. Если С.В. Полин отрицал такую возможность, то И.В. Бруяко не исключал ее, по крайней мере по отношению к Северо-Западному Причерноморью. Он обратил внимание, со ссылкой на работы Ю.Г. Виноградова и П.О. Коришковского, на наметившуюся тенденцию удревнения событий в ольвийском декрете в честь Протогена, дата которых указанными авторами относится к 20–10 гг. III в. до н.э., то есть к более раннему времени, нежели обоснованном в книге С.В. Полина. В последующих своих работах И.В. Бруяко высказывал предположения, что сама деятельность Протогена могла относиться к более раннему времени, ближе к середине III в., что приближало по времени кельтскую угрозу и начало кризисных явлений в Северо-Западном Причерноморье. В целом кельтская версия слабо подкреплена источниками, что отмечал и И.В. Бруяко, однако ее дальнейшая разработка, по его мнению, «открывает значительные перспективы для “свободного” творческого поиска решения этого вопроса» (Бруяко, 1995, с. 237).

Природно-климатическая концепция как основной фактор кризиса Причерноморской Скифии, выдвинутая С.В. Полиным, по мнению И.В. Бруяко, наиболее уязвима для критики. В частности, он отмечал, что как в предыдущих работах С.В. Полина, так и в его монографии не учтена длительность накопления негативных климатических изменений, которые в определенный момент приводят к резким переменам социальной-экономической структуры населения. Ведь по данным С.В. Полина в IV в. до н.э. климатические условия в Северном Причерноморье были оптимальными, а уже в начале III в. до н.э. наступает стремительная аридизация, которая приводит даже к смещению ландшафтных зон. В данном случае И.В. Бруяко имел в виду, что если бы такие климатические изменения имели место, то на это потребовалось бы достаточно много времени, гораздо больше, чем на это отводил С.В. Полин (Бруяко, 1995, с. 236).

В возникшей дискуссии между С.В. Полиным и И.В. Бруяко, после опубликования вышеназванной рецензии, стороны остались на своих позициях (Полин, 1997, с. 207–215; Бруяко, 1997, с. 215–218).

В ряде работ И.В. Бруяко, вышедших после опубликования вышеназванной рецензии, изложенные в ней основные положения получили дальнейшее развитие, дополняясь новыми данными и более расширенной аргументацией. Правда, в большей мере эти разработки И.В. Бруяко касались не всего Северного Причерноморья, а в основном северо-западной его части (Бруяко, 1999, с. 76–91; 2005–2009, с. 329–370).

В 1997 г. в Ростове состоялась III Международная научная конференция под общим названием «Проблемы сарматской археологии и истории», специально посвященная взаимоотношениям сарматов и скифов. В большей части докладов и в опубликованных материалах с использованием разной аргументации доказывалась причастность сарматов или савромато-сирматов к гибели Скифии. Приведу некоторые из них.

В опубликованном докладе Ю.А. Виноградова с соавторами обращалось внимание на масштабность и одновременность дестабилизирующих факторов, связанных с гибелью эллинских и варварских поселений от дельты Дона до Побужья и Поднестровья, пришедшуюся на 70–60-е гг. III в. до н.э. Такая единовременная военная акция на столь огромной территории была явно не под силу кельтам или германцам Прикарпатья. Не отрицая участие кельтов (германцев) в военных событиях этого времени в Северо-Западном Причерноморье, авторы считали, что не они были основным дестабилизирующим фактором в Северном Причерноморье. Таковыми могли быть только сарматы, которые уже во второй половине IV в. до н.э. прочно закрепляются вблизи скифских кочевий. Изменение политической обстановки на Боспоре в связи с приходом к власти Евмела, опиравшегося на поддержку новых кочевников, привело к резкому изменению ситуации в истории греко-варварских отношений Северного Причерноморья. По мнению названных выше авторов, сарматы первый свой удар нанесли по скифам на рубеже IV–III вв. или в самом начале III в. до н.э., не затрагивая оседлого эллинского и варварского населения. С этого времени исчезают в Скифии «царские» курганы и прекращают использоваться старые родовые кладбища. Повторный «всесокрушающий удар» в конце первой – начале второй трети III в. до н.э. сарматы наносят по оседлому населению Северного Причерноморья, в результате которого на большой территории от низовий Дона до Поднестровья одновременно гибнет большинство торгово-ремесленных и сельскохозяйственных поселений греков и варваров. Это последнее событие может быть сопоставлено с описанием Диодора о тотальном опустошении Скифии савроматами. Авторы полагают, что второй удар по Скифии мог быть нанесен новой волной кочевников из районов Волго-Донской степи, носителей прохоровской культуры, или же сарматами Прикубанья (Виноградов, Марченко, Рогов, 1997, с. 7, 18).

Весьма интересные материалы о гибели культуры лесостепной Скифии были представлены в статье А.П. Медведева, помещенной в материалах вышеназванной конференции. В ней подробно рассматриваются причины гибели Семилукского городища среднедонской культуры на Верхнем Дону. Характер массовых захоронений на территории городища местного населения, их единовременность, практическое отсутствие ритуальных традиций позволило автору говорить о гибели этого городища и его населения в результате нападения извне. Об этом свидетельствуют и сгоревшие деревянные укрепления городища. Причем Семилукское городище было не единственным погибшим в лесостепной зоне в результате нападения. Разгрому подверглось Коломакское городище на Ворскле, для которого установлена дата гибели – рубеж IV–III вв. до н.э. Следы погромов отмечены на Кнышевском городище в верховьях Псла и Пекшевском городище на р. Воронеж. С событиями, определившими гибель этих городищ, связано и прекращение су-

ществования в Днепро-Донском междуречье лесостепной скифоидной культуры. Гибель отмеченных памятников и скифской культуры в целом в этом регионе, по мнению А.П. Медведева, должны рассматриваться в одном ряду с аналогичными событиями в южных районах Северного Причерноморья. Причиной этих разрушений и погромов, по его мнению, было нашествие (инвазия) номадов савромато-сирматского круга.

А.П. Медведев не исключал причастность к этим событиям сообщения Диодора Сицилийского об опустошении Скифии савроматами. Он дал критическую оценку точки зрения С.В. Полина о том, что это сообщение не имеет отношения ко времени прекращения существования Скифии, а относится к архаической ее истории. Достаточно убедительно выглядит его утверждение о том, что «само упоминание о вторжении савроматов в Скифию имеет форму обычной для греческой исторической литературы вставки, весьма характерной и для диодоровой “Библиотеки”». Она ясно вычленяется из рассказа о древней истории Скифии словами «много лет спустя». Полагаю, что в этом вопросе позиция А.П. Медведева выглядит более предпочтительней (Медведев, 1997, с. 50–59).

Учитывая некоторые вещественные находки на Среднем Дону, А.П. Медведев предполагал, что Прикубанье и Нижний Дон могли быть тем исходным районом, откуда началось вторжение номадов савромато-сирматского круга в рассматриваемый им регион.

А.П. Медведев справедливо полагал, что попытки некоторых исследователей трактовать повсеместное разорение зоны оседлости на Юге Восточной Европы, исходя из локальных ситуаций (деятельность боспорских царей на Нижнем Дону, экспансии скифов в Крым, нападение галатов на Ольвийскую хору), не могут убедительно объяснить причины общего кризиса Северного Причерноморья в начале III в. до н.э. Все эти локальные проявления оказались лишь следствиями более масштабного и переломного события, приведшего к гибели и распаду Скифии. Жизнь на ее территории не затухала постепенно из-за ухудшения природно-климатических условий, она прекратилась быстро в результате удара с востока. В произошедшем А.П. Медведев видел проявление универсального «закона степей», выражавшегося в «периодическом и неуклонном движении кочевых орд с востока на запад при военном преобладании восточных номадов над западными» (Медведев, 1997, с. 63). Эта тенденция в евразийских степях с большой долей очевидности фиксируется и в средневековую эпоху, благодаря большей информативности источников.

О непосредственной причастности сарматов к гибели Скифии речь шла и в статьях В.Е. Максименко и М.Г. Мошковой, помещенных в материалах выше-названной конференции (Максименко, 1997, с. 41–49; Мошкова, 1997, с. 67–78).

Из сказанного выше следует, что большинство исследователей причиной гибели Скифии считают сарматский фактор. Однако практически никто из них не давал оценки сложившейся ситуации на этот момент в самом сарматском мире, чтобы реально определить степень сарматской угрозы. Этой проблеме была посвящена статья В.М. Клепикова, подготовленная совместно с автором и помещенная в материалах той же конференции (Клепиков, Скрипкин, 1997, с. 28–40). В ней с опорой на конкретные памятники, прослеживается изменение археологической ситуации в IV в. до н.э. на обширной территории, охватывающей Поволжье, Нижний Дон и Прикубанье, которое объясняется проникновением сюда южноуральских кочевников. Сейчас можно сказать, что начало этого продвижения приходится еще на первую половину IV в. до н.э. К середине этого века присутствие нового кочевого элемента было ощутимо на Нижнем Дону и Прикубанье. Основательно эта группировка закрепляется в Заволжье, о чем свидетельствует появление здесь курганов кладбищ с погребениями IV в. до н.э. (Новоузенск, Лятошинка, Эльтон и др.). В междуречье Волги и Дона и на Нижнем Дону погребения этого времени располагаются более дисперсно. Для междуречья Волги и Дона в это время в

большей степени характерны синкретические погребальные комплексы, наряду с новыми чертами погребального обряда и материальной культуры сохраняющие традиции предшествующего савроматского населения. С III в. до н.э. курганы-кладбища распространяются по обеим сторонам Волги.

Основываясь в первую очередь на археологических данных, следует отметить, что начиная с IV в. до н.э. к востоку от Скифии оформляется новое сильное в военном отношении кочевое объединение или объединения (Лукашов, 1986, с. 66–82). Об этом, в частности, свидетельствует огромная территория распространения погребальных памятников, близких в культурном отношении, включающая Поволжье от Самары до Астрахани, Южное Приуралье и Западный Казахстан и отмеченная преобладанием воинских погребений.

В связи с изложенным выше необходимо остановиться на двух аспектах рассматриваемой проблемы. Первый из них связан с мнением некоторых авторов о том, что дестабилизация ситуации в Северном Причерноморье связана с одной группировкой восточных кочевников, а окончательный удар по Скифии был нанесен другой группировкой – сарматами, носителями прохоровской археологической культуры (Виноградов, Марченко, Рогов, 1997, с. 18; Максименко, 1997, с. 47). В.Е. Максименко выделял два этапа в завоевании Скифии сарматами. Первый из них связан с деятельностью савромато-сарматов, отождествляемых с сирматами, которые являлись носителями донского варианта савроматской археологической культуры. Эти савромато-сарматы в конце IV – III в. до н.э. начали совершать опустошительные набеги, которые, однако, не привели к вытеснению скифского населения с их земель. Второй этап, датируемый им II в. до н.э., связан со сменой археологических культур. На левобережье Дона на смену савроматской археологической культуре приходит прохоровская культура. Образовавшийся новый мощный племенной союз во главе с сарматами, носителями прохоровской археологической культуры, устанавливает свое господство в Северном Причерноморье, вытеснив прежнее скифское население (Максименко, 1997, с. 46–48).

С такой трактовкой рассматриваемых событий навряд ли можно согласиться. Как уже отмечалось, в Южно-Уральском регионе формирование прохоровской культуры завершается в IV в. до н.э. В IV в. до н.э., но не позже его середины, начинается продвижение кочевников формирующейся раннепрохоровской культуры на запад, в Поволжье, Прикубанье и на Нижний Дон. Специалисты по археологии раннего железного века Южного Урала курганные погребения на правобережье Дона (Сладковский, Шолеховский, Кашеевка), датируемые ими второй половиной IV в. до н.э., относят к прохоровской культуре (Таиров, Гуцалов, 2006, с. 321). Начавшаяся дестабилизация и последовавший затем кризис в Северном Причерноморье связаны с кочевым объединением, оставившим археологические памятники раннепрохоровской культуры от правобережья Дона до Южного Приуралья. Если какая-то часть савроматского населения Нижнего Поволжья и Дона и вошла в это объединение, то она уже не играла значимой роли в последующих исторических событиях. Именно это объединение кочевников раннепрохоровского времени я предположительно отождествляю с сирматами. То, что касается сарматов, II в. до н.э. – это новый этап в их истории, имеющий отношение к событиям постскифского времени, о котором речь пойдет ниже.

Второй аспект – это предпринимаемая попытка придавать решающее значение прикубанским кочевникам, отождествляемым с сираками, в освоении Скифии. Во-первых, отождествление прикубанских кочевников второй половины IV – III в. до н.э. с сираками – это несостоятельная версия не только по моему мнению, но и по мнению других авторов (Абрамова, 1993, с. 104; Шевченко, 2011, с. 44–57). Во-вторых, Прикубанье, как и значительная часть Северного Кавказа, в это время само было объектом давления новых номадов. Причем с их освоением данные территории должны были приобретать статус зимников, а летние кочевья могли

простирались далеко к северу. Говоря о решающей роли сарматов в гибели Скифии, следует иметь в виду всю территорию, освоенную кочевниками, носителями раннепрохоровской культуры, в меридиональном направлении от Кубани до Самары. Удары по Скифии могли наноситься с разных мест этой территории, не исключая и Прикубанье.

Представляет интерес и такой вопрос: эти кочевники (сирматы) на момент их появления на Дону и, возможно, на Кубани представляли самостоятельную группировку или являлись частью более крупного племенного объединения? Я полагаю, что есть основания в пользу подтверждения второго предположения. Выше уже говорилось о даях, представлявших собой крупное и достаточно мощное племенное объединение, сложившееся в южноуральских степях. Можно определить время его наивысшего могущества. Оно должно совпадать со временем функционирования одного из известных и наиболее крупного могильника Филипповка I, являвшегося местом захоронения высшей знати даев, своеобразным Герросом. Как уже отмечалось, он функционировал в пределах рубежа V – третьей четверти IV в. до н.э. Один из исследователей этого памятника отмечал, что кочевое население Южного Приуралья в середине I тыс. до н.э. во многом определяло этнополитическую ситуацию в Европе и Азии не только в степи, но и далеко за ее пределами (Яблонский, 2008а, с. 77).

В IV в. до н.э. в сферу интересов даев (дахов) входят районы Средней Азии, они участвуют в военных акциях, оказывая сопротивление армии Александра Македонского. Впоследствии даи вошли в состав армии македонцев и приняли участие в индийском походе Александра (Щеглов, 2003, с. 195–201; Балахванцев, 2005, с. 64–66; Гаиров, Кошеленко, 2005, с. 103–127). Одно из подразделений даев – даи-апарны, которые являлись переселенцами «из области даев, живущих над Меотидой», было причастно к становлению парфянской династии Аршакидов (Страбон. *География*, XI, IX, 3).

Другим направлением политических интересов даев, вероятно, было желание взять под контроль территорию, располагавшуюся к западу от Южного Приуралья. С этой целью стало осваиваться волго-донское степное пространство. Это мероприятие осуществлялось сирматими, входившими в дахское племенное объединение. На Дону и Кубани их появление фиксируется уже в середине IV в. до н.э. Эта акция, скорее всего, отражала амбиции дахской знати, связанные с расширением сферы своего политического влияния.

Боспорские события конца IV в. до н.э., завершившиеся победой коалиции Эвмела над Сатиром, опиравшегося на скифов, привели к переориентации внешней политики Боспорского царства. Традиционные союзнические отношения со скифами начинают замещаться более тесными связями с сарматами. Это значительно подорвало позиции скифов в регионе и усилило влияние сарматов. Угроза с востока, как уже отмечалось, привела к переносу возведения скифских «царских» курганов в более западные районы страны, вызвала необходимость ухода скифов во главе с Атеем в Добруджу, изменила отношение скифов с греческими полисами, определив переход от вражды к установлению с ними дружественных отношений, что, видимо, объяснялось общей угрозой для тех и других (Виноградов, Марченко, Рогов, 1997, с. 93–103).

Полагают, что после разгрома Скифии, в котором существенную роль сыграли сирматы, в Северном Причерноморье еще могли продолжать существовать остатки скифского этноса, но не они уже являлись главной силой. Разорванный на части скифский этнос, оформившийся впоследствии в Малой Скифии, утратил свое влияние в степях юга Европы. Практически к последней четверти IV в. до н.э. перестают сооружаться скифские царские курганы (Виноградов, Марченко, 2014, с. 144), что свидетельствовало о глубоком кризисе скифского общества. Разрозненные скифские группировки уже не могли в своей деятельности опираться на скифское единство.

В степи в IV в. до н.э. происходят существенные изменения. Ранее дружественные и даже союзнические отношения между скифами и савроматами с появлением новых восточных соседей переоформляются во враждебные, которые в конечном счете привели к гибели Скифии. Задача, которая стояла перед новым восточным кочевым объединением, видимо, была связана с необходимостью существенного ослабления своего естественного соперника в степной экологической нише – скифов. Скорее всего, на территорию Скифии совершалось несколько военных походов. Относительно недавно было выделено более десятка погребальных комплексов между Доном и Днепром, датируемых IV – началом III в. до н.э. и отождествляемых с восточными кочевниками (Гречко, Карнаух, 2011, с. 248). Интересные сведения, основанные на антропологических данных из северопричерноморских памятников скифского времени (V–IV вв. до н.э.), привела С.И. Круц, по которым серии из Кута, Александрополя и Присивашья по своим характеристикам оказались близкими савроматам и ранним сарматам Нижнего Поволжья и Приуралья, а также сакам Северного и Восточного Казахстана (Круц, 2004, с. 97).

Военная акция южноуральских кочевников ограничивалась, видимо, закреплением своего присутствия в Волго-Донском регионе и ослаблением политического влияния скифов на юге Восточной Европы. Вероятно, дальнейшее завоевание Скифии и переселение на ее территорию не планировалось или было прервано внутривосточными событиями в дахском племенном объединении. Есть основания полагать, что в третьей четверти IV в. до н.э. или вслед за этим происходит его распад. Такой вывод следует из того, что в это время прекращает функционировать курганный могильник Филипповка I, являющийся некрополем дахской знати. В Южном Приуралье перестают сооружаться курганы знати с богатым ритуалом, равным филипповским погребальным комплексам. Собственно сами дахи начинают все более активно принимать участие в восточных событиях. Они упоминаются в битве против Александра Македонского при Гавгамелах (331 г. до н.э.) на стороне персидского царя Дария III. Связь с ахеменидской Персией подтверждается обильным импортом, происходящим из захоронений южноуральской кочевой знати (Трейстер, Яблонский, 2012). В дальнейшем они, как уже отмечалось, участвуют в среднеазиатских событиях, связанных с сопротивлением местного населения македонскому вторжению. Затем принимают участие в индийском походе Александра, позже они оказались причастными к образованию Парфянского государства.

В плане выявления судьбы дахского объединения интересным представляется факт появления в письменных источниках наименования области «Сарматия», впервые зафиксированного Теофрастом (рубеж IV–III вв. до н.э.). Попытка установить более раннее появление области с таким названием пока не находит убедительного подтверждения (Полин, Симоненко, 1997, с. 89, 90; Скрипкин, 2014в, с. 7, 8). Из лаконичного сообщения Теофраста следует, что Сарматия располагалась по соседству со Скифией. Исходя из античной традиции, она должна была находиться к востоку от Скифии и, вероятнее всего, к востоку от Дона, поскольку примерно через век здесь сарматов помещает Псевдо-Скимн, ссылаясь на труд Деметрия из Каллатиса, написанного на рубеже III–II вв. до н.э. (Мачинский, 1971, с. 44). Есть основания рассматривать появление области с этнонимическим названием «Сарматия» как следствие распада дахского племенного объединения. Ее основателями, скорее всего, были племена, ранее входившие в это объединение. В древней и средневековой истории известно много примеров, когда вслед за созданием крупных кочевых объединений возникали проблемы с эффективным управлением огромной территорией, что неминуемо приводило к их распаду. С III в. до н.э. намечается усиление смещения кочевого населения из Приуралья в Нижнее Поволжье. Вероятно, кочевое население Сарматии состояло из прежних сирматов и новых групп кочевников, переселившихся из Южного Приуралья. Происходят и другие изменения. Появившиеся в IV в. до н.э. на Нижнем Дону погребальные

памятники кочевников с раннесарматскими южноуральскими элементами исчезают, раннесарматские традиции не получают здесь дальнейшего своего развития в III в. до н.э. В это время центром Сарматии, скорее всего, является Поволжье.

Последующие удары по Скифии, вплоть до тотального погрома многих эллинистических и варварских поселений вдоль побережья Черного моря в 70–60-е гг. III в. до н.э. (Виноградов, Марченко, Рогов, 1997, с. 94), а также, видимо, и уничтожение ряда поселений в лесостепной зоне Скифии (Медведев, 1997, с. 50–66) проводились с территории Сарматии как уже самостоятельного этнополитического образования.

Ситуация в Северном Причерноморье, связанная с отсутствием здесь сарматских могильников вплоть до II в. до н.э., может объясняться тем, что у сарматов не было необходимости заселять эту территорию и переносить на нее свои родовые могильники. Им еще предстояло основательно освоить огромную территорию Поволжья. В Поволжье сарматские памятники III в. до н.э. выделены. На самое начало нынешнего века их было здесь учтено 62 погребальных комплекса. Кроме того, к этому времени могло относиться еще значительное количество раннесарматских погребений, находящихся в тех же могильниках, но без установленной более точной даты (рис. 20, Б). Нахождение нескольких раннесарматских погребений под одной курганной насыпью свидетельствует о расположении здесь родовых кладбищ (Клепиков, 2002, с. 105).

Попытки объяснять непричастность сарматов к опустошению Скифии отсутствием здесь стационарных сарматских памятников вслед за кризисными событиями на ее территории навряд ли можно признать состоятельными. Мне уже не раз приходилось отмечать, что не следует кочевнические погребения отождествлять с хуторами или поселками. Место расположения кочевнических курганов и территория, контролируемая кочевым объединением, – это разные вещи.

Степь знала великие погромы, отмеченные тотальными разрушениями населенных пунктов, а отнюдь не погребениями нападавших. Достаточно вспомнить нападение среднеазиатского эмира Тамерлана на Золотую Орду, приведшее практически к прекращению городской жизни в Поволжье. Об этом мы знаем благодаря целому ряду письменных источников, а если бы они отсутствовали, то пришлось бы гадать, кто являлся виновником разрушения городов Золотой Орды.

Сарматы, как и другие кочевники, отличались мобильностью, они могли передвигаться на большие расстояния и неожиданно нападать на противника. Опять же средневековая история дает тому яркие примеры. В 1206 г. Чингисхан завершил объединение монгольских племен, а в 1241–1242 гг. монголы уже ведут завоевательные войны в Центральной Европе, выходят на побережье Адриатического моря, достигают территории современной Австрии. Кстати, разгромив русские княжества, монголы не включили их непосредственно в состав своих земель, а поставили в вассальную зависимость. При имевших место столкновениях погибших монгольских воинов хоронили не под стенами русских городов, а погребали на Нижней Волге.

Сведения о мобильности сарматов имеются в ряде письменных источников. Это, например, уже не однажды упоминавшийся известный рассказ Полиена о легендарной сарматской царице Амаге (*Военные хитрости*, VIII, 56). Интересные данные по этому вопросу дает эпиграфический материал. Ю.Г. Виноградовым была предпринята попытка нового прочтения эллинистического декрета «о несении Диониса», обнаруженного в 1906 г. в Херсонесе. В варианте его перевода упоминаются сарматы, которые могли осуществлять разного рода контакты с населением Крыма. Ю.Г. Виноградов уточнил дату декрета, определив ее в пределах первой четверти III в. до н.э., не исключая более точной даты – 280 г. до н.э. (Виноградов Ю.Г., 1997, с. 104–124). Отсюда следует, что уже в это время Крым был в зоне досягаемости сарматов, хотя их погребения, датируемые III в. до н.э., в ближайших к Крыму местах исследователям не известны.

Интересные сведения содержит достаточно известный эпиграфический документ – ольвийский «Декрет в честь Протогена», датированный разными исследователями от середины III в. до первых десятилетий II в. до н.э. Многие ученые, занимавшиеся изучением этого документа, считают, что упомянутые в нем саи в главе с царем Сайтафарном могли быть сарматским объединением (перечень версий: Полин, Симоненко, 1997, с. 92). Из декрета следует, что Сайтафарн взимал дары с ольвеополитов по случаю своего проезда, то есть речь в данном случае не идет о постоянном присутствии саев в этих местах. Сарматы, скорее всего, в политическом отношении могли контролировать восточные районы бывшей Скифии. В Северо-Западном Причерноморье ситуация была сложнее, на этот регион оказывали существенное влияние кельты (галаты), бастарны, определенную роль продолжал играть скифский анклав, представленный Тираспольскими курганами (если только эти курганы были оставлены скифами) (Виноградов, Марченко, 2014, с. 149; Брумяко, 2005–2009, с. 362–367). В этом регионе сарматы могли ограничиваться отдельными набегами.

3.14. Степи юга Восточной Европы во II–I вв. до н.э.

Выделенный поздний этап раннесарматской культуры характеризуется неравномерностью распределения памятников по отдельным регионам. Наиболее массово они представлены на территории Нижнего Поволжья, Нижнего Дона, меньше их известно в Северном Причерноморье и Южном Приуралье. Отличительной чертой погребальных памятников этого времени является распространение в них новых типов вещей и некоторых деталей погребального обряда, неизвестных в более ранних сарматских комплексах. Причем культурно-исторический анализ этих новаций свидетельствует о выраженных центральноазиатских истоках.

В разделах, посвященных проблемам периодизации сарматских памятников, кратко я касался характеристики вещей восточного происхождения, обнаруженных в них. Здесь я постараюсь осветить проблему восточных инноваций более подробно. К настоящему времени в сарматских погребениях этого этапа обнаружена достаточно представительная серия длинных мечей с коротким, обычно ромбической формы, перекрестием и длинным штырем, на котором оформлялась рукоять. Лезвия этих мечей обычно 4–4,5, реже 5 см шириной, стороны их по большей длине параллельны друг другу и сужаются в нижней части. Штыри ручек чаще прямоугольные в сечении. Ромбические перекрестия изготовлены из железа или бронзы. У некоторых мечей на перекрестии у основания рукояти достаточно четко просматривается прямоугольный вырез. У группы других мечей перекрестие имело выраженный прогиб в сторону лезвия. На перекрестиях некоторых мечей просматривается слабо выраженный клинообразный выступ, обращенный вниз. Общая длина таких мечей колеблется от 0,80 до 1,10 м, но большинство из них имеет длину около метра и более. Длина штырей для рукояти в ряде случаев превышает 20 см (рис. 16, 1–4).

Мне известно более десятка мечей этого типа, происходящих из сарматских погребений II–I вв. до н.э. (Мечет-Сай, кург. 3, погр. 11; Покровка 2, кург. 16, погр. 1; Илекшар I, кург. 8, погр. 3; Калмыково, кург. 1, погр. 1; Калмыково, кург. 2; Политотдельское, кург. 12, погр. 19; Яшкуль, гр. 37, кург. 1, погр. 1; Чкаловская гр., кург. 3, погр. 7; канал Волга – Чограй, гр. 42, кург. 1, погр. 6; Антонов, кург. 3, погр. 3; Аксай, кург. 2, погр. 2; Донгулюк II, кург. 8, погр. 4; Володарка I, кург. 4). В большинстве своем эти погребения являются впускными в насыпи более ранних курганов, что весьма характерно для раннесарматской культуры на ее завершающем этапе. В 11 случаях из отмеченных выше погребений длинные мечи сопровождалась находками кинжалов или мечей других типов, из которых шесть имели прямое

перекрестие и серповидное навершие; четыре – прямое перекрестие и кольцевое навершие и один – прямое перекрестие и навершие в виде деревянного набалдашника (Антонов, кург. 3, погр. 3). Мечи и кинжалы с серповидным навершием – типичная находка в раннесарматских погребениях. Мечи и кинжалы с кольцевым навершием относительно часто начинают встречаться на заключительном этапе раннесарматской культуры, и в последующее время они занимают ведущее положение среди сарматского клинкового оружия. В этом отношении весьма показателен комплекс из Чкаловской группы, а именно кург. 3, погр. 7, где вместе с длинным мечом с бронзовым перекрестием был найден второй меч с кольцевым навершием. Кроме того, в этом же погребении были обнаружены бронзовая восьмерковидная пряжка и сосуд, украшенный по бокам пучками полос, спускающихся от горла вниз. И пряжка, и глиняный сосуд такого типа – обычная находка в раннесарматских погребениях. Вместе с ними были найдены еще и железные трехлопастные черешковые наконечники стрел и ни одного бронзового (Порохова, 1983, с. 9, 10), что в общем указывает на поздний возраст данного погребения в рамках раннесарматской культуры.

Аналогичные мечи известны и на сопредельных с сарматами территориях. В низовьях реки Белой – в памятниках пьяноборской и чегандинской культур, саргатской культуры на Иртыше, на Нижнем Днепре в могильнике позднескифского времени. Достаточно много мечей этого типа обнаружено в различных памятниках Средней Азии. Еще в середине 70-х гг. прошлого века О.В. Обельченко учел их здесь 20 экземпляров. Мечи рассматриваемого типа изображены у воинов на поясных пластинах из известного Орлатского могильника (рис. 33) (Пугаченкова, 1989, с. 122–154). Этот памятник, скорее всего, оставлен населением, связанным с кочевниками, переселившимися в Среднюю Азию с востока. Сейчас таких мечей в Среднеазиатском регионе известно гораздо больше. Обнаружены они и на Кубани (Скрипкин, 2000б, с. 18, рис. 1, 2).

Эти мечи, вне зависимости от материала, из которого сделано перекрестие, очень близки между собой по форме. Различаются они только по деталям оформления перекрестий. Большинство из них имеет короткое ромбовидное перекрестие, независимо от того, изготовлено ли оно из железа или бронзы, многие из них имеют прямоугольные вырезы на стороне, обращенной к рукояти. У двух мечей (Покровка 2, кург. 16, погр. 1; канал Волга – Чограй, кург. 1, погр. 6) перекрестия имели изогнутую форму, вершиной изгиба обращенные к лезвиям мечей (Скрипкин, 2014а, с. 218, 219, рис. 1, 1, 2).

Ранними прототипами описанных мечей из сарматских погребений и других памятников, отмеченных выше, являются образцы китайского клинкового оружия. Поражает совпадение их форм и размеров. В Китае короткие мечи, изготовленные из бронзы, с перекрестиями, которые имели вырез у основания рукояти и клинообразный выступ снизу, появляются еще в эпоху Чжоу, на заключительном этапе бронзового века, и продолжают существовать в раннем железном веке (Комиссаров, 1988, с. 103–106). В циньско-ханьскую эпоху распространяются длинные мечи, иногда превышающие 1 м в длину, с прямым ромбическим перекрестием (Кожанов, 1990, с. 84). В ханьское время широко вошли в употребление и длинные мечи, изготовленные из железа.

У более ранних китайских мечей, относящихся к заключительному периоду Чуньцю и Чжаньго, перекрестия мечей, как правило, снабжены прямоугольными вырезами у основания рукояти и клиновидным выступом в нижней части. На их рукоятях имеются валикообразные утолщения. Большинство мечей этого времени имеют навершия в виде конусообразной воронки.

У некоторых сарматских мечей также сохраняется ряд черт, характерных для ранних типов аналогичного китайского оружия. Достаточно близко по форме китайским перекрестием меча из Первомайского могильника, хотя оно уже в значительной степени стилизовано. Прямоугольные вырезы имеются на перекрестиях у мечей из Чкаловской группы и Калмыковского кургана 2. Слабо он выражен на мече из Мечет-Сая, кург. 3, погр. 11 (рис. 16, 2, 4, 9).

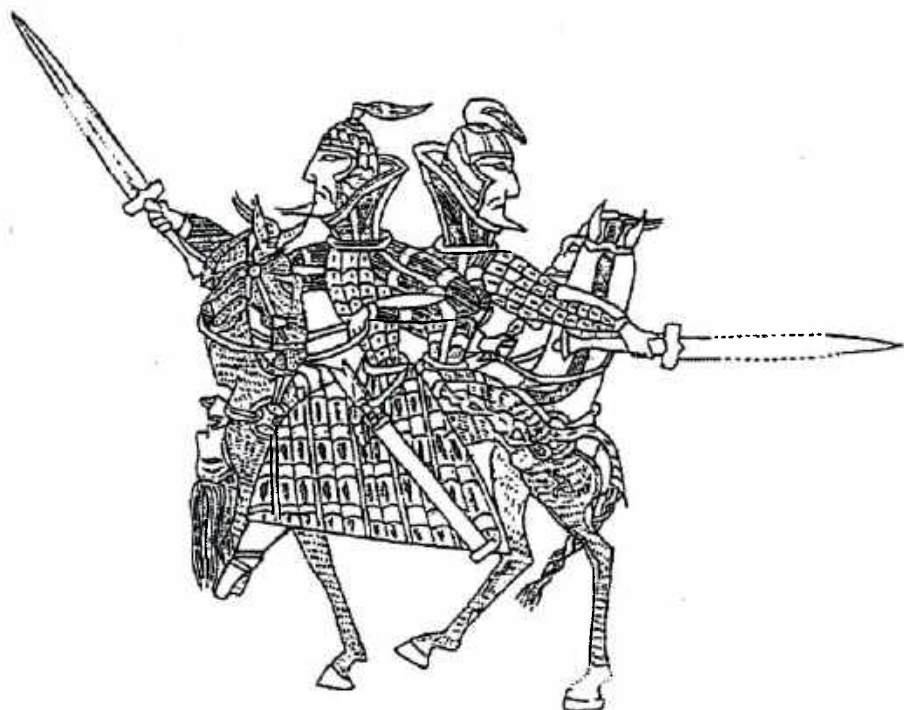

Рис. 33. Орлатский могильник. Изображение воинов на костяной пластине

Рассматриваемый тип мечей, появившись в сарматских памятниках II–I вв. до н.э., в несколько измененном виде продолжает встречаться и в последующее время, причем в их оформлении и экипировке в ряде случаев использовались детали, изготовленные из нефрита. Это нефритовые перекрестия и скобы, использовавшиеся для крепления мечей с португеей, причем нефритовые перекрестия во многом повторяют детали формы более ранних бронзовых перекрестий. Мечи с такими перекрестиями были обнаружены в сарматских погребениях в Сладковском и Камышевском I могильниках в Ростовской области. Использование нефрита в качестве материала для изготовления перекрестий мечей является типично китайской чертой. В Китае нефрит довольно широко использовался для оформления различных деталей клинкового оружия, в том числе перекрестий и скоб, были даже найдены ножи, полностью изготовленные из нефрита (Горелик, 1993, с. 26). Все это лишнее подтверждает тот факт, что описанный тип мечей, появившийся в сарматских памятниках во II–I вв. до н.э., если и не являлся прямой продукцией китайских ремесленников, то оформился в результате очевидного влияния китайской культурной традиции.

Восточные истоки имеет и еще один тип мечей и кинжалов, появившийся у сарматов во II–I вв. до н.э. и получивший широкое распространение в первые века н.э. Их отличительной чертой является наличие кольцевого навершия (рис. 16, 5, 6; 23, 3, 6). Идея местного их происхождения, выдвигавшаяся ранее, не нашла достаточной опоры в конкретном материале. Кинжалы и ножи с кольцевым навершием были достаточно широко распространены на территории Северного Китая, Тувы, Алтая, Минусинский котловины, традиция изготовления такого типа оружия здесь уходит корнями еще в эпоху бронзы. Известны они в этих местах и в течение большей части раннего железного века. Их изображения встречаются на оленных камнях, обнаружены они и в погребениях. Достаточно широко кинжалы этого типа были представлены в памятниках кочевников VI–III вв. до н.э. на территории Северного Китая, по некоторым данным их здесь было учтено несколько десятков (Чжун Сук-Бэ, 2000, с. 110–137). В хуннское время мечи с кольцевой формой навершия становятся достаточно популярными в Центральной Азии. Кинжалы или мечи этого типа встречаются в сарматских комплексах II–I вв. до н.э. с мечами с серповидным навершием, а также, что весьма интересно, и с длинными мечами с ромбовидным перекрестием, о которых подробно речь шла выше и которые своим происхождением связаны с Китаем (Скрипкин, 2005, с. 171–185).

Не ранее чем со II в. до н.э. в сарматских погребениях начинают встречаться бронзовые ажурные пряжки с изображением лежащих верблюдов или сцен терзания хищником верблюда, заключенных в рамку (рис. 17, 12; 22, 17; 23, 10–14). Практически идентичные пряжки происходят из могильников Средней Азии, причем в Бабашовском могильнике в Таджикистане их найдено две, в таком же сочетании, как и в сарматском погребении у с. Белокаменки Волгоградской области. Бронзовые поясные ажурные пряжки в последние века до н.э. были распространены на обширной территории, включающей Ордос, Внутреннюю Монголию, Монголию, Забайкалье, Средний Енисей (Дэвлет, 1980, с. 14–17; Bunker et al., 1997, p. 256–273). Из них наиболее близкие сарматским по экспрессии изображений являются пряжки со сценами борьбы куланов или коней, а также кошачьего хищника с копытным животным. В Дерестуйском могильнике в Забайкалье были обнаружены парные пластины, так же как в Бабашовском в Средней Азии и Белокаменском погребениях в Поволжье. Время распространения ажурных поясных пластин на Енисее и в Забайкалье определяется II–I вв. до н.э. (Дэвлет 1980, с. 16), и, надо полагать, раньше этого времени близкие им по традиции оформления пряжки не могли попасть в сарматские погребения. Вероятно, районы Северного Китая были тем местом, где первоначально сформировалась мода на ажурные поясные пряжки, о чем свидетельствуют яркие ордосские находки. Это предположение, в частности, подтверждает находка в сарматском погребении рассматриваемого времени двух поясных рамчатых пряжек в могильнике

Донгулюк, располагавшемся на правом берегу реки Урал в Западном Казахстане, с изображениями крылатых драконов – образа, весьма популярного в искусстве Древнего Китая (рис. 17, 10, 11) (Гуцалов, Марыксин, 2011, с. 193–195, рис. 3). Реалистичность изображений персонажей на ажурных рамчатых пряжках в зависимости от территории их нахождения постепенно менялась. Так, например, енисейские образцы ажурных пряжек выглядят несколько беднее в передаче сюжетов, чем ордосские, что объясняется местным их производством по хуннским образцам (Миняев, 1980, с. 31). Видимо, в этом есть определенная закономерность, так как среднеазиатские и сарматские ажурные пряжки отличаются еще большим схематизмом. Чем дальше на запад, тем примитивнее передавались изображения животных. На пряжках, обнаруженных в сарматских погребениях, в ряде случаев уже практически трудно различить вид животных на тех сценах, где изображается их борьба. Вероятно, поволжские, донские и среднеазиатские кочевники имели свои центры производства таких пряжек, ориентировавшихся на восточные образцы. Е.Ф. Королькова, исследовавшая вопросы, связанные с зарождением и распространением образа верблюда в искусстве ранних кочевников Евразии, пришла к выводу о том, что одним из наиболее ранних центров его формирования были районы Южного Приуралья, Западного Казахстана и, возможно, Приаралья (VI–IV вв. до н.э.), откуда он распространился как в западном, так и в восточном направлении с миграциями кочевников (Королькова, 1999, с. 93). В ее статье речь шла вообще о предметах искусства с изображением верблюда. Что касается исключительно поясных ажурных рамчатых пряжек с изображениями лежащих верблюдов или борьбы верблюда с хищником, то в сарматских погребениях от Южного Урала до Нижнего Дона ранее II в. до н.э. они не известны. Появляются они в сарматских памятниках в сопровождении многих других категорий вещей, явно связанных своим происхождением с центральноазиатскими традициями. Я согласен с мнением, высказанным еще М.И. Артамоновым, что искусство, представленное ордосскими бронзами, в определенной мере формировалось под влиянием скифо-сибирского звериного стиля, а распространение ажурных пряжек от Байкала до Волги и Дона – это уже обратная волна распространения восточных традиций в новом историческом контексте (Дэвлет, 1980, с. 18–20).

В то же самое время в сарматских погребениях начинают встречаться уникальные поясные пластины, изготовленные из гагата. Две из них найдены в раннесарматском погр. 4 из кург. 27 у ст. Жутово в Волгоградской области и одна в погр. 9 из кург. 1 у с. Питерка Саратовской области (рис. 23, 15–17). Они имели отверстия для застегивания и крепления к ремню и были украшены бронзовыми клепками, образующими линии в виде косоугольного креста, а также окаймляющие края пластин. Прямые аналогии этим поясным пластинам известны на Енисее, в Забайкалье и Китае (Могильников, 1992, табл. 108, 68, 71; У Энъ, Чжун Кань, Ли Цзиньцзэн, 1990, с. 98, 99; Кузьмин, 2011, табл. 41, 33, 34). Крайние восточные находки этих пластин происходят из хуннских памятников и датируются концом II – I вв. до н.э.

В погребении у с. Питерка вместе с гагатовой пряжкой была найдена еще одна бронзовая пряжка с так называемым решетчатым орнаментом (рис. 23, 18), вторая пряжка этого типа происходит из Астраханской области (Кривая Лука VIII, кург. 5, погр. 12), значительное количество аналогичных пряжек известно по их находкам в Южной Сибири и на территории Ордоса, где их принято датировать II–I вв. до н.э. (Скрипкин, 2014а, с. 219, рис. 1, 3, 4).

Кроме уже перечисленного, еще значительное количество предметов в погребальных сарматских памятниках является отражением далеких восточных связей кочевого населения доно-волго-уральских степей с достаточно удаленными от европейских степей территориями. Это миниатюрные копии бронзовых котлов и луков с колчанами, некоторые типы колокольчиков, металлические или костяные ложковидные застежки, находимые в сарматских погребениях волго-уральских степей, которые обнаруживают аналогии в памятниках постскифского времени

Тувы, Среднего Енисея, в хуннских древностях Забайкалья. Большой схожестью отличается трактовка лошадиных головок на отдельных бронзовых пластинах, отождествляемых с амулетами, таштыкской культуры и на сарматских костяных оправках гребней, что может свидетельствовать о каком-то едином источнике, из которого была заимствована изобразительная манера как сарматами, так и таштыкцами (Скрипкин, 1993, с. 3–10; 2000б, с. 24, 25, рис. 5; 7, А, 1–4; Б, 1–3). В свое время еще М.Н. Пшеницына обратила внимание на сходство как перечисленных, так и других категорий вещевого материала в тесинских и сарматских памятниках: костяных игольников, отдельных типов пряжек, костяных проколов, железных шилев, берестяных коробочек (Пшеницына, 1975, с. 139, 154, 159, 160, 163).

Мне известны три случая нахождения в сарматских погребениях II–I вв. до н.э. курильниц кубической формы, не типичной для такой категории находок в сарматских памятниках этого времени (Быково, кург. 9, погр. 7; Ливенцовка VII, кург. 22, погр. 7; Котлубань II, кург. 2, погр. 8) (Скрипкин, 2015б, с. 106–111). Ближайшими им аналогиями являются сосудики из памятников тесинского времени на Енисее, продолжают они встречаться и в таштыкской культуре (Пшеницына, 1992, с. 233, рис. 95, 23; Кузьмин, 2011, с. 198, табл. 43, 1–4).

Параллели у сарматов II–I вв. до н.э. европейской степи с названными выше районами прослеживаются не только в материальной культуре, но и в погребальном обряде. Так, в раннесарматском погребении этого времени на левом берегу Волги у пос. Рыбный в Волгоградской области было обнаружено захоронение в деревянной колоде с ориентировкой погребенной головой на север. Колода имела два параллельных выступа в головной части (рис. 34) (Скрипкин, 1980, с. 273–275). Такие захоронения, в колодах аналогичной формы с выемкой-нишей «в головах», с северной ориентировкой костяков, известны среди погребальных памятников Тувы последних веков до нашей эры. Они обнаружены в могильнике Аймырлыг (Стамбульник, 1983, с. 35), Кокэль (Дьяконова, 1970, с. 123, 129, 140), Байдаг-2 (раскопки А.М. Мандельштама). В это время обычай совершения погребений в колодах распространяется на отдельных территориях в Нижнем Поволжье, существенно возрастает количество ориентировок погребенных в северный сектор. Целая серия сарматских погребений II–I вв. до н.э. в колодах выявлена в могильниках, расположенных по берегам реки Иловли, левого притока Дона, в пределах Волгоградской области. Этот район отличается частой встречаемостью северной ориентировки погребенных этого же времени (21,8 %). Видимо, сочетание погребений в колодах и увеличение северной ориентировки в иловлинских сарматских погребениях II–I вв. до н.э. – явление не случайное. Ощутимо присутствие северной ориентировки погребенных на Нижнем Дону (Сергацков, Шинкарь, 2003, с. 169; Глебов, 2010; Скрипкин, 2014а, с. 218–222). В Северном Причерноморье ориентация погребенных в северный сектор в комплексах, датируемых II в. до н.э. – первой половиной I в. н.э., является доминирующей. Здесь же отмечены два случая погребений в колодах (Симоненко, 2004, с. 135). Как уже упоминалось выше, встречаемость захоронений в колодах характерна для памятников Тувы так называемого гунно-сарматского времени, здесь же была распространена и северная ориентировка погребенных (Мандельштам, Стамбульник, 1992, с. 198, 202). Практика северной ориентировки погребенных у кочевых сообществ была известна и в других районах Центральной Азии (Заднепровский, 1997, с. 76).

Распространение северной ориентировки погребенных, захоронений в колодах не было характерно для предшествующего этапа раннесарматской культуры Поволжского региона. Данный регион не мог оказать влияния в этом плане на характер памятников Северного Причерноморья. Детали погребального обряда, в частности северная ориентировка, появляются одновременно на территории от Поволжья до Северного Причерноморья и имеют инновационное происхождение. Специфика памятников Северного Причерноморья этого времени заключается в отсутствии инноваций в материальной культуре центральноазиатского происхождения.

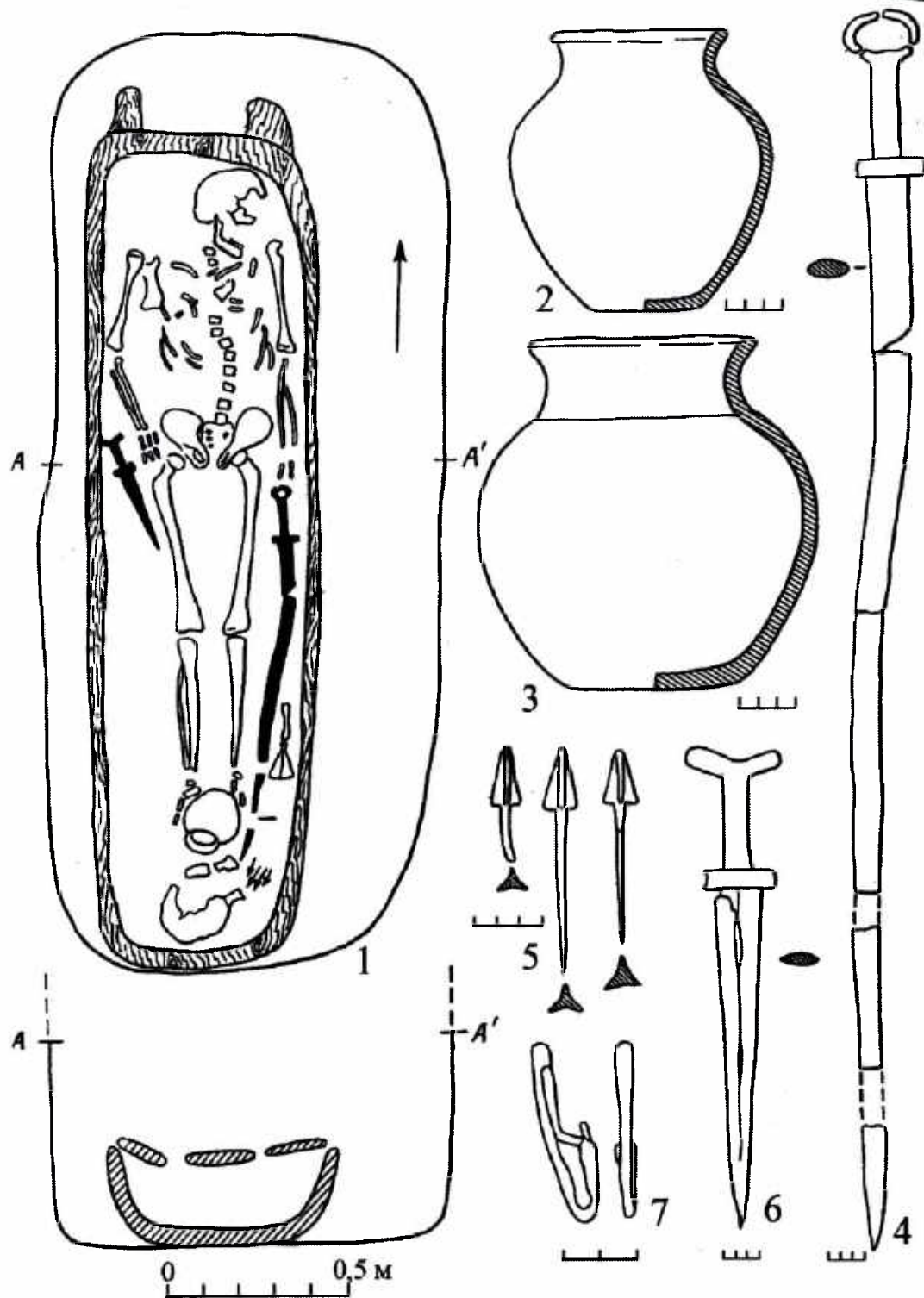

Рис. 34. Нижнее Поволжье. Пос. Рыбный, кург. 3, погр. 12, и вещи из него:
 1 – план погребения; 2, 3 – глиняные сосуды; 4 – железный меч;
 5 – железные наконечники стрел; 6 – железный кинжал; 7 – фрагмент железной фибулы

Распространение новых явлений в Волго-Донском регионе в погребальном обряде совместно с серией названных категорий вещественного материала, явно отражающих культурные традиции центральноазиатских районов, с достаточной определенностью указывает на истоки этих новых черт в культуре сарматов данной территории. Инновации в материальной культуре не могут трактоваться однозначно в плане определения путей их поступления к сарматам. Их появление можно расценивать как результат экономических связей или культурных заимствований и пр. Появление же очевидных параллелей в погребальном обряде ставит вопрос о возможной миграции центральноазиатского кочевого населения в степной регион юга Восточной Европы.

Выявленные в материальной культуре сарматов инновации восточного происхождения, видимо, связаны с некой общей тенденцией, начавшей определять исторические процессы развития кочевых обществ в этот период в евразийском степном поясе. Для Южной Сибири в определении этого времени и явлений, ему сопутствующих, используется название «гунно-сарматский период», в отличие от предыдущего скифского. Этот период в археологическом отношении ознаменовался существенными изменениями в материальной культуре, приведшими к смене предыдущих культурных стереотипов. Становится ощутимым влияние той археологической культуры, носителями которой были кочевники, обитавшие на северной и северо-западной периферии Китая.

История взаимоотношений Китая с кочевым миром насчитывает многие века. В начале последней четверти III в. до н.э. в истории Китая заканчивается длительный период раздробленности и междоусобных войн, получивший название Чжаньго (481–221 гг. до н.э.). Территория Китая была объединена в рамках первой в его истории единой империи Цинь, просуществовавшей всего полтора десятка лет, на несколько лет пережив своего основателя Цинь Шихуанди. Династия Цинь пала в результате крупного народного восстания, но заложенные ею основы централизации Китая были сохранены при следующих, пришедших к власти двух династиях Хань (206 г. до н.э. – 220 г. н.э.). Во многих отношениях для древней истории Китая эпоха Хань была временем наивысшего его расцвета в политическом и экономическом отношениях, что сказалось и на активном влиянии его на другие народы.

С конца III в. до н.э. к северу от Великой Китайской стены как ответная реакция на централизацию Китая начинает формироваться достаточно сильное объединение кочевников, часто именуемое «империей хунну» (Гумилев, 1993; Крадин, 2001), с которым Китай вступает в длительное противостояние, используя не только силу, но и дипломатию, организуя поиск союзников, устанавливая с ними политические и экономические отношения.

Хунну уже при первом их объединителе шаньюе Модэ начинают проводить политику военной экспансии против своих соседей. Основными направлениями хуннской экспансии, кроме Китая, были Южная Сибирь и Восточный Туркестан. Победы хунну на этих направлениях привели к изменению политической обстановки в этих районах, к отходу на запад ряда народов, ранее находившихся в контактах с китайской цивилизацией.

Особенно важной для хунну была их победа над юэчжами, от которых они в свое время находились в зависимости. Из китайских письменных источников эпохи Хань известно, что после своего поражения юэчжи, в течение нескольких веков обитавшие на северо-западных границах Китая, вынуждены были уйти на запад и в конце концов обосноваться в Бактрии. Вероятно, прав был Л.Н. Гумилев, утверждавший, что борьба хунну с западными кочевниками, в том числе и с юэчжами, имела особое значение, ибо «здесь решалась судьба Азии» (Гумилев, 1993, с. 56). Смысл этой фразы заключается в том, что успехи хунну в западном направлении положили начало длительному процессу, приведшему к постепенному преобладанию в степном евразийском поясе новых группировок кочевников, ранее исторически связанных с центральноазиатскими районами, и явившемуся своеобразным

прологом продвижения впоследствии в этом направлении кочевников тюрского происхождения и утраты позиций в степном евразийском поясе ираноязычных кочевников. Вслед за юэчжами на запад в район Семиречья переселяются бывшие их соседи усунь, вытеснив отсюда сакские племена. Все эти события были описаны древнекитайскими историками Сыма Цянем и Бань Гу (*Восточный Туркестан ...*, 1988, с. 223–241). Античные авторы также упоминают ряд новых наименований кочевников, появившихся в Средней Азии, приурочивая их к событиям, связанным с падением Греко-Бактрии. Страбон называет кочевнические объединения, «которые отняли у греков Бактриану, именно асии, пасианы, тохары, сакаравлы» (*География*, XI, 8, 2). Помпей Трог в передаче Юстина упоминает о том, что «Бактриану и Согдиану захватили скифские племена сарауков и асианов» (*История ...*, кн. XLI).

После падения Греко-Бактрийского царства в отдельных районах Средней Азии появляются курганные могильники, в которых насчитывают сотни насыпей с достаточно выраженной кочевнической культурой (Мандельштам, 1966; 1972, с. 33–37; 1975). В число памятников этого круга входит и известный Орлатский курганный могильник со своими яркими находками (Пугаченкова, 1989, с. 122–154). Несмотря на спорные моменты в определении его конкретной датировки, культурные традиции, выявленные на основе материалов этого могильника, были явно привнесены той волной кочевников, которая была причастна к событиям середины II в. до н.э. Исследователи не раз уже отмечали появление восточного фона в археологических памятниках Средней Азии после падения Греко-Бактрии, обнаруживающего близкие параллели в алтайских и хуннских древностях (Бернар, Абдуллаев, 1997, с. 68–84; Абдуллаев, 1998, с. 86–88).

Передвижения различных группировок кочевников в то время, видимо, были более крупномасштабными, они привели к существенному изменению этнической ситуации и в степных районах юга Восточной Европы. Археологические новации, выявленные в памятниках Средней Азии, вслед за событиями, связанными с падением Греко-Бактрии, находят соответствие в материальной культуре сарматов Волго-Донских и Уральских степей. Это позволяет утверждать, что появление в сарматских памятниках вещевое материала, своим происхождением связанного с центрально-азиатскими районами, происходит примерно в одно и то же время, что и в Средней Азии.

Эти миграционные процессы существенно перекроили этническую карту евразийских степей. Что касается восточноевропейской степи, то впервые и наиболее полно изменения этнической ситуации в этом регионе нашли отражение в «Географии» Страбона, написанной им около рубежа эр. Он называет ряд народов, занимавших территорию от Каспийского моря до Днепра, которые ранее в источниках не упоминались. Между Каспийским морем¹⁴ и Меотидой он поселял верхних аорсов, аорсов и сираков, ведших кочевой образ жизни. Верхние аорсы владели «почти что большей частью побережья Каспийского моря», аорсы обитали «по течению Танаиса», сираки занимали территорию «по течению Ахардея, который вытекает с Кавказских гор и впадает в Меотиду» (*География*, XI, 5, 8). На равнинах «между Танаисом и Борисфеном» Страбон помещал роксоланов (*География*, VII, 3, 17). Если соотнести расселение этих народов с современной картой, то верхние аорсы должны были занимать территории Северного Прикаспия и, видимо, Нижнего Поволжья, поскольку, по Страбону, они владели значительно большим участком земли, чем аорсы и сираки. Аорсы должны были обитать на значительной части Нижнего Дона, возможно в большинстве своем на его левобережье, так как земли между Доном и Днепром должны были принадлежать роксоланам. Сираки занимали степные районы Прикубанья (рис. 35).

¹⁴ Следует иметь в виду, что Каспийское море Страбон считал заливом Северного океана (*География*, XI, 6, 1).

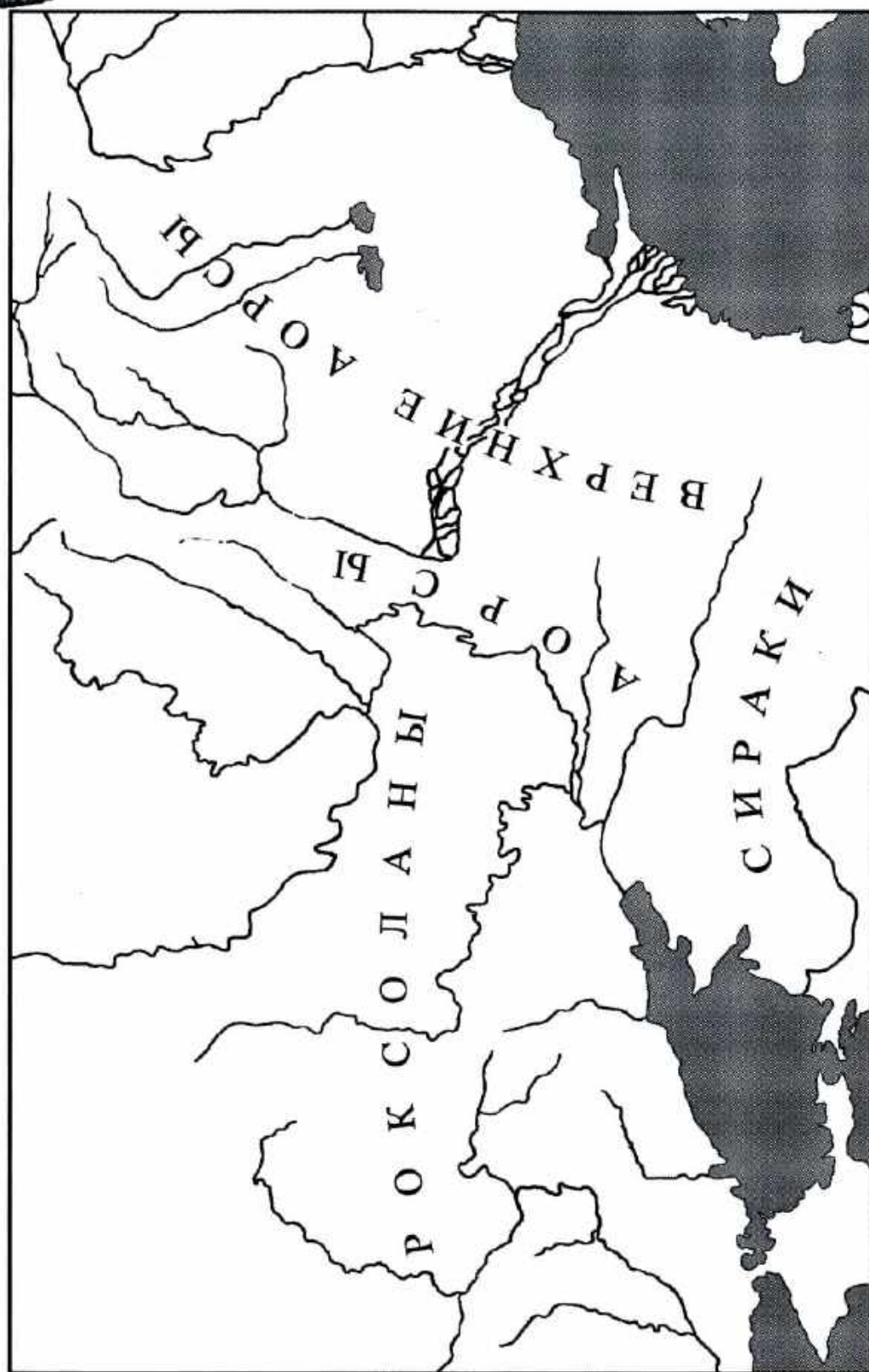

Рис. 35. Карта расселения основных племенных объединений по Страбону

Интересная информация содержится в сочинении Плиния о переходе Танаиса рядом племен, среди которых упоминаются сатархеи и тагоры. Речь в данном случае идет о реке Дон, что следует из контекста данного фрагмента труда Плиния (*Естественная история*, VI, 20). Видимо, это передвижение совпадает со временем расселения новых кочевнических объединений по Страбону. Со II в. до н.э. сатархи упоминаются среди племен Крыма (Ольховский, 1981, с. 56), а упомянутые Страбоном роксоланы, занявшие земли между Доном и Днепром, впервые фиксируются здесь источниками в событиях конца II в. до н.э., но появиться здесь они должны были несколько раньше, но не ранее II в. до н.э. (Симоненко, 1991, с. 17–28).

Есть основания тагоров, названных Плинием в числе народов, перешедших Танаис, отождествлять с тохарами Страбона, которые участвовали в среднеазиатских событиях, связанных с падением Греко-Бактрии. Поскольку в китайских источниках говорится о переселении юэчжей после их поражения от хунну и обоснования их в Бактрии (Дася), то не исключено отождествление тохаров или их части с юэчжи (Десятчиков, 1973, с. 143; Боровкова, 2001, с. 169). Эта версия находит подтверждение и в письменных источниках. Так, буддийский монах Кумараджива при переводе в IV в. сутр на китайский язык использовал термин «малые юэчжи» для передачи этнонима «тохары», имевшегося в оригинале (*Восточный Туркестан ...*, 1988, с. 236). В Средней Азии письменным источником зафиксированы и сатархи. Они отмечены в числе тех народов, которые «с неподкупным постоянством хранят с парфянами закон искони установленных отношений» (*Солин. Собрание достопамятных сведений*, XLIX, 7).

Все это свидетельствует об освоении степей юга Восточной Европы в рассматриваемый период племенами, принимавшими участие в среднеазиатских событиях. Пласт тохарской топонимики был выявлен и на Северном Кавказе, что предполагает проникновение тохарского компонента и в этот регион (Керефов, 1988, с. 120–130).

О появлении в рассматриваемый период нового населения в Волго-Донских степях свидетельствуют и антропологические данные. На краниологическом материале выявлен новый долихомезокранией компонент, отличающийся от предыдущего сарматского населения, для которого характерна была брахикрания. Хотя местный антропологический компонент остается преобладающим (Балабанова, 2010б, с. 72, 73; 2010г, с. 125).

Со II в. до н.э. в Волго-Донском регионе существенно возрастает количество кочевого населения. Для Нижнего Дона В.П. Глебов приводит данные о 500 исследованных погребениях II–I вв. до н.э. (Глебов, 2010, с. 4), значительное их количество открыто и в Нижнем Поволжье. Анализ ситуации в Волго-Донских степях свидетельствует о том, что увеличение здесь населения происходило не только за счет дальних миграций с востока, но и смещения кочевого населения из Южного Приуралья. Южноуральское кочевое население способствовало большему сохранению здесь черт раннесарматской культуры: это широкое распространение курганов-кладбищ, в которых захоронения располагаются по кругу, иногда в количестве более десяти; преобладание ориентации погребенных в южный сектор. Видимо, на этой этнической основе сложились аорские и сиракское племенные объединения. Сейчас практически невозможно установить, какую роль сыграли в их становлении в каждом отдельном случае пришельцы с Востока или сарматы III в. до н.э. Южного Урала и Нижнего Поволжья. Скорее всего, возникшие кочевые объединения в этническом отношении были многокомпонентными. Миграционные процессы существенно изменили этнополитическую ситуацию в Поволжье, на Дону, Северном Кавказе и части Северного Причерноморья, привели ее к существенному переформлению, что и нашло отражение в сочинении Страбона.

По данным Страбона, появление аорсов и сираков между Меотидой и Каспийским морем – событие одновременное. Эти племенные объединения могли образоваться только в результате миграционных процессов II в. до н.э. Сложно представить, что сиракский племенной союз, сложившийся еще в IV в. до н.э., просуществовал до I в. н.э. и что бурные события II в. до н.э., приведшие к существенным изменениям этнокарты от границ Китая до Северного Причерноморья, не коснулись его. Кстати, еще на момент написания Страбоном «Географии» сохранились сведения о том, что «эти аорсы и сираки являются, видимо, изгнанниками племен, живущих выше» (*География*, XI, V, 8). Если бы это «изгнание» произошло в IV в. до н.э., то аорсы и сираки на время написания Страбоном своего труда, скорее всего, воспринимались бы как сугубо автохтонное население на своих местах. К тому же на Кубани исследователи отмечают наличие разрыва в традициях между памятниками IV – начала III в. до н.э. и II–I вв. до н.э., поскольку проблематично выделение памятников собственно III в. до н.э.

Увеличение кочевого населения в Волго-Донском регионе, на Кубани привело к непосредственному освоению сарматами части Северного Причерноморья, к западу от Дона до Днепра. Причем на всей этой территории выделяются отдельные регионы, отличающиеся по некоторым деталям обряда и материальной культуры. Так в Волго-Донском регионе в значительной мере в памятниках II–I вв. до н.э. сохраняются традиции предшествующей раннесарматской культуры: ведущей остается южная ориентировка погребенных, расположение погребений в кургане вокруг его центра и конструкции могильных ям; вооружение, бронзовые зеркала, отдельные типы лепной посуды. Для кубанских памятников этого времени наиболее типичной является западная ориентировка погребенных, что сближает их с обрядовой традицией савроматского времени. По многим категориям материальной культуры (вооружение, бронзовые зеркала, отдельные типы керамики) кубанские курганные погребения обнаруживают сходство с одновременными памятниками Волго-Донского региона. На материальную культуру прикубанских кочевников в большой мере, нежели на волго-донских номадов, оказывало влияние их соседство с меотскими и другими северо-кавказскими производственными центрами. На территории Северного Причерноморья черты раннесарматской культуры выступают в более ослабленном виде. Они просматриваются в находках мечей прохоровского типа, в бронзовых зеркалах с валиком по краю диска. Однако в материальной культуре очевидно значительное влияние античных центров Северного Причерноморья. Здесь отсутствуют курганы-кладбища с кольцевым расположением погребений, преобладает ориентировка погребенных в северный сектор. Влияние раннесарматской обрядности, видимо, сказывается в наличие относительно ощутимого процента ориентировки погребенных в южной сектор (18,9 %). Не трудно заметить, что эти три района со своей спецификой совпадают с обитанием трех кочевых объединений, аорсов в Волго-Донском регионе, сираков в Прикубанье. Что касается Северного Причерноморья, то А.В. Симоненко на основании комплексного анализа археологических данных и письменных источников предположил, что памятники этого времени на рассматриваемой территории (междуречье Дона и Днепра) могли принадлежать новой здесь группировке кочевников, известных по письменным источникам под именем роксоланы (Симоненко, 1993, с. 107–110).

Во II–I вв. до н.э. сарматы начинают упоминаться в различного рода политических и военных мероприятиях. В договоре понтийского царя Фарнака I 179 г. до н.э. с рядом азиатских и европейских государств и общин упоминается «из числа европейских – Гатал, царь сарматский» (*Полибий. История*, XXV, 2, 12). В данном случае сарматы именуются европейскими, то есть по представлениям того времени

они должны были обитать к западу от Дона, на территории Северного Причерноморья. Это мнение было оспорено С.В. Полиным и А.В. Симоненко на том основании, что в античной географии существовала и другая линия разграничения Азии и Европы, проходившая через Фасис – Каспий – Арал – Сыр-Дарью, в связи с чем владения Гатала могли располагаться в Европе, например, на Кубани. Однако такая реконструкция может быть так же оспорена из прочтения самого же Полибия, который, описывая Понт Евксинский и Меотийское озеро, отмечал, что в них впадает много больших рек из Азии и Европы и что «питаемая ими Меотида течет через устье в Понт» (*История*, IV, 39, 1). Этот фрагмент позволяет сделать заключение, что, по Полибию, в Меотиду впадают реки как европейского, так и азиатского континентов. Если бы Полибий придерживался мнения о границе между Европой и Азией по Кавказу, то все реки, впадающие в Меотийское озеро, были бы европейскими. Вообще, мнение о позднем появлении представления в античной географии о границе между Европой и Азией по Танаису опровергается, например, тем, как я уже писал об этом выше, что Александр Македонский и его сподвижники свято верили в прохождение границы между Европой и Азией по Танаису. Дойдя до Сыр-Дарьи и приняв ее за Танаис, они не сомневались, что противоположный берег принадлежит уже Европе. Это IV в. до н.э. Другой аргумент, что сарматы Гатала, прежде чем быть включенными в договор 179 г. до н.э., уже должны были обитать какое-то время на территории Северного Причерноморья и к этому времени здесь должны были появиться могильники, оставленные ими. Но и это мнение не является безупречным. Крым, например, был в зоне досягаемости сарматов еще в первой половине III в. до н.э., как это следует из декрета «о несении Диониса» (Виноградов Ю.Г., 1997, с. 104–124). Курганные могильники сарматов Гатала могли находиться в более восточных районах: на Нижнем Дону, в Прикубанье или даже Нижней Волге, но они вполне могли осуществлять политический контроль над какой-то частью Северного Причерноморья.

Окончательно обосновавшись в Северном Причерноморье, сарматы, в частности роксоланы, принимают участие в разного рода конфликтах, возникавших в этом регионе. Из письменных источников известно, что роксоланы во главе со своим предводителем Тасием в конце II в. до н.э. выступили союзниками скифов, интересы которых в Крыму столкнулись с политикой, проводимой Понтийским царством. В решающем сражении войско роксоланов, состоящее из 50 000 человек, потерпело сокрушительное поражение от войск Диофанта, полководца понтийского царя Митридата VI Евпатора, числом в 6 000 человек. Причину такого исхода сражения объяснил Страбон, он заявил, что «любая варварская народность и толпа легковооруженных людей бессильны перед правильно построенной и хорошо вооруженной фалангой» (*География*, VII, III, 17). Об этом событии сообщает и такой эпиграфический памятник, как декрет в честь Диофанта, хранящийся в Эрмитаже.

Сарматы принимали участие в борьбе понтийского царя Митридата VI Евпатора (120–63 гг. до н.э.) против Рима. Посол Митридата Пелопид в речи, обращенной к римлянам, отмечал, что Митридат «имеет много друзей, готовых на все, что только он прикажет, – скифов, тавров, бастарнов, фракийцев, сарматов и всех вокруг Танаиса и Истра и еще Меотийского озера». Упоминается также передовой отряд савроматов, участвовавший на стороне Митридата в столкновениях с римлянами (*Аппиан. Митридатовы войны*, 15, 19). Понятно, что в это время под савроматами имелись в виду сарматы. На заключительном этапе этого противостояния, так называемой третьей войны, Митридат, теснимый Помпеем, вынужден был через Колхиду уйти на Боспор, где тогда правил его сын Махар. Он стал вынашивать план похода на Рим, обогнув с севера Черное море и через Альпы, подобно Ганнибалу вторгнуться в Италию. Он пытался привлечь на свою сторону варварское население Северного Причерноморья, в том числе и в

«области Меотиде», выдавал за местных могущественных предводителей, среди которых несомненно были и сарматские вожди, своих дочерей (*Аппиан. Митридатовы войны*, 102, 109). Затея Митридата, как известно, не была реализована, а сам он покончил с собой.

Интересные сведения, относящиеся ко времени правления на Боспоре Фарнака (63–47 гг. до н.э.), одного из сыновей Митридата VI Евпатора, приводит Страбон. В них речь идет о представлении кочевническими объединениями, соседями Боспора, значительных воинских контингентов. Это мероприятие, как полагают исследователи, осуществлялось в связи с желанием Фарнака вернуть потерянное отцом царство. По данным Страбона, «Абеак, царь сираков, выставил 20 000 всадников, Спадин же, царь аорсов, даже 200 000; однако верхние аорсы выставили еще больше, так как они занимают более обширную область, владея почти что большей частью побережья Каспийского моря» (*География*, XI, V, 8).

Как известно, Фарнаку в достижении задуманного сначала сопутствовал успех, «так как римляне были тогда заняты собственными делами», он нанес поражение одной из римских армий и захватил значительную часть Малой Азии. Однако в 47 г. до н.э. при Зеле Фарнак потерпел сокрушительное поражение, нанесенное ему Цезарем (*Дион Кассий. Римская история*, XLII, 9, 45–48).

Приведенные факты свидетельствуют о возрастающей роли сарматских объединений в политической истории на северо-восточных границах античного мира.

Глава 4. СРЕДНЕСАРМАТСКИЙ ПЕРИОД

4.1. Выделение среднесарматской культуры

Я коснусь основных моментов, непосредственно связанных с выделением среднесарматской культуры. На раннем этапе накопления материала по сарматам и его изучения ведущую роль играло Нижнее Поволжье. Важное значение в этом отношении имели раскопки здесь Суловского курганного могильника, которые в 1924 и 1926 гг. осуществил П.С. Рыков (Рыков, 1925). Погребальные памятники, относимые в настоящее время к среднесарматской культуре, были выделены П.Д. Рау в 1927 г. и включены им в Stufe A своей периодизации, или раннеримскую стадию, он датировал ее с конца I в. до н.э. по конец II в. н.э. Характерными чертами погребального обряда этой стадии он считал южную или юго-западную ориентировку погребенных (последняя в большей мере была типична для четырехугольных ям); посыпку дна могил мелом или известью; наличие костей передних ног барана с лопаткой в качестве заупокойной пищи. Из находок вещей наиболее типичными являлись мечи или кинжалы с кольцевым навершием, железные трехлопастные черешковые наконечники стрел, пряслица яйцевидной формы, алебастровые сосудики, бронзовые зеркала с валиком по краю диска, в том числе и с конусообразным выступом в центре диска, цилиндрические курительницы и различных типов глиняная посуда (Рау, 1927, S. 64–68, 110).

Следующий этап в изучении среднесарматской культуры связан с именем К.Ф. Смирнова, который в 1945 г. защитил кандидатскую диссертацию, посвященную сарматским памятникам Поволжья и Южного Приуралья. В опубликованном автореферате он использует термин «среднесарматская стадия». Основываясь на материалах Кубани, К.Ф. Смирнов предложил другую датировку памятников этой стадии, отнеся ее начало к концу II – началу I в. до н.э., а завершение – к началу II в. н.э. Им были определены пять основных типов конструкций могильных ям этой стадии, особо отмечалось наличие квадратных ям с диагональным положением погребенных, которые, по его мнению, отражали старую традицию савроматского времени и были наиболее распространены в Поволжье. К.Ф. Смирнов обратил внимание на усиление индивидуализации среднесарматских захоронений, когда могилы сооружались под отдельной курганной насыпью, в отличие от предыдущего времени, когда преобладали впускные захоронения. В материальной культуре среднесарматской стадии К.Ф. Смирнов отмечал усиление влияния античных центров Северного Причерноморья и культурных традиций Средней Азии. Анализируя три стадии сарматской культуры по материалам, которыми он тогда располагал, К.Ф. Смирнов пришел к выводу о наличии преемственности между ними в материальной культуре, и особенно в погребальном обряде. Не исключал он и периодические миграции в Волго-Уральский регион кочевого населения из «сибирских и среднеазиатских степей» (Смирнов, 1947, с. 75–81).

В уже много раз упоминавшейся статье Б.Н. Гракова, в которой подводился итог изучения савромато-сарматских памятников на середину прошлого века и обосновывалась их четырехчленная периодизация, среднесарматские памятники были отнесены им к III ступени, названной сарматской или суловской культурой (Граков, 1947, с. 100–121). Он принял дату, которую ранее определил для этой культуры

К.Ф. Смирнов – с конца II в. до н.э. по начало II в. н.э. (Скрипкин, 2008, с. 22, 23). Б.Н. Граков обратил внимание на неравномерное распределение памятников этой культуры. Они значительно преобладали в Поволжье и гораздо меньше были известны в «куйбышевско-чкаловских степях». Он также отмечал наличие преемственности всех сарматских культур. Эта периодизационная схема является господствующей и в настоящее время. Долгое время периодизация и даты, предложенные Б.Н. Граковым для отдельных сарматских культур, не подвергались сомнению.

Собственно, перечисленными работами указанных авторов было завершено выделение среднесарматской культуры и определена ее позиция в общей периодизационной схеме сарматских культур.

4.2. Формирование среднесарматской культуры. Культурные новации. Проблемы хронологии

Дальнейшее накопление археологического материала приводило исследователей к необходимости уточнения ряда характеристик этой культуры как в материальной культуре, так и погребальном обряде, в определении общей ее даты. Актуальными были вопросы выявления тех компонентов, на основе которых происходило формирование среднесарматской культуры, определение ее этнополитического статуса.

Чтобы детальней выявить специфику формирования этой культуры, необходимо, на мой взгляд, провести сравнение ее с предшествующей раннесарматской культурой. Удобнее всего такую работу выполнить на материалах преимущественно Волго-Донского и Южно-Уральского регионов, собственно на которых в свое время и была выделена среднесарматская культура. Кроме того, совокупность памятников ранне- и среднесарматского времени этой территории уже подвергалась статистической обработке по достаточно представительной шкале признаков.

Выборки по обеим культурам вполне репрезентативные, они представлены по раннесарматской культуре 750 комплексами и по среднесарматской – 874 (Статистическая обработка ..., 1997; Статистическая обработка ..., 2002). Для раннесарматской культуры взяты в основном данные по заключительному ее этапу. Я использовал из указанных изданий таблицы, в которых значимость того или иного признака, характеризующего погребальный обряд ранне- и среднесарматской культур, выражена в процентах.

Процентные показатели свидетельствуют о сходстве двух культур по достаточно большому количеству признаков. Практически все типы могильных ям известны как в той, так и в другой культуре. Если привести суммарный показатель для прямоугольных ям, включая узкие, средние и широкие, то он будет весьма близок для обеих культур: для раннесарматской культуры – 33,3 %, для среднесарматской – 39,8 %. Данный тип ям является самым распространенным в этих культурах; второе место занимают подбойные ямы: 24,2 % и 16,3 % соответственно. Равно соотношение ям с заплечиками: 3,6 % и 3,5 %.

Близка в этих культурах тенденция распределения ориентировок погребенных: преобладающим является положение головой на юг при значительных показателях для юго-западной и юго-восточной ориентировок, суммарный их процент для раннесарматской культуры равен 74,1 %, а для среднесарматской – 68,3 %.

Существенно не различаются позы погребенных, расположения их рук и ног. Для устройства ложа погребенного наиболее характерным для обеих культур является сооружение подстилок из органических материалов. В погребениях той и другой культур встречаются практически одни и те же ритуальные вещества и предметы. В качестве сопровождающей пищи наиболее типичным было положение с погребенным передней ноги овцы.

Имелись между ранне- и среднесарматской культурами и существенные различия. Для среднесарматского времени характерно значительное преобладание основных погребений под индивидуальной курганной насыпью. Для Южного Урала, Заволжья и междуречья Волги и Дона их процент составляет 77,2, в то время как для завершающего этапа раннесарматской культуры он равен 3,4. Подавляющее большинство раннесарматских погребений оказались впущенными в курганы эпохи бронзы, причем эти курганы использовались для многократного захоронения. Количество раннесарматских погребений от 3 до 9 в них составляет 45,7 %, а 10 и более – 38,6 %. Достаточно часто погребения этого времени сооружались в насыпях курганов без фиксации формы могильной ямы.

Выше уже говорилось о сходстве конструкций погребальных ям рассматриваемых культур, однако следует указать на одно исключение. Для среднесарматской культуры характерно наличие квадратных ям (15,9 %) с диагональным положением в них погребенных, практически отсутствующих на завершающем этапе раннесарматской культуры.

В раннесарматское время гораздо чаще погребали в гробах (11,5 %), чем в среднесарматское время (3,6 %). При общем сходстве находок в погребениях обеих культур ритуальных веществ и предметов в раннесарматских комплексах чаще встречается реальгар и кусочки мела, в среднесарматских – угольки или зола, посыпка дна могилы мелом, алебастровые сосудики.

По мере исследования сарматских древностей были определены наиболее типичные категории вещевого материала для обеих рассматриваемых сарматских культур. Для сложившейся раннесарматской культуры таковыми являются мечи и кинжалы с серповидным навершием; бронзовые зеркала с валиком по краю диска и клинообразным штырем для насадки ручки (часто такие зеркала в погребениях обнаруживаются во фрагментах); лепные сосуды закрытых форм, украшенные по тулову вертикальными пучками линий; длинные полированные костяные проколки; костяные оправы гребней, украшенные зооморфными изображениями.

Для среднесарматской культуры определяющими являются мечи и кинжалы с кольцевым навершием; бронзовые зеркала с валиком по краю диска, штырем для оформления ручки и конической или овальной выпуклостью в центре диска; алебастровые миниатюрные сосудики; в керамическом комплексе – преобладание разнообразных кувшинных форм, появление мисок, происходящих из производственных центров Нижнего Дона и Северного Кавказа (рис. 36); бронзовые котлы с носиками-сливами и зооморфными ручками (рис. 37); значительное увеличение римско-италийской импортной посуды (рис. 38). Выявлена серия высокохудожественных сосудов и чаш, изготовленных из серебра, в ряде случаев с позолотой отдельных их деталей, являющихся восточным импортом (рис. 39).

К среднесарматскому времени относится серия богатых курганных захоронений, принадлежащих кочевой знати. Они, как правило, сооружались в широких прямоугольных ямах. Большинство из них оказались ограбленными, но и оставшийся вещевой материал свидетельствовал о роскоши данных захоронений. Находки из этих погребений представлены дорогой бронзовой, серебряной или золотой посудой римского или восточного происхождения; дорогой конской упряжью и клинковым оружием; золотыми украшениями; предметами, являющимися символами власти (диадемы, гривны); дорогой одеждой, украшенной нашитыми золотыми бляшками, и другими престижными вещами. Некоторые из них являлись образцами высокохудожественного искусства, выполненными в полихромном зверином стиле. Это такие погребальные комплексы, как Косика, погр. 2 (Бэровский бугор), Жутово (кург. 28), Бердия (кург. 3), Октябрьский V (кург. 1) – в Нижнем Поволжье; «Хохлач», Садовый, Дачи, Кобяково (кург. 10) – на Нижнем Дону; Соколова могила, Пороги – в Северном Причерноморье. Следует отметить, что такие захоронения и с таким набором вещей не были известны в сарматских памятниках II–I вв. до н.э.

Рис. 36. Волго-Донской регион. Вещи из погребений среднесарматской культуры:

1-7 - глиняные кувшины; 8, 9 - глиняные миски; 10 - алебастровый сосудик;
 11 - глиняные курильницы; 12-16 - бронзовые зеркала; 17 - железные наконечники стрел;
 18, 19 - железные мечи; 20 - фибулы; 21 - бусы

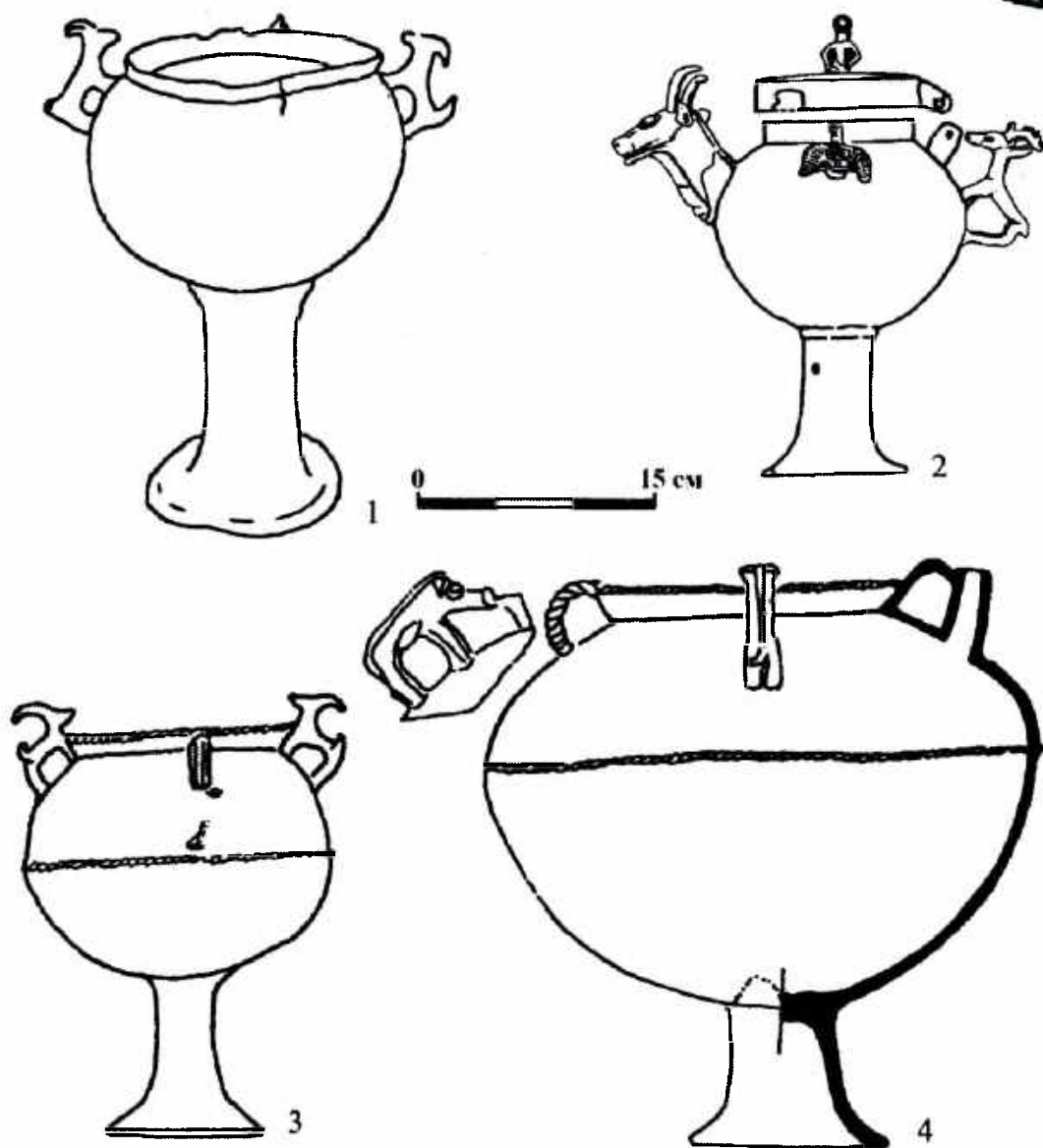

Рис. 37. Бронзовые котлы среднесарматского времени со сливами и зооморфными элементами:

1 – с. Киляковка; 2 – район реки Кальмиус; 3 – Соколовский, к. 3; 4 – с. Бердия

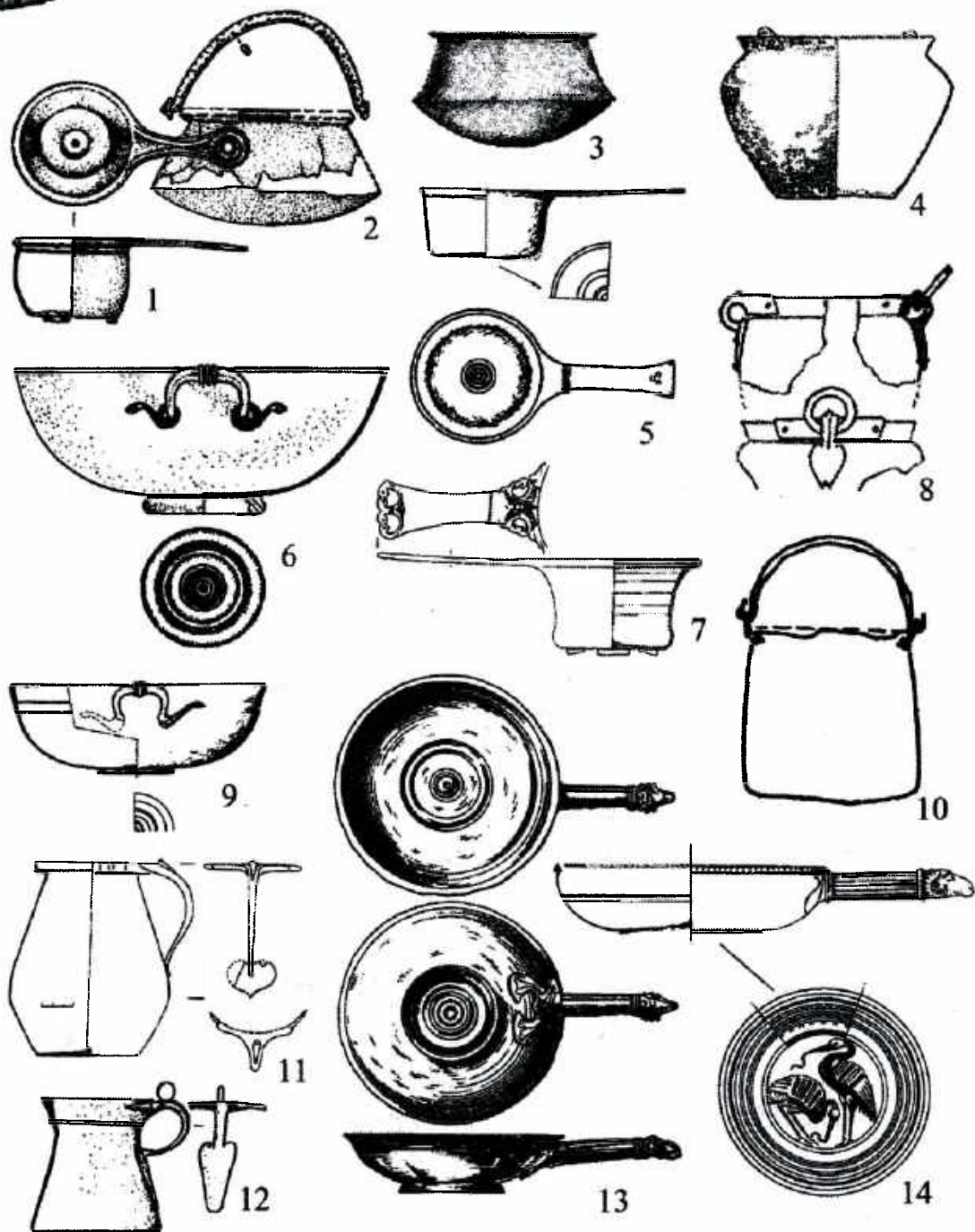

Рис. 38. Волго-Донской регион. Среднесарматская культура. Провинциальный римский импорт (по: Сергацков, 2006, с. 54, рис. 2)

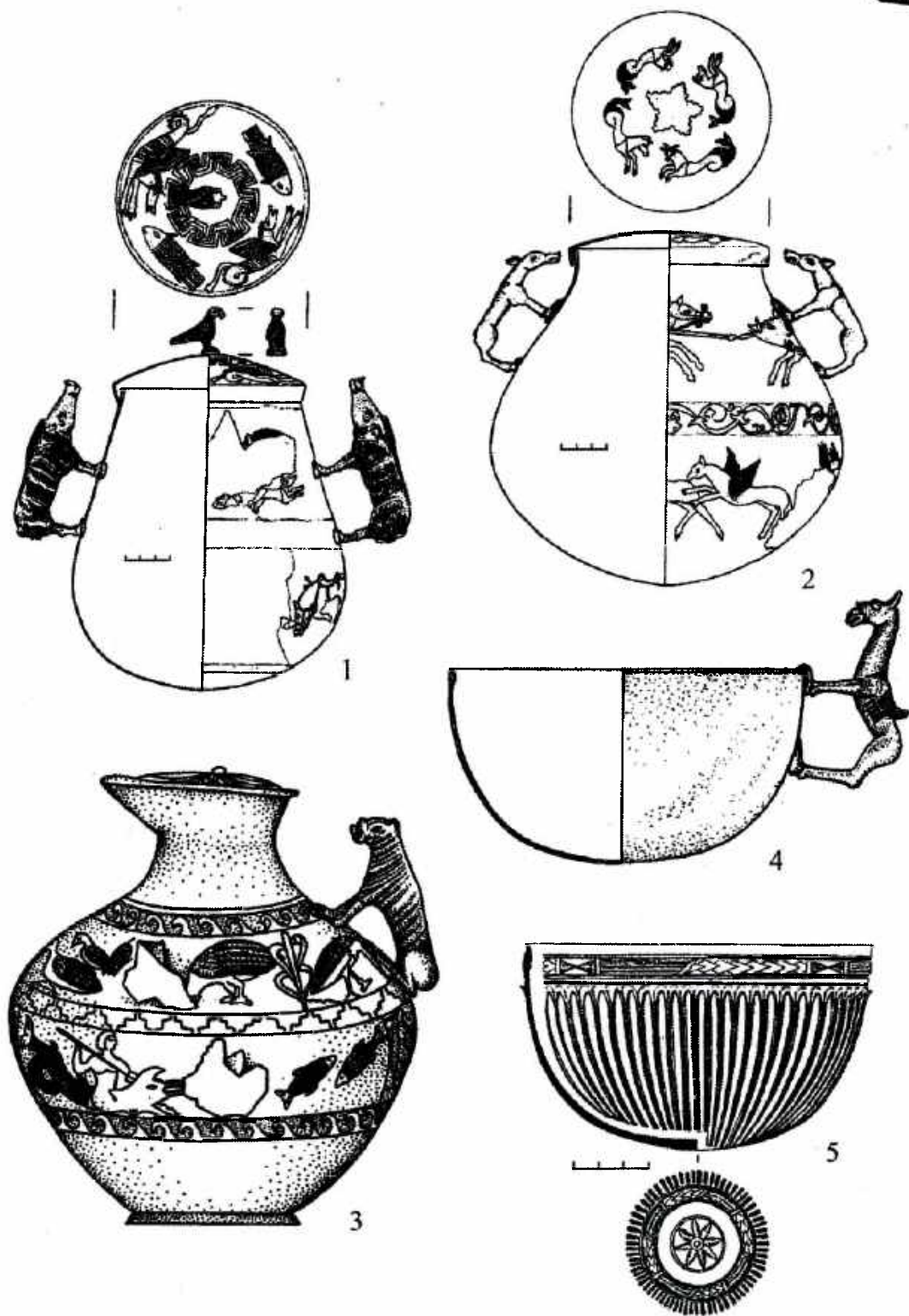

Рис. 39. Среднесарматская культура. Волго-Донской регион. Серебряные сосуды и чаши. Восточный импорт:

- 1 - Косика; 2 - Вербовский I; 3 - Высочино VII; 4 - Бердия, к. 3, п. 1;
5 - Октябрьский V, к. 1

В среднесарматских памятниках мы практически не находим каких-либо типов вещей, известных в раннесарматских комплексах IV и III вв. до н.э. Ситуация несколько меняется на заключительном этапе раннесарматской культуры. Именно в это время появляются новые типы оружия: мечи и кинжалы с кольцевым навершием; длинные мечи с узким лезвием с ромбовидным коротким перекрестием и рукоятью без металлического навершия; бронзовые зеркала с валиком по краю диска и выпуклостью в его центре, а также плоские дисковидные зеркала; подвязные фибулы. Перечисленные типы вещей продолжают существовать в среднесарматское время и даже получают широкое распространение, превращаясь в ведущие типы этой культуры. К этим категориям находок можно добавить появление на заключительном этапе раннесарматской культуры среди глиняной посуды кувшинных форм и увеличение такого типа посуды в среднесарматское время.

Таким образом, во II–I вв. до н.э. в материальной культуре сарматов мы констатируем сосуществование вещей, типичных для раннесарматской культуры, с новыми типами вещей, ставшими наиболее характерными для среднесарматской культуры. В связи с этим возникает вопрос, следует ли рассматривать эту ситуацию как зарождение и постепенное нарастание элементов среднесарматской культуры со II–I вв. до н.э.

Для того чтобы как-то разобраться в этом вопросе, следует выяснить, в каком археологическом контексте встречаются те вещи, которые появляются во II–I вв. до н.э. и получают широкое распространение в I в. н.э. Обратимся к ранним находкам мечей с кольцевым навершием. Во многих случаях ранний возраст таких мечей документируется их совместными находками с мечами или кинжалами с серповидным навершием. Таких находок в настоящее время мне известно около полутора десятков, причем в ряде случаев комплексы, в которых они найдены, имеют достаточно обоснованные датировки. Так, например, в погребении 14 из кургана 1 могильника Петрунино II, располагавшегося на левом берегу Иловли, левом притоке Дона, вместе с длинным мечом с кольцевым навершием и кинжалом с серповидным навершием была обнаружена ажурная бронзовая пряжка с изображением нападения хищника кошачьей породы на верблюда. Здесь же найден фрагмент большого бронзового зеркала с валиком по краю диска (Сергацков, 2000, с. 40, 41, рис. 44). Как уже отмечалось выше, бронзовые пряжки указанного вида одна из достаточно распространенных находок в сарматских памятниках II–I вв. до н.э. В этом же кургане, сооружение которого относится к эпохе бронзы, было обнаружено семь сарматских погребений, видимо, близких по времени. Скорее всего, курган использовался как кладбище одной группой сарматов. В погребении 9 этого кургана типичные находки раннесарматской культуры: кинжал с серповидным навершием, большое бронзовое зеркало с валиком по краю диска и штырем для ручки, длинная полированная проколка с выступом в верхней части и отверстием в нем, лепной горшок, орнаментированный по тулову пучками вертикальных полос, найдены вместе с ранним вариантом лучковой фибулы (Сергацков, 2000, с. 38, 39). В этом же кургане в погребении 13 находился еще один длинный меч с кольцевым навершием вместе с кинжалом, тип которого в силу плохой сохранности не удалось выяснить, скорее всего, он мог иметь серповидное навершие. По нашим наблюдениям, с кинжалами с серповидным навершием чаще встречаются именно длинные мечи с кольцевым навершием.

Другой пример – погребение 12 из кургана 3 могильника Рыбный, располагавшегося в Заволжье Волгоградской области. Здесь, в деревянной колоде, вместе с погребенным найдены также длинный меч с кольцевым навершием и кинжал с серповидным навершием, пучок железных трехлопастных черешковых наконечников стрел с длинными черешками, два лепных горшка и фрагмент железной фибулы среднелатенской схемы со скрепкой (рис. 34). Судя по фибуле, это погребение

не древнее середины II в. до н.э. В этом же кургане, возведенном в эпоху бронзы, находилось еще 12 сарматских погребений, располагавшихся вокруг центра кургана, не нарушая друг друга, что предполагает их относительную одновременность. Большинство из них сопровождалось типичным для раннесарматской культуры инвентарем: кинжалом с серповидным навершием; фрагментами зеркал с валиком по краю диска; лепными горшками, украшенными по тулову пучками вертикальных линий (Скрипкин, 1990а, с. 111, 112).

Такая же картина наблюдается и в других курганах, где были обнаружены погребения, в которых вместе находились рассматриваемые типы мечей. Так, в кургане 19 у с. Политотдельское Волгоградской области, сооруженном в эпоху бронзы, где в погребении 26 находились длинный меч с кольцевым навершием и кинжал с серповидным навершием, открыто еще семь погребений того же времени с вещевым материалом раннесарматской культуры (Смирнов, 1959, с. 275–287). А в кургане 19 Калиновского могильника вместе с погребением 17 с таким же набором клинкового оружия находилось 21 сарматское погребение. Не все они могут достаточно точно датироваться, однако большая их часть по характеру обнаруженных в них находках синхронна погребению с мечами (Шилов, 1959, с. 370–378). И все остальные погребения с таким набором мечей были впускными, как правило, в курганы эпохи бронзы, и сопровождалось другими близкими по времени сарматскими погребениями, что не характерно для захоронений среднесарматской культуры.

Рассмотрим еще одну категорию находок – бронзовые зеркала, которые появляются в сарматских погребениях II–I вв. до н.э. и достаточно широко становятся известными в первые века нашей эры. Это в первую очередь зеркала с валиком по краю диска, клинообразным штырем для насадки ручки и конической или овальной выпуклостью в центре диска (рис. 23, 26). Существовавшее ранее мнение о том, что эти зеркала появляются у сарматов с начала нашей эры (Хазанов, 1963, с. 64, 65; Скрипкин, 1990б, с. 172), следует несколько скорректировать. Одна из ранних находок такого типа зеркал происходит из хорошо датированного погребения 2 из кургана 6 могильника Писаревка II Иловлинского района Волгоградской области. Здесь в неординарной впускной могильной яме длиной 5,37 м и шириной 0,98 м, в которой друг за другом располагались две деревянные колоды, погребенные в них были ориентированы головами к северу. В одной из колод вместе с зеркалом рассматриваемого типа была обнаружена бронзовая ажурная пряжка со сценой борьбы животных; здесь же находилась лучковая фибула одного из наиболее ранних вариантов, а также железный кинжал, имевший ножны, от которых сохранилась обивка из золотой фольги. Навершие меча не сохранилось. Судя по форме клиновидного лезвия и оформлению ножен золотой фольгой, кинжал, скорее всего, имел серповидное навершие (Мамонтов, 2002, с. 252–256). Если это так, то тогда это первый случай, известный мне, когда в одном погребении найдены зеркало с умбоном и кинжал с серповидным навершием. По пряжке и фибуле погребение 2 должно бесспорно датироваться временем до нашей эры. Северная ориентировка погребенного включает этот комплекс в число раннесарматских так называемых североориентированных погребений II–I вв. до н.э., достаточно хорошо представленных на Нижнем Дону и в Северном Причерноморье (Глебов, 1993, с. 22–24; Симоненко, 1993, с. 7–29).

Другое аналогичного типа зеркало было найдено в погребении 9 из кургана 8 у с. Заплавное на Ахтубе в Волгоградской области. Вместе с зеркалом в этом погребении находилась фрагментированная костяная оправа гребня, концы которой заканчивались изображениями головок животного, напоминающего лошадь. Такие детали гребней весьма характерны для погребального инвентаря раннесарматской культуры. Всего в кургане 8 находилось девять сарматских погребений, близких между собой по времени их сооружения (Шилов, 1958, с. 64–71).

Видимо, этого же типа зеркало было обнаружено в погребении 8 из кургана 30/6 у хут. Попов на Дону. Зеркало имело валик по краю диска и коническую выпуклость в его центре, ручка у него была отбита. Погребенная женщина была помещена в деревянное гробовище, вместе с ней находился глиняный лепной кувшин с петлевидной ручкой – тип, известный по многочисленным находкам в погребениях заключительного этапа раннесарматской культуры. Кроме погребения 8, в кургане находилось еще семь реннесарматских погребений, судя по материалу, близких по времени сооружения погребению 8. Все они были впускными в курган эпохи бронзы (Столяр, 1958, с. 353–375).

Небольшие плоские бронзовые зеркала без ручек диаметром от 5 до 9 см, которых в свое время в пределах Азиатской Сарматии мной было учтено более шестидесяти, также появляются первоначально в погребениях завершающего этапа раннесарматской культуры и наиболее широко распространяются, видимо, в I в. н.э. (Скрипкин, 1990б, с. 93, 153).

Даже этот небольшой перечень типов вещей (мечи с кольцевым навершием и вышеназванные зеркала) показывает, что ранние их находки происходят из комплексов по погребальному обряду типично раннесарматских. В подавляющем своем большинстве они являлись впускными в курганы эпохи бронзы и сопровождалась большим числом близких по времени других сарматских погребений, в которых часты находки мечей с серповидным навершием, фрагментов бронзовых зеркал с валиком по краю диска, лепной керамики, украшенной по тулову вертикальными пучками линий, положение погребенных в гробовища или колоды. Все это не соответствует основной тенденции развития погребальной обрядности среднесарматской культуры, для которой в большей степени характерно сооружение погребений под индивидуальной курганной насыпью и во многом другой сопровождающий набор погребального инвентаря.

На основании вышеизложенного мы не можем утверждать, что уже во II–I вв. до н.э. в Волго-Донском регионе начинает формироваться в рамках единого процесса новая культура с постепенным нарастанием характерных для нее признаков. Речь идет, скорее всего, о разнонаправленных культурных импульсах, проявившихся в первую очередь в появлении у сарматов указанного региона новых типов вещей, которые не оказали существенного влияния на культурные традиции, идеологическую и религиозную практику сарматского населения. Культура – явление многоаспектное, существенной ее составляющей является мировоззренческий аспект. В нашем случае он может фиксироваться только на основании погребального обряда, который в течение II–I вв. до н.э. не претерпевает существенных изменений, сохраняя основные элементы культуры предшествующего периода. Появление у сарматов II–I вв. до н.э. мечей с кольцевым навершием, бронзовых зеркал с умбоном в центре диска связано с миграцией части кочевников с восточных территорий; распространение гончарной керамики кувшинных форм находит объяснение в установлении сарматами более тесных контактов с северокавказскими производственными центрами; появление фибул в сарматских памятниках рассматриваемого времени, которые получают широкое распространение в первые века нашей эры, – это влияние римской провинциальной культуры при посредстве северопричерноморских центров.

Актуальным для рассматриваемой проблемы является определение времени оформления среднесарматской культуры, начала преобладания тех черт в погребальном обряде и материальной культуре, которые ее характеризуют. По этому вопросу у исследователей имеются существенные разногласия. Не вдаваясь глубоко в историографию данной проблемы, отмечу лишь основные ее моменты.

В 1984 г. на конференции, посвященной 100-летию со дня рождения П.С. Рыкова, проходившей в Саратове, я впервые в докладе выступил с идеей о возможном изменении дат окончания раннесарматской и начала среднесарматской культур, отнеся это событие к рубежу эр (Скрипкин, 1989, с. 155, 156). Позже эта идея

получила более подробное обоснование в монографическом исследовании (Скрипкин, 1990б). Ранее хронологическую границу между этими культурами относили к концу II в. до н.э. (Граков, 1947, с. 105), а среднесарматская культура традиционно датировалась преимущественно I в. до н.э. – I в. н.э. Несколько позже на материалах Нижнего Дона ростовскими археологами, сперва А.В. Захаровым, а затем и В.П. Глебовым, были выделены раннесарматские памятники II–I вв. до н.э. (Захаров, 1988, с. 17, 18; Глебов, 1993, с. 22–24). В связи с находками в конце 80-х гг. прошлого века на Иловле в раннесарматских погребениях лучковых фибул И.В. Сергацков заявил о возможности отодвинуть верхнюю границу раннесарматской культуры «до рубежа н.э. или даже в первую половину I в. н.э.». Причем предположительно он считал, что начало I в. н.э. могло быть переходным периодом, характеризующимся сосуществованием ранне- и среднесарматской культур (Сергацков, 1995, с. 148–157).

В это время другую позицию отстаивала М.Г. Мошкова: она считала, что археологический комплекс среднесарматской культуры со II в. до н.э. начинает формироваться в рамках еще раннесарматской культуры и, «таким образом, I в. до н.э., во всяком случае, его вторую половину, нельзя исключать из периода существования среднесарматской культуры». Причем районами формирования среднесарматской культуры, по мнению М.Г. Мошковой, были районы левобережья Волги и Волго-Донского междуречья (Мошкова, 1989в, с. 36–43).

В.Е. Максименко, основываясь на нижнедонских материалах, считал, что среднесарматская культура является дальнейшим развитием раннесарматской и, отмечая сложность выделения памятников I в. до н.э., все же полагал, что в комплексах II–I вв. до н.э. явно преобладают черты раннесарматской (прохоровской) культуры и что более определенно можно говорить о становлении среднесарматской культуры в I – начале II в. н.э. (Максименко, 1990, с. 27, 28). В более поздней своей работе он изменил свою точку зрения на хронологическое соотношение этих двух культур. В рамках среднесарматской культуры Нижнего Дона он выделил две хронологические группы: I в. до н.э. – первая половина I в. н.э. и вторая половина I в. – первая половина II в. н.э. Причем в первую группу им включено 151 погребение, а во вторую – 108 (Максименко, 1998, с. 87). К сожалению, В.Е. Максименко не указал, на основе каких материалов произведено выделение двух хронологических групп среднесарматской культуры, не привел он и перечня памятников, составляющих их, указав только их общее количество. Нет в его работе и критики других версий, касающихся хронологического соотношения ранне- и среднесарматской культур, в том числе и ростовских коллег, придерживающихся другой точки зрения на данную проблему.

В вопросе, к какому же времени относить разграничение ранне- и среднесарматской культур, ранее не было единого мнения, да и сейчас он в определенной мере является дискуссионным. Это хорошо проиллюстрировала одна из прошедших крупных конференций, специально посвященных проблемам хронологии и периодизации сарматских памятников разных регионов, состоявшаяся в Анапе в мае 2004 года. В Южном Зауралье стадия D по А.Д. Таирову, являющаяся заключительным этапом прохоровской культуры и весьма слабо представленная памятниками, датируется им III–II или III – серединой II вв. до н.э. По материалам Южного Приуралья М.Г. Мошкова полагает, что складывание среднесарматского комплекса начинается с рубежа II–I вв. до н.э., а завершается к середине или к последней трети I в. до н.э. Я и мой соавтор В.М. Клепиков датировали заключительный этап раннесарматской культуры в Нижнем Поволжье II–I или серединой II–I вв. до н.э., бытование среднесарматской культуры было отнесено к первым векам нашей эры. Для среднесарматской культуры того же района И.В. Сергацков считал приемлемой датой: I – первая половина II в. н.э., с сохранением традиций раннесарматской культуры в начале I в. н.э. А.П. Медведев по материалам Среднего Дона датировал

раннесарматский этап II–I вв. до н.э., среднесарматский – I – началом II в. н.э. Для Нижнего Дона В.П. Глебов выделяет два периода в развитии среднесарматской культуры: «вторая половина (возможно, ближе к последним десятилетиям) I в. до н.э. – 30–50 гг. I в. н.э.» и «30–50 гг. I – середина II в. н.э.». Ранний этап рассматривается им как переходный, сохраняющий традиции раннесарматской культуры. В Северном Причерноморье А.В. Симоненко для сарматских памятников со II в. до н.э. по IV в. н.э. выделяет два хронологических периода. Первый период, датирующийся II в. до н.э. – серединой II в. н.э., включает раннесарматский и среднесарматский периоды традиционной периодизации. С I в. н.э. здесь памятники с чертами раннесарматской и среднесарматской культуры существовали до конца общего периода (Сарматские культуры Евразии ..., 2004).

Разница в датировках по разной терминологии двух сарматских культур или периодов в определенной мере связана со спецификой обитания различных сарматских группировок в названных выше районах. Естественно, что не может быть общих дат для отдельных сарматских культур от Южного Зауралья до Дуная. С другой стороны, есть разногласия по сарматской периодизации и для локально ограниченных районов, в этом случае сказывается разница в подходах исследователей к данной проблеме, в понимании и толковании ими процессов формирования и развития сарматских культур.

Появление новых типов вещей, ставших впоследствии определяющими для среднесарматской культуры, не дает ответа на вопрос: когда же происходит ее окончательное оформление? Границей между ранне- и среднесарматской культурами должны являться изменения в погребальном обряде, но эти события во времени четко не могут быть обозначены. Поскольку, например, наряду с появлением погребений под индивидуальными курганными насыпями (признак, характеризующий среднесарматскую культуру), известен ряд курганных могильников, в которых переход от раннесарматской культуры к среднесарматской не ознаменовался переходом к погребениям с индивидуальными насыпями. Это, например, Калиновский курганный могильник (Шилов, 1959) или Первомайский, группа VII (Мамонтов, 2000), в которых комплексы могут быть разграничены по времени только на основании анализа сопровождающего материала.

Видимо, о среднесарматской культуре, как сложившемся стереотипе, следует все же говорить с момента появления отдельных курганных могильников с индивидуальными погребениями, таких как, например, Сусловский курганный могильник (Рыков, 1925), курганные могильники Кузин хутор (Шилов, раскопки 1962 г.), или значительных скоплений среднесарматских курганов с индивидуальными захоронениями в пределах могильников с более ранними погребениями, к которым можно отнести, например, курганные могильники Бережновка II (Синицын, 1960, с. 10–168), Барановка I (Сергацков, 2000).

С появлением такого рода могильников связано широкое распространение диагональных погребений. Не случайно раньше среднесарматскую культуру именовали культурой «диагональных погребений» (Смирнов, 1947, с. 81). Так, в Суловском курганном могильнике – эпонимном памятнике среднесарматской культуры (суловская культура) из 36 погребений, относящихся к этой культуре, 15 сооружены в квадратных ямах с положением погребенных по диагонали, занимая первое место среди других типов погребальных конструкций. Материалы Суловского курганного могильника не дают каких-либо оснований датировать его среднесарматские комплексы временем до начала нашей эры (Скрипкин, 1998, с. 110). То же самое можно сказать и о времени большинства других могильников с компактным нахождением в них среднесарматских погребений под индивидуальными насыпями, в состав которых входят и диагональные погребения.

В свое время было высказано мнение о том, что одним из наиболее ранних среднесарматских памятников является курганный могильник Шаумяна в Ростов-

ской области, включающий погребения в широких прямоугольных ямах, материалы которых дают возможность отнести начало их сооружения, по крайней мере, к последней четверти I в. до н.э. (Глебов, 2000, с. 178–181). Правда, возможность датировки погребений могильника Шаумяна по импортным изделиям непременно временем ранее рубежа эр была уже оспорена (Сергацков, 2004, с. 111). К сожалению, все эти погребения оказались ограбленными и материал, происходящий из них, весьма фрагментарен, что не дает возможности полностью установить как погребальный обряд, так и характер вещевого материала в них. На Нижнем Дону, в частности по левому его притоку Есауловскому Аксаю, известны погребения в широких прямоугольных ямах, иногда с нишами-тайниками под индивидуальными курганными насыпями с материковым выкидом вокруг них (могильники Терновский, колхоз «Светлый Путь», хут. Чиков), отдельные из которых автор раскопок В.П. Шилов датировал I в. до н.э. – I в. н.э. и даже II в. до н.э. (Шилов, 1983а, 185–189; 1983б, с. 44, 45). Все они в той или иной мере также оказались ограбленными. Находки из них, особенно часто встречаемые золотые нашивные бляшки и некоторые другие изделия из золота, свидетельствуют о принадлежности этих погребений сарматской знати. Там, где удалось установить, погребенные были положены по длинной оси ям. В одном из таких погребений (Терновский, кург. 7, погр. 1) был найден фрагментированный меч с серповидным навершием, что позволяет отнести его сооружение к времени до нашей эры, поскольку находки такого типа оружия в сарматских комплексах после рубежа эр неизвестны.

Следует ли такие погребения непременно относить к среднесарматской культуре лишь на том основании, что они сооружены под индивидуальной насыпью в широких прямоугольных ямах и, видимо, с положением погребенных по оси ямы. Ведь не все раннесарматские погребения являются исключительно впускными в насыпи более ранних курганов. В частности, наибольший процент основных раннесарматских погребений III–I вв. до н.э. дает Нижний Дон (13,2 %) (Скрипкин, 1997а, с. 179, табл. 1). Возможно, наличие погребений в широких прямоугольных ямах под индивидуальными насыпями, отдельные из которых могут датироваться временем до рубежа эр, является локальной особенностью Нижнего Дона. К тому же следует иметь в виду, что эти захоронения принадлежали элите сарматского общества, погребения которой в разные периоды совершали преимущественно под индивидуальными насыпями. Приходится все же сожалеть, что мы не имеем полной картины по данным памятникам.

К началу среднесарматской культуры относят полностью сохранившееся погребение из Алитубского кургана 26 в Ростовской области. Одни авторы, на основании обнаруженных в нем монет боспорской царицы Динамии, считают возможным датировать его самым концом I в. до н.э. или рубежом эр (Засецкая, Ильюков, Косяненко, 1999, с. 51–60), другие – началом I в. н.э. (Глебов, 2000, с. 179). Это погребение весьма специфично, оно сооружено в широкой практически квадратной формы яме, женский костяк располагался в ней по оси ямы (подчеркнем – не по ее диагонали), головой на юг. К одному из углов ямы примыкал «узкий прямоугольный крутой спуск в виде коридора», что напоминает ямы дромосной конструкции, известные также на Нижнем Дону, но только в более раннее время. По вещевому набору данное погребение ближе среднесарматской культуре. В принципе, я согласен с В.П. Глебовым, что этот погребальный комплекс следует датировать началом I в. н.э.

Обратимся все же к диагональным погребениям, которые являются своеобразной визитной карточкой среднесарматской культуры. Они при общем подсчете хотя и не преобладают в количественном отношении по сравнению с другими погребальными конструкциями в памятниках данной культуры, но, как уже указывалось, в отдельных могильниках составляют существенный процент. Актуальным является вопрос об истоках этого обряда в среднесарматской культуре. В настоящее время

очевидно, что этот обряд зарождается в среде кочевого населения Южного Приуралья еще в савроматское время. Большая часть ранних диагональных погребений (конца VI – IV – рубежа IV–III вв. до н.э.) сосредоточена в Орско-Уральском междуречье. Мне здесь, по неполным данным, известно 20 таких погребений, преимущественно тяготеющих к бассейну Илека. В IV в. до н.э. диагональные погребения из Южного Приуралья начинают распространяться на запад и достигают Нижнего Дона. Дискуссионным, на мой взгляд, остается вопрос: сохранялась ли эта погребальная традиция без перерыва до начала среднесарматской культуры? Есть разные точки зрения по этой проблеме. По одной из них, существовало две хронологические группы диагональных погребений с определенным временным разрывом между ними. Первой такое мнение высказала И.П. Засецкая. Она выделила раннюю группу диагональных погребений (VI – начало III в. до н.э.) и более позднюю (I в. до н.э. – III в. н.э.) с разрывом между ними почти в два века (Засецкая, 1974, с. 105–121). В одной из своих работ я несколько раздвинул границы этой лакуны, датировав раннюю группу диагональных погребений преимущественно V–IV вв. до н.э., а позднюю – I–II вв. н.э. (Скрипкин, 1997б, с. 63–77). М.Г. Мошкова полагала, что, по крайней мере, в Южном Приуралье диагональные погребения существовали без видимого перерыва на протяжении практически всего савромато-сарматского времени (Мошкова, 2004а, с. 147–165).

М.Г. Мошкова приводила достаточно обширный перечень диагональных погребений с Южного Приуралья, часть из которых может датироваться, по ее мнению, с III по I в. до н.э. Однако многие из них, на мой взгляд, очень невыразительны в хронологическом отношении. Явные хроноиндикаторы в них отсутствуют. Датировка их давалась зачастую по керамике, в том числе и лепной, с привлечением аналогий из других памятников. Типовых и вариантных вариаций керамики в сарматских памятниках очень много, хронология ее разработана слабо, в том числе и кубанской керамики, на которую у нас принято часто ссылаться. Близкие по формам сосуды (как с районов обитания сарматов, так и на других территориях) могут датироваться разным временем. Приведу несколько примеров из числа тех комплексов, которые по М.Г. Мошковой могут быть датированы временем ранее рубежа эр. Аналогии глиняному сосуду с приземистым туловом и высоким прямым горлом из могильника Барбастау III, курган 15, она находила среди керамики III–I вв. до н.э. Центрального Предкавказья из книги М.П. Абрамовой (1993, с. 46, рис. 4, 13), но не менее близкой аналогией названному выше является сосуд из погребения I – начала II в. того же района (Абрамова, 1993, с. 137, рис. 51, 12). Или кувшин из диагонального погребения 4 кургана 21 Кардаиловского могильника, которому в качестве датируемой аналогии приводятся кувшины с Кубани (тип XIV по: И.И. Марченко, 1996, с. 159, рис. 32, 80). В этот тип И.И. Марченко выделил три сосуда с некоторыми вариациями их оформления и датировал комплексы, в которых они найдены, в пределах II в. до н.э., хотя в других памятниках такие кувшины датируются несколько более поздним временем. Так, в погребении 2 у с. Косика в Астраханской области такой кувшин был найден вместе со сковородкой типа «Айлесфорд» (Дворниченко В.В., раскопки 1987 г.), датируемые в западной литературе I в. до н.э. с наибольшим распространением с 80-х по 30-е гг. (Petrovsky, 1993, S. 138). Аналогичный кувшин был обнаружен в сарматском погребении у села Царев в Волгоградской области, датируемом I в. до н.э. – I в. н.э. (Сергацков, 1989, с. 236–240). Но дело даже не в уточнении даты указанного типа сосудов. Кувшин из кардаиловского кургана 21 навряд ли следует относить к этому типу, он имеет несколько другие пропорции и иной размер. Приведенный И.И. Марченко в качестве примера типа XIV кувшин, судя по масштабу на рисунке, имел высоту 21–22 см (Марченко, 1996, рис. 32, 80), в то время как высота кардаиловского кувшина равна 33,5 см (Моргунова, 1996, с. 17). Если исходить из некоторой общей схожести сероглиняных кувшинов, то,

например, определенное сходство с кувшинами XIV типа имеет кувшин из того же Кардаиловского могильника, курган 19 (Моргунова, 1996, с. 16, рис. 16, I), погребение из которого навряд ли может датироваться ранее I в. н.э.

Есть и еще один момент, который вызывает сомнение в датировке большинства перечисленных комплексов М.Г. Мошковой, претендующих заполнить хронологическое пространство с III по I в. до н.э. В них нет наиболее ярких вещей раннесарматской культуры: мечей с серповидным навершием, длинных полированных проколов; отсутствуют выразительные находки больших зеркал с валиком по краю и клинообразным штырем для оформления ручки и встречаемые реже, но также типичные для этого времени предметы из глины и талька, называемые условно «молоточками», костяные оправы гребней. Но наиболее показательным все же является отсутствие в этих комплексах мечей с серповидным навершием. Мне не известно ни одного диагонального погребения поздней группы от Южного Урала до Днепра, в котором бы был обнаружен меч с серповидным навершием. Эти мечи были основным типом клинкового оружия у сарматов на протяжении с III по I в. до н.э., сейчас их известно насколько сотен экземпляров. При такой их массовости и длительном времени существования эти мечи должны были быть находимыми в диагональных погребениях при условии их непрерывного существования с конца VI в. до н.э. по первые века нашей эры, но такие случаи пока неизвестны. Хотя в других типах могильных ям в этот период времени мечи с серповидным навершием представлены достаточно широко. К тому же оружие довольно часто встречается и в диагональных погребениях. Так, по моим подсчетам, на 3,5 десятка диагональных погребений савроматского периода и времени становления раннесарматской культуры приходится 10 мечей: 5 из них скифо-савроматского типа; 3 – переходного, со сломанным под тупым углом перекрестием; 2 – синдо-меотского типа. Для поздней группы диагональных погребений в пределах Азиатской Сарматии мной также в свое время были произведены подсчеты встречаемости в них клинкового оружия. На 159 погребений с фиксируемым диагональным положением погребенных приходится 33 меча, из которых 20 имели кольцевое навершие, 12 – мечи без перекрестия и металлического навершия, 1 – весьма специфический кинжал, имевший бронзовое волутообразное навершие, обнаруженный в комплексе с поздними лучковыми фибулами (Скрипкин, 1997б, с. 68). Так что вкруговую на каждые четыре-пять диагональных погребений приходится один меч. Таким образом, частота нахождения мечей в диагональных погребениях достаточно высокая, но мечи с серповидным навершием в них отсутствуют. Интересна и такая деталь: в трех случаях в ранних диагональных погребениях найдены, как отмечалось, 3 меча переходного типа, по господствующей точке зрения на основе которых и происходит окончательное формирование мечей с прямым перекрестием и серповидным навершием. И хотя мечей переходного типа гораздо меньше последних, они все же попали в диагональные погребения, но на этом произошел обрыв, поскольку мечи с серповидным навершием и прямым перекрестием, являвшиеся дальнейшим продолжением переходных типов мечей, значительно преобладая над ними, не известны в диагональных погребениях. В определенной мере здесь, видимо, имел место хронологический фактор, объясняемый следующим образом. Для III–I вв. до н.э. характерно значительное преобладание впускных сарматских погребений в насыпи более ранних курганов, появляются курганы-кладбища с размещением могил часто по кругу, диагональные же погребения в большинстве своем сооружались под индивидуальной насыпью. Этот принцип становится несовместим с традицией сооружения нескольких захоронений в одном кургане.

Но, вероятно, этот обряд не пресекается окончательно, по крайней мере, в Южном Приуралье. Не все, но какая-то часть приведенных М.Г. Мошковой комплексов может, видимо, датироваться временем сложившейся раннесарматской культуры. Одним из наиболее убедительных примеров датировки рассматрива-

емых погребений до рубежа эр, на мой взгляд, является диагональное погребение из могильника Герасимовка I, курган 9 (погребение 1), в котором находился оригинальный сосуд с приплюснутым туловом и высоким рифленным горлом. Небольшой круг аналогий этому сосуду происходит из раннесарматских комплексов (Скрипкин, 2006, с. 20, 21, рис. 9).

Распространение диагональных погребений в IV в. до н.э. от Южного Приуралья до Нижнего Дона по каким-то причинам не привело к дальнейшему наращиванию этого типа сарматских погребальных памятников на всей этой территории. В период с III по I в. до н.э. они пока убедительно не выявлены ни в Волго-Донском регионе, ни в Северном Причерноморье.

Существенно ослабленная традиция сооружать диагональные погребения, возможно, сохраняется в среде кочевников Южного Урала. Невыразительность материала этих погребений, его бедность, о чем можно судить по выборке, приведенной М.Г. Мошковой (Мошкова, 2004а, с. 147–165, рис. 4–6), по сравнению с диагональными погребениями V–IV вв. до н.э., свидетельствуют о потере частью кочевого населения, практиковавшей этот обряд, той социальной роли, которую она играла раньше. Широкое же распространение диагональных погребений в среднесарматское время все же следует рассматривать не как прямое продолжение многовековой сарматской традиции, а как новое возрождение древней традиции, на время значительно ослабленной. Это была вторая волна распространения диагональных погребений на запад, более масштабная и более активная, в результате которой они занимают территорию от Южного Урала до Дуная.

Ранее С.Ю. Гуцалов на основании одного диагонального погребения из Южного Приуралья (курган 2, могильник Солянка II), которое он датировал I в. до н.э., сделал заключение, что этот комплекс и его дата противоречат концепции о более позднем времени формирования среднесарматской культуры (Гуцалов, 2004а, с. 216–221). Однако материалы этого диагонального погребения не столь выразительны в хронологическом отношении, чтобы использовать его в опровержении существующей версии сложения среднесарматской культуры, да и строить какие-либо глобальные выводы на основании одного комплекса навряд ли правомочно.

Проблема перехода от раннесарматской культуры к среднесарматской остается актуальной и по сей день. Инновации в вещевом материале в II–I вв. до н.э., о которых шла речь выше, не привели к резкому изменению общего характера раннесарматской культуры. Сейчас становится очевидным, что резкой грани между двумя этими культурами не было. Речь может идти о преобладании их стереотипов. По некоторым данным можно утверждать, что в I в. до н.э. раннесарматская культура сохраняет свои основные черты в погребальном обряде, сохраняются и многие ведущие категории ее материальной культуры. Подтверждением этому могут являться раннесарматские погребальные комплексы с лучковыми фибулами. Как уже отмечалось, некоторые исследователи появление и начало распространения этих фибул в Северном Причерноморье относили ко второй половине – последней четверти II в. до н.э., повсеместно они начинают распространяться предположительно в первой половине I в. до н.э. (Зайцев, Мордвинцева, 2003б, с. 152). В.В. Кропотов в фундаментальном труде, посвященном фибулам Восточной Европы, отнес появление этих фибул к несколько более позднему времени – ко второй половине или последней четверти I до н.э. (Кропотов, 2010, с. 67). На Дону и в междуречье Волги и Дона наиболее ранние лучковые фибулы в раннесарматских погребениях, скорее всего, должны датироваться какой-то частью I в. до н.э., по крайней мере, раньше рубежа эр (Скрипкин, 2003, с. 128–133). Особенно показательны в этом отношении комплексы из курганного могильника Петрунино II на Иловле (кург. 1. погр. 9; кург. 4, погр. 3) (Сергацков, 2000, с. 38, 42, 43, рис. 41, 49).

Приведу еще одно наблюдение. У с. Косика в Астраханской области в одном из Бэровских бугров было открыто раннесарматское погребение 45 с большим набором вещей: кинжал с серповидным навершием, длинный меч без металлического навершия, бронзовый котел «сакского типа», сероглиняный кувшин и ряд других вещей (раскопки В.В. Дворниченко, 1989 г., материалы не опубликованы). Здесь же, в другом погребении (погр. 2), был найден такой же сероглиняный кувшин (тип XIV по И.И. Марченко) вместе с бронзовой сковородкой типа «Айлесфорд», которые, как уже говорилось выше, существовали преимущественно в I в. до н.э. Причем по вещевому материалу погребение 45 обнаруживает сходство с рядом раннесарматских памятников междуречья Волги и Дона и Заволжья (Скворцов, Скрипкин, 2004, с. 187–189), которые претендуют быть датированными I в. до н.э.

Однако не ясно, в течение какого времени в рамках I в. до н.э. раннесарматский культурный стереотип являлся преобладающим. Мнения исследователей о том, что завершение формирования среднесарматской культуры следует относить ко второй половине или последней трети I в. до н.э., являются в большей мере интуитивными. Мы не располагаем, за редким исключением, каким-либо общеприменимым инструментарием в определении столь точных дат в сарматской археологии.

С начала нашей эры в сарматских курганах значительно увеличиваются находки импортных вещей, особенно металлической посуды, фибул. Погребальные комплексы, убедительно датированные I в. н.э., интерпретируются в большинстве своем как среднесарматские. Если в I в. до н.э. в погребениях встречаются мечи с серповидным навершием, бронзовые зеркала с валиком по краю и клинообразным штырем для насадки ручки, лепные горшки, орнаментированные по тулову вертикальными пучками линий, то после рубежа эр их уже нет.

Очевидно, что процесс смены одной культуры другой охватил какой-то промежуток времени. В свое время мной основные категории находок вещевого материала ранне- и среднесарматской культур, в зависимости от встречаемости их во впускных или основных погребениях, были разделены по трем спискам: в список 1 вошли вещи, встречаемые преимущественно во впускных погребениях (от 100 до 70 %); в список 2 – встречаемые более или менее в равной мере как во впускных, так и в основных (от 70 до 50 %); в список 3 – встречаемые преимущественно в основных погребениях. Вещи списка 1 были датированы III–I вв. до н.э., вещи списка 2 – I в. н.э., списка 3 – I – по вторую половину II в. н.э. (Скрипкин, 1990б, с. 166–168, рис. 49, 50). Сейчас для меня очевидно, что отдельные вещи списка 2 могут быть датированы временем до рубежа эр. Тем не менее, несмотря на это уточнение, картина постепенной утраты черт раннесарматской культуры и возрастания веса признаков, характеризующих среднесарматскую культуру, просматривается достаточно очевидно. Вещи списка 1 – типичные для раннесарматской культуры, суммарно встречаются в подавляющем большинстве во впускных погребениях (92,6 %), в прямоугольно-удлиненных (46 %) и подбойных ямах (29,3 %), в насыпях курганов (12 %), с ними значительно чаще встречается лепная керамика (82,1 %), из которой сосуды с невыраженным или уплощенным дном составляют 28,1 %. Вещи списка 2 в 60,6 % обнаружены во впускных погребениях, они продолжают чаще встречаться в прямоугольно-удлиненных ямах (43,1 %) и одинаково в подбойных (19,4 %) и диагональных (19,4 %), значительно сокращается их встречаемость с лепной керамикой (36,6 %). Вещи списка 3 встречаются в большинстве своем в основных погребениях (72,5 %), на первое место выходит встречаемость их в диагональных погребениях (42,8 %), в прямоугольно-удлиненных ямах (35,7 %), значительно преобладает встречаемость их с круговой керамикой (75,6 %). Вполне возможно, что активное нарастание значений признаков среднесарматской культуры начинается с какого-то момента еще в I в. до н.э., а в I в. н.э. мы имеем дело с уже сложившимся стереотипом среднесарматской культуры.

Можно отметить и еще кое-какую деталь, которая является одной из ярких черт, характеризующих среднесарматскую культуру. В I в. н.э., как уже отмеча-

лось выше, появляется серия богатых погребений, в которых, помимо большого разнообразия различных вещей, в том числе импортного античного и восточного происхождения, часто встречаются ювелирные изделия, выполненные в зверином стиле, украшенные вставками из бирюзы, сердолика. Такие комплексы и с таким набором вещей не были известны на заключительном этапе раннесарматской культуры и в контексте среднесарматской культуры придают ей специфический колорит.

4.3. Распространение памятников среднесарматской культуры

Последняя сводка среднесарматских памятников в пределах Азиатской Сарматии к востоку от Дона и Азовского моря была составлена И.В. Сергацковым. Всего в сводку вошло 973 комплекса, которые по отдельным районам общего региона распределились следующим образом: Южное Приуралье – 56; Заволжье – 234; Правобережье Нижней Волги – 62; Волго-Донское междуречье – 80 (северная часть) и 130 (южная часть); Нижний Дон – 255; Прикубанье – 147; Ставрополье – 9. В целом существенное преобладание среднесарматских погребальных памятников приходится на Волго-Донской регион. Здесь располагались наиболее крупные курганные могильники этой культуры: Новый – 103 комплекса (Ростовская область); Бережновка II – 52; Жутово – 37, Калиновка – 29 (Волгоградская область); Суслы – 31 (Саратовская область). Что касается памятников Прикубанья, то И.В. Сергацковым в сводку были включены в основном погребальные комплексы правобережья Кубани, обычно именуемые общим названием «Золотое кладбище». Он отметил своеобразие этих памятников. Их сходство со среднесарматской культурой, выделенной на материалах Нижнего Поволжья и Южного Приуралья, в большей мере прослеживается только по материальной культуре (Сергацков, 2002, с. 20–26).

Как мне представляется, данные прикубанские памятники не следует относить к среднесарматской культуре, объединяя их в рамках одной культуры со степными волго-донскими и южноуральскими памятниками. Во-первых, большая часть погребений «Золотого кладбища» сооружена в катакомбах, которые нетипичны для среднесарматского времени Волго-Донского и Южно-Уральского регионов. В этих районах, где сосредоточена основная масса погребений среднесарматской культуры (Южное Приуралье, Нижнее Поволжье, междуречье Волги и Дона), практически отсутствуют захоронения среднесарматского времени в катакомбах. В небольшом количестве они известны на Нижнем Дону (2,35 %) (Сергацков, 2002, с. 90). Захоронения в катакомбных ямах встречаются в памятниках раннесарматской культуры III–I вв. до н.э. доно-волго-уральских степей, но и здесь в это время они представлены незначительным количеством (2,8 %) (Скрипкин, 1997а, с. 179). Во-вторых, в кубанских катакомбах отмечено наличие восточной ориентировки погребенных, нетипичной для среднесарматской культуры. Правда, в связи с массовым ограблением этих памятников трудно что-либо сказать о положении и ориентировке в них погребенных (Гущина, Засецкая, 1994, с. 8). В-третьих, среди прикубанских памятников отсутствуют диагональные захоронения, являющиеся одним из значимых признаков среднесарматской культуры более северных степных районов. Видимо, правы были М.Г. Мошкова и В.Ю. Малашев, отметившие связь кубанских катакомбных захоронений с впускными катакомбными погребениями Прикубанья и Ставрополя раннесарматского времени (III–I вв. до н.э.) (Мошкова, Малашев, 1999, с. 193). Памятники Кубани и Ставрополья еще в раннесарматское время (III–I вв. до н.э.) обнаруживают наряду со сходством существенные различия с северными регионами распространения этой культуры. Этот вывод был под-

твержден статистическим анализом сарматских памятников Азиатской Сарматии (Статистическая обработка ..., 1997, с. 210). Несостоятельной считаю попытку некоторых исследователей относить погребальные комплексы зубовско-воздвиженской группы (ЗВГ) к среднесарматской культуре. Они существенно отличаются от волго-донских памятников этой культуры. Западная ориентировка погребенных, наличие стеклянных чаш на груди погребенных – эти элементы обряда не характерны для среднесарматской культуры (Гущина, Засецкая, 1989, с. 71–72). Ряд погребальных комплексов ЗВГ принадлежал представителям племенной знати. Обнаруженные в них престижные вещи использовались также знатью других племенных группировок, но это не обозначает их культурного единства. Памятники раннего железного века Прикубанья требуют разработки своей периодизационной схемы.

Первые памятники, фиксирующие проникновение среднесарматского населения в районы Северного Кавказа, преимущественно северо-восточной его части, были открыты еще в начале прошлого века и в последующее время, о чем свидетельствуют находения диагональных погребений у с. Ачикулак и с. Коби в Чеченской Республике и Армавира (Крупнов, 1957, с. 174; Габуев, Малашев, 2009, с. 149). Раскопки 90-х гг. XX в. и начала XXI в. существенно увеличили материалы по среднесарматской культуре Северо-Восточного Кавказа. Здесь, на территории Ставропольского края и Чеченской Республики, был исследован целый ряд подкурганных погребений среднесарматской культуры I – первой половины II в. н.э. (курганные могильники Бударка 3; Айгурский 2; Кобийский, группа 1). Среди них доминируют основные погребения в широких или квадратных ямах, с диагональным положением костяков и ориентировкой их в южный сектор (рис. 40) (Бабенко, Березин, 2009, с. 282–320; Малашев, 2016, с. 12–14).

Памятники среднесарматской культуры известны практически на большей части Северного Причерноморья. Еще в середине прошлого века К.Ф. Смирнов насчитывал здесь более 200 сарматских погребений, большая часть которых относилась к среднесарматскому времени. Он же отмечал большое их сходство с донскими и поволжскими памятниками (Смирнов, 1954, с. 211, 212).

Представительная группа среднесарматских погребений была исследована в начале 50-х гг. XX в. у с. Ново-Филипповка Запорожской области. Здесь была открыта серия захоронений в квадратных ямах с диагональным положением костяков. Автор публикации М.И. Вязьмитина также отмечала почти полное тождество новофилипповских комплексов с поволжскими среднесарматскими памятниками (Вязьмитина, 1954, с. 220–244).

В последующее время количество открытых сарматских памятников в Северном Причерноморье возрастало. Сведения о среднесарматских памятниках Приднепровья в 80-е – начале 90-х гг. прошлого века были представлены в работах В.И. Костенко. Наряду с отдельными захоронениями или небольшими группами здесь были исследованы и крупные могильники, содержащие значительное количество среднесарматских погребальных комплексов. Так, например, курганный могильник у с. Усть-Каменка на правом берегу Днепра включал десятки курганов с захоронениями среднесарматской культуры, среди которых выделялась представительная серия диагональных погребений. Среднесарматские погребения Усть-Каменского могильника как по погребальному обряду, так и вещественному материалу обнаруживают ближайшие аналогии в однокультурных памятниках Волго-Донского региона (рис. 41) (Костенко, 1983; 1986; 1993).

А.В. Симоненко были объединены в одну сводку и проанализированы памятники среднесарматского времени Таврии, территорию которой он определил следующим образом: Приазовье, Присивашье, Нижнее Поднепровье и степной Крым. Им было учтено здесь 87 погребальных комплексов среднесарматского времени, которые существенно отличались от волго-донских и более северных северопричерноморских погребений среднесарматской культуры.

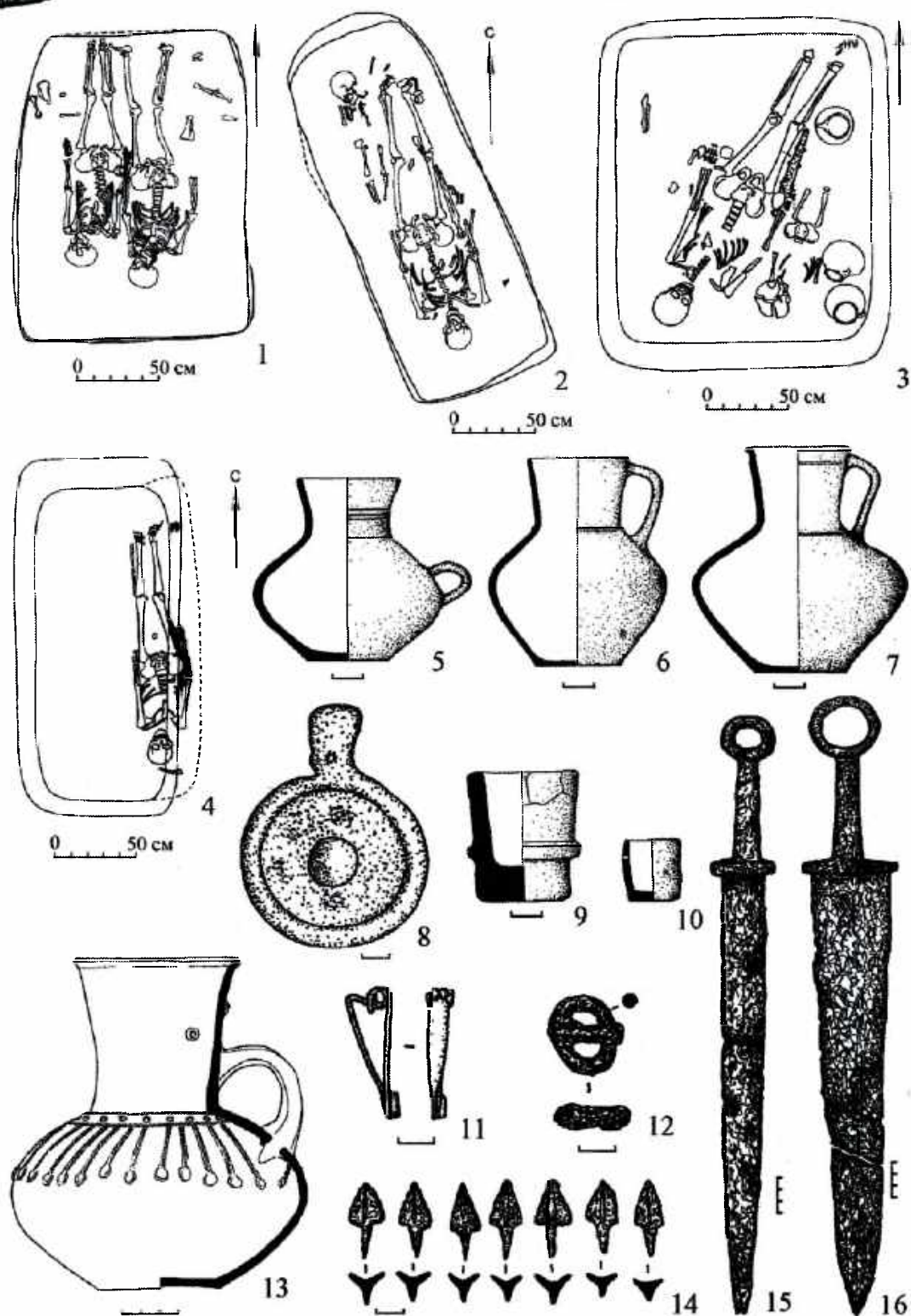

Рис. 40. Северный Кавказ. Планы погребений и вещи из курганов среднесарматского времени:

1, 2 – Айгурский курганный могильник; 3–12, 14, 15, 16 – Кобийский курганный могильник; 13 – курганный могильник Кохтебе

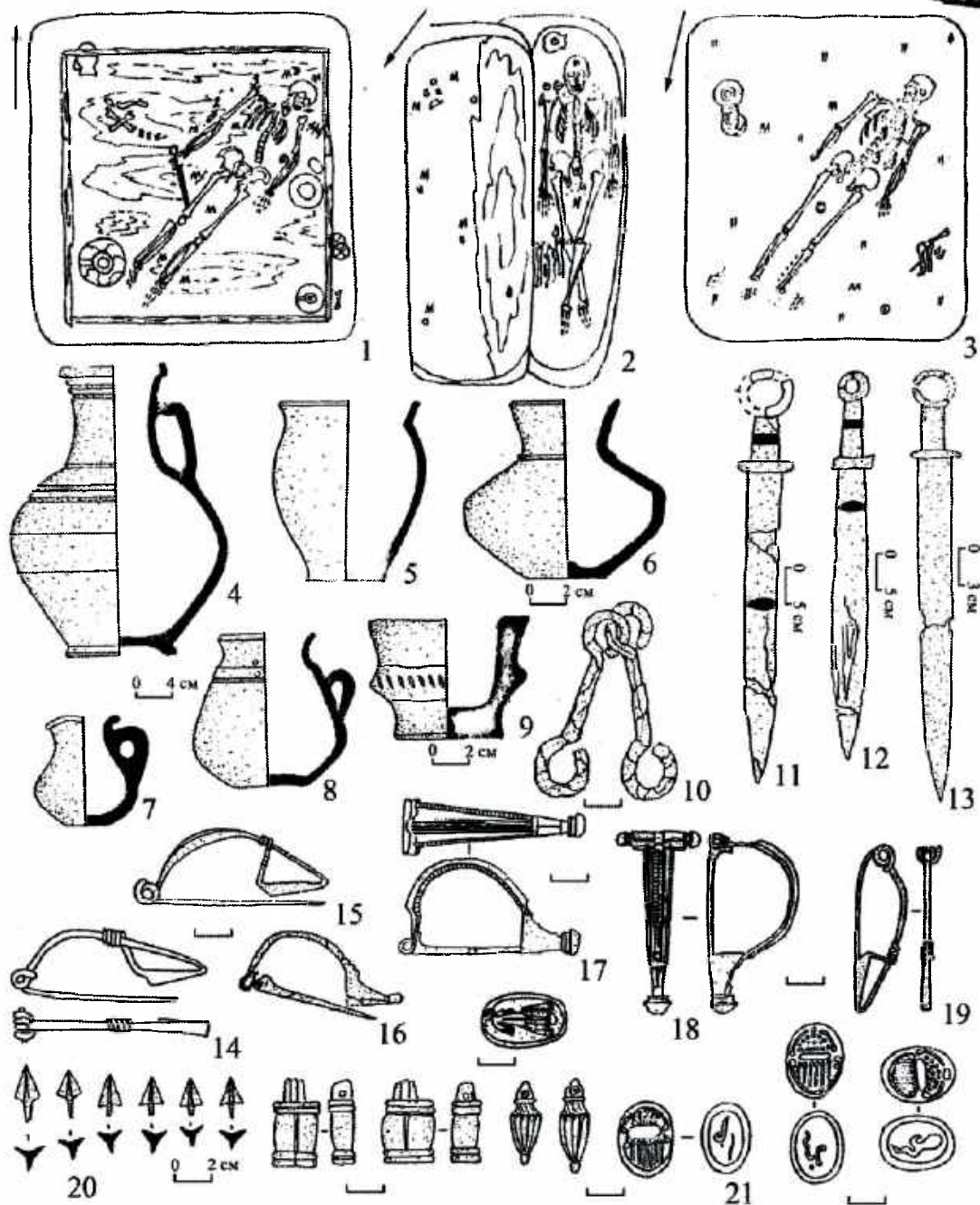

Рис. 41. Северное Причерноморье. Планы погребений и вещи из погребений среднесарматского времени Усть-Каменского курганного могильника:

- 1-3 - планы погребений; 4-8 - глиняные сосуды; 9 - глиняная курильница;
- 10 - железные удила; 11-13 - железные мечи; 14-19 - фибулы;
- 20 - железные наконечники стрел; 21 - бусы «египетский фаянс»

Они в подавляющем большинстве являлись впускными в более ранние курганы, с преобладанием ориентировок погребенных в северный сектор, что не характерно для погребальных комплексов среднесарматской культуры. Скорее всего, этот факт следует рассматривать как сохранение для памятников среднесарматского времени Таврии традиций предшествующего времени (Симоненко, 1993, с. 30–91, 112–117).

В начале новой эры отдельные группировки сарматов продолжают обитать в Крыму, о чем свидетельствует ряд погребальных памятников с чертами, характерными для сарматской обрядовой традиции (Храпунов, 1995, с. 71). С продвижением сарматов в конце I – начале II в. в Крым исследователи связывают запустение позднескифских поселений на территории западной и частично центральной части полуострова (Пуздровский, 2001, с. 108). В могильнике у с. Заветное в погребальном обряде и вещественном материале были выявлены многие элементы сарматской культуры, позволившие утверждать, что в данном могильнике в первые века нашей эры «одним из основных этнических компонентов были сарматы, которые ассимилировали местное скифское население» (Богданова, 1989, с. 17–70). М.Б. Шукин предполагал, что правитель Боспора Котис мог представить в Крыму место для поселения своих союзников аорсов (Шукин, 1994, с. 211). А.В. Симоненко отмечал наличие сарматских комплексов на территории Крыма в I – первой половине II в. н.э., в число которых включал и известное погребение в Ногайчинском кургане (Симоненко, 1993, с. 67–75, 112–117). Отнесение ногайчинского погребения к указанному времени и его сарматская принадлежность вызвали возражение у Ю.П. Зайцева и В.И. Мордвинцевой, ими была предложена другая дата этого захоронения: начало – первая половина I в. до н.э. По их мнению, это погребение отражает социально-культурные процессы, общие для всего Северного Причерноморья (Зайцев, Мордвинцева, 2003а, с. 61–99; 2007, с. 319–358). Датировка погребения из Ногайчинского кургана продолжает быть дискуссионной, исследователи датируют его в диапазоне с последних веков до нашей эры по первые века нашей эры (Кропотов, 2016, с. 29, 30).

В I в. н.э. сарматы осваивают территорию между Днестром и Дунаем. На конец прошлого века здесь было известно несколько десятков сарматских погребений, датируемых среднесарматским временем, среди которых – известные захоронения сарматской знати у с. Пороги на Днестре (Симоненко, 1991) и погребение в кургане Соколова могила (на Южном Буге) (Ковпаненко, 1986). Интересное захоронение среднесарматского времени было исследовано в Среднем Поднестровье (с. Мокра). Оно принадлежало представителю сарматской знати и было сооружено под индивидуальной насыпью. Несмотря на ограбление, в погребении был обнаружено большое количество находок, ставящих его в один ряд с известными богатыми сарматскими захоронениям указанного времени (Кашуба, Курчатова, Щербакова, 2001–2002, с. 200–213). Если к этому перечню памятников добавить богатое погребение у с. Олонешты в Молдавии, датированное А.И. Мелюковой II или III в. н.э. (Мелюкова, 1962, с. 207), дата которого позже была уточнена и определена в пределах первой или второй четверти II в. н.э. (Симоненко, 1998, с. 72; Курчатова, Бубулич, 2003, с. 301), то следует констатировать, что захоронения сарматской знати в этот период существенно смещаются в западные районы Северного Причерноморья. Этот факт может свидетельствовать и о появлении в этом районе значительного количества рядового сарматского населения.

Представительная группа памятников среднесарматского времени открыта в Днестро-Прутском междуречье. Они представлены здесь основными, а также впускными погребениями в курганах и грунтовыми могильниками. В.И. Гросу отождествлял их с приходом сюда различных сарматских объединений (Гросу, 1990). Погребальные комплексы среднесарматского времени известны в низовьях Дуная, отдельные из них обнаруживают ближайшее сходство с сарматскими памятника-

ми более восточных районов, мест расположения классических среднесарматских комплексов. Здесь были открыты диагональные погребения и другие погребальные комплексы с элементами среднесарматской культуры (Bichir, 1972, S. 137–176). В то же время здесь выявлена представительная группа впускных погребений I – II в. н.э. с северной ориентировкой костяков (Гудкова, Фокеев, 1984, с. 87), что сближает их с сарматскими памятниками Таврии (Симоненко, 2004, с. 140, 141).

Последний известный мне подсчет памятников среднесарматского времени на территории Северного Причерноморья был произведен в самом конце прошлого века в докторской диссертации А.В. Симоненко. В пределах степной зоны между Доном и Прутом им было насчитано 738 среднесарматских погребальных памятников – на порядок больше по сравнению с сарматскими памятниками на этой части территории предшествующего времени (Симоненко, 1999а, с. 2).

Археологические данные подтверждаются письменными источниками. Сарматы теперь постоянно упоминаются в событиях на границах Римской империи по Дунаю (Рикман, 1975, с. 27–30; Дзиговский, 2003, с. 80–87).

4.4. Проблема этнической принадлежности среднесарматской культуры

Отмеченные изменения, произошедшие в погребальном обряде и материальной культуре на рубеже эр сарматского населения юга Восточной Европы, ставят вопрос об этнической принадлежности носителей среднесарматской культуры.

Сначала обратимся к письменным источникам. У античных авторов I в. н.э. начинают упоминаться аланы: Лукан (39–65 гг.), Сенека (около 4 г. до н.э. – 65 г. н.э.), Валерий Флакк (вторая половина I в. н.э.), Плиний (23/24–79 гг.), Иосиф Флавий (37–100 гг.). Последний из них, Иосиф Флавий, относил аланов к скифскому племени и помещал их у Меотиды и Танаиса (*Иудейская война*, VII, 7, 4). Фрагментарность сведений указанных авторов вызывает целый ряд вопросов: определение точного времени появления аланов на юге Восточной Европы; взаимоотношение их с предыдущим населением; отождествление археологических памятников с аланами; кто такие аланы и откуда они пришли в старые сарматские владения.

То, что аланы в письменных источниках начинают фиксироваться с I в. н.э. на юге Восточной Европы, у большинства исследователей не вызывает сомнения. Разногласия возникают тогда, когда речь заходит об определении более точной даты в рамках этого века. Отмечу основные моменты дискуссии по этому вопросу. В начале 60-х гг. прошлого века В.Б. Виноградов высказал предположение, что аланы на Северном Кавказе появляются сразу после конфликта в Боспорском царстве, получившего название «сироко-аорская война» и произошедшего в 49 г. н.э. (Виноградов В.Б., 1963, с. 160–165).

Другого мнения придерживался Ю.С. Гаглойти. Он относил выход аланов на историческую арену к более раннему времени. Рассматривая события, произошедшие в 35 г. н.э., связанные с иберо-албано-парфянским конфликтом, он достаточно уверенно говорил об участии в них аланов, несмотря на разночтения в письменных источниках, на которые он опирался. Так, Тацит в этих событиях упоминал сарматов, а Иосиф Флавий – скифов. Однако, по мнению Ю.С. Гаглойти, в том и другом случаях под этими именами скрывались аланы (Гаглойти, 1966, с. 50–55).

Попытку установить более узкий временной коридор появления аланов на Нижнем Дону предпринял Б.А. Раев. Он обратил внимание на то, что античные авторы никогда не отождествляли аланов с сарматами. Поскольку Тацит говорил об участии в закавказском конфликте 35 г. сарматов, то навряд ли правомочно

считать, что в этом событии под сарматами могли скрываться аланы. Кроме того, он вслед за В.Б. Виноградовым полагал, что участие в этих событиях аланов маловероятно еще и потому, что в сирако-аорской войне 49 г., охватившей часть северокавказских территорий, они не упоминаются. Это, по мнению Б.А. Раева, довольно странно, так как, являясь значительной политической силой, какой они были представлены в событиях 35 г., аланы не остались бы непричастными к разгоревшемуся более позднему конфликту на тех землях, которые они в определенной степени должны были контролировать. К тому же противоборствующие стороны попытались привлечь в качестве своих союзников наиболее влиятельные силы в этом регионе, но, как известно, таковыми оказались сираки и аорсы, известные здесь еще по данным Страбона. Б.А. Раев приходит к выводу, что аланы появляются на Северном Кавказе после событий 49 г., раньше этого времени они не могли появиться и на Нижнем Дону. Верхней датой прихода сюда аланов он считал 65 г., не позже которого их фиксирует на Дунае Сенека. Таким образом, по Б.А. Раеву аланы на Нижнем Дону должны были появиться в период между 49 и 65 гг. (Раев, 1979, с. 13–15; Раев, 1986, р. 61, 62).

Позже предположение об участии аланов в событиях 35 г. поддержал С.М. Перевалов. Он обратил внимание на существование двух вариантов издания труда Иосифа Флавия «Иудейские древности» на греческом и латинском языках. В греческом варианте «Древностей» в рассматриваемых событиях упоминаются аланы. Многие же отечественные исследователи пользовались изданием переводов греческих и латинских авторов, предпринятым еще в конце XIX в. В.В. Латышевым, где труд Флавия представлен в латинском варианте с конъектурой «скифы» вместо аланов. Наиболее предпочтительным, по мнению С.М. Перевалова, является греческий вариант «Древностей», поскольку он написан на языке оригинала (Перевалов, 1998, с. 96, 97). Свою точку зрения он попытался подтвердить и другими аргументами. В частности, он полагал, что у Тацита упомянутые в тех же событиях сарматы не могут быть ни аорсами, ни сираками, как считали некоторые другие авторы, поскольку Тацит в других случаях не называл их сарматами, поэтому под этим названием должно скрываться другое племенное объединение, вероятнее всего, аланы. Он также считал, что со времен Страбона аорсы и сираки смещаются к западу, что якобы следует из описания Тацитом событий сирако-аорской войны, охвативших территории Кубани и Приазовья, а земли, расположенные восточнее, по соседству с Дарьяльским и Дербенским проходом, могли занять аланы. С.М. Перевалов обратил внимание на то, что, по Страбону и тому же Тациту, во главе аорсов и сираков стояли цари, а в событиях 35 г. сарматов возглавляли скептухи, что могло свидетельствовать о различиях политической организации тех и других. К тому же аланов отличала и тактика ведения боя, особенностью которой являлась лобовая атака конных воинов, защищенных панцирями и использующих пики и длинные мечи. Такая манера ведения боя была описана Флавием Аррианом и названа «алано-сарматской», она же была применена в 35 г. сарматами против парфян. Все это, по мнению С.М. Перевалова, подтверждает версию участия аланов в указанном событии (Перевалов, 2000, с. 203–210).

Однако сообщения Флавия об аланах зачастую противоречивы. Так, повествуя о походе аланов в 72 г. н.э. в Закавказье и помещая их у Танаиса и Меотиды, он следующим образом прослеживает путь их продвижения: сначала они прошли земли гирканов, затем напали на мидян и, все опустошая, дошли до Армении (*Иудейская война*, VII, 7, 4). Такой поход аланы могли совершить только с территории Средней Азии. Этот сюжет Флавия вызвал затяжную дискуссию (Гутнов, 2001, с. 129–131), которая не завершена и в настоящее время.

В.Б. Ковалевская, опираясь на античные, грузинские и армянские письменные источники, пришла к выводу о том, что частое упоминание аланов в закавказских событиях предполагало их нахождение в непосредственной близости от

этого региона. Территорией, которую контролировали аланы, являлись районы Северного Кавказа, где они заявляют о себе уже в I в. н.э. (Ковалевская, 1984, с. 80–88; 2005, с. 72–76).

Близкого мнения, на основе анализа письменных источников, придерживался В.А. Кузнецов. Он полагал, что кочевые и полукочевые сармато-аланские племена в первые столетия нашей эры и вплоть до гуннского нашествия являлись частью населения равнинного Предкавказья от Дагестана до Тамани и Меотиды (Кузнецов, 1992, с. 36–56).

Иногда в определении наиболее раннего времени появления на исторической арене аланов еще до нашей эры используются данные таких авторов, как Марк Анней Лукан, Гай Валерий Флакк и Аммиан Марцеллин. Однако анализ сообщений указанных авторов, перекрестное сравнение их сведений с сочинениями других античных авторов не находят убедительного подтверждения этой версии. Сочинения Лукана и Флакка – литературные произведения, их авторы, жившие и писавшие во второй половине I в. н.э., скорее всего, отразили реалии уже своего времени. Кроме того, в повествовании Лукана имеются фактические противоречия, здесь, скорее всего, автор путает аланов с албанами. По мнению А. Алеманя, данное упоминание аланов у Лукана «не имеет никакой исторической ценности» (Алемань, 2003, с. 44). Флакк, автор поэмы «Аргонавтика», являющейся вольным переложением легенды об аргонавтах, отправившихся в Колхиду за золотым руном, в одном из эпизодов, в котором повествуется о борьбе Ясона со скифами, упоминает Анавсия, высланного «пылких аланов и свирепых гениохов». Признавая на основе этого сочинения реальность раннего упоминания аланов на Кавказе еще в I в. до н.э., мы по логике должны признать и реальность событий, связанных с аргонавтами в то же самое время. Поскольку сами события, описанные в поэме, не имеют конкретной хронологической привязки, то невозможно и определить, к какому времени относится упоминание в них аланов. Единственно, что следует из сочинения Валерия Флавия, жившего во второй половине I в. н.э., так это то, что в его время аланы, бесспорно, были известны. Упоминание Аммианом Марцеллином аланов в событиях 65 г. до н.э., связанных с заключительным этапом борьбы Рима с Понтийским царством, косвенное, прямых указаний на участие в них аланов нет. Аммианом упоминаются массагеты, «которых мы теперь называем аланами» (*Римская история*, XXIII, 5, 16).

Существует еще один документ – из древнекитайского исторического наследия, который иногда привлекается к обоснованию даты появления аланов на юго-востоке Европы. В «Хоу-Хань Шу» («История младшего Дома Хань», автор Фань Е), где события излагаются с 25 г. по 200 г. н.э., сообщается, что «Владение Яньцай переименовалось в Аланья; состоит в зависимости от Кангюя» (*Би-чурин*, 1950, с. 229). Информация о Яньцай и Кангюй в Китае появилась после посещения китайским чиновником Чжан Цянем Средней Азии во второй половине II в. до н.э. с целью установления союзнических отношений с народами, обитавшими в этом регионе. Кангюй занимал территорию среднего и нижнего течения Сыр-Дарьи, территория Яньцай граничила с побережьем Аральского или Каспийского моря. Исследователи полагают, что переименование Яньцай в Аланья имеет отношение к ранней истории аланов и могло произойти в начальный период Младшей династии Хань с 25 по 50/55 гг. (Алемань, 2003, с. 512; Яценко, 1993а, с. 68; Гутнов, 2001, с. 83). Правда, у этих, как и других, авторов я не нашел обоснования названной даты. Не исключая этой даты, можно допустить, что лаконичное сообщение о Яньцай Фань Е, написавшего свое сочинение в первой половине V в. н.э., в котором речь идет о переименовании, могло произойти и в более широком хронологическом диапазоне.

Небольшой экскурс в историю вопроса, связанного с определением относительно точного времени появления аланов на юге Восточной Европы по данным письменных источников, не дает на этот счет однозначного ответа.

Версия раннего появления аланов в степях юга Восточной Европы и их участия в закавказских событиях 35 г. в интерпретации Ю.С. Гаглойти основывается на идее формирования аланского этноса на местной основе, в частности его вызревания в среде аорского племенного объединения. Сама эта версия основана на логических построениях, не имеющих опоры в источниках. Кстати, она к тому же не отвечает на вопрос о времени появления аланов в рассматриваемом регионе. Что касается мнения С.М. Перевалова об участии аланов в походе 35 г., то он сам отмечал, что в лучшем издании греческого варианта «Иудейских древностей» Иосифа Флавия, предпринятом Бенедиктом Низе, в том месте, где речь идет об аланах, текст испорчен и смысл его искажен. Не исключено, что аланы там упоминаются вместо албанов, которые вместе с иберами должны были открыть путь через свои земли и Каспийские ворота кочевникам с севера. Аргумент С.М. Перевалова, что поскольку Тацит нигде не называет сираков и аорсов сарматами, то под последними в походе 35 г. следует понимать аланов, неубедителен, поскольку, как отмечал Б.А. Раев, этот автор и аланов нигде не называл сарматами.

Из сказанного следует, что имеются три источника по вопросу участия северных кочевников в закавказских событиях 35 г. н.э.: греческий текст «Иудейских древностей» с упоминанием в этих событиях аланов; латинский вариант текста того же сочинения, где в тех же событиях фигурируют скифы, и «Анналы» Тацита, в которых опять в той же ситуации упоминаются сарматы. Таким образом, источники не дают нам четкого ответа, какое из кочевнических объединений принимало участие в событиях 35 года. Было высказано предположение о том, что одно из первых упоминаний об аланах восходит к Посидонию (139/135 – 51/50 гг. до н.э.), однако это предположение таковым и остается, поскольку не опирается на убедительные доказательства (Щеглов, 2002, с. 350–352).

Основываясь на письменных источниках, уверенно можно говорить только о второй половине I в. н.э., когда наименование «аланы» начинает фигурировать на страницах сочинений античных авторов. Что касается появления аланов в первой половине I в. н.э., я не могу исключать этого варианта, но это утверждение пока может восприниматься как дискуссионная проблема. Можно согласиться с мнением Ф.Х. Гутнова, проанализировавшего источники и выводы исследователей об участниках закавказского похода 35 г. н.э., что все эти данные позволяют предположить возможное участие какой-то группы алан в этих событиях (Гутнов, 2001, с. 122–125). К участию аланов в событиях 35 г. со ссылкой на Иосифа Флавия склоняется и А. Алемань (2003, с. 57, 58).

Теперь обратимся к версиям появления аланов на юге Восточной Европы, основанным на археологических материалах. Попытки отождествления тех или иных археологических памятников с аланами предпринимаются уже достаточно длительное время и имеют свою историю. П.Д. Рау одним из первых еще в 20-х гг. прошлого века сопоставил с аланами погребальные памятники Нижнего Поволжья позднеримской стадии (Stufe B, II–IV вв. н.э.), соответствующие позднесарматской культуре (Рау, 1927, S. 105–112).

Ранее в сарматской археологии сложилось представление о том, что существенным этническим признаком является форма могильной ямы (Рыков, 1925, с. 22–26; Смирнов, 1948, с. 213–219). Начиная с работ Л.Г. Нечаевой и В.А. Кузнецова, широкое распространение получило мнение о принадлежности захоронений в катакомбах на Северном Кавказе аланскому этносу (Нечаева, 1961; Кузнецов, 1962). Считалось, что обряд захоронений в катакомбах на Северном Кавказе начинает распространяться с I в. н.э., что совпадало со временем появления сведений об аланах в письменных источниках. Но впоследствии на Кавказе были открыты памятники с катакомбным обрядом погребения, датирующиеся II–I вв. до н.э., например такие, как могильники Нижний Джулат и Чегем II (Абрамова, 1972; Кереев, 1985).

М.П. Абрамова высказала несогласие с мнением о том, что появление катакомб на Северном Кавказе было связано с сарматским влиянием, поскольку на территориях, занимаемых сарматами, такая конструкция погребальной ямы представлена весьма слабо, в пределах 2 %. Она обратила внимание на широкое распространение склеповых сооружений, датируемых IV–III вв. до н.э., у скифов Северного Причерноморья, у населения Крыма и Тамани. Приоритет в распространении этого обряда, по ее мнению, должен принадлежать оседлому населению, испытывавшему влияние греческой культуры. Что касается Северного Кавказа, то в появлении этого обряда здесь решающую роль могло сыграть эллинизированное варварское население Тамани (Абрамова, 1993, с. 99, 100).

Проанализировав письменные источники, М.П. Абрамова пришла к выводу о том, что в них нет сведений, позволяющих локализовать аланов в первые века нашей эры на Северном Кавказе. Появление здесь аланов она связывала с новой волной иранизации Северного Кавказа, после первой – скифской, с появлением носителей позднесарматской культуры (Абрамова, 1993, с. 169–184, 200).

Открытие катакомбных захоронений на Северном Кавказе, датирующихся до нашей эры, потребовало коррекции взглядов и исследователей, ранее придерживавшихся мнения о связи катакомбного обряда с аланами. В.Б. Виноградов совместно с Я.Б. Березиным предложили версию, по которой ранние катакомбы на Северном Кавказе сначала могли принадлежать сиракам, а затем ранним аланам (Виноградов, Березин, 1985, с. 56). В.А. Кузнецов и Ю.С. Гаглойти связывали появление ранних катакомбных захоронений на Северном Кавказе со степным сарматским миром, с распространением в Предкавказье раннесарматской культуры, основными носителями которой были аорсы. В данном случае они ссылались на обнаружение памятников этой культуры на Ставрополье с катакомбными захоронениями, датируемыми IV–III вв. до н.э. (Кузнецов, 1992, с. 37; Гаглойти, 1992, с. 12).

С ираноязычными кочевниками сарматского происхождения отождествлял появление катакомбного обряда погребения в Центральном Предкавказье Т.А. Габуев. Начало этого процесса он относит к III–II вв. до н.э. Привнесенный северными кочевниками новый обряд погребения явился своеобразным импульсом для его распространения и в среде местного населения, что нашло отражение в появлении грунтовых могильников с аналогичным обрядом. Окончательно процесс формирования катакомбного обряда погребения, по мнению Т.А. Габуева, происходит непосредственно в Центральном Предкавказье, о чем свидетельствует большое количество здесь разновидностей катакомб и дальнейшая выработка ведущих их типов. Т.А. Габуев отмечал, что в середине III в. н.э. в степной зоне Центрального Предкавказья начинают распространяться подкурганые погребения в катакомбах, являющиеся основными в курганах. Их характерными чертами являются перпендикулярное соотношение длинных осей входной ямы и камеры, от катакомб предшествующего времени они отличались в деталях конструкции входной ямы и камеры, их размерами и пропорциями и рядом других черт. Подкурганые катакомбы он склонен был отождествлять с аланами, которые с середины III в. н.э. начинают осваивать равнинные и предгорные территории Центрального Предкавказья. По времени это совпадало и с данными письменных источников (Габуев, 1999, с. 55–66). Собственно, по вопросу о времени появления аланов в Центральном Предкавказье выводы Т.А. Габуева совпадали с мнением М.П. Абрамовой.

Широкое распространение получило мнение о принадлежности аланам погребений «Золотого кладбища» на Кубани, исследованных в начале XX в. Н.И. Веселовским и 70-е гг. того же века А.М. Ждановским. В курганах этого памятника преобладали захоронения в катакомбах (Гущина, Засецкая, 1994, с. 5–8). Тщательный анализ материалов «Золотого кладбища», проделанный И.И. Гущиной и И.П. Засецкой, позволил им датировать большую часть его комплексов второй

половиной I – первой половиной II в. н.э. Касаясь этнической принадлежности этого памятника, авторы, учитывая политическую ситуацию, сложившуюся в это время на окраинах Римской империи, предположили, что он мог принадлежать наемникам (типа федератов), находившимся на содержании римской администрации. Это мнение частично подтверждалось обилием импортных вещей, в том числе входивших в экипировку римских воинов. Такие воинские подразделения рекрутировались из местного варварского населения, в их задачу входило ослабление давления кочевников на подступах к границам империи (Гушина, Засецкая, 1994, с. 36–40).

С аланской знатью Б.А. Раев на Нижнем Дону отождествлял богатые захоронения в таких курганах, как «Хохлач», Садовый, Багаевский, Кирсановский, Соколовский и ряде других. Несмотря на ограбления, в них было обнаружено большое количество импортных вещей, а также предметов искусства, выполненных из золота, что подтверждало высокий социальный статус погребенных (Раев, 1986). Обилие импорта позволило Б.А. Раеву определить время сооружения большей части этих курганов в пределах с середины I по середину II в. н.э. Он обратил внимание на то, что культурные традиции, представленные в этих курганах, не имеют здесь аналогов в памятниках предшествующего времени. Это предметы звериного стиля, бронзовые котлы с зооморфными ручками, повозки с большими колесами со спицами, большие квадратные ямы. Наряду с предметами античного импорта в курганах этого времени в степных районах Волго-Донского региона и Причерноморья появляются вещи, являющиеся восточным импортом: китайские зеркала и оружие, серебряная, бронзовая и стеклянная посуда ближневосточного происхождения. Он отметил сходство черт материальной культуры и погребального обряда, выявленных в кургане «Хохлач», с Большими Алтайскими курганами и памятниками Северного Афганистана. Появление памятников этого типа на Нижнем Дону по времени совпадало с фиксацией здесь аланов по письменным источникам, что и дало возможность Б.А. Раеву отождествить их с аланами (Раев, 1979, с. 11–13; 1989, с. 116, 117).

Несколько позже Б.А. Раев и С.А. Яценко в совместной статье отождествили с аланами так называемую зубовско-воздвиженскую группу (ЗВГ) курганных погребальных памятников (Раев, Яценко, 1993, с. 111–125). Эти курганы, раскопанные Н.И. Веселовским на рубеже XIX и XX вв., располагались по левому берегу Кубани. Территориально они не представляли собой единую группу, а состояли из нескольких курганных групп, зачастую далеко располагавшихся друг от друга. Погребения являлись как основными, так и впускными в курганах и обычно были сооружены в широких прямоугольных ямах с преимущественно западной ориентировкой костяков. Особенностью обряда этой группы памятников было нахождение в насыпи курганов или на древнем горизонте вблизи могил «золотых украшений, символов власти, деталей конского снаряжения». Судя по богатству и обилию находок, эти погребальные памятники принадлежали представителям племенной знати. Вещевой материал в них представлен предметами вооружения (мечи, наконечники стрел, боевые ножи, панцири), деталями конской узда (псалии, фалары), бронзовыми котлами, обилием керамической, металлической и стеклянной посуды, изделиями из золота (нашивные бляшки, гривна, браслеты, фибулы и прочее), большим количеством бус. Анализ наиболее информативных категорий находок зубовско-воздвиженских курганов позволил И.И. Гушиной и И.П. Засецкой определить их хронологические рамки в пределах I в. до н.э. – начала II в. н.э. (Гушина, Засецкая, 1989, с. 71–141).

Б.А. Раев и С.А. Яценко отметили, что в погребальных комплексах ЗВГ «впервые встречены многие характерные в будущем черты среднесарматской культуры, включающие многочисленные элементы центральноазиатского и парфяно-малоазийского происхождения» (Раев, Яценко, 1993, с. 112). Авторы отме-

чали целый ряд новых явлений в материальной культуре, имевших место в ЗВГ, но не встречавшихся здесь в предшествующее время, обнаруживающих близкие аналогии в большинстве своем в Центральной Азии. Это покровы и подстилки с золотым декором, наглазные золотые пластины в виде двух овалов, появление тамг, многовитковые браслеты со специфическими зооморфными окончаниями, серебряные бляхи со сценами терзания, специфические по стилю фибулы-броши, культовые котлы с носиками-сливами и зооморфными ручками и ряд других вещей инновационного происхождения. Большинство этих инноваций, по мнению авторов, связано с территорией расселения больших юэчжей и саков Семиречья и хунну. Ряд находок они интерпретировали как свидетельство участия населения, оставившего ЗВГ, в закавказских событиях 65 г. до н.э. и 46 г. до н.э., связанных с борьбой Митридата VI Евпатора против Рима и попыткой Митридата Пергамского захватить Боспор. Ссылаясь на Аммиана Марцеллина, Лукана и Валерия Флакка, они посчитали возможным участие в этих событиях аланов. Появление аланов на Кубани Б.А. Раев и С.А. Яценко отнесли к концу II – началу I в. до н.э., связав это событие с переселением многокомпонентного кочевого населения с востока, полагая, что собственно аланы генетически были связаны с Саяно-Алтайским регионом (Раев, Яценко, 1993, с. 111–125).

Подводя итог этой части рассуждений, следует отметить, что сопоставление данных письменных источников и археологических исследований в конкретном случае не даст однозначного ответа на вопросы, когда конкретно появляются аланы на юго-востоке Европы и какую территорию они занимали. Во-первых, сведения письменных источников могут запаздывать. Чтобы попасть на страницы сочинений древних авторов, требуется время на утверждение завоевателей-кочевников на новой территории и заявление о себе как значительной политической силе. Во-вторых, ошибочно отождествлять какую-либо из известных этнополитических группировок сарматов с одним каким-то погребальным обрядом. Это утверждение основывается на том, что сарматские объединения представляли собой сложные вожества, включавшие хотя и близкородственные, но все же различающиеся между собой по отдельным элементам культуры группировки. В-третьих, зачастую территорию, занимаемую тем или иным сарматским объединением, ограничивают памятниками (обычно подкурганскими погребениями) одной культурной принадлежности, относящимися к определенному времени. Но место нахождения родовых кладбищ и территория, контролируемая кочевниками, скорее всего, не совпадают. Сведения письменных источников и данные археологии в этом случае могут существенно расходиться.

Я считаю, что зубовско-воздвиженскую группу Прикубанья, представленную подкурганскими погребениями, не следует отождествлять с собственно аланским этносом по той причине, что мы не имеем убедительных письменных источников, упоминающих аланов до новой эры. Отдельные элементы сходства сарматских погребальных комплексов юго-востока Европы с памятниками из районов Центральной и Средней Азией начинают с полной очевидностью ощущаться начиная со II–I вв. до н.э., охватывая значительную территорию от Южного Приуралья до Дона (Скрипкин, 2000б, с. 15–40; 2014а, с. 218–222). Это явление, как уже указывалось выше, связано с активизацией внешней политики хунну, приведшей к серии миграций кочевых народов, достигших южных районов Восточной Европы. И.В. Сергацков не исключал, что те восточные инновации, которые отмечали Б.А. Раев и С.А. Яценко для комплексов ЗВГ, могли быть связаны с тохарами, засвидетельствованными письменными источниками в среднеазиатских событиях середины II в. до н.э., приведших к падению Греко-Бактрии. Это, по его мнению, подтверждается распространением в Предкавказье тохарской топонимики (Сергацков, 1999, с. 147). Н.Е. Берлизов считал погребальные комплексы ЗВГ социальным явлением «в общей массе сарматских древностей Прикубанья второй половины I в. до н.э. – II в. н.э.» (Берлизов, 1993, с. 10). Существует мнение о принадлежности

их, как и «Золотого кладбища», меотской знати (Абрамова, 2007, с. 51). Как мне представляется, погребальные комплексы ЗВГ, скорее всего, имеют отношение к событиям, связанным с утверждением в Волго-Донских степях аорсов и сираков в Прикубанье.

Более объективным на сегодняшний день является отождествление с аланской знатью известных богатых захоронений в курганах Нижнего Дона, предпринятым в свое время Б.А. Раевым. Обряд и вещественный материал из этих курганов, как уже отмечалось, представляют собой новое явление, не связанное с основными культурными традициями предшествующего времени. Существует хронологическое совпадение появления этих памятников с данными письменных источников, помещавших аланов у Меотиды и Танаиса, например, сведения И. Флавия.

Идея Б.А. Раева о принадлежности богатых нижнедонских курганов аланам подвигла меня в 80-е гг. прошлого века проверить ее на массовом материале. Ход моих рассуждений был следующим: если эти, несмотря на ограбление большинства из них, достаточно богатые курганы, условно царские, принадлежали раннеаланской знати, пришедшей сюда с востока, то за ними должно стоять и рядовое население, которое также должно было оставить археологический след. Богатство отмеченных курганов воплощало политическое могущество представителей знати, основой которого должна быть сильная армия и, в конечном счете, народ, входивший в новое этнополитическое объединение. В расчет следовало брать не только Нижний Дон, а более широкую территорию, так как сильные объединения кочевников могли контролировать достаточно обширные области. Необходимо было выяснить, есть ли основания говорить о каких-либо существенных изменениях, произошедших на значительных степных пространствах юго-востока Европы во время, близкое сооружению нижнедонских курганов, и фиксируемых на уровне археологических источников. Исследование показало, что на рубеже эр в развитии сарматской культуры происходят существенные изменения как в погребальном обряде, так и в материальной культуре, что приводит к сложению среднесарматской культуры, памятники которой являются контекстом названных богатых нижнедонских курганов.

Как уже отмечалось, трудно установить точную дату начала среднесарматской культуры, поскольку это не одноактное событие, а процесс, охватывающий определенный период времени, по крайней мере, в I в. н.э. она предстает вполне в сформированном виде. Выявилось некоторое противоречие, большая часть богатых погребальных комплексов, отождествляемых с аланами, по Б.А. Раеву, появляется со второй половины I в. н.э., а начало их археологического контекста, представленного памятниками среднесарматской культуры, датируется несколько более ранним временем. Такое явление может объясняться, с одной стороны, нашим несовершенством в определении точных дат рассматриваемых памятников, с другой – тем, что утверждение аланов на рассматриваемой территории заняло какой-то промежуток времени, в течение которого был выбран район, закрепленный за руководящим кланом нового объединения. Только с этого времени сочинения античных авторов запестрели сообщениями об аланах. Кроме того, ряд богатых захоронений, уровня нижнедонских, происходит из Волгоградской и Астраханской областей (Жутово, кург. 28; Косика, погр. 1; Бердия, кург. 3; Октябрьский V, кург. 1, погр. 1). Одно из них (Октябрьский V) датируется в целом I в. н.э. (Скрипкин, Мыськов, 2009, с. 245–255), другое (Косика) – серединой или первой половиной I в. н.э. (Дворниченко, Федоров-Давыдов, 1993, с. 178; Щукин, 1994, с. 202); погребение из Жутовского кургана 28 В.П. Шилов предпочел датировать первой половиной I в. н.э. (1973, с. 62).

Вновь обратимся к письменным источникам, собственно к «Анналам» К. Тацита, к описанию им событий 49 г. н.э., связанных с борьбой за власть на Боспоре между братьями Митридатом и Котисом. Каждый из них опирался на определенные коалиционные силы: Митридата поддержали сираки, Котиса – римляне и аорсы

(*Анналы*, XII, 15–20). Это событие не однажды анализировалось в современной исторической литературе. Я не буду здесь описывать все перипетии, связанные с противостоянием этих коалиций, отмечу только, что военное столкновение между ними происходило на территории Азиатского Боспора. Эти события противоречат факту грандиозного вторжения аланов в 35 г. н.э. через Кавказ в Закавказье, поскольку предполагают установление контроля аланами к этому времени над значительной частью Северного Кавказа. Поскольку коалиции, борющиеся за боспорский престол, пытались опереться на ведущие политические силы в этом регионе, то таковыми здесь оказались сираки и аорсы, которых в Предкавказье и между Танаисом и Северным Прикаспием ранее помещал Страбон. Высказывавшееся предположение о том, что аорсы ко времени упомянутых событий продвинулись на более западные территории и оттуда через Крым могли переправиться в Прикубанье, входит в противоречие с финалом описанного Тацитом конфликта. Военная акция завершилась победой коалиции Котиса: преследуя противника, ее войска остановились «в трех днях пути от реки Танаиса». Театр военных действий предполагает, что это произошло где-то в Восточном Приазовье на расстоянии примерно 100 км от Дона (Танаиса). Потерпев поражение, Митридат ищет убежище у царя аорсов Эвнона, ставка которого, судя по изложенным событиям, должна была располагаться где-то неподалеку от места военных действий. Это в определенной мере вытекает и из размышлений Клавдия, который отказался использовать силу в захвате Митридата, ссылаясь на отдаленность и бесплодность данной местности, находящейся вдали от морских путей.

Можно, конечно, предположить, как это предлагали некоторые исследователи, что аланы постепенно выдавливали аорсов с Волго-Донских степей на запад. В этом случае можно вспомнить и известную фразу Аммиана Марцеллина, что аланы постепенно «подчинили себе в многочисленных победах соседние народы и распространили на них свое имя, как сделали это персы» (*Римская история*, XXXI, 13). После боспорского конфликта 49 г. информация о сираках практически исчезает со страниц сочинений античных авторов, а аорсы упоминаются в Северо-Западном Причерноморье (*Плиний. Естественная история*, IV, 80).

Проблемным остается и вопрос о происхождении среднесарматской культуры: является ли ее формирование результатом миграционного процесса, приведшего к утверждению на юго-востоке Европе аланов, или здесь имела место другая причина или совокупность причин?

С одной стороны, в сарматских погребальных комплексах I в. н.э. выявлен обширный круг инноваций, имеющих восточные истоки, появление которых ряд исследователей отождествляет с миграцией новой группировки кочевников в европейское степное пространство. Мне, как и ряду других исследователей, приходилось говорить о том, что здесь, начиная с указанного времени, в погребениях кочевой знати получает распространение новая волна художественных изделий, выполненных в оригинальном зверином стиле, отличающихся богатой полихромией, не имеющих аналогов в сарматских памятниках предшествующего времени. И.П. Засецкая отмечала, что этот художественный стиль следует рассматривать как дальнейшее развитие звериного стиля скифской эпохи, истоки которого надо искать в искусстве племен сако-массагетского круга Сибири, Средней и Центральной Азии (Засецкая, 2011, с. 251, 252). Такие ювелирные изделия были обнаружены в курганных захоронениях «Хохлач», Садовый, Жутово, Дачи, Кобяково – на Дону, Косика – на Нижней Волге, Пороги – на Днестре и в ряде других памятников. В основном это престижные вещи: гривны, браслеты, богато оформленные мечи или кинжалы, поясные пряжки; встречались дорогие наборы конской упряжи (рис. 42, 43). Многие из этих вещей обнаруживают сходство с памятниками искусства Бактрии. Сходство прослеживается в манере изображения, в образах персонажей, в особенностях инкрустации и типологической близости самих вещей.

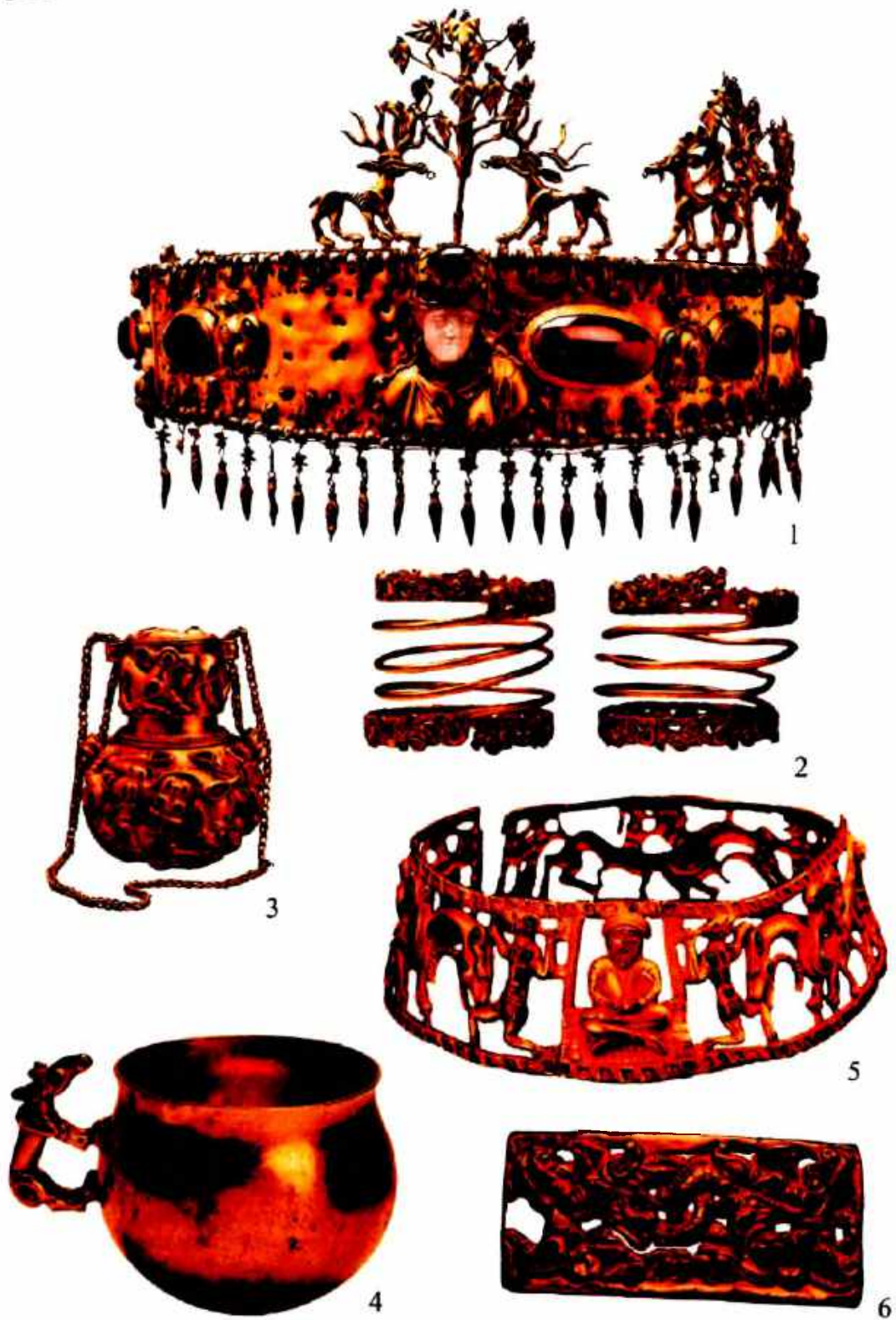

Рис. 42. Нижний Дон. Ювелирные изделия из погребений сарматской знати:

1-4 - Хохлач; 5 - Кобяково; 6 - Хопры

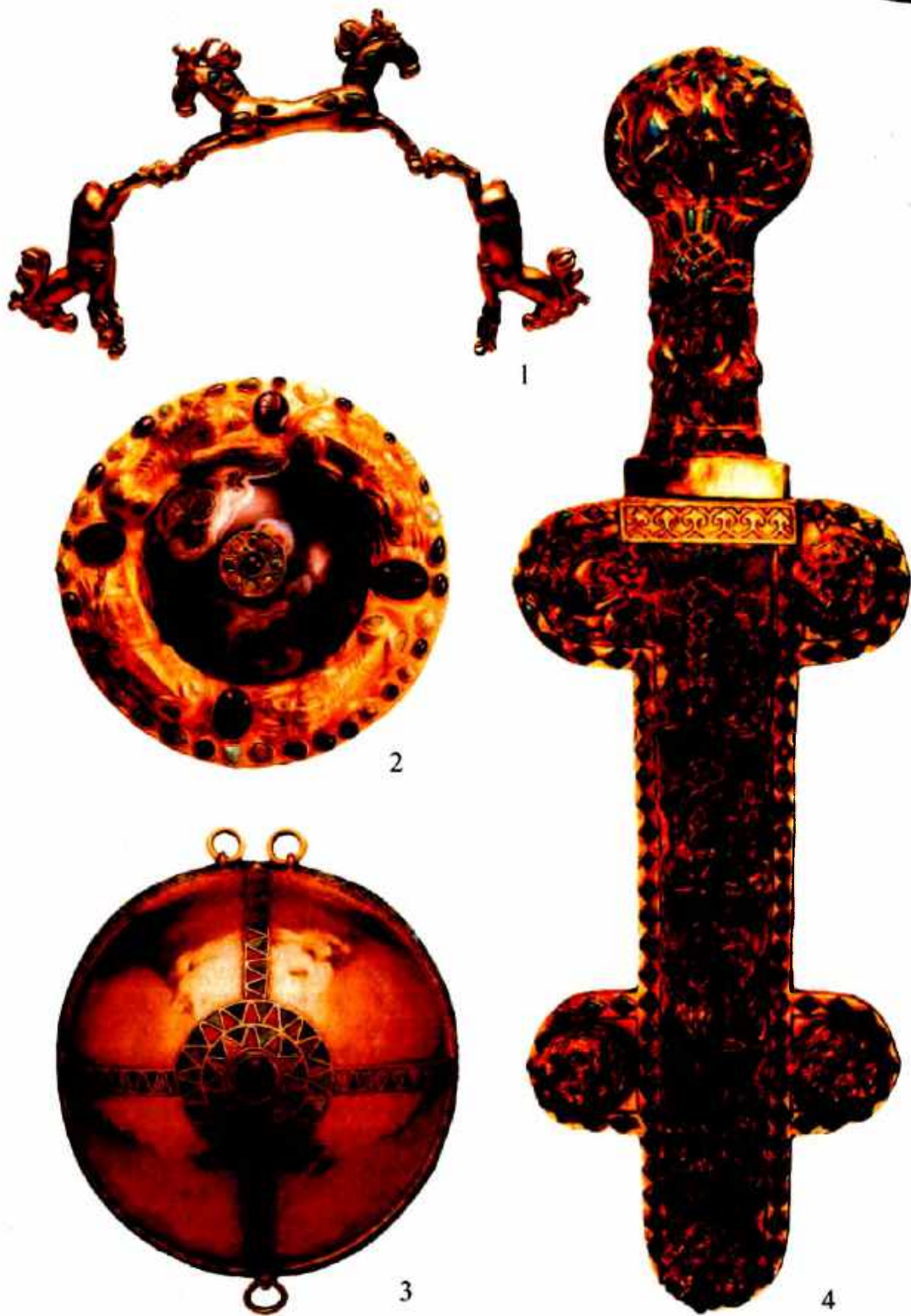

Рис. 43. Нижний Дон. Дачи, к. 1. Вещи, выполненные в полихромном зверином стиле:

1 – браслет; 2, 3 – фалары; 4 – кинжал

Исследователь этих комплексов В.И. Сарияниди отмечал, что большинство ювелирных изделий, найденные в них, были изготовлены местными бактрийскими мастерами, в связи с чем он считал возможным выделить «...бактрийский центр златоделия как наиболее вероятный источник, откуда ювелирные изделия широко распространялись по огромной территории от Урала до Днепра» (Сарияниди, 1987, с. 72–90). Исследователями дискутируется вопрос о месте изготовления отдельных изделий рассматриваемого стиля – то ли это среднеазиатские, то ли северопричерноморские производственные центры. По моему мнению, следует учитывать и производственные ресурсы Индо-скифского и Индо-греческого царств и их наследие в изобразительном искусстве, в котором могли сочетаться как скифские, так и греческие традиции. К сожалению, эта тема пока серьезно не исследована в нашей исторической науке.

Инновации были характерны не только для предметов материальной культуры, обнаруженных в погребениях сарматской знати, но и для рядового кочевого населения. С начала нашей эры на территории, занимаемой сарматами, распространяется керамика с ручками, изображающими фигурки животных. Типологически и по манере оформления зооморфных ручек эта керамика из сарматских комплексов находит ближайšie аналогии в синхронном керамическом комплексе Средней Азии. В обоих случаях наличие сосудов с такими ручками исследователи связывают с распространением одних и тех же религиозных представлений, среди которых особое место занимает культ фарна, который, скорее всего, сложился в Средней Азии. В сарматских памятниках первых веков нашей эры широко используется нанесение тамг на различные категории предметов. На территории Средней Азии, Хорезма в частности, близкие или аналогичные тамги известны по находкам, датирующимся до нашей эры (Скрипкин, 1990б, с. 205–208). С.А. Яценко в свое время составил список, включающий около сорока элементов центральноазиатского происхождения в культуре сарматов I–II вв. н.э. Их появление он связывал с миграцией предков аланов из глубинных районов Центральной Азии через Среднюю Азию в степи юго-востока Европы (Яценко, 1993а, с. 60–69).

С другой стороны, в среднесарматской культуре прослеживаются инновации и другого рода. Увеличение количества захоронений под индивидуальной насыпью, распространение диагональных погребений следует рассматривать как возрождение старых традиций, характерных для памятников VI–IV вв. до н.э. Эта тенденция подтверждается и в материальной культуре. К началу нашей эры относится появление серии коротких мечей с волютообразным навершием; лепной керамики, типологически близкой савроматской; значительно увеличивается нахождение в погребениях целых бронзовых зеркал, в отличие от заключительного этапа раннесарматской культуры, когда обычно клали их фрагменты; в среднесарматских погребениях часто встречаются плоские каменные плиты круглой или прямоугольной формы, что отмечается и в савроматской культуре (Скрипкин, 1992, с. 29). Эти факты также не подтверждают связей среднесарматской культуры с заключительным этапом раннесарматской культуры. Это очевидно просматривается на примере диагональных погребений, которые в V–IV вв. до н.э. были известны от Южного Урала до Дона, но в период господства раннесарматской культуры практически исчезают, и новый, значительно больший, расцвет этой погребальной традиции приходится на I–II вв. н.э. Но инновации этого рода иные по своему содержанию, нежели те, которые связаны с восточными территориями от Китая до Бактрии. Они, по сути, местные, но разделенные значительным промежутком времени, практически в три столетия.

Кроме того, анализ погребальных памятников рубежа – первых веков нашей эры Азиатской Сарматии свидетельствует о том, что часть раннесарматского населения сохраняется в среднесарматское время, зачастую сберегая свою обрядность. Это хорошо просматривается на примере Калиновского курганного могильника в

Поволжье. Здесь подавляющее число погребений, относимых по вещам к среднесарматскому времени, оказались впускными в насыпи более древних курганов. Причем в этих курганах они находятся вместе с погребениями раннесарматского времени, иногда вписываясь в общую схему расположения их по кругу, что является наиболее типичным признаком для раннесарматской культуры. Близкая ситуация выявлена в Первомайском могильнике VII, располагавшемся в Волгоградском Подонье, где было обнаружено большое количество раннесарматских и среднесарматских погребений. Причем 73 % среднесарматских погребений оказались впускными. В этом могильнике зачастую трудно провести разграничение между погребениями двух культур (Скрипкин, 2006, с. 24). То же самое можно сказать о крупном курганном могильнике у хут. Новый на реке Сал, в котором исследователи выделяют погребальные комплексы ранне- и среднесарматской культур, но которые зачастую трудно различимы между собой. Так, авторы публикации памятника к среднесарматской культуре отнесли 51 погребение с учетом комплексов еще трех небольших могильников того же района (Ильюков, Власкин, 1992, с. 230), а И.В. Сергацков только в одном могильнике у хут. Новый насчитал более 100 погребений той же самой культуры (Сергацков, 2002, с. 59–66).

Таким образом, становление среднесарматской культуры, скорее всего, происходило на многокомпонентной основе: это и пришлое кочевое население, и сохранение какой-то части прежнего раннесарматского населения. Пока трудно определить, что значило в этом процессе возрождение старых «савроматских» традиций.

Я не могу согласиться с мнением Н.Е. Берлизова об отсутствии миграции с востока в период, который он определяет с I в. до н.э. по I в. н.э., на территорию Сарматии. Странным звучит его утверждение, что весь комплекс новаций, определяющий оригинальность среднесарматской культуры, находит прототипы в прохоровской или в саргатской культурах и не находит таковых в памятниках Средней Азии (Берлизов, 2014, с. 35). Спрашивается, в чем же тогда оригинальность среднесарматской культуры, если она является полной преемницей, например, раннесарматской культуры. Это странно звучит еще и потому, что большинство исследователей отмечало существенные различия между среднесарматской и заключительным этапом раннесарматской культур. О роли миграции в становлении среднесарматской культуры свидетельствует и антропологический материал, о чем речь будет ниже.

Что касается пришлого компонента в формировании среднесарматской культуры, то его обычно отождествляют с аланами, информация о которых в письменных источниках появляется в I в. н.э. Один из наших наиболее полных информаторов об аланах Аммиан Марцеллин называл их бывшими или древними массагетами (*Римская история*, XXXI, 2, 12), указывая, таким образом, на прежнее место их обитания. В настоящее время у большинства авторов сложилось мнение о том, что начало истории аланов связано с событиями II в. до н.э. и последующего времени в восточном евразийском степном пространстве. Здесь мне вновь придется обратиться к событиям конца III в. до н.э., когда к северу от Китая сложилось мощное объединение кочевников во главе с хунну ранга «кочевой империи» (Барфилд, 2009, с. 76–126), которое успешно проводило военные акции против как Китая, так и других своих соседей, что в конечном итоге привело к уходу их западных соседей юэчжей, а вслед за ними и усуней в районы Средней Азии (Боровкова, 2001, с. 107–113). Результатом данных военных акций хунну было значительное усиление кочевнического контингента этого региона, следствием чего было падение Греко-Бактрийского царства. Ко II в. до н.э., видимо, относится и оформление такого государственного образования, как Кангюй, в среднем и нижнем течении Сыр-Дарьи, имевшего города, но значительную часть его населения составляли кочевники. Кочевой контингент Кангюя значительно усилился в конце I в. до н.э. Из китайских источников известно, что в это время из-за внутренней междуусо-

бицы 80 000 усуней переселилось на территорию Кангюя (Яценко, 1993а, с. 67, 68; Туаллагов, 2001, с. 212).

Формирование аланского племенного объединения, видимо, происходило в рамках этого государственного образования. Об этом свидетельствует, например, следующий факт. Северо-западнее Кангюя, на расстоянии 800 км от него, располагалось владение кочевников Яньцай. Во второй половине II в. до н.э. оно было независимым и обладало войском большим, чем у Кангюя (Боровкова, 2001, с. 100). В «Хоу-Хань Шу», где события излагаются с 25 г. н.э., как уже отмечалось, сообщается, что «Владение Яньцай переименовалось в Аланья; состоит в зависимости от Кангюя» (Бичурин, 1950, с. 229). Это может свидетельствовать о завоевании Яньцай аланами в русле политики, проводимой Кангюем (Скрипкин, 1990б, с. 205). Владение Яньцай обычно отождествляется исследователями с аорсами античных источников (Кузнецов, 1992, с. 20–21; Гутнов, 2001, с. 61–66). Китайские источники обозначали только восточные границы Яньцай, они могут совпадать с побережьем Аральского моря (Боровкова, 2001, с. 100) или северным побережьем Каспийского моря (Кузнецов, 1992, с. 20). Если исходить из тезиса отождествления Яньцай с аорсами, то западной его границей должен являться Танаис (Дон), у которого размещал аорсов Страбон. Кстати, Страбон, характеризуя кочевников, живших между Танаисом и Каспийским морем, и подразделяя аорсов на две группировки, отмечал, что наиболее могущественные верхние аорсы «...занимают более обширную область, владея почти что большей частью побережья Каспийского моря» (*География*, XI, V, 8).

Вся эта территория, в связи с переименованием Яньцай в Аланья, стала подвластна аланам. Это событие, судя по античным источникам, могло произойти в I в. н.э., возможно, в первой его половине. Они же говорят об огромной территории, контролируемой аланами, которая простиралась от Танаиса до реки индос Ганга (*Аммиан Марцеллин. Римская история*, XXXI, 2, 13). Таким образом, можно утверждать, что аланы, являясь продуктом центральноазиатских и среднеазиатских этногенетических процессов, устанавливают контроль над степной территорией между Средней Азией и Северным Причерноморьем.

Вышесказанное находит поддержку и в реконструкции другого события, связанного с началом функционирования северного ответвления Великого шелкового пути. Определенные представления о времени начала сообщений по этому ответвлению Великого шелкового пути можно получить из сведений античных авторов. Следует обратить внимание на тот факт, что вплоть до Клавдия Птолемея (ок. 100 – ок. 170 гг.) античная география и история не имели в своем распоряжении каких-либо сведений о территории к востоку от Танаиса (Дона). Известный географ Страбон (64/63 г. до н.э. – 23/24 г. н.э.) ничего не знал о крупнейшей европейской реке Волге, Каспийское море он считал заливом Северного океана (*География*, XI, 6, 1). Другой эрудит античности Гай Плиний Старший (22/24 – 79 гг.) практически повторяет то, что было сказано о Каспийском море Страбоном, только океан, откуда берет свое начало это море, он именует Скифским (*Естественная история*, VI, 36).

Кардинальной новизной о рассматриваемом районе отличаются сведения Клавдия Птолемея, приведенные в его географическом труде по прошествии более ста лет после Страбона. Птолемей впервые упоминает о Волге, называя ее Ра. Он указывает точное расстояние между наибольшим сближением Ра (Волги) и Танаиса (Дона) (*География*, V, 8, 13). У Птолемея это расстояние дано в градусах, и если их перевести в меры длины, то в зависимости от того, какая мера им использовалась (эратосфеновский, обычный или царский стадий), это расстояние будет колебаться от 64,5 до 87 км. Оно соответствует расстоянию от Волги до Дона на широте Волгограда и в зависимости от точки измерения колеблется в пределах 60–80 км. Кроме Волги, Птолемей на территории Северного Прикаспия называет

другие реки, в частности Урал (Даикс), упоминает некоторые более мелкие реки. Он приводит названия ряда населенных пунктов на Дону и множество названий народов, обитавших на территории в этом регионе. Резонно возникает вопрос: из каких источников Птолемей получал столь точную информацию о районе, удаленном на несколько тысяч километров от Александрии Египетской, в предместье которой он безвыездно жил и трудился? Такими информаторами могли быть только купцы, они во многих случаях в древности были первопроходцами, прокладывая пути в малоизвестные страны. Для купцов, по их же сведениям, составлялись «подорожники» – своеобразные путеводители с указанием географических объектов, населенных пунктов, народов, проживающих в тех или иных местах. Птолемей, скорее всего, в описании Северного Прикаспия и пользовался таким «подорожником» (Ельницкий, 1961, с. 200–203). В Александрию тогда стекалась со всех концов света самая разнообразная информация. Во II в. н.э. Александрия была крупным торговым городом, связанным морскими путями с другими центрами Средиземноморья, многими странами Востока: Персией, Сирией, Индией. Кроме того, в то время Александрия являлась центром научной мысли античного мира. В ней находилась самая крупная библиотека, еще в I в. до н.э. в ней насчитывалось несколько сот тысяч папирусных свитков, содержащих сведения по самым разнообразным отраслям знаний. Таким образом, информация о Поволжье и Северном Прикаспии в античной литературе появилась в период, определяемый датами жизни и творческой деятельности Страбона и, видимо, Гая Плиния, с одной стороны, и Клавдия Птолемея – с другой; приблизительно это время между началом – третьей четвертью I в. н.э. и серединой II в. н.э. «Натуральная ...» или «Естественная история» Плиния – это своеобразный компендиум по многим отраслям знаний, в описании интересующего нас района он мог ограничиться данными того же Страбона, например. Однако важно, что другой информацией о землях к востоку от Дона он не располагал.

О причинах отсутствия такой информации в предшествующее время говорил Страбон. Размышляя об истоках Танаиса, он отмечал, что реальных сведений о них у его современников практически нет. Причиной этому Страбон считал кочевников, отличавшихся многочисленностью и могуществом, которые «преградили доступ во все удобопроходимые места страны и в судоходные части реки» (*География*, XI, 2, 2). Из сочинения Страбона, как мне представляется, можно определить, кем были эти кочевники. Перечисляя кочевнические группировки, обитавшие между Меотидой и Каспийским морем, он называет аорсов, подразделяя их на аорсов, живущих «по течению» Танаиса» и более многочисленных верхних аорсов, которые владели «большой частью побережья Каспийского моря» (*География*, XI, 5, 8). Эти кочевнические объединения должны были занимать территорию, включающую правобережье Дона и Нижнее Поволжье, поскольку южнее их находились владения сираков, а между Доном и Днепром Страбон помещал роксоланов. Есть определенные основания отождествлять эти аорские группировки с археологическими памятниками заключительного этапа раннесарматской культуры (II–I вв. до н.э.) (Skvorcov, Skripkin, 2006, S. 265).

Аланы, устранив прежних владык аорсов, которые по каким-то причинам препятствовали налаживанию контактов между Среднеазиатским и Северопричерноморским регионами, тем самым способствовали их установлению. Отсутствие экономических связей через Северный Прикаспий во времена аорсов, видимо, может объясняться каким-то политическим конфликтом, что может следовать из довольно неопределенной фразы того же Страбона о том, что аорсы являлись «изгнанниками племен, живущих выше» (*География*, XI, V, 8). С переходом под контроль аланов бывшей территории Яньцай по прошествии какого-то времени, видимо, начинают налаживаться торговые контакты среднеазиатских районов через Нижнее Поволжье и Дон с Северным Причерноморьем, таким образом, проис-

ходит подключение этих территорий к Великому шелковому пути. Только после этих событий подробная информация о Поволжье и Северном Прикаспии могла попасть на страницы географического сочинения Клавдия Птолея.

Налаживание связей по трассам, огибающим Каспийское море с севера, вслед за появлением на юго-востоке Европы аланов, видимо, говорит и об основном пути движения аланов с востока на запад. Хотя у меня нет оснований отвергать и возможность продвижения отдельных аланских групп по южному пути по отношению к Каспийскому морю, как это предлагают некоторые исследователи (Раев, 2008, с. 124–133). Возможно, наличие таких фактов нашло отражение в сочинении Флавия, который, помещая аланов у Меотиды и Танаиса, в одном из эпизодов отслеживает начало их вторжения в Закавказье с территории Гиркании. В этом случае исходной территорией этого похода аланов должен быть один из районов Средней Азии.

Из изложенного можно сделать вывод, что не следует пытаться отождествлять с собственно аланами какой-либо один тип погребальных памятников, потому что под этнонимами античных авторов скрываются, как правило, этнополитические объединения кочевников, включающие различные племенные группы кочевников, которые на внешнеполитической арене скрываются под общим именем племени-гегемона. С другой стороны, различающиеся по погребальному обряду комплексы могут принадлежать одной какой-то племенной группе, а различия эти связаны не с этнической принадлежностью, а с другими причинами – социальной дифференциацией, особым статусом погребенного. Так что спор о том, какой тип памятников, например, на Северном Кавказе или Кубани, следует отождествлять с аланами, может решаться в иной плоскости. На настоящее время более убедительно выглядит версия о принадлежности аланской знати нижнедонских и некоторых сопредельных территорий богатых захоронений I – первой половины II века. В этом случае значительную роль играет один признак – богатство, за которым стоит власть, опирающаяся на значительные людские ресурсы. Политическая власть этой кочевой знати могла распространяться на довольно обширные территории, которые могли именоваться по этнонимической принадлежности правящей элиты. Особый интерес для этого нового объединения кочевников представлял Северный Кавказ, так как он граничил с древневосточными цивилизациями, рассматривавшимися как источник возможного обогащения. Население Северного Кавказа или какая-то его часть могла попасть в зависимость от кочевнического объединения, возглавляемого аланами, или войти в его состав и во внешнеполитических отношениях выступать под именем племени-объединителя.

Наша информация, извлекаемая из письменных источников по истории сарматов, весьма скудна и фрагментарна, интерпретация археологических источников сложна и неоднозначна. В данном случае в наших рассуждениях о принадлежности тех или иных памятников среднесарматского времени какому-либо народу много допущений и предположений, поскольку от нас сокрыты многие эпизоды прошедшей, реальной истории. По археологическим и антропологическим (да и по письменным) источникам фиксируются, как правило, крупномасштабные миграции. Микромиграции остаются за пределами наших информационных возможностей, но они могут привести к появлению оригинальных памятников, с интерпретацией которых возникают проблемы. Жизнь кочевых обществ характеризуется значительной подвижностью, этому имеются многочисленные примеры из истории и этнографии кочевников средневековья и нового времени. Так, например, различные родоплеменные группировки калмыков в XVII, XVIII веках с разной периодичностью совершали перекочевки из Джунгарии на Волгу и обратно, что зафиксировано письменными источниками (Колесник, 2003, с. 231–235). События, произошедшие в Центральной Азии в

конце III – первой половине II в. до н.э., привели в движение многие народы, во II в. до н.э. в степях Восточной Европы, как уже отмечалось, появляются новые кочевнические группировки. Это движение с Востока охватывает весь остальной сарматский период, по крайней мере, миграционные процессы сыграли существенную роль в формировании средне- и позднесарматской культур. Данная тенденция являлась определяющей и для всего средневекового периода. В эпоху раннего железного века в связи с ограниченностью письменной информации в отношении европейского степного региона отдельные перекочевки номадов не фиксировались. Возможно, так появилась Зубовско-Воздвиженская группа погребальных памятников, возникновение которой следует относить к I в. до н.э. Как это население себя именovalo, сказать трудно. Не обязательно, что это были непременно аланы. Это, скорее всего, были кочевники из азиатской части кочевого мира, но называться они могли своим племенным именем. Не исключено, что они могли войти в сиракский союз племен.

Теперь обратимся к антропологическим материалам из памятников среднесарматского времени. Такая возможность имеется благодаря многолетним и целенаправленным исследованиям М.А. Балабановой. Подтверждена многокомпонентная в антропологическом отношении основа среднесарматской культуры. На среднесарматское время приходится увеличение долихокранного населения, «носителей долихокранных вариантов южных европеоидов». В это время появляется и немногочисленная группа носителей «монголоидных сочетаний», но в чистом виде они не представлены ни в одной из сарматских серий. Население с этими признаками – миграционного происхождения, связанное с восточно-азиатскими регионами. Тип длинноголовых европеоидов в среднесарматское время очень хорошо представлен на территории Астраханского Правобережья. Иная картина в Заволжских районах, здесь морфотип нового населения не так очевиден. К востоку от Волги в большей мере сохраняется старое население, для которого характерна брахикрания. В данном случае то, что было замечено на основе археологического материала, подтверждается антропологическими данными. В таких курганных группах, как калиновская, бережновская, калмыковская, верхнебалыклейская, для среднесарматского времени характерно наличие антропологического типа, который доминировал здесь еще в раннесарматское время (Балабанова, 2003, с. 243; 2010б, с. 73, 74; 2010г, с. 126). Эта же тенденция выявляется и в ряде памятников междуречья Волги и Дона, например, в курганных могильниках Первомайский и Новый (Балабанова, 2010а, с. 27). В целом же для междуречья характерно сочетание пришлого компонента с предшествующим брахикранным населением, что привело к формированию у населения мезокранных черт (Балабанова, 2003, с. 243).

Интересно отмеченное краниологическое сходство среднесарматского населения Северного Причерноморья и Заволжья, в том и другом районах высока доля населения, характеризующегося брахикранией. М.А. Балабанова полагает, что такая ситуация находит объяснение в миграции сарматов Заволжья в Причерноморье, без участия кочевников междуречья Волги и Дона (Балабанова, 2010б, с. 73).

Краниологический материал из диагональных погребений чрезвычайно неоднороден, в нем присутствует как брахикранный, так и долихокранный тип. М.А. Балабанова полагает, что носители диагонального обряда захоронения пришли с востока, среди них было как длинноголовое, так и короткоголовое население. «Восточный налет» фиксируется в особенностях их краниологии: более уплощенное лицо на обоих уровнях, особенно у мужчин (Балабанова, 2010б, с. 73).

Исследование антропологического материала среднесарматского времени с Нижнего Дона свидетельствует об инфильтрации кочевого населения в состав жителей меотских городищ, возникших здесь на рубеже эр, что, собственно, подтверждает вывод, ранее сделанный на основе анализа археологических данных (Батиева, 2007, с. 127, 128).

4.5. Внешнеполитическая активизация сарматов

В среднесарматский период активизируется внешнеполитическая деятельность различных сарматских группировок. В отличие от предшествующего времени, кроме военных акций в закавказском регионе и отдельных взаимоотношений с северопричерноморскими государствами, сарматы начинают оказывать давление на приграничные районы Римской империи в Подунавье.

Что касается закавказских событий, то источники сохранили сведения о трех крупномасштабных акциях сарматов в 35, 72, 135 гг. н.э. Первая из них приходится на конец правления римского принцепса Тиберия и имеет отношение к соперничеству Рима и Парфии на Переднем Востоке, в которое были втянуты и другие народы и государства. Эти события нашли отражение в лаконичной форме у Иосифа Флавия (*Иудейские древности*, XVIII, 4, 96–100) и более подробно у Корнелия Тацита (*Анналы*, VI, 31–36)

У Флавия речь идет о том, что римляне пытались склонить иберийского и албанского царей воевать против Парфии во главе с Артабаном. «Но те сами не согласились воевать, а направляют на Артабана скифов, дав им проход через свои земли и открыв Каспийские ворота». В греческом варианте текста Флавия в этих событиях участвуют аланы. Парфия потеряла ранее захваченную Армению, погиб сын царя и большинство воинов, многие «лучшие из местных жителей были перебиты», страна была опустошена. География событий, упоминание Каспийских ворот предполагает вторжение кочевников, именуемых скифами, с севера из-за Кавказских гор, в этом случае таковыми могли быть только сарматы, возможно аланы.

Тацит более подробно освещает эти события и определенно указывает на участие в них сарматов. Время указанной военной акции определяется консульством Гая Цестия и Марка Сервилия. В основе этих событий лежали противоречия между Римом и Парфией. Поддерживаемые Римом иберы во главе с Фарасманом нападают на Армению, которая в тот момент находилась в подчинении Парфии. Парфянский царь Артабан «поручает своему сыну Ороду отомстить неприятелю; он дает ему войско парфян и рассылает людей для набора отрядов наемников». Фарасман «получает поддержку албанов и поднимает сарматов». Тацит говорит о двух группировках сарматов, во главе которых стояли скептухи. Сарматы, «приняв подарки от обеих сторон, по обычаю своего племени отправились на помощь и к той и к другой» противоборствующим сторонам. Но иберы быстро пропустили по Каспийской дороге тех сарматов, которые шли им на помощь, заперев все проходы для той сарматской группировки, которая должна была прийти на помощь парфянам. Участие сарматов в этом конфликте в значительной мере способствовало успеху коалиции Фарасмана, парфяне потерпели поражение.

Описанному эпизоду посвящено достаточно много работ, в которых авторы пытались выяснить, какие из известных сарматских этноплеменных объединений могли принять участие в указанных закавказских событиях. Выше я уже касался данного вопроса относительно дискуссии об участии в них аланов. Здесь только отмечу, что выдвигавшуюся версию о том, что поскольку Флавий называл аланов скифами, обитавшими у Танаиса, то и в латинской версии его труда «Иудейские древности» под скифами надо видеть аланов, следует считать неубедительной, по той причине что многие античные авторы, относя те или иные народы к скифам, имели в виду не этническую принадлежность, а их специфику, связанную с кочевым образом жизни. К тому же Тацит говорит о двух сарматских группировках, решивших принять участие в закавказском походе. С одной стороны, это могли быть разные этнополитические объединения. В этом случае резонным является мнение о том, что таковыми могли быть аорсы и сираки, между которыми, вероятно, существовали противоречия,

судя по последующим их взаимоотношениям. С другой стороны, это могли быть отдельные племенные группировки, входившие в одно более крупное этноплеменное объединение уровня сложного вожества. Сепаратизм – черта, характерная для кочевых обществ. Если все же принять версию участия аланов в рассматриваемых событиях, то они могли занимать в это время какую-то часть территории, располагающейся в Северо-Западном Прикаспии и Нижнем Поволжье, а Нижнее Подонье и Кубань занимали аорсы и сираки, поскольку они здесь фиксируются тем же Тацитом в 49 г. н.э. Здесь следует сделать одно замечание. А. Алемань указывал, что в рукописи Тацита употреблялись такие варианты этнонимов, как *adorsi/advorsi* и *siracusi*, которые были исправлены Ю. Лепсиусом в 1574 г. на *Aorsi* и *Siraci* (Алемань, 2003, с. 60). В этом случае название народов, впервые упомянутых ранее Страбоном, даны в измененной форме, что ставит вопрос об их идентичности в сочинениях Страбона и Тацита. Не следует, видимо, исключать участие в этих событиях аланов, но, как мне представляется, проблема определения конкретного участника в рассматриваемом событии из известных по письменным источникам племенных объединений, обитавших к северу от Кавказа, еще ждет своего убедительного обоснования.

Второй эпизод, связанный с событиями 72 г., также получил широкое освещение в специальной литературе, только в этом случае речь шла не столько об определении конкретного участника похода в Закавказье, сколько о его маршруте. Основным источником по этому эпизоду является сочинение Флавия (*Иудейская война*, VII, 7, 4). Поскольку выше я уже касался этого события, здесь в его освещении остановлюсь на отдельных моментах. Флавий в указанном труде отметил, что исходной территорией похода аланов являлись районы Меотиды и Танаиса. Сам же поход начался с прохода через Гирканию и нападение на Мидию, а завершился ограблением Армении. Сведения Флавия были полностью повторены епископом медиоланским Амвросием, жившем в IV в. (*О разрушении города Иерусалима*, V, 1). Некоторыми исследователями высказывалось мнение, что за Меотийское озеро и Танаис, около которых, по Флавию, обитали аланы, следует признать Аральское море и Сыр-Дарью, поскольку со времен Александра Македонского такое представление сложилось в античной географии (*Страбон. География*, XI, VII, 4). Однако принять это утверждение нельзя, поскольку из того же сочинения Флавия следует, что за Меотиду и Танаис он принимал то, что мы сейчас называем Азовским морем и Доном (*Иудейская война*, II, 16, 4).

Аланское этноплеменное объединение, сформировавшееся на территории Средней Азии и вытеснившее в конечном счете из Волго-Донских степей аорсов, заняло лидирующее положение в этом регионе. При принятии версии о принадлежности богатейших курганных захоронений на Дону и частично на Волге аланской знати, а эта версия наиболее убедительная на сей день, мы вполне можем допустить, что это объединение могло контролировать достаточно обширную территорию от Северного Кавказа до Средней Азии и, возможно, какую-то часть Средней Азии. Об этом, в частности, свидетельствует длительность пребывания здесь аланского этноса. Так, хорезмиец ал-Беруни (X в.) упоминает аланов и асов, живших по нижнему течению Аму-Дарьи (Волин, 1941, с. 194). Изучение племенного состава туркменского народа выявило, что на территории Туркмении, в Таджикистане и Афганистане еще в первой половине XX в. существовало большое количество аланских хозяйств. По словам старожил, на территорию Туркмении они пришли с Мангышлака, где владели большим укреплением «Алан» (Бахтиаров, 1930, с. 39–40; Карпов, Арбеков, 1930, с. 25–28). Известно, что вплоть до наших дней на Мангышлаке сохранились развалины крепости, именуемой «Алан-Кала».

В данном случае не следует исключать, что начало аланского похода рассматриваемого времени могло происходить с территории Средней Азии, а их

возвращение могло осуществляться через кавказские проходы. Маршруты военных набегов на страны южного Прикаспия и Закавказья были известны среднеазиатским кочевникам еще в доаланский период. Интересные параллели в этом плане мы находим в средневековой истории. Так, монгольские полководцы Субэдэй и Джэбэ из Средней Азии с боями обогнули с юга Каспийское море, через Дербентский проход вышли на территорию Северного Кавказа, затем прошли в половецкую степь и через Среднее Поволжье вернулись в Среднюю Азию. Эмир Тамерлан в борьбе с Золотой Ордой совершил два похода с территории современного Узбекистана. Первый, в 1391 г., проходил через степи к реке Урал и затем к Волге, где в месте, находившемся недалеко от современной Самары, разбил золотоордынское войско. Во время второго похода в 1395 г. Тамерлан с войском обошел Каспийское море с юга и через Дербент вышел к Тереку, где в генеральном сражении была окончательно решена судьба Золотой Орды, и, разгромив золотоордынские города в Поволжье, тем же путем вернулся в Среднюю Азию.

Существует точка зрения, восходящая к предложенной И. Марквартом лингвистической конструкции, по которой Гирканией могла называться Иберия (Гутнов, 2001, с. 132). Но даже если это так, то в данном случае все равно нарушалась последовательность продвижения аланов по Флавию. Если бы аланы начали свое вторжение с Иберии (Гиркании), то дальше на их пути, скорее всего, должна была быть Армения, а уже затем Мидия, но, как известно, аланы, пройдя через Мидию, завершили свой поход разорением Армении.

Исследователями часто используются армянские и грузинские источники в описании походов северных кочевников в закавказские районы. Однако хронологическая привязка отдельных эпизодов, приводимых в них и имеющих отношение к нашей теме, весьма проблематична. Как, кстати, и определение участников закавказских походов, поскольку обычно в них фигурируют названия народов, относящихся к разным историческим периодам. Так, например, А.А. Гуаллагов в монографической работе описание похода аланов 72 г. н.э. начинает со свидетельства Мовсеса Хоренаци («История Армении»), жившего в V в. (Гуаллагов, 2001, с. 256), то же самое находим у других авторов (Габуев, 1999, с. 32, 33; Гутнов, 2001, с. 132, 133). Казалось бы, в сюжете Мовсеса, где речь идет о вторжении аланов совместно с горцами в Армению, есть хронологической ориентир – это упоминание армянского царя Арташеса. Но правление ни одного из известных армянских царей с этим именем не совпадает с датой похода, состоявшегося в 72 году. Да и сам характер событий в изложении Мовсеса достаточно сильно отличается от повествования Иосифа Флавия. В армянском источнике Арташес вытесняет аланов за реку Куру, аланы вынуждены были просить мира. Аланская царица Сатиник обращается с просьбой к Арташесу отпустить находящегося у него в плену ее брата. И только на условии, что она станет его супругой, между обеими сторонами был заключен мир. Иную картину этих событий рисует Флавий, аланы во время похода 72 г. опустошили Армению, а ее царь Тиридат едва не попал в плен. Здесь имеет место совпадение даты похода и времени правления армянского царя Тиридата (62–88 гг.), а не Арташеса. И конечно, в интерпретации описываемых событий предпочтение следует отдавать данным, которые приводит Флавий, еще и по той причине, что он был современником излагаемых им событий.

Для закавказских источников характерна такая черта, как использование старых эпических рассказов, фиксируемых последующей традицией (Алемань, 2003, с. 374). Конкретная историческая их интерпретация во многих случаях весьма проблематична, можно только в целом говорить о наличии контактов народов Северного Кавказа, среди которых могли быть и аланы, с Закавказьем. В этом отношении я полностью разделяю мнение С.М. Перевалова об отсут-

ствии конкретной информации в армянских и грузинских источниках в освещении закавказских событий, первых веков н.э. Приведенные им высказывания известных специалистов армянского и грузинского происхождения убедительно подтверждают мнение, что полностью опираться на легендарные сюжеты этих произведений без проверки их данными из других источников не следует (Перевалов, 2014, с. 7).

Следующее вторжение аланов в Закавказье, сведения о котором оставили письменные источники, относится к 135 году. Лаконичную информацию об этом событии мы находим у Диона Кассия в его «Римской истории». Вторжение аланов было инициировано иберийским царем Фарасманом, оно сильно потрясло Мидию, также коснулось Армении и Каппадокии. Вторжение это было прекращено в связи с дарами, предоставленными аланам парфянским царем Вологесом. Кроме того, аланы побоялись столкновения с правителем Каппадокии Флавием Аррианом (*Римская история*, LXIX, 15). В трактовке этого сюжета имеется один нюанс: в переводе В.В. Латышева в указанном фрагменте фигурируют не аланы, а албаны, по происхождению массагеты. Если в подлиннике указаны албаны, то в этом случае автором допущена ошибка, которая имеет определенные основания, поскольку в источниках имела место путаница в упоминании аланов и албанов. Конечно, здесь речь идет об аланах, поскольку именно античная традиция связывала происхождение только аланов с массагетами. Кроме того, в нашем распоряжении имеется фрагмент «Диспозиция против аланов» из несохранившегося сочинения Флавия Арриана. Арриану, являвшемуся при императоре Адриане наместником римской провинции Каппадокии (131–137 гг.), располагавшейся на востоке Малой Азии, во время своего наместничества реально приходилось иметь дело с аланами.

Я остановился здесь на трех эпизодах вторжения кочевников с севера в Закавказье. Их, вероятно, было гораздо больше, в письменных источниках той эпохи в большей мере нашли отражение, видимо, наиболее масштабные военные акции этого плана. В специальной литературе сложилось мнение, что частые вторжения кочевников в Закавказье, постоянно дестабилизировавшие в этом регионе политическую обстановку и наносившие существенный ущерб союзникам Рима, побудили императора Нерона в конце его правления заняться подготовкой грандиозного восточного похода. Это событие нашло отражение в сочинении Тацита, где говорится о том, что Нерон, готовясь к войне с албанами, занимался вербовкой армии в Германии, Британии и Иллирии, которую затем отправил к каспийским ущельям, но вынужден был вернуть ее для подавления восстания Виндекса, охватившего Галлию (*История*, I, 6). Информация о подготовке восточного похода Нероном имеется и у Гая Светония, который отметил, что Нерон «набрал в Италии новый легион из молодых людей шести футов роста и назвал его «фалангой Александра Великого», который должен был направиться к Каспийским воротам (*Жизнь двенадцати цезарей. Нерон*, 19, 2).

А. Алемань отмечал: начиная с Т. Моммзена считается, что Тацит принял за аланов албанов и, таким образом, готовящийся поход Нерона был направлен против аланов. А. Алемань также считал, что такое мнение маловероятно, поскольку удары аланов приходились в основном по сателлитам Парфии, а это было в интересах Рима (Алемань, 2003, с. 61). Надо отметить, что из имеющихся источников сложно определить цель данной военной акции Нерона. Противоречие можно обнаружить у самого Тацита, который в другом месте своей «Историей» говорит о том, что перед восстанием Виндекса Нерон направил конные войска в Египет, куда намеревался прибыть и сам (*История*, I, 70). Дион Кассий сообщает о том, что Нерон предполагал совершить несколько походов против Парфии и в Эфиопию (*Римская история*, LXVIII, 8, 1). Противоречия в источниках породили большое количество гипотез о целях восточного похода Нерона – от указания конкретных

объектов нападения до популистской демонстрации силы. Я не считаю своей задачей рассматривать все эти версии, это отдельная тема. Думаю, что если Нерон и замыслил такой поход, то навряд ли его единственной целью было поставить под контроль кавказские проходы и ограничить проникновение сармато-аланских группировок в Закавказье.

К среднесарматскому периоду в Северо-Причерноморском регионе произошли существенные изменения. После победы над понтийским правителем Митридатом VI Евпатором Рим начинает активно включать в сферу своих интересов и политики территории Причерноморья. В результате завоевательных войн Рима на Балканах в низовьях Дуная в начале I в. н.э. была образована римская провинция Мёзия, на Дунае стала создаваться сеть оборонительных сооружений, получившая название Дунайского лимеса. С рубежа эр и в первые века н.э. в Подунавье сарматы непосредственно вступают в контакт с Римской империей. В отличие от Северного Кавказа в Северо-Западном Причерноморье претендентов на конфронтацию с Римом было гораздо больше. Кроме сарматов, здесь обитали даки, племена фракийского происхождения, а также германские народы: квады, маркоманы, бастарны и др. Г. Плиний из числа сарматов к северу от Дуная на территории, прилегающей к побережью (имеется в виду Черное море), помещает гамаксобиев или аорсов, аланов, роксоланов и к северо-западу от них языгов-сарматов. Если сравнить данные расселения сарматских племен по Плинию и Страбону, то увидим существенный их сдвиг с Волго-Донского региона и междуречья Дона и Днепра на запад.

Первые сведения о появлении на Дунае сарматов относятся еще к концу I в. до н.э. Дион Кассий, например, сообщал, что Гай Луций, «одолев, отбросил за Истр савроматов» (*Римская история*, LIV, 20, 3). Это событие произошло сразу же после образования провинции Норик (16 г. до н.э.) (Зубарь, 1998, с. 20). Известия о столкновении с сарматами учащаются с начала I в. н.э. К 7 г. н.э. относится упоминание о нападении даков и савроматов на Мёзию. Овидий, сосланный Августом в Томы, где он пребывал с 9 по 18 г., упоминает языгов на Дунае (Дзиговский, 2003, с. 80, 81). В сообщении Флора, относящемся к 12 в. н.э., говорится о сарматах, разъезжающих на лошадях по широким равнинам, которых римлянам приходилось отгонять от Дуная (*Эпитомы римской истории ...*, XXIX. Сарматская война).

Тацит подробно описывает вторжение роксоланов в Мёзию, произошедшее в 69 г. н.э. Это был повторный набег на провинцию, первый произошел годом раньше, причем первое вторжение роксоланов было успешным, ими были уничтожены две римские когорты. Окрыленный успехом конный отряд роксоланов, численностью в девять тысяч воинов, в повторном набеге предался грабежам, рассыпавшись на большой территории. Римляне же выступили организованно, к тому же им благоприятствовала погода. Набег роксоланов, видимо, пришелся на раннюю весну, таял лед, шел дождь. Кони кочевников скользили, вязли в рыхлом снегу, сами они не могли эффективно пользоваться в такой ситуации ни копьями, ни длинными мечами. Роксоланы потерпели жестокое поражение. Проконсул Мёзии был награжден триумфальной статуей, а легаты, принявшие участие в этом сражении, консульскими знаками отличия (*История*, I, 79).

Сразу же вслед за вышеописанными событиями при правлении Веспасиана (69–79 гг.) происходит нападение на Мёзию «скифов, которые зовутся сарматами». Тайно переправившись через Истр, они неожиданно обрушились на римский гарнизон, многих перебили, в том числе и консульского легата Фонтея Агриппу, а затем «пронеслись по всей побежденной стране, уводя и унося всё, с чем ни встречались». Только посланные Веспасианом дополнительные войска изгнали сарматов из римской провинции (*Флавий. Иудейская война*, VII, 4, 3).

В целом ряде случаев в организации нападений на приграничные римские территории сарматы объединялись с другими народами – даками или германскими племенами. Я не собираюсь подробно описывать сармато-римские отношения в Северо-Западном Причерноморье, это отдельная большая тема, которая давно и не однажды освещалась в специальной литературе (Рикман, 1975; Шукин, 1994; Дзиговский, 2003). Здесь я обозначаю только основные ее моменты.

Римляне совершали походы на территорию, занятую варварским населением, чтобы упредить возможную опасность. Одной из известных является акция наместника Мёзии Плавтия Сильвана, пришедшаяся на 62–69 годы. В его мавзолее сохранилась надпись, в которой говорится о том, что он подавил начинающееся движение сарматов, с целью повышения сбора налогов перевел на римскую сторону Дуная более 100 тысяч варварского населения с женами, детьми и их предводителями и царями. Бастарнам и роксоланам возвратил пленных, царю даков – брата, у некоторых из них он взял заложников, скифы были отогнаны от осажденного ими Херсонеса (Дзиговский, 2003, с. 87, 88). Видимо, в связи с походом Сильвана на некоторое время была прервана связь сарматского царя Фарзоя с Ольвией, над которой он осуществлял протекторат. В настоящее время сложилось мнение, что Фарзой, а также его преемник Инисмей, известные по эмиссиям монет, чеканных в Ольвии, были сарматами аорского происхождения (Симоненко, Лобай, 1991, с. 62–75). Подкрепление эта версия получила после обнаружения в 1984 г. в Крыму у Мангупа почетного декрета, предположительно ольвийского происхождения, в котором была упомянута Аорсия, находившаяся, как полагают, недалеко от Дуная и Мёзии. Этот документ несколько позже был введен в научный оборот (Виноградов Ю.Г., 1994, с. 151–169). Однако другие источники не упоминают область или страну с таким названием.

Римляне использовали различные меры для ослабления давления на свою границу в Подунавье. Они строили военные лагеря на территории, контролируемой кочевниками, которые были необходимы для передвижения своих войск. Такие лагеря были выявлены на Нижнем Побужье (Зубарь, 1998, с. 48, 49). В более позднее время римляне создавали из варваров отряды федератов, которые выполняли задачи охраны границ империи, но, вероятно, эта тенденция зародилась несколько раньше. Не исключено, что «Золотое кладбище», возникнув сразу после событий 49 г. н.э., в котором на стороне Котиса и римлян сражались аорсы, являлось захоронением воинов, охранявших границы Боспорского царства, являющегося союзником Рима (Шукин, 1994, с. 208–209). Языгам и роксоланам в разное время римская администрация выплачивала вознаграждения за охрану римских границ по Дунаю.

Глава 5. ПОЗДНЕСАРМАТСКИЙ ПЕРИОД

5.1. История выделения позднесарматской культуры

Здесь нет необходимости излагать во всем объеме историю изучения позднесарматской культуры. Такая работа уже в разные годы выполнялась. На начало 80-х гг. прошлого века история изучения позднесарматской культуры за предыдущее время была изложена мной (Скрипкин, 1984, с. 3–23). В недавнее время эта тема рассматривалась в связи с изучением позднесарматской культуры в разных регионах (Трибунский, 2003; Кривошеев, 2005). Последнее обобщенное освещение истории изучения рассматриваемой культуры принадлежит М.Г. Мошковой (Статистическая обработка ..., 2009, с. 9–14). Обозначу только основные вехи в ее оформлении в самостоятельную археологическую культуру.

Выделение памятников позднесарматской культуры восходит к исследованиям П.Д. Рау в 20-х гг. XX в. в Нижнем Поволжье, который погребения, датируемые им III–IV вв., отнес к позднеримской стадии (Stufe B). Наиболее типичными чертами в погребальном обряде этой стадии он считал сооружение под курганами узких грунтовых ям с подбоем, преимущественно в западной стенке, а также северную ориентировку погребенных. Специфической особенностью этой культуры, по его мнению, являлось широкое распространение обычая искусственной деформации черепов (до 70 %). Для погребального инвентаря – мечи и кинжалы без металлических перекрестия и навершия, зеркальца-подвески, миниатюрные кубические сосудики (курильницы), железные ножницы, граненые сердоликовые бусы и др. (Рау, 1927).

Б.Н. Граков для памятников, выделенных П.Д. Рау в позднеримскую стадию (Stufe B), вводит новое название – аланская, или шиповская, культура. В Волго-Уральском регионе ему было известно более двухсот погребений этой культуры. Поскольку Б.Н. Граковым было сформулировано положение о культурном единстве савроматов и сарматов, то аланская, или шиповская, культура рассматривалась им как заключительная четвертая ступень этой общей культуры (Граков, 1947, с. 100–121).

Еще до выхода в свет статьи Б.Н. Гракова для стадий культуры кочевников раннего железного века Волго-Уральского степного региона были предложены другие названия. В частности, в кандидатской диссертации К.Ф. Смирнова было введено название «позднесарматская стадия». В дальнейшем в работах К.Ф. Смирнова наряду с термином «позднесарматская стадия» используется название «позднесарматский этап», в то же время он подчеркивает культурную специфику этого периода (Смирнов, 1950, с. 97–114; 1954, с. 195–219). В последнее время по отношению к памятникам этого времени стало использоваться название «позднесарматская культура», которое в настоящее время является доминирующим.

С течением времени установились двойные адекватные названия сарматских культур: одно из них отражало этап развития сарматской культуры, другое – его отождествление с одним из наиболее типичных памятников (раннесарматская = похоровская; среднесарматская = сусловская, позднесарматская = шиповская

культуры). Во второй половине 60-х гг. прошлого века И.П. Засецкая группу погребений у с. Шипово, которые в свое время Б.Н. Граков определил как эпонимные для позднесарматской культуры, включила в число памятников гуннского времени. И.П. Засецкая справедливо отметила, что шиповские погребения относятся к другому культурно-историческому периоду, поэтому название «шиповская культура» не может быть применимо для обозначения позднесарматской культуры (Засецкая, 1968, с. 52–62). Таким образом, у позднесарматской культуры не оказалось своего эпонимного памятника.

5.2. Археологическая характеристика позднесарматской культуры

Поскольку позднесарматская культура первоначально была выделена на материалах Нижнего Поволжья и Южного Приуралья, то в основу ее характеристики были положены типичные признаки соответствующих памятников именно этих регионов. После работ Б.Н. Гракова и К.Ф. Смирнова позднесарматская культура Нижнего Поволжья и Южного Приуралья не однажды была объектом специальных исследований (Скрипкин, 1973; 1984; Трибунский, 2003; Кривошеев, 2005; Мошкова, 2009; Малашев, 2013).

Последний и наиболее полный анализ погребального обряда позднесарматской культуры Азиатской Сарматии принадлежит М.Г. Мошковой. Базу ее исследования составили 811 погребальных комплексов. Здесь я обозначу только наиболее типичные ее черты. В рассматриваемом регионе позднесарматская культура представлена погребениями преимущественно под индивидуальными небольшими курганными насыпями (91,3 %). Преобладающими являются ямы подбойных конструкций (45,63 %), второе место занимают узкие прямоугольные ямы (19,05 %), далее следуют широкие прямоугольные ямы (10,32 %), реже встречаются другие конструкции ям: катакомбы, овальные ямы, ямы с заплечиками. Определяющей для позднесарматской культуры является ориентировка погребенных головой в северный сектор (на север – 48,15 %, северо-запад – 12,86 %, северо-восток – 5,83 %; совокупно – 66,84 %). Специфической чертой позднесарматской культуры следует считать высокий процент искусственной деформации черепов (41,02 %) (Мошкова, 2009, с. 86–91).

Однако в разных районах большой территории, которой является Южное Приуралье и Нижнее Поволжье, основные признаки позднесарматской культуры значительно варьируют. Так, например, особенно высок процент ориентировок погребенных в северный сектор в Южном Приуралье, в северных районах этого региона она составляет 95,78 %. В южной части междуречья Волги и Дона (к югу от наибольшего сближения Волги и Дона на параллели Волгограда) ориентировка в северный сектор равна 46,64 %, значительно возрастает ориентировка в южный сектор – 28,62 % (Мошкова, 2009, с. 88), причем здесь на раннем этапе позднесарматской культуры ориентировка погребенных в южный сектор преобладает (51 %) (Скрипкин, 1984, табл. 8). Здесь же, на этом этапе, отмечено наибольшее количество диагональных погребений с южной ориентировкой костяков (Кривошеев, Скрипкин, 2006, с. 129). Наибольшее количество погребенных с искусственно деформированными черепами зафиксировано в южной группе Приуралья (64,59 %) (Мошкова, 2009, с. 93) (рис. 44, 45).

Заупокойная пища встречена примерно в четверти известных погребений позднесарматской культуры (23,92 %). Она представлена преимущественно костями ног овцы с лопатами или тазовыми костями.

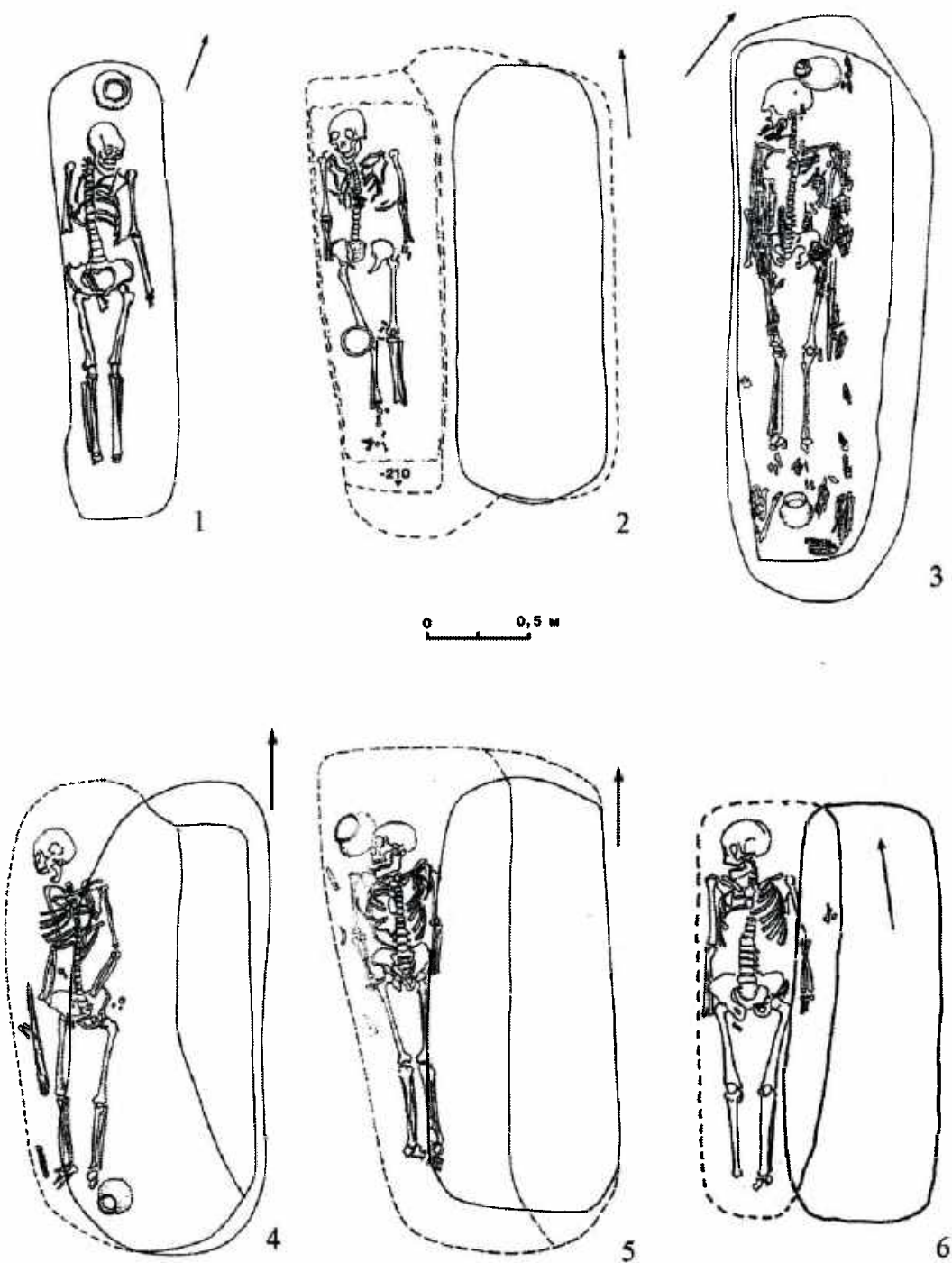

Рис. 44. Южное Приуралье. Основные типы позднесарматских погребений из Покровского курганного могильника 10

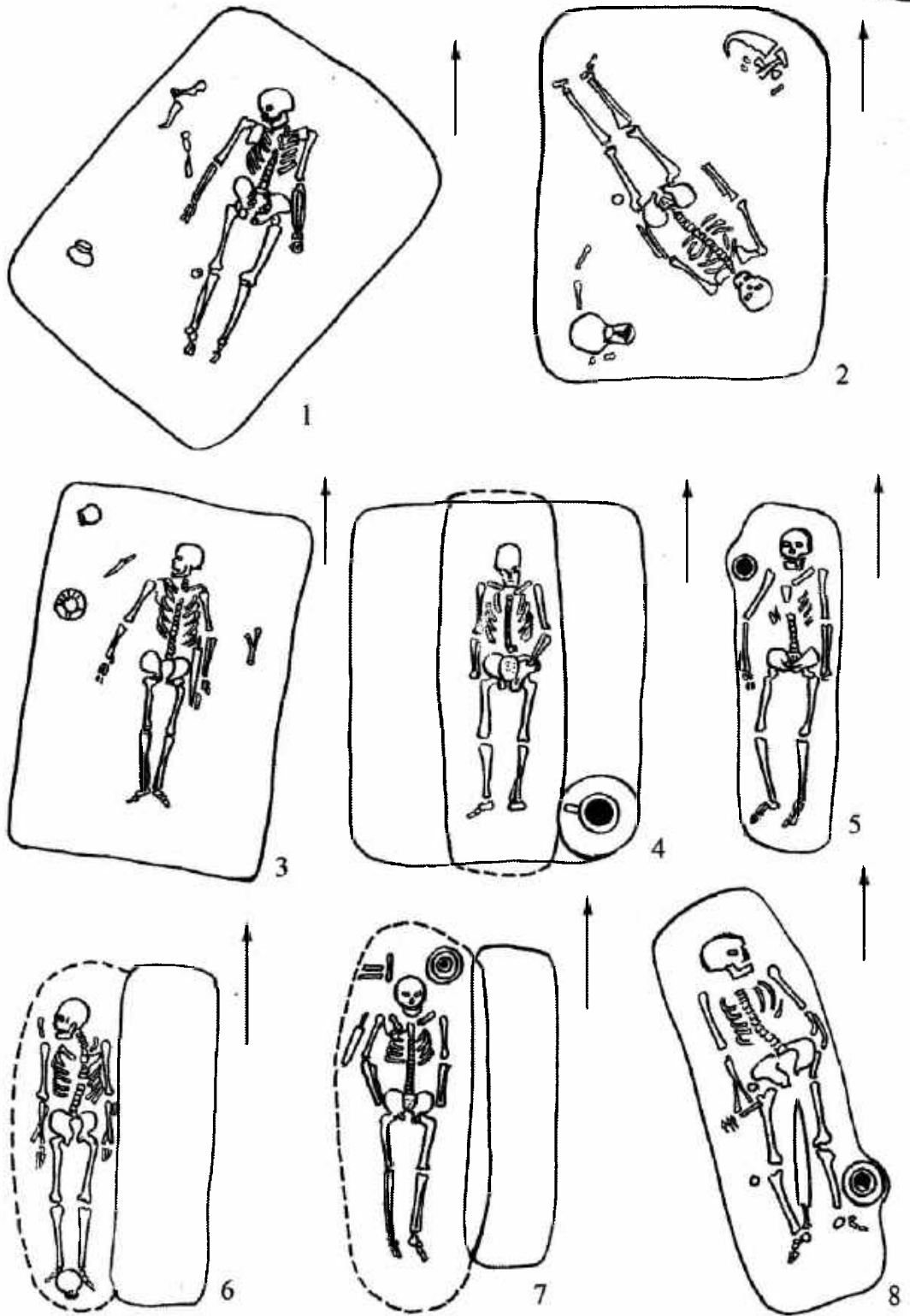

Рис. 45. Волго-Донской регион. Позднесарматская культура. Типы погребений:

1 – Максютово, к. 2; 2 – Жутово, к. 6; 3 – Бережновка II, к. 58; 4 – Старица, к. 69;
5 – Шульц, к. Д1; 6 – Ленинск, к. 4; 7 – Калиновка, к. 7; 8 – Бородаевка, к. Д4

Вещевой материал позднесарматской культуры в основном представлен теми же категориями, что и предыдущие сарматские культуры. Это лепная и гончарная посуда, глиняные курильницы, вооружение (мечи, кинжалы и железные наконечники стрел), бронзовые зеркала, фибулы, украшения (бусы, серьги, медальоны), металлические пряжки, пряслица. Новой категорией, пожалуй, являются находки железных ножниц. Естественно, что все перечисленные выше категории отличаются от предшествующего времени набором типов.

Наиболее массовой категорией находок в погребениях позднесарматской культуры Волго-Уральского региона является глиняная посуда. Несколько преобладают лепные сосуды. По данным М.Г. Мошковой, они обнаружены в 66,83 % погребений, гончарные – в 56,35 %. Среди лепной посуды чаще встречаются горшки (71,95 %), среди гончарной – кувшины (45,73 %) и миски (29,54 %).

Реже встречается оружие, оно было обнаружено в 23,8% погребений. Несколько чаще оружие встречается в междуречье Волги и Дона (30,4 %), реже в Южном Приуралье (14 %). Среди клинкового оружия преобладают мечи, они были найдены в 85 погребениях, кинжалы в – 49. Достаточно редко, по сравнению с другими периодами, встречаются наконечники стрел, они были обнаружены всего в 26 случаях, причем количество стрел в одном комплексе обычно невелико – от 1 до 10 экземпляров. Наконечники копий встречены всего три раза, в одном погребении было найдено два дротика (Мошкова, 2009, с. 96, 97). Только в одном погребении, в кургане 25 могильника Валовый I на Нижнем Дону, сразу были найдены меч, 2 кинжала и 2 топора.

Относительно частыми находками в погребениях позднесарматской культуры данного региона являются фибулы (16,87 %). Среди бус чаще встречаются бусы из стекла (12,01 %), реже из гагата, сердолика, янтаря. Редко встречаются серьги.

Бронзовые зеркала, которые известны во всех сарматских культурах, в позднесарматских погребениях обнаружены в 15,04 % случаев, причем в подавляющем большинстве они представлены целыми формами.

Из других категорий чаще встречаются ножи (35,07 %), пряслица (18,93 %), каменные оселки (13,11 %), железные пряжки (9,95 %), конская узда представлена в основном железными удилами (6,31 %), редки находки нагаек, железные ножницы встретились в 6,43 % погребений (рис. 46, 47).

В последней четверти XX в. на Нижнем Дону преимущественно ростовскими археологами были раскопаны курганы с погребениями в катакомбах, датируемые серединой III – IV веком. Значительная их часть располагалась на левобережной стороне Дона, преимущественно в бассейне Сала и в междуречье Сала и Дона. Аналогичные памятники были открыты и на правобережье Дона (рис. 48, 49) (Безуглов, 1990, с. 80–87; Безуглов, Захаров, 1988, с. 5–28; Безуглов, Копылов, 1989, с. 171–183; Безуглов, Глебов, 2002, с. 288–301). Исследователи нижнедонских памятников этого типа, отмечая значительные изменения в погребальном обряде и материальной культуре курганных памятников на Нижнем Дону с середины III в. н.э., допускали возможность их миграционного происхождения. Катакомбный обряд погребения с середины III в. н.э. на Нижнем Дону наслои́лся на памятники позднесарматской культуры, которые существовали здесь уже в течение века. Курганы с подбойными ямами, наиболее типичные для более ранней здесь позднесарматской культуры, и курганы с катакомбами существовали чересполосно в пределах одного могильника. Правда, со временем начинали доминировать погребения в катакомбах.

Курганные могильники, в которых обнаружены погребения в катакомбах, датируемые серединой III – IV в., как отмечалось, в основном тяготеют к Нижнему Дону, отдельными захоронениями и группами они встречаются до Дуная. Самое восточное позднесарматское погребение в катакомбе в междуречье Дона и Волги обнаружено на волжском правобережье, практически на берегу Волги, в Черныярском районе Астраханской области (Скрипкин, 1974, с. 57–63).

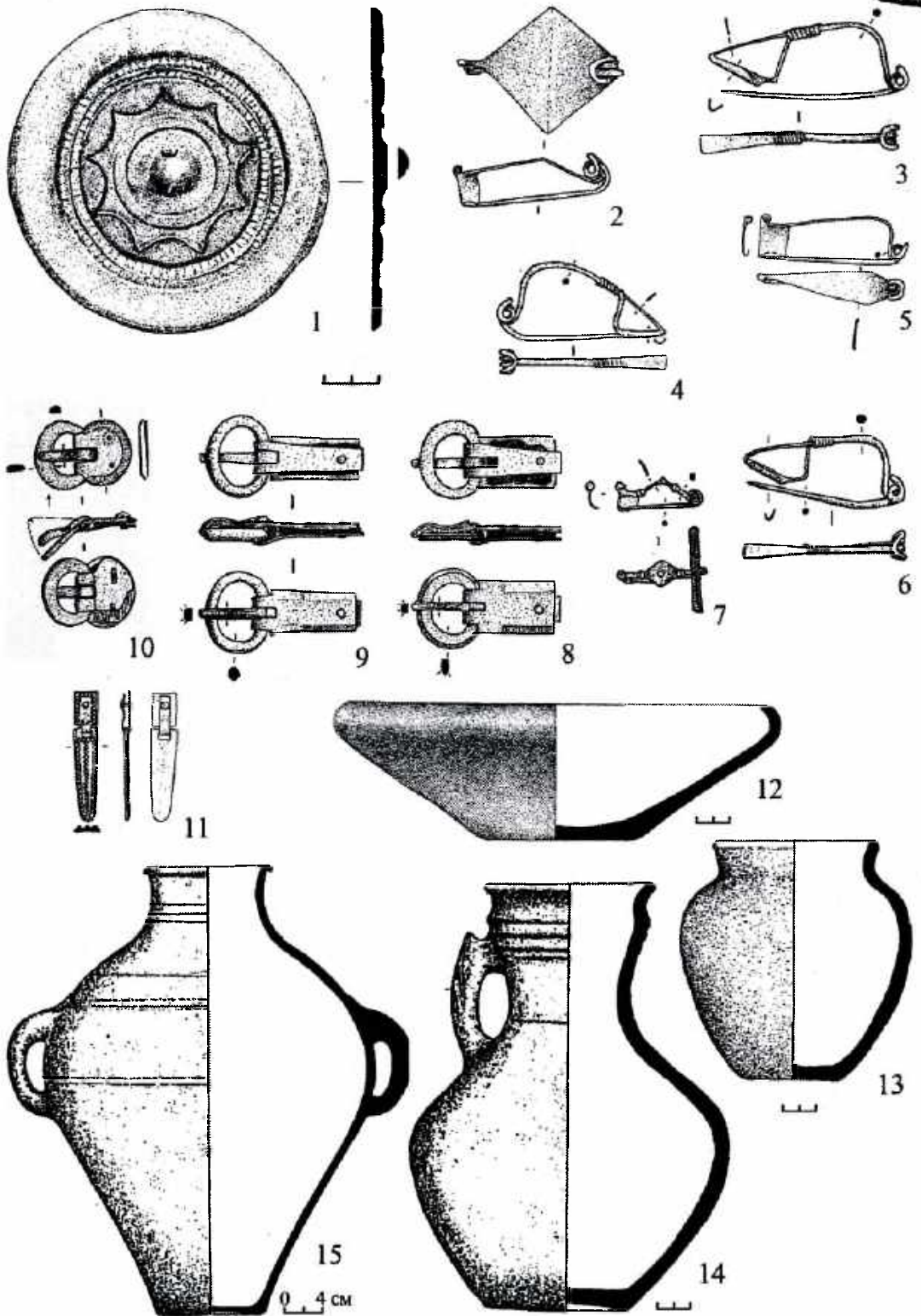

Рис. 46. Южное Приуралье. Вещи позднесарматской культуры из погребений курганных могильников у с. Покровка:

1 - бронзовое зеркало; 2-7 - фибулы; 8-10 - пряжки; 11 - наконечник ремня; 12 - глиняная миска; 13 - лепной глиняный горшок; 14, 15 - глиняные кувшины

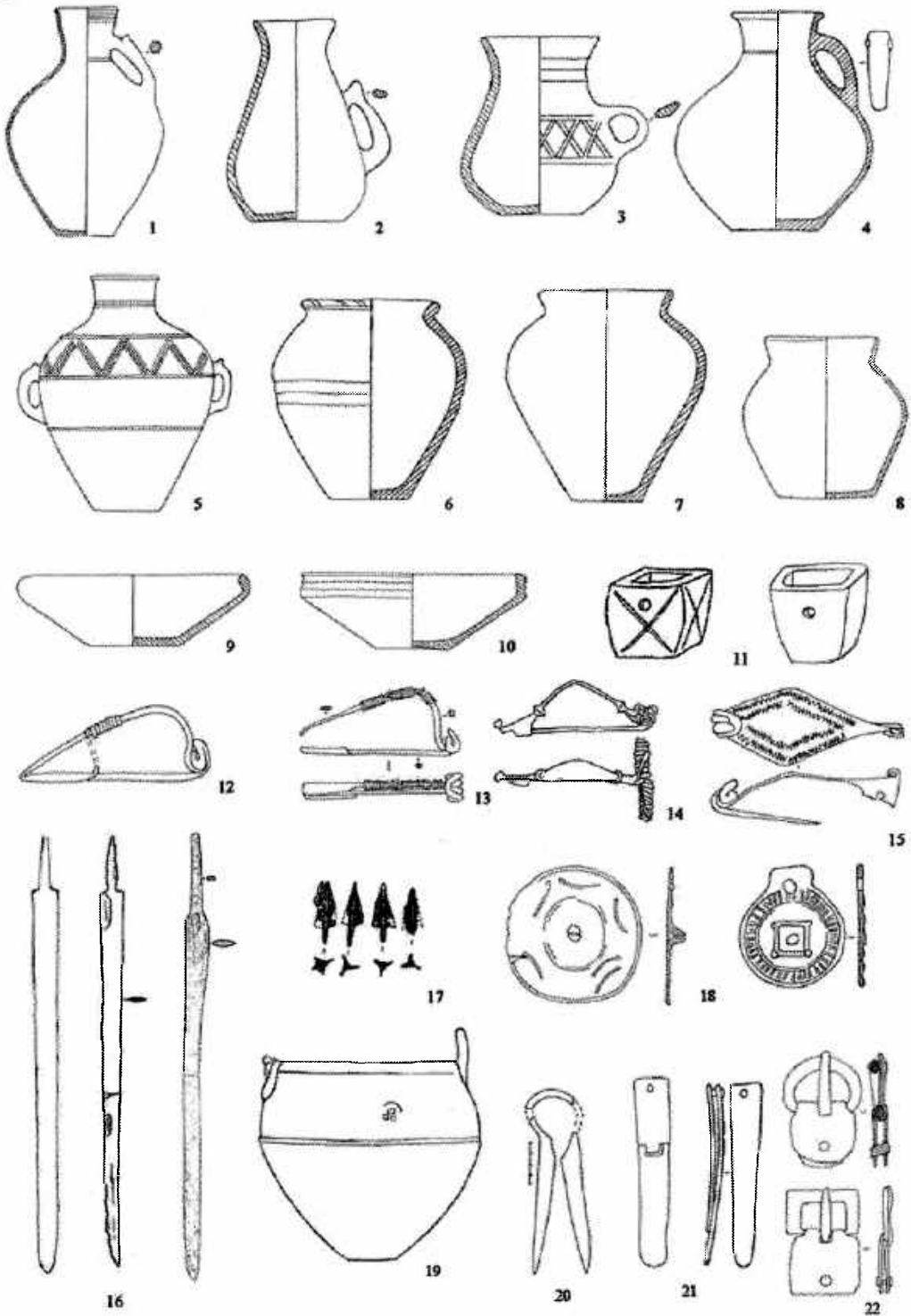

Рис. 47. Волго-Донской регион. Наиболее распространенные категории вещей позднесарматской культуры:

- 1-5 – глиняные кувшины; 6-8 – лепные горшки; 9-10 – глиняные миски;
 11 – глиняные курильницы; 12-15 – фибулы; 16 – железные мечи;
 17 – железные наконечники стрел; 18 – бронзовые зеркала; 19 – бронзовый котел;
 20 – железные ножницы; 21 – металлические наконечники ремня; 22 – пряжки

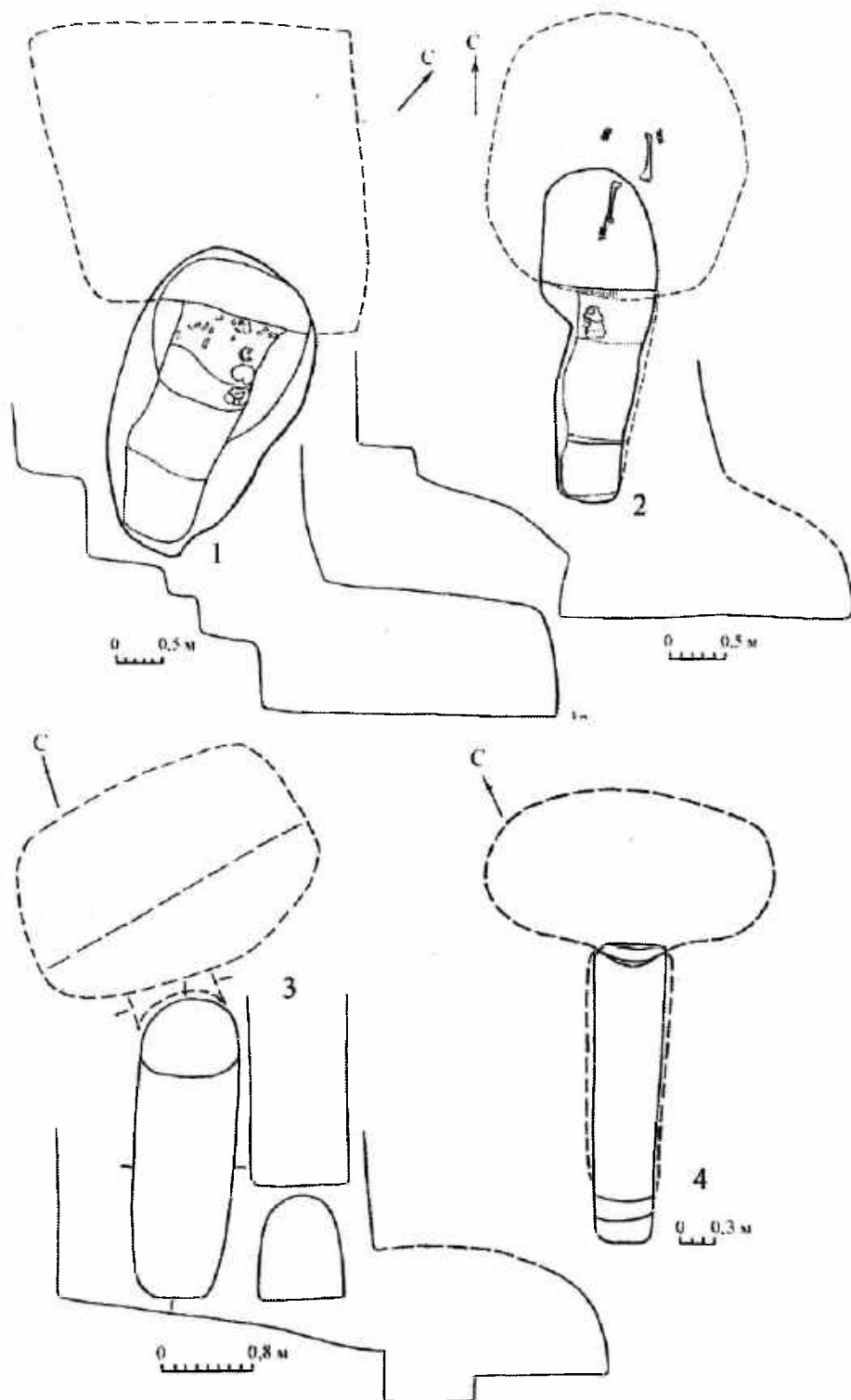

Рис. 48. Нижний Дон. Катакомбы второй половины III – IV в. до н.э.
(по: Безуглов, 2008, с. 296, 299, рис. 2, 5)

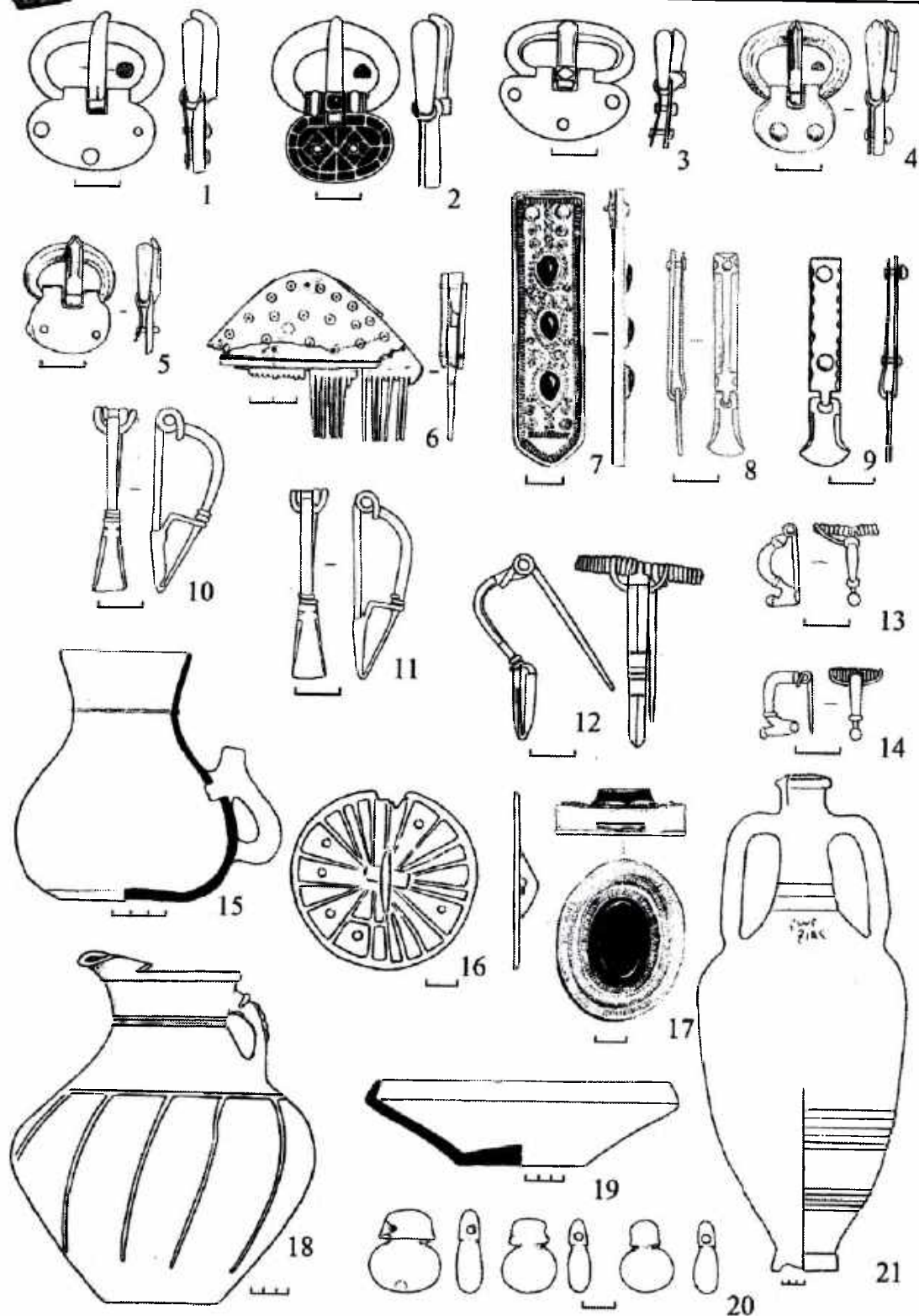

Рис. 49. Нижний Дон. Материалы катакомбных погребений второй половины III – IV в. н.э. (по: Безуглов, 2008, с. 297, 298, 301, рис. 4, 6, 7)

Существует еще одна группа погребений в катакомбах рассматриваемого времени, достаточно оторванных от Нижнедонского региона. Обнаружены они были в нескольких курганных группах, находящихся у с. Большая Дмитриевка в Саратовской области, также на правобережье Волги (Матюхин, 1997, с. 163–166). Одно погребение было открыто у с. Абганерово на юге Волгоградской области. На территории к востоку от Волги погребения в катакомбах указанного выше времени мне не известны.

Другим большим районом распространения памятников позднесарматской культуры является Северное Причерноморье. Позднесарматские памятники здесь отличаются некоторыми особенностями по сравнению с восточными районами (Мошкова, 1989б, с. 192). В этом регионе различия в погребальной обрядности рассматриваемой культуры определяются во многом хронологической позицией памятников. Общим с восточными районами распространения позднесарматской культуры является преобладание индивидуальных погребений преимущественно под курганной насыпью, доминирование ориентировки погребенных в северный сектор, наличие одинаковых типов могильных ям, но в процентном отношении их показатели отличаются от восточных районов.

В характеристике основных черт позднесарматской культуры Северного Причерноморья я сошлюсь на работы А.В. Симоненко, в которых дано наиболее полное описание как погребального обряда, так и материальной культуры (Симоненко, 1999б; 2004, с. 149–156). Все памятники позднесарматского времени Северного Причерноморья разделены им на две хронологические фазы: начальную (вторая половина II – первая половина III в.) и финальную (вторая половина III – IV в.). Ранее утвердившееся мнение о широком распространении грунтовых могильников в междуречье Днестра и Прута и в низовьях Дуная А.В. Симоненко считает не соответствующим действительности. В целом ряде случаев это были курганные могильники с небольшими насыпями, утратившими визуальное определение в связи со временем и антропогенным фактором. Грунтовыми можно считать могильники Боканы, Брынзены, Криничное и Маркауцы, они существовали в начальный период культуры¹⁵. Ведущими типами могильных ям на начальной фазе были прямоугольные ямы, ямы с заплечиками, а также ямы с подбоями. Подбойные ямы аналогичны такого типа конструкциям в восточных регионах распространения позднесарматской культуры. Они имели узкие входные ямы с подбоями преимущественно в западной стенке. Существенные изменения происходят на следующей, финальной фазе. Практически исчезают прямоугольные ямы, ведущее место занимают глубокие ямы с подбоями и катакомбы. Большинство катакомб относится ко II типу (по классификации К.Ф. Смирнова), в которых входная яма и катакомба расположены по одной оси. В значительно меньшем масштабе в памятниках позднесарматского времени практиковался обычай искусственной деформации черепа. В этом отношении особняком стоит грунтовый могильник Боканы, в котором искусственная деформация черепов у погребенных составляла 45 %.

Одной из черт погребальных памятников междуречья Днестра и Прута является сооружение рвов различных геометрических форм: квадратной, прямоугольной, трапециевидной, круглой. Первые три формы рвов использовались только в начальной фазе, круглые рвы отмечены и во второй половине III – начале IV в. (рис. 50)

¹⁵ По этому вопросу существуют разные точки зрения. А.Н. Дзиговский к грунтовым относит могильники Холмское и Васильевка в Буджакской степи, Старые Кокунешты II и Петрешты в лесостепи (Дзиговский, 2003, с. 165). По мнению А.В. Симоненко, указанные могильники были курганными, утратившими насыпи в результате многократной распашки (Симоненко, 1999б, с. 195–198).

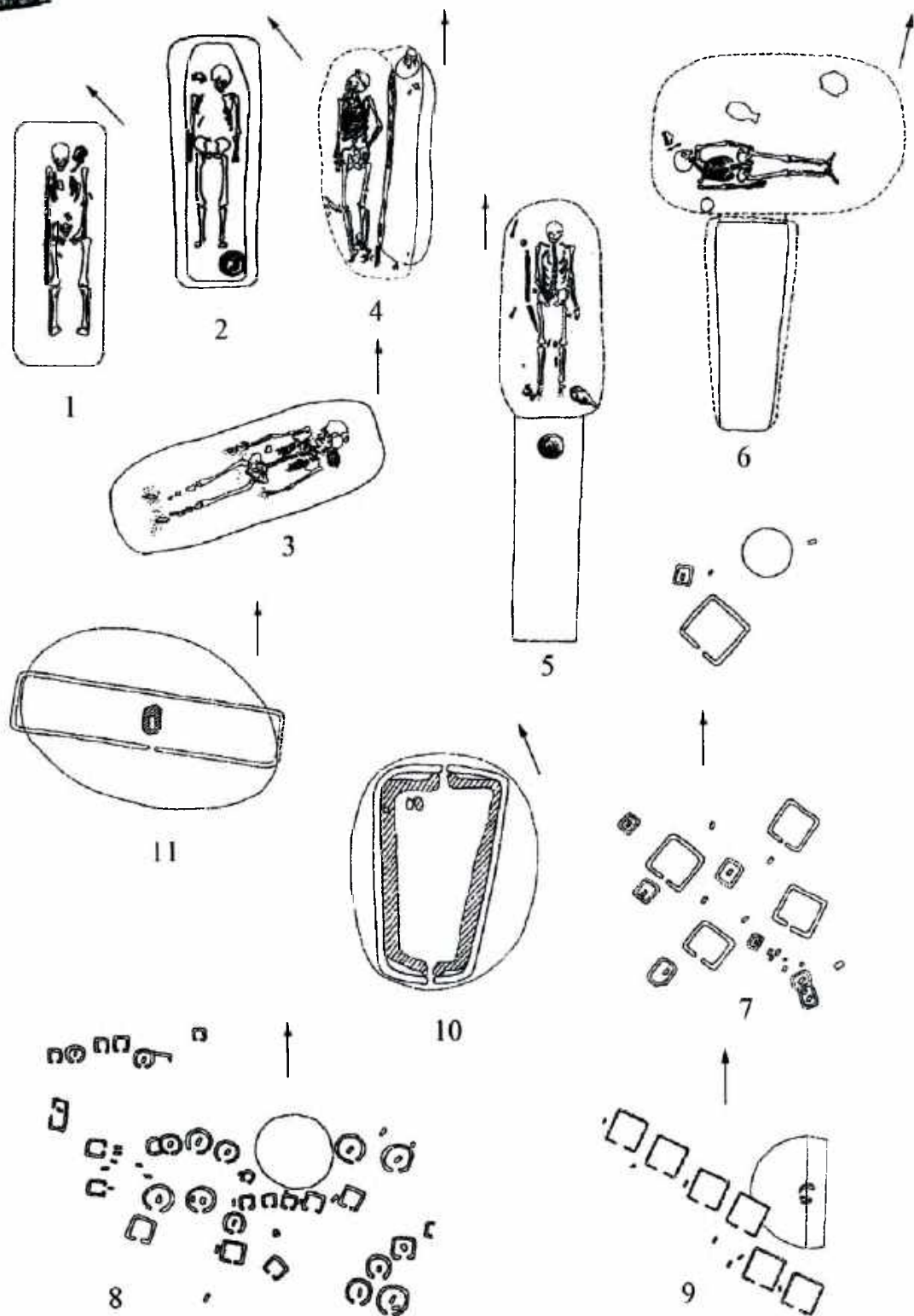

Рис. 50. Северное Причерноморье. Типы погребений позднесарматского времени (по: Симоненко, 2004, с. 171, рис. 9)

Следует отметить особенность распространения позднесарматских памятников на территории Северного Причерноморья. На начальной стадии они охватывают практически всю степную часть этого обширного региона, с наибольшей их концентрацией в Орель-Самарском междуречье и Донбассе на востоке, в Днестро-Прутском междуречье и в низовьях Дуная на западе. На финальной фазе достаточно четко обозначается их отсутствие в центральной степной части Северного Причерноморья.

Вещевой комплекс позднесарматской культуры Северного Причерноморья, если его сравнивать на уровне категорий, во многом совпадает с Нижневолжским и Южно-Уральским регионами: керамика, вооружение, зеркала, украшения, фибулы и др. Различия состоят в ряде случаев в конкретных типах вещей. В целом на материальную культуру сарматов в это время оказывало влияние новое этнокультурное окружение. В северопричерноморских погребениях позднесарматского времени часто встречается лепная и гончарная посуда. Среди лепной керамики преобладают сосуды корчагообразной формы с раструбовидным горлом. Гончарная посуда представлена в основном одноручными кувшинами. Встречаются чашеобразные сосуды. Во многих случаях глиняная посуда в сарматских погребениях обнаруживает сходство с посудой поселенческих памятников Причерноморья, в том числе и античных городов. Об этом, в частности, свидетельствует представительная коллекция амфор (18 местонахождений): «неапольских», «инкерманских», «танаисских» типов (Симоненко, 2004, с. 156). Прослеживается и влияние черняховской культуры на керамический комплекс позднесарматской культуры Северного Причерноморья. Весьма редко здесь встречаются кубические курильницы, столь часто представленные в Волго-Уральском районе (рис. 51).

5.3. Проблемы хронологии и периодизации

Первое хронологическое определение памятников с типичными чертами позднесарматской культуры на материалах Нижнего Поволжья было сделано П.Д. Рау, комплексы с этими признаками были отнесены им к ступени Б (Stufe B), датируемой III–IV веками. К.Ф. Смирнов пересмотрел эту дату в сторону удревнения ее нижней границы. Он посчитал неоправданным мнение П.Д. Рау о том, что ранние кочевники Поволжья в своем культурном развитии отставали от западноевропейского варварского мира. Начало позднесарматской стадии К.Ф. Смирнов отнес ко II в. н.э., отметив, что большинство позднесарматских комплексов датируется II–III веками. Концом позднесарматской стадии, по его мнению, следовало считать IV в., когда появляются памятники, отождествляемые со временами Великого переселения народов: богатые бескурганные захоронения, курганы с жертвенными кострищами (Смирнов, 1947, с. 75, 76). Несколько позже формирование позднесарматской стадии было рассмотрено им в динамике. К.Ф. Смирнов считал, что характерные признаки этой стадии появляются еще в предыдущее среднесарматское время, но как явления исключительные. Перелом же происходит во II в. до н.э., и приблизительно к его середине «определяются все руководящие типы вещей, характеризующие инвентарь позднесарматских могил» (Смирнов, 1950, с. 111).

В 1973 г. мной в защищенной кандидатской диссертации на тему «Позднесарматская культура Нижнего Поволжья», а позже и в опубликованных на эту тему ряде работ, в том числе и монографии, впервые была предложена дробная периодизация позднесарматской культуры Нижневолжского региона (Скрипкин, 1973; 1981, с. 73–87; 1982, с. 43–56; 1984). На то время наибольшее количество памятников позднесарматской культуры было исследовано на территории Нижнего Поволжья.

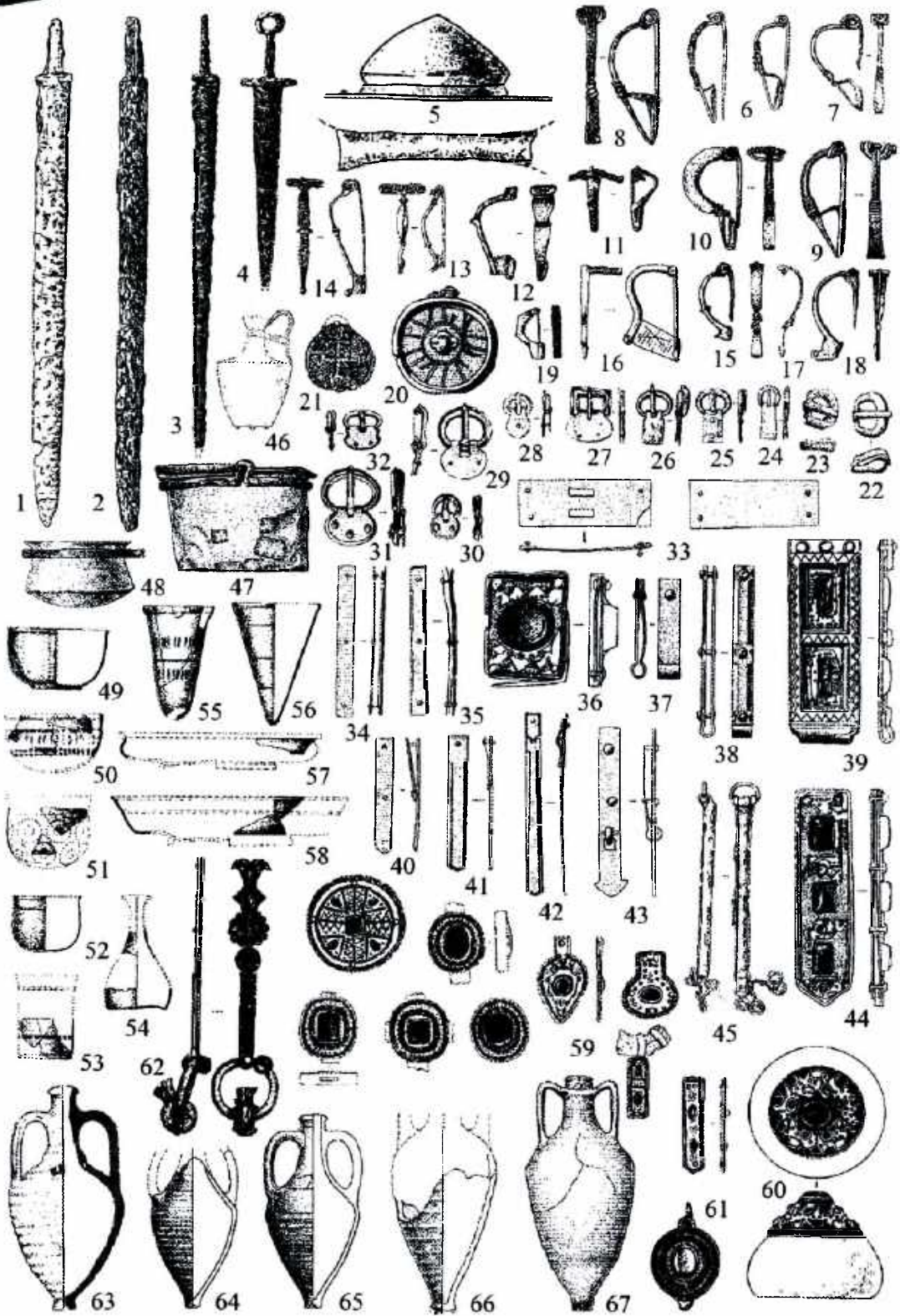

Рис. 51. Северное Причерноморье. Материалы из погребений позднесарматского времени (по: Симоненко, 2004, с. 172, рис. 10)

В моем распоряжении оказалось 465 комплексов, относящихся к этой культуре. Я выделил три этапа развития позднесарматской культуры в исследуемом регионе, датируемые рубежом I–II – третьей четвертью II в. (первый этап), третьей четвертью II – серединой III в. (второй этап) и серединой III – IV в. (третий этап). Динамика развития позднесарматской культуры мне представлялась следующим образом. На первом этапе черты позднесарматской культуры (северная ориентировка погребенных, практика искусственной деформации черепа, новые типы вооружения, зеркал и др.) появляются в основном в Заволжье. В междуречье Волги и Дона, преимущественно к югу от Волгограда, где была сосредоточена большая часть погребений этого времени, сохраняются традиции среднесарматской культуры. На втором этапе ведущие черты позднесарматской культуры интенсивно начинают распространяться и в междуречье Волги и Дона. Они фиксируются в некрополе Танаиса, что позволило определить начало второго этапа. Д.Б. Шеллов на основе анализа ономастического материала пришел к выводу, что появление нового населения с элементами нового обряда на Нижнем Дону следует датировать временем не позже третьей четверти II в. н.э. (Шеллов, 1972, с. 249). Начало третьего этапа связано с изменением политической ситуации в Приазовье и на Нижнем Дону. Разгром Танаиса, как полагали, готами привел, видимо, к отходу части позднесарматского населения из междуречья Волги и Дона в Заволжье и определенной деградации их культуры, в связи с потерей традиционных связей, и сокращению количества памятников. Завершением позднесарматской культуры я считал события 370-х гг., связанные с нашествием гуннов и уходом части сарматского населения в составе нового племенного союза на запад.

Позже дата, фиксирующая появление позднесарматской культуры на Нижнем Дону на основании изучения нумизматического материала, была уточнена С.И. Безуглым. Он отнес это событие к середине II в. н.э. «или несколько раньше». Середина II в. как начало позднесарматской культуры сейчас принимается большинством исследователей. Однако следует отметить условность этой даты. Так, С.И. Безуглов появление носителей позднесарматской культуры на Нижнем Дону связывал с серьезными разрушениями Танаиса. Пришельцы с востока представляли собой мощные военизированные кочевые образования (Безуглов, 2001, с. 22). Но в данном случае у С.И. Безуглова речь идет не о начале формирования позднесарматской культуры, а о том, что она была принесена на Нижний Дон мигрантами в уже сложившемся виде. Значит, ее формирование к востоку от Дона должно было происходить раньше середины II в. н.э.

Я уже говорил о мнении К.Ф. Смирнова о том, что отдельные элементы позднесарматской культуры начинают появляться еще в среднесарматское время, то есть раньше II в. н.э. Моя позиция относительно того, что отдельные признаки позднесарматской культуры в Заволжье появляются на рубеже I–II вв. или в начале II в., во многом опиралась на господствующую тогда версию датировки конца среднесарматской культуры – I в. н.э. Можно говорить о раннем появлении отдельных категорий находок, которые потом станут определяющими в материальной культуре поздних сарматов: зеркал-подвесок, некоторых типов фибул, костяных накладок на лук. Гораздо труднее определить начало распространения таких ведущих черт позднесарматской культуры, как северная ориентировка погребенных и искусственная деформация черепов. В этом отношении весьма интересным является погребальный комплекс из кургана 11 Старицкого курганного могильника, расположенного на севере Астраханской области, на правом берегу Волги. Здесь в широкой яме, почти по ее диагонали, располагался костяк взрослой женщины, ориентированный головой на юг и с искусственно деформированным черепом. По большому количеству вещей, в том числе импортного производства, это погребение датируется первой половиной II в. н.э. В погребении были найдены и вещи, типичные для позднесарматской культуры: бронзовое зеркальце-подвеска и глиняная четырехугольная курильница (рис. 52) (Шилов, 1968, с. 310–323).

Рис. 52. Нижнее Поволжье. Материалы погребения из курганного могильника у с. Старица, к. 11:

- 1 - план погребения, 2 - ожерелье; 3 - глиняное пряслице; 4 - бронзовое зеркальце; 5 - глиняная курильница; 6 - железная фибула; 7 - глиняный сосуд; 8 - краснолаковая чашечка; 9 - бронзовый ковш

Учитывая, что искусственная деформация черепа взрослой женщине могла быть произведена в детском возрасте, этот обычай мог появиться, по крайней мере, в начале II или даже в конце I в. н.э. В этом погребении присутствуют и очевидные черты среднесарматской культуры: положение погребенной по диагонали ямы и ориентировка ее головой к югу.

Для II в. н.э. в Нижнем Поволжье характерны синкретические погребальные комплексы, содержащие как черты позднесарматской, так и среднесарматской культуры, а также зачастую отмечается сосуществование типично позднесарматских и среднесарматских комплексов с усилением позднесарматских традиций во второй половине II в. н.э. (Кривошеев, 2005, с. 14, 15). Все это затрудняет точное определение начала позднесарматской культуры в Нижнем Поволжье в пределах II в. н.э. Все же, поскольку во второй половине II в. н.э. позднесарматские элементы в погребальном обряде Нижнего Поволжья и Подонья начинают играть ведущую роль, середину этого века следует принять за окончательное оформление позднесарматской культуры в указанном регионе (Кривошеев, Скрипкин, 2006, с. 124–136).

Исследование южноуральских погребальных комплексов дало основание М.Г. Мошковой утверждать, что позднесарматская культура в этом регионе распространяется после середины II в. н.э. Появление позднесарматской культуры здесь она связывала с ордой кочевников, которые одновременно нанесли удар и по Танаису, что позволяет отнести появление рассматриваемой культуры в Южном Приуралье ко времени, близкому к середине II в. н.э. (Мошкова, 2004б, с. 38).

Начало позднесарматской культуры на Среднем и Верхнем Дону относится к концу первой половины II в. н.э. (Медведев, 2004в, с. 90–92; 2008, с. 9).

В обширном регионе, которым является Северное Причерноморье, позднесарматская культура распространяется со второй половины II в. н.э. (Симоненко, 2004, с. 149).

Таким образом, в настоящее время исследователи практически единодушны в определении начальной даты позднесарматской культуры на основных территориях ее распространения – это середина II в. н.э. Если в Нижнем Поволжье, например, и просматривается появление отдельных ее черт раньше этой даты, то как о сложившемся стереотипе в отношении рассматриваемой культуры можно говорить только со второй половины II века.

Сложней, как представляется, обстоит дело с определением времени окончания позднесарматской культуры. На Нижнем Дону ее развитие со второй половины III в. н.э. осложняется распространением новых традиций, характеризующихся появлением курганов с захоронениями в катакомбах. Новые памятники в погребальном обряде и материальной культуре во многом отличны от традиционной позднесарматской культуры. Поскольку есть основания считать, что за памятниками позднесарматской культуры II–III вв. и катакомбными погребениями второй половины III – IV в. стоят разные этносы, то встает вопрос о правомочности отнесения тех и других к одной археологической культуре. С.И. Безуглов, выделивший две хронологические группы катакомбных погребений Нижнего Дона, отмечал, что для первой хронологической группы (40–50-е гг. III в. – первая треть IV в.) характерно еще значительное сохранение позднесарматских традиций, например подбойных погребений, а в поздней группе (последующая большая часть IV в.) они единичны (Безуглов, 2008, с. 287, 289).

В Южном Приуралье большая часть позднесарматских погребений датируется второй половиной II – первой половиной III века. Во второй половине III – IV в. их количество резко сокращается. М.Г. Мошкова считает, что ко второй половине III в. с уверенностью можно отнести только погребальные комплексы, расположенные в лесостепном пограничье, Темясово, и к началу IV в. – отдельные погребения Дербеневского могильника и один курган у ст. Семиглавый Мар (Мошкова, 2004б, с. 37, 38).

На Среднем и Верхнем Дону памятники позднесарматской культуры прекращают свое существование после середины III в. н.э. (Медведев, 2008, с. 26–28).

Погребальные памятники Северного Причерноморья, как уже отмечалось, подразделяются на две хронологические группы: начальную (вторая половина II – середина III в.) и финальную (вторая половина III – IV в.). Признаки собственно позднесарматской культуры в наибольшей мере характерны здесь для ранней хронологической группы. Со второй половины III в. происходит смена типов погребальных сооружений, распространение получают катакомбы, которые преимущественно сосредоточены в двух удаленных друг от друга районах: в Днепровском левобережье на границе степи и лесостепи и в низовьях Дуная (Симоненко, 2004, с. 149, 150).

В.Ю. Малашев, предварительно рассмотрев ситуацию, связанную с окончанием позднесарматской культуры на всей территории ее распространения, пришел к выводу, что расцвет этой культуры приходится на вторую половину II – первую половину III века. На Нижнем Дону и Северном Причерноморье во второй половине III в. происходит постепенное угасание типичных черт этой культуры. В Южном Приуралье в середине – второй половине III в. еще встречаются достаточно яркие комплексы позднесарматской культуры. В IV в. они полностью здесь отсутствуют, но сохраняются в Нижнем Поволжье, в небольшом количестве, и инвентарь их достаточно беден. Видимо, часть позднесарматского населения сохраняется на правобережье Нижней Волги, в пределах Калмыкии, Волгоградской и Астраханской областей (Кривошеев, 2016, с. 101). В.Ю. Малашев справедливо резюмирует, что как целостное явление позднесарматская культура в IV в. на большей части степей Восточной Европы отсутствует (Малашев, 2009, с. 47–52).

Для того чтобы различать памятники степной Восточной Европы II–IV вв. н.э., можно использовать уже употребляющееся понятие «классическая позднесарматская культура» (середина II – середина III в.), а для следующего хронологического периода (середина III – IV в.) я бы использовал название «памятники катакомбного типа позднесарматского времени». «Классическими» позднесарматскими памятниками следует считать те, которые были положены в основу выделения этой культуры трудами П.Д. Рау, Б.Н. Гракова, К.Ф. Смирнова. «Памятники катакомбного типа» не могут относиться к одной культуре с памятниками «классической позднесарматской культуры», поскольку между собой они существенно различаются по многим культурообразующим признакам, как в погребальном обряде, так и в вещевом материале. Предложенные мной наименования я считаю попыткой как-то различать эти два типа памятников, которые имеют отличия и хронологического порядка. Если кто-то посчитает их неудачными, может предложить свой вариант.

5.4. Территория распространения позднесарматской культуры

Поскольку в первые века н.э. сарматы осваивают огромную территорию, особенно это касается западного направления, их памятники, синхронные позднесарматской культуре, распространяются вплоть до Дуная. В разных районах сарматские памятники II–IV вв. имеют свои специфические черты, отличающие их от позднесарматских памятников Волго-Уральского региона. В отдельных случаях отличия эти настолько существенны, что встает вопрос о возможности отнесения их к позднесарматской культуре.

Что касается погребальных памятников II–IV вв. к востоку от Волги, включая Западный Казахстан и Южное Приуралье, то традиционно их относили к позднесарматской культуре. В конце XX – самом начале XXI в. получила обоснование версия, по которой памятники указанного времени от левобережья Урала до Ишима объединялись в новую культуру, называемую гунно-сарматской (Боталов, Полушкин, 1996, с. 190; Боталов, Гуцалов, 2000, с. 158, 159; Боталов, 2003, с. 9–17).

Восточные пределы нижеволжской позднесарматской культуры ограничивались правобережьем Нижнего и Среднего Урала. Различие между гунно-сарматской и позднесарматской культурами состояло в принадлежности их к разным этнополитическим образованиям: субъектами первой культуры был «гуннский конгломерат племен», второй – сармато-аланы.

Эта версия детально была проанализирована в работах М.Г. Мошковой и В.Ю. Малашева. М.Г. Мошкова, рассмотрев все признаки погребального обряда, которые, по мнению С.Г. Боталова, отличают гунно-сарматскую культуру от позднесарматской, пришла к справедливому выводу о том, что за исключением Ишимских памятников и ряда курганов в западно-сибирской лесостепи «весь остальной южноуральский массив составляют могильники, характерные по всем параметрам для памятников позднесарматской культуры» (Мошкова, 2007, с. 107). В опубликованной карте распространения позднесарматских памятников в четвертом выпуске «Статистической обработки погребальных памятников Азиатской Сарматии», посвященном позднесарматской культуре и подготовленном М.Г. Мошковой, наиболее восточные памятники этой культуры располагаются в верховьях р. Урал (могильники Агаповский, Большекараганский, Сибай, Ново-Орский, Джанатан) и по р. Ирғиз (Атпа I–III), несколько восточней Мугоджар.

В статье В.Ю. Малашева рассматривается вещественный материал на предмет его отличия или сходства в позднесарматской и выделенной С.Г. Боталовым гунно-сарматской культурах. Используются зеркала, фибулы, сбруйные наборы, керамика, стрелы, пояса, предметы, выполненные в полихромном стиле. В результате В.Ю. Малашев пришел к выводу о том, что позднесарматская культура степной части Южного Приуралья имеет некоторые отличия от той же культуры Нижнего Поволжья и других районов, но их не следует воспринимать как различия этнокультурного характера. Кроме того, материальная культура позднесарматского населения Южного Приуралья не обнаруживает сходства с культурой хунну (Малашев, 2007, с. 111–121).

Таким образом, в археологическом отношении погребальные памятники Южного Приуралья, основная масса которых датируется серединой II – III в., относится к одной культуре, получившей название позднесарматской.

Поволжье и междуречье Волги и Дона – районы, наиболее плотно насыщенные памятниками позднесарматской культуры (Мошкова, 2009, карта-схема 1). Самые северные погребения этой культуры в Заволжье известны в бассейне р. Самара (могильники Березняки, Виловатовский, Андреевский, Гвардейцы) (Матвеева, 1980, с. 33–37; Древние культуры и этносы ..., 2007, с. 194–198). На юге памятники позднесарматской культуры известны на территории Астраханской области, вплоть до дельты Волги (бугор Билинга, Лбище). Достаточно много памятников позднесарматской культуры открыто на территории Калмыкии. Границей массового распространения позднесарматских памятников к югу является река Маныч. Южнее Маныча они встречаются гораздо реже, за исключением низовий Дона и части восточного Приазовья.

На степной территории Ставропольского, Краснодарского краев, северных районов Дагестана, предгорий Центрального Кавказа погребальные памятники позднесарматской культуры встречаются крайне редко, что, по мнению В.Ю. Малашева, не позволяет включать отмеченные районы в зону распространения позднесармат-

ской культуры (Малашев, 2010, с. 117). Отдельные разрозненные комплексы не создают картины непосредственного контроля этой территории представителями позднесарматской культуры. М.П. Абрамова предполагала продвижение кочевников в позднесарматское время с территории современной Калмыкии в район Нижнего Сулака (Дагестан). Это мнение было высказано на основании сходства некоторых деталей погребального обряда комплексов Львовских могильников на Сулаке с комплексами степного междуречья Волги и Дона (Абрамова, 2007, с. 81–88). В.Ю. Малашев, не исключая отдельных позднесарматских элементов в данных памятниках, предпочтение отдавал среднесарматской культуре, которая с первых веков нашей эры оказывала значительное влияние на районы Прикаспийского Дагестана (Малашев, 2016, с. 59–61).

В ареал позднесарматской культуры принято включать степные районы Северного и Северо-Западного Причерноморья вплоть до Дуная. По мере освоения носителями позднесарматской культуры этого обширного региона некоторые черты, характерные для восточных районов распространения этой культуры, ослабевают, или появляются новые. В первую очередь это относительно небольшой процент использования обычая искусственной деформации черепа, наличие в междуречье Днестра и Дуная грунтовых могильников. Хотя и было высказано А.В. Симоненко мнение о том, что отдельные из них следует относить к курганным могильникам, поскольку в результате распашки небольшие курганы были сnivelированы и утратили свой первоначальный вид, тем не менее он признает, что ряд могильников в этом регионе действительно являлись грунтовыми (Боканы, Брынзены, Криничное).

Другой чертой этого района, не характерной для восточных территорий, является сооружение на ряде могильников и одиночных курганов рвов круглой, квадратной или прямоугольной формы, окружающих погребения, иногда они не содержат погребений во внутреннем пространстве. А.В. Симоненко выделил пять типов конструкций таких рвов. В материальной культуре поздних сарматов ощущаются их более тесные контакты с городами Северного Причерноморья и дунайским лимесом, например часто встречаемые амфоры и другие вещи (Симоненко, 1999б, с. 195–266).

5.5. Проблемы происхождения позднесарматской культуры

5.5.1. Данные археологии. Это одна из самых важных и трудноразрешимых задач в сарматской археологии. Первым, пожалуй, исследователем, попытавшимся определить этническую принадлежность памятников позднесарматской культуры, был П.С. Рыков. Погребальные комплексы раскопанного им в 1924 г. Сусловского могильника в Поволжье он распределил по четырем культурам (А, В, С, Д). Большинство погребений, которые мы сейчас относим к позднесарматской культуре, он отнес к культуре В, датируемой им II–III веками. В нее исследователь, в частности, включил захоронения в подбойных ямах с северной ориентировкой костяков и искусственной деформацией черепов, которые он предположительно считал принадлежащими аланам. Исходными районами, откуда шло продвижение носителей выделенной культуры В, по мнению П.С. Рыкова, были Северный Кавказ и Кубань (Рыков, 1925, с. 25).

П.Д. Рау на основании несколько большей сводки сарматских памятников Нижнего Поволжья, нежели привлек П.С. Рыков, выделил две их стадии – раннеримскую (Stufe A) и позднееримскую (Stufe B) и нашел в них ряд общих черт, что позволило исследователю сделать вывод об их взаимосвязи. Погребения с типичными чертами позднесарматской культуры (Stufe B) П.Д. Рау отождествлял с аланами, которые представляли собой прежние сарматские племена, обитавшие на предыдущей стадии и слившиеся в одну народность (Рау, 1927).

Б.Н. Граков принял мнение своего предшественника об аланской принадлежности заключительной стадии сарматской культуры, которую он именовал шиповской. Отметив целый ряд новых явлений в погребальном обряде и материальной культуре, отличавших эту культуру от предшествующей сусловской, в том числе и такие, как северная ориентировка, массовая искусственная деформация черепов погребенных (70 %), он, тем не менее, вслед за П.Д. Рау считал, «что эта культура развилась на почве предыдущих, приняла и унифицировала ранее установившиеся формы быта и ритуала, внося ряд новых деталей» (Граков, 1947, с. 120, 121).

Практически в то же самое время К.Ф. Смирновым были высказаны некоторые новые соображения относительно формирования позднесарматской культуры. С одной стороны, он придерживался мнения, сформулированного еще П.Д. Рау в конце 20-х гг. и поддерживаемого Б.Н. Граковым, о том, что «ко II в. отдельные племенные группы на территории Поволжья и Приуралья сливаются в единую народность с одной культурой», с другой – он считал, что «в состав населения Поволжья, под влиянием деятельности гуннов в Средней Азии, вливаются новые группы населения из западносибирских и среднеазиатских степей» (Смирнов, 1947, с. 81). Мысль о некоторой роли миграции в становлении позднесарматской культуры высказывалась впервые. Хотя вообще К.Ф. Смирнов в этой ранней своей работе все же большую роль отводил местным традициям в этом процессе, полагая, что такие племена предшествующей стадии, как роксоланы, аорсы, сираки и, возможно, аланы, объединяются в одно этническое целое и образуют одну народность, именуемую аланами (Смирнов, 1947, с. 82).

В ряде последующих работ К.Ф. Смирнов более подробно рассматривает проблему происхождения и развития позднесарматской культуры. Он важное значение придает аорсам, которые до выхода на политическую арену аланов играли ведущую роль в «сарматской конфедерации». Аланы, которые античному миру стали известны с I в. н.э., «вызрели как самостоятельная политическая сила» внутри аорской конфедерации и на позднесарматской стадии образовали «единый этнический массив аланорских племен», но уже с ведущей ролью аланов. В археологическом отношении II в. н.э. был переходным от среднесарматской к позднесарматской стадии. К середине этого века, по мнению К.Ф. Смирнова, происходит окончательное становление позднесарматской стадии. Преемственность с предыдущей стадией прослеживается по целому ряду признаков, в том числе и по сохранению диагональных погребений в начальный период позднесарматской стадии. Диагональные погребения К.Ф. Смирнов считал принадлежащими роксоланам среднесарматской стадии, а аланов он относил к роксоланской группе, что являлось очевидным доказательством родства кочевого населения двух стадий (Смирнов, 1950, с. 107–111). Он не исключал и внешних влияний, например, соседних восточных районов и частичного притока из них населения или культурных взаимодействий с Закавказьем и сарматизированными городами Северного Причерноморья. На позднесарматской стадии он считал возможным проникновение в сарматскую среду гуннов, предполагая, что в дальнейшем, может быть, удастся среди погребений позднесарматского времени выделить погребальные памятники гуннов (Смирнов, 1950, с. 113; 1954, с. 204). Однако К.Ф. Смирнов специально подчеркивал, что «ни о какой решительной смене в прикаспийских степях одного населения другим речи быть не может», поскольку новая позднесарматская культура генетически связана с предшествующей сарматской культурой (Смирнов, 1950, с. 112–114).

В конце 50-х – начале 60-х гг. Л.Г. Нечаевой была предложена оригинальная версия в отношении этнической принадлежности нижеволжских погребальных памятников, относимых к позднесарматской культуре. С аланами она отождествляла катакомбные погребения Северного Кавказа, которые, как тогда считалось, появляются там с I в. н.э., что совпадало с началом упоминания об аланах в письменных источниках. Этот обряд на Северном Кавказе доживает до средне-

вековья, когда здесь уже четко фиксируются письменными источниками аланы. Л.Г. Нечаева обратила внимание, что в Нижнем Поволжье погребения позднесарматской культуры, сооруженные преимущественно в подбойных ямах, также отождествляются с аланами. Из сопоставления памятников Северного Кавказа и Нижнего Поволжья она сделала вывод о том, что разные конструкции погребальных сооружений, находящиеся в разных районах, в одно и то же время не могут принадлежать одному и тому же народу. Поскольку северокавказские катакомбы достаточно убедительно отождествляются с аланами, то подбойные погребения Нижнего Поволжья должны принадлежать другому народу. В таковых она предлагала видеть гуннов. Поскольку гунны должны были археологически существенно отличаться от сарматов, Л.Г. Нечаева считала высказывавшиеся ранее исследователями мнения о преемственности позднесарматской культуры с предшествующей суловской (среднесарматской) культурой неубедительными, так как между ними существовали значительные различия (Нечаева, 1956; 1961, с. 151–159).

Проблемой происхождения позднесарматской культуры пришлось заниматься и автору данного труда. Мной, как уже упоминалось выше, впервые была предложена дробная периодизация памятников позднесарматской культуры Нижнего Поволжья. Разрабатывая периодизацию, я пришел к ряду следующих выводов. В междуречье Волги и Дона, преимущественно к югу от Волгограда, на раннем этапе позднесарматской культуры сохраняются традиции среднесарматской культуры. На втором этапе (третья четверть II – середина III в.) ведущие черты позднесарматской культуры интенсивно начинают распространяться и в междуречье Волги и Дона. Они начинают фиксироваться и в некрополе Танаиса. В вопросе об этнической принадлежности позднесарматской культуры я опирался на исследования Д.Б. Шелова, который отмечал, что в танаисских надписях не позже третьей четверти II в. н.э. появляется множество иранских имен, ранее ни в Танаисе, ни в других боспорских городах не известных. Причем новое явление в танаисской ономастике по времени совпадало с распространением в некрополе Танаиса черт позднесарматской культуры. Эти новации Д.Б. Шелов связывал с передвижением какого-то ранее неизвестного племени сарматов из Поволжья на Нижний Дон. Эта интерпретация Д.Б. Шелова совпадала с моим выводом о продвижении во второй половине II в. носителей позднесарматской культуры в междуречье Волги и Дона. Все это должно было свидетельствовать о том, что население позднесарматской культуры относилось к ираноязычным народам, гунны же в языковом отношении принадлежали к другому кругу народов. Однако я не исключал, что та часть позднесарматского населения, которая с середины III в. после событий, связанных с разрушением Танаиса, обосновалась к востоку от Волги, в политическом отношении могла войти в состав гуннского племенного союза.

Версия, по которой памятники указанного времени от левобережья Урала до Ишима объединялись в новую культуру, называемую гунно-сарматской, наиболее полно изложенная С.Г. Боталовым, как уже отмечалось, не нашла поддержки у исследователей. По его мнению, различие между гунно-сарматской и позднесарматской культурами определялось этническими причинами. Субъектами первой культуры был «гуннский конгломерат племен», испытавший значительные влияния алано-сарматов; субъектами второй культуры были сармато-аланы, находившиеся под большим влиянием гуннов и активно вытесняемые последними на запад (Боталов, Гуцалов, 2000, с. 158, 159).

Однако мнения других исследователей, занимавшихся данной проблемой, резко расходились с версией С.Г. Боталова. Так, например, анализ памятников позднесарматского времени Урало-Казахстанских степей, проведенный С.А. Трибунским, позволил ему сделать заключение о том, что «Позднесарматская культура урало-казахстанских степей в целом, и по погребальному обряду, и по погребальному инвентарю, аналогична позднесарматской культуре Нижнего Поволжья». Он

также отмечал, что памятники позднесарматской культуры Урало-Казахстанских степей существенно отличаются от памятников хунну на их исконной территории (Трибунский, 2003, с. 16, 20).

Впоследствии сразу были опубликованы три обширные статьи, посвященные критике точки зрения С.Г. Боталова – С.Ю. Гуцалова (Мошкова, 2007, с. 103–111; Малашев, 2007, с. 111–121; Мошкова, Малашев, Болелов, 2007, с. 121–132). В этих статьях, на мой взгляд, достаточно убедительно доказывается принадлежность памятников II–IV вв. Нижнего Поволжья и Южного Приуралья к одной позднесарматской археологической культуре. Авторы указанных статей отметили роль миграционного фактора в становлении позднесарматской культуры, справедливо заметив, что истоки самой миграции в настоящее время не поддаются точному определению. Не имеет пока, по их мнению, удовлетворительного решения и проблема отождествления с гуннами каких-либо археологических памятников до их появления в конце IV в. в степях Восточной Европы.

Концепция происхождения позднесарматской культуры исключительно на нижневолжском материале, изложенная мной еще в 70–80-х гг. прошлого века, сводилась к следующим положениям (Скрипкин, 1973; 1984, с. 80–104). Во II в. до н.э. в составе населения Средней Азии происходят значительные изменения, связанные с проникновением в этот регион различных групп кочевников, что нашло отражение в широком распространении могильников с подбойно-катакомбными погребальными конструкциями. Одним из таких подразделений кочевников могли быть сарматы. Многие специалисты по среднеазиатской археологии отмечали наличие сходства между сарматскими погребальными памятниками Южного Приуралья и Поволжья и среднеазиатскими подбойно-катакомбными погребениями. Иногда это сходство доходило до тождества, например погребения Кую-Мазарского и Лявандакского могильников в Бухарской области, исследованные О.В. Обельченко (Обельченко, 1957, с. 205–229; 1961, с. 97 и сл.). Об уходе в Среднюю Азию из Южного Приуралья и Северо-Западного Казахстана части кочевого населения мог свидетельствовать и отмечаемый исследователями факт резкого сокращения в этих районах памятников среднесарматского времени.

Пришедшие в Среднюю Азию сарматы, как я полагал, вступают в контакт с местным населением сако-массагетского круга, а также, вероятно, с племенами, передвинувшимися с Востока и известными в китайских источниках под именем юечжи. Видимо, на этой разноэтничной основе и сложилась культура подбойно-катакомбных погребений Средней Азии. В отдельных памятниках здесь появляются те признаки, которые получают широкое распространение в позднесарматское время в Нижнем Поволжье. В этом плане особый интерес представляют материалы Тулхарского курганного могильника, исследованного М.А. Манделъштамом, в Бешкентской долине в Южном Таджикистане. В могильнике было насчитано 348 курганов. Раскопанные погребения в курганах на основании нумизматического материала достаточно точно датируются последней третью II в. до н.э. – началом I в. н.э. Таким образом, наиболее ранние его погребения относятся ко времени падения Греко-Бактрии, а более поздние – к началу возвышения Кушанского царства. По многим деталям обряда и вещевому материалу Тулхарский могильник имеет прямые аналогии в сарматских памятниках Поволжья и Южного Приуралья, за исключением керамики, которая была изготовлена в местных оседлых центрах. Обращает внимание преобладание в этом могильнике ориентировки погребенных в северный сектор и узких ям с подбоями, что является наиболее характерными признаками позднесарматской культуры.

В первые века н.э. в среднеазиатских подбойно-катакомбных погребениях наряду с северной ориентацией погребенных широко распространяется обычай искусственной деформации черепа, характерно нахождение в погребениях костей баранов с железными ножичками, одной или нескольких стрел взамен колчанов,

черепков сосудов с углями, битой посуды в насыпях курганов. Эти же признаки типичны и для позднесарматской культуры Нижнего Поволжья.

Вышеизложенное позволило мне высказать предположение о приходе какой-то части населения, носителей подбойно-катакомбного обряда, в Нижнее Поволжье, которое положило начало формированию здесь позднесарматской культуры. Я не исключал возникновения конфликта между мигрантами и прежним населением Нижнего Поволжья, относящимся к среднесарматской культуре. Выделив первый этап в развитии позднесарматской культуры в Нижнем Поволжье, датированный рубежом I–II – третьей четвертью II в., я отмечал, что он наиболее характерен для Заволжья (левобережье Нижней Волги). Именно здесь с начала II в. н.э. начинает распространяться северная ориентировка погребенных и искусственная деформация черепа.

Эта ситуация привела к смещению кочевого населения, носителей среднесарматской культуры, из Заволжья в междуречье Волги и Дона. На раннем этапе фиксируется очевидное различие в культурном отношении Заволжья, с одной стороны, и междуречья Волги и Дона – с другой. Если в первом районе распространяются черты, характеризующие позднесарматскую культуру, то во втором – преобладают основные признаки среднесарматской культуры. Предположительно я считал, что за этими различиями могли первоначально скрываться две самостоятельные группировки кочевников.

Со второй половины II в. н.э. признаки позднесарматской культуры интенсивно начинают распространяться и в междуречье Волги и Дона. Погребения с северной ориентировкой погребенных и искусственной деформацией черепа появляются в некрополе Танаиса. На основании данных ономастики Д.Б. Шелов приток нового населения на Нижний Дон относил ко времени не позже третьей четверти II века. Он считал, что это была новая сарматская группировка, пришедшая из Поволжья (Шелов, 1972, с. 238–239, 249). С этого времени, как я полагал, позднесарматская культура стала общим явлением для всего Нижнего Поволжья.

На материалах Нижнего Поволжья, междуречья Волги и Дона, Нижнего Дона, Калмыкии достаточно хорошо прослеживается тенденция сохранения предшествующего населения этих мест и включения его в состав носителей новой культуры. Подтверждением этому является сохранение здесь в позднесарматское время диагональных захоронений, типичных для среднесарматской культуры. Так, например, в междуречье Волги и Дона, северней параллели Волгограда, положение по диагонали составило 11,6 %, к югу от него – 6 %, на правобережье Нижнего Дона – 7,4 %, в Калмыкии – 7,6 % (Мошкова, 2009, с. 88). Следует отметить, что в среднесарматское время в процентном отношении диагональные погребения были наиболее распространены в Южном Приуралье (41 %) и Заволжье (26,2 %) (Сергацков, 2002, с. 90), а в позднесарматское время происходит их смещение в западные районы, наиболее массово они представлены в междуречье Волги и Дона и на Нижнем Дону. Диагональные погребения, по крайней мере в Нижнем Поволжье и в междуречье Волги и Дона, сохраняются во второй половине II в., в отдельных случаях они могут датироваться и первой половиной III в. (Скрипкин, 1981, с. 82, 83). В них фиксируются ведущие признаки позднесарматской культуры: северная ориентировка погребенных, наличие обычая искусственной деформации черепа, вероятно, это является отражением процесса ассимиляции предшествующего населения носителями позднесарматской культуры. Обряд погребения по диагонали в квадратных ямах утрачивается постепенно. В ряде погребений Нижнего Поволжья отмечается отход от строгого положения погребенных по диагонали ямы. Видимо, как наследие диагонального обряда следует рассматривать положение погребенных в подквадратных ямах в позднесарматское время по их продольной оси или смещенно к одной из стенок (Скрипкин, 1984, с. 102, 103).

Распространение позднесарматской культуры в Восточно-Европейских степях в результате миграционного импульса признается практически большинством

исследователей. Параллели в погребальном обряде и отдельные аналогии в материальной культуре наиболее уверенно позволяют говорить об их восточном происхождении. В.Ю. Малашевым и М.Г. Мошковой была предпринята попытка на основании сравнения ведущих признаков позднесарматской культуры с различными ареалами археологических памятников в Средней Азии и Казахстане выявить наибольшее ее сходство с отдельными из них (Малашев, Мошкова, 2010, с. 37–56). Одним из условий было сравнение с памятниками указанных районов, непосредственно предшествующими по времени позднесарматской культуре. Достаточно близкими, как уже и ранее отмечалось, оказались могильники Северной Бактрии (Тулхарский, Аруктаусский, Бабашовский, Кокумский). Ряд черт сходства с позднесарматскими имеют памятники джетысарской культуры. На других территориях Среднеазиатского региона такие соответствия немногочисленны. Определенный интерес представляют катакомбы с круглой входной ямой, находящейся непосредственно над камерой или смещенной к стенке, из южных районов Средней Азии. В памятниках позднесарматской культуры известно 11 таких катакомб (тип VI по М.Г. Мошковой и В.М. Малашеву). В пользу Среднеазиатского региона в определении исходной территории миграции кочевников в Восточно-Европейские степи свидетельствует и появление там обычая искусственной деформации черепа в V–III вв. до н.э. и с дальнейшим широким его распространением в более позднее время.

Авторы не исключали возможного влияния на формирование позднесарматской культуры расположенной к востоку от нее саргатской культуры, усматривая сходство между ними в керамическом комплексе. Они обратили внимание на тот факт, что саргатская культура прекращает свое существование во II–III вв., что может предполагать включение части населения этой культуры в состав мигрантов, оказавших влияние на оформление отдельных сторон позднесарматской культуры.

По мнению В.Ю. Малашева и М.Г. Мошковой, не стоит исключать территории Центрального и Западного Казахстана из рассмотрения их влияния на процесс формирования позднесарматской культуры. Отметив наличие там северной ориентировки погребенных в комплексах IV–III вв. до н.э., черепов с кольцевой деформацией в погребениях II–IV вв., обратив внимание на параллели с позднесарматской культурой в оружии и конском снаряжении, они отмечали, что для определения роли этих районов в рассматриваемом процессе материалов пока все же недостаточно.

5.5.2. Антропологический аспект проблемы происхождения позднесарматского населения. Еще в 40–60-е гг. прошлого века предполагалось, что поиск истоков одного из наиболее ярких черт позднесарматской культуры – обычая искусственной деформации черепа мог пролить свет на решение проблемы происхождения этой культуры. Так, например, Е.В. Жиров еще до появления самого понятия «позднесарматская культура» объяснял появление такого обычая в Нижнем Поволжье продвижением сюда гуннов (Жиров, 1940, с. 88). Эта точка зрения в то время согласовывалась с мнением А.Н. Бернштама о появлении искусственной деформации черепов у населения Средней Азии в связи с проникновением туда гуннов начиная с I в. до н.э. С гуннами А.Н. Бернштам связывал и распространение в Средней Азии подбойных и катакомбных погребений (Бернштам, 1940, с. 29–38).

Однако впоследствии версия о распространении обычая искусственной деформации черепа в связи с продвижением гуннов была опровергнута исследователями. Так, В.П. Шилов отмечал, что для исходной территории гуннов не характерны ни подбойные, ни катакомбные погребения, а антропологические исследования черепов, происходящих из бесспорно гуннских захоронений (Ноин-Ула, Ильмова Падь, Дерестуйский Култук и др.), не выявили ни одного искусственно дефор-

мированного черепа. Сходство приемов искусственной деформации черепов на территории Средней Азии и Нижнего Поволжья он объяснял возможным проникновением на территорию расселения сарматов отдельных групп среднеазиатского населения (Шилов, 1959, с. 492–494).

Изучение специалистами краниологического материала из Средней Азии позволило утверждать, что обычай искусственной деформации черепов стал известен здесь с середины I тыс. до н.э., значительно раньше возможного появления гуннов (Трофимова, 1968, с. 179–189; Гинзбург, Трофимова, 1972, с. 141 и сл.).

Впервые представительная выборка сарматского антропологического материала из Саратовского и Сталинградского Заволжья была исследована Б.В. Фирштейн. Она отметила значительное отличие на краниологическом материале поздних сарматов от сарматов двух предшествующих этапов. Для черепов сарматов раннего и среднего этапов была характерна мезобрахикрания, для недеформированных черепов поздних сарматов – долихокрания. Распространение обычая искусственной деформации черепов в Нижнем Поволжье, для которых, по ее мнению, была характерна монголоидная примесь, она связывала с миграцией населения с Востока, где этот обычай появился раньше, в частности из Средней Азии (Фергана, Туркмения) и Центрального Казахстана (Фирштейн, 1970, с. 146, 147).

Антропологические исследования последних десятилетий, основанные на значительно увеличившемся материале, позволяют охарактеризовать особенности состава населения практически всех сарматских культур. В первую очередь это имеет отношение к Волго-Уральскому региону. Исследования выявили следующую закономерность: для краниологических выборок савроматского и раннесарматского времени наиболее характерна была брахикрания, со II–I вв. до н.э. начинает ощущаться приток долихокранного европеоидного населения, который несколько усиливается в среднесарматское время, а в позднесарматское время, например, доля долихокранного мужского населения составила более половины, а с мезокранными черепами примерно три четверти. Таким образом, по сравнению с раннесарматским временем и в какой-то мере со среднесарматским, антропологический тип населения в позднесарматское время существенно изменился. М.А. Балабанова по сравнению с предыдущим временем характеризует его как «население с другим обликом, который сочетал долихокранные европеоидные краниологические формы с массивным высокорослым физическим типом. Анализ патологических и демографических критериев позволяет эти группы древнего населения определить как очень мобильные, а мужчин – профессионально ориентированных на военное дело» (Балабанова, 2010б, с. 75).

Кроме преобладания нового антропологического типа и такой специфической черты, как искусственная деформация черепа (по последним данным – 70 % от всей краниологической выборки), костный материал позднесарматских погребений содержит ряд интересных сведений, дающих представление об особенностях демографических и этнических процессов, специализации населения. Антропологический материал, происходящий из позднесарматских курганов, свидетельствует о значительном преобладании мужских захоронений над женскими – в 2,7 раза (при норме 1,0–1,1). Специфической чертой позднесарматской культуры является небольшое число детских погребений (2,2 %). Этот показатель далек от норм других палеопопуляций. Так, например, для могильников раннесарматской культуры он колеблется от 16,7 до 50 %. Достаточно высок средний показатель продолжительности жизни позднесарматского населения, с учетом детей он равен 43,7 года, причем у женщин гораздо выше уровень смертности в репродуктивном возрасте, что объясняется осложнениями в связи с рождением детей. Средний показатель продолжительности жизни женщин у поздних сарматов равен 39,1 года, мужчин – 46,8 года. Интересно отметить, что у мужчин с искусственной деформацией черепа он равен 48,7 года, а без деформации – 42,2 года (Балабанова, 2000б, с. 201–207). Явные перекосы целого ряда показателей, полученных на основании анализа ан-

тропологической выборки по поздним сарматам, по мнению М.А. Балабановой, не могут характеризовать их как стандартную палеопопуляцию. Популяция с такой выявленной половозрастной структурой не могла быть жизнеспособной (Балабанова, 2004а, с. 29; 2010г, с. 128). С одной стороны, как она считает, такая ситуация могла сложиться с распространением избирательности погребения под курганной насыпью, когда хоронили не всех умерших, а преимущественно взрослых мужчин. Детей в курганах погребали в отдельных случаях, в основном со взрослыми, видимо, умершими одновременно. Часть молодых мужчин могла погибать во время военных походов, которые не могли быть погребены на родовых кладбищах. С другой стороны, значительное преобладание мужских захоронений, по мнению М.А. Балабановой, может объясняться характером миграций, которые оказали решающее значение на формирование позднесарматской культуры. Основу таких миграций могли составлять мужчины-воины: являясь наиболее активной частью общества, они были и носителями культурных инноваций (Балабанова, 2000б, с. 202, 203; 2009, с. 86).

Вышеприведенные выводы были получены преимущественно на основании анализа материалов волго-донских могильников. Близкая демографическая ситуация воспроизводится и по материалам позднесарматских погребений южноуральского курганного могильника Покровка 10, расположенного в Оренбургской области при впадении реки Хобды в Илек. В этом могильнике было открыто свыше 80 погребений позднесарматского времени. Здесь также было выявлено нарушение нормального соотношения полов за счет большего числа мужских захоронений (1,64), и очень низким оказался показатель детских погребений (около 7 %). Отмечена высокая степень доживаемости до старости, средний возраст смерти взрослой популяции оказался равным 41,2 года. Отличием от средних показателей Волго-Донского региона, пожалуй, является более высокий возраст смерти у женщин по сравнению с мужчинами (44,4 и 39,4 года соответственно) (Яблонский, Пежемский, Суворова, 2010, с. 144–147). Однако колебания ряда показателей по отдельным могильникам в сравнении с аналогичными средними показателями, полученными при анализе соответствующего материала с более обширных территорий, таких как Южное Приуралье или Нижнее Поволжье, вполне допустимо. Так, например, в нижеволжских могильниках Абганерово III, IV, Калиновка, Кермен Толга все погребенные мужчины оказались старше 50 лет (Балабанова, 2004а, с. 26), а в Авиловском могильнике все позднесарматские погребения были мужскими (Балабанова, 2010г, с. 127).

Еще одной особенностью населения позднесарматской культуры является повышенный травматизм мужской его части. Это наглядно проявляется при сравнении по этому показателю с ранне- и среднесарматским временем. Такое исследование на материалах Волго-Донского региона было проведено Е.В. Перервой. В раннесарматское время случаи травматизма составляли 12 % от общей численности выборки, в среднесарматское – 14,9 % и в позднесарматское – 24,2 % (Перерва, 2005, с. 21). М.А. Балабанова говорит о 70 % травматических повреждений на позднесарматских скелетах. Она отмечает разнообразие травм, причем многие из них явно получены в боевых столкновениях: резаные, рубленые, стреляные и колотые раны, нанесенные мечом, кинжалом, копьём, стрелами, отдельные из которых приводили к смертельному исходу (Балабанова, 2004а, с. 26; 2004б, с. 175). В позднесарматское время увеличение травм идет по всем частям скелета: лица, свода черепа, костей посткраниальной части. Мужское население позднесарматской культуры отличается и максимальной изношенностью костно-суставного аппарата, что свидетельствует о значительных нагрузках, обусловленных их профессиональной деятельностью. Особенности и характер распределения нагрузок на опорно-двигательный аппарат: изношенность суставов пояса нижних конечностей, значительная развитость мышечного рельефа верхних конечностей, а также признаки болезни позвоночника –

характеризуют поздних сарматов как профессиональных конных воинов, активно участвующих в военных акциях (Перерва, 2005, с. 21–23). Скорее всего, общество позднесарматской культуры представляло собой палеосоциум, ориентируемый, кроме кочевого хозяйства, на военное дело. Большая часть мужчин молодого и зрелого возраста являлась профессиональными воинами, видимо организованными в военные дружины, участвовавшие в грабительских набегах и выступавшие в качестве наемников (Балабанова, 2004а, с. 30; 2007, с. 153).

Антропологический материал дает представление и об этнических процессах, происходивших во время формирования позднесарматской культуры. В принципе, антропологические исследования подтверждают наблюдения, сделанные по археологическим данным, что в сложении позднесарматской культуры основную роль сыграли два этнических компонента: местное население среднесарматской культуры и мигранты, носители новых культурных традиций. По крайней мере, данная ситуация достаточно хорошо просматривается в Волго-Донском регионе. Антропологические материалы позволяют уточнить отдельные нюансы этого процесса. Отметим, что для мигрантов была характерна долихокrania. В краниологической выборке начального этапа позднесарматской культуры есть мезокranные черепа, которые рассматриваются как наследие предшествующей среднесарматской культуры (Балабанова, 2001, с. 108). Более того, в позднесарматских сериях присутствует и брахикranный компонент, он отмечен в могильниках на территории Заволжья и Калмыкии. Это может свидетельствовать о сохранении субстратного населения еще с раннесарматского времени в Заволжье и вытеснении его мигрантами в менее благоприятный район – Калмыкию (Балабанова, 2010г, с. 128). Одним из ярких примеров сохранения субстратного населения в позднесарматское время является курганный могильник у хут. Кузин, расположенный на границе Астраханской области и Калмыкии. В курганах этого могильника находились погребения только средне- и позднесарматской культур. Антропологические материалы обеих культур из этого могильника демонстрируют «удивительное единообразие». Это свидетельствует о том, что указанный могильник оставлен одним и тем же населением, обитавшем здесь и в средне-, и в позднесарматское время (Балабанова, 2004а, с. 23). Среднесарматский антропологический пласт достаточно очевидно просматривается в погребениях II – начала III в. в ряде могильников междуречья Волги и Дона, располагавшихся на террасах рек Иловли, Есауловского Аксяя, Мышковы (Балабанова, 2004а, с. 24). Эти антропологические данные согласуются с наблюдениями на основе археологических материалов. Именно в междуречье Волги и Дона более длительное время сохраняются традиции среднесарматской культуры, здесь чаще встречаются погребальные комплексы, сочетающие признаки обеих культур. Одним из наследий среднесарматской культуры является сохранение диагональных погребений в позднесарматское время. На основании антропологического анализа внутригрупповой зависимости краниологической выборки диагональных погребений выделяются два европеоидных варианта: длинноголовый и широкоголовый. Длинноголовый вариант, как уже отмечалось, отождествляется с краниотипом мигрантов, а широкоголовый – с местным населением (Балабанова, 2002, с. 84, 85). Таким образом, местный погребальный обычай был воспринят мигрантами. В то же время в позднесарматской выборке погребенных с деформированными черепами 9 % составляют брахикranные варианты (Балабанова, 2004б, с. 180), что может свидетельствовать о принятии этого обычая субстратным населением.

Наибольшее сходство с предшествующим сарматским населением обнаруживают женские позднесарматские краниологические выборки, что, по мнению специалистов, служит подтверждением мнения о роли мужских миграций в становлении позднесарматской культуры, так как мигранты компенсировали дефицит противоположного пола за счет местного населения (Балабанова, 2010в, с. 190–192; Яблонский, Пежемский, Суворова, 2010, с. 155, 169).

Поскольку один из этнических компонентов формирования позднесарматской культуры устанавливается с достаточной долей вероятности на волго-донском и южноуральском материале (Яблонский, Пежемский, Суворова, 2010, с. 151–154), которым является субстратное население, проблема происхождения рассматриваемой культуры во многом связана с выявлением исходной территории или территорий мигрантов. Именно с мигрантским компонентом связано появление признаков, положенных в основу выделения позднесарматской культуры.

Антропологические исследования свидетельствуют о значительных различиях раннесарматских и позднесарматских краниологических мужских групп на одной и той же территории. Новый тип длинноголовых европеоидов, впервые появившийся на сарматской территории в последние века до н.э., постепенно «размывал» так называемый сарматский тип, доминировавший в савроматское и раннесарматское время. В среднесарматское время краниологические характеристики населения приобретают промежуточный характер между ранними и поздними сарматами. Становление среднесарматской культуры, как и позднесарматской, не обошлось без новых миграций. Однако эти миграции не были связаны с одним и тем же этносом, имеющиеся различия по ряду признаков между среднесарматской и позднесарматской группами свидетельствуют в пользу разных их истоков (Балабанова, 2010в, с. 191). М.А. Балабанова, осуществившая сравнительный анализ позднесарматских антропологических серий с относительно синхронными сериями многих других культур Евразии, пришла к выводу о том, что исходной территорией миграции, положившей начало формированию позднесарматской культуры, были центральноазиатские районы, которые генерировали несколько миграционных волн, достигших Восточно-Европейских степей. Становление позднесарматской культуры она предположительно связывает с миграцией мужского населения Горного Алтая, «той его части, которая была носителем типа длинноголовых европеоидов» (Балабанова, 2010в, с. 205). Концепция южносибирского происхождения миграционного населения позднесарматской культуры, по мнению М.А. Балабановой, выглядит наиболее убедительной (2012, с. 83). В своем движении это население могло достигнуть Южного Приуралья и Нижнего Поволжья, а продвигаясь в юго-западном направлении, включаться в качестве отдельных компонентов в состав некоторых народов Средней Азии. В последнем регионе немногочисленные группы обладают сходством с долихокраным позднесарматским типом, это ряд могильников территории Древнего Хорезма. Исследователи считают данный компонент пришлым в этом районе. Наиболее ранними памятниками, население которых обладало морфологическим сходством с поздними сарматами, являются могильники Южного Таджикистана – Тулхарский и Арук-Тау (II в. до н.э. – I в. н.э.). По мнению исследователей, длинноголовый тип на территорию Таджикистана мог прийти с северо-востока. М.А. Балабанова не исключает возможного участия в миграционном процессе населения, связанного с усунями и юэчжами, из среды которых могли выйти аланы. По ее мнению, на антропологическом материале не просматривается участие хуннского компонента в формировании позднесарматской культуры, для которого была характерна достаточно очевидная монголоидная примесь. Еще одним районом, где ощутимо фиксируется тип южных длинноголовых европеоидов в первые века н.э. и раннем средневековье, является Северный Кавказ и Закавказье. Сходство по данным краниологии может свидетельствовать о наличии этнических контактов с населением этих районов. Эти контакты М.А. Балабанова рассматривает с двух позиций: 1) как продвижение отдельных групп поздних сарматов на Кавказ; 2) как наличие в среде поздних сарматов кавказского компонента.

Интересным является отмеченный М.А. Балабановой факт сходства позднесарматских групп как с деформированными, так и с недеформированными черепами с раннесредневековым краниологическим материалом Северного Кавказа и Закавказья (могильники: Гамовское ущелье V–VI вв.; Мощевая Балка VI–VIII вв.;

Черкессия суммарно III–V вв.; Дуба-Юрт, Самтавро IV–IX вв. и др.), а также с «аланским» компонентом салтово-маяцкой культуры (могильники: Верхнесалтовский, Маяцкий, Дмитровское и др.). По мнению М.А. Балабановой, это может свидетельствовать о том, что поздние сарматы могли выступать в роли предков кавказских и донских средневековых аланов, а также о наличии «аланского» компонента в среде позднесарматского населения (Балабанова, 2010в, с. 201–206).

Несколько иной точки зрения на происхождение позднесарматской культуры по антропологическим данным придерживается Е.П. Китов. Он высказал несогласие с М.А. Балабановой в том, что истоки этой культуры следует искать среди групп населения Сибири и Средней Азии предшествующего времени, заявив, что можно лишь фиксировать взаимное культурное влияние между позднесарматским населением и синхронными культурами Средней Азии и Казахстана. Территория формирования позднесарматской культуры, по мнению Е.П. Китова, должна занимать обширные степные территории Северного и Западного Казахстана, а также Волго-Уральского региона (Китов, 2013, с. 537). Однако версия Е.П. Китова относительно Западного Казахстана и Волго-Уральского региона не находит подтверждения в археологическом материале, поскольку здесь основные черты позднесарматской культуры появляются в готовом виде и они никак не связаны с предшествующей среднесарматской культурой. Да и существенное увеличение долихокранного населения в позднесарматское время на этой территории свидетельствует о миграционном характере процессов появления основных элементов этой культуры. Можно говорить только о сохранении в рассматриваемом регионе предшествующего сарматского населения, включенного в формирование позднесарматской культуры.

Палеоантропологические исследования одного из крупнейших позднесарматских могильников Покровка 10, расположенного в Южном Приуралье, выявили резкую краниологическую неоднородность оставившего его населения. Удалось выделить, наряду с переходными формами, три морфологических компонента, которые достаточно отчетливо различаются между собой: 1) представлен преимущественно женской группой с деформированными черепами и мезо-брахикранной низкой мозговой коробкой и рядом других признаков, которые обычно характеризуют современных представителей уральской расы; 2) представлен в основном мужскими черепами с высокой степенью искусственной деформации, они характеризуются как массивные мезокранные европеоиды с высоким сводом черепа и развитым микрорельефом; 3) немногочисленная серия, отличающаяся слабой деформацией черепов, общей массивностью в сочетании с резкой долихокранией.

Черепы первого компонента обнаруживают сходство с краниологической серией раннесарматского времени, что дает возможность утверждать об участии местного населения в формировании общества позднесарматской культуры данного региона. Два других компонента имеют миграционное происхождение. Черепы второго компонента обнаруживают наиболее близкие аналогии на территории Казахстана и Средней Азии. В последние века I тыс. до н.э. и первые века I тыс. н.э. искусственно деформированные мезо-брахикранные черепа, обнаруживающие сходство с позднесарматскими могильниками Покровки 10, известны на широкой территории в Средней Азии, от Южного Таджикистана до Приаралья. Это может свидетельствовать о проникновении в Южное Приуралье среднеазиатских кочевников и об их участии в качестве одного из компонентов в формировании позднесарматской культуры Южного Приуралья. Труднее обстоит дело с определением происхождения третьего компонента, находящего близкие аналогии только с территорией Закавказья, где он появляется еще в эпоху бронзы и характеризует автохтонное население Армянского нагорья. По состоянию информативной базы на сегодняшний день, по мнению Л.Т. Яблонского, можно допустить, что среди людей, оставивших Покровский могильник, были выходцы и с Кавказа (Яблонский, 2005, с. 52–54; Малашев, Яблонский, 2008, с. 73–81).

Одонтологические исследования позднесарматского населения Покровского могильника выявили существенное его различие в сравнении с ранними сарматами. Поздние сарматы из этого могильника отличаются от прохоровцев значительной концентрацией черт восточного одонтологического ствола. Это предполагает участие в их генезисе населения восточного происхождения, близкого носителям тагарской культуры (Суворова, 2008, с. 67–91; Яблонский, Пежемский, Суворова, 2010, с. 155–160).

Было осуществлено сравнение поздних сарматов Покровского могильника по данным остеологии. Проведенные наблюдения позволяют говорить об их тесной связи с синхронным населением Нижнего Поволжья и Восточного Приаралья, в частности джетысарской культуры. Отмечено также их резкое различие с населением Зауралья того же времени (Пежемский, 2008, с. 95–98).

Исследования антропологического материала на сегодняшний день пока не дают однозначного ответа по проблеме происхождения позднесарматской культуры, хотя в значительной мере расширяют возможности в поиске ее решения.

5.6. Проблема этнической принадлежности позднесарматской культуры

Моими предшественниками были высказаны в общем две точки зрения на этническую принадлежность позднесарматской культуры, по одной из них это были аланы, по другой – гунны. Мне также в свое время пришлось затронуть этот вопрос. В его решении я опирался на исследования Д.Б. Шелова, который отмечал, что в танаисских надписях не позже третьей четверти II в. н.э. появляется множество иранских имен, ранее ни в Танаисе, ни в других боспорских городах не известных. Причем новые явления в танаисской ономастике по времени совпадали с распространением в некрополе Танаиса черт позднесарматской культуры. Эти новации Д.Б. Шелов связывал с передвижением какого-то ранее неизвестного племени сарматов из Поволжья на Нижний Дон. Эта интерпретация Д.Б. Шелова, как я уже отмечал выше, совпадала с моим выводом о продвижении во второй половине II в. носителей позднесарматской культуры в междуречье Волги и Дона. Все это должно было свидетельствовать о том, что население позднесарматской культуры относилось к ираноязычным народам и тем самым было отлично от гуннов. Д.Б. Шелов пришельцев предположительно отождествлял с аланами. Это мнение он специально не обосновывал, здесь, видимо, сказалось существующее представление об этнической принадлежности позднесарматской культуры, сформулированное его предшественниками (Шелов, 1974, с. 92).

Я же считал, что все памятники позднесарматской культуры на территории их распространения (от Западного Казахстана и реки Белой до Дуная) нельзя отождествлять с аланами. Отметив тот факт, что этноним «аланы» в юго-восточных районах Европы появляется гораздо раньше распространения позднесарматской культуры, я предполагал, что какая-то часть населения, носителей позднесарматской культуры, могла войти в племенной союз, возглавляемый аланами. Скорее всего, это был район междуречья Волги и Дона к югу от Волгограда, где в большей степени встречаются синкретические комплексы, сочетающие черты новой и предыдущей культур (Скрипкин, 1984, с. 114, 115).

Я не исключал, что та часть позднесарматского населения, которая после событий середины III в. обосновалась к востоку от Волги, в политическом отношении могла войти в состав гуннского племенного союза. В настоящее время существует мнение, что на этой территории не известны памятники второй половины III – IV в. н.э. (Кривошеев, 2016, с. 101). Я полагаю, что речь должна идти не о полном

их отсутствии, а о сложности выделения. В междуречье Волги и Дона памятники этого времени определяются по многочисленным вещам северокавказского, черняховского происхождения. В Заволжье находки хорошо датированных вещей со второй половины III в. резко сокращаются. Следует однако признать, что на общем фоне значительного уменьшения количества погребений позднесарматской культуры на ее заключительном этапе количество заволжских погребений было, видимо, невелико.

С аланской тематикой связывают и подкурганские погребения в катакомбах на Нижнем Дону, датированные серединой III – IV в., открытые гораздо позже памятников классической позднесарматской культуры. Наиболее убедительной версией об их происхождении является признание миграции населения с Центрального Кавказа на Нижний Дон, что подтверждается хронологической последовательностью и значительным сходством погребального обряда и материальной культуры обоих районов (Безуглов, Копылов, 1989, с. 171–183; Безуглов, 1990; Габуев, Малашев, 2009, с. 162). Опираясь на сведения Аммиана Марцеллина, С.И. Безуглов сложившийся к IV в. н.э. новый археологический степной нижнедонской комплекс отождествил с аланами-танаитами. Тот же источник называет аланов бывшими массагетами. По мнению С.И. Безуглова, аланы-танаиты представляли аланскую группировку, локализуемую на Нижнем Дону, которых Марцеллин характеризовал как прежних массагетов (Безуглов, 1990, с. 80–87). Эти идеи С.И. Безуглова были поддержаны А.В. Симоненко, который расширил территорию распространения памятников аланов-танаитов, включив в нее левобережье Северного Причерноморья. Кроме того, группу памятников с катакомбным обрядом в низовьях Дуная рассматриваемого времени он, вслед за С.И. Безугловым, сопоставил с европейскими аланами того же Аммиана Марцеллина (Симоненко, 2001б, с. 77–91).

Вновь сложившаяся ситуация интересна тем, что раньше с середины II по середину III в. н.э. Нижний Дон был одним из центров традиционной позднесарматской культуры, обозначенным серией богатейших захоронений знати, что свидетельствовало о процветании здесь общества данной культуры. Эта позднесарматская группировка была сильна и в военном отношении, подтверждением тому являются погребения военной элиты (рис. 53) (Беспалый, Беспалая, Раев, 2007; Безуглов, Глебов, Парусимов, 2009; Безуглов, Захаров, 1988, с. 103–115). Из дальнейшего археологического контекста следует, что со второй половины III в. н.э. доминирующее положение на Нижнем Дону начинают занимать выходцы из Северного Кавказа, что привело к загибанию здесь традиций некогда яркой позднесарматской культуры. Реконструкция реальных исторических событий, связанных со сменой двух культурных укладов на Нижнем Дону, в настоящий момент трудно осуществима в связи с отсутствием каких-либо данных в письменных источниках. Можно предположить, что причиной произошедших событий была дестабилизация политической ситуации, приведшая к разрушению Танаиса и нижнедонских поселений в середине III в. до н.э. Ясно, что виновниками этой дестабилизации не могли быть представители классической позднесарматской культуры, в течение длительного времени соседствовавшие с оседлым населением Нижнего Дона. Д.Б. Шелов, рассматривая причастность готов к разгрому Танаиса, предпочтение отдавал «каким-то племенам сармато-аланского, а не германского происхождения» (Шелов, 1972, с. 304). В этом случае таковым могло быть население, с которым связано распространение с середины III в. до н.э. на Нижнем Дону катакомбного обряда погребения.

Версия С.И. Безуглова об отождествлении рассматриваемых памятников бассейна Сала и междуречья Сала и Дона середины III – IV в. с аланами-танаитами письменного источника достаточно убедительна. Следует только заметить, что определение «бывшие массагеты»¹⁶ не обязательно относится только к аланам-танаитам.

¹⁶ В переводе Ю. Кулаковского: аланы – «древние массагеты» (Аммиан Марцеллин. *Римская история*, 1994, с. 492).

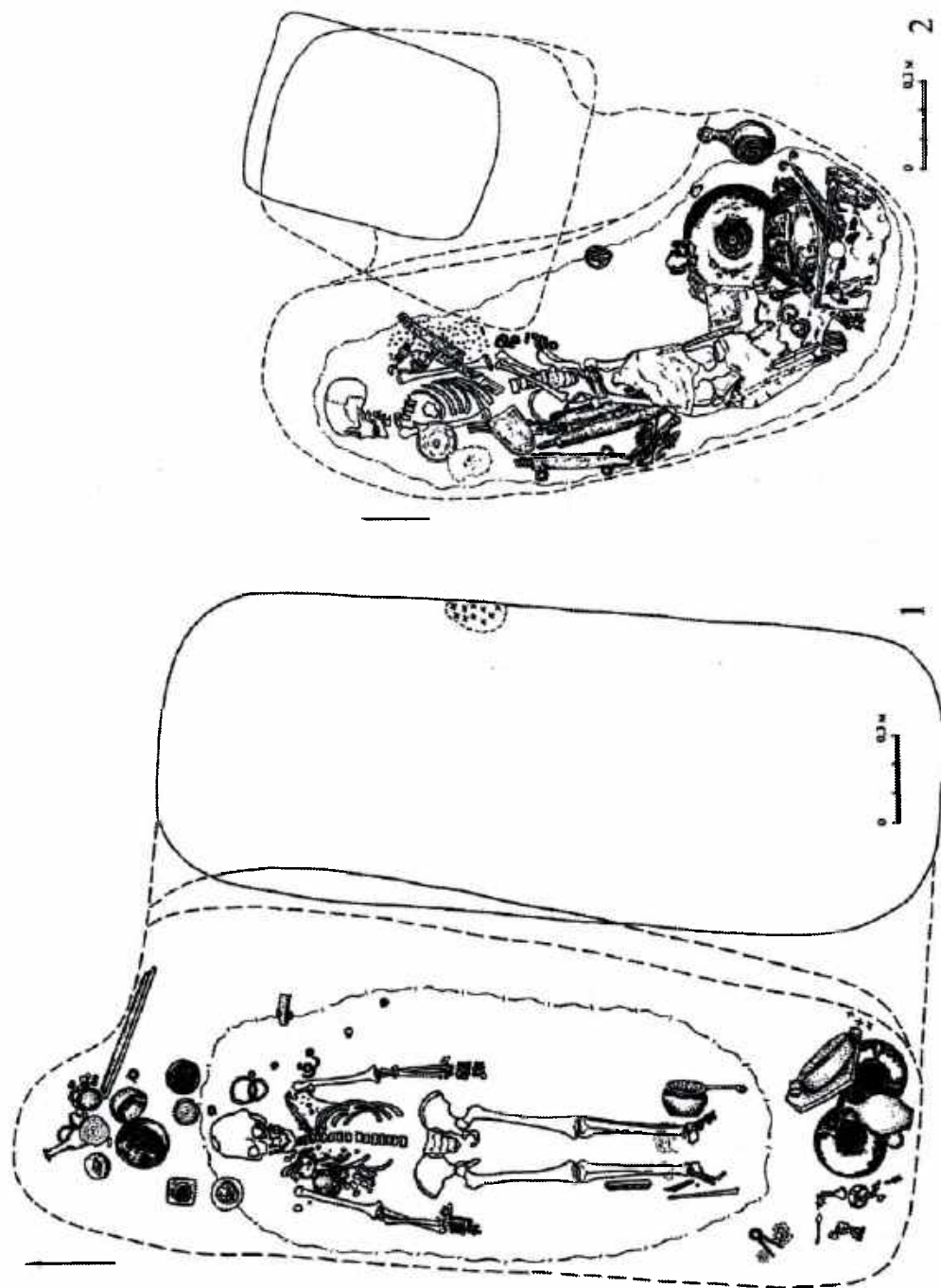

Рис. 53. Нижний Дон. Курганный могильник Валовый I, к. 9 и к. 25. Погребения зناги позднесарматского времени

Аммиан Марцеллин после упоминания о том, что гунны, «двигаясь вперед среди грабежа и убийств, дошли до земли аланов, древних массагетов», решает рассказать об аланах, «откуда они и какие земли занимают» (*Римская история*, XXXI, 2, 12–25). В этом его рассказе достаточно много противоречий, которые могут быть объяснены использованием разновременных источников. Он упоминает гелонов, агафирсов, меланхленов и андрофагов, известных из литературы классической Греции. Аммиан Марцеллин сам говорит о том, что эту информацию он почерпнул из прочитанного им. Указывая, что сфера влияния аланов простирается «до самой реки Ганг», он отметил «как я узнал», видимо, из каких-то более ранних сочинений, поскольку к моменту написания его сочинения аланы не могли соседствовать с Индией. По этой причине, видимо, и определение «аланы – бывшие массагеты» было заимствовано Аммианом Марцеллином из сочинений своих предшественников и имело отношение ко всем аланам.

Отождествление аланов с массагетами задолго до появления аланов-танаитов имеет место в сочинениях других, более ранних авторов. Так, например, Дион Кассий в своей «Римской истории», повествуя о подавлении восстания в Иудее при правлении Адриана, упоминает о нападении аланов, которых он называет массагетами, на Албанию и Мидию. Событие относится к 135 г. н.э. (Алемань, 2003, с. 130, 131). В том же русле, видимо, следует трактовать речь императора Юлиана, воспроизведенную Аммианом Марцеллином. В ней упоминается Помпей, разбивший массагетов, «которых мы теперь называем аланами» (*Римская история*, XXIII, 5, 16). Речь шла о событиях Третьей митридатовой войны (60-е гг. I в. до н.э.). Некоторые исследователи полагали, что этот фрагмент является одним из наиболее ранних упоминаний об аланах. Не вдаваясь в реальность данного сюжета, ясно, что Марцеллин отождествлял аланов с массагетами независимо от временного контекста. Да и реконструкция на основании археологических данных, подтверждающая переселение части населения из Центрального Кавказа на Дон, которое явилось основным ядром формирования аланов-танаитов, предполагает, что северокавказские аланы, сформировавшиеся задолго до аланов-танаитов, могут претендовать на родство с массагетами. К аланам-танаитам имели определенное отношение и носители классической позднесарматской культуры. Так, например, С.И. Безуглов отмечал, что во второй половине III – начале IV в. на Дону в значительной степени сохраняются подбойные погребения, после они встречаются единично. Эта ситуация им трактуется как постепенное заимствование населением позднесарматской культуры «некоторых социально престижных обрядовых норм пришельцев» (Безуглов, 2008, с. 290), что может трактоваться как его вхождение в состав нового кочевого объединения – аланов-танаитов.

Если катакомбные захоронения середины III – IV в. оставлены аланами-танаитами, являющимися родственниками более ранних аланов Северного Кавказа, то встает вопрос: кем были носители позднесарматской культуры, которые, как минимум, за век до аланов-танаитов освоили междуречье Волги и Дона? Этот вопрос имеет отношение и к другим памятникам классической позднесарматской культуры, известным на обширной территории от Южного Урала до Дуная.

С.А. Яценко полагал, что в середине II в. н.э. носители позднесарматской культуры захватывают Нижний Дон – политический центр ранних аланов, известных здесь еще с I в. н.э. Они, собственно, являлись второй миграционной волной аланов в пределы Восточной Европы. Их различали античные авторы: аланов, появившихся до середины II в. н.э., именовали «скифами», а после вторжения поздних сарматов – «бывшими массагетами» (Яценко, 1993б, с. 85). Однако здесь могла сказаться разная степень информированности упомянутых С.А. Яценко античных авторов: Флавия, Арриана, Птолемея, Кассия, Марцеллина.

К проблеме этнического определения населения позднесарматской культуры могут иметь отношение наблюдения следующего рода. Обращает внимание совпадение во многом антропологической характеристики мужского населения

позднесарматской культуры с описанием аланов античными авторами. В антропологическом плане поздних сарматов характеризует более высокий рост и массивность по сравнению со своими предшественниками; высокий травматизм, свидетельствующий о частых участиях в войнах; анализ посткраниального скелета подтверждает их высокий профессионализм как конных воинов (Балабанова, 2004а, с. 21–32; 2010а, с. 29; Перерва, 2005). Аммиан Марцеллин описывает аланов следующим образом: «...с раннего детства сроднившись с верховой ездой, считают позором для мужчины ходить пешком... все они становятся вследствие многообразных упражнений великолепными воинами... Почти все аланы высоки ростом и красивого облика... Как для людей мирных и тихих приятно спокойствие, так они находят наслаждение в войнах и опасностях... Счастливым у них считается тот, кто умирает в бою...» (*Римская история*, XXXI, 2, 20–24).

Воинственный характер, свирепость и отвага аланов в сражениях нашли отражения у многих античных авторов, эти характеристики повторялись в течение нескольких веков. Лукан (I в. н.э.) называл их вечно воинственными; Валерий Флакки (I в.) – пылкими; Дионисий Периегет (II в.) – отважными; Сенека (I в.), Гегесипп (IV в.), Констанций Лионский (V в.) называли аланов свирепым народом.

Такое совпадение данных антропологии и письменных источников дает возможность отнести население позднесарматской культуры к кругу аланских народов. Усиливает аланскую принадлежность классической позднесарматской культуры и антропологическое сходство ее носителей с аланами средневековой эпохи, отмеченное несколько выше. Судя по фрагментарным данным письменных источников и в некоторой степени археологической ситуации, было несколько аланских объединений, как в горизонтальном, так и в вертикальном хронологическом срезе. Одно из первых упоминаний аланов Иосифом Флавием у Меотиды и Танаиса, относящееся ко второй половине I в. н.э., соответствует времени среднесарматской культуры. С середины II в. н.э. здесь распространяются памятники позднесарматской культуры, существенно отличающейся от предыдущей среднесарматской как по погребальному обряду, так и по материальной культуре, но также претендующей на аланскую принадлежность. Позже, с середины III в. н.э. здесь же появляются аланы-танаиты, им соответствует совершенно другой археологический контекст. В это же время у Нижнего Дуная обитают европейские аланы. По мнению многих исследователей, во II–IV вв. существовала и северокавказская группировка аланов. С.А. Яценко полагал, что к середине IV в. между Волгой и Дунаем существовало пять независимых аланских группировок (Яценко, 1997, с. 160), С.М. Перевалов также выделяет несколько самостоятельных групп аланов в территориальном и политическом отношениях: приаральскую, туркестанскую, приазовскую, кавказскую, крымскую, придунайскую и аланов-танаитов, что находит подтверждение в письменных источниках (Перевалов, 2014, с. 2–9). Так, Аммиан Марцеллин отмечал, что аланы обитали на огромной территории, «рассеявшиеся среди многочисленных и великих народов» (*Римская история*, XXXI, 2, 16).

Позднесарматская культура, охватившая во II–III вв. огромную территорию степей Юго-Восточной Европы, стала заметным археологическим явлением, за которым скрывались, видимо, так же как и за раннесарматской культурой, несколько кочевых объединений. В письменных источниках можно было бы ожидать появления нескольких этнонимов, имеющих отношение к новой этнической ситуации, но они нам не известны. Однако одну тенденцию исследователи отмечали уже не однажды – это постепенное преобладание названия «аланы» по отношению к ираноязычным кочевникам европейской степи, которое с рубежа II–III вв. становится доминирующим. Относя поздних сарматов к числу «аланских» народов, мы не фиксируем реалии прошлого, а лишь обозначаем письменную традицию, созданную представителями других народов.

Возвращаясь к теме связи позднесарматской культуры с гуннами, хочу отметить следующее. Этим вопросом в настоящее время активно занимается С.Г. Бо-

талов, и хотелось бы ему пожелать удачи. Но выдвигаемая исследователем версия не согласуется с рядом фактов, противоречащих ей. Основной посыл его позиции следующий: «...истоки возникновения гуннской культуры следует искать в едином археологическом горизонте, который называется “позднесарматской культурой”» (Боталов, 2013, с. 79). В данном случае имеется в виду классическая позднесарматская культура. Но к настоящему времени завершение этой культуры от Южного Урала до Дуная относят к середине III в. н.э., по крайней мере с начала IV в. н.э. ее комплексы за редким исключением уже не встречаются (Мошкова, 2004б, с. 37, 38; Малашев, 2009, с. 47–52; Медведев, 2008, с. 26–28; Симоненко, 2004, с. 149, 150). С середины III и в IV в. н.э. на Нижнем Дону, в междуречье Волги и Дона и в Северном Причерноморье распространяются памятники другого культурного облика, наиболее яркой чертой которых является катакомбный обряд погребения. Таким образом, между завершающей датой позднесарматской (классической) культуры и временем активного появления на исторической арене гуннов в 70-е гг. IV в. н.э. образуется лакуна, как минимум, в век, что не соответствует идее формирования гуннской общности в позднесарматской среде.

Версия С.Г. Боталова противоречит и письменным источникам. Например, Аммиан Марцеллин отмечал, что, прежде чем напасть на аланов, гуннам пришлось преодолеть достаточно большое расстояние. О гуннах он говорил следующее: «Этот подвижный и неукротимый народ, воспламененный дикой жадной грабежа, двигаясь вперед среди грабежей и убийств, дошел до земли аланов, древних массагетов» (*Римская история*, XXXI, 2, 13). Несколько ниже Марцеллин уточняет, что речь в данном сюжете идет об аланах-танаитах, граничащих с гревтунгами (*Римская история*, XXXI, 3, 1). Если обратиться к археологическому контексту, синхронному изложенным событиям, то аланами-танаитами следует считать нижнедонское население, которое практиковало катакомбный обряд погребения и которое существенно отличалось и в погребальной практике, и в материальной культуре от населения предшествующей позднесарматской культуры. Истоки формирования двух разных культурных укладов в степях Восточной Европы во II–IV вв. н.э., к тому же различающихся хронологически, различны. Попытки связать с любым из этих укладов гуннов в отношении их происхождения будут неубедительны. С позднесарматской культурой у них существует значительный хронологический разрыв, а аланы-танаиты были разгромлены гуннами, пришедшими из других мест, и в значительной части истреблены, а оставшиеся включены ими в свой союз.

В плане рассматриваемой проблемы особый интерес представляют некоторые работы И.Э. Любчанского (2010, с. 7–36; 2013, с. 280–297). Рассматривая памятники первой половины – середины I тыс. н.э. Урало-Казахстанских степей, ограниченных с запада Урало-Мугоджарской горной системой, он отметил существенные изменения, происходящие здесь с середины III в. н.э. Если погребальные комплексы II – середины III в. н.э. в большей мере связаны с традицией позднесарматской культуры, то с середины III в. начинают фиксироваться признаки, не характерные для классической позднесарматской культуры более западных регионов. Все это как бы переключается с достаточно удаленным Нижнедонским регионом, где так же и в то же время происходят существенные изменения, приведшие к угасанию позднесарматской культуры. Но причина и направленность этих изменений различна, в Зауралье с середины III в. н.э. они связаны с миграцией кочевников с востока, в культуре которых очевидны центральноазиатские черты. В последующее время в Урало-Казахстанских степях происходит существенное увеличение кочевого населения, которое углубляется даже в лесостепные районы.

Видимо, здесь, в зауральских и прилежащих казахстанских степях, с середины III в. н.э. и начинает формироваться та этнополитическая общность, которая стала известной под именем гуннов.

Глава 6. О ПОЛИТИЧЕСКОЙ ОРГАНИЗАЦИИ САРМАТСКОГО ОБЩЕСТВА

Данная тема весьма слабо освещена в письменных источниках. Мы практически не имеем никаких сведений об организации и общественном устройстве сарматов по большей части раннесарматского периода. Первые сведения такого порядка относятся, пожалуй, к событиям II–I вв. до н.э., когда начинают упоминаться отдельные сарматские группировки и имена их предводителей. Чаще сведения о сарматах в сочинениях греко-римских авторов появляются, начиная с событий митридатовых войн, охвативших большую часть первой половины I в. до н.э. и связанных с утверждением Рима в Малой Азии. С этого времени сарматы все чаще принимают участие в конфликтах различных противоборствующих сторон.

Сарматы, как известно, собирательный этноним для целого ряда кочевых обществ раннего железного века степных районов Юго-Восточной Европы. Этот кочевой мир не был статичным, этнический состав его постоянно менялся, иногда существенным образом. Отдельные его подразделения могли значительно отличаться от других по происхождению. Если в савромато-сарматское время (VI–III вв. до н.э.) в рассматриваемом регионе этногенетические процессы охватывали преимущественно доно-волго-уральские степи, то со II в. до н.э. в этот процесс включаются более восточные районы, вплоть до Центральной Азии.

Периодически происходившие подвиги сарматских объединений привели к освоению ими к рубежу эр степной территории вплоть до Дуная.

В событиях I в. до н.э. и последующего времени чаще упоминаются аорсы, сираки, роксоланы, языги, несколько позже аланы. В письменных источниках нет данных о некоем сарматском единстве, наоборот, они обычно характеризуются как самостоятельные в политическом отношении группировки.

Весьма показателен в этом отношении пассаж Страбона о том, что во времена правления на Боспоре Фарнака возникла необходимость выставления кочевниками войск, обитавших между Меотидой и Каспийским морем, сираками, аорсами и верхними аорсами (*География*, XI, V, 8). Полагают, что эта необходимость была связана с попыткой Фарнака вернуть потерянное его отцом, известным Митридатом VI Евпатором, царство. Из этого сообщения Страбона вполне очевидно, что названные кочевнические группировки в политическом отношении были самостоятельными, во главе каждого из них стоял царь. Сираков возглавлял Абеак, аорсов – Спадин, царь верхних аорсов хотя и не называется, но он явно подразумевается.

Более того, в ряде случаев кочевники, обитавшие на территории Сарматии, выступали друг против друга, являясь союзниками разных противоборствующих сил. Причем такие случаи у античных авторов рассматриваются как обычные для сарматов. В этом отношении интересно сообщение Корнелия Тацита об инциденте, произошедшем в 35 г. н.э. в Закавказье, в котором приняли участие сарматы. Речь в данном случае идет о противостоянии Рима и Парфии, в которое были втянуты и другие государства – Армения и Иберия. В один из периодов обострения ситуации в этом районе иберы нападают на Армению, что вызвало негативную реакцию Парфии. Иберийский правитель Фарасман обращается за помощью к сарматам. Те, по словам Тацита, «приняв подарки от обеих сторон, по обычаю

своего племени отправились на помощь к той и другой стороне» (*Анналы*, VI, 33). Сарматы, которые решили прийти на помощь иберам, были пропущены ими через кавказские горные проходы. Сарматы же, шедшие на помощь парфянам и Армении, не смогли воспользоваться этими проходами, поскольку иберы закрыли их. Участие сарматов в решающем сражении на стороне иберов определило его исход, парфяне потерпели поражение.

Навряд ли этот эпизод, приведенный Тацитом, следует трактовать как участие в данном конфликте одного сарматского подразделения одновременно на той и другой стороне. Скорее всего, это были разные этнополитические объединения кочевников, которых Тацит называет общим этнонимом «сарматы». Исследователи неоднократно обращались к этому сюжету, пытаясь определить, какие сарматские группировки могли принять участие в вышеописанных событиях. Дискуссию вызывало определение путей их передвижения, а также союзнические предпочтения каждой из сарматских группировок. Полагают, что на тот момент реальными участниками этих событий могли быть с одной стороны сираки, с другой – аорсы (Виноградов В.Б., 1963, с. 149; Виноградов Ю.Г., 1994, с. 151–170).

Другим примером являются события сирако-аорской войны 49 г. н.э., изложенные тем же Тацитом (*Анналы*, XII, 15–21). В это время на Боспоре разгорелся очередной конфликт за власть между братьями Митридатом VIII и Котисом. Митридат, потомок понтийских Митридатов, будучи правителем Боспорского царства, придерживался антиримской политики и был с помощью римлян низложен с престола. Он вынужден был бежать на азиатскую часть Боспора, где стал создавать коалицию, опираясь на которую рассчитывал вернуть власть над царством. Правителем же на Боспоре в это время стал Котис, поддерживаемый римлянами. На стороне Митридата выступили сираки во главе с царем Зорсином. Котис и римляне привлекли на свою сторону аорсов, которых возглавлял царь Эвнон. Перипетии этих событий с кровопролитными эпизодами закончились победой Котиса и его союзников, а Митридат, оказавшийся в плену у аорсов, в конечном счете был выдан римлянам.

Большой интерес для нашей темы представляет обнаруженный в 1984 г. в Крыму у Мангупа при раскопках средневековой базилики эпиграфический документ, представляющий собой фрагмент мраморной плиты с текстом декрета предположительно ольвийского происхождения. В декрете речь идет о тяжелом экономическом и политическом положении, в которое попала предполагаемая Ольвия, и о том, что честуемый ее гражданин на свои средства сумел добыть продовольствие, а также совершить посольства в римскую провинцию Мёзию и к «величайшим царям Аорсии» (Виноградов Ю.Г., 1994, с. 151–170). В декрете еще упоминается посольство к Умабию, но из текста в связи с его испорченностью не ясно, имел ли он отношение к царям Аорсии. Ю.Г. Виноградов датировал события, упоминаемые в декрете, 60-ми гг. I в. н.э.

В источнике отсутствует информация о политическом статусе Аорсии. Предположительно Аорсия располагалась в северо-западных районах Причерноморья. К этой теме имеет отношение и определение этнической принадлежности царей Фарзоя и Инисмея, известных по ольвийскому нумизматическому материалу. Дискуссия по этому вопросу закончилась признанием их принадлежности к сарматскому этносу. Благодаря работам А.В. Симоненко утвердилось мнение о том, что эти цари возглавляли аорское объединение и, возможно, были связаны родственными отношениями (Симоненко, 1992, с. 148–161; 2012, с. 129–138). Жизнь и деятельность Фарзоя, судя по нумизматическим данным, синхронна событиям, описанным в мангупском декрете. Это позволило Ю.Г. Виноградову считать Фарзоя и Инисмея царями Аорсии (1994, с. 168).

Таким образом, появление Аорсии поблизости от римской провинции Мёзии стало отождествляться с аорсами, продвинувшимися в этот район с Волго-Дон-

ских степей. А.В. Симоненко и Б.И. Лобай высказали мнение, что пришедшие в Северно-Западное Причерноморье сарматские племена «создали типичное для кочевников раннегосударственное объединение во главе с Фарзоом» (Симоненко, Лобай, 1991, с. 85). Идея ранней государственности аорсов была поддержана В.М. Зубарем (Зубарь, 1998, с. 46).

В связи с вышесказанным возникает вопрос: была ли Аорсия единым сарматским государственным образованием? Сомнения на этот счет возникают уже при прочтении самого мангупского декрета, в частности в связи с организацией посольства чествуемым ольвеополитом сразу к нескольким ее царям. При условии, что Аорсия – это некое единое государственное образование, править в ней должен был в конкретный момент, о котором идет речь в декрете из Мангупа, один царь. Поскольку в декрете все же говорится о посольстве сразу к нескольким «величайшим царям Аорсии», то в этом случае она могла и не представлять собой единое целое в политическом отношении. Правда, мы знаем примеры из Скифии о наличии там в одно и то же время нескольких царей, но территориально Аорсия и Скифия не сопоставимы. Состав населения Скифии был в значительной мере полиэтничным, что и определяло форму ее управления. Аорсия должна, видимо, восприниматься как географическая область, в пределах которой располагалось несколько близкородственных сарматских объединений, имевших своих правителей. В античной литературе есть и другие примеры, когда довольно большие области, населенные кочевыми племенами, носили этнонимические названия, например та же Сарматия или Восточная Скифия, но которые никогда не являлись едиными политическими образованиями. Об Аорсии как географической области говорил и Ю.Г. Виноградов (1994, с. 167).

Сомнения насчет существования по соседству с границами Римского государства по Нижнему Дунаю кочевнического государства Аорсии подтверждает и то, что другие независимые источники его не упоминают. В этом отношении показательны данные Плиния Старшего, относящиеся к рассматриваемому времени. Говоря о территории к северу от Истра, которая прилежит к морскому побережью, он упоминает гетов; сарматов, в их числе гамаксобиев или аорсов; произошедших от рабов скифов или троглодитов; затем – аланов и роксоланов (*Естественная история*, IV, 80). Речь у Плиния идет о землях Северо-Западного Причерноморья, где в это время должна была располагаться Аорсия. В приведенном выше перечне народов аорсы упоминаются наряду с другими народами. Представление об Аорсии, видимо, в какой-то конкретный период сложилось исключительно у населения Ольвии, если учесть, что Фарзой и Инисмей были аорскими предводителями, осуществлявшими протекторат над этим полисом.

Данные примеры показывают, что сарматский мир на рубеже эр не был единым, он состоял из ряда самостоятельных этнополитических группировок. В современном кочевниковедении сложилось устойчивое мнение, что у кочевников не было внутренней необходимости образования государства, поскольку специфика их экономики не требовала привлечения большого количества зависимого населения, а соответственно, и создания развитого управленческо-распределительного аппарата. Все проблемы социального и политического характера решались у них в рамках традиционных институтов (Бондаренко, Коротаев, Крадин, 2002, с. 13). Для социально-политической организации кочевых обществ наиболее типичными являются вождества, которые могли быть простыми, сложными и суперсложными. Простые вождества объединяют несколько общин, подчиняющихся власти одного вождя; сложные вождества включают несколько простых вождеств, суперсложные вождества (кочевые империи) отличаются не только количественными, но и качественными характеристиками. Для суперсложного вождества характерно появление наместничества, что вызвано необходимостью управлять отдельными регионами обширной территории и таким образом сохранять ее единство. Адми-

нистративная структура таких вожеств предполагает деление их территории на большие области, именуемые «крыльями» (левое и правое), к которым может еще добавляться и «центр». Исследователи отмечали, что для суперсложных вожеств было характерным зарождение градостроительства и в отдельных случаях наличие письменности. Такие суперсложные общества, или кочевые империи, внешне соседями воспринимались как государственные образования, внутренняя же их жизнь регламентировалась нормами обычного права. Верховный правитель таких образований не обладал легитимными формами принуждения, его власть опиралась на консенсус всего общества.

Суперсложные вожества во много раз превосходили сложные общества по численности населения, если численность населения сложных обществ могла равняться нескольким десяткам тысяч, то суперсложных – многим сотням тысяч человек, а в отдельных случаях и еще больше. Так, количество населения хуннской кочевой империи в период ее расцвета по данным китайских письменных источников равнялась примерно 1,5 млн человек. Отличие суперсложного вожества от более низких уровней вожеств заключалось еще и в том, что для него была характерна полиэтничность. Простые и сложные вожества были в большей мере гомогенными (Бондаренко, Коротаев, Крадин, 2002, с. 14, 15).

Высшей формой политической организации кочевых обществ было суперсложное вожество. История знает случаи, когда кочевники стояли у основания крупных государств древности, например Парфии и Кушанского царства, но, образовав правящие династии, они утрачивали свои кочевые традиции. А.М. Хазанов использует термин «кочевые государства» для некоторых обществ раннего железного века: скифов и сунну. Однако он отмечал, что это название в известной мере является условным. Кочевые государства базировались исключительно на асимметричных отношениях с оседлыми обществами, без которых они вряд ли могли существовать (Хазанов, 2002а, с. 36). В сущности, употребляемые в настоящее время такие термины, как «кочевые империи» (Т. Барфилд), «суперсложные вожества» (Н.Н. Крадин), «кочевые государства» (А.М. Хазанов), по своему социально-политическому содержанию идентичны. Общей и главной их чертой было то, что «эти конфедерации имели автократический и государствово-подобный вид снаружи (они были созданы для получения прибавочного продукта за пределами степи), но оставались коллективистскими и племенными внутри» (Крадин, 2002, с. 82, 83).

Та информация, которой мы располагаем, по общественно-политическому устройству сарматов последних веков до н.э. и первых веков н.э., а это в основном письменные источники, не дает нам оснований утверждать, что у них сформировалось объединение уровня суперсложного вожества. Мы ничего не знаем о наличии у сарматов наместничества или деления территорий отдельных их группировок на «крылья». Выше речь уже велась о том, что сарматский мир в рассматриваемое время не представлял собой политического единства. Территории, контролируемые отдельными сарматскими группировками, были невелики по сравнению с хуннской или монгольской кочевыми империями.

Одним из показателей уровня политической организации кочевников является количество населения в том или ином их объединении. В письменных источниках иногда приводятся данные о количестве войск отдельных сарматских подразделений, по которым можно составить представление об их общей численности. Так, у Страбона содержатся данные о количестве войск по нескольким сарматским группировкам. Повествуя о столкновении роксоланов под предводительством Тасия с Диофантом, полководцем Митридата VI Евпатора, он отметил, что армия роксоланов состояла из 50 тыс. человек. В эпизоде, связанном с необходимостью выставления воинских контингентов кочевников во времена правления на Боспоре Фарнака, Страбон приводит их численность: царь сираков Абеак выставил

20 тыс. всадников, царь аорсов Спадин – 200 тыс., а верхние аорсы выставили еще большее количество воинов, так как занимали более обширную область, владея большей частью побережья Каспийского моря (*География*, VII, III, 17; XI, V, 8). Поскольку во главе этих войск стояли цари, надо полагать, было привлечено все воинство этих кочевых объединений. Судя по всему, в ряде случаев эти данные завышены, особенно это касается аорсов и верхних аорсов. В исторической и этнографической литературе принято считать, что в кочевых обществах все взрослые мужчины, являющиеся воинами, составляют 20 % от всего их населения, то есть один воин должен был выставляться от 5 человек (Гумилев, 1993, с. 64). В таком случае общая численность аорсов должна была составлять не менее миллиона человек, а верхних аорсов и того больше. Страбон поселял аорсов «по течению Танаиса», видимо, по его правобережью, поскольку между Доном и Днепром он размещал роксоланов. Навряд ли на столь ограниченной территории могло обитать кочевое население в миллион человек, то же самое можно сказать и о верхних аорсах. В случае с роксоланами Тасия также, видимо, имело место завышение количества его войска, чтобы подчеркнуть значимость победы Диофанта, командовавшего фалангой, состоящей всего из 6 тыс. воинов.

Раньше предпринимались попытки разработать независимую методику подсчета сарматского населения, например, Волго-Уральского региона. За основу брались возможности кормовых угодий региона, которые могли обеспечить содержание определенного количества скота, за вычетом части кормовых запасов, обеспечивающих существование диких животных. Количество домашнего скота должно определять численность кочевого населения. Здесь учитывалось количество потребления людьми мяса, необходимость воспроизводства стада, социальное неравенство. Но исследования на эту тему разных авторов дали конечные результаты по численности сарматского населения указанного выше региона, различающиеся друг от друга на несколько порядков (Железчиков, 1983, с. 48–60; Халдеев, 1987, с. 230–231). Такие результаты объясняются множеством допущений при использовании рассмотренной методики подсчета численности кочевого населения.

По моему мнению, есть другой способ примерного определения численности сарматского населения. Это привлечение этнографического материала по кочевникам нового времени, в данном случае калмыкам. В настоящее время принято считать, что различие между ранними и поздними кочевниками носит преимущественно хронологический характер и в меньшей мере социально-экономический и политический (Крадин, Тишкин, Харинский, 2005, с. 8). Калмыки, так же как и сарматы, вели кочевой образ жизни и занимали ту же экологическую нишу, что ранее и сарматы. Причем территория обитания сираков, аорсов и верхних аорсов, по данным Страбона, во многом совпадала с территорией, занимаемой калмыками в XVII–XVIII вв. (Цюрюмов, 2007, с. 460, 461).

Численность калмыцкого населения, занимавшего прикаспийские районы и Нижнее Поволжье в XVII–XVIII вв., то есть в течение постоянного проживания нескольких поколений, до ухода в 1771 г. значительной части калмыков в Джунгарию, колебалась от 220 тыс. до 320 тыс. человек. Эти данные опираются на многочисленные письменные свидетельства и переписи калмыцкого населения (Колесник, 1997, с. 37; 2003, с. 228–243). То есть природные ресурсы этого региона в течение длительного времени могли обеспечивать такое количество кочевого населения, ведшего, как и сарматы, кочевой образ жизни. Данные калмыцкой демографии, по моему мнению, могут являться проекцией для определения численности кочевого населения этого региона в сарматское время. Следовательно, можно допустить, что на рубеже эр на рассматриваемой территории могло обитать 200 или 300 тыс. сарматского населения, которое в каких-то пропорциях должно было быть распределенным между тремя самостоятельными сарматскими этнополитическими группировками: сираками, аорсами и верхними аорсами. Таким

образом, по демографическим показателям эти группировки никак не тянут на уровень суперсложных вожеств.

Для создания такого крупного политического объединения, как суперсложное вожество или «имперская конфедерация», которое включало бы большую часть сарматских подразделений, не было одного главного условия – располагавшейся по соседству крупной земледельческой цивилизации. Возникновение крупных объединений кочевников, уровня вышеназванных, предполагает достаточно большие численность и экономический потенциал подчиненного населения. Степень централизации кочевников прямо пропорциональна величине соседней земледельческой цивилизации (Хазанов, 2002б, с. 364; Крадин, 2007, с. 319). Классическим примером такой ситуации является образование в конце III в. до н.э. хуннской кочевой державы как реакции на объединение Китая в единое централизованное государство под властью Циньской, а затем и Ханьской династий. Когда Китай был раздробленным на множество царств, не было нужды и у соседних кочевников в объединении. Их отдельные группировки вполне улаживали свои отношения с отдельными китайскими царствами. Как только завершается объединение Китая в единую империю (221 г. до н.э.), происходит консолидация кочевников в рамках хуннской конфедерации (206 г. до н.э.), поскольку вести дела с единым Китайским государством отдельным группировкам кочевников было достаточно сложно. Т. Барфилд отмечал синхронность периодов распада и объединения Китая и кочевого мира, соседствующего с ним: «Когда в Китае начинались беспорядки и экономический упадок... и степь разваливалась на составные племена, неспособные к объединению до тех пор, пока не восстановлен порядок в Северном Китае» (Барфилд, 2002, с. 54).

Цивилизованный мир Юго-Восточной Европы, с которым в течение ряда веков соседствовали сарматы, был достаточно разобщенным. Античные полисы Северного Причерноморья являлись небольшими государственными образованиями. Даже Боспорское царство по экономическим и политическим возможностям не могло идти ни в какое сравнение, например, с Ханьской империей. Такая ситуация не создавала условий для объединения сарматов в достаточно крупное этнополитическое объединение, а наоборот, способствовала их разобщению, поскольку античные города Северного Причерноморья, Боспорское царство часто в достижении своих интересов использовали ближайших соседей-кочевников, что зачастую приводило к конфликтам между самими сарматскими группировками.

Наиболее тесно с земледельческим населением, меотами Кубани, взаимодействовали сираки, но территория, занимаемая теми и другими, была невелика. Судя по источникам, сиракское объединение по сравнению с аорскими группировками было относительно небольшим. Страбон, определяя численность войск, выставленных кочевниками во времена правления на Боспоре Фарнака, вводил территориальный показатель, и, как известно, сираки выставили небольшое войско по сравнению с аорсами. Как полагают, в племенной союз сираков были интегрированы меоты (Лимберис, Марченко, 2010, с. 269), но навряд ли такой союз можно отнести к категории суперсложных вожеств.

В одной из статей С.А. Яценко речь идет о том, что исследователями занижается уровень общественного развития сармато-аланов по сравнению со скифами. Приведенный автором ряд примеров, по его мнению, доказывает, что существование социальной и культурной отсталости сармато-аланских племен по сравнению с европейскими скифами V–IV вв. до н.э. не подтверждается (Яценко, 2002, с. 91–97). Однако в этой работе отсутствует сравнение на основе системного анализа уровня развития общественных отношений сармато-аланов и скифов. Автором не определены этнополитическое содержание и хронологическая позиция составного этнонима «сармато-аланы». Из прочтения статьи видно, что речь идет вообще о сарматах в пределах I–IV веков. Для степи это время существования

двух сарматских культур – средне- и позднесарматской, между которыми существуют этнические различия. Да и позднесарматская культура по данным на настоящее время не представляет из себя единства. С середины III в. н.э. на Нижнем Дону и Северном Причерноморье распространяется новый погребальный обряд и материальная культура, за которыми стоят этнические изменения. Примеры, которые приводит С.А. Яценко, свидетельствующие о высоком уровне развития сарматов первых веков н.э., носят разрозненный характер и относятся к разным сарматским объединениям и разному времени. Зачастую неизвестно, какие из них характеризуют, например, аорсов, роксоланов или аланов. Города, упоминаемые в письменных источниках на территории степной Сарматии, на которые обращает внимание С.А. Яценко, до настоящего времени не выявлены археологически и остаются нарративным фантомом.

С.А. Яценко прав, что по отдельным элементам культуры сарматы не уступали скифам. Но речь должна идти о сравнении уровней их политической организации. Скифия представляла собой в V – значительной части IV в. до н.э. единое политическое образование, включающее различные по происхождению, особенностям ведения хозяйства и быта племена и народы, обитавшие на обширной территории Северного Причерноморья. Исследователи полагают, что для Скифии была характерна триадная территориально-политическая система (левое, правое крылья, центр) (Хазанов, 1975, с. 128; Мурзин, 1990, с. 73, 74). Центром этой системы были царские скифы, из среды которых выходили общескифские правители (цари). Геродот упоминает о делении Скифии на округа, во главе которых стояли правители (*История*, IV, 66). Эти правители, видимо, выполняли обязанности наместников, занимаясь сбором дани в пользу центральной власти, являлись предводителями номовых (племенных) ополчений, исполняли судебные функции. Поддерживая свой авторитет, они раз в год устраивали пиры для доблестных воинов. Эти и ряд других признаков позволили исследователям говорить о раннескифской государственности.

В другой своей статье С.А. Яценко попытался обосновать образование аланской кочевой империи в I–II вв. н.э. с центром на Нижнем Дону (Яценко, 2008, с. 281–310). Эта статья вызвала резкую критику со стороны известных исследователей, указавших на необъективный анализ автором источников (Перевалов, 2014, с. 2–9; Раев, 2016, с. 122–126).

Сарматия никогда не являлась единой в политическом отношении. На ее территории и ранее, и когда ее стали делить на Азиатскую и Европейскую Сарматии, обитали самостоятельные кочевые этнополитические группировки. Полагают, что аланы создали крупное объединение кочевников, ссылаясь на Аммиана Марцеллина – автора IV в. н.э., который утверждал, что аланы «мало-помалу постоянными победами изнурили соседние народы и распространили на них название своей народности, подобно персам» (*Римская история*, XXXI, 2, 13). Но более ранние источники, зафиксировавшие появление аланов в I в. н.э., такой картины не создают. Иосиф Флавий помещает их на ограниченной территории у Меотиды и Танаиса, Плиний называет аланов среди ряда других народов в Северо-Западном Причерноморье. Возможно, аммианово «мало-помалу» имеет отношение к более позднему времени, но и в этом случае мы не имеем объективной информации об особенностях организации объединения во главе с аланами.

По тем данным, которыми мы располагаем по сарматам со II в. до н.э. по II в. н.э., их объединения можно охарактеризовать как сложные вожества, включающие несколько простых вожеств.

В письменных источниках упоминаются две категории названий верховных предводителей этих сарматских объединений: первое из них переводится как цари, второе – как скептухи. Гораздо чаще упоминаются цари, называются их имена. О сарматских скептухах говорит Тацит, повествуя о закавказских событиях

35 г. н.э. Он отмечал, что во главе двух сарматских группировок, направляющихся в Закавказье, стояли скептухи (*Анналы*, VI, 33). Тациту также было известно, что во главе сарматских объединений находились цари, это следует из его описания сирако-аорской войны, произошедшей несколько позже закавказских событий. О статусе скептухов содержится информация у Страбона. Описывая народы побережья Черного моря, в частности гениохов, он отметил, что «управляют ими так называемые скептухи, а эти последние сами подвластны тиранам и царям» (*География*, XI, II, 13). Скептухами у сарматов могли быть главы простых вожеств, входивших в состав сложных. Скептухи в рамках своего родоплеменного объединения возглавляли воинские ополчения и могли пользоваться относительной свободой в принятии решений. Проявление сепаратизма – одна из характерных черт кочевых объединений. В Калмыцком ханстве (XVII–XVIII вв.) тайши, возглавлявшие улусы, являющиеся отдельными родоплеменными объединениями, обладали большой самостоятельностью в хозяйственной и внешней деятельности, управляли улусным войском. Они принимали участие со своими отрядами в походах в составе общекалмыцкого войска, но могли и самостоятельно устанавливать связи с другими народами. В отдельные периоды междоусобиц тайши использовали улусные войска в достижении своих интересов (Шовунов, 1991).

В настоящее время на территории Нижнего Поволжья, Нижнего Дона и Северного Причерноморья известно несколько десятков курганных захоронений I – первой половиной II в. н.э., принадлежащих высшей сарматской знати. Назову наиболее известные из них: Косика, погр. 2 (Бэровский бугор) (Дворниченко, Федоров-Давыдов, 1993, с. 141–179), Октябрьский V, кург. 1 (Скрипкин, Мысков, 2009, с. 245–255), Калиновка, кург. 55, погр. 8 (Шилов, 1959, с. 402–404), Жутово, кург. 28 (Скрипкин, Клепиков, 2013, с. 108, 109) – в Нижнем Поволжье; «Хохлач» (Засецкая, 2011), Садовый (Raev, 1986, р. 44–48), Дачи (Беспальный, 1992, с. 175–90), Кобяковский, кург. 10 (Гугуев, 1992, с. 116–129) – на Нижнем Дону; Соколова могила (Ковпаненко, 1986), Пороги (Симоненко, Лобай, 1991) – в Северном Причерноморье. Многие из названных и не названных здесь высоко-статусных погребений оказались ограбленными, но и они дали яркий, интересный материал, позволяющий использовать его в реконструкции социальной структуры сарматского общества. Погребения этого ранга обычно совершались в наиболее высоких курганах в могильниках, погребальные ямы чаще имели широкую прямоугольную форму, в ряде случаев с устройством тайников в боковой стенке или на дне ямы; из вещественного материала для них характерно обилие изделий из золота: гривны; пектораль, диадема; браслеты; нашивные бляшки, украшавшие одежду; а также кубки или чаши из серебра; бронзовые котлы; детали конской упряжи, богато оформленные пояса и клинковое оружие.

Набор вещей в этих погребениях включает предметы, являвшиеся у ирано-язычных кочевников раннего железного века символами власти или наделенные сакральными функциями. Гривны (Калиновка, кург. 55, погр. 8; Кобяковский, кург. 10; Пороги), пектораль (Косика, погр. 2) исследователями интерпретируются как символы власти. Они известны в захоронениях высшей кочевой знати саков Средней Азии, скифов Северного Причерноморья, кочевников Южного Урала. К этой категории находок относится и диадема из «Хохлача». «Для владык Востока диадемы были знаком царского достоинства» (Засецкая, 2011, с. 48).

Во многих престижных сарматских захоронениях рассматриваемого времени были обнаружены бронзовые котлы. Существует мнение, что котлы служили символом, который объединял людей, принимающих пищу из одного сосуда. С.А. Плетнева называла котлы кочевников «символами единства» и «символами власти» (Плетнева, 1982, с. 22, 23). Это мнение находит подтверждение и в археологических материалах Скифии. Котлы у скифов являлись сакральными предметами, их, как правило, находят в погребениях лиц самого высокого ран-

га, фигурирующих в источниках как «басилевсы» или «номархи». В скифских богатых захоронениях иногда встречается по нескольку котлов. Есть основание предполагать, что в данном случае имеет место передача сакрального символа как признание власти более сильного правителя, оформляемая в виде скрепления дружбы. Такая ситуация могла объясняться и военным подчинением более мелких кочевых подразделений. В каждом случае это, скорее всего, может объясняться «объединением мелких социумов в более крупные политические образования» (Кузнецова, 2008, с. 184).

На основании археологического материала трудно провести разграничение между захоронениями глав сложных сарматских вожеств (царей) и простых вожеств (скептухов). Возможно, что погребения, в которых были обнаружены гривны, пектораль, диадема, имели статус царских. Хотя погребение у с. Косика, в котором была обнаружена пектораль, авторы публикации считают принадлежащим сарматскому скептуху, поскольку по времени и некоторым вещам оно может быть связано, по Тациту, с походом сарматских скептухов в Закавказье (Дворниченко, Федоров-Давыдов, 1993, с. 173).

В то же время в погребении Октябрьский V, кург. 1, не было обнаружено ни гривны, ни пекторали, но некоторые категории вещей позволяют предположить, что здесь совершено погребение предводителя нескольких родоплеменных групп кочевников. В погребении было найдено пять наборов железных удил с псалями, причем в каждом случае они отличались деталями формы (Мысков, Кияшко, Скрипкин, 2002, с. 149–167). Это напоминает находки большого количества лошадей и конской узды в известном скифском кургане Аржан в Туве. Исследователь названного кургана М.П. Грязнов считал, что это приношения разных племен своему вождю, по различию отдельных деталей узды «можно предполагать принадлежность их разным этнографическим подразделениям» (Грязнов, 1980, с. 47). Таким образом, можно предположить, что в октябрьском кургане был захоронен предводитель, возглавлявший несколько сарматских подразделений. К тому же в этом погребении обнаружено два котла, что также может свидетельствовать об объединительной тенденции кочевников. Кроме того, здесь были найдены два бронзовых таза; две чаши из серебра с позолотой; два серебряных кубка, один из них с ручкой в виде фигурки зайца.

Следует отметить и еще один момент. Значительная часть погребений высшей знати сарматского общества начала нашей эры принадлежала женщинам. Это погребение в Калиновском кургане 55, в кургане «Хохлач» и Кобяковском кургане 10, в Соколовой могиле. Предположительно это может быть объяснено появлением в степях Юго-Восточной Европы в I в. н.э. аланов, которые, по мнению большинства исследователей, своим окончательным формированием связаны с районами Средней Азии. Установлено, что для сако-массагетского населения Арало-Каспийского региона характерно сохранение ярко выраженных матриархальных традиций. Фольклорные мотивы сохранили сведения не только о высоком общественном положении женщин в древности у народов Приаралья, но и об участии их в ратных делах, что перекликается с нартским эпосом народов Кавказа и позволяет говорить об единых истоках этого явления (Толстова, 1984, с. 186–206). В.И. Абаев, анализируя социальный термин «афшин», которым называли правителей области Усрашана в Средней Азии, установил, что он был заимствован ее жителями из массагетской среды. Этот же термин известен и в осетинском языке в значении «хозяйка». Отмеченный лингвистический факт В.И. Абаев объяснял родством массагетов и аланов, полагая, что афшинами в эпоху военной демократии называли знаменитых массагетских и сарматских правительниц (Абаев, 1959, с. 113–116).

Отличие богатых женских сарматских захоронений от мужских заключается в отсутствии у них предметов вооружения. Свидетельствует ли это о распределе-

нии общественно значимых функций у сарматов этого времени – сказать трудно, хотя письменные источники во главе сарматских объединений обычно называют мужчин. Только в результате особых обстоятельств женщины могли возглавлять сарматское войско, как это следует из известного рассказа Полиена о сарматской царице Амаге. Возможно, указанные богатые женские захоронения принадлежали к правящему клану какого-либо сарматского объединения, в обязанности которого входило выполнение сакрально-религиозных функций.

Подводя итог, хотелось бы отметить одну особенность, которая определяла специфику политического развития евразийских кочевых обществ. Кочевые империи как высшая форма политической организации кочевых обществ в разное время складывались в восточном ареале евразийского степного пространства. Это хуннская, монгольская кочевые империи, в определенной мере Тюркский каганат. Появление кочевых объединений такого уровня здесь объясняется постоянным соперничеством кочевников с Китайским государством, что способствовало их консолидации.

Иная ситуация сложилась в Средней Азии. В этом регионе отсутствовали крупные земледельческие государства. Кочевое и земледельческое население здесь обитало чересполосно, причем в военном отношении кочевники были более организованны по сравнению с оседлым населением. Такая ситуация способствовала образованию здесь таких крупных государств древности, как Парфянское и Кушанское царства, у основания которых стояли кочевые династии. С образованием этих государств их основатели утрачивали кочевые традиции.

На западе в степях Восточной Европы на рубеже эр была своя специфика взаимоотношений кочевников с оседлым населением. Крупных государственных образований здесь не было. Это отдельные греческие города-колонии на побережье Черного моря да Боспорское царство. Такая ситуация способствовала отсутствию необходимости кочевым обществам, занимавшим степную территорию, объединяться в единую этнополитическую организацию уровня кочевой империи. Отдельные сарматские группировки, аорсы, сираки, роксоланы, аланы, являлись самостоятельными политическими образованиями, имевшими своих правителей, самостоятельно решали свои проблемы во взаимоотношениях с греческими северопричерноморскими полисами.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Книга написана, но автор не испытывает явного удовлетворения, слишком многие проблемы остались гипотетичными, по многим вопросам не найдены убедительные решения, в силе остаются многие противоречивые мнения. Одно успокаивает, что противоречия – это питательная среда для науки, поле единой души наука покидает.

Что же становится очевидным из наиболее общих проблем сарматской археологии. В науке дискуссионным является вопрос о роли автохтонных и миграционных процессов в становлении и развитии сарматских культур. Наши основатели сарматской археологии Б.Н. Гракова и К.Ф. Смирнова принято считать автохтонистами, поскольку они отдавали предпочтение местным традициям в переходе от одной сарматской культуры к другой. В заключительных десятилетиях XX в. и в последующее время отдельные исследователи стали больше обращать внимание на роль миграций в этом процессе. Были попытки обосновать существенный хронологический разрыв в культурных традициях в преддверии становления раннесарматской культуры и доказать отсутствие преемственности между культурой кочевников V–IV вв. до н.э. и последующего времени.

Совместный анализ археологических и антропологических данных позволяет утверждать, что в становлении практически каждой сарматской культуры участвовали как местные, так и миграционные компоненты. Этот вывод мной был сделан еще в начале 90-х гг. прошлого века преимущественно на археологическом материале Волго-Уральского региона. Теперь эта версия убедительно подтверждается антропологическими исследованиями, которые наиболее объективны в решении этой проблемы. Антропологические исследования выявили постепенное изменение антропологического типа населения в Волго-Уральском регионе от брахикранного в савроматское и раннесарматское время до преобладания долихокранного и мезокранного в позднесарматское.

Далеко не все вопросы истории и культуры сарматов нашли отражение в предлагаемой монографии. Это касается взаимоотношений сарматов с античными государствами Северного Причерноморья, с Римской империей в Подунавье, с народами Кавказа. С одной стороны, это объясняется тем, что книга в большей мере посвящена самим сарматам, становлению и развитию их культуры, с другой – роль сарматов в каждом из указанных регионов требует специального изучения. Я не касался и темы проникновения сарматов (аланов) в Европу, поскольку ранее этой проблемой не занимался и в моем распоряжении нет необходимого материала.

Сарматская археология становится все более дифференцированной. Один исследователь в настоящее время уже не может с одинаковым успехом заниматься изучением всех периодов сарматской культуры. Специализация очень четко просматривается по регионам, одни занимаются исследованием памятников Южного Урала или Поволжья, другие Кавказа, Дона или Северного Причерноморья. Необходимость сверки результатов, достигнутых исследователями разных регионов, привела к поиску новых форм их обобщения. Таковой является периодически проводимая научная конференция по проблемам сарматской археологии и истории с постоянно действующим оргкомитетом, был образован «Центр изучения истории и культуры сарматов», учрежденный совместно Институтом археологии

РАН и Волгоградским государственным университетом, который организовал ряд семинаров, с последующей публикацией статей ведущих специалистов.

Я хотел бы отметить, что сарматская тематика в настоящее время не обделена вниманием, публикуется большое количество статей и монографий по культуре и истории сарматов, проводятся научные конференции, но нерешенных проблем, стоящих перед этой отраслью исторической науки, еще достаточно много, причем со временем их число не будет уменьшаться. Как выразился один исследователь, «вновь открытый памятник археологии не уменьшает, а увеличивает количество нерешенных проблем».

SUMMARY

The SARMATIANS

A.S. Skripkin

Introduction. The Sarmatians are Iranian-speaking nomads, who had been living from the 4th century BC to the 4th century AD. At different times within the common date they occupied a huge territory from the Southern Urals to the Danube. The nomads played an important role in economic and political relations on the northeastern periphery of the ancient world. At the final stage of their history the Sarmatians took part in the process of the Great Migration of Nations which destroyed the Roman Empire in the end and significantly changed the development of history of Europe and the whole world.

Sarmatians is a collective ethnonym such as Slavs or Germans. This name was used as indication of people of different degrees of kinship, who had their own ethnic names, political organizations, cultural traditions and, ultimately, their own destiny. Under the term Sarmatians, the ancient authors implied Aorses, Siraki, Roksolans, Yazygi and Alans.

Chapter 1. Sources on the history of the Sarmatians. In the study of the history of the Sarmatians, except of traditional sources, that are written compositions of ancient historians and geographers and archaeological materials, data of anthropology, ethnography and paleoecology also can be used more completely.

Especially in the early period of its history, the Sarmatian territory was a distant periphery of the ancient world and there was no real information about the Sarmatians in the works of ancient writers for a long time. The interest of Greek and then Roman authors to the people inhabiting the steppes of the south of Eastern Europe was usually associated with some major events if only these people had been involved there and these events were really important for the whole ancient world.

An assessment of informational content in the works of ancient authors about Sarmatians is given in this section. The author also allocates the periods of increased interest of ancient historians and geographers to the occupied areas. The information was not systematic and it was quite fragmentary although it was possible to see the gradual increase in information about people of East Europe in the compositions of ancient writers. The works of Strabo, Pliny the Elder, Josephus Flavius, Tacitus, Claudius Ptolemy, Ammianus Marcellinus and several other authors are the most important for study of Sarmatians. Useful materials for certain periods of Sarmatian history can be found in the works of ancient Chinese historians Sima Qian, Ban Gu, Fan E.

One of valuable sources is the epigraphic monuments. Basically, they all come from Greek colonies and settlements of the Northern Black Sea Coast. They are sorts of dedicatory, funeral inscriptions and decrees. This kind of written sources is different from others because it displays the events simultaneously and it is made by their witnesses. In a number of cases, epigraphic documents contain information about the barbaric periphery, the relationship between nomads and Greek policies ("Decree in honor of Protogen", "Decree in honor of Diophantus", "Mangup inscription" and others).

As far as the Sarmatians led a nomadic way of life, the main archaeological sites were burial mounds which were left after them. The first scientific excavations of these burial complexes in the south of Russia date back to the turn of the 19th and 20th centuries. For more than a century of research of Sarmatian antiquities in a vast territory from the Southern Urals to the Danube, a huge amount of material has been accumulated, the number of which goes to thousands of complexes.

A large number of monographic studies and articles are devoted to the analysis of Sarmatian archaeological material, however, full study is still far from its completion.

The study of the Sarmatian anthropological material has been under way since the middle of the last century. The scientific results of anthropological research have the primary importance for the reconstruction of ethnogenetic processes. In this respect the anthropological material is more objective than the archaeological one. It also allows us to identify the main components in the formation of the ethnic groups of the Sarmatian cultures in time perspective. It has decisive importance in detecting migrations and their directions, assimilation and other processes in the history of ancient Ethnoses.

Despite the fact that the Sarmatians withdrew from the historical arena more than 1,500 years ago, it is possible to use later ethnographic materials in the reconstruction of some aspects of their life, the nature of the economy, public relations. The author had to turn more to the ethnography of the Kalmyks, for the reason that the Kalmyks were nomads who appeared from the 1630–1640s in the Lower Volga region and occupied the same ecological region where the Sarmatians lived much earlier. These facts should detect the similarity of the forms of economic management, life and some aspects of the social and political organization of the Kalmyks and Sarmatians. According to this reason, some data from Kalmyk ethnography were used in the reconstruction of some subjects of the history of the Sarmatians.

A significant effect in the study of the history and culture of the Sarmatians has been achieved by our cooperation with pedologists. It promoted the formation of a new scientific direction called archaeological soil science. Archaeological objects, including the Sarmatian barrows, are not only monuments of history but they are monuments of nature. They contain not only information about the history of society but also about the history of nature. The study of buried soils under barrow mounds made it possible to establish a change in the climatic conditions throughout the Sarmatian area in the Volga-Ural region, identify arid and moist periods and compare them with Sarmatian migrations in this territory.

Data collection of all these types of sources allowed us to highlight a number of problems of Sarmatian history and culture

Chapter 2. The predecessors of the Sarmatians. This chapter reviews the problematic issues of the history of the Sauromatians, Issedons and Dai (Dakhs), who had inhabited the territory earlier, which would be occupied by Sarmatians later.

Some information about the Sauromatians could be found in the “History” of Herodotus, who placed them to the east of Tanais (Don). During the archaeological excavations to the east of the Don burials in barrows, dating from the 6th–4th centuries. BC, are identified as the Sauromatians and the Sauromatian archaeological culture. According to the common similarity of the funeral ceremony and material culture the territory of the Sauromatian culture was defined, encompassing the vast area of the Lower and Middle Volga, South Urals and Western Kazakhstan. There are two local variants of the Sauromatian culture such as Samar-Ural and Volga-Don in this territory. The question whether two named local variants had to be identified with the Sauromatians was discussed among the researches. On this occasion, different versions were put forward. The author holds the opinion that the sites of the Volga-Don variant belong to the historical Sauromatians and the monuments of the Samar-Ural variant refer to another tribal association of nomads.

The most controversial fact is the localization of Issedones. The information given by Herodotus and other authors does not contain convincing geographical way

marks of their habitats. Modern researchers think that Issedons dwelled from Altai to the Southern Urals. The version about their location in the Southern Urals is also controversial.

The opinion which indicates the residence of the tribe of Dai in the Southern Urals is more persuasive. This point of view is based on the data of Strabo and the compositions of other ancient authors who described the eastern campaign of Alexander the Great. The archaeological sites of the Southern Urals of the 5th–4th centuries BC could be left by tribes of Dai. In the framework of this integration early Sarmatian archaeological culture began to form.

Chapter 3. Early Sarmatian period. In the compositions of antique authors we do not find information about the origin of the Sarmatians. Most of them match Sarmatians with Sauromatians. The ethnonym Sauromatians is often used for the Sarmatians as an obvious anachronism rights up to the first centuries of our era by most of the authors. The problem of the origin of the Sarmatians is largely solved on the basis of archaeological and anthropological materials. According to them, the formation of the Early Sarmatian culture took place in the territory of the Southern Urals as a result of migration and internal processes that proceeded in this region in the period from the middle of the 6th to 3rd centuries BC. Early Sarmatian culture is also called Prokhorov culture by the name of the village of Prokhorovka. In the beginning of 20th century the local people excavated several burials near this village. Thereby, signs of the Early Sarmatian (Prokhorov) culture began to form in the funeral practice of the elite of the nomadic society and then spread to the rest of the population of this nomadic society. Archaeological data point to the multicomponent basis of the formation of Prokhorov culture, where the forest-steppe population of the Trans-Urals, the nomads of the Aral Sea region and, likely, nomadic component from Central Asian took part.

Anthropological studies of the population of the Prokhorov's culture of the Southern Urals show that it is quite heterogeneous. Part of them belongs to the population of the trans-Ural forest-steppe, while the other show similarities with the preceding population of the Sauromatian time of the Volga and the Urals. The participation of natives of the Lower Syr Darya in this process is also possible. The researchers made the conclusion that the center of ethno- and cultural genesis of the Sarmatians in the period of archaeological culture Prokhorov was formed in the territory of the Southern Urals. This steppe Ural region became a bridgehead for further wave-like and multi-directional migration of nomads.

The study of the Early Sarmatian burial mounds allowed to develop periodization for individual territories of their extension. There are three stages in the South Urals: 1) the transient stage, which dates from the second half or the end of the 5th century BC to the third quarter of the 4th century BC. This period is represented by archaeological sites of Filippovka, Perevolochan and other synchronous sites; 2) the classical stage, characterizes the Early Sarmatian culture, which dates from the end of the 4th–3rd centuries (probably the first half of the 2nd century BC). The most remarkable archaeological sites of this time are the most of Prokhorovka burials and the burial complexes of the Staryye Kishki burial ground, as well as the synchronous burials in Shumaevsky and Pokrovsky burial mounds and other burial groups; 3) the late final stage, which dates from the 2nd century BC, (perhaps its second half) to the 1st century BC. It is represented by the most typical burials from the burial mounds of Mecchetsai, Novo-Kalkashevo and similar to them.

In the Lower Volga region the Sarmatian sites are divided into the following periods: 1) IV c. BC, during this period the formation of the Early Sarmatian culture is under the influence of migrations of the South Ural nomads. The part of the Sauromatians of the Lower Volga was embraced in the new nomadic union; 2) the 3rd century BC, when the formation of the Early Sarmatian culture is completed in

this region. This time corresponds to the classical South Ural period; 3) the late final stage of this culture dates from the 2nd to the 1st century BC.

The presence of funerary monuments with elements of early Sarmatian culture in the 4th century was noted on the Lower Don. Archaeological monuments of Sarmatian culture of the 3rd century BC are not singled out in this region. There are large-scaled Sarmatian burials of the 2nd–1st centuries BC in this region. On the Middle Don and Northern Black Sea coast the sites of the Early Sarmatian culture existed only at the final stage, in the 2nd–1st centuries BC.

The extension of the early Sarmatian culture in the western direction was connected to the military actions of the South Ural nomads, who created a powerful tribal union headed by the Dai. Environmental, demographic and political actions caused the aggressive policy. As a result, the Sauromatian culture of the Volga-Don region ceased to exist. The situation in the Northern Black Sea region is also destabilized and a preemptive strike was made against Scythia.

The author considers that the political centre of DahiZ tribal union, which was located in the Southern Urals, had decayed by the end of the 4th century BC. According to ancient sources, Sarmatia, an area in the Lower Volga region was formed in the 3rd century BC. The territory of this region was controlled by the Sarmatians, who were the part of Dahi tribal union. The final blow was struck along the northern Black Sea Scythia. Sarmatians had the political control over a significant territory up to the river Dnieper up to the 2nd century BC. This region was owned by the Scythians before.

Important changes happened in the 2nd century BC. At the end of the 3rd century BC a powerful nomadic union ruled by Hunnu was formed to the north of China and conducted an aggressive policy against China and other neighbors. It led to the relocation of nomadic population to the west and to the fall of the Greco-Bactrian kingdom. The number of nomads in the Central Asia increased. These events also affected the south-eastern steppe spaces of Europe. New unknown names of nomadic nations, such as Aorses, Siraki, Roksolans, appeared there. The rise of the nomadic population of Sarmatia led to the further development of these western and North Caucasian territories by these nomads. Sarmatian ancestral cemeteries were extending up to the Dnieper. These events refer to the final stage of the Early Sarmatian history (2nd–1st centuries BC). One of the characteristics of this stage is the interaction of the previous Sarmatian population with people, who migrated. This interaction led to the appearance of a number of innovations in the funeral ceremony and material culture.

At the final stage of the Early Sarmatian culture, various kinds of conflicts took place. There was the war of Pontic kingdom against Rome and conflicts of Sarmatian with the ancient cities of the Northern Black Sea Coast.

Chapter 4. The Middle Sarmatian period. This period dates from the first to the first half of the 2nd century AD. During this time, great changes take place in the material culture and funeral ceremony of the Sarmatians in the area from the Southern Urals to the Northern Black Sea Coast, which is connected to the arrival of new nomadic groups in these areas from the east. The fact of migrations is confirmed by anthropological material and evidences the significant increase of dolichocranic populations in the Sarmatian territory. In the early Sarmatian period there were more inlet burials constructed into the mounds. In comparison, from beginning of our era the construction of one burial under an individual barrow mound had dominated. The so-called "diagonal burials" are also known. The buried were placed on the diagonal of a square, according to this type of burial. This period brings essential changes in the types of bladed weapon. New types of pottery appeared then. The metal pots of Roman or Roman provincial production and fibula are also often found. In the 1st – beginning of the 2nd century AD the series of rich burials appeared which contained a wide variety of different things, imported antique and oriental origin, also it could

have jewelries, made in animal style and decorated with inserts from turquoise and carnelian. This kind of complexes with things named earlier was not known at the final stage of the Early Sarmatian culture. So, in the context of the Middle Sarmatian culture, these things give it a specific color. During this period, the extension of Sarmatian monuments reaches the Roman borders along the Danube.

There is a reason to match happened changes to the new ethnopolitical situation in the steppe regions in the southeast of Europe. That time a new nomadic union ruled by Alans became the object of the written sources. This union began to form in the 2nd – 1st centuries BC and it was connected to the emergence of state Kangyu in the Middle Asia, where the nomadic component played an important role. Perhaps, Alans occupied the steppe territories of the Northern Caspian region up to the Lower Don and displaced the Aors to the west within the framework of Kangyu policy.

The lower Don became the political centre of the new Alan union. The biggest part of rich burials was found there. The scientists identify it as the burials of the Alan nobility.

The active foreign policy was conducted in the Middle Sarmatian period. Large military campaigns were made in Transcaucasia in 35, 72 and 135 years. The front East was a zone of confrontation between the Roman Empire and Parthia at that time. The other Transcaucasian states were also drawn into that conflict. Sarmatians often intervened into these difficult relationships, but they were invited by warring parties.

Rome began to include the areas of the Black Sea Coast into the sphere of their own interests and policy after the victory over the Pontic ruler Mithridates VI Eupator. As a result of the conquest wars of Rome in the Balkans in the lower reaches of the Danube in the early 1st century AD, the Roman province of Moesia was formed. A defensive network called the Danube limes began to be built.

From the turn of the eras and in the first centuries AD the Sarmatians directly came into contact with the Roman Empire in the Danube region. The Sarmatians divisions, such as Aorses, Rockolans and Alans are often mentioned in the military events of this region.

Chapter 5. The late Sarmatian period. The late Sarmatian period dates from the middle of the 2nd to the 4th centuries AD. The allocation of this period is connected to the new changes, discovered in the funeral sites. During this period, the northern orientation of the buried is beginning to spread widely, in contrast to the previous time, when the southern orientation prevailed. The custom of artificial deformation of skulls is expanding. There are new types of things, such as swords and daggers without metal crosshairs with jade products. The type of bronze mirrors changes, new types of pottery and jewelers appear. Iron scissors were found in the burials for the first time.

Anthropological studies attest the appearance of a new nomadic population in the steppes of South-Eastern Europe that has come from the eastern limits of the Eurasian steppe area.

New technologies in chronology and periodization of the late Sarmatian culture showed two different periods of its development. From the middle of the 3rd century AD the burials constructed in the catacombs had appeared in some regions between the Volga and the Don and in the Northern Black sea region. The North Caucasus customs in the funeral ceremony and material culture are clearly tracked in these burials.

The burial complexes (the middle of the 2nd century – the middle of the 3rd century) are referred to the classical late Sarmatian culture, which was formed on the basis of the migratory nomadic component and the local population of Middle Sarmatian time. The question about its ethnic belonging has been still discussed. The sites with the catacomb custom from the middle of the 3rd to the 4th century on the Lower Don had been equated with Alan-Tanaites who were defeated by Huns in the 70s of the 4th century. Later, part of them took part in the Hun movement to the borders of the Roman Empire.

Chapter 6. About the political organization of Sarmatian society. The attempts to substantiate the imperial character of the political structure of the Sarmatian society in certain periods of its history have been done earlier. There is a strong opinion in the modern nomadism that nomadic tribes cannot reach the state level in its development and the most typical organization for them is the chiefdom. Chiefdoms can be complex and super-complex. Super-complex chiefdoms are called the nomadic empires. They appear because of a close location of a large agricultural civilization which had contributed to their consolidation. There were chiefdoms of this level near China (The Hunnu, the Turks, and the Mongols).

Different political satiation was in the East-European steppes where the Sarmatians lived. In this territory the Sarmatians were neighbors with small states, ancient colonies of the Northern Black Sea region. It did not help Sarmatian to unite in a large political organization of super-complex chiefdom. The political Sarmatian unions were not higher than complex chiefdoms, which contained related groups of nomads.

Conclusion. According to the analysis of archaeological and anthropological data, one of the main conclusions is that local and migratory components are equated in the formation of nearly each Sarmatian culture, indicating the periods of Sarmatian history. The main source of migrations to the East-European steppes in the early iron century was a large area which was called Eastern Scythia in ancient literature. This territory contained steppe areas, extending to the East of the Volga and the Caspian Sea to modern Mongolia.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

Источники

Амвросий Медиоланский. О разрушении города Иерусалима // Великая степь в античных и византийских источниках : Сборник материалов / сост. и ред. А. Н. Гаркавца. Алматы : Баур, 2005.

Аммиан Марцеллин. Римская история. СПб. : Алетейя, 1994.

Аппиан. Митридатовы войны // Римские войны. СПб. : Алетейя, 1994.

Аристей из Проконнеса. Аримаспея // Латышев В. В. Известия древних писателей о Скифии и Кавказе // ВДИ. 1947. № 1.

Арриан. Поход Александра. М. : Миф, 1993.

Бичурин Н. Я. Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена. Т. II. М. ; Л. : АН СССР, 1950.

Гай Светогий Транквил. Жизнь двенадцати цезарей. М. : Наука, 1966.

Гекатей Милетский. Землеописание // Латышев В. В. Известия древних писателей о Скифии и Кавказе // ВДИ. 1947. № 1.

Геродот. История в девяти книгах. Л., 1972.

Гиппократ. О воздухе, водах и местностях // Латышев В. В. Известия древних писателей о Скифии и Кавказе. СПб., 1992.

Диодор Сицилийский. Библиотека // Латышев В. В. Известия древних писателей о Скифии и Кавказе // ВДИ. 1947. № 4.

Дион Кассий. Римская история // Великая степь в античных и византийских источниках : Сборник материалов / Сост. и ред. А. Н. Гаркавца. Алматы : Баур, 2005.

Иосиф Флавий. Иудейская война. СПб. : Орел, 1991.

Иосиф Флавий. Иудейские древности // Кавказ и Дон в произведениях античных авторов. Ростов н/Д, 1990.

Квинт Курций Руф. История Александра Македонского. С приложением сочинений Диодора, Юстина, Плутарха об Александре. М. : Изд-во МГУ, 1993.

Клавдий Птолемей. География // Великая степь в античных и византийских источниках : Сборник материалов / Сост. и ред. А. Н. Гаркавца. Алматы : Баур, 2005.

Корнелий Тацит. Анналы. Малые произведения. Л. : Наука, 1970.

Корнелий Тацит. История. Л. : Наука, 1970.

Луций Анней Флор. Эпитомы римской истории обо всех войнах за семьсот лет // Великая степь в античных и византийских источниках : Сборник материалов / Сост. и ред. А. Н. Гаркавца. Алматы : Баур, 2005.

Материалы по истории сюнну : пер. В. С. Таскина. Вып. 1. М., 1968.

Материалы по истории сюнну : пер. В. С. Таскина. Вып. 2. М., 1973.

Плиний Старший. Естественная история // Кавказ и Дон в произведениях античных авторов. Ростов н/Д, 1990.

Полибий. История // Латышев В. В. Известия древних писателей греческих и латинских о Скифии и Кавказе // ВДИ. 1947. № 3.

Полиен. Военные хитрости // Кавказ и Дон в произведениях античных авторов. Ростов н/Д, 1990.

Помпей Трог. История. Сокращение Марка Юниана Юстина // Кавказ и Дон в произведениях античных авторов. Ростов н/Д, 1990.

Помпоний Мела. Описательная география // Латышев В. В. Известия древних писателей греческих и латинских о Скифии и Кавказе // ВДИ. 1949. № 1.

Скилак Кариандский (Псевдо-Скилак). Описание моря, прилегающего к населенной Европе, Азии и Ливии // Латышев В. В. Известия древних писателей о Скифии и Кавказе // ВДИ. 1947. № 3.

Скимн Хиосский (Псевдо-Скимн). Землеописание // Латышев В. В. Известия древних писателей о Скифии и Кавказе // ВДИ. 1947. № 3.

Солин Гай Юлий. Собрание достопамятных сведений // Великая степь в античных и византийских источниках : Сборник материалов / Сост. и ред. А. Н. Гаркавца. Алматы : Баур, 2005.

Страбон. География. М. : Наука, 1964.

Теофраст. О водах // Латышев В. В. Известия древних писателей о Скифии и Кавказе. Т. 2. СПб. : Фарн, 1993.

Эвдокс. Землеописание // Латышев В. В. Известия древних писателей о Скифии и Кавказе. Т. 2. СПб. : Фарн, 1993.

Литература

Абаев В. И. Среднеазиатский политический термин афшин // ВДИ. 1959. № 2.

Абдуллаев К. А. Номады в искусстве эллинистической Бактрии // ВДИ. 1998. № 1.

Абрамова М. П. Сарматские погребения Дона и Украины II в. до н.э. – I в. н.э. // СА. 1961. № 1.

Абрамова М. П. Нижне-Джунгатский могильник. Нальчик : Эльбрус, 1972.

Абрамова М. П. О хронологии ранней группы погребений Нижне-Джунгатского могильника // КСИА. 1983. Вып. 176.

Абрамова М. П. Центральный Кавказ в сарматскую эпоху // Степи европейской части СССР в скифо-сарматское время. М. : Наука, 1989.

Абрамова М. П. Центральное Предкавказье в сарматское время (III в. до н.э. – IV в. н.э.). М., 1993.

Абрамова М. П. О мечях синдо-меотского типа // Археологические памятники раннего железного века Юга России. М., 2004. (МИАР ; вып. 6).

Абрамова М. П. Курганные могильники Северного Кавказа первых веков нашей эры // Северный Кавказ и мир кочевников в раннем железном веке : сб. памяти М.П. Абрамовой. М. : Ин-т археологии РАН, 2007.

Агеев Б. В., Рутго Н. Г. Новые памятники прохоровской культуры на юге Башкирии // Памятники кочевников Южного Урала. Уфа, 1984.

Акбулатов И. М. Ново-Калкашинский II курганный могильник на р. Стерля // Уфимский археологический вестник. Вып. 1. Уфа, 1998.

Акимова М. С. Антропология древнего населения Приуралья. М. : Наука, 1968.

Алексеев А. Ю. Скифская хроника (Скифы в VII–IV вв. до н.э.). Историко-археологический очерк. СПб. : Петербургкомстат, 1992.

Алексеев А. Ю. Хронография Европейской Скифии VII–IV веков до н.э. СПб. : Изд-во Гос. Эрмитажа, 2003.

Алемань Агусты. Аланы в древних и средневековых письменных источниках. М. : Менеджер, 2003.

Амброз А. К. Фибулы юга европейской части СССР // САИ. Вып. Д1-30. М. : Вост. лит., 1966. (Археология СССР).

Археологические экспедиции Государственной Академии истории материальной культуры и Института археологии Академии наук СССР, 1919–1956 гг. : Указатель. М., 1962.

Бабенко В. А., Березин Я. Б. Сарматские погребения могильников Айгурский 2 и Барханчак 2 (северное Ставрополье) // Материалы по изучению историко-культурного наследия Северного Кавказа. Вып. IX: Археология, краеведение. Ставрополь : Наследие, 2009.

Балабанова М. А. Антропология древнего населения Южного Приуралья и Нижнего Поволжья. Ранний железный век. М., 2000а.

Балабанова М. А. Демография поздних сарматов // НАВ. Волгоград : Изд-во ВолГУ, 2000б. Вып. 3.

Балабанова М. А. Динамика краниологии кочевников Южного Приуралья и Нижнего Поволжья // Раннесарматская культура: формирование, развитие, хронология : материалы IV Междунар. конф. «Проблемы сарматской археологии и истории». Самара : Изд-во СНЦ РАН, 2000в.

Балабанова М. А. Обычай искусственной деформации головы у поздних сарматов: проблемы, исследования, результаты и суждения // НАВ. Волгоград : Изд-во ВолГУ, 2001. Вып. 4.

Балабанова М. А. Антропология сарматских диагональных погребальных комплексов // НАВ. Вып. 5. Волгоград : Изд-во ВолГУ, 2002.

Балабанова М. А. Краниология населения раннего железного века Восточно-Европейских степей // Антропология на пороге III тысячелетия. Т 1. М., 2003.

Балабанова М. А. Позднесарматская культура по антропологическим данным // Палеоантропология, этническая антропология, этногенез. К 75-летию Ильи Иосифовича Гохмана. СПб., 2004а.

Балабанова М. А. О древних макрокефалах Восточной Европы // OPUS: Междисциплинарные исследования по археологии : сб. ст. Вып. 3. М. : Изд-во ИА РАН, 2004б.

Балабанова М. А. Об антропологических «перехлестах» в савроматской и сарматских культурах // Сарматские культуры Евразии: проблемы региональной хронологии. Доклады к V Междунар. конф. «Проблемы сарматской археологии и истории». Краснодар, 2004в.

Балабанова М. А. Антропология населения восточно-европейских степей в предскифское время // II Городцовские чтения : материалы науч. конф., посвящ. 100-летию деятельности В.А. Городцова в ГИМ. М., 2005. (Труды ГИМ ; вып. 145).

Балабанова М. А. Роль миграций в формировании населения савроматской и сарматской культур // Человек в культурной и природной среде : Труды Третьих антропологических чтений к 75-летию со дня рождения академика В.П. Алексеева. М., 2007.

Балабанова М. А. Половозрастная структура населения позднесарматского времени Нижнего Поволжья // РА. 2009. № 3.

Балабанова М. А. Население восточноевропейских степей в первом тысячелетии // Природа. № 8. 2010а.

Балабанова М. А. Новые данные об антропологическом типе сарматов // РА. 2010б. № 2.

Балабанова М. А. Проблема происхождения населения позднесарматского времени Нижнего Поволжья и сопредельных территорий по данным антропологии (Проверка археологических гипотез) // Становление и развитие позднесарматской культуры (по археологическим и естественнонаучным данным) : Материалы семинара Центра изучения истории и культуры сарматов. Вып. III. Волгоград, 2010в.

Балабанова М. А. Хронологические и локальные особенности населения Нижнего Поволжья сарматского времени // Человек: его биологическая и социальная история : Труды Междунар. конф., посвящ. 80-летию акад. РАН В.П. Алексеева (Четвертые Алексеевские чтения), г. Москва, 9–12 ноября 2009 г. Т. 1. М., 2010г.

Балабанова М. А. О центральноазиатских связях в антропологии населения позднесарматского времени Восточной Европы // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2012. № 3 (18).

Балахванцев А. С. Среднеазиатские дахи в IV–II вв. до н.э.: происхождение, хронология и локализация // Центральная Азия от Ахеменидов до Тимуридов: археология, история, этнология, культура : Материалы Междунар. науч. конф., посвящ. 100-летию со дня рождения Александра Марковича Беленицкого (Санкт-Петербург, 2–5 ноября 2004 г.). СПб., 2005.

Барфилд Т. Мир кочевников-скотоводов // Кочевая альтернатива социальной эволюции. Серия «Цивилизационное измерение». Т. 6. М., 2002.

Барфилд Т. Опасная граница. Кочевые империи и Китай (221 г. до н.э. – 1757 г. н.э.). СПб. : Факультет филологии и искусств СПбГУ, 2009.

Барцева Т. Б. Результаты спектрального изучения металлических вещей из кургана 4 у хут. Сладковский // К. Ф. Смирнов. Сарматы и утверждение их политического господства в Скифии. М., 1984.

Батиева Е. Ф. Черепа из курганов междуречья Маныча и Сала (сарматское время) // Ильюков Л. С., Власкин М. В. Сарматы междуречья Маныча и Сала. Ростов н/Д, 1992.

Батиева Е. Ф. Динамика демографических и краниологических характеристик нижнедонских популяций раннего железного века // Современное состояние и пути развития Юга России : Материалы регион. науч. конф. «Системные исследования современного состояния и пути развития Юга России (природа, общество, человек)». Ростов н/Д : Изд-во ЮНЦ РАН, 2007.

Батиева Е. Ф. Население Нижнего Дона в IX в. до н.э. – IV в. н.э. (палеоантропологическое исследование). Ростов н/Д : Изд-во ЮНЦ РАН, 2011.

Батмаев М. М. Калмыки в XVII–XVIII веках. Элиста, 1993.

Батмаев М. М. Социально-политический строй и хозяйство калмыков в XVII–XVIII вв. Элиста, 2002.

Бахтиаров А. Осколки исчезнувших алан // Туркменоведение. 1930. № 8–9.

Безуглов С. И. Аланы-танаиты: экскурс Аммиана Марцеллина и археологические реалии // Историко-археологические исследования в г. Азове и на Нижнем Дону в 1989 г. Вып. 9. Азов, 1990.

Безуглов С. И. Денежное обращение Танаиса (III в. до н.э. – V в. н.э.) : автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 2001.

Безуглов С. И. Курганные катакомбные погребения позднеаримской эпохи в нижнедонских степях // Проблемы современной археологии : сб. памяти Владимира Александровича Башилова. М. : Таус, 2008.

Безуглов С. И., Глебов В. П. Курганные погребения позднеаримского времени из могильника Козинка VIII // Историко-археологические исследования в Азове и на Нижнем Дону в 2001 г. Вып. 18. Азов, 2002.

Безуглов С. И., Глебов В. П., Парусимов И. Н. Позднесарматские погребения в устье Дона (курганный могильник Валовый I). Ростов н/Д : Медиа-Полис, 2009.

Безуглов С. И., Захаров А. В. Могильник Журавка и финал позднеаримской эпохи в правобережном Подонье // Известия Ростовского областного музея краеведения. Вып. 5. Ростов н/Д, 1988.

Безуглов С. И., Копылов В. П. Катакомбные погребения III–IV вв. на Нижнем Дону // СА. 1989. № 3.

Белицкий А. В. Погребение IV в. до н.э. из Жутовского могильника // Материалы по археологии Волго-Донских степей. Вып. 2. Волгоград : Изд-во ВолГУ, 2004.

Березин Я. Б., Виноградов В. Б. Центральное Предкавказье во второй половине I тысячелетия до н.э. // Проблемы сарматской археологии и истории. Азов, 1988.

Березуцкий В. Д. Погребальный инвентарь из курганов скифского времени Лесостепного Дона и вопрос об «этнокультурном сходстве и единстве» // Археологические памятники бассейна Дона. Воронеж, 2004.

Берлизов Н. Е. «Зубовско-Воздвиженская» группа и ее место в системе Кубанских древностей сарматского времени // Вторая Кубанская археологическая конференция : тез. докл. Краснодар, 1993.

Берлизов Н. Е. Степное Прикубанье и Закубанье в раннем железном веке // Древности Кубани. Вып. 14. Краснодар, 1999.

Берлизов Н. Е. К проблеме этнокультурной атрибуции некоторых кубанских курганов IV в. до н.э. // Древности Кубани. Вып. 18. Краснодар, 2002.

Берлизов Н. Е. Погребальные памятники сарматов Прикубанья как объект многомерного анализа // Четвертая археологическая конференция : тез. и докл. Краснодар, 2005.

Берлизов Н. Е. Ритмы Сарматии. Савромато-сарматские племена Южной России в VII в. до н.э. – V в. н.э. Ч. I. Краснодар : Парабеллум, 2011.

Берлизов Н. Е. Сарматы и Средняя Азия // Сарматы и внешний мир : материалы VIII Всерос. (с междунар. участием) науч. конф. «Проблемы сарматской археологии и истории». Уфа : ИИЯЛ УНЦ РАН. Центр «Наследие», 2014.

Бернар П., Абдуллаев К. Номады на границе Бактрии (к вопросу этнической и культурной идентификации) // РА. 1997. № 1.

Бернштам А. Н. Кенкольский могильник. Л., 1940.

Беспалый Е. И. Курган сарматского времени у г. Азова // СА. 1992. № 1.

Беспалый Е. И., Беспалая Н. Е., Раев Б. А. Древнее население Нижнего Дона. Курганный могильник «Валовый 1». Ростов н/Д : Изд-во ЮНЦ РАН, 2007.

Беспрозванных Е. Л. Калмыцко-китайские отношения в XVIII веке. Волгоград : Изд-во ВолГУ, 2008.

Богаченко Т. В. Амазонки – женщины-воительницы // Донская археология. Ростов н/Д, 1998. № 1.

Богаченко Т. В. Исторические основы сказаний о женщинах-воительницах южнорусских степей : автореф. дис. ... канд. ист. наук. Ростов н/Д, 2005.

Богданова Н. А. Могильник первых веков нашей эры у с. Заветное // Археологические исследования на юге Восточной Европы. М., 1989. (Труды ГИМ ; вып. 70).

Бондаренко Д. М., Коротаев А. В., Крадин Н. Н. Введение: Социальная эволюция, альтернативы и номадизм // Кочевая альтернатива социальной эволюции. Серия «Цивилизационное измерение». Т. 6. М., 2002.

Боровкова Л. А. Царства «Западного края» во II–I в. до н.э. (Восточный Туркестан и Средняя Азия по сведениям из «Ши цзи» и «Хань шу»). М. : ИВ РАН : Крафт, 2001.

Боталов С. Г. Урало-Казахстанские степи в гунно-сарматское и раннетюркское время (II–VIII века н.э.) : автореф. дис. ... д-ра ист. наук. Челябинск, 2003.

Боталов С. Г. О гуннах европейских и гуннах азиатских // Гуннский форум. Проблемы происхождения и идентификации культуры евразийских гуннов. Челябинск : Изд. центр ЮУрГУ, 2013.

Боталов С. Г., Гуцалов С. Ю. Гунно-сарматы Урало-Казахстанских степей. Челябинск, 2000.

Боталов С. Г., Полушкин Н. А. Гунно-сарматские памятники Южного Зауралья III–V веков // Новое в археологии Урала. Челябинск : Рефей, 1996.

Брашинский И. Б., Марченко К. К. К вопросу об этнической атрибуции Елизаветовского городища на Дону // Древности Евразии в скифо-сарматское время. М., 1984.

Бруяко И. В. Рец. на кн.: Полин С. В. От Скифии к Сарматии. Киев, 1992 // РА. 1995. № 1.

Бруяко И. В. От Скифии к Сарматии без природных катастроф // РА. 1997. № 4.

Бруяко И. В. О событиях III в. до н.э. в Северо-Западном Причерноморье (Четыре концепции кризиса) // ВДИ. 1999. № 3.

- Брумяко И. В. От Скифии к Сарматии: десять лет спустя // *Stratum plus*. 2005–2009. № 3.
- Вайнберг Б. И. Этнография Турана в древности. VII в. до н.э. – VIII в. н.э. М., 1999.
- Васильев В. Н. Вооружение и военное дело кочевников Южного Урала. Уфа, 2001.
- Веселовский Н. И. Курганы Кубанской области в период римского владычества // Труды XII Археологического съезда в г. Харькове, 1902 г. Т. 1. Харьков, 1905.
- Виноградов В. Б. Сарматы Северо-Восточного Кавказа. Грозный, 1963.
- Виноградов В. Б. Сиракский союз племен на Северном Кавказе // СА. 1965. № 1.
- Виноградов В. Б. Центральный и Северо-Восточный Кавказ в скифское время (VII–IV вв. до н.э.) (Вопросы политической истории, эволюции культуры и этногенеза). Грозный : Чечено-Ингуш. кн. изд-во, 1972.
- Виноградов В. Б. Описание Северного Кавказа в «Географии» Страбона (XI, V, 1–8) // Известия Северо-Кавказского научного центра высшей школы. Вып. 4. Серия общественных наук. Ростов н/Д, 1975.
- Виноградов В. Б., Березин Я. Б. Катакомбные погребения и их носители в Центральном Предкавказье в III до н.э. – IV в. н.э. // Античность и варварский мир : сб. науч. тр. Орджоникидзе, 1985.
- Виноградов Ю. А. Усобица сыновей Боспорского царя Перисада I // Материалы и исследования по археологии Кубани. Вып. 3. Краснодар, 2003.
- Виноградов Ю. А., Марченко К. К. Северное Причерноморье в III в. до н.э. (взгляд из греческих государств) // Археологические вести. Вып. 20. СПб. : ИИМК РАН, 2014.
- Виноградов Ю. А., Марченко К. К., Рогов Е. Я. Сарматы и гибель «Великой Скифии» // Донские древности. Азов, 1997. Вып. 5.
- Виноградов Ю. Г. Очерк военно-политической истории сарматов в I в. н.э. // ВДИ. 1994. № 2.
- Виноградов Ю. Г. Херсонесский декрет о «несении Дионисия» IOSHE I₂ 343 и вторжение сарматов в Скифию // ВДИ. 1997. № 3.
- Внуков С. Ю., Коваленко С. А. Мегарские чаши с городища Кара-Тобе // Эллинистическая и римская керамика в Северном Причерноморье. М., 1998.
- Волин С. К. К истории древнего Хорезма // ВДИ. 1941. № 1.
- Восточный Туркестан в древности и раннем средневековье. Очерки истории. М. : Наука. Гл. ред. вост. лит., 1988.
- Высоцкая Т. Н. Усть-Альминское городище и некрополь. Киев, 1994.
- Вязьмитина М. И. Сарматские погребения у с. Ново-Филипповка // Вопросы скифо-сарматской археологии. М. : Изд-во АН СССР, 1954.
- Габуев Т. А. Ранняя история алан. Владикавказ : Иристон, 1999.
- Габуев Т. А., Малашев В. Ю. Памятники ранних алан центральных районов Северного Кавказа. М. : Таус, 2009.
- Гаглойти Ю. С. Аланы и вопросы этногенеза осетин. Тбилиси, 1966.
- Гаглойти Ю. С. К вопросу о первом упоминании алан на Северном Кавказе // Аланы: история и культура. ALANIRA II. Владикавказ ; Цхинвал, 1992.
- Гаибов В. А., Кошеленко Г. А. Кочевники Средней Азии в эпоху Александра Македонского (данные письменных источников) // ВДИ. 2005. № 1.
- Гафуров Б. Г., Цибукидис Д. И. Александр Македонский и Восток. М. : Наука, 1980.
- Гинзбург В. В. Этногенетические связи древнего населения сталинградского Заволжья (По антропологическим материалам Калиновского курганного могильника) // МИА. М., 1959. № 60.
- Гинзбург В. В., Трофимова Т. А. Палеоантропология Средней Азии. М., 1972.

Глазкова Н. М., Чтецов В. П. Палеоантропологические материалы Нижне-волжского отряда Сталинградской экспедиции // МИА. М., 1960. № 78.

Глебов В. П. Раннесарматские захоронения с северной ориентацией погребенного на Нижнем Дону // Вторая Кубанская археологическая конференция : тез. докл. Краснодар, 1993.

Глебов В. П. О заключительной фазе раннесарматской культуры на Нижнем Дону // Раннесарматская культура: формирование, развитие, хронология : материалы IV Междунар. конф. «Проблемы сарматской археологии и истории». Вып. 2. Самара, 2000.

Глебов В. П. Ранние подвижные фибулы и проблема конечной даты раннесарматской культуры // Проблемы археологии Нижнего Поволжья : I Международная Нижневолжская археологическая конференция. Волгоград : Изд-во ВолГУ, 2004а.

Глебов В. П. Хронология раннесарматской и среднесарматской культур Нижнего Подонья // Сарматские культуры Евразии: проблемы региональной хронологии : докл. к V Междун. конф. «Проблемы сарматской археологии и истории». Краснодар, 2004б.

Глебов В. П. Специфика становления раннесарматской культуры на Нижнем Дону // Региональные особенности раннесарматской культуры : материалы семинара Центра изучения истории и культуры сарматов. Вып. 2. Волгоград : Изд-во ВолГУ, 2007.

Глебов В. П. Раннесарматская культура Нижнего Подонья II–I вв. до н.э. : автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 2010.

Глебов В. П. Кочевники Нижнего Подонья IV–II вв. до н.э. Некоторые проблемы изучения // Древности Северного Причерноморья III–II вв. до н.э. : Междунар. науч. конф., 16–18 октября 2012 г. Тирасполь : Приднестров. гос. ун-т им. Т.Г. Шевченко, 2012.

Глебов В. П. О вариантах обряда захоронения «ритуальных кладов» III–I вв. до н.э. // *Stratum plus*. 2016. № 3.

Глебов В. П., Гудименко И. В. Комплексы IV в. до н.э. из грунтового могильника Дюнное III // Проблемы археологии Нижнего Поволжья : Материалы V Международной Нижневолжской археологической конференции, 15–18 ноября 2016 г. Элиста, 2016.

Глебов В. П., Житников В. Г. Раннесарматские погребения с мечами переходного типа в Нижнем Подонье // Труды археологического научно-исследовательского бюро. Т. 3. Ростов н/Д, 2008.

Глухов А. А. Сарматы междуречья Волги и Дона в I – первой половине II в. н.э. : автореф. дис. ... канд. ист. наук. Волгоград, 2001.

Горелик М. В. Оружие Древнего Востока (IV тысячелетие – IV в. до н.э.). М., 1993.

Городцов В. А. Результаты археологических исследований в Изюмском уезде Харьковской губернии // Труды XII Археологического съезда. М., 1901.

Городцов В. А. Результаты археологических исследований в Бахмутском уезде Екатеринославской губернии // Труды XIII Археологического съезда. Т. 1. М., 1907.

Граков Б. Н. Курганы в окрестностях поселка Неженского Оренбургского уезда по раскопкам 1927 года // Труды Секции РАНИОН. М., 1928.

Граков Б. Н. ΓΥΝΑΙΚΟΚΡΑΤΟΥΜΕΝΟΙ (Пережитки матриархата у сарматов) // ВДИ. 1947. № 3.

Граков Б. Н. Памятники савроматской культуры между Волгой и Уральскими горами // Евразийские древности. 100 лет Б.Н. Гракову: архивные материалы, публикации, статьи. М., 1999.

Гречко Д. С., Карнаух Е. Г. Некоторые вопросы этнокультурной истории юга Восточной Европы конца скифского периода // *Stratum plus*. 2011. № 3.

Гросу В. И. Хронология памятников сарматской культуры Днестровско-Прутского междуречья. Кишинев, 1990.

Грязнов М. П. Аржан. Царский курган раннескифского времени. Л. : Наука, 1980.

Гугуев В. К. Кобяковский курган (К вопросу о восточных влияниях на культуру сарматов I в. н.э. – начала II в. н.э.) // ВДИ. 1992. № 4.

Гудкова А. В., Фокеев М. М. Земледельцы и кочевники в низовьях Дуная I–IV вв. н.э. Киев : Наукова думка, 1984.

Гуляев В. И. Об этнокультурной принадлежности населения Среднего Дона в V–IV вв. до н.э. // Скифы Северного Причерноморья в VII–IV вв. до н.э. (проблемы палеоэкологии, антропологии и археологии) : Междунар. конф., посвящ. 100-летию со дня рождения Б.Н. Гракова : тез. докл. М., 1999.

Гуляев В. И. Общие проблемы археологии Среднего Дона скифского времени // Археология Среднего Дона в скифскую эпоху : Труды Потуданской археологической экспедиции ИА РАН, 1993–2000 гг. М., 2001.

Гуляев В. И. Дискуссионные проблемы скифологии (по материалам археологии Подонья) // ВДИ. 2002. № 1.

Гуляев В. И. Донская археология и некоторые общескифские проблемы // II Международная конференция «Скифы и сарматы в VIII–III вв. до н.э.», посвященная памяти Б.Н. Гракова : тез. докл. Азов ; Ростов н/Д, 2004а

Гуляев В. И. Еще раз к вопросу об этнокультурной ситуации в Среднем Подонье в скифское время (V–IV вв. до н.э.) // Археология Среднего Дона в скифскую эпоху : Труды Донской (Потуданской) археологической экспедиции ИА РАН, 2001–2003 гг. М., 2004б.

Гумилев Л. Н. Хунну. Степная трилогия. СПб. : Тайм-Аут, Компас, 1993.

Гутнов Ф. Х. Ранние аланы. Проблемы этносоциальной истории. Владикавказ : ИР, 2001.

Гуцалов С. Ю. Новые памятники древних кочевников на территории Уральского Левобережья // Вопросы истории и археологии Западного Казахстана. Вып. 1. Уральск, 2002.

Гуцалов С. Ю. Кочевники Южного Урала в конце V–III вв. до н.э. // Степная цивилизация восточной Евразии. Астана, 2003.

Гуцалов С. Ю. О начальной дате среднесарматской культуры Южного Приуралья // Проблемы археологии Нижнего Поволжья : I Международная Нижневожжская археологическая конференция : тез. докл. Волгоград, 2004а.

Гуцалов С. Ю. Роль миграции в этнических процессах на территории Южного Приуралья в скифскую эпоху // Вопросы истории Западного Казахстана. Вып. 3. Уральск, 2004б.

Гуцалов С. Ю., Марыксин Д. В. Погребения из Западного Казахстана (К вопросу о связях древних кочевников Южного Приуралья с населением Центральной Азии) // ВДИ. 2011. № 3.

Гушина И. И., Засецкая И. П. Погребения зубовско-воздвиженского типа из раскопок Н.И. Веселовского в Прикубанье (I в. до н.э. – начало II в. н.э.) // Археологические исследования на юге Восточной Европы. М., 1989

Гушина И. И., Засецкая И. П. «Золотое кладбище» римской эпохи в Прикубанье. СПб., 1994.

Даватур А. И., Каллистов Д. П., Шишова И. А. Народы нашей страны в «Истории» Геродота. М., 1982.

Дворниченко В. В., Федоров-Давыдов Г. А. Раскопки курганов в зоне строительства Калмыцко-Астраханской и Никольской рисовых оросительных систем // Сокровища сарматских вождей и древние города Поволжья. М., 1989.

Дворниченко В. В., Федоров-Давыдов Г. А. Сарматское погребение скептуха I в. н.э. у с. Косика Астраханской области // ВДИ. 1993. № 3.

Дебец Г. Ф. Материалы по палеоантропологии СССР: Нижнее Поволжье // Антропологический журнал. 1936. № 1.

Дебец Г. Ф. Палеоантропология СССР // ТИЭ. Вып. IV. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1948.

Демкин В. А. Палеопочвоведение и археология. Пушино, 1997.

Демкин В. А., Рыськов Я. Г. Динамика ландшафтно-климатических условий южноуральских степей в голоцене // Взаимодействие человека и природы на границе Европы и Азии: тез. докл. конф., 18–20 дек. 1996 г. Самара, 1996.

Демкин В. А., Скрипкин А. С., Ельцов М. В., Золотарева Б. Н., Демкина Т. С., Хомутова Т. Э., Кузнецова Т. В., Удальцов С. Н., Каширская Н. Н., Плеханова Л. Н. Природная среда волго-уральских степей в савромато-сарматскую эпоху (VI в. до н.э. – IV в. н.э.). Пушино: ИФХиБПП РАН, 2012.

Дергачева М. И. Археологическое почвоведение. Новосибирск, 1997.

Дергачева М. И. Археологическое почвоведение: теория, методология, методы // Проблемы эволюции почв: материалы IV Всерос. конф., 9–12 апр. 2001 г. Пушино, 2001.

Десятчиков Ю. М. Сатархи // ВДИ. 1973. № 1.

Десятчиков Ю. М. Процесс сарматизации Боспора: автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1974.

Десятчиков Ю. М. Арифарн, царь сираков // История и культура античного мира. М.: Наука, 1977.

Дженито Б., Ольховский В. С., Самашев З. С., Франкфор А. П. Исследования древних святилищ урало-каспийских степей: итоги и перспективы // Археология, палеоэкология и палеодемография Евразии. М.: ГЕОС, 2000.

Дзиговский А. Н. Очерки истории сарматов Карпато-Днепровских земель. Одесса, 2003.

Древние культуры и этносы Самарского Поволжья. Самара: Самарский дом печати, 2007.

Древности Астраханского края. М., 1977.

Древности Нижнего Поволжья // МИА. М., 1960. № 78.

Дьяконова В. П. Большие курганы кладбища на могильнике Кокэль // Труды ТКАЭЭ. Т. 3. Л., 1970.

Дьяченко А. Н., Мэйб Э., Скрипкин А. С., Клепиков В. М. Археологические исследования в Волго-Донском междуречье // НАВ. Волгоград: Изд-во ВолГУ, 1999. Вып. 2.

Дэвлет М. А. Сибирские поясные ажурные пластины II в. до н.э. – I в. н.э. // САИ. Вып. Д4-7. М., 1980. (Археология СССР).

Евразия в скифскую эпоху; радиоуглеродная и археологическая хронология. СПб., 2005.

Ельницкий Л. А. Знания древних о северных странах. М., 1961.

Ельницкий Л. А. Скифия евразийских степей. Историко-археологический очерк. Новосибирск: Наука. Сиб. отд-ние, 1977.

Ждановский А. М., Марченко И. И. Сарматы Прикубанья // Проблемы сарматской археологии и истории. Азов, 1988.

Ждановский А. М., Лимберис Н. Ю., Марченко И. И. Погребальный обряд древнего и средневекового населения Северного Кавказа. Орджоникидзе, 1988.

Железчиков Б. Ф. Экология и некоторые вопросы хозяйственной деятельности сарматов Южного Приуралья и Заволжья в VI в. до н.э. – I в. н.э. // История и культура сарматов. Саратов: Изд-во СГУ, 1983.

Железчиков Б. Ф. Общая характеристика исходных признаков погребального обряда савроматского времени // Статистическая обработка погребальных памятников Азиатской Сарматии. Вып. 1: Савроматская эпоха (VI–IV вв. до н.э.). М., 1994.

Железчиков Б. Ф. Население степей Южного Урала в середине I тысячелетия до н.э. // Россия и Восток: проблемы взаимодействия : материалы конф. Ч. 5, кн. 2. Челябинск, 1995.

Железчиков Б. Ф. Анализ сарматских погребальных памятников IV–III вв. до н.э. // Статистическая обработка погребальных памятников Азиатской Сарматии. Вып. II: Раннесарматская культура (IV–I вв. до н.э.). М., 1997.

Железчиков Б. Ф., Клепиков В. М., Сергацков И. В. Древности Лебедевки (VI–II вв. до н.э.). М. : Вост. лит. РАН, 2006.

Железчиков Б. Ф., Пшеничнюк А. Х. Племена Южного Приуралья в VI–III вв. до н.э. // Проблемы истории и культуры сарматов : тез. докл. Междунар. конф., 13–16 сент. 1994 г. Волгоград : Изд-во ВолГУ, 1994.

Железчиков Б. Ф., Фалалеев А. В. Раскопки у с. Лятошинка // Археолого-этнографические исследования в Волгоградской области : сб. науч. ст. Волгоград : Перемена, 1995. С. 23–61.

Жиров Е. В. Об искусственной деформации головы // КСИИМК. Вып. VIII. М. ; Л., 1940.

Заднепровский Ю. А. Находки кочевнических зеркал на территории Индостана и Южного Вьетнама // Петербургский археологический вестник. СПб., 1993. № 7.

Заднепровский Ю. А. Древние номады Центральной Азии : сб. ст. СПб., 1997.

Зайцев Ю. П. Античная керамика в ритуальных (вотивных)кладах Северного Причерноморья // Древности Северного Причерноморья III–II вв. до н.э. Тирасполь, 2012.

Зайцев Ю. П., Мордвинцева В. И. «Ногайчинский» курган в степном Крыму // ВДИ. 2003а. № 3.

Зайцев Ю. П., Мордвинцева В. И. Подвязные фибулы в варварских погребениях Северного Причерноморья позднеэллинистического периода // РА. 2003б. № 2.

Зайцев Ю. П., Мордвинцева В. И. Датировка погребения в Ногайчинском кургане. Диалог с оппонентом // Древняя Таврика : сборник в честь 80-летия Т.Н. Высотской. Симферополь : Универсум, 2007.

Засецкая И. П. О хронологии погребений «эпохи переселения народов» Нижнего Поволжья // СА. 1968. № 2.

Засецкая И. П. «Диагональные погребения» Нижнего Поволжья и проблема их этнической принадлежности // АСГЭ. 1974. Вып. 20.

Засецкая И. П. Сокровища кургана Хохлач. Новочеркасский клад. СПб. : Изд-во Гос. Эрмитажа, 2011.

Засецкая И. П., Илюков Л. С., Косяненко В. М. Погребальный комплекс среднесарматской культуры у хут. Алитуб // Донская археология. Ростов н/Д, 1999. № 2.

Захаров А. В. Проблема соотношения ранне- и среднесарматской археологических культур на Нижнем Дону // Итоги исследования Азово-Донецкой экспедиции в 1987 году. Азов, 1988.

Золотые олени Евразии. СПб. : Славия, 2003.

Зубарь В. М. Северный Понт и Римская империя (середина I в. до н.э. – первая половина VI в.). Киев, 1998.

Зуев В. Ю. Периодизация археологических памятников центральной части евразийского пояса степей I тысячелетия до н.э. (по материалам Южного Приуралья) // Скифы, хазары, славяне, Древняя Русь : Междунар. науч. конф., посвящ. 100-летию со дня рождения проф. Михаила Илларионовича Артамонова. Санкт-Петербург, 9–12 дек. 1998 г. : тез. докл. СПб. : Изд-во Гос. Эрмитажа, 1998.

Зуев В. Ю. Проблемы хронологии прохоровской культуры и курганы у деревни Прохоровка // ΣΥΣΣΤΙΑ. Памяти Юрия Викторовича Андреева. СПб. : Алетей, 2000.

Зуев В. Ю. О появлении сарматов в степях Евразии по археологическим данным // Боспорский феномен: греки и варвары на Евразийском перекрестке :

материалы Междунар. науч. конф. (Санкт-Петербург, 19–22 нояб. 2013 г.). СПб. : Нестор-история, 2013.

Игнатов В. Н., Скрипкин А. С. Комплексы сарматского времени из Прикубанья // СА. 1988. № 3.

Ильинская В. А., Тереножкин А. И. Скифия VII–IV вв. до н.э. Киев : Наукова думка, 1983.

Ильюков Л. С., Власкин М. В. Сарматы междуречья Сала и Маньча. Ростов н/Д, 1992.

История народов Северного Кавказа с древнейших времен до конца XVIII в. М. : Наука, 1988.

Иштванович Э., Кульчар В. О верованиях, племенной принадлежности и хронологии сарматов венгерской низменности (по материалам погребения в Сентеш-Надьхедь) // Античная цивилизация и варварский мир : материалы VI Археологического семинара. Ч. 2. Краснодар, 1998.

Карамзин Н. М. История государства Российского. Т. 1. М., 1988.

Карпов Г. И., Арбеков П. Б. Салыры (салоры) // Туркменоведение. 1930. № 6–7.

Кашуба М. Т., Курчатов С. И., Щербакова Т. А. Кочевники на западной границе Великой степи (по материалам курганов у с Мокра) // Stratum plus. 2001–2002. № 4.

Керефов Б. М. Чегемский курган-кладбище сарматского времени // Археологические исследования на новостройках Кабардино-Балкарии в 1972–1979 гг. Т. 2. Нальчик : Эльбрус, 1985.

Керефов Б. М. Памятники сарматского времени Кабардино-Балкарии. Нальчик : Эльбрус, 1988.

Китов Е. П. Население позднесарматского периода Южного Урала и Западного Казахстана (по данным антропологии) // Гуннский форум. Проблемы происхождения и идентификации культуры европейских гуннов. Челябинск : Изд-во ЮУрГУ, 2013.

Китов Е. П., Мамедов А. М. Кочевое население Западного Казахстана в раннем железном веке. Астана : Издат. гр. ФИА им. А.Х. Маргулана, 2014.

Клепиков В. М. Железные браслеты как хронологический показатель раннесарматских памятников IV в. до н.э. // НАВ. Волгоград : Изд-во ВолГУ, 1998. Вып. 1.

Клепиков В. М. Погребения IV в. до н.э. и начало раннесарматской миграции в Нижнее Поволжье // Научные школы Волгоградского государственного университета. Археология Волго-Уральского региона в эпоху раннего железного века и Средневековья. Волгоград : Изд-во ВолГУ, 1999.

Клепиков В. М. Памятники III в. до н.э. в Нижнем Поволжье // Раннесарматская культура: формирование, развитие, хронология : материалы IV Междунар. конф. «Проблемы сарматской археологии и истории». Вып. 1. Самара : Изд-во СНЦ РАН, 2000.

Клепиков В. М. Сарматы Нижнего Поволжья в IV–III вв. до н.э. Волгоград : Изд-во ВолГУ, 2002.

Клепиков В. М. Формирование раннесарматской культуры в Нижнем Поволжье // Региональные особенности раннесарматской культуры : материалы семинара Центра изучения истории и культуры сарматов. Вып. 2. Волгоград : Изд-во ВолГУ, 2007.

Клепиков В. М., Лукашов А. В., Сергацков И. В., Скрипкин А. С. Исследования в Волгоградском Заволжье // Археологические открытия 1978 года. М., 1979.

Клепиков В. М., Скрипкин А. С. Ранние сарматы в контексте исторических событий Восточной Европы // Сарматы и Скифия : сб. науч. докл. III Междунар. конф. «Проблемы сарматской археологии и истории». Азов, 1997. (Донские древности ; вып. 5).

- Клепиков В. М., Скрипкин А. С. Хронология раннесарматских памятников Нижнего Поволжья // НАВ. Волгоград : Изд-во ВолГУ, 2002. Вып. 5.
- Ковалевская В. Б. Кавказ и аланы. М. : Наука, 1984.
- Ковалевская В. Б. Кавказ – скифы, сарматы, аланы I тыс. до н.э. – I тыс. н.э. Пушино : ОНТИ ПНЦ РАН, 2005.
- Ковпаненко Г. Т. Сарматское погребение I в. н.э. на Южном Буге. Киев : Наукова думка, 1986.
- Кожанов С. Т. Некоторые вопросы организации военного дела в Китае конца I тыс. до н.э. // История и культура Восточной Азии. Новосибирск, 1990.
- Козловская М. В. Об образе жизни среднедонского населения скифского времени // Скифы и сарматы в VII–III вв. до н.э.: палеоэкология, антропология и археология. М., 2000.
- Колесник В. И. Демографическая история калмыков в XVII–XIX вв. : учеб. пособие. Элиста, 1997.
- Колесник В. И. Последнее великое кочевье: переход калмыков из Центральной Азии в Восточную Европу и обратно в XVII и XVIII веках. М. : Вост. лит., 2003.
- Комиссаров С. А. Комплекс вооружения древнего Китая эпохи поздней бронзы. Новосибирск, 1988.
- Кондукторова Т. С. Антропологические данные по древнему населению Оренбургской области // ВА. М. : Изд-во МГУ, 1962. Вып. 11.
- Копылов В. П. Население дельты Дона в V–IV вв. до н.э. // Скифы и сарматы в VII–IV вв. до н.э.: палеоэкология, антропология и археология. М., 2000.
- Копылов В. П., Коноваленко А. Н. К вопросу о причинах дестабилизации ситуации в устьевой области реки Танаис в третьей четверти IV – первой половине III в. до н.э. // Stratum plus. 2016. Вып. 3.
- Копылов В. П., Янгулов С. Ю. Этнополитическая ситуация в низовьях Дона (вторая половина VI – первая половина V в. до н.э.) // Международные отношения в бассейне Черного моря в древности и средние века. Ростов н/Д, 1992.
- Королькова Е. Ф. Образы верблюдов и пути их развития в искусстве ранних кочевников Евразии // АСГЭ. Вып. 34. СПб. : Изд-во Гос. Эрмитажа, 1999.
- Костенко В. И. Сарматы в междуречье Орели и Самары // Курганные древности Степного Поднепровья III–I тыс. до н.э. Днепропетровск, 1979.
- Костенко В. И. Сарматские памятники Днепро-Донского междуречья III в. до н.э. – середины III в. н.э. Днепропетровск, 1983.
- Костенко В. И. Сарматы Самаро-Орельского междуречья III в. до н.э. – IV в. н.э. Днепропетровск, 1986.
- Костенко В. И. Сарматы в Нижнем Поднепровье (по материалам Усть-Каменского могильника). Днепропетровск : Видавництво ДДУ, 1993.
- Крадин Н. Н. Империя Хунну. Изд. 2-е. М. : Логос, 2001.
- Крадин Н. Н. Структура власти в кочевых империях // Кочевая альтернатива социальной эволюции. М., 2002. (Серия «Цивилизационное измерение» ; т. 6).
- Крадин Н. Н. Кочевники Евразии. Алматы : Дайк-Пресс, 2007.
- Крадин Н. Н., Тишкин А. А., Харинский А. В. Введение // Социальная структура ранних кочевников Евразии. Иркутск : Изд-во Иркут. гос. техн. ун-та, 2005.
- Кривошеев М. В. Позднесарматская культура южной части междуречья Волги и Дона. Проблемы хронологии и периодизации : автореф. дис. ... канд. ист. наук. Воронеж, 2005.
- Кривошеев М. В. Волго-Донское междуречье в середине III – IV в. н.э. Этно-исторические проблемы // Материалы V Международной Нижневолжской археологической конференции «Проблемы археологии Нижнего Поволжья». Элиста : Изд-во Калмык. ун-та, 2016.
- Кривошеев М. В., Скрипкин А. С. Позднесарматская культура междуречья Волги и Дона. Проблема становления и развития // РА. 2006. № 1.

- Кропотов В. В. Фибулы сарматской эпохи. Киев : АДЕФ-Украина, 2010.
- Кропотов В. В. Сарматские погребальные памятники степного Крыма // НАВ. Волгоград : Изд-во ВолГУ, 2016. Вып. 15 (№ 1).
- Крупнов Е. И. Первые итоги изучения Восточного Предкавказья (по материалам экспедиций 1952 и 1955 гг.) // СА. 1957. № 2.
- Круц С. И. Антропология степных скифов Северного Причерноморья (новые данные к вопросу об их происхождении) // «Экология и демография человека в прошлом и настоящем» : III Антропологические чтения к 75-летию со дня рождения академика В.П. Алексеева. М., 2004.
- Кузнецов В. А. Аланские племена Северного Кавказа // МИА. 1962. № 106.
- Кузнецов В. А. Очерки истории алан. Изд. 2-е. Владикавказ : ИР, 1992.
- Кузнецова Т. М. Социальные индикаторы в погребальном обряде скифов (бронзовые котлы) // Проблемы современной археологии : сборник памяти Владимира Александровича Башилова. М. : ИА РАН : Таус, 2008.
- Кузьмин Н. Ю. Погребальные памятники хунно-сяньбийского времени в степях Среднего Енисея. Тесинская культура. СПб. : Айсинг, 2011.
- Куклина И. В. Этнография Скифии по античным источникам. М., 1985.
- Курганы левобережного Илека. Вып. 1. М., 1993.
- Курганы левобережного Илека. Вып. 2. М., 1994.
- Курганы левобережного Илека. Вып. 3. М., 1995.
- Курганы левобережного Илека. Вып. 4. М., 1996.
- Курчатов С., Бубулич В. Сарматское погребение из кургана у с. Олонешты – 40 лет спустя // Взаимодействие культур и хронология Северо-Понтийского региона. Кишинев, 2003.
- Либеров Д. П. Памятники скифского времени на Среднем Дону // САИ. Вып. Д1-31. М. : Наука, 1965. (Археология СССР).
- Лимберис Н. Ю., Марченко И. И. Сарматы // Античное наследие Кубани. В 3 т. Т. 1. М. : Наука, 2010. С. 260–285.
- Лисицын И. П., Скрипкин А. С. Раскопки в районе Волгограда // Археологические открытия 1972 года. М., 1973.
- Литвинский Б. А., Седов А. В. Культы и ритуал кушанской Бактрии. М. : Наука, 1984.
- Лукашов А. В. К вопросу о миграции прохоровских племен Южного Приуралья в Нижнее Поволжье // Древняя и средневековая история Нижнего Поволжья. Саратов : Изд-во СГУ, 1986.
- Лукьяшко С. И. Предскифский период на Нижнем Дону. Азов, 1999.
- Лукьяшко С. И. К реконструкции событий конца IV – начала III вв. до н.э. на Нижнем Дону // Скифы и сарматы в VII–III вв. до н.э.: палеоэкология, антропология и археология. М., 2000.
- Лукьяшко С. И. Этническая история Донского Левобережья в скифское время // Этнические взаимодействия в Евразии. М., 2006.
- Любчанский И. Э. Номады поздней древности на западных окраинах Центральной Азии // Становление и развитие позднесарматской культуры (по археологическим и естественнонаучным данным). Волгоград : Изд-во ВолГУ, 2010.
- Любчанский И. Э. Могильник Солёный Дол и его место в культуре кочевников Южного Урала эпохи «поздней древности» // Гуннский форум. Проблемы происхождения и идентификации культуры евразийских гуннов. Челябинск : Изд-во ЮУрГУ, 2013.
- Мажитов Н. А., Пшеничнюк А. Х. Курганы раннесарматской культуры в южной и юго-восточной Башкирии // Исследования по археологии Южного Урала. Уфа, 1977.
- Максименко В. Е. Савроматы и сарматы на Нижнем Дону. Ростов н/Д : Изд-во Ростов. ун-та, 1983.

Максименко В. Е. Савроматы и сарматы на Нижнем Дону (проблемы этнической интерпретации памятников) // Проблемы сарматской археологии и истории : тез. докл. конф. Азов, 1988.

Максименко В. Е. Савроматы и сарматы на Нижнем Дону (археология и проблемы этнической истории) : автореф. дис. ... д-ра ист. наук. М., 1990.

Максименко В. Е. Начало проникновения сарматов в Северное Причерноморье и завоевание Скифии // Сарматы и Скифия : сб. науч. докл. III Международ. конф. «Проблемы сарматской археологии и истории». Азов, 1997. (Донские Древности ; вып. 5).

Максименко В. Е. Сарматы на Дону // Донские древности. Азов, 1998. Вып. 6.

Максименко В. Е. Население междуречья Дона и Северского Донца в V–III вв. до н.э. (савроматы, сирматы, сарматы) // Скифы и сарматы в VII–III вв. до н.э. Палеоэкология, антропология и археология. М., 2000.

Максименко В. Е. Проблемы этнической истории нижнедонских памятников скифской эпохи // ВДИ. 2004. № 3.

Максименко В. Е., Смирнов К. Ф., Горбенко А. А., Лукьяшко С. И. Курган у пос. Шолоховский // Смирнов К. Ф. Сарматы и утверждение их политического господства в Скифии. М., 1984.

Максименко В. Е., Смирнов К. Ф., Косьяненко В. М. Курган у хут. Кашеевка // Смирнов К. Ф. Сарматы и утверждение их политического господства в Скифии. М., 1984.

Малашев В. Ю. Археологические памятники южноуральских степей второй половины II – IV в. н.э.: позднесарматская или гунно-сарматская культура (вещевой комплекс) // РА. 2007. № 3.

Малашев В. Ю. Позднесарматская культура: верхняя хронологическая граница // РА. 2009. № 1.

Малашев В. Ю. Центральные районы Северного Кавказа в позднесарматское время // Становление и развитие позднесарматской культуры (по археологическим и естественнонаучным данным) : материалы семинара Центра изучения истории и культуры сарматов. Вып. 3. Волгоград : Изд-во ВолГУ, 2010.

Малашев В. Ю. Позднесарматская культура Южного Приуралья во II–III вв. н.э. : автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 2013.

Малашев В. Ю. Памятники среднесарматской культуры северокавказских степей и их традиции в курганных могильниках Северо-Восточного Кавказа второй половины II – V в. н.э. М. : Изд-во ИА РАН, 2016.

Малашев В. Ю., Мошкова М. Г. Происхождение позднесарматской культуры (к постановке проблемы) // Становление и развитие позднесарматской культуры (по археологическим и естественнонаучным данным) : материалы семинара Центра изучения истории и культуры сарматов. Вып. 3. Волгоград : Изд-во ВолГУ, 2010.

Малашев В. Ю., Яблонский Л. Т. Ранние кочевники Южного Приуралья (по материалам могильника Покровка 10) // Археологические памятники раннего железного века Юга России. М., 2004.

Малашев В. Ю., Яблонский Л. Т. Степное население Южного Приуралья в позднесарматское время: по материалам могильника Покровка 10. М. : Вост. лит., 2008.

Мамонтов В. И. Древнее население левобережья Дона (по материалам курганного могильника Первомайский VII). Волгоград : Изд-во ВолГУ, 2000.

Мамонтов В. И. Сарматские погребения из курганного могильника Писаревка II // НАВ. Волгоград : Изд-во ВолГУ, 2002. Вып. 5.

Манделъштам А. М. Кочевники на пути в Индию // МИА. № 136. М. ; Л. : Наука, 1966.

Манделъштам А. М. История скотоводческих племен и ранних кочевников на юге Средней Азии : автореф. дис. ... д-ра ист. наук. М. ; Л., 1972.

Мандельштам А. М. Памятники кочевников кушанского времени в Северной Бактрии // Труды Таджикской археологической экспедиции Института археологии АН СССР и Института истории им. Дониша АН Таджикской ССР. Т. 7. Л. : Наука, 1975.

Мандельштам А. М., Стамбульник Э. У. Гунно-сарматский период на территории Тувы // Степная полоса Азиатской части СССР в скифо-сарматское время. М. : Наука, 1992.

Маргулан А. Х., Акишев К. А., Кадырбаев М. К., Оразбаев А. М. Древняя культура Центрального Казахстана. Алма-Ата, 1966.

Марков Г. Е. Кочевники Азии. Структура хозяйства и общественной организации. М. : Изд-во МГУ, 1976.

Марченко И. И. Впускные сарматские погребения правобережья Кубани (Калининская курганный группа) // Археолого-этнографические исследования Северного Кавказа. Краснодар : Изд-во КГУ, 1984.

Марченко И. И. Сарматы степей правобережья Нижней Кубани во второй половине IV до н.э. – III в. н.э. (по материалам курганных погребений) : автореф. дис. канд ист. наук. Л., 1988.

Марченко И. И. Сираки Кубани (по материалам курганных погребений Нижней Кубани). Краснодар : Изд-во КГУ, 1996.

Марченко К. К. Основные этапы истории Елизаветовского поселения на Дону // Проблемы хронологии археологических памятников степной зоны Северного Кавказа. Ростов н/Д : Изд-во Ростов. ун-та, 1983.

Марченко К. К. Боспорское поселение на территории Елизаветовского городища на Дону // ВДИ. 1990. № 1.

Марченко К. К., Житников В. Г., Копылов В. П. Елизаветовское городище на Дону. М. : Paleograf, 2000.

Марченко К. К., Житников В. Г., Яковенко Э. В. Елизаветовское городище – греко-варварское торжище в дельте Дона // СА. 1988. № 3.

Матвеева Г. И. Археологические памятники железного века на территории Куйбышевской области. Куйбышев : Куйбышев. гос. ун-т, 1980.

Матюхин А. Д. Большедмитриевский могильник в системе сарматских древностей Волго-Донского междуречья // Эпоха бронзы и раннего железного века в истории древних племен южнорусских степей : материалы Междунар. науч. конф., посвящ. 100-летию со дня рождения П.Д. Рау (1897–1997). Энгельс, 1997.

Мачинский Д. А. О времени первого активного выступления сарматов в Поднепровье по свидетельствам античных письменных источников // АСГЭ. Вып. 13. Л., 1971.

Мачинский Д. А. Некоторые проблемы этнографии восточноевропейских степей во II в. до н.э. // АСГЭ. Вып. 16. Л., 1974.

Мачинский Д. А. Сифия и Боспор. От Аристея до Волошина (развернутые тезисы концепции) // Скифия и Боспор : материалы конф. памяти акад. М.И. Ростовцева). Новочеркасск, 1993.

Медведев А. П. К вопросу об идентификации р. Танаис по данным Птолемея // Историческая география Черноземного Центра России. Воронеж, 1989.

Медведев А. П. Новые материалы о финале лесостепной Скифии // Сарматы и Скифия : сб. науч. докл. III Междунар. конф. «Проблемы сарматской археологии и истории». Азов, 1997. (Донские древности ; вып. 5).

Медведев А. П. Ранний железный век лесостепного Подонья. Археология и этнокультурная история I тысячелетия до н.э. М. : Наука, 1999.

Медведев А. П. Античная традиция и археологические реалии скифского времени на Среднем и Верхнем Дону (Проблемы этнокультурной интерпретации) // ВДИ. 2002. № 3.

Медведев А. П. К оценке савромато-сирматских элементов в среднедонской культуре скифского времени // Проблемы археологии Нижнего Поволжья :

I Международная Нижневолжская археологическая конференция : тез. докл. Волгоград : Изд-во ВолГУ, 2004а.

Медведев А. П. Исследования по археологии и истории Лесостепной Скифии. Воронеж, 2004б.

Медведев А. П. Периодизация и хронология сарматских памятников на Среднем и Верхнем Дону // Сарматские культуры Евразии: проблемы региональной хронологии : доклады к V Междунар. конф. «Проблемы сарматской археологии и истории». Краснодар, 2004в.

Медведев А. П. Сарматы в верховьях Танаиса. М. : Таус, 2008.

Медникова М. Б. Жизнь ранних скифов: реконструкция по антропологическим материалам могильника Новозаведенное II // Скифы и сарматы в VII–III вв. до н.э.: палеоэкология, антропология и археология. М., 2000.

Мелюкова А. И. Сарматское погребение из кургана у с. Олонешты (Молдавская ССР) // СА. 1962. № 1.

Мелюкова А. И. Вооружение скифов // САИ. Вып. Д1-2. М., 1964. (Археология СССР).

Мелюкова А. И. Скифия и фракийский мир. М., 1979.

Мергалиев Р. С., Сингатулин Р. А., Юдин А. И. Исследования на курганной группе Кырык-Оба в 2008–2009 гг. // Археология Восточно-Европейской степи. Вып. 8. Саратов : Изд-во СГУ, 2010.

Мещеряков Д. В. Впускные погребения сарматской культуры в курганах на реке Илек // Археологические памятники Оренбуржья. Оренбург, 1996.

Миняев С. С. Производство и распространение поясных пластин с зооморфными изображениями (по данным спектрального анализа) : приложение // Дэвлет М. А. Сибирские поясные ажурные пластины II в. до н.э. – I в. н.э. М., 1980. (САИ ; вып. Д4-7).

Мирошина Т. В. Сарматские погребения, исследованные Ставропольской экспедицией // СА. 1986. № 2.

Мирошина Т. В. Амазонки и савроматы // Памятники Евразии скифо-сарматской эпохи. М., 1995

Митиров А. Г. Истоки. Элиста, 2002.

Мифы народов мира. М., 1980.

Могильников В. А. Хунну Забайкалья // Степная полоса Азиатской части СССР в скифо-сарматское время. Археология СССР. Т. 10. М. : Наука, 1992.

Могильников В. А. Население Верхнего Приобья в середине – второй половине I тыс. до н.э. М., 1997.

Молев Е. А. Скифы в политической истории Боспора VI–II вв. до н.э. // ВДИ. 2009. № 3.

Монахов С. Ю. Греческие амфоры в Причерноморье. Комплексы керамической тары VII–II веков до н.э. Саратов, 1999.

Монахов С. Ю. Греческие амфоры в Причерноморье. Типология амфор ведущих центров-экспортеров в керамической таре : Каталог-определитель. М. : Киммериды ; Саратов : Изд-во СГУ, 2003.

Моргунова Н. Л. Курганы у сел Краснохолм и Кардаилово в Илекском районе // Археологические памятники Оренбуржья. Оренбург, 1996.

Моргунова Н. Л., Гольева А. А., Краева Л. А., Мещеряков Д. В., Турецкий М. А., Халяпин М. В., Хохлова О. С. Шумаевские курганы. Оренбург, 2003.

Моргунова Н. Л., Краева Л. А. Курганная группа Акоба // Археологические памятники Оренбуржья. Вып. 10. Оренбург : Изд-во ОГПУ, 2012. С. 156–199.

Мордвинцева В. И. Комплекс предметов из Булаховки и «ритуальные клады» Северного Причерноморья III–I вв. до н.э. // Проблемы истории, филологии, культуры. Вып. 2 (40). М. ; Магнитогорск ; Новосибирск, 2013а.

Мордвинцева В. И. Исторические сарматы и сарматская археологическая культура в Северном Причерноморье // Крым в сарматскую эпоху : сб. науч. ст. Вып. 1. Симферополь ; Бахчисарай : Доля, 2013б. С. 14–43.

Мошкова М. Г. Ново-Кумакский курганный могильник близ г. Орска // МИА. № 115. М. : Изд-во АН СССР, 1962.

Мошкова М. Г. Памятники прохоровской культуры // САИ. Вып. Д1-10. М., 1963. (Археология СССР).

Мошкова М. Г. Сарматские погребения Ново-Кумакского могильника близ г. Орска // Памятники Южного Приуралья и Западной Сибири сарматского времени. М. : Наука, 1972.

Мошкова М. Г. Происхождение раннесарматской (прохоровской) культуры. М. : Наука, 1974.

Мошкова М. Г. Савроматы и сарматы в Волго-Донском Междуречье, Южном Приуралье и Северном Причерноморье. Краткий очерк истории савромато-сарматских племен // Археология СССР. Степи европейской части СССР в скифо-сарматское время. М. : Наука, 1989а.

Мошкова М. Г. Позднесарматская культура // Археология СССР. Степи европейской части СССР в скифо-сарматское время. М. : Наука, 1989б.

Мошкова М. Г. Пути и особенности развития савромато-сарматской культурно-исторической общности : дис. ... д-ра ист. наук. М., 1989в.

Мошкова М. Г. Проблема миграций в сарматской археологии в работах К.Ф. Смирнова // Сарматы и Скифия : сб. науч. докл. III Междунар. конф. «Проблемы сарматской археологии и истории». Азов, 1997. (Донские древности ; вып. 5).

Мошкова М. Г. О времени существования диагональных погребений на территории Южного Приуралья // Археологические памятники раннего железного века Юга России. М., 2004а.

Мошкова М. Г. Среднесарматские и позднесарматские памятники на территории Южного Приуралья // Сарматские культуры Евразии: проблемы региональной хронологии : докл. к V Междунар. конф. «Проблемы сарматской археологии и истории». Краснодар, 2004б.

Мошкова М. Г. Спорные вопросы сарматской археологии // Древности скифской эпохи. М. : ИА РАН, 2006.

Мошкова М. Г. Археологические памятники южноуральских степей второй половины II–IV вв. н.э.: позднесарматская или гунно-сарматская культура (погребальный обряд) // СА. 2007. № 3.

Мошкова М. Г. Анализ сарматских погребальных памятников II–IV вв. н.э. // Статистическая обработка погребальных памятников Азиатской Сарматии. Вып. 4. Позднесарматская культура. М. : Вост. лит., 2009.

Мошкова М. Г., Малашев В. Ю. Хронология и типология сарматских катакомбных погребальных сооружений // Научные школы Волгоградского государственного университета. Археология Волго-Уральского региона в эпоху раннего железного века и Средневековья. Волгоград : Изд-во ВолГУ, 1999.

Мошкова М. Г., Малашев В. Ю., Болелов С. Б. Проблема культурной атрибуции памятников евразийских кочевников последних веков до н.э. – IV в. н.э. // РА. 2007. № 3.

Мошкова М. Г., Смирнов К. Ф. Рец. на кн.: В.П. Шилов. Очерки по истории древних племен Нижнего Поволжья. Л. : Наука. Ленингр. отд-ние, 1975 // СА. 1977. № 2.

Мурзин В. Ю. Происхождение скифов: основные этапы формирования скифского этноса. Киев : Наукова думка, 1990.

Мухопад С. Е. Скифские архаические погребения на р. Волчьей // Проблемы археологии Поднепровья. Днепрпетровск, 1984.

Мыськов Е. П., Кияшко А. В., Скрипкин А. С. Погребение сарматской знати Есауловского Акся // НАВ. Волгоград : Изд-во ВолГУ, 2002. Вып. 2.

Мышкин В. Н., Скарбовенко В. А. Савроматские и раннесарматские погребения Самарского Заволжья // Краеведческие записки. Вып. 8. Самара, 1996.

Нечаева Л. Г. Могильник Алхан-Кала и катакомбные погребения сарматского времени в Нижнем Поволжье и Северном Кавказе : автореф. дис. ... канд. ист. наук. Л., 1956.

Нечаева Л. Г. Об этнической принадлежности подбойных и катакомбных погребений сарматского времени в Нижнем Поволжье и на Северном Кавказе // Исследования по археологии СССР. Л., 1961.

Обельченко О. В. Кую-Мазарский могильник // Труды Ин-та истории и археологии АН Уз. ССР. Вып. 9. Ташкент, 1957.

Обельченко О. В. Лявандакский могильник // История материальной культуры Узбекистана. Вып. 2. Ташкент, 1961.

Ольховский В. С. Население Крыма по данным античных авторов // СА. 1981. № 3.

Ольховский В. С. Монументальная скульптура населения западной части евразийских степей эпохи раннего железа. М. : Наука, 2005.

Ольховский В. С., Галкин Л. Л. Культурный комплекс на Устиурте (предварительное сообщение) // СА. 1990. № 4.

Ольховский В. С., Яценко С. А. О знаках-тамгах из святилища Байте III на Устиурте (предварительное сообщение) // Археология, палеоэкология и палеодемография Евразии. М., 2000.

Отчет археологической комиссии за 1885 г. СПб., 1887.

Очир-Горяева М. А. Савроматская культура Нижнего Поволжья (VI–IV вв. до н.э.) : автореф. дис. ... канд. ист. наук. Л., 1988.

Очир-Горяева М. А. Савроматы Геродота // Скифия и Боспор : Материалы конференции памяти академика М.И. Ростовцева. Новочеркасск, 1993.

Очир-Горяева М. А. Некоторые наблюдения по географическому распределению археологических памятников в Нижнем Поволжье // НАВ. Волгоград : Изд-во ВолГУ, 2005. Вып. 7.

Памятники Нижнего Поволжья // МИА. М., 1959. № 60.

Парусимов И. Н. Нижнедонские диагональные погребения IV в. до н.э. // Проблемы древней и средневековой археологии Кавказа : материалы третьей Абхазской Международной конференции, посвященная памяти Г.К. Шимба. Сухум, 2013.

Пежемский Д. В. Морфология длинных костей скелета и конституциональные особенности поздних сармат по материалам могильника Покровка 10 // Малашев В. Ю., Яблонский Л. Т. Степное население Южного Приуралья в позднесарматское время: по материалам могильника Покровка 10. М. : Вост. лит., 2008.

Перевалов С. М. Как создаются мифы (к ситуации в отечественном алановедении) // Историко-археологический альманах. Армавир. М., 1998. Вып. 4.

Перевалов С. М. О племенной принадлежности сарматских союзников Иберии в войне 35 г. // ВДИ. 2000. № 1.

Перевалов С. М. Аланы: мираж кочевой империи // Вестник Владикавказского научного центра РАН. Т. 14, вып. 2. Владикавказ, 2014.

Перерва Е. В. Население сарматской эпохи по антропологическим материалам из могильников Нижнего Поволжья и Нижнего Дона : автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 2005.

Перерва Е. В. Палеопатология ранних и средних сарматов Есауловского Акся // НАВ. Волгоград : Изд-во ВолГУ, 2006. Вып. 8.

Петренко В. Г. Правобережье Среднего Приднепровья в V–III вв. до н.э. // САИ. Вып. Д1-4. М. : Наука, 1967. (Археология СССР).

Плетнева С. А. Кочевники Средневековья. Поиск исторических закономерностей. М. : Наука, 1982.

Полин С. В. Хронология раннесарматской прохоровской культуры // Актуальные проблемы историко-археологических исследований. Киев : Наукова думка, 1987.

Полин С. В. От Скифии к Сарматии. Киев, 1992.

Полин С. В. По поводу рецензии И.В. Бруяко // РА. 1997. № 4.

Полин С. В., Симоненко А. В. «Раннесарматские» погребения Северного Причерноморья // Исследования по археологии Поднепровья. Днепропетровск : Изд-во ДГУ, 1990.

Полин С. В., Симоненко А. В. Скифы и сарматы // Сарматы и Скифия : сб. науч. докл. III Междунар. конф. «Проблемы сарматской археологии и истории». Азов, 1997. (Донские древности ; вып. 5).

Порохова О. И. Отчет о раскопках в Переволоцком и Оренбургском районах Оренбургской области // Архив ИА РАН. Р-1. № 9266. 1983.

Прокопенко Ю. А. Скифы, сарматы и племена кобанской культуры в Центральном Предкавказье во второй половине I тыс. до н.э. Ч. 2. Ставрополь : Изд-во Сев.-Кав. федер. ун-та, 2014.

Пугаченкова Г. А. Древности Мианкаля : Из работ Узбек. искусствовед. экспедиции. Ташкент : Фарн, 1989.

Пуздровский А. Е. Политическая история Крымской Скифии во II в. до н.э. – III в. н.э. // ВДИ. 2001. № 3.

Пузикова А. И. Акинак из с. Ключ Курской обл. // Древности Евразии в скифо-сарматское время. М., 1984.

Пшеницына М. Н. Культура племен Среднего Енисея во II–I вв. до н.э. (тесинский этап) : дис. ... канд. ист. наук. Л., 1975 (рукопись).

Пшеницына М. Н. Тесинский этап // Степная полоса Азиатской части СССР в скифо-сарматское время. М. : Наука, 1992.

Пшеничнюк А. Х. Культура ранних кочевников Южного Урала. М., 1983.

Пшеничнюк А. Х. Переволочанский могильник // Курганы кочевников Южного Урала. Уфа, 1995.

Пшеничнюк А. Х. Филипповка. Некрополь кочевой знати IV века до н.э. на Южном Урале. Уфа, 2012.

Пьянков И. В. Средняя Азия в античной географической традиции. М. : Вост. лит., 1997.

Пьянков И. В. Рец. на кн.: Parthia et ultiores gentes: die politischen Beziehungen zwischen dem arsakidischen Iran und den Nomaden der eurasischen Steppen. Munchen, 1998. VII, 337 S. Angang; Karten (Quellen und Forschungen zur antiken Welt. Bd. 30) // ВДИ. 2002. № 3.

Пьянков И. В. Некоторые спорные вопросы «Этнографии Турана»: полемика археолога с филологами. // ВДИ. 2004. № 4.

Раев Б. А. Римские импортные изделия в погребениях кочевнической знати I–III веков на Нижнем Дону : автореф. дис. ... канд. ист. наук. Л., 1979.

Раев Б. А. Аланы в евразийских степях: Восток – Запад // Скифия и Боспор : Археологические материалы к конференции памяти академика М.И. Ростовцева (Ленинград, 14–17 марта 1989 г.). Новочеркасск, 1989.

Раев Б. А. Ранние аланы и горные системы Евразии: выбор экологической ниши // Вклад кочевников в развитие мировой цивилизации : сб. материалов Междунар. конф., 21–23 нояб. 2007 г. Алматы, 2008.

Раев Б. А. Алания как кочевая империя. Китеж-град донской археологии // Наука юга России (Вестник южного научного центра). 2016. Т. 12, № 3.

Раев Б. А., Яценко С. А. О времени первого появления аланов в Юго-Восточной Европе : (тезисы) // Скифия и Боспор. Материалы конференции памяти академика М.И. Ростовцева. Новочеркасск, 1993.

Рикман Э. А. Этническая история населения Поднестровья и прилегающего Подунавья в первых веках нашей эры. М. : Наука, 1975.

Ростовцев М. И. Страбон как источник для истории Боспора // Сборник Харьковского историко-филологического общества в честь проф. В.П. Бузескула. Харьков, 1914.

Ростовцев М. И. Курганные находки Оренбургской области эпохи раннего и позднего эллинизма // МАР. СПб., 1918а. № 37.

Ростовцев М. И. Эллинизация и иранство на юге России. Петроград, 1918б.

Ростовцев М. И. Скифия и Боспор. Л., 1925.

Руденко С. И. Культура населения Центрального Алтая в скифское время. М. ; Л., 1960.

Рыбаков Б. А. Геродотова Скифия. Историко-географический анализ. М. : Наука, 1979.

Рыков П. С. Суловский курганный могильник. Саратов, 1925.

Рыков П. С. Очерки истории Нижнего Поволжья по археологическим материалам. Саратов, 1936.

Рыськов Я. Г., Демкин В. А. Развитие почв и природной среды степей Южного Урала в голоцене (опыт реконструкции с использованием методов геохимии стабильных изотопов). Пуцзино, 1997.

Савинов Д. Г. Оленные камни в культуре кочевников Евразии. СПб., 1994.

Савченко Е. И. Вооружение и предметы снаряжения населения скифского времени на Среднем Дону // Археология Среднего Дона в скифскую эпоху. Труды Донской (Потуданской) археологической экспедиции ИА РАН. М., 2004.

Садыкова М. Х. Сарматские памятники Башкирии // Памятники скифо-сарматской культуры. М., 1962а. (МИА ; № 115).

Садыкова М. Х. Новые памятники железного века Башкирии // Археология и этнография Башкирии. Вып. 1. Уфа, 1962б.

Садыкова М. Х., Василиев В. Н. Поздние прохоровцы в Центральной Башкирии // Уфимский археологический вестник. Вып. 3. Уфа, 2001.

Сарианиди В. И. Бактрийский центр златоделия // СА. 1987. № 1.

Сарматские культуры Евразии: проблемы региональной хронологии : докл. к V Междунар. конф. «Проблемы сарматской археологии и истории». Краснодар, 2004.

Сергацков И. В. Погребение среднесарматского времени у села Царев // СА. 1989. № 3.

Сергацков И. В. Новые данные к хронологии раннесарматской культуры // РА. 1995. № 1.

Сергацков И. В. Проблема формирования среднесарматской культуры // Археология Волго-Уральского региона в эпоху раннего железного века и Средневековья : сборник. Волгоград : Изд-во ВолГУ, 1999.

Сергацков И. В. Сарматские курганы на Иловле. Волгоград : Изд-во ВолГУ, 2000.

Сергацков И. В. Анализ сарматских погребальных памятников I–II вв. н.э. // Статистическая обработка погребальных памятников Азиатской Сарматии. Вып. 3. Среднесарматская культура. М. : Вост. лит., 2002.

Сергацков И. В. К хронологии среднесарматской культуры Нижнего Поволжья // Сарматские культуры Евразии: проблемы региональной хронологии : докл. к V Междунар. конф. «Проблемы сарматской археологии и истории». Краснодар, 2004.

Сергацков И. В. Проблема становления среднесарматской культуры // Раннесарматская и среднесарматская культуры. Проблемы соотношения : Материалы Центра изучения истории и культуры сарматов. Вып. 1. Волгоград : Изд-во ВолГУ, 2006.

Сергацков И. В. О новой концепции в изучении сарматских древностей Южного Приуралья // Региональные особенности раннесарматской культуры :

материалы семинара Центра изучения истории и культуры сарматов. Вып. 2. Волгоград : Изд-во ВолГУ, 2007..

Сергацков И. В. «Клад» II в. до н.э. из окрестностей станицы Качалинской // РА. 2009. № 4.

Сергацков И. В., Шинкарь О. А. Раннесарматские погребения с северной ориентировкой в бассейне Иловли // НАВ. Волгоград : Изд-во ВолГУ, 2003. Вып. 6.

Симоненко А. В. О периодизации сарматской культуры // Скифия и Боспор. Археологические материалы к конференции памяти академика М.И. Ростовцева (Ленинград, 14–17 марта 1989 года). Новочеркасск, 1989.

Симоненко О. В. Роксолани (пошук археологічних відповідностей) // Археологія. Київ : Наукова думка, 1991. № 4.

Симоненко А. В. Фарзой и Инисмей – аорсы или аланы? // ВДИ. 1992. № 3.

Симоненко А. В. Сарматы Таврии. Киев : Наукова думка, 1993.

Симоненко А. В. Фигурные сосуды в виде барана в сарматских погребениях // Античная цивилизация и варварский мир : материалы 6-го археологического семинара. Ч. 1. Краснодар, 1998.

Симоненко О. В. Сармати Північного Причорномор'я. Хронологія, періодизація та етно-політична історія : автореф. дис. ... д-ра ист. наук. Київ, 1999а.

Симоненко А. В. Сарматы Северного Причерноморья. Хронология, периодизация и этнополитическая история : дис. д-ра ист. наук. Киев, 1999б (рукопись).

Симоненко А. В. Погребение у с. Чистенькое и «странные» комплексы последних веков до н.э. // НАВ. Волгоград : Изд-во ВолГУ, 2001а. Вып. 4.

Симоненко А. В. Европейские аланы и аланы-танаиты в Северном Причерноморье // РА. 2001б. № 4.

Симоненко А. В. Хронология и периодизация сарматских памятников Северного Причерноморья // Сарматские культуры Евразии: проблемы региональной хронологии : докл. к V Междунар. конф. «Проблемы сарматской археологии и истории». Краснодар, 2004.

Симоненко А. В. Об этнической принадлежности Фарзоя и Инисмея // Золото, конь и человек : сб. ст. к 60-летию Александра Владимировича Симоненко. Киев : ИД «Скиф», 2012.

Симоненко А. В., Лобай Б. И. Сарматы Северо-Западного Причерноморья в I в. н.э. Киев : Наукова думка, 1991

Синицын И. В. Древние памятники в низовьях Еруслана (по раскопкам 1954–1955 гг.) // МИА. М. : Изд-во АН СССР, 1960. № 78.

Синицын И. В. Отчет об археологических работах в Калмыцкой АССР, произведенных в 1966 г. // Архив ИА РАН. Р-1. № 4223. 1966.

Синицын И. В. Древние памятники Восточного Маньча. Ч. 1, 2. Саратов : Изд-во СГУ, 1978.

Скворцов Н. Б., Скрипкин А. С. Сарматский погребальный комплекс из курганного могильника Майэровский III (проблема интерпретации) // Проблемы археологии Нижнего Поволжья : I Международная археологическая конференция : тез. докл. Волгоград : Изд-во ВолГУ, 2004.

Скржинская М. В. Северное Причерноморье в описании Плиния Старшего. Киев, 1977.

Скрипкин А. С. Работы в зоне Городищенской оросительной системы // Археологические открытия 1971 года. М., 1972.

Скрипкин А. С. Позднесарматская культура Нижнего Поволжья : автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1973.

Скрипкин А. С. Позднесарматское катакомбное погребение из Черноярского района Астраханской области // КСИА. М., 1974. Вып. 140.

Скрипкин А. С. К датировке некоторых типов сарматского оружия // СА. 1980. № 1.

Скрипкин А. С. К проблеме хронологии археологических памятников Азиатской Сарматии II–IV вв. // Древние и средневековые культуры Поволжья : межвуз. сб. Куйбышев, 1981.

Скрипкин А. С. Азиатская Сарматия во II–IV вв. (некоторые проблемы исследования) // СА. 1982. № 2.

Скрипкин А. С. Нижнее Поволжье в первые века нашей эры. Саратов : Изд-во СГУ, 1984.

Скрипкин А. С. К проблеме этнической преемственности савроматов и сарматов // Проблемы археологии и этнографии Северного Кавказа. Краснодар, 1988.

Скрипкин А. С. О хронологии сарматской культуры // Археология Восточно-Европейских степей. Саратов : Изд-во СГУ, 1989.

Скрипкин А. С. О конечной дате раннесарматской культуры в Нижнем Поволжье // Вопросы археологии юга Восточной Европы. Элиста, 1990а.

Скрипкин А. С. Азиатская Сарматия. Проблемы хронологии и ее исторический аспект. Саратов : Изд-во СГУ, 1990б.

Скрипкин А. С. Рец. на кн.: Керэфов Б. М. Памятники сарматского времени Кабардино-Балкарии. Нальчик : Эльбрус, 1988 // СА. 1991. № 3.

Скрипкин А. С. Азиатская Сарматия. Проблемы хронологии, периодизации и этнополитической истории : автореф. дис. ... д-ра ист. наук. М., 1992.

Скрипкин А. С. К проблеме исторической интерпретации археологических параллелей в культурах алтайского и доно-уральского регионов в последние века до н.э. // Античная цивилизация и варварский мир : материалы III археологического семинара. Ч. 2. Новочеркасск, 1993.

Скрипкин А. С. К проблеме сармато-китайских культурных связей // Международные отношения в бассейне Черного моря в древности и средние века. Ростов н/Д, 1996.

Скрипкин А. С. Анализ сарматских погребальных памятников III–I вв. до н.э. // Статистическая обработка погребальных памятников Азиатской Сарматии. Вып. 2: Раннесарматская культура (IV–I вв. до н.э.). М., 1997а.

Скрипкин А. С. Этюды по истории и культуре сарматов. Волгоград : Изд-во ВолГУ, 1997б.

Скрипкин А. С. Материалы Суловского курганного могильника // НАВ. Волгоград : Изд-во ВолГУ, 1998. Вып. 1.

Скрипкин А. С. К проблеме выделения сарматских памятников Азиатской Сарматии II–I вв. до н.э. // Раннесарматская культура: формирование, развитие, хронология : материалы IV Междунар. конф. «Проблемы сарматской археологии и истории». Вып. 1. Самара : Изд-во СНЦ РАН, 2000а.

Скрипкин А. С. Новые аспекты в изучении истории материальной культуры сарматов // НАВ. Волгоград : Изд-во ВолГУ, 2000б. Вып. 3.

Скрипкин А. С. О времени появления аланов в Восточной Европе и их происхождении (историографический очерк) // Историко-археологический альманах. Вып. 7. Армавир ; М., 2001.

Скрипкин А. С. О новом варианте лучковых фибул из сарматских погребений в Волго-Донском междуречье // РА. 2003. № 2.

Скрипкин А. С. Сарматские мечи с кольцевидным навершием // II Городцовские чтения : Материалы научной конференции, посвященной 100-летию деятельности В.А. Городцова в ГИМ. Апрель 2003 г. М., 2005. (Труды ГИМ ; вып. 145).

Скрипкин А. С. К проблеме соотношения ранне- и среднесарматской культур // Раннесарматская и среднесарматская культуры: Проблемы соотношения : материалы семинара Центра изучения истории и культуры сарматов. Вып. 1. Волгоград : Волгогр. науч. изд-во, 2006.

Скрипкин А. С. Клинковое оружие ранних кочевников Нижнего Поволжья VII–IV вв. до н.э. // Вооружение сарматов: региональная типология и хронология. Челябинск, 2007а.

Скрипкин А. С. Раннесарматская культура (проблемы периодизации и терминологии) // Региональные особенности раннесарматской культуры : материалы семинара Центра изучения истории и культуры сарматов. Вып. 2. Волгоград : Изд-во ВолГУ, 2007б.

Скрипкин А. С. К шестидесятилетию выхода в свет статьи Б.Н. Гракова «(ΓΥΝΑΙΚΟΡΑΤΟΥΜΕΝΟΙ (пережитки матриархата у сарматов)» // НАВ. Волгоград : Изд-во ВолГУ, 2008. Вып. 9.

Скрипкин А. С. Проблемы этнической истории Нижнего Дона в IV в. до н.э. и некоторые вопросы ранней истории сарматов // НАВ. Волгоград : Изд-во ВолГУ, 2009. Вып. 10.

Скрипкин А. С. К проблеме политической организации сарматов // Археология Нижнего Поволжья: проблемы, поиски, открытия : материалы III Международной Нижневолжской археологической конференции (г. Астрахань, 18–21 октября 2010 г.). Астрахань : ИД «Астраханский университет», 2010.

Скрипкин А. С. О времени появления сираков на Кубани // Шестая Международная Кубанская археологическая конференция : материалы конф. Краснодар : Эконвест, 2013.

Скрипкин А. С. О восточных связях сарматов II–I вв. до н.э. // Сарматы и внешний мир : материалы VIII Всерос. (с междунар. участием) науч. конф. «Проблемы сарматской археологии и истории». Уфа : ИИЯЛ УНЦ РАН. Центр «Наследие», 2014а.

Скрипкин А. С. Рец. на кн.: Кропотов В. В. Фибулы сарматской эпохи. Киев : АДЕФ-Украина, 2010 // РА. 2014б. № 1.

Скрипкин А. С. Сарматы (проблемы происхождения, расселения и политической организации) // НАВ. Волгоград : Издатель, 2014в. Вып. 14.

Скрипкин А. С. Клинковое оружие в разработке хронологии и некоторых вопросов этнополитической истории раннесарматской культуры Волго-Уральского региона // Война и военное дело в скифо-сарматском мире : материалы Междунар. науч. конф., посвящ. памяти А.И. Мелюковой (Кагальник, 26–29 апреля 2014 г.). Ростов н/Д : ЮНЦ РАН, 2015а.

Скрипкин А. С. Об одном типе раннесарматских курильниц // РА. 2015б. № 1.

Скрипкин А. С. О происхождении мечей прохоровского типа // Константин Федорович Смирнов и современные проблемы сарматской археологии : материалы IX Междунар. науч. конф. «Проблемы сарматской археологии и истории», посвящ. 100-летию со дня рождения Константина Федоровича Смирнова. Оренбург : Изд-во ОГПУ, 2016.

Скрипкин А. С., Ким М. Г. Новоузенские курганы (к проблеме миграции южноуральских кочевников в Нижнее Поволжье в IV в. до н.э.) // Археология Восточно-Европейских степей : межвуз. сб. науч. тр. Вып. 10. Саратов, 2013.

Скрипкин А. С., Клепиков В. М. Хронология раннесарматской культуры Нижнего Поволжья // Сарматские культуры Евразии: проблемы региональной хронологии : докл. к V Междунар. конф. «Проблемы сарматской археологии и истории». Краснодар, 2004.

Скрипкин А. С., Клепиков В. М. Ранний железный век // Археологическое наследие Волгоградской области. Волгоград : Издатель, 2013.

Скрипкин А. С., Минева О. И. Об одном типе сарматских зеркал // Проблемы археологии Нижнего Поволжья : I Международная Нижневолжская археологическая конференция : тез. докл. Волгоград : Изд-во ВолГУ, 2004.

Скрипкин А. С., Мыськов Е. П. Погребение сарматской знати из Волгоградского Подонья // Археологические открытия, 1991–2004 гг. Европейская Россия. М. : ИА РАН, 2009.

Скрипкин А. С., Шинкарь О. А. Жутовский курган № 27 сарматского времени в Волго-Донском междуречье // РА. 2010. № 1.

Смирнов К. Ф. Сарматские курганные погребения в степях Поволжья и Южного Приуралья // Доклады и сообщения исторического факультета МГУ. Вып. 5. М., 1947.

Смирнов К. Ф. О погребениях роксоланов // ВДИ. 1948. № 1.

Смирнов К. Ф. Сарматские племена Северного Прикаспия // КСИИМК. М., 1950. Вып. 34.

Смирнов К. Ф. Вопросы изучения сарматских племен и их культуры в советской археологии // Вопросы скифо-сарматской археологии. М. : Изд-во АН СССР, 1954.

Смирнов К. Ф. Курганы у сел Иловатка и Политотдельское Сталинградской области // МИА. М., 1959. № 60.

Смирнов К. Ф. Савроматы. Ранняя история и культура сарматов. М. : Наука, 1964.

Смирнов К. Ф. О начале проникновения сарматов в Скифию // Проблемы скифской археологии. М. : Наука, 1971а. (МИА ; № 177).

Смирнов К. Ф. Ранние кочевники Южного Урала // Археология и этнография Башкирии. Т. 4. Уфа, 1971б.

Смирнов К. Ф. Сарматы Нижнего Поволжья и междуречья Дона и Волги в IV в. до н.э. – II в. н.э. (историко-археологический очерк) // СА. 1974. № 3.

Смирнов К. Ф. Сарматы на Илеке. М. : Наука, 1975.

Смирнов К. Ф. Савроматы и сарматы // Проблемы археологии Евразии и Северной Америки. М. : Наука, 1977а.

Смирнов К. Ф. Орские курганы ранних кочевников // Исследование по археологии Южного Урала. Уфа, 1977б.

Смирнов К. Ф. О мечях синдо-меотского типа // КСИА. М., 1980. Вып. 162.

Смирнов К. Ф. Богатые захоронения и некоторые вопросы социальной жизни кочевников Южного Приуралья в скифское время // Материалы по хозяйству и общественному строю племен Южного Урала. Уфа, 1981.

Смирнов К. Ф. «Амазонка» IV века до н.э. на Дону // СА. 1982. № 1.

Смирнов К. Ф. Сарматы и утверждение их политического господства в Скифии. М. : Наука, 1984.

Смирнов К. Ф., Петренко В. Г. Савроматы Поволжья и Южного Приуралья // САИ. Вып. Д1-9. М., 1963. (Археология СССР).

Сокровища сарматских вождей. Оренбург, 2008.

Спицын А. А. Обзорение некоторых губерний и областей России в археологическом отношении. Саратовская губерния // ЗРАО. Т. 8. Вып. 1, 2. СПб. 1896.

Ставиский Б. Я. Кушанская Бактрия: Проблемы истории и культуры. М. : Наука, 1977с.

Стамбульник Э. А. Новые памятники гунно-сарматского времени в Туве // Древние культуры евразийских степей. Л., 1983.

Статистическая обработка погребальных памятников Азиатской Сарматии. Вып. 1. Савроматская эпоха. М., 1994.

Статистическая обработка погребальных памятников Азиатской Сарматии. Вып. 2. Раннесарматская культура (IV–I вв. до н.э.). М., 1997.

Статистическая обработка погребальных памятников Азиатской Сарматии. Вып. 3. Среднесарматская культура. М. : Вост. лит., 2002.

Статистическая обработка погребальных памятников Азиатской Сарматии. Вып. 4. Позднесарматская культура. М. : Вост. лит., 2009.

Столяр А. Д. Раскопки курганов у хут. Попов в 1950–1951 гг. // Труды Волго-Донской археологической экспедиции. Т. 1. М. ; Л., 1958. (МИА ; № 62).

Стратановский Г. А. Страбон и его «География» // Страбон. География : в 17 кн. М. : Наука, 1964.

Субботин Л. В., Дзиговский А. Н. Сарматские древности Днестро-Дунайского междуречья. Вып. 3. Курганные могильники Васильевский и Кубей. Киев : Ин-т археологии АН УССР, 1990.

Суворова Н. А. Одонтологическая характеристика ранних кочевников Южного Приуралья по материалам могильника Покровка 10 (предварительное сообщение) // Малашев В. Ю., Яблонский Л. Т. Степное население Южного Приуралья в позднесарматское время: по материалам могильника Покровка 10. М. : Вост. лит., 2008.

Суразаков А. С. Горный Алтай и его северные предгорья в эпоху раннего железа. Проблемы хронологического и культурного разграничения. Горно-Алтайск, 1988.

Таиров А. Д. Ранний железный век // Древняя история Южного Зауралья. Челябинск, 2000.

Таиров А. Д. Кочевники Южного Зауралья и Средней Азии в конце IV – II в. до н.э. // Вестник Челябинского университета. Серия 10, Востоковедение. Евразийство. Геополитика. Челябинск, 2002.

Таиров А. Д. Изменения климата степей и лесостепей Центральной Евразии во II–I тыс. до н.э.: материалы к историческим реконструкциям. Челябинск, 2003.

Таиров А. Д. Периодизация памятников ранних кочевников Южного Зауралья 7–2 вв. до н.э. // Сарматские культуры Евразии: Проблемы региональной хронологии : докл. к V Междунар. конф. «Проблемы сарматской археологии и истории». Краснодар, 2004.

Таиров А. Д. Ранние кочевники Урало-Казахстанских степей в VII–II вв. до н.э. : автореф. дис. ... д-ра ист. наук. М., 2005.

Таиров А. Д. Этнокультурные процессы в степях Южного Урала во второй половине V – IV вв. до н.э. // РА. 2006а. № 1.

Таиров А. Д. Кочевники Восточного Туркестана и формирование раннесарматской культуры Южного Урала // ВДИ. 2006б. № 1.

Таиров А. Д. О причинах движения «скифов» на Южный Урал во второй половине VI в. до н.э. // Вестник Южно-Уральского государственного университета. № 6 (106). Серия «Социально-гуманитарные науки». Вып. 10. Челябинск, 2008.

Таиров А. Д. Южное Зауралье в раннесакское и савроматское время // Константин Федорович Смирнов и современные проблемы сарматской археологии: материалы IX Междунар. науч. конф. «Проблемы сарматской археологии и истории», посвящ. 100-летию со дня рождения Константина Федоровича Смирнова. Оренбург : Изд-во ОГПУ, 2016.

Таиров А. Д., Гаврилюк А. Г. К вопросу о формировании раннесарматской (прохоровской) культуры // Проблемы археологии Урало-Казахстанских степей : межвуз. сб. Челябинск, 1988.

Таиров А. Д., Гуцалов С. Ю. О генезисе каменных антропоморфных изваяний Арало-Каспийского региона // Материалы по археологии Волго-Донских степей. Вып. 1. Волгоград : Изд-во ВолГУ, 2001.

Таиров А. Д., Гуцалов С. Ю. Этнокультурные процессы на Южном Урале в VII–II вв. до н.э. // Археология Южного Урала. Степь (проблемы культурогенеза). Серия «Этногенез уральских народов». Челябинск, 2006.

Толстова Л. С. Исторические предания Южного Приаралья. М. : Наука, 1984.

Томсон Д. О. История древней географии. М., 1953.

Трейстер М. Ю., Яблонский Л. Т. К вопросу об абсолютной дате могильника Филипповка I // Влияние ахеменидской культуры в Южном Приуралье (V–III вв. до н.э.). Т. 1. М. : Таус, 2012.

Трибунский С. А. Позднесарматская культура урало-казахстанских степей : автореф. дис. ... канд. ист. наук. Ижевск, 2003.

Трофимова Т. А. Изображения эфталитских правителей на монетах и обычай искусственной деформации черепа у населения Средней Азии в древности // История, археология и этнография Средней Азии. М., 1968.

Туаллагов А. А. Сарматы и аланы в IV в. до н.э. – I в. н.э. Владикавказ : Изд-во СОГУ, 2001.

У Энь, Чжун Кань, Ли Цзиньцзэн. Могильник сюнну в деревне Даодуньцзы уезда Тунсинь в Нинся // История и культура Востока Азии. Новосибирск, 1990.

Федоров В. К. Рец. на кн.: Яблонский Л. Т. Прохоровка: у истоков сарматской археологии. М. : Таус, 2010. 384 с. // РА. 2011. № 4.

Федоров В. К., Васильев В. Н. Яковлевские курганы раннего железного века в Башкирском Зауралье // Уфимский археологический вестник. Уфа, 1998. Вып. 1.

Федосеев Р. Ф. Елизаветовское городище – Псоя – Танаис // Международные отношения в бассейне Черного моря в древности и средние века. Ростов н/Д, 1996.

Фирштейн Б. В. Савроматы Нижнего Поволжья (по антропологическим материалам из раскопок в низовьях р. Еруслан Сталинградской области) // Антропологический сборник. М., 1961. (ТИЭ ; т. 71).

Фирштейн Б. В. Сарматы Нижнего Поволжья в антропологическом освещении // Тот Т. А., Фирштейн Б. В. Антропологические данные к вопросу о Великом переселении народов. Авары и сарматы. М. ; Л. : Наука, 1970.

Хазанов А. М. Генезис сарматских бронзовых зеркал // СА. 1963. № 3.

Хазанов А. М. Военное дело у сарматов. М., 1971.

Хазанов А. М. Сармато-калмыцкие параллели (к вопросу о закономерностях кочевого хозяйства в однотипной экологической обстановке) // Проблемы алтаистики и монголоведения : материалы Всесоюз. конф., Элиста, 17–19 мая 1972 г. Вып. 1. Элиста, 1974.

Хазанов А. М. Социальная история скифов. Основные проблемы развития древних кочевников евразийских степей. М. : Наука, 1975.

Хазанов А. М. Кочевники евразийских степей в исторической ретроспективе // Кочевая альтернатива социальной эволюции. Серия «Цивилизационное измерение». Т. 6. М., 2002а.

Хазанов А. М. Кочевники и внешний мир. Алматы, 2002б

Халдеев В. В. Сколько было сарматов? // СА. 1987. № 3.

Храпунов И. Н. Очерки этнической истории Крыма в раннем железном века. Тавры. Скифы. Сарматы. Симферополь : Таврия, 1995.

Цюрюмов А. В. Калмыцкое ханство в составе России: проблемы политических взаимоотношений. Элиста : Джангар, 2007.

Чжун Сук-Бэ. О хронологии комплексов с кинжалами эпохи поздней бронзы из Северного Китая // Археология, палеоэкология и палеодемография Евразии. М., 2000.

Членова Н. Л. Карасукские кинжалы. М., 1976.

Шаров О. В. Центральная Азия и миграционные процессы в Европейской Сарматии на рубеже эр; возможности исторической интерпретации // Культуры степной Евразии и их взаимодействие с древними цивилизациями : материалы Междунар. науч. конф., посвящ. 110-летию со дня рождения выдающегося российского археолога Михаила Петровича Грязнова. Кн. 2. СПб., 2012.

Шахермайр Ф. Александр Македонский. М., 1984.

Шевченко Н. Ф. Степи Прикубанья и сираки в IV–III вв. до н.э. // Историко-археологический альманах. Вып. 10. Армавир ; Краснодар ; М., 2011.

Шелов Д. Б. Находки в Танаисе «мегарских» чаш // Античные древности Подонья – Приазовья. М. : Наука, 1969.

- Шелов Д. Б. Скифо-македонский конфликт в истории античного мира // Проблемы скифской археологии. М., 1971.
- Шелов Д. Б. Танаис и Нижний Дон в первые века нашей эры. М. : Наука, 1972.
- Шелов Д. Б. Некоторые вопросы этнической истории Приазовья II–III вв. н.э. по данным танаисской ономастики // ВДИ. 1974. № 1.
- Шилов В. П. Отчет о работах Астраханской экспедиции в 1958 г. // Архив ИА РАН. Р-1, № 1850. 1958.
- Шилов В. П. Калиновский курганный могильник // МИА. М., 1959. № 60.
- Шилов В. П. Отчет о работах Астраханской экспедиции за 1964 год // Архив ИА АН СССР. Р-1. № 3156. 1964.
- Шилов В. П. Позднесарматское погребение у с. Старица // Античная история и культура Средиземноморья и Причерноморья. Л. : Наука. Ленингр. отд-ние, 1968.
- Шилов В. П. К проблеме взаимоотношений кочевых племен и античных городов Северного Причерноморья в сарматскую эпоху // КСИА. М. : ИА АН СССР, 1973. Вып. 138.
- Шилов В. П. Очерки по истории древних племен Нижнего Поволжья. Л. : Наука. Ленингр. отд-ние, 1975.
- Шилов В. П. Запорожский курган (К вопросу о погребениях аорской знати) // СА. 1983а. № 1.
- Шилов В. П. Аорсы (историко-археологический очерк) // История и культура сарматов. Саратов : Изд-во СГУ, 1983б.
- Шилов В. П., Очир-Горяева М. А. Курганы скифской эпохи из могильников Аксеновский – I–II // Памятники предскифского и скифского времени на юге Восточной Европы. М., 1997. (МИАР ; № 1).
- Шнайдштейн Е. В. Предварительные итоги археологических исследований на территории Астраханско-Калмыцкой рисовой оросительной системы // Вестник Калмыцкого НИИЯЛИ. Элиста, 1974. № 10.
- Шнайдштейн Е. В. Раскопки курганов в Калмыцкой АССР // Археологические открытия 1974 года. М., 1975.
- Шовунов К. П. Очерки военной истории калмыков (XVII–XIX вв.). Элиста : Калмык. кн. изд-во, 1991.
- Щеглов Д. А. Датировка появления алан в Северном Причерноморье // Древнейшие общины земледельцев и скотоводов Северного Причерноморья (V тыс. до н.э. – V век н.э.) : материалы III Междунар. конф., Тирасполь, 5–8 ноября 2002 г. Тирасполь, 2002.
- Щеглов Д. А. «Европейские скифы» – противники Александра Великого: проблемы этнической принадлежности // Степи Евразии в древности и средневековье : материалы Междунар. науч. конф., посвящ. 100-летию со дня рождения Михаила Петровича Грязнова. Кн. 2. СПб. : Изд-во Гос. Эрмитажа, 2003.
- Щукин М. Б. Сарматы на землях к западу от Днепра и некоторые события I в. в Центральной и Восточной Европе // СА. 1989. № 1.
- Щукин М. Б. На рубеже эр. Опыт историко-археологической реконструкции политических событий III в. до н.э. – I в. н.э. в Восточной и Центральной Европе. СПб. : Фанн, 1994.
- Юсупов Р. М. Расогенетические связи Южного Приуралья и Приаралья в эпоху раннего железа // Проблемы этногенеза и этнической истории народов Средней Азии и Казахстана. Вып. 4: Антропология. М., 1991.
- Яблонский Л. Т. Модель раннего этногенеза в скифо-сакской контактной зоне // РА. 1998. № 4.
- Яблонский Л. Т. Археологическое мифотворчество и этногенетическая реальность // Комплексные общества Центральной Евразии в III–I тыс. до н.э. Региональные особенности в свете универсальных моделей : материалы Междунар. конф., 25 августа – 2 сентября 1999 г. Челябинск ; Аркаим, 1999а.

Яблонский Л. Т. Некрополи древнего Хорезма (археология и антропология могильников). М., 1999б.

Яблонский Л. Т. Антропологические аспекты формирования раннесарматской культуры // Раннесарматская культура: формирование, развитие, хронология : материалы IV Междунар. конф. «Проблемы сарматской археологии и истории». Вып. 1. Самара : Изд-во СНЦ РАН, 2000.

Яблонский Л. Т. Скифы, сарматы и другие в контексте достижений отечественной археологии XX века // РА. 2001. № 1.

Яблонский Л. Т. Миграционные процессы в восточной части Евразийских степей в начале раннего железного века // Антропология на пороге III тысячелетия. М., 2003. Т. 1.

Яблонский Л. Т. К антропологической характеристике населения Южного Приуралья позднесарматского времени (по материалам могильника Покровка 10) // Вестник антропологии. № 12. М., 2005.

Яблонский Л. Т. Этногенез кочевников Южного Приуралья в начале раннего железного века // Археология Южного Урала. Степь (проблемы культурогенеза). Челябинск, 2006.

Яблонский Л. Т. Проблема хронологии и типологизации сарматских культур на современном этапе их изучения (в свете новейших материалов из Южного Приуралья) // Региональные особенности раннесарматской культуры : материалы семинара Центра изучения истории и культуры сарматов. Вып. 2. Волгоград : Изд-во ВолГУ, 2007.

Яблонский Л. Т. Коллекция из Филипповского могильника (раскопки 2004–2007 гг.) // Сокровища сарматских вождей. Оренбург : Печатный дом «Димур», 2008а.

Яблонский Л. Т. От редактора // Ранние кочевники Волго-Уральского региона : материалы Междунар. науч. конф. «Ранние кочевники Южного Приуралья в свете новейших археологических открытий». Оренбург : Изд-во ОГПУ, 2008б.

Яблонский Л. Т. Прохоровка. У истоков сарматской археологии. М. : Таус, 2010.

Яблонский Л. Т. Погребальный обряд ранних кочевников Приуралья переходного времени и вопросы археологической периодизации памятников // Погребальный обряд ранних кочевников Авразии : материалы VII Междунар. науч. конф. «Проблемы сарматской археологии и истории (11–15 мая 2011)». Ростов н/Д ; Кагальник : Изд-во ЮНЦ РАН, 2011.

Яблонский Л. Т. Золото сарматских вождей. Элитный некрополь Филипповка I (по материалам раскопок 2004–2009 гг.). Каталог коллекций. Кн. 1. М. : ИА РАН, 2013.

Яблонский Л. Т. Экипировка раннесарматского элитного воина (по материалам Филипповских могильников) // РА. 2014. № 2.

Яблонский Л. Т. Культурно-хронологические горизонты и проблема формирования раннесавроматской культуры // Вестник ВолГУ. Серия 4, История. Регионоведение. Международные отношения. Волгоград : Изд-во ВолГУ, 2015. Вып. 5 (35).

Яблонский Л. Т. Некоторые теоретические подходы к вопросу о происхождении раннесарматской культуры // Константин Федорович Смирнов и современные проблемы сарматской археологии : материалы IX Междунар. науч. конф. «Проблемы сарматской археологии и истории», посвящ. 100-летию со дня рождения Константина Федоровича Смирнова. Оренбург : Изд-во ОГПУ, 2016.

Яблонский Л. Т., Мещеряков Д. В. Раскопки курганов раннесарматского времени у д. Прохоровка (предварительное сообщение) // КСИА. М., 2005. Вып. 219.

Яблонский Л. Т., Пежемский Д. В., Суворова Н. А. Палеоантропология населения Южного Приуралья позднесарматского времени (по материалам могиль-

ника Покровка X) // Становление и развитие позднесарматской культуры (по археологическим и естественнонаучным данным) : материалы семинара Центра изучения истории и культуры сарматов. Вып. 3. Волгоград, 2010.

Ягодин В. Н. Археологическое изучение курганных могильников Каскажол и Бернияз на Устюрте // Археология Приаралья. Вып. 1. Ташкент, 1982.

Янгулов С. Ю. Оружие из Елизаветовского могильника как фактор его этнической интерпретации // Международные отношения в бассейне Черного моря в древности и средние века. Ростов н/Д, 2003.

Яценко С. А. Аланская проблема и центральноазиатские элементы в культуре кочевников Сарматии рубежа I–II вв. н.э. // ПАВ. СПб. : Фарн, 1993а. Вып. 3.

Яценко С. А. Аланы в Восточной Европе в середине I – середине IV вв. н.э. (локализация и политическая история) // Скифы. Сарматы. Славяне. Русь. СПб., 1993б.

Яценко С. А. Германцы и аланы: о разрушениях в Приазове в 236–276 гг. н.э. // Stratum + Петербургский археологический вестник. СПб. ; Кишинев, 1997.

Яценко С. А. Особенности общественного развития сармато-аланов и их восприятие в других культурах // Кочевая альтернатива социальной эволюции. Серия «Цивилизационное измерение». М., 2002. Т. 6.

Яценко С. А. Алания как кочевая империя // Монгольская империя и кочевой мир. Кн. 3. Улан-Удэ : Изд-во БНЦ СО РАН, 2008.

Bichir Gh. Sarmatii la Dunărea de jos in lamina ultimelor cercetări // Pontika, 5. Muzeul de archaeologie Constanta, 1972.

Bichir Gh. Les Sarmates fu Bas-Danube // Dacia. XXI. 1977.

Bunker E. C., Kawami T. S., Linduff K. M., Wu En. Ancient bronzes of the Eastern Eurasian steppes from the Arthur M. Sackler Collections. New York, 1997.

Istvánovits E., Kulcsár V. Sarmatians – History and Archaeology of a Forgotten People. Verlag des Römisch-Germanischen Zentralmuseums. Mainz, 2017.

Parducz M. Denkmaler der Sarmatenzeit Ungarns. Bd. 1. Budapest, 1941.

Petrovsky R. Studien zu römischen Brozegefäßen mit Meisterstempeln // Kölner Studien zur Archaologie der Römischen Provinzen. Bd. 1, 1993.

Raev B. A. Roman Imports in the Lower Don Basin. BAR International Series 278. Oxford, 1986.

Rau P. Die Hügelgräber römischer Zeit an der Unteren Wolga. Pokrowsk, 1927a.

Rau P. Prähistorische Ausgrabungen auf der Steppenseite des deutschen Wolgagebeits im Jahre 1926. Pokrowsk, 1927b.

Rau P. Die Gräber der frühen Eisenzeit im unteren Wolgagebiet. Studien zur Chronologie der skythischen Pfeilspitzen. Pokrowsk, 1929.

Skvorcov N. B., Skripkin A. S. Eine sarmatische Adelsbestattung aus dem Wolgograder Wolgagebiet // Eurasia Antiqua. Zeitschrift für Archäologie Eurasiens. Bd. 12. Mainz am Rhein, 2006.

The Golden Deer of Eurasia: Scythian and Sarmatian Treasures from the Russian Steppes. The Stat Hermitage, Saint Petersburg, and the Archaeological Museum, Ufa. The Metropolitan Museum of Art, New York, from October 12, 2000, to February 4, 2001.

ПРИНЯТЫЕ СОКРАЩЕНИЯ

АСГЭ	–	Археологический сборник Государственного Эрмитажа
БНЦ СО РАН	–	Бурятский научный центр Сибирского отделения РАН
ВА	–	Вопросы антропологии
ВДИ	–	Вестник древней истории
ВолГУ	–	Волгоградский государственный университет
ГИМ	–	Государственный Исторический музей
ДГУ	–	Днепропетровский государственный университет
ДДУ	–	Державный Днепропетровский университет
ИА РАН	–	Институт археологии РАН
ИИЯЛ УНЦ РАН	–	Институт истории, языка и литературы Уфимского научного центра РАН
ИИМК РАН	–	Институт истории материальной культуры РАН
ИВ РАН	–	Институт востоковедения РАН
ИФХиБПП РАН	–	Институт физико-химических и биологических проблем почвоведения РАН
ЗРАО	–	Записки Императорского Русского археологического общества
КГУ	–	Краснодарский государственный университет
КСИА	–	Краткие сообщения Института археологии РАН
КСИИМК	–	Краткие сообщения Института истории материальной культуры
МАР	–	Материалы по археологии России
МИА	–	Материалы и исследования по археологии
МИАР	–	Материалы и исследования по археологии России
НАВ	–	Нижеволжский археологический вестник (Волгоград)
ОГПУ	–	Оренбургский государственный педагогический университет
ОНТИ ПНЦ РАН	–	Объединенное научно-техническое издательство Пушкинского научного центра РАН
ПАВ	–	Петербургский археологический вестник
РА	–	Российская археология
РАНИОН	–	Российская ассоциация научно-исследовательских институтов общественных наук
СА	–	Советская археология
САИ	–	Свод археологических источников
СГУ	–	Саратовский государственный университет
СНЦ РАН	–	Самарский научный центр РАН
СОГУ	–	Северо-Осетинский государственный университет
СПбГУ	–	Санкт-Петербургский государственный университет
ТИЭ	–	Труды Института этнографии
ТКАЭЭ	–	Тувинская комплексная археолого-этнографическая экспедиция
ЮНЦ РАН	–	Южный научный центр РАН
ЮУрГУ	–	Южно-Уральский государственный университет

Научное издание

Скрипкин Анатолий Степанович

Сарматы

Монография

Директор издательства *В.А. Горелкин*
Главный редактор *А.В. Шестакова*
Редакторы: *Н.В. Горева, Ю.И. Неделькина*
Верстка и допечатная подготовка иллюстраций *А.А. Паниной*
Дизайн обложки *Е.А. Ковалевой*
Оформление обложки *Н.Н. Захаровой*

Подписано в печать 21.12 2017 г. Формат 60×84/8
Бумага офсетная. Гарнитура Bookman. Усл. печ. л. 32,1. Уч.-изд. л. 29,3.
Тираж 500 экз. Заказ 200. «С» 70.

Волгоградский государственный университет.
400062 Волгоград, просп. Университетский, 100.
www.volsu.ru

Отпечатано в издательстве
Волгоградского государственного университета.
400062 Волгоград, ул. Богданова, 32.
E-mail: izvolgu@volsu.ru